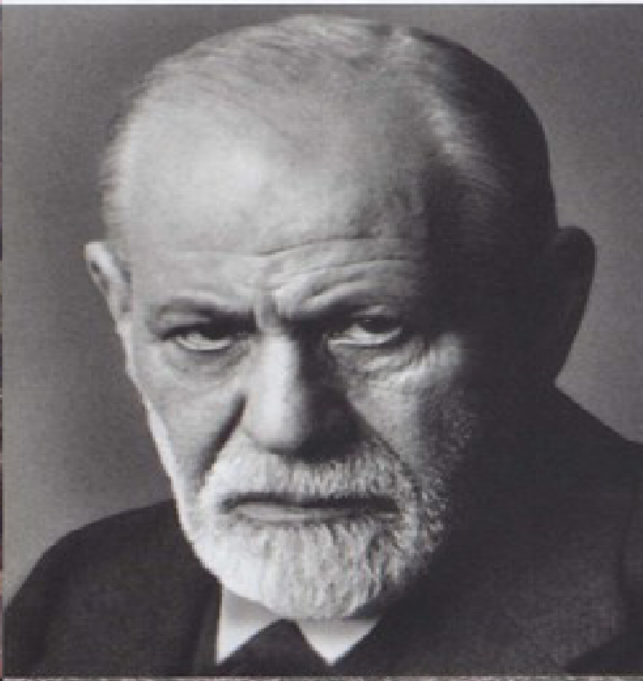
ФРЕЙД



Петр Люкимсон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге представлена научно-популярная биография Зигмунда Фрейда (1856–1939) — создателя психоанализа, оказавшего огромное влияние не только на последующее развитие психиатрии, психологии, философии, социологии и других отраслей гуманитарного знания, но и на всё мировоззрение современного человечества. Отталкиваясь от высказывания Фрейда, что главным его пациентом был он сам, Петр Люкимсон ведет его жизнеописание как «историю болезни», убедительно доказывая, что в основе теории психоанализа лежат психологические и психиатрические проблемы героя книги, порожденные его принадлежностью к еврейскому народу и особенностями жизненного пути. Обобщая и анализируя наследие Фрейда, а также многочисленные труды, посвященные его жизни и учению, автор пытается отделить сделанные им подлинно гениальные открытия в области познания человеческой природы от спекуляций и передергиваний, которые Фрейд не раз позволял себе в различных трудах.

знак информационной продукции 18+

- П. Е. Люкимсон
  - Вместо предисловия
  - РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
  - РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая

        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
        - Глава девятая
        - Глава десятая
        - Глава одиннадцатая
        - Глава двенадцатая
        - Глава тринадцатая
    - РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
        - Глава четвертая
        - Глава пятая
        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
    - Послесловие
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЗИГМУНДА ФРЕЙДА
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
    - ЛИТЕРАТУРА
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197

- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241

- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285

- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290

П. Е. Люкимсон
Фрейд: История болезни

Вместо предисловия
ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬСЯ

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ (клиническая карта) — важнейший медицинский документ, составляемый на каждого стационарного больного в лечебных, лечебно-профилактических и научно-клинических учреждениях…

Малая медицинская энциклопедия. Т. 4. М., 1966. С. 90

…Автор этой книги вынужден для начала признаться, что, решив взяться за написание биографии Зигмунда Фрейда, он совершенно не представлял подлинной сложности и масштабов этой задачи.

Мой личный интерес к учению (именно к учению, а не к личности) Зигмунда Фрейда начался в седьмом классе, в ту

самую пору, когда, сидя на уроках, я смотрел на доску куда реже, чем на коленки моих одноклассниц. И что уж совершенно точно, мысли мои в это время были сосредоточены отнюдь не на законе сохранения энергии, квадратных уравнениях и скорости химических реакций.

В те дни мне и попалась под руку небольшая книжечка, посвященная человеческим эмоциям и вышедшая в серии «Компас» — была среди книг издательства «Молодая гвардия» и такая замечательная серия, адресованная молодежи и подросткам. К сожалению, имя автора брошюры напрочь вылетело у меня из памяти, но зато я хорошо помню, что зачитал ее до дыр, так как, помимо всего прочего, там было немало страниц, посвященных «месту половой любви в жизни человека».

Надо заметить, что в 70-е годы XX века литература по данному вопросу была в СССР в таком же дефиците, как масло и мясо. Было в той книженции и несколько страниц, где в самой популярной форме рассказывалось о Зигмунде Фрейде, о «подсознании» и о том, какую огромную роль оно играет в повседневном психическом состоянии человека. Заинтересовавшись, я решил раздобыть книги «этого самого Фрейда», но тут выяснилось, что это совсем непросто, если не сказать — невозможно. По неким неведомым мне тогда причинам книг Фрейда не было не только в магазинах, но и в библиотеках, а краткие статьи о нем в различных энциклопедиях и справочниках носили исключительно критический характер. В нескольких учебниках и популярных книгах по психологии я набрел на пару-тройку страниц, посвященных его теории сексуальности и формирования различных «комплексов», но они лишь разожгли интерес, не дав ответов на многие вопросы.

Уже в университете, всерьез заинтересовавшись психологией и став членом соответствующего студенческого кружка, я, наконец, дорвался до сочинений самого Фрейда. По большей части это были издания 1920–1930-х годов, украденные неведомыми мне лицами из спецхрана, скопированные в самиздате и в таком виде ходившие по рукам. В моей домашней библиотеке до сих пор хранятся несколько таких «раритетных» самиздатовских копий.

Никогда не забуду своего первого ощущения от встречи с работами Фрейда. Это было как ожог, как откровение. Сопоставляя всё, что он говорил по поводу природы сексуальности, со своими собственными ощущениями, детскими воспоминаниями, личными наблюдениями, а также с подслушанными в разные годы разговорами взрослых, я пришел к выводу об абсолютной верности его теории и стал почти

фанатичным ее поклонником. Тогда же я понял, почему именно Фрейд пользовался такой нелюбовью советской власти. Именно после прочтения его работы «Психология масс и анализ человеческого „Я“», написанной в 1921 году, автор этой книги окончательно осознал всю ненормальность, всю ложь той тоталитарной системы, в которой мы жили, где общественное ставилось выше личного, а любовь к вождям и партии — выше любви между мужчиной и женщиной. И «Как закалялась сталь» Николая Островского, и «Сорок первый» Бориса Лавренева, и многие другие любимые с детства книги читались после этого совсем по-другому.

Начавшаяся в 1985 году эпоха «перестройки и гласности» повлекла за собой в числе прочего и то, что в стране одна за другой стали выходить книги Фрейда и о Фрейде. В 1988 году я даже регулярно посещал кружок, в котором изучались и обсуждались сочинения Фрейда. Притом что все мы в силу воспитания и образования были адептами диалектического материализма, учение Фрейда, как нам тогда казалось, не только не противоречило марксистско-ленинской философии, но и дополняло ее. Уже впоследствии выяснилось, что до разгрома фрейдизма в СССР так думали многие советские психологи и философы [1]. Среди участников того кружка были и профессиональные психологи и психиатры, решившие превратиться в доморощенных психоаналитиков. Некоторые из них даже, помнится, говорили, что в Москве открылись какие-то курсы по подготовке психоаналитиков, называли имена М. Г. Ярошевского, А. И. Белкина, В. М. Лейбина и др.

По их словам, несмотря на все гонения, традиция психоанализа в СССР никогда не прерывалась: всегда находились люди, которые им серьезно занимались, не афишируя этих своих занятий. Еще точнее: целый ряд крупных советских психологов, невропатологов, психиатров, психотерапевтов (Ф. В. Бассин, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Д. Н. Узнадзе, С. Р. Микулинский и др.) развивали в 60–80-х годах XX века теорию психоанализа, освобождая ее от ортодоксального догматизма, но эти их работы предназначались исключительно для узкого круга специалистов. Одним из центров развития психоанализа в бывшем СССР был Тбилиси, где проходили всесоюзные и международные научные конференции по психотерапии и психосоматике и где в 1978–1985 годах была выпущена четырехтомная монография «Бессознательное. Природа, функции, методы исследования».

И все же подлинное возрождение психоанализа и возвращение Фрейда в Россию и на постсоветское пространство

произошло в конце 1980-го — начале 1990-х годов, когда была создана Российская психоаналитическая ассоциация[2], стал издаваться журнал «Российский психоаналитический вестник», а в Санкт-Петербурге открылся Институт психоанализа [3].

Но так получилось, что в мировоззрении автора этой книги как раз в те годы произошел коренной перелом. Запретный плод перестал быть запретным; я, наконец, прочитал большую часть трудов Фрейда и к тому же, видимо, вошел в возраст, когда начинаешь понимать, что секс, безусловно, значит очень и очень многое в жизни человека, но вот искать объяснение всем поступкам и устремлениям исключительно в сексуальности явно нелепо.

При этом у меня, как и у многих, зародилось подозрение, что фрейдизм субъективен, что это на самом деле не наука, а «антинаука», основанная на том, что Фрейд попросту приписывал свои личные комплексы и сексуальные проблемы, а также комплексы и проблемы своих пациентов (то есть изначально не совсем здоровых людей[4]) всему человечеству[5]. Наконец, в психоанализе практически невозможно было применять те или иные методы объективного научного исследования: постановки воспроизводящихся экспериментов, их статистической обработки и т. д.

Словом, я самостоятельно дошел почти до всех возражений Ганса Юргена Айзенка против психоанализа, изложенных им в книге «Восход и падение империи Фрейда»[6]. Но одновременно я понял и то, что искать ответы на многочисленные вопросы, возникающие при чтении работ Фрейда, следует в самой его личности, в деталях биографии. Причем зачастую совсем не в тех, которые описывает он сам в таких своих вроде бы исповедальных работах, как «Толкование сновидений» (1900) и «Автобиографическое исследование» (1925).

С новой силой интерес автора этих строк к личности и учению Фрейда вспыхнул в 2009 году. В тот год, во-первых, определенные повороты моей личной биографии побудили меня вновь заняться психологией и психиатрией, а во-вторых, в ходе написания книги о пророке «Моисее», вышедшей в серии «ЖЗЛ» в 2011 году, я перечитал, в числе прочего, и книгу Фрейда «Моисей и монотеизм» (1937–1939). Согласитесь, что личность человека, который, с одной стороны, всю жизнь подчеркивал свою принадлежность к еврейскому народу, а с другой — в конце жизни задался целью лишить этот народ не только самого великого из его мужей, но и основополагающих представлений о собственной истории и религии, заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание.

Перечитывая заново большую часть трудов Зигмунда Фрейда, я пришел к выводу, что знаменитая фраза о том, что его главным пациентом всегда был он сам, на самом деле значит куда больше, чем в нее обычно принято вкладывать. Фрейд — и это, как выяснилось, поняли задолго до меня многие исследователи — и в самом деле страдал целым рядом сексуальных и психиатрических проблем, отразившихся в его повседневном поведении, мировоззрении и творчестве. А значит, не зная этих проблем, не проанализировав детали его биографии, невозможно понять ни его личность, ни того, где берут истоки основные идеи теории психоанализа. В свою очередь, без такого понимания невозможно отделить в его учении зерна от плевел, подлинно гениальные прозрения и открытия от болезненных передергиваний и подтасовок фактов. Так родилась идея написания биографии Фрейда как истории его болезни.

Автору при этом очень хотелось внести свою, пусть и небольшую лепту в изучение биографии и понимание личности и учения Фрейда, но очень скоро он понял, что сделать это практически невозможно. За последние десятилетия в России был издан огромный массив литературы, посвященной Фрейду и принадлежащей перу как зарубежных, так и отечественных авторов — начиная от крайне неудачного биографического романа Ирвинга Стоуна «Страсти ума, или Жизнь Фрейда»[7] и трехтомной биографии Эрнеста Джонса[8] до книги комиксов Ричарда Осборна «Фрейд для начинающих»[9].

С появлением Рунета этот массив расширился еще больше, а если прибавить к этому книги на иврите, английском, немецком, французском и других языках, то количество изданий получается запредельным. Выходило, что мне не остается ничего другого, как написать очередную биографию-компиляцию.

И всё же автор осмеливается предположить, что в итоге ему удалось выйти за рамки банальной компиляции и либо открыть в личности и в биографии Фрейда некие новые моменты, либо предложить новый взгляд на те из них, которые были давно известны.

В пользу этого свидетельствуют по меньшей мере три фактора.

Во-первых, авторы почти всех существующих биографий Зигмунда Фрейда и исследований его творческого наследия делятся на две основные группы. Первые, подобно английскому психоаналитику Эрнесту Джонсу, французскому литератору Роже Дадуну[10], личному врачу Фрейда Максу Шуру[11] и другим, являются «фрейдофилами», то есть убеждены в однозначной правоте психоанализа и едва ли не боготворят его создателя. Они

предпочитают обходить «острые углы» его биографии, замалчивать те или иные ее сомнительные детали, чтобы ни в коем случае «не запятнать светлый образ Учителя». Другие, вроде врача-психиатра профессора Олега Григорьевича Виленского[12] или российского физика Олега Евгеньевича Акимова[13], относятся к лагерю «фрейдофобов», отказывающих психоанализу в какой-либо научной или философской ценности, изображающие Фрейда как человека, лишенного всяческих моральных принципов и страдающего сильным психиатрическим расстройством, едва ли не шизофренией. Эти авторы, в свою очередь, как раз обращают повышенное внимание на «темные пятна» в биографии Фрейда и высказывают на их основе подчас такие фантастические гипотезы, что их самих впору подозревать в обсессии и шизофрении.

Даже те авторы, которые пытаются выстроить объективное жизнеописание Фрейда, вроде австрийского психоаналитика Фрица Виттельса[14], в итоге оказываются либо в том, либо в другом лагере. Попытку написания более или менее объективной биографии Фрейда предпринял британский биограф и писатель Пол Феррис[15], но и он, будучи по большому счету «фрейдофилом», тушуется при обсуждении ряда интимных подробностей жизни Фрейда и уходит в сторону.

Автор этой книги стремился избежать как того, так и другого подхода, не боясь коснуться глубоко личных деталей его биографии, но одновременно стараясь избежать каких-либо спекуляций по этому поводу и тем более не рисовать вместо честного, реалистичного портрета некую карикатуру на этого — как бы мы к нему ни относились — подлинно великого человека.

Второй фактор заключается в том, что Фрейд, так любивший вглядываться в подробности чужих жизней, по большому счету тщательно оберегал свою частную жизнь от вторжения посторонних глаз. Незадолго до женитьбы, именно для того, чтобы затруднить работу будущим биографам, он уничтожил почти весь свой архив и с тех пор время от времени уничтожал те или иные рукописи и личные бумаги. Он был не против публикации своих биографий, но при условии, что сам будет направлять труд биографа, как это было со Стефаном Цвейгом или Эрнестом Джонсом. В «Автобиографическом исследовании» Фрейд строго дозировал сведения о своей личной жизни, а когда в 1933 году доктор Рой Винн предложил ему написать «более сокровенную автобиографию», то Фрейд ответил следующим письмом: «Ваше желание, чтобы я написал сокровенную биографию, вряд ли исполнимо. Даже то количество автобиографических данных (эксгибиционизм), которое

потребовалось для написания „Толкования сновидений“, я нашел для себя достаточно тяжелым делом, и мне не кажется, что кто-либо узнает много из такой публикации. Лично я прошу от мира нечто большее, а именно, чтобы он оставил меня в покое и посвятил вместо этого свой интерес психоанализу».

Узнав в 1936 году, что Арнольду Цвейгу предложили стать его биографом, Фрейд в письме не только решительно запретил ему это делать, но и добавил: «Становящийся биографом обязывается лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже прикрывать свое непонимание, так как биографическая правда недоступна, а если бы и была доступна, не была бы использована. Правда — торная тропа, и люди ее не заслуживают…»[16]

Но все вышесказанное, с одной стороны, затрудняет работу биографа, а с другой — делает ее более увлекательной, побуждая его реконструировать те или иные события из жизни своего героя; реставрировать их на основе прямых и косвенных фактов, почерпнутых из разных источников, — подобно тому, как археолог из множества разбитых черепков склеивает этрусскую амфору изумительной красоты. Именно такую попытку реставрации биографии и представляет книга, которую вы сейчас держите в руках.

Наконец, третий, пожалуй, самый важный фактор заключается в определенной близости судеб автора этой книги и ее героя, несмотря на временно́е расстояние между ними. Я убежден, что невозможно понять Фрейда, не учитывая его принадлежности к еврейскому народу, не зная особенностей жизни еврейской ассимилированной, но всё же сохраняющей свою национальную самоидентификацию семьи, живущей в нееврейском окружении, не имея представления о тех специфических проблемах и душевных травмах, через которые приходится проходить детям и подросткам из таких семей, их особого мироощущения. Этот аспект, пожалуй, дает автору, принадлежащему к тому же народу, что и Фрейд, а также росшему в сходной среде, утверждать, что он понимает душевные порывы и мотивы поступков создателя психоанализа лучше, чем кто-либо другой.

Впрочем, так это или нет, пусть судит читатель.

Автор выражает огромную благодарность за помощь в написании этой книги замечательному психоаналитику и социальному работнику Елене Шпигнер.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ДИНАМИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Установленная форма И[сторий]. Б[олезни]. состоит из нескольких разделов. Первый раздел содержит паспортную часть (фамилия, имя больного и др.), данные о времени поступления и выписки, производимых операциях, о порядке госпитализации и др., а также динамический диагноз (диагноз направившего учреждения, приемного отделения, клинический при поступлении и заключительный, у умерших — патологоанатомический)…

Малая медицинская энциклопедия. Т. 4. С. 91

Глава первая
НАВЕКИ «ГАЛИЦИАНЕЦ»

Расхожая фраза о том, что все мы — родом из детства, не принадлежит Зигмунду Фрейду, но, вне сомнения, является одним из краеугольных камней его учения. Именно в этот период (даже не в первые годы, а в первые месяцы, а возможно, и дни нашего существования), согласно теории психоанализа, закладывается фундамент нашей личности. Первое наслаждение, первая боль, первое порицание, первый страх — ничто не исчезает бесследно. Будучи вроде бы забытыми, оттесненными в сферу бессознательного, все события и впечатления раннего детства вместе с прививаемыми нам культурными кодами в итоге определяют саму личность человека и весь ход его жизни.

Но если это справедливо по отношению к любому человеку, то тем более справедливо по отношению к Зигмунду Фрейду, сумевшему, в отличие от большинства, сохранить (или верившему, что сумел сохранить) самые ранние воспоминания детства — едва ли не с первых месяцев жизни. Без обращения к раннему периоду жизни Фрейда, более того — без знакомства с его семьей (а также того, как он сам рисовал жизнь этой семьи), по большому счету невозможно понять, ни откуда берет истоки его учение, ни саму его суть. Поэтому неудивительно, что почти все биографы Фрейда всегда начинают с его родословной, тем более что на первый взгляд проследить ее совсем не сложно.

В автобиографии Фрейд пишет, что его предки жили на берегах Рейна, затем переехали на восток и оттуда уже перебрались в Вену. Но вот тут-то Фрейд впервые и лукавит. Вольно или невольно — это важный, но уже другой вопрос. Фрейд лукавит — и это главное, так как никаких документов, подтверждающих, что его предки жили на берегах Рейна, нет. Однако для Зигмунда Фрейда эта фраза, видимо, имела принципиальное значение. Евреи Германии и Франции, первыми из своих соплеменников причастившиеся к европейской культуре и попытавшиеся стать ее частью, вплоть до Второй мировой войны крайне недоброжелательно относились к евреям Чехии, Польши, России, Украины, Бессарабии, презрительно называя их «ост-юден» — восточные евреи. Фрейду явно не хотелось числиться среди «ост-юден» — вот он и придумал версию о предках с Рейна, и не исключено, что сам же в нее и поверил.

Но ирония судьбы заключается в том, что согласно всем документам корни семьи Фрейда уходят в Восточную Европу. И

не просто в Восточную Европу, а в Галицию, то есть в то огромное территориальное пространство, которое на протяжении столетий переходило из рук в руки, а ныне включает в себя Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области Украины. Почти с тем же презрением, с каким евреи Берлина, Парижа и Вены относились к «ост-юден», все остальные «ост-юден» относились к евреям из Галиции — галицийцам, или, как они сами их называли, «галицианцам».

От них старались держаться подальше. Про них сочиняли анекдоты. Даже их диалект идиш[17] служил поводом для насмешек. Само слово «галицианец» стало синонимом мужлана, невежды, недотепы, нищего попрошайки. Фраза «По происхождению он — галицианец» обычно сопровождалась у евреев присловьем «не про нас будь сказано».

Само собой, галицийцы платили своим братьям-евреям из других мест той же монетой. Разумеется, как и большинство стереотипов, подобное мнение о галицийских евреях было предвзятым и несправедливым. Но тот факт, что по происхождению он был именно «галицианцем», явно тяготил Фрейда. Отсюда, от неприятия самого места происхождения своей семьи, берет начало вечный бег Фрейда от самого себя. Бег, который в итоге всегда оказывался бегом по кругу, превратил его в невротика и… привел к рождению теории психоанализа.

Даже в конце жизни, несмотря на все сознательные попытки перебороть в себе это отношение к соплеменникам и землякам, Фрейд всё еще комплексовал по этому поводу. «Я всегда сохранял верность своему народу и никогда не притворялся не тем, что я есть: евреем из Моравии, родители которого родом из Австрийской Галиции», — говорил он в одном из интервью 1935 года. Но Пол Феррис совершенно прав, когда пишет, что главным в этой фразе является совершенно ненужное слово «Австрийская» — ведь Галиция и так была одной из провинций Австро-Венгрии. «Но это слово, — замечает Феррис, — делало Галицию как бы ближе и цивилизованнее»[18].

Отметим, что речь идет о комплексе, чрезвычайно характерном для ассимилированных евреев вообще, где бы они ни жили. Еврейское происхождение тяготит их настолько, что они если и не отказываются от него, то всячески подчеркивают свою если не кровную, то духовную связь с европейской, русской, американской культурами и т. д. Так, один современный российский литератор, обладающий типичной еврейской фамилией, на своем сайте подчеркнул, что его фамилия имеет «немецко-еврейское происхождение». Понятно, что акцент в этом словосочетании делается на слово «немецкое».

Отец создателя психоанализа Кальман Якоб Фрейд родился в 1815 году в галицийском местечке Тысменица. К сожалению, нам почти ничего не известно о его детстве и юности, но из книг и писем Фрейда явственно следует, что это был одаренный и по понятиям своей среды образованный человек. Вне сомнения, Кальман Якоб получил традиционное еврейское образование, то есть учился сначала в хедере[19], а потом в ешиве[20] — это следует хотя бы из того, что он читал Танах[21] и Талмуд[22] в подлиннике и без труда делал записи на иврите. Не исключено, что Кальман Якоб даже прикоснулся к каббале[23], то есть к сокровенным тайнам еврейской мистики и спустя много лет поведал кое-какие из этих тайн сыну — это косвенно ощущается не в мировоззрении, а в мироощущении Фрейда; в тех суевериях, которые тот, будучи на словах убежденным атеистом, пронес через всю жизнь.

Повторю, мы почти не располагаем какими-либо сведениями о раннем периоде жизни Кальмана Якоба Фрейда. Но тот образ, который возникает из воспоминаний его сына, наводит на мысль, что в юности отец Фрейда был не чужд честолюбия, возможно, мечтал стать выдающимся раввином[24]. Но в итоге то ли жизненные обстоятельства, то ли недостаток способностей вынудили его прекратить учебу в ешиве, и тогда всё свое нерастраченное честолюбие Якоб обратил на сыновей. Он мечтал о том, чтобы они тем или иным образом прославили его имя. Сначала в этих мечтах сыновья представали перед ним великими знатоками Торы и Талмуда, затем, по мере постепенного отдаления (но именно отдаления, а не окончательного разрыва) от религиозного образа жизни, он стал грезить их успехами в других областях — бизнесе, политике, адвокатуре, науке…

Фамилия Фрейд (в оригинальном произношении Фройд), означающая и на немецком, и на идиш — «радость», «веселье», очевидно, была взята еще отцом Кальмана Якоба после того, как указом от 7 мая 1789 года австрийским евреям было предписано выбрать себе немецкие фамилии. Но вот что именно послужило основанием для этой фамилии — веселый нрав деда Зигмунда Фрейда или имя его прабабки Фриды, тоже остается загадкой.

В 1832 году, согласно все тем же архивным документам, Кальман Якоб Фрейд женился на своей землячке Салли Каннер, которая подарила ему одного за другим двух сыновей — Эммануила и Филиппа. Все остальные дети Салли Фрейд, очевидно, умерли еще в младенчестве.

Основным занятием Кальмана Якоба Фрейда, судя по всему, была торговля. Точнее — помощь в этой торговле своему энергичному и предприимчивому деду со стороны матери

Аврааму Зискинду Гофману. В поисках поставщиков и покупателей Гофман вместе с внуком колесил по всей Галиции и в конце концов решил сделать своим перевалочным пунктом уютный моравский городок Фрейберг (ныне Пршибор в Чехии). Население Фрейберга составляло тогда порядка пяти тысяч человек. Евреев в нем было около полутора сотен, и получить здесь право на жительство было для них совсем непросто.

В «Регистрационном списке иноземных евреев, останавливающихся во Фрейберге, и причинах их пребывания там» сохранилась запись от 14 апреля 1844 года, в которой Авраам Зискинд Гофман довольно подробно объясняет, чем именно он занимается во Фрейберге: «Я приезжаю в эти места по своим делам на несколько месяцев в году в течение сорока лет. Вначале я чередовался со своим компаньоном Саломо Бривицем, но вот уже шесть лет моим компаньоном является мой зять Соломон Фрейд, которого часто представляет его сын Кальман Якоб Фрейд. Обычно наше пребывание здесь длится по пять-шесть месяцев, в течение которых мы совершаем частые поездки по различным районам края. В этот раз я приехал сюда после того, как пять недель назад отсюда уехал».

Из последующего текста следует, что Гофман намеревается остаться во Фрейберге до конца праздника Песах (Пасхи), а затем в городе снова должен был появиться его внук; что он занимается торговлей шерстью, пенькой, салом, медом, пушниной и тканями; что ночует на постоялом дворе, а дела ведет в специально снятой для этого комнате в доме вдовы Терезии Богаж.

24 июня 1844 года Авраам Зискинд Гофман обращается в магистрат Фрейберга с просьбой разрешить ему и его внуку и компаньону Кальману Якобу Фрейду постоянно проживать во Фрейберге.

Спустя две недели, 7 июля 1844 года, текстильная корпорация города направляет в магистрат письмо с поддержкой этой просьбы: «Зискинд Гофман, равно как и его внук Кальман Фрейд известны нам как честные и добропорядочные коммерсанты, которые закупают текстиль, производимый нашими местными мастерами здесь же, во Фрейберге, его аппретируют и отправляют для продажи в Галицию, откуда, в свою очередь, везут другие товары для продажи у нас… Пребывание этих коммерсантов приносит местной торговле большую выгоду, вследствие этого считаем своим долгом высказаться в пользу выдачи разрешения Зискинду Гофману и Кальману Фрейду».

И всё же право на постоянное жительство во Фрейберге Кальман Якоб Фрейд получает только в 1852 году. Он перебирается в этот город вместе с сыновьями Эммануилом

(который к тому времени уже был женат) и Филиппом, а также с женой… Ривкой, что позволяет предположить, что первая жена Кальмана Якоба Салли скончалась за некоторое время до того. Но в том же 1852 году Кальман Якоб Фрейд уже значится в реестре жителей Фрейберга как вдовец — видимо, Ривка умерла вскоре после переезда, возможно, в родах.

На дворе между тем стояло время великих потрясений в Европе вообще и в Австро-Венгрии в частности. Ветры эмансипации и просвещения добрались до Галиции еще в начале XIX века и на первом этапе проявились в том, что галицийские евреи наряду с религиозным стали давать своим детям и светское образование.

Эти дети, в свою очередь, всё дальше и дальше отходили от веры и образа жизни предков, становясь врачами, учителями, адвокатами — словом, местной интеллигенцией. Революцию 1848–1849 годов они использовали для требования равноправия с остальным населением Австрийской империи, и это требование в итоге было услышано. А получив долгожданное равноправие (точнее, его видимость), еврейские купцы и новая еврейская интеллигенция устремились в столицу — Вену.

«Вена поглощала наиболее живые силы провинции. До 1848 года в Вене легально жило не больше 5000 евреев, в 1869 году число их возросло до 40 000, а в 1880 году до 73 000 душ»[25], — пишет историк Семен Маркович Дубнов.

Разумеется, на этих новых жителей столицы урожденные венцы смотрели приблизительно так, как коренные москвичи смотрели в 1960-х годах на приезжающих в город лимитчиков. Или как уже дети и внуки этих самых лимитчиков смотрели в 2000-х годах на наводнивших столицу России выходцев из Средней Азии.

Эти ветры перемен не могли не затронуть и жизнь Кальмана Якоба Фрейда. Он сменил традиционный галицийский лапсердак на современный костюм. Он живо интересовался всем происходящим в мире и склонялся на сторону тех, кто считал, что еврейскую веру следует совместить со знанием различных светских наук и подражанием немцам в «цивилизованном образе жизни».

Во всяком случае, именно о таком направлении его мыслей свидетельствует тот факт, что 1 ноября 1848 года Кальман Якоб Фрейд купил чрезвычайно дорогое издание Танаха с параллельным переводом на немецкий и комментариями раввина-реформиста[26] Людвига Филиппсона. Целью этих комментариев и сопровождающих их иллюстраций было познакомить читателей с описываемыми в Библии событиями с

учетом исследований историков и археологов.

Эти же ветры в итоге занесли Кальмана Якоба в 1855 году в Вену, где дела привели его в дом семейства Натансон. Здесь он познакомился с очаровательной дочерью хозяев по имени Малка, но уже называвшей себя на немецко-австрийский манер Амалией. Как и Якоб, Натансоны были родом из Галиции, из Бродов, но прежде, чем обосноваться в Вене, успели пожить в Одессе.

То, что сорокалетний вдовец из захолустного Фрейберга влюбился в очаровательную девятнадцатилетнюю девушку из «самой столицы», вполне можно понять. Но вот что заставило юную Амалию-Малку согласиться на его предложение руки и сердца, уже навсегда останется загадкой. Вряд ли это был брак по расчету. Кальман Якоб Фрейд, конечно, был коммерсантом, но коммерсантом средней руки, и более состоятельным Натансонам должен был казаться бедняком. Так что, вероятнее всего, Якоб, будучи внешне довольно привлекательным мужчиной, сумел увлечь сердце девушки своими «учеными речами» и «современными манерами». Нужно было для этого, судя по всему, немного: по воспоминаниям детей Фрейда, в их бабке было «мало изящества и совсем не было манер». До конца жизни она так и не смогла толком выучить немецкий, говорила на нем с сильным галицийским акцентом, то и дело допуская смешные ошибки, а потому предпочитала общаться на идиш.

Эта деталь, почему-то упорно игнорируемая многими биографами Фрейда, вроде бы должна положить конец спорам о том, знал ли Фрейд идиш. Безусловно, знал, так как это был разговорный язык его семьи! И это, как мы убедимся ниже, сыграло определенную роль в становлении личности. Писатель Сергей Подражанский (кстати, галицийский еврей) как-то заметил, что одна из духовных трагедий евреев Европы заключается в том, что на протяжении последних двухсот лет в их семьях практически не было трех поколений подряд, которые считали бы для себя родным один и тот же язык. Но ведь язык является важнейшим способом выражения внутреннего мира человека. Если между ребенком и родителями нет полного языкового понимания, то это неизбежно становится причиной множества проблем и конфликтов. Эти конфликты нередко ведут к невротическим комплексам, а порой и к душевным болезням. Таким образом, «языковой фактор» наряду с другими, безусловно, сыграл немалую роль в формировании фрейдовского невроза, о чем и будет рассказано дальше.

В июле 1855 года Кальман Якоб Фрейд сочетался в главной синагоге Вены законным браком с Амалией-Малкой Натансон, после чего молодожены уехали во Фрейберг, где невестка

Кальмана Якоба, жена его старшего сына Эммануила, уже ждала первенца. Кальман Якоб вместе с женой, бывшей по возрасту младше его сыновей, снял небольшую комнату над своим магазинчиком в доме 117 на Шлоссергассе — Слесарной улице, получившей свое название за множество расположенных на ней слесарных и кузнечных мастерских. Одна из таких мастерских, принадлежавшая семье Зайиц, была расположена по соседству с магазином Кальмана Якоба.

В этой комнатушке 6 мая 1856 года, или 1 ияра 5616 года по еврейскому календарю, Амалия родила своего первенца. Ребенок появился на свет «в рубашке» — его шейка была обмотана пуповиной, что испокон веков считалось знаком того, что младенцу уготовано некое особое — счастливое, а возможно, и великое — будущее.

В тот же день Кальман Якоб Фрейд сделал пометку об этом в семейной Библии. Еще через восемь дней в ней появилась новая запись — о том, что, как и предписывает еврейский закон, новорожденному было сделано обрезание и он вошел в союз Авраама, Исаака и Иакова. Якоб назвал сына Шломо (Соломоном) — в честь своего отца, умершего за несколько месяцев до этого. Амалия прибавила к этому имени еще одно — Сигизмунд.

Нужно заметить, что одно это уже говорит о матери Фрейда не только как о не очень образованной, но и как о не очень умной женщине. Именно Сигизмундом звали обычно героя ходивших в то время по Австро-Венгрии антисемитских анекдотов, и само это имя поневоле превратилось в объект насмешек. Фрейд терпеть не мог, когда кто-то вспоминал об этом его имени. Он морщился при самом его звучании и всегда представлялся как Зигмунд. Однако при этом он оставался для матери «мейне голдене Сиги» — «мой золотой Сиги», то есть Сигизмунд.

В 17 лет Фрейд официально сменил имя Сигизмунд на Зигмунд, но он, безусловно, о своем первом имени не забывал. Время от времени оно всплывало откуда-то из глубин подсознания, и тогда в его мозгу явственно звучал чей-то противный, кривляющийся голос: «А ты все-таки Сигизмунд! Сигизмунд! Сигизмунд!» — и он начинал с опаской ждать, что кто-то окликнет его этим именем на улице.

Так уже в первые дни жизни своего «золотого Сиги» Амалия невольно заложила первый камешек в фундамент той самоненависти, которая будет преследовать ее сына всю жизнь и от которой он тщетно будет пытаться исцелиться. А заодно — и в амбивалентное отношение сына к ней самой. На уровне сознания Фрейд, безусловно, любил мать, но в его бессознательном,

видимо, всегда пряталась неприязнь к ней, невозможность простить ее за данное ему ненавистное имя. Сама смена Фрейдом этого имени была, в числе прочего, и первым его бунтом против материнского диктата.

* * *

Как показывает дарственная запись, сделанная Кальманом Якобом на семейной Библии в честь 35-летия Зигмунда, он нарек сына Соломоном (Шломо) отнюдь не только в честь покойного отца — это имя явно значило для него куда больше.

Вероятнее всего, Кальман Якоб Фрейд в какой-то степени ассоциировал себя с библейским царем Давидом. Поняв, что возлагавшиеся им на старших сыновей надежды оказались тщетными, Кальман Якоб усмотрел в своей женитьбе на юной Амалии Натансон некую аналогию между браком царя Давида с Вирсавией. (Это невольно наводит и другую мысль: что семья Натансон вынуждена была согласиться на этот брак, так как многоопытный Кальман Якоб попросту соблазнил их дочь и лишил ее невинности.) Как известно, согласно Библии, подлинного наследника царя Давида — Соломона, прославившегося своей мудростью, родила именно Вирсавия, и Кальман Якоб Фрейд стал связывать свои самые честолюбивые помыслы с сыном от своей юной, годящейся ему в дочери жены. Этот мальчик должен был прославиться сам и — через себя — прославить имя отца. Во всяком случае, как пишет Макс Шур, Кальман Якоб Фрейд, конечно же, мечтал, чтобы его младший сын стал «человеком Книги», искателем истины[27] — и это его желание в конечном счете исполнилось.

В таком духе — то явно, то исподволь внушая ему мысль о его великом предназначении, — Кальман Якоб Фрейд и воспитывал сына. В той дарственной надписи, к которой мы еще не раз вернемся, он напрямую связывает судьбу своего Зигмунда-Соломона с его библейской тезкой: подобно тому как Всевышний открыл юному царю Соломону тайники мудрости, Он откроет величайшие тайны мироздания и его сыну.

Судьба Зигмунда Фрейда стала, таким образом, воплощением мечты его отца Кальмана Якоба — счастье, которое, согласитесь, дано вкусить немногим.

Глава вторая
СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Первые детские воспоминания Фрейда связаны с крохотной комнаткой над слесарной мастерской Зайица, где проходила вся жизнь семьи. Здесь мать кормила его грудью, здесь Кальман Якоб и Амалия укладывались спать рядом с его колыбелью. Здесь Амалия, спустя восемь месяцев после рождения первенца, снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын — Юлиус.

К рождению Юлиуса, по утверждению Фрейда, относятся и его первые сознательные воспоминания. Он якобы помнил, как ревновал мать к брату и желал, чтобы тот куда-нибудь исчез. Когда же спустя полгода Юлиус умер, его смерть вызвала у Шломо Сигизмунда глубокое раскаяние, не раз напоминавшее о себе в его снах. Вместе с тем рождение Юлиуса с точки зрения психоанализа, вне сомнения, усилило безсознательный конфликт Фрейда с матерью — уж слишком рано появился на свет этот ребенок после рождения самого Шломо Сигизмунда-Зигмунда.

Позже Фрейд неоднократно будет утверждать, что это ревность к младшим братьям и сестрам, доходящая до пожелания им смерти (без полного осознания, что такое смерть); претензия на монополию родительской любви свойственна практически всем детям младшего дошкольного возраста. Это было верное наблюдение, нашедшее затем подтверждение во многих исследованиях детских психологов. Беда в том, что у Фрейда, видимо, эта ревность затянулась на долгие годы, едва ли не до окончания университета. Время от времени он словно проверял родителей на любовь, требуя от них всё больших жертв в ущерб интересам младших сестер и брата.

Еще до смерти Юлиуса Амалия снова забеременела, ей стало тяжело присматривать за «золотым Сиги», и Кальман Якоб нанял для него няньку. Сначала это была еврейка Рези (Рейзл), а затем чешка Моника Зайиц, судя по всему, родственница слесаря Зайица. Обычно, опираясь на воспоминания Фрейда, ее рисуют старой и некрасивой женщиной, однако на самом деле в период, когда Моника нянчила Сиги, ей еще не было сорока, то есть старой она точно не была.

По словам всех биографов Фрейда, основанных на его собственных воспоминаниях, будучи страстной католичкой, Моника таскала своего воспитанника по костелам и высиживала с ним часы на проповедях, так что, возвращаясь домой, Сиги,

которому тогда было чуть больше двух лет, подробно пересказывал матери их содержание. Всё это выглядит странно, так как посещение церкви или костела считается у евреев крайне нежелательным. Исходя из этого, многие исследователи жизни Фрейда и делают вывод, что Амалия и Кальман Якоб были весьма либеральны в своих взглядах, то есть достаточно далеко отошли от следования заповедям иудаизма. Однако так ли это было на самом деле, сказать сложно. И уж тем более из того факта, что няня брала с собой в костел ребенка, не следует делать вывод о «либеральности» родителей Фрейда в вопросах веры. Вполне возможно, они выговаривали за это няне, но ребенок просто не слышал таких выговоров.

Другим источником знаний мальчика о религии стала та самая Библия Филиппсона, которую Якоб приобрел в 1848 году. Сиги мог часами листать эту книгу, рассматривая ее картинки, из которых наибольшее впечатление на него произвели гравюры с изображением египетских богов с птичьими головами. Можно предположить, что в свободное время Кальман Якоб подсаживался к сыну и объяснял ему, что изображено на картинке, а может, и пересказывал стоящую за ней библейскую историю. Не исключено, что именно по этой Библии Зигмунд Фрейд и научился читать.

Впрочем, вопрос о том, в каком возрасте и на каком языке основатель психоанализа научился читать, тоже остается загадкой. Фрейд об этом почему-то нигде не говорит, но еврейская традиция, как известно, предписывает, чтобы ребенок уже в три года умел бегло читать на иврите (или, как тогда говорили, на древнееврейском) — чтобы молиться и приступить к изучению Пятикнижия. Кальман Якоб Фрейд, как уже было сказано, хорошо знал иврит и свободно читал на этом языке. Знал его и Зигмунд Фрейд, о чем однозначно свидетельствуют и некоторые фразы из его сочинений, и тот факт, что отец делал ему надписи на подарках именно на иврите. При этом обычно считается, что Фрейд познакомился с ивритом лишь в начальной еврейской школе, а сам он обходит этот вопрос молчанием.

Но именно это молчание как раз красноречиво свидетельствует, что Кальман Якоб Фрейд, вероятнее всего, всё же выполнил завет предков. По Библии с комментариями Филиппсона, которая, напомним, содержала оригинальный текст Танаха с параллельным переводом на немецкий, отец, по меньшей мере, познакомил Зигмунда с еврейским алфавитом.

Сам Фрейд в дополненной в 1935 году автобиографии признаётся: «Как я понял позже, моя глубокая увлеченность Библией (почти с тех самых пор, как я овладел искусством

чтения) оказала серьезное влияние на направленность моих интересов».

Вообще, если рассматривать фрейбергский период жизни Зигмунда Фрейда через розовые очки, то картина предстает идиллической. У него была счастливая семья. Отец любил мать, та вроде бы отвечала ему взаимностью, и оба они обожали своего первенца, заласкивали его, старались уделить ему как можно больше внимания. С неменьшим обожанием к малышу относилась и его няня Моника, начавшая уже в два года внушать своему воспитаннику, что он обладает выдающимися талантами и, когда вырастет, станет великим человеком. Маленький Сиги был и любимцем соседской семьи Зайиц, они восхищались его изобретательностью в создании игрушек из стружек и других отходов слесарного производства.

Каждый день Сиги был наполнен впечатлениями от общения с этими любящими его взрослыми или играми во дворе с племянниками, детьми старшего брата Эммануила, которые были его сверстниками. Так стоит ли удивляться тому, что Фрейберг стал для Фрейда своего рода «потерянным раем», городом, в котором он любил проводить летние каникулы и который непрестанно тянул его к себе — особенно в те периоды жизни, когда Вена казалась ему особенно враждебной и ненавистной?!

Когда в 1931 году мэрия Пршибора решила открыть мемориальную доску на доме, в котором родился Зигмунд Фрейд, растроганный виновник этого торжества направил мэру письмо, в котором искренне признаётся: «Глубоко во мне всё еще живет счастливый ребенок из Фрейберга, первенец молодой матери, получивший свои первые неизгладимые впечатления от земли и воздуха тех мест». И затем спустя несколько лет роняет в воспоминаниях: «Ностальгия по прекрасным лесам моей страны… никогда не покидала меня».

Однако за этой внешней идиллией скрывались те самые семейные тайны, на которые Фрейд не раз намекает, а порой и открыто говорит в самых различных сочинениях. Невольная сопричастность к этим тайнам сделала маленького и смышленого Сиги не по возрасту просвещенным в вопросах секса и, безусловно, заложила первые краеугольные камни в его теорию детской сексуальности.

Так как Сиги обретался в одной маленькой комнатке с родителями, то он по меньшей мере теоретически должен был хотя бы раз стать свидетелем полового акта между родителями. Во всяком случае, большинство биографов сходятся во мнении, что, когда Фрейд утверждает, что его пациент Сергей Панкеев (он же «волчий человек») в возрасте полутора лет видел, как его

родители занимались любовью, причем женщина была в коленно-локтевой позе, а мужчина стоял позади нее на коленях, он говорит отнюдь не о Панкееве, а о себе самом. Возможно, Фрейду доводилось наблюдать коитус родителей неоднократно, и к чувству любви к отцу после этого невольно не могло не примешаться чувство враждебности (как показывают исследования психологов, дети, ставшие свидетелями половых актов, почти всегда воспринимают их как насилие и даже попытку убийства мужчиной женщины). А заодно — и желание попробовать проделать с матерью то же, что и отец, и ревность к последнему — словом, всю ту гамму чувств, которая потом ляжет в определение «эдипова комплекса».

Когда Фрейд в своей работе «О психоанализе» писал, что «… отношение ребенка к своим родителям далеко не свободно от элементов сексуального возбуждения», что «…ребенок рассматривает своих родителей, особенно одного из них как объект своих эротических желаний»[28], он, без сомнения, суммировал свой личный жизненный опыт.

Кроме того, Фрейд часто говорил о том, что немалую роль в его сексуальном просвещении сыграла его «старая няня» Моника Зайиц. Он называл ее своей «первой возбудительницей», первым «наставником в вопросах секса», но никогда подробно не рассказывал, что́ именно следует под этим понимать. Мы можем только догадываться, идет ли речь о том «поглаживании гениталий», «с помощью которого недобросовестные няньки укачивают детей» (и о котором Фрейд упоминает в «Очерках по психологии сексуальности»), или о чем-то большем, — скажем о том, что, будучи незамужней, Моника Зайиц использовала ребенка для каких-то сексуальных забав.

А может, Моника просто не стеснялась обнажаться перед ним или брала его с собой в баню, как это принято у многих народов, считающих, что ребенок до пяти лет всё равно ничего не смыслит в подобных вопросах?

Или всё дело, как предполагают некоторые исследователи, заключалось в том, что в период третьей беременности Амалия отказала мужу в близости? Тогда Кальман Якоб якобы на какое-то время сошелся с Моникой, и маленький Сиги вновь стал свидетелем интимной близости — на этот раз между отцом и нянькой…

Во всяком случае, вскоре после рождения сестры Амалия Фрейд обвинила Монику в краже и дала ей расчет, но непонятно, идет ли речь о краже какой-то ценной вещи или доверия.

Наконец, существует еще одна неясность в жизни семьи Фрейдов этого периода: характер взаимоотношений Амалии с

одним из старших сыновей Кальмана Якоба, своим сверстником Филиппом. Кальман Якоб часто отлучался из дома по торговым делам, и, видимо, по городку поползли слухи, что Амалия находится в любовной связи с пасынком.

Зигмунду в период появления этих слухов было два с половиной — три года. Вероятно, взрослые обсуждали эти сплетни при нем, явно не беря в расчет, что речь идет о ребенке, понимающем смысл этих разговоров куда больше, чем они могли предположить. Нет никакого сомнения, что они больно ранили Фрейда и даже на какое-то время породили в нем враждебное и презрительное отношение к матери, а также антипатию к старшему брату Филиппу, которую он пронес почти через всю жизнь.

Не исключено, что маленький Сигизмунд подозревал правдивость этих слухов. Возможно, у него даже были тому какие-то доказательства. Чтобы понять это, достаточно вспомнить знаменитый пересказ Фрейдом одного своего детского сна, в котором он увидел, как мать несут на руках и укладывают в кровать двое мужчин с птичьими головами.

Сам Фрейд истолковал этот сон, как страх перед смертью матери, которая тогда как раз приходила в себя после тяжелых родов. Но так ли это? Да, непосредственным толчком для этого сна, вне сомнения, стали рисунки египетских богов из Библии Филиппсона. Но так и напрашивается толкование, что двое мужчин, несущих Амалию на руках и укладывающих ее на кровать, — это отец Фрейда Кальман Якоб и брат Филипп; их птичьи клювы — метафоры фаллосов, то есть намек на то, что они оба вступали в интимную связь с Амалией.

На эти же мысли наводит и знаменитое воспоминание Фрейда о своем детстве, которое он приводит в книге «Психопатология обыденной жизни» (1901) в главе «О воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием».

«Я на 43-м году моей жизни начал уделять внимание остаткам воспоминаний моего детства, — писал Фрейд, — которые давно уже (мне казалось — с самых ранних лет) от времени до времени приходили мне в голову и которые надо было отнести, на основании вполне достаточных признаков, к исходу третьего года моей жизни. Мне виделось, как я стою, плача, и требую чего-то перед ящиком, дверцу которого держал открытой мой старший (на 20 лет) сводный брат; затем вдруг вошла в комнату моя мать, красивая, стройная, как бы возвращаясь с улицы.

Этими словами я выразил виденную мной пластическую

сцену, о которой я больше ничего не мог бы сказать. Собирался ли брат открыть или закрыть ящик (когда я в первый раз сформулировал это воспоминание, я употребил слово „шкаф“), почему я при этом плакал, какое отношение имел к этому делу приход матери, — всё это было для меня темно; я склонен был объяснять эту сцену тем, что старший брат чем-нибудь дразнил меня, и это было прервано приходом матери.

Такие недоразумения в сохранившейся в памяти сцене из детства нередки: помнишь ситуацию, но в ней нет надлежащего центра: не знаешь, на какой из ее элементов должно пасть психическое ударение. Аналитический разбор вскрыл передо мной совершенно неожиданный смысл картины. Я не находил матери, ощутил подозрение, что она заперта в этом ящике или шкафу, и потому потребовал от брата, чтобы он открыл его. Когда он это сделал и я убедился, что матери в ящике нет, я начал кричать; это тот момент, который закреплен в воспоминании и за которым последовало успокоившее мою тревогу или тоску появление матери. Но каким образом пришла ребенку мысль искать мать в ящике? Снившиеся мне в то же время сны смутно напоминали мне о няньке, о которой у меня сохранились еще и другие воспоминания, о том, например, как она неукоснительно требовала, чтобы я отдавал ей мелкие деньги, которые я получал в подарок — деталь, которая в свою очередь может претендовать на роль воспоминания, „прикрывающего“ нечто позднейшее. Я решил облегчить себе на этот раз задачу истолкования и расспросил мою мать — теперь уже старуху — об этой няньке. Я узнал многое, в том числе, что она, умная, но нечестная особа, во время родов моей матери совершила у нас в доме большие покражи и по настоянию моего брата была предана суду. Это указание выяснило мне сразу, словно каким-то озарением, смысл рассказанной выше сцены. Внезапное исчезновение няньки не было для меня безразличным; я обратился как раз к этому брату с вопросом о том, где она, вероятно, заметив, что в ее исчезновении он сыграл какую-то роль; он ответил мне уклончиво, играя словами, как он это любит делать и сейчас, „ее заперли в ящик“. Ответ этот я понял по-детски, буквально… Когда немного времени спустя я хватился матери и ее не было, я заподозрил брата в том, что он сделал с ней то же самое, и заставил его открыть мне ящик. Я понимаю теперь, почему в передаче этого зрительного воспоминания детства подчеркнута худоба матери: мне должен был броситься в глаза ее вид только что выздоровевшего человека. Я на 2,5 года старше родившейся тогда сестры, а когда я достиг трехлетнего возраста, прекратилась наша совместная жизнь со сводным братом»[29].

Вчитываясь в эти строки, невольно задумываешься: идет ли в данном случае речь о воспоминании реального события или же о приснившемся маленькому Фрейду сне? Но согласно толкованию самого Фрейда, шкаф во сне — это символ женщины, а его ящик (который старший брат держит в этом то ли сне, то ли воспоминании открытым), соответственно, символ влагалища. То есть речь опять-таки идет о метафоре возможной любовной связи между присутствующими в этом описании матерью и братом. Вдобавок ко всему, шкаф всегда являлся символом, олицетворением некой тайны, тщательно оберегаемой от посторонних (вспомним расхожее выражение «скелет в шкафу»). И наконец, почему Фрейд в конце говорит о своей новорожденной сестре и о том, что вскоре после этого прекратилась «наша совместная жизнь со сводным братом»? Не является ли эта фраза намеком на то, что сестра Анна была рождена не от отца, а от брата?

«Защитники этой идеи (любовной связи между Амелией и Филиппом. — *П. Л.)* не особо кричат о ней, но и не замолкают, — пишет Пол Феррис. — Поскольку у Якоба было две (или три) жены и дети от обеих, разница между которыми составляла больше двадцати лет, Фрейда в детстве могли смущать семейные отношения. Однажды он сказал, что считает, будто его сводный брат имеет отношение к рождению сестры, которая появилась на свет в декабре 1858 года»[30].

Таким образом, мысль о том, правду ли говорили о матери и брате злые языки, вне сомнения, мучила Фрейда, причем не только в раннем детстве, но и в последующие годы.

Об этих же его переживаниях и смутных подозрениях свидетельствуют и его размышления о допущенной им в «Толковании сновидений» ошибке, когда он вместо имени отца Ганнибала Гамилькара написал имя его брата — Гасдрубал. В книге «Психопатология обыденной жизни», утверждая, что наши ошибки не случайны, а являются отражением неких тайн нашего бессознательного, Фрейд так объясняет эту свою обмолвку-описку: «У моего брата есть старший сын, одного возраста со мной; так что поскольку дело шло о возрасте, ничто не нарушало моих мечтаний о том, как всё было бы иначе, если бы я был сыном не своего отца, а брата… влиянию воспоминаний о том же брате я приписываю и третью ошибку, — когда я передвинул на целое поколение мифическое злодеяние из мира греческих богов. Из числа того, в чем меня убеждал мой брат, одно осталось у меня надолго в памяти. „Что касается образа жизни, — сказал он мне, — то не забывай одного: ты принадлежишь, в сущности, не ко второму, а к третьему поколению, считая от отца“. Наш отец

женился впоследствии вторично и был, таким образом, намного старше своих детей от второго брака»[31].

Конечно, можно принять и это объяснение. Но можно усмотреть в самом этом тексте признание в том, что Фрейд постоянно страшился того, что на самом деле он является не сыном, а внуком человека, которого называл отцом.

Как бы то ни было, но все эти особенности его семьи невольно должны были привести маленького Фрейда, возможно, поначалу и не до конца осознанной, но всё же к достаточно четкой мысли о том, что сексуальные отношения являются главными, доминантными в жизни взрослых людей, определяя в конечном счете все другие стороны их бытия.

Наконец, еще одна загадка раннего детства Фрейда связана с его воспоминанием, как он вместе со своими племянниками-друзьями Джоном и Полиной играли на лугу с одуванчиками и местные мальчишки украли у Полины собранные цветы. Сам Фрейд настаивал на том, что это так называемое «покрывающее воспоминание», призванное скрыть, упрятать в глубины подсознания нечто куда менее невинное. Но что?! Не попытался ли маленький Сиги склонить племянницу поиграть во «взрослые игры» и не уговорил ли ее, по меньшей мере, показать ему свои гениталии?[32] Что именно не хотел вспоминать Зигмунд о своих фрейбергских играх с племянницей?

* * *

«В 1859 году Фрейды решили переехать. Почему — неизвестно. Одно из предположений заключается в том, что мануфактурное дело было в упадке, а чехи, составлявшие большинство населения, были недовольны евреями. Возможно (есть и такая идея), Эммануил и Филипп вложили семейные деньги в разведение южноафриканских страусов и обанкротились. Или же братья опасались, что их заберут в имперскую армию, потому что Австрия в то время участвовала в кратковременной войне с Италией. Оставив Фрейберг, Фрейды переехали в немецкий город Лейпциг»[33], — пишет Пол Феррис.

На самом деле ни один из этих мотивов переезда нельзя считать убедительным. В чешском Фрейберге действительно хватало антисемитов, но в немецком Лейпциге их было никак не меньше, так как чехи традиционно лучше относились к евреям, чем немцы. Жизнь в Лейпциге была куда дороже, чем во Фрейберге, и, если Фрейды остались без денег, им никак не стоило никуда переезжать.

Впрочем, не только Феррис, но и все остальные биографы Фрейда называют мотивы переезда из Фрейберга «неясными», «загадочными» и т. д. Сам Фрейд однажды обмолвился, что во Фрейберге произошла некая «катастрофа».

Между тем для того, кто более или менее знаком с еврейской традицией, понятно, что после распространения слухов о любовной связи Амалии и Филиппа Фрейды не могли оставаться во Фрейберге. Связь мачехи с пасынком является с точки зрения иудаизма одним из самых страшных сексуальных преступлений, требующего от мужа грешницы как минимум немедленно прервать с ней все отношения и дать ей разводное письмо. Дети, рожденные от такой связи, объявляются мамзерами, то есть незаконнорожденными, и им запрещено вступать в законный брак с евреями по рождению. Отказ Кальмана Якоба развестись с женой мог повлечь за собой наложение на них «херема», то есть отлучения от еврейского народа, и тогда вся семья оказалась бы на положении изгоев. Возможно, Олег Акимов при всей его почти болезненной неприязни к Фрейду прав, когда предполагает, что няня Фрейда грозила раскрыть всему Фрейбергу семейную тайну Фрейдов в отместку за то, что Филипп обвинил ее в краже и заявил на нее в полицию[34]. Во всяком случае, удивление Акимова по поводу того, почему няня, которая до того несколько лет честно вела хозяйство, вдруг была уличена в краже, выглядит вполне логично.

Не исключено, что, опасаясь такого развития событий, Фрейды и поспешили покинуть Фрейберг и перебраться в Лейпциг, где у них не было никакой родни и где их никто не знал. Попытка с помощью переезда в другой город скрыть семейный позор или некую страшную семейную тайну, далеко не нова и хорошо известна многим, более или менее знакомым с всемирной историей. Если это так, то обмолвка о «катастрофе» становится совершенно понятной.

Фрейд вспоминал, что первую часть пути в Лейпциг они проделали в телеге и пронесшийся мимо них поезд поверг его в ужас.

К этому периоду жизни Зигмунда Фрейда (трем с половиной — четырем годам), вероятно, относятся и его первые опыты в занятии онанизмом — то, что он потом называл «второй фазой детской мастурбации». Думается, когда Фрейд писал, что «когда-нибудь в детском возрасте, обыкновенно до 4-го года сексуальное влечение этой генитальной зоны опять просыпается и держится затем снова некоторое время до нового появления или продолжается беспрерывно», он говорил опять-таки о себе. Возможно, Кальман Якоб заметил эти действия сына и прибег к

традиционному для еврейского сексуального воспитания методу запугивания: пригрозил «отрубить руку» (как это рекомендует сделать по отношению к онанисту Талмуд); сказал, что в результате таких занятий у него «оторвется писька» и т. д.

Отсюда, как может заметить проницательный читатель, остается не так уж далеко до известного фрейдистского понятия о «кастрационном комплексе» и страхе перед отцом, угрожающем сыну кастрацией, через которые, по его мнению, проходит в детстве почти каждый мужчина.

Тем не менее, несмотря на эти страхи, Фрейд, видимо, время от времени возвращался к занятию онанизмом вплоть до своей женитьбы в 30 лет, а может, и позже. Об этом свидетельствует хотя бы то, что он считал курение и употребление наркотиков признаками, свидетельствующими о пристрастии субъекта к онанизму, по меньшей мере в детском и юношеском возрасте. Достаточно сопоставить эти слова с тем фактом, что в молодости Фрейд прошел через увлечение кокаином, а затем почти до самой смерти не разлучался с сигарами — и «пасьянс сошелся».

Впрочем, к теме онанизма мы еще вернемся, а пока же заметим, что жизнь Фрейдов в Лейпциге вряд ли была благополучной. Отношения между членами семьи оставались напряженными. Как следствие, в 1860 году Эммануил и Филипп принимают решение переехать в Англию, в Манчестер, а Кальман Якоб и Амалия вместе с маленькими Сиги и Анной перебираются в Вену — поближе к Натансонам, родителям Амалии.

По дороге в Вену Фрейду, опять-таки по его собственному признанию, довелось испытать еще одно сильное эротическое переживание.

«…(Между двумя и двумя с половиной годами)[35] мое либидо пробудилось и повернулось к матери благодаря путешествию из Лейпцига в Вену, которое я совершал вместе с ней и во время которого я, уложенный спать в ее комнате, несомненно, мог видеть ее обнаженной», — писал он в письме своему другу Вильгельму Флиссу, датированному 3 октября 1897 года.

Но не противоречит ли это признание предположению, что до этого он ребенком был свидетелем интимной близости родителей? В принципе — нет. Говоря о том, что он впервые увидел мать обнаженной, Фрейд мог иметь в виду, что в Лейпциге он первый раз в жизни ясно увидел и успел рассмотреть ее половые органы. Хотя до этого он наверняка видел гениталии своей младшей сестры Анны (и, возможно, племянницы Полины), вид половых органов матери поразил его, так как до того маленький Сиги, видимо, верил, что потом у женщины всё же

отрастает пенис или нечто подобное.

Роже Дадун дает этому письму чуть иное объяснение: «Ошибка, сделанная здесь Фрейдом, уменьшившим на год свой действительный возраст, побуждает нас придать этому воспоминанию особое значение. В два — два с половиной года маленький Зигмунд всё еще находился во Фрейберге, и его либидо уже было обращено к матери, которую он должен был неоднократно видеть обнаженной и за интимными занятиями в единственной комнате, где жила вся семья. Возможно, во время путешествия он вновь увидел мать „обнаженной“, но возникшее при этом чувство, на что указывает его ошибка, появилось значительно раньше. Оно лишь было возрождено и оживлено, вызвало сцену скопофилии, побудив Фрейда эротизировать путешествие, привело в действие эмоциональные ресурсы либидо, помогающие побороть тягостную ситуацию расставания и движения к неизвестному»[36].

А впереди Фрейда ждала Вена — город, в котором он прожил почти 80 лет и который он равно, или, как часто говаривал он сам, «амбивалентно» любил и ненавидел.

Глава третья
ВУНДЕРКИНД

Как уже говорилось, с 1850-х годов десятки тысяч жителей восточных провинций Австро-Венгрии, и прежде всего населявшие их евреи, устремились на поиски счастья в Вену. В результате расположенный к северо-востоку от центра города еврейский квартал Леопольдштадт стал стремительно расти. Очень скоро он оказался настолько перенаселенным, что здесь стало трудно найти сколько-нибудь приличную квартиру на съем. Многие новые жители Вены довольствовались тем, что снимали угол в большой квартире или платили просто за право спать на кровати.

Поэтому, прибыв в 1860 году в столицу империи, Фрейды сначала поселились напротив Леопольдштадта, на другом берегу Дунайского канала, сняв комнату в квартире своего однофамильца-винокура. Лишь спустя какое-то время, благодаря помощи родителям Амалии, Фрейды всё же перебрались в Леопольдштадт.

До сих пор для биографов остается загадкой, на какие средства существовала семья Фрейд, год от года пополнявшаяся новыми детьми. Сам Фрейд любил повторять, что семья его родителей была крайне бедна и он рос, терпя всевозможные лишения.

«С юных лет, — писал он, — я познал беспомощность бедности и постоянно боюсь ее». Однако достаточно вчитаться в мемуары старшей сестры и детей Фрейда, чтобы понять, что, хотя Кальман Якоб и Амалия жили довольно скромно, они всё же не нищенствовали. Более того — их материальное положение никак нельзя было назвать отчаянным. У них были вполне приличные апартаменты; они не голодали; одевались не броско, но достаточно изысканно; летом позволяли себе выезжать на дачу, причем не только в венский пригород Рознау, но и в Швейцарию[37].

Таким образом, хотя Кальман Якоб Фрейд ежегодно представлял в магистрат справку о своей неспособности платить налоги из-за почти полного отсутствия доходов, какие-никакие доходы у него явно были. По всей видимости, они складывались из той помощи, которую Кальману Якобу вплоть до своей смерти в 1865 году оказывал тесть; далее — из денег, которые присылали старшие сыновья из Манчестера, а также из личных гешефтов Кальмана Якоба на посредничестве при различных торговых

операциях. Словом, как сказали бы сегодня, Кальман Якоб Фрейд «крутился», попутно обманывая государство на налогах.

Определенную денежную помощь Кальману Якобу Фрейду почти наверняка оказывал и его младший брат Иосиф, поселившийся в Вене в 1861 году. Однако в 1865 году Иосиф Фрейд был арестован при попытке сбыть фальшивые 150-рублевые российские банкноты, и при нем были обнаружены фальшивые ассигнации на общую сумму в 17 тысяч 959 рублей. Причем в полиции предполагали, что фальшивомонетчики действовали не только ради личного обогащения, но и для оказания помощи каким-то революционным кругам в Европе и России[38].

Не исключено, что Кальман Якоб и его сыновья также имели какое-то отношение к подделке денег или Иосиф просто делился с ними доходами от этой своей деятельности. Иначе трудно объяснить, почему арест брата так перепугал Кальмана Якоба, что он, по воспоминаниям Зигмунда Фрейда, поседел в течение нескольких дней. Как бы то ни было, ни Якоб, ни его сыновья не были привлечены к суду, а вот Иосифу Фрейду пришлось в 1866 году отправиться на каторгу.

Фрейды не любили вспоминать эту историю, считали Иосифа «позором семьи», но происшедшее, видимо, оказало немалое впечатление на отца психоанализа. Во всяком случае, Фрейд не раз мельком вспоминает этого дядю на страницах своих писем и сочинений. Более того, дядя Иосиф, видимо, не раз под той или иной маской являлся ему в сновидениях. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть «Толкование сновидений»:

«Я принялся за толкование.

„Р. — мой дядя“. Что это может означать? У меня ведь только один дядя — дядя Иосиф. С ним произошла чрезвычайно печальная история. Однажды — теперь тому уже больше тридцати лет — он, поддавшись искушению нажить крупную сумму денег, совершил поступок, тяжело караемый законом, и после этого понес заслуженную кару. Отец мой, поседевший в то время в несколько дней от горя, говорил потом очень часто, что дядя Иосиф — не дурной человек, а просто „дурак“, как он выражается. Если, таким образом, коллега Р. — мой дядя Иосиф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: Р. — дурак. Маловероятно и очень неприятно. Но тут я вспоминаю лицо, виденное мной во сне, вытянутое, с рыжей бородой. У дяди моего действительно такое лицо, обрамленное густой белокурой бородой…»[39]

Дело «дяди Иосифа» попало в газеты, о нем и его сообщнике Вайхе писали как об «израэлитах польского происхождения», то

есть как об «ост-юден», которые, как следовало из статей, все сплошь проходимцы, аферисты и тайные бунтовщики.

В результате скандала Фрейды невольно оказались в центре общественного внимания, и соседи стали относиться к Кальману Якобу и его семье как к «ост-юден», позорящим «честных цивилизованных евреев». Всё это, несомненно, сильно задело самолюбие маленького Сигизмунда.

Чтобы показать, что он не имеет с этими восточными евреями ничего общего, Фрейд стал относиться к ним с демонстративным презрением. Причем он не только пронес это отношение через всю жизнь, но и привил его детям. Себя он усиленно убеждал, что является столичным жителем, едва ли не коренным венцем, каковым, разумеется, никогда не был.

* * *

Разбросанные по целому ряду книг Фрейда разрозненные воспоминания о детстве позволяют предположить, что до девяти лет его образованием занимались родители, причем основой этого образования служила всё та же Библия Филиппсона.

Авторы большинства биографий Фрейда настаивают на том, что его родители весьма далеко отошли от иудаизма и почти не придерживались никаких религиозных предписаний. Но при этом они же признают, что, судя по письмам самого Фрейда, а также по целому ряду других признаков, его родители соблюдали кашрут, то есть предписанные иудаизмом строгие диетарные законы; что в доме отмечались все еврейские праздники и т. д.

Таким образом, хотя Кальман Якоб Фрейд, возможно, и не ходил каждый день в синагогу, Фрейды, судя по всему, были вполне традиционной еврейской семьей и в этом смысле не очень сильно отличались от своих соседей по еврейскому кварталу. А это, в свою очередь, означает, что, вероятнее всего, когда Сигизмунду исполнилось три-четыре года, Кальман Якоб засел с сыном за изучение иврита и оригинального текста Пятикнижия. А заодно научил его и гиматрии — подсчету числового значения ивритских слов на основе принципа, по которому каждой букве ивритского алфавита соответствует определенная цифра.

Во всяком случае, сочинения Фрейда доказывают, что он знал иврит и часто прибегал к ассоциациям, связанным с теми или иными словами этого языка, а Кальман Якоб, как уже упоминалось, постоянно сопровождал свои подарки сыну дарственными надписями на иврите, будучи явно уверен, что тот поймет их. На 35-летие он подарил Зигмунду заново

переплетенную семейную Библию, витиевато подписав ее словами на иврите, в которых напоминает о первых совместных уроках и призывает сына вновь и вновь обращаться к этой великой книге.

«Мой дорогой сын Шломо! — говорится в этой надписи. — На седьмом году жизни дух Господа овладел тобой (Судии 13, 25), и Он обратился к тебе: Иди, читай мою Книгу, и источники ума, знания и понимания откроются тебе. Вот Книга Книг, в нее погружались мудрые, из нее законодатели узнавали статуты и права (Числа, 21, 18). Ты увидел лик Всемогущего, ты услышал Его и постарался воспитать себя, и тут же воспарил на крыльях Разума (Пс., 18, 11). Долгое время Книга была спрятана подобно останкам Свода Законов в раке Его слуги, однако в день твоего 35-летия я сделал для нее новый переплет и воззвал: „Искрящийся источник! Пой для него!“ (Числа, 21, 17), и я принес тебе в память и знак любви. От твоего отца, который тебя бесконечно любит — Якоба, сына рава Ш. Фрейда. В Вене, столице, 29 нисана 5651 года, 6 мая 1891 года».

Уже само обилие библейских ассоциаций и цитат, органично вплетенных в текст, доказывает, что Кальман Якоб Фрейд был знатоком Священного Писания и ему было чему научить сына, а приведение даты по еврейскому календарю — о его несомненной верности еврейской традиции.

О том, что в детстве Фрейд изучал Библию не только с отцом, но и с матерью, свидетельствует детское воспоминание, приводимое им в «Толковании сновидений»: «Когда мне было шесть лет и мать давала мне первые уроки, она объяснила, что все мы сделаны из земли и должны вернуться в землю. Я не соглашался и сомневался в этом. Тогда мать потерла друг о друга ладони, как будто лепила шарики, но теста у нее в руках не было, и показала мне черноватые кусочки кожи, отделившиеся от рук, доказывая, что мы сделаны из земли…»[40]

Вероятнее всего, эта история произошла, когда Амалия Фрейд читала сыну третью главу книги Бытия, где Бог говорит Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, ибо из нее ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3:19).

Таким образом, Фрейд, вне сомнения, получил какое-то начальное религиозное образование. Психоаналитик Лидия Флем, видимо, права в своем предположении о том, что библейский текст сыграл немалую роль и в сексуальном просвещении маленького Фрейда, в том числе и познакомил его с фактом сексуальных перверсий, вызвавших живой интерес мальчика.

Но это означает, что родители должны были уже тогда познакомить своего Сиги и с основной концепцией иудаизма, согласно которой в каждом человеке изначально сосуществуют и борются между собой доброе и злое начало — «йецер а-тов» и «йецер а-ра». Злое начало «йецер а-ра» олицетворяет собой животную сторону природы человека со всеми ее страстями и инстинктами. Доброе же начало «йецер а-тов» — это олицетворение его духовной, Божественной природы.

Сама задача человека сводится, согласно этой концепции, к тому, чтобы преодолеть, подавить в себе «йецер а-ра», подняться над ним и таким образом стать более духовным, или, если угодно, более цивилизованным существом. И вновь проницательный читатель наверняка заметит, что уже здесь при желании можно усмотреть корни будущих взглядов Фрейда, — и, думается, не слишком при этом ошибется. Правда, концепция Фрейда будет предлагать, наоборот, не подавление, а раскрытие, осознание человеком своих «низменных» устремлений, и уже через это осознание — интеграцию этих факторов, умение человека учитывать в своей жизни все проявления своей психологии и физиологии и гармонизировать их друг с другом.

Еще больше аналогий просматривается между психоанализом и каббалой. У нас, повторим, нет никаких доказательств того, что Кальман Якоб Фрейд имел какое-то представление о каббале и тем более что знакомил с ней сына, — мы можем это только предполагать. Тем не менее существует немало оснований считать, что уже взрослый Фрейд познакомился с основными идеями еврейской мистики и, оставшись атеистом, тем не менее активно использовал некоторые из них для развития теории психоанализа. Неудивительно, что для человека, знакомого как с тем, так и с другим учением, психоанализ представляется светским или, если угодно, материалистическим вариантом каббалы.

На страницах этой книги мы еще вернемся к тому влиянию, которое оказала каббала на Фрейда, а пока в 1865 году девятилетний Фрейд, проучившись два года в начальной еврейской школе, поступает в Венскую городскую гимназию, расположенную в том же еврейском квартале Леопольдштадт на Шперльгассе.

* * *

Один из самых болезненных и вместе с тем чрезвычайно важных вопросов, связанных с детством Фрейда, заключается в

том, что́ именно происходило в тот период в его семье. Действительно ли она была относительно благополучной и, самое главное, добропорядочной буржуазной семьей, какой старалась выглядеть перед соседями?

В декабре 1896 года, спустя несколько месяцев после смерти отца, Фрейд в письмах Вильгельму Флиссу вдруг начинает развивать теорию совращения, согласно которой почти все отцы так или иначе являются совратителями своих дочерей, а подчас и сыновей. В феврале 1897 года он почти открытым текстом пишет, что по меньшей мере одна или две его младшие сестры стали жертвами совращения со стороны отца и он думает, что так происходит во многих семьях. Эрнест Джонс представил в своей книге мнение Фрейда, что жертвами совращения со стороны Кальмана Якоба стали только младший брат и несколько младших сестер, чем объясняется их истерия. Но с другой стороны, сам Фрейд тоже был истерической натурой — в этом сегодня почти никто не сомневается.

Так что же послужило основой для теории совращения? Какие-то реальные детские воспоминания Фрейда, которые он, по своему обыкновению, попытался перенести на всё человечество? Был ли он в детстве и отрочестве свидетелем того, как его отец забавлялся с кем-то из сестер? Если да, то с какой именно? Может, с Дольфи, которая так и не вышла замуж и, будучи старой девой, ухаживала за Кальманом Якобом до самой его кончины — повторив тем самым судьбу некоторых пациенток Фрейда и, кстати, его младшей дочери Анны? Знала ли Амалия об этих «играх» мужа? И если знала, то почему молчала — не потому ли, что он простил ей измену с пасынком?

Пол Феррис предполагает, что Фрейд на самом деле мог и ничего не знать об этих семейных тайнах, пока на похоронах отца о них не обмолвилась одна из сестер. Услышанное повергло его в шок, заставило пересмотреть отношение к отцу и породило теорию совращения. Возможно, Фрейда к этим мыслям подтолкнул сон, приснившийся ему накануне похорон отца, в котором он увидел плакат с надписью «Будьте добры, закрывайте глаза!». В «Толковании сновидений» Фрейд говорит, что этот сон выражал собой просьбу о снисхождении: он как бы должен был «закрыть глаза», «посмотреть сквозь пальцы» на некоторые моменты в поведении отца[41].

Не исключено также, что этих тайн вообще не было — Фрейд, как известно, очень быстро отказался от теории совращения, никогда ее не публиковал, так как очень скоро выяснилось, что большинство истеричек попросту придумывают сцены совращения отцами, видимо, реализуя потаенные фантазии.

Современная судебная статистика вроде бы подтверждает это: более половины случаев дел об инцесте не доходит до суда, так как на самом деле дети (чаще подросткового возраста) наговаривают на родителей в отместку за что-то. Однако многие психологи настаивают, что Фрейд был в данном случае прав: огромное количество детей становятся жертвами похоти со стороны отца или близких родственников, что наносит им колоссальную психологическую травму. Другое дело, что подобные случаи и в самом деле редко доходят не только до суда, но и до полиции — они становятся известны психологам и психоаналитикам, когда вполне взрослые люди обращаются к ним в надежде избавиться от этой травмы.

Но если даже отбросить предположение, что в семье Фрейд имели место сексуальные отношения между отцом и дочерьми, сами отношения Фрейда к сестрам явно имели сексуальный оттенок. В частности, однажды он упомянул, что в пятилетием возрасте позволил себе некую «сексуальную агрессию» по отношению к сестре Анне. В чем эта агрессия проявлялась, сказать трудно — возможно, он «просто» стянул с сестры трусики, чтобы увидеть ее гениталии. Но был ли тот случай единственным? Как бы то ни было, ясно одно: детские воспоминания Фрейда, его личные представления о детской сексуальности поставляли ему в будущем куда больше материала для идей, чем жизненный опыт его пациентов.

* * *

Официально прием в гимназию осуществлялся с десяти лет. То, что Фрейд успешно сдал экзамен и был принят туда годом раньше, однозначно свидетельствует о его поистине выдающихся способностях к учебе, которые он проявил и в последующие школьные годы.

Амалии и Кальману Якобу было ясно, что Бог или судьба послали им настоящего вундеркинда, чудо-ребенка, и все силы семьи были брошены на то, чтобы у «мейне голдене Сиги» были все условия для учебы — пусть и в ущерб другим детям.

Несмотря на то что квартира Фрейдов была явно мала для семьи, в которой в 1865 году было уже шестеро детей (а в 1866 году к Сигизмунду и пятерым дочерям прибавился еще один сын — Александр Готхольд Эфраим), для Сиги была огорожена отдельная комнатка. Невзирая на катастрофическую нехватку денег, Сиги покупались все требуемые им книги, а затем, когда он уже был в старших классах, Кальман Якоб вообще разрешил ему

открыть кредит в книжной лавке. В последнем классе гимназии Фрейд значительно превысил этот кредит, сумма долга оказалась для Кальмана Якоба почти неподъемной, и только тогда он позволил себе выговорить сыну за безумные траты. Сиги не мог не признать, что отец прав, но унизительный привкус этого разговора запомнил на всю жизнь.

Наконец, когда Сиги заявил, что упражнения старшей сестры Анны на фортепиано мешают ему сосредоточиться на выполнении домашних заданий, занятия Анны музыкой были прекращены.

Хотя, вчитываясь в биографические материалы о Зигмунде Фрейде, можно предположить, что дело было не столько в том, что игра на пианино мешала ему делать уроки, сколько в элементарной зависти к сестре. Дело в том, что, обладая феноменальной памятью и незаурядными способностями в самых разных областях, Фрейд был… начисто лишен музыкального слуха. Он был не в состоянии правильно напеть ни одну мелодию и в своих книгах не раз признается, что в отличие от литературы, живописи и скульптуры музыка никогда не доставляла ему особого эстетического наслаждения.

Возможно, чисто подсознательно требование Фрейда «не мешать ему заниматься» было еще и характерной для любого подростка попыткой проверить, как далеко простираются границы его власти над родителями. Если это так, то проверка показала Сиги, что родители его едва ли не боготворят и ради него готовы пойти на многие жертвы. В том числе — и отказаться дать своим дочерям то воспитание и образование, которое считалось в те годы обязательным для девушки из «приличной» (то есть буржуазной) еврейской семьи.

Это отношение к нему родителей, и прежде всего матери, по мнению Фрейда, и заложило в нем ту основу уверенности в своих силах, которая затем помогла ему с достоинством пройти через холод непризнания и огонь жесточайшей критики. «Если человек в детстве был любимым ребенком своей матери, он всю жизнь чувствует себя победителем и сохраняет уверенность в том, что во всем добьется успеха, и эта уверенность, как правило, его не подводит»[42], — писал Фрейд много лет спустя в эссе «Детское воспоминание из „Поэзии и правды“» (1917).

* * *

Так как заметную часть учеников городской гимназии в квартале Леопольдштадт составляли евреи, то для них был

введен специальный курс иудаизма — параллельно с изучением с австрийскими и немецкими детьми Ветхого и Нового Завета. Но во всем остальном программа для евреев и христиан была общей — в гимназии изучали древнегреческий, латынь, французский и английский языки, историю литературы, естествознание и т. д.

Открывшийся перед юным Фрейдом мир сначала античной, а затем и европейской классической литературы потряс его. Творения Софокла, Еврипида, Овидия, Шекспира, Гёте показались ему куда более мощными, чем знакомая с детства еврейская Библия. Всем своим существом двенадцатилетний Шломо Сигизмунд Фрейд хотел принадлежать к этому миру великой культуры, считаться «своим» среди ее носителей и одновременно понимал, что это невозможно в силу самого факта его рождения. Он был лучшим знатоком немецкого языка и литературы в своем классе, но это никак не делало его ни немцем, ни австрийцем, ни венцем.

Видимо, именно в этот период, в 1865–1867 годах, Фрейд впервые столкнулся с антисемитизмом со стороны своих соучеников-неевреев, а также обнаружил, что его обрезанный пенис может вызвать насмешки с их стороны. Это побудило Фрейда посещать гимназический туалет как можно реже, воздерживаясь от естественных отправлений до возвращения домой. Не исключено, что именно этим наложенным на себя в подростковом возрасте ограничением объясняются желудочные расстройства и некоторые нарушения функций мочевого пузыря, которыми Фрейд страдал впоследствии.

Не исключено также и то, что именно в этом следует искать истоки идеи Фрейда об анальной эротике, которая в итоге формирует три такие черты характера, как аккуратность, бережливость и упрямство — все они в равной степени были свойственны самому Фрейду.

«Столь частые в детском возрасте заболевания кишечника (Фрейд страдал ими постоянно на протяжении всей жизни. — *П. Л.)* ведут к тому, что у этой зоны нет недостатка в интенсивных раздражениях. Катары кишечника в раннем возрасте делают детей „нервными“, как обыкновенно выражаются; при позднейшем невротическом заболевании они приобретают определенное влияние на симптоматическое выражение невроза, в распоряжение которого они предоставляют всё разнообразие кишечных расстройств…

Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, не вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении

через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение»[43], — писал Фрейд в «Очерках по психологии сексуальности».

И уж точно не вызывает сомнений одно: это постоянное сдерживание естественных позывов; этот постоянный страх обнажения перед сверстниками и насмешек с их стороны; эта невозможность быть тем, кем ему хотелось быть, неминуемо закладывало основу того невроза, которым Зигмунд Фрейд страдал всю свою жизнь. Повторим: сам этот невроз не был чем-то уникальным. Скорее наоборот: он был чрезвычайно распространен среди «просвещенной» еврейской молодежи всех европейских стран, включая Россию. Вот как писал об этом один из лидеров сионистского движения Владимир (Зеев) Жаботинский:

«Мы, евреи нынешнего переходного времени, вырастаем как бы на границе двух миров. По сию сторону — еврейство, по ту сторону — русская культура. Именно русская культура, а не русский народ: народа мы почти не видим, почти не прикасаемся — даже у самых „ассимилированных“ из нас почти никогда не бывает близких знакомств среди русского населения. Мы узнаём русский народ по его культуре — главным образом по его писателям, то есть по лучшим, высшим, чистейшим проявлениям русского духа. И именно потому, что быта русского мы не знаем, не знаем русской обыденщины и обывательщины, — представление о русском народе создается у нас только по его гениям и вождям, и картина, конечно, получается сказочно прекрасная. Не знаю, многие ли из нас любят Россию, но многие, слишком многие из нас, детей еврейского интеллигентного круга, безумно и унизительно влюблены в русскую культуру, а через нее в весь русский мир, о котором только по этой культуре и судят. И эта влюбленность вполне естественна, потому что мир еврейский, мир по сю сторону границы не мог в их душе соперничать с обаянием „той стороны“. Ибо еврейство мы, наоборот, узнаём с раннего детства не в высших его проявлениях, а именно в его обыденщине и в обывательщине. Мы живем среди этого гетто и видим на каждом шагу его уродливую измельчалость, созданную веками гнета, и оно так непривлекательно, некрасиво… А того, что у нас поистине высоко и величаво, еврейской культуры — ее мы не видим… А что они видят? Видят они запуганного человека, видят, как его отовсюду гонят и всюду оскорбляют и он не смеет огрызнуться. А что они слышат? Разве слышат они когда-либо слово „еврей“, произнесенное тоном гордости и достоинства? Разве родители говорят им: помни, что ты еврей, и держи выше

голову? Никогда! Дети нашего народа слышат от своих родителей слово „еврей“ только с оттенком приниженности и боязни. Отпуская сына из дому на улицу, мать говорит ему:

— Помни, что ты еврей, и иди сторонкой, чтобы никого не толкнуть.

Отдавая в школу, мать говорит ему:

— Помни, что ты еврей, и будь тише воды, ниже травы…

Так поневоле связывается у него слово „еврей“ с представлением о доле раба и ни о чем больше. Он не знает еврея, он знает жида; не знает Израиля, а только Сруля; не знает гордого сирийского коня, каким был наш народ когда-то, а знает только жалкую нынешнюю клячу. Роковым образом он узнаёт еврейский мир только по его изнанке — и русский мир только по его лицевой стороне. И он вырастает влюбленным во всё русское унизительной любовью свинопаса к царевне. Всё его сердце, его симпатии все на той стороне; но ведь он все-таки еврей по крови, и об этом никто не хочет забыть; и он несет на себе свое проклятое еврейство, как безобразный прыщ; как уродливый горб, от которого нельзя избавиться, и каждая минута его жизни отравлена этой пропастью между тем, чем ему бы хотелось быть, и что он есть на самом деле…

— Отравлена? — усомнятся многие, а про себя подумают, что чересчур уже сильно это сказано. Ибо они сами всё это испытали, и было оно, действительно, весьма неприятно в иные минуты; но ведь вот они, слава богу, живы и здоровы, едят и холят, и ведут свои дела; значит, не так уж оно всё опасно, чтобы кричать об отраве.

А я думаю, что здесь именно отрава, отрава всего организма. Она не приводит нас к самоубийству, потому что она затяжная, изо дня в день. Мы с нею свыкаемся, как свыкается человек со своей хромотой…»[44]

Как видим, Жаботинский не употребляет здесь медицинских терминов, но поставленный им диагноз чрезвычайно точен и с легкостью может быть переведен в термины психологии, медицины или психоанализа. Следы этого «еврейского комплекса самоненависти» можно проследить в творчестве многих русских поэтов и писателей еврейского происхождения: начиная от Надсона и — через Мандельштама, Пастернака, Багрицкого, Когана, Слуцкого (пожалуй, единственного, кто пытался изжить его в процессе собственного поэтического психоанализа) — до ряда известных литераторов современной России.

* * *

Мальчику по имени Шломо Сигизмунд Фрейд было и в самом деле нелегко.

С одной стороны, он втайне ненавидел свое еврейство, мучился этим фактом, стыдился собственной матери, которая так толком и не смогла выучить немецкий, а потому он даже не мог пригласить к себе домой товарищей-австрийцев и вынужден был дружить только с однокашниками-евреями.

Когда же он попытался поделиться этим своим самоощущением с отцом в тайной надежде, что тот убедит его в ложности этого стыда за свое еврейство и попытки отказаться от самого себя, Кальман Якоб, возможно сам того не желая, лишь укрепил сына в убеждении, что быть евреем стыдно и унизительно.

«Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собой на прогулки и беседовать со мной о самых разных вещах, — вспоминал Фрейд в „Толковании сновидений“. — Так, однажды, желая показать мне, насколько мое время лучше, чем его, он сказал мне: „Когда я был молодым человеком, я пошел как-то в субботу прогуляться в том городе, где ты родился, я был в праздничной одежде и в новой меховой шапке на голове. Вдруг ко мне подошел один христианин, сбил с меня одним ударом шапку и закричал: Жид! Долой с тротуара!“ — „Ну и что же ты сделал?“ — „Я сошел на мостовую и поднял свою шапку!“ — ответил отец. Это показалось мне не большим геройством со стороны большого, сильного человека, который вел меня, маленького мальчика за руку. Этой ситуации я противопоставил другую, более соответствующую моему чувству: сцену, во время которой отец Ганнибала — Гасдрубал — заставил своего сына поклясться перед алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал занял видное место в моих фантазиях»[45].

Рассказ отца, вне сомнения, стал одной из самых больших психологических травм в жизни Фрейда. В один миг человек, которого он считал сильным, преисполненным достоинства мужчиной, способным защитить себя и свою семью, превратился в слабого, ничтожного труса, на которого нельзя положиться в трудную минуту и который вряд ли заслуживает уважения. Травму эту Фрейд пронес через всю жизнь, и она во многом определила его сложное отношение к отцу.

Вместе с тем вышеприведенный отрывок этот чрезвычайно показателен той борьбой, которая шла в те годы внутри Фрейда на фоне усиливавшейся как в Германии, так и в Австрии полемики о вечном противостоянии Рима и Иерусалима, арийской и семитской цивилизаций. Если бы Фрейд захотел, он вполне мог бы найти опору для своей угасающей национальной

гордости в хасмонеях, героях Хануки — праздника в честь чуда в Иерусалимском храме и победы евреев над греками, который регулярно отмечался в его родительском доме.

Но юный Фрейд слишком любил древних греков и их историю, чтобы радоваться их поражению. Поэтому в качестве своего героя он избрал Ганнибала — пусть не еврея, но все-таки семита, достойно противостоявшего римлянам. Однако в самом факте, что в итоге дело Ганнибала оказалось проигранным, то есть речь шла о герое, обреченном на поражение, проявились особенности отроческой психологии Фрейда, его видение самого себя. Его мужество с самого начала было «мужеством обреченных», его истинные симпатии были на стороне врагов его народа.

Среди тех людей, которые, несмотря на бушевавшую в нем самоненависть, всё же укрепили во Фрейде еврейское национальное самосознание, был его гимназический учитель Самуэль Хаммершлаг, преподававший древнееврейский язык и Священную историю.

О влиянии, оказанном Хаммершлагом на формирование личности Фрейда, можно судить хотя бы по тому, что Фрейд сохранил в своей библиотеке школьный учебник Леопольда Брейера «Библейская история и история евреев и иудаизма, написанная для еврейской молодежи со ссылками на Талмуд». (То, что еврейскую историю Фрейд знал блестяще, сомнений не вызывает: это доказывают и его письма к невесте, и многие последующие письма и высказывания.) Он назвал двух дочерей Анну и Софию в честь дочери и племянницы Хаммершлага, а когда тот умер, написал в эпитафии: «В нем всегда горела искра того огня, что озарял умы великих еврейских провидцев и пророков, эта искра угасла только тогда, когда преклонный возраст отнял у него все силы… Приобщая своих учеников к тайнам религии, он пытался привить им любовь ко всему человечеству, а преподавая историю еврейского народа, умел зажечь юные сердца и направить юношеский энтузиазм по пути, обходящему далеко стороной силки национализма и догматизма…»

Последняя фраза симптоматична: больше всего Фрейд боялся прослыть «еврейским националистом» и уж тем более догматиком.

Хотя официальный биограф Фрейда Эрнест Джонс это категорически отрицает, некоторые исследователи убеждены, что на протяжении своей жизни Фрейд по меньшей мере дважды задумывался о возможности крещения. Если это и в самом деле так, не исключено, что именно уроки и влияние личности

Самуэля Хаммершлага удержали его в итоге от этого шага.

Но вместе с тем Хаммершлаг не избавил и не мог избавить своего любимого ученика от того, если пользоваться терминологией психоанализа, «расщепления» личности и порожденного ею невроза (временами, кажется, даже переходящего в паранойю или острый психоз), которым Фрейд страдал всю свою жизнь. На почве этого расщепления он то считал обряд обрезания вредным и объявлял его одной из причин антисемитизма, то настаивал на его важности и настоятельно рекомендовал всем своим ученикам проделывать его своим детям. На почве этого же раздвоения он утверждал, что ненавидит Рим с той же силой, что и семит Ганнибал, но в итоге не раз бывал в Италии, Греции, восхищался их красотами, однако, в отличие, скажем, от Эйнштейна, никогда даже не пытался попасть в Иерусалим.

Наконец, нам ничего не известно о том, прошел ли Фрейд церемонию бар-мицвы — религиозного совершеннолетия, на которой тринадцатилетний еврейский мальчик впервые облачается в талит[46], вызывается к публичному чтению Торы, после чего получает право наравне со взрослыми евреями участвовать в молитве. Эта церемония считается одной из важнейших в жизни еврея, и потому даже далеко отошедшие от еврейской традиции семьи считали своим долгом провести через нее своих сыновей.

Доподлинно известно, что юный Альберт Эйнштейн отказался проходить бар-мицву, и это стало его первым открытым бунтом против религии предков. Не исключено, что Фрейд сделал то же самое — просто из опасения стать жертвой насмешек со стороны соучеников по гимназии.

* * *

По меньшей мере до четырнадцати лет решающую роль в формировании личности Зигмунда Фрейда, безусловно, играли родители.

Как уже говорилось, на дворе стояло время еврейской эмансипации. Всё больше и больше евреев Австрии становились известными врачами, адвокатами, учеными, журналистами, писателями, политиками; их имена то и дело мелькали в газетах, и Амалия и Кальман Якоб мечтали о том дне, когда и о их Сиги начнут писать в газетах и журналах. Они не только не скрывали этого, но и едва ли не с раннего детства внушали сыну мысль, что ему суждено стать «великим человеком», а внушив, всячески ее

поддерживали. Вследствие этого внушения Фрейда всю жизнь тайно пожирал огонь тщеславия, и он не только никогда не выбрасывал свои рукописи, но и уже в молодости рекомендовал друзьям сохранять его письма — для будущих биографов.

О последних он часто говорил с иронией, подчас как бы в шутку, но сам факт этих разговоров доказывает, что Фрейд был уверен: биографы у него всенепременно будут!

В 12–13 лет он был твердо убежден, что будет «великим человеком», память о котором сохранится в веках, хотя совершенно не представлял, в чем именно проявится это величие. Да и ответ на этот вопрос в те годы представлялся ему не таким уж важным.

Вот как он сам пишет о корнях, питавших эту черту его личности, во всё тех же «Толкованиях сновидений»:

«Откуда же это честолюбие, приписанное мне сновидением? Я вспоминаю, что в детстве мне часто рассказывали, что при моем рождении какая-то старуха-крестьянка предсказала моей матери, что она подарила жизнь великому человеку. Такое предсказание не может никого удивить; на свете так много исполненных ожидания сыновей и так много старых крестьянок и других старых женщин, власти которых на земле пришел конец, и поэтому они обратились к будущему. Это дело, конечно же, далеко не убыточное для тех, кто занимается пророчествами. Неужели же мое честолюбие протекает из этого источника? Однако я припоминаю еще одно аналогичное впечатление из времен моего отрочества, которое, пожалуй, даст еще более правдоподобное объяснение. Однажды вечером в одном из ресторанов на Пратере, куда меня часто брали с собой родители (мне было тогда одиннадцать или двенадцать лет), мы увидели человека, ходившего от стола к столу и за небольшой гонорар импровизировавшего довольно удачные стихотворения. Родители послали меня пригласить импровизатора к нашему столу; он оказался благодарным посыльному. Прежде чем его успели попросить о чем-нибудь, он посвятил мне несколько рифм и считал в своем вдохновении вероятным, что я еще стану когда-нибудь „министром“. Впечатление от этого второго пророчества я очень живо помню. Это было время как раз гражданского министерства; отец незадолго до этого принес домой портреты новых министров Гербста, Гискра, Унгера, Бергера и др., которые мы разукрасили. Среди них были даже евреи, и каждый подававший надежды еврейский мальчик видел перед собой министерский портфель…»[47]

История с импровизатором чрезвычайно показательна.

Во-первых, она свидетельствует о том, что Кальман Якоб

Фрейд, не имея постоянного и солидного заработка, всё же не мог отказать себе и жене в «красивой жизни». Если у него случался выгодный гешефт, то он спешил вывести жену в свет, посидеть с ней в одном из знаменитых венских кафе на бульваре в Пратере.

Во-вторых, крайне важно, что во время этих прогулок девочки и младший сын оставались дома, а вот Сиги родители брали с собой — подчеркивая таким образом особое к нему отношение. И это же отношение проявляется в приглашении за столик поэта, чтобы тот написал стихи в честь их любимца.

Пройдет не так много времени, и подросток Сиги Фрейд сам попробует свои силы в стихосложении. А в 1870 году Шломо Сигизмунду, раздираемому внутренними противоречиями и страстями, постоянно проходящему между Сциллой самоненависти и Харибдой самовлюбленности, исполнится 14 лет, и к нему придет первая любовь…

Глава четвертая
ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

Невозможно понять личность Зигмунда Фрейда без учета того, что его отрочество и юность пришлись на период необычайного подъема всех областей науки и культуры, а также под знаком ожидания крутых перемен в жизни общества.

В физике в этот период Джеймс Максвелл выдвинул теорию существования электромагнитного поля и вывел знаменитую систему уравнений. В химии появляются теория химического строения вещества Александра Михайловича Бутлерова, циклическая структурная формула Фридриха Кекуле, периодическая система элементов Дмитрия Ивановича Менделеева. В биологии полным ходом развивается клеточная теория, вышел в свет знаменитый труд Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». В физиологии появляются работы Эрнста Вебера, Густава Фехнера, Германа Гельмгольца, Ивана Михайловича Сеченова и другие, объясняющие природу жизнедеятельности организмов. В философии всё больше усиливаются позиции материалистов, в том числе, само собой, и марксистов, утверждающих, что человеческое общество развивается по законам, столь же строгим и вместе с тем естественным, как законы физики.

Газеты того времени уделяли научным открытиям почти столько же внимания, что и политическим событиям и светской хронике. Фигура ученого, помогающего человечеству познать величайшие тайны природы, была овеяна на их страницах романтической дымкой. Всё новые и новые прорывы в науке, казалось, настолько ясно объясняли устройство мироздания и законы его существования, что религии не оставалось ничего другого, как шаг за шагом сдавать свои позиции.

Надо отдать должное Венской городской гимназии: там работали превосходные педагоги, следившие за последними достижениями науки и с воодушевлением знакомившие с ними учеников.

Таким образом, к тщательно взлелеянному тщеславию в 14 лет у подростка Шломо Сигизмунда Фрейда благодаря учителям прибавилась новая черта характера — ненасытная жажда познания, интерес ко всему новому, стремление докопаться до самой сути явлений, происходящих в живой и неживой материи. Тогда же стало ясно, что по самой своей природе он трудоголик: вернувшись из гимназии, Сиги мог просидеть в своей комнате за

учебниками до полуночи, а то и дольше — с тем, чтобы утром блеснуть перед учителями и товарищами по классу целым каскадом дополнительных, отсутствующих в учебниках сведений.

Впрочем, немало времени подросток уделял и чтению беллетристики, залпом прочитывая всё, что попадалось под руку. Если учесть, что именно в те годы на книжном рынке Вены стала появляться наряду с первоклассными романами откровенно порнографическая литература, то можно предположить, что в руки Сиги попадали и такие книги. Не исключено, что их страницы будили его воображение, нередко вызывали новое, незнакомое до того желание обладать женщиной, и тогда…

Но даже если отрок Сиги и не тратил деньги на порнографические брошюры и открытки, то он уж точно не один раз от корки до корки прочитывал «Золотого осла» Апулея, предоставлявшего поистине бескрайние просторы для развития эротической фантазии.

Впрочем, что происходило затем за закрытыми дверьми комнаты-пенала «золотого Сиги», мы не знаем и, похоже, уже никогда не узнаем. Намеки на то, что Фрейд в отрочестве и молодости занимался онанизмом, повторим, рассыпаны по страницам многих его книг, но вместе с тем документального подтверждения этому нет, а потому не может быть и ответа на вопрос, когда он начал (или возобновил после окончания периода детского онанизма) это занятие. Для нас важно, что идеи о необходимости отказаться от сексуального ханжества, о замалчивании роли сексуальных желаний в жизни человека уже витали в воздухе, они так или иначе звучали в книгах Флобера, Мопассана, Золя, Фонтане, Теккерея, и если бы они не были озвучены на уровне медицины, психологии и культурологии Фрейдом, то были бы озвучены кем-то другим.

Вместе с тем юный Фрейд еще в детстве воспринял те строгие моральные нормы, которые, по меньшей мере внешне, исповедовала его семья, и оставался (опять-таки по меньшей мере внешне) верен им всю жизнь. Во всяком случае, заметив однажды в руках у сестры Анны томик Дюма, он поспешил отобрать у нее книгу, заявив, что «подобное непристойное чтение развращает девушку», так как образы Констанции Бонасье и Миледи давали явно дурной пример для подражания.

Когда же в гости к Фрейдам приехал подбиравшийся к шестидесятилетию дядюшка из Одессы и стал свататься к пятнадцатилетней Анне, Зигмунд (к тому времени он уже сменил имя) прямо сказал матери, чтобы та не зарилась на дядюшкины миллионы, а велела бы убираться этому «старому развратнику» к себе в Россию.

* * *

Выдающиеся способности, честолюбие, жажда знаний, высокая работоспособность — всё это очень скоро сделало Фрейда лучшим учеником в своем классе. Казалось, ему с равной легкостью давались как гуманитарные, так и технические и естественно-научные дисциплины. И всё же, вчитываясь в воспоминания Фрейда о собственном отрочестве, нельзя не прийти к выводу, что он был прежде всего гуманитарием.

Литература и история влекли его куда больше, чем, скажем, ботаника, зоология, химия и математика. Интерес, который юный Фрейд проявлял к естествознанию, был как раз (да простят автору этот каламбур) не естественный, а деланый, в угоду модным веяниям. Оказавшись посреди листов гербария или наглядных пособий по зоологии, Фрейд начинал чувствовать себя неуютно, а обнаружив червей между листами гербария, тут же вспоминал, что он сам прежде всего — «книжный червь», а вот гербарием ему заниматься совершенно не хочется.

Высказанная Платоном в «Меноне» мысль о том, что прежний жизненный опыт человека не исчезает бесследно, что «душа способна вспомнить то, что прежде ей было известно», волновала его куда больше, чем гармония, открывающаяся в анатомии и физиологии рыб и птиц. Придет время — и эта мысль великого философа всплывет в его памяти, чтобы стать одним из краеугольных камней его теории человеческого поведения.

В отроческом возрасте Фрейд продолжал жадно читать Плутарха и Вергилия и с чувством разучивал роль Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира, отрывки из этой трагедии любил цитировать в зрелые годы: «Потому, что Цезарь любил меня, я оплакиваю его. / Потому, что он был счастлив, я радуюсь. / Потому, что он был храбр, я уважаю его. / Но потому, что он хотел власти, я убил его».

Эрнест Джонс, а вслед за ним и ряд других биографов Фрейда видят в идеализации Фрейдом образа Брута его природный нонконформизм, заставлявший его становиться в оппозицию к любой власти, к любым авторитетам, а заодно — и дальние подступы к формулировке представлений об эдиповом комплексе и о любви-ненависти сына к отцу.

Напоминая о том, с каким восторгом Фрейд прочитал подаренное ему на тринадцатый или четырнадцатый день рождения собрание сочинений яростного противника Наполеона и реакционного режима в Германии Людвига Бёрне, Джонс приходит к выводу, что уже в раннем возрасте Фрейд начал формироваться как «идеалист, поборник свободы, лояльности,

справедливости и искренности, всегда противник тоталитарности». Роже Дадун также обращает внимание на то, что «образ героического связан у Фрейда в основном с теми, кто восстает против власти».

Однако и эта мысль не бесспорна.

Да, Фрейд действительно был нонконформистом, но этот его нонконформизм был вынужденным. По мере того как он всё больше и больше осознавал, что не сможет стать своим среди, так сказать, коренных носителей немецкой, австрийской и — шире — европейской культуры, в нем всё больше нарастала потребность в отрицании ценности этой культуры. Влюбленность в нее до раболепия сочеталась с ненавистью и тайным желанием ее гибели. Эти бушевавшие в душе подростка чувства и проявились в том, что Фрейд в своих фантазиях видел себя то еврейским воином, сражающимся с римлянами на ступенях Иерусалимского храма, то тем же Ганнибалом, ведущим свою армию через Альпы.

Таким образом, на уровне сознания он всегда солидаризовался с врагами Рима, ибо Рим был для него олицетворением той силы, которая отобрала у его народа землю и государственность и заставила испить чашу изгнанников и изгоев среди других народов. Вот как об этом писал сам Фрейд: «В последних классах, когда я понял, какие последствия для меня будет иметь принадлежность к другой расе, и когда антисемитские склонности моих товарищей заставили меня занять твердую позицию, я еще больше оценил этого великого семитского воина. Ганнибал и Рим символизировали в моих юношеских глазах еврейскую стойкость и католическую организацию»[48].

Но эта оппозиция к Риму, к «католической организации», неприязнь к одноклассникам-антисемитам отнюдь не мешали Фрейду стать, подобно многим австрийцам, «великонемецким шовинистом» и страстным патриотом не столько приходящей в упадок Австро-Венгрии, сколько набирающей силу соседней Германии. Юный Фрейд верил в «великую немецкую культуру», в «великую миссию Германии» и оправдывал ее имперские замашки.

«Когда в августе 1870 года между Германией и Францией началась война, четырнадцатилетний Зигмунд следил за ее ходом и отступлением французов, — пишет Феррис. — В следующую зиму Париж был осажден. У Зигмунда была карта с приколотыми флажками, отмечавшими продвижение немецких войск, а также восхищенные слушательницы-сестры, которым можно всё это объяснять»[49].

* * *

В 1870 году в жизни Сиги Фрейда появились первые по-настоящему близкие друзья. По иронии судьбы, оба они были евреями и оба провинциалами, то есть принадлежали как раз к тем типажам, от которых подросток Фрейд старался до этого держаться подальше. Эдуард Зильберштейн был сыном румынского купчика. Эмиль Флюс — первенцем жившего во Фрейберге и находившегося в давних приятельских отношениях с Кальманом Якобом Фрейдом текстильного фабриканта Игнация Флюса. Обоих мальчиков родители послали в Вену получать «достойное образование», и Амалия с Кальманом Якобом по просьбе родителей «взяли над ними шефство» (возможно, Флюсы и Зильберштейны что-то платили им за эту услугу). Оба они стали одноклассниками Сиги, и он вдруг обнаружил, что общается с этими двумя провинциалами куда с большим удовольствием, чем с другими товарищами по классу.

Прежде всего, их было не стыдно привести домой — ведь Эмиль и Эдуард не морщились, слыша, как его мать говорит по-немецки, а просто с удовольствием переходили в разговоре с ней на родной идиш. За столом они с аппетитом уплетали суп с кнейдлах, ели фиш-картошку и гефильте-фиш[50] и, чтобы сделать комплимент маме товарища, говорили, что даже дома не ели такой вкуснятины.

Но самое главное заключалось в том, что все три мальчика оказались заядлыми книгочеями. Начав с обмена мнениями о прочитанных книгах, они, как и полагается подросткам, вскоре стали обмениваться самыми сокровенными тайнами — в том числе о пробуждающемся желании обладать женщиной.

Подражая героям любимых книг, они создают тайное общество «Академия кастелана» («Испанская академия»), начинают переписываться друг с другом, а чтобы взрослые, не дай бог, не смогли прочесть этих писем, разрабатывают собственный шифр, пародирующий испанский язык (который они изучали наряду с другими языками), и используют его для обозначения самых важных, самых интимных понятий другие слова. К примеру, девочек в своих письмах они называли «принципами».

Себя в этих письмах Фрейд называл Сципионом, а Зильберштейна — Бергассой — по именам двух говорящих собак-героев новеллы Сервантеса. Но Лидия Флем справедливо замечает, что вряд ли можно считать случайностью, что Сиги бессознательно или даже, наоборот, вполне сознательно (ибо он прекрасно знал историю Пунических войн) присвоил себе именно имя Сципиона — победителя его кумира Ганнибала.

«В подобном умозрительном перевоплощении, — пишет Флем, — Фрейд находил двойное удовлетворение, воображая себя одновременно славным представителем семитов — героем сопротивления, и могущественным победителем — носителем господствующей культуры… Отцовское унижение и рожденная им жажда мщения оказали большое влияние на становление характера Фрейда и в целом на его судьбу. Как многие из наиболее талантливых его современников: Шницлер, Малер, Карл Краус, Герцль и Виктор Адлер, — он постарался оставить свой след в культуре и истории Запада, вписав в них под своим именем новую революционную главу, изобилующую новаторскими идеями»[51].

Но самое главное заключалось в том, что в этот период Фрейд начинает писать стихи, делая Эмиля и Эдуарда своими первыми читателями, а в письмах к ним пытается отточить свой стиль прозаика. Он явно начинает мечтать о славе великого писателя, властителя дум своего поколения, мирового классика, и эта мечта кружит ему голову.

Как уже говорилось, он зачитывается подаренным ему двухтомником избранных сочинений Людвига Берне, и при этом немалое впечатление на него производит статья последнего «Как стать оригинальным писателем в три дня», в которой Берне предлагает начинающим авторам записывать всё, что приходит им в голову. Отсюда — уже не так далеко до созданного Фрейдом метода свободных ассоциаций, изложения в ходе психоаналитического сеанса «потока сознания». Примечательно, что, когда спустя десятилетия один из учеников обратил внимание Фрейда на схожесть его метода с идеями Бёрне, отец психоанализа сначала сделал вид, что крайне удивлен, и заявил, что никогда не слышал, чтобы Бёрне высказывал нечто подобное. Лишь спустя какое-то время Фрейд признался, что прилежно штудировал его работы с четырнадцати лет и что томики Людвига Бёрне входят в число немногих книг, которые он сохранил в домашней библиотеке с детства.

До нас дошли лишь обрывки первых поэтических опытов Фрейда, но, несомненно, они были для него крайне важны. Видимо, к семнадцати годам он, к его чести, стал осознавать, что не обладает достаточным поэтическим даром, чтобы встать вровень с Гёте и Гейне, но отказ от славы поэта, безусловно, не означал отказа от мечты о славе вообще.

* * *

И снова, возвращаясь к тем факторам, которые сформировали мировоззрение Фрейда, автор не может удержаться от предположения, что источники будущей теории психоанализа следует искать не только в книжном шкафу юного Фрейда, но и в книжном шкафу его отца. Несмотря ни на что, Кальман Якоб Фрейд вплоть до излета молодости имел немалое влияние на сына, и нет никакого сомнения, что Зигмунд перечитал или, по меньшей мере, пересмотрел все книги, имевшиеся в личной отцовской библиотеке.

Проблема заключается в том, что мы не знаем, что́ это были за книги, но можем вполне уверенно предположить круг литературных произведений, так как число бестселлеров на идиш (а Кальман Якоб до конца жизни предпочитал читать именно на идиш или на иврите) было в то время крайне ограниченным, и на книжных полках во всех еврейских семьях стояли приблизительно одни и те же издания.

Среди них почти всенепременно была книга «Сипурей маасийот» («Рассказы о необычайном») рабби Нахмана из Бреслава (1772–1810). Будучи одним из крупнейших еврейских мыслителей своего времени, рабби Нахман основал не только новое течение хасидизма[52], но и как поэт, писатель и философ, провозвестник экзистенциализма, оказал огромное влияние на всё последующее развитие еврейской литературы и философии. В определяющем влиянии творчества рабби Нахмана на свои судьбы и взгляды не стеснялись признаваться многие известные философы, такие как Мартин Бубер и Йешаяху Лейбович, и великие мастера слова — Шолом-Алейхем, Шмуэль Йосеф Агнон, Исаак Башевис-Зингер и др.

Книга «Рассказы о необычайном» на первый взгляд представляла собой сборник увлекательных сказок, что в немалой степени обеспечило ей огромный успех у самого широкого читателя. Но сам рабби Нахман подчеркивал, что в его сказках заложен глубочайший сокровенный смысл, над разгадкой которого ломали головы лучшие еврейские умы того времени, поэтому книга обычно сопровождалась обширными комментариями.

Так, в сказке «О сыне царя и сыне служанки» реализуется одна из фундаментальных концепций рабби Нахмана о том, что в человеке постоянно идет борьба между животной, биологической и высокой божественной душой. При этом животная душа пытается подменить собой, вытеснить божественную душу, подобно тому как сын служанки подменил на троне настоящего сына царя и отправил его в изгнание. Вместе с тем под влиянием требований общества животная душа вынуждена соблюдать

приличия и сдерживать свои порывы — поэтому «сын служанки» может оказаться вполне пристойным «царем». Правда же заключается в том, что одна сторона души не может без другой, но задача человека — вернуть на трон «сына царя» и указать «сыну служанки» его подчиненное положение.

При желании эту и другие сказки рабби Нахмана можно с легкостью переложить на язык психоанализа и тогда… у нас получится очерк «Я и Оно», рассматривающее психику человека как конфликт между его первичными влечениями («Оно»), сформировавшейся под влиянием ограничений культуры и принципа реальности личностью («Я») и некими моральными идеалами («сверх-Я»).

И уж что абсолютно точно, Фрейд не мог не знать знакомой почти каждому еврейскому ребенку того времени сказки рабби Нахмана о Принце, решившем, что он — Петух, и начавшем вести соответствующий образ жизни, пока некий мудрец не исцелил его от безумия. Но для этого мудрецу для начала пришлось самому раздеться догола, залезть под стол к Принцу и заявить, что он — тоже Петух. Аллегории здесь всё те же: животная душа человека хочет жить «естественной жизнью», стремится избавиться от одежды и оков цивилизации, и нужен подлинный врач-мудрец, чтобы заставить Принца-Человека вспомнить, кто же он на самом деле.

Думается, если не на сознательном, то уж точно на бессознательном уровне эта «психиатрическая история» великого раввина в итоге могла повлиять на выбор Фрейдом профессии и методов лечения невротиков.

Еще одной книгой, которая почти наверняка была в библиотеке Кальмана Якоба Фрейда, является Пятикнижие с комментариями кумира немецкоязычных евреев, основоположника еврейской неоортодоксии, главного раввина Франкфурта Шимшона Рафаэля Гирша (1808–1888). Предлагая свое, с учетом новых веяний времени прочтение Библии, рав Гирш провозглашал, что отношение евреев к Богу должно строиться одновременно на двух противоположных чувствах — любви и страхе. Разумеется, рав Гирш не употреблял термина «амбивалентность», но, по сути дела, сводил к нему многие проявления духовной жизни человека. И снова при желании можно предположить, что эти идеи рава Гирша Фрейд спроецировал на отношения между отцом и сыном в семье.

Повторим: мы не знаем, был ли знаком Фрейд с этим пластом еврейской литературы или нет. И всё же такая вероятность достаточно велика, а ее допущение многое объясняет в вопросе о генезисе психоанализа.

* * *

Летом 1871 года в жизни отрока Фрейда происходит важное событие: в благодарность за внимание, которое семья Фрейд оказывала Эмилю в течение учебного года, семья Флюс приглашает Шломо Сигизмунда провести лето в своем доме во Фрейберге — городе его детства.

В начале лета Фрейды выехали на дачу в Рознау — один из излюбленных венскими евреями курортов, но Сиги пробыл там лишь пару недель и затем отправился в Фрейберг. Здесь, в просторном доме Флюсов, он и познакомился с сестрой своего школьного товарища Жизелой.

Вот как сам Фрейд писал о том, что произошло с ним тем летом:

«Это были мои первые каникулы в деревне… Мне было семнадцать лет, дочери моих хозяев — пятнадцать, я сразу же влюбился в нее. Впервые в моем сердце поселилось столь сильное чувство, но я держал его в строжайшем секрете. Спустя некоторое время девушка уехала обратно в свой колледж, она, как и я, приезжала домой на каникулы, и эта разлука после столь короткой встречи еще больше обострила мою ностальгию по местам моего детства. Часами напролет бродил я в одиночестве по вновь обретенным мной прекрасным лесам, строя воздушные замки, но мое воображение уносило меня не в будущее, а в прошлое, представляя его в розовом свете. Если бы в моей жизни не было этого ненужного переезда, если бы я остался жить в родном краю, если бы я рос на этой земле, если бы стал таким же сильным, как местные парни — братья моей возлюбленной, если бы я унаследовал дело своего отца, то в конце концов женился бы на этой девушке, потому что она бы обязательно ответила взаимностью на мое чувство! Естественно, я ни минуты не сомневался, что в тех условиях, которые рисовались в моем воображении, я столь же пылко любил бы ее, как в действительности… Я точно помню, что в первую нашу встречу на ней было надето желтое платье, и долго еще этот цвет, случайно попав мне на глаза, заставлял учащенно биться мое сердце…»

Далее на основе этой картины Фрейд выстраивает целую теорию «маскирующих воспоминаний», приходя к выводу, что за Жизелой и ее желтым платьем скрывалась его кузина Полина с букетом одуванчиков, которые он пытался отнять у нее, когда ему было два или три года. На самом же деле за этим, в свою очередь, скрывалось желание отнять у кузины девственность.

Но нетрудно заметить, что отрывок этот слишком

литературен, чтобы претендовать на какую-либо научную точность. Фрейд описывает свое отрочество в духе «Страданий юного Вертера», и в нем куда больше вымысла, чем правды и бесстрастного анализа. На самом деле Сиги Фрейду в те, первые его каникулы во Фрейберге было не 17, а 16 лет, а Жизеле отнюдь не 15, а всего 12. Правда, как многие еврейские девочки, она к этому возрасту уже начала взрослеть, под ее платьем явно обозначились будущие груди; в ее фигуре наметились формы будущей женщины. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы шестнадцатилетний ученик мужской гимназии, до того почти не общавшийся с особами женского пола (если не считать матери и сестер), попросту потерял голову от желания обладать сестрой своего друга. Жизела заимела в его подростковых эротических фантазиях то место, которое прежде занимали героини Апулея или гётевская Гретхен.

Но Сиги Фрейд был слишком хорошо воспитан, чтобы помыслить о соблазнении Жизелы. Нет, вместо этого он и в самом деле начал выстраивать в голове воздушные замки о том, как они поженятся и Жизела в первую брачную ночь отдаст ему свою невинность. Понятно, что рассказать Эмилю о тех чувствах, которые он испытывал к его сестре, Сиги не мог (это было бы пошло и бестактно!). А потому он решается поделиться своей тайной с Эдуардом Зильберштейном.

В письмах последнему Фрейд рассказывает об овладевшей им страсти, называя Жизелу Ихтиозаврой. Логика в таком кодировании самая прямая: «флюс» по-немецки означает река, вот Жизела и становится «ихтиозавром», доисторическим водным животным. Но при желании в этом имени можно увидеть и другой смысл: Жизела разбудила в Сиги самые древние, доисторические, потаенные животные инстинкты, до поры до времени дремлющие в каждом будущем мужчине.

Влюбленный по уши, вновь и вновь грезящий о том, как он в будущем овладеет Жизелой на правах законного супруга, Фрейд возвращался в Вену. Его соседями по купе оказались галицийские евреи, и, глядя на них, Сиги вдруг вновь ощутил приступ брезгливости и стыд за то, что он принадлежит к этому народу. Его письмо Зильберштейну о своих попутчиках полно сарказма и явно отдает антисемитизмом.

«Мадам еврейка и ее семья были родом из Межирича, подходящая компостная куча для таких сорняков», — пишет он Зильберштейну, констатируя, что это «не те евреи», отнюдь не такие, как он сам и его друзья. И вновь трудно отделаться от ощущения, что отношение Фрейда к «мадам еврейке» связано с его сложным отношением к матери, образ которой в его

бессознательном невольно ассоциировался с этой попутчицей. Иначе просто трудно объяснить, почему юный Фрейд увидел не индивидуум, а именно архетип еврейской женщины.

Целый год Фрейд грезил о Жизеле, посвящая ей всё новые стихи, а летом 1872 года снова отправился в гости к Флюсам. За прошедшие месяцы Жизела еще больше похорошела и превратилась в настоящую еврейскую красавицу — с орлиным носом, длинными черными волосами, чувственными пухлыми губами и смуглой, отливающей медью кожей. Сиги понял, что его страсть к сестре друга не только не уменьшилась, но и, напротив, возросла. Но начать заигрывать с девушкой и уж тем более признаться ей в любви в расчете получить хоть какую-то, пусть и не полную чувственную компенсацию за это признание он так и не решился.

«Я не приближаюсь к ней, а сдерживаюсь», — пишет он Зильберштейну, сетуя на «бессмысленного Гамлета внутри меня».

Но и это лето закончилось. Сигизмунд вернулся в Вену, чтобы приступить к последнему году учебы в гимназии, сдать выпускные экзамены и определиться с выбором будущей профессии. Все эти заботы на какое-то время отодвинули мысли о Жизеле на задний план, но она продолжала сниться юному Фрейду по ночам, и, проснувшись, он не раз обнаруживал на одеяле расплывающееся белое, липкое пятно…

Необходимо отметить, что, будучи в числе лучших учеников класса, Сиги Фрейд отнюдь не был мальчиком-паинькой. Напротив, он принимал активное участие во многих школьных проказах, в том числе и в грубых, подчас напоминающих травлю шутках над учителями. Да и, в сущности, чем была вся его последующая жизнь, все его будущие книги, как не одной большой шалостью, устроенной в шумном классе человечества?!

При этом одной из самых характерных черт его характера уже тогда была страсть к спорам, причем совершенно не важно, на какую тему. Услышав чье-либо мнение по тому или иному вопросу, Фрейд тут же начинал его оспаривать, выстраивая свою систему аргументов.

«Еще в школе я всегда был среди самых дерзких оппозиционеров и неизменно выступал в защиту какой-нибудь радикальной идеи. Как правило, готов был сполна платить за это, идти до конца. Мне часто казалось, что я унаследовал дух бунтарства и всю ту страсть, с которой наши древние предки отстаивали свой Храм, свою веру. Я мог бы с радостью пожертвовать своей жизнью ради великой цели. Учителя часто ругали меня. Но когда выяснилось, что я первый ученик в классе и сверстники оказывают мне всеобщее уважение, то перестали

жаловаться на меня родителям», — вспоминал Фрейд в письме Марте от 2 февраля 1886 года[53].

Трудно сказать, сознавал ли Фрейд, что эта его страсть к спорам, стремление посмотреть на любое явление с другой стороны, было… типично еврейской чертой, и именно в спорах, пусть и на другие темы, состояла учеба тех самых «не тех евреев», которых он так презирал.

В сущности, весь Талмуд, без которого невозможно представить себе иудаизм, представляет собой бесконечные споры между еврейскими мудрецами по самым различным, на первый взгляд вполне очевидным вопросам — с тем, чтобы в итоге стало ясно, что верной как раз является некая скрытая, совершенно неочевидная поначалу точка зрения. Вся еврейская культура, по большому счету, базируется на искусстве ведения дискуссии, так называемом «пильпуле», оттачивании логического мышления.

Так что и здесь попытка убежать от самого себя закончилась для Фрейда полной неудачей: он был евреем до мозга костей. По характеру. По образу мышления. По системе ценностей, которой старался придерживаться, пусть это далеко не всегда у него получалось.

Глава пятая
ЖРЕБИЙ БРОШЕН!

Время в тот последний год Сиги в гимназии летело со скоростью курьерского поезда, следующего из Вены в Берлин.

В мае ему предстояло сдавать экзамены на степень бакалавра, и Сиги с головой погрузился в учебу. Математика его раздражала, биология вызывала интерес, но отнюдь не захватывала. Зато просиживание над латынью, греческим, литературой доставляло подлинное наслаждение. Тут рамки гимназической программы были ему явно тесны.

«Я должен прочитать для себя, — пишет он в марте 1873 года Эмилю Флюсу, — многих греческих и латинских классиков, среди которых „Царь Эдип“ Софокла. Не прочитав всего этого, вы теряете нечто удивительное».

И в школе, и дома в те месяцы то и дело возникали разговоры о том, куда следует поступать Сиги дальше. Товарищ по классу Генрих Браун (один из будущих лидеров немецких социал-демократов) убеждал Фрейда, что из него может получиться блестящий адвокат, а затем и профессор права. Судя по блеску его сочинений по литературе, по тому, как здорово он декламирует стихи и анализирует тексты, в нем сидит выдающийся аналитик и оратор, говорил Браун. Однако Фрейд только грустно улыбался в ответ на эти пассажи приятеля. Брауну было легко говорить — он был немцем. Но путь еврея в тогдашнюю австрийскую юриспруденцию лежал только через крещение, отказ от предков и самого себя, а на это Шломо Сигизмунд никак не был готов.

Дома родители мысленно примеряли своему любимцу костюм банковского чиновника, финансиста, способного дорасти до директора банка, а может — если отношение к евреям станет теплее — и до министра финансов. Но юный Сиги понимал, что и такая карьера — не для него. Он хотел быть богатым и знаменитым, но при этом держаться подальше от всех этих банковских ссуд, процентов, дебетов и кредитов, с которыми были связаны самые ублюдочные представления о евреях. В письме Флюсу он рассказывает, как нелегко дается ему принятие решения о своем будущем, и, впадая в романтическую экзальтацию, пишет о своей «несчастной жизни».

Начало выпускных экзаменов в гимназии совпадает с открытием в Вене в мае 1873 года Всемирной ярмарки. Судя по всему, несмотря на предэкзаменационную лихорадку, Сиги в те

дни часто выкраивал время для того, чтобы посетить ярмарку то с родителями, а то в одиночку. В очередной эпистоле Флюсу он одновременно с восторгом и иронией описывает ее открытие и различные павильоны, называет ярмарку «сложным и ветреным миром, который во многом лепит собственных посетителей».

На той ярмарке Амалия и Кальман Якоб приобрели последнее чудо домашнего уюта — большую керосиновую лампу, опускавшуюся и поднимавшуюся над столом. Лампа эта была повешена в гостиной, а старая, тоже довольно большая лампа была немедленно отдана Сиги — чтобы он не слишком сильно портил зрение, сидя над учебниками по ночам.

О том, как родители относились в те дни к Фрейду, а также как он сам относился к родителям, свидетельствует рассказ, поведанный Фрицу Виттельсу его другом, пианистом М. Р: «В семидесятых годах я и мой отец повстречались на улице со старым Фрейдом (отцом Зигмунда). У меня как раз вышло разногласие с моим отцом. Старый Фрейд сказал: „Как? Перечить отцу? У моего Зигмунда в мизинце ноги больше ума, чем у меня в голове, и всё же он никогда не посмеет мне противоречить“»[54].

А экзамены тем временем идут своим чередом. Уже позади математика — может, и не самый любимый, но важный предмет, дававшийся ему не без труда, но привлекавший красотой своих логических построений. Уже, как всегда, блестяще написано сочинение на вольную тему «Размышление о выборе профессии», а затем на экзамене по латыни и греческому ему достается билет с отрывком из Вергилия и 33-й строфы из «Царя Эдипа». Того самого царя Эдипа, имя которого он положит в основу одного из самых значимых своих открытий!

Учителям не понадобилось подбадривать экзаменуемого — отрывок из любимой греческой трагедии Сиги Фрейд прочел, что называется, на одном дыхании. К этому же времени, к маю 1873 года, Фрейд принимает окончательное решение: он будет поступать на медицинский факультет. Он вдруг начинает писать друзьям о двигающей им «жажде познания», о том, что его влечет к себе чистая наука; что ему хотелось бы стать великим естествоиспытателем, проникающим в сокровенные тайны природы.

Судя по очередному письму другу, написанному в перерыве между экзаменами, юный Фрейд в тот период больше всего презирал «посредственности», тех, кто вместе с толпой просто плывет по течению и проживает серую, заурядную жизнь, не оставив после себя никакой памяти. И больше всего страшился, что сам окажется «посредственностью» и проживет так невзрачно.

«Ты воспринимаешь мои „заботы о будущем“ слишком

беспечно, — писал он. — Люди, которые, как ты говоришь, не боятся ничего кроме посредственности, — в безопасности. В безопасности от чего? Разумеется, не от того, чтобы стать посредственностями. Разве дело в том, боимся мы чего-либо или нет? Не кажется ли тебе, что главный вопрос здесь должен был звучать иначе: имеют ли наши страхи под собой реальную основу? Не секрет, что и великие умы тоже ловят себя на сомнениях, но разве следует из этого то, что каждый, кто сомневается в своих способностях — человек великого ума?.. Все-таки прелесть нашего мира именно в богатстве возможностей, несмотря на то, что оно, к сожалению, не самая надежная основа для самопознания».

В автобиографии Фрейд настаивает, что решающую роль в выборе им профессии врача сыграло эссе Гёте «Природа». «Когда читаешь это эссе, — пишет он, — поражает его дифирамбический тон и обильное использование романтических метафор, характеризующих Природу как великодушную, всеведущую, всемогущую мать, которая дает своим любимым детям (отголосок фаустовской темы) привилегию идти на поиск своих секретов».

Согласитесь, это звучит красиво. Вдобавок, какой простор открывается для биографов Фрейда в толковании этих строк как явном доказательстве наличия у него эдипова комплекса, тайного влечения к матери, прикрываемого восхищением матерью-Природой! Но да будет позволено автору этой книги предположить, что за этой версией не стоит ничего, кроме столь свойственной великому Зигмунду Фрейду тяги к рисовке, к облачению себя в романтическую тогу героя. Это становится тем более ясно, когда то тут, то там в его книгах натыкаешься на признание, что он никогда не испытывал настоящего влечения к медицине. «Скорее, мною двигал вид любознательности, относящийся гораздо более к человеческим отношениям, чем к естественным объектам», — писал Фрейд.

Правда, видимо, заключается в том, что на деле у юного Фрейда, как и у тысяч других его еврейских сверстников, выбор был невелик. Философия и история не считались у еврейских родителей «достойными профессиями», позволяющими зарабатывать на жизнь. Юриспруденция, как уже отмечалось, была для них закрыта. Коммерция ассоциировалась с ненавистным «торгашеским духом» отцов. Таким образом, те еврейские юнцы, у кого не было технического склада ума или достаточной смелости, чтобы попробовать себя в искусстве, шли в медицину. Именно этим объясняется столь резкое увеличение числа врачей-евреев в Европе того времени.

Этот наплыв евреев на медицинские факультеты, в свою

очередь, стал одной из причин резкой вспышки антисемитизма в кругах немецких и австрийских медиков. Одним из ярких выразителей этих взглядов стал выдающийся немецкий хирург Теодор Бильрот. В своих статьях он писал, что «между чистой немецкой кровью и еврейской кровью — большая разница»; что слишком много евреев из Венгрии и Галиции приезжают в Вену учиться на врачей, чтобы стать затем весьма посредственными медиками; что следует спасать университет от этих «культурно недоразвитых эмигрантов, которые даже если и думают на более богатом немецком языке, чем многие чистокровные тевтонцы», не могут считаться настоящими немцами и т. д. Но, что показательно, евреев это не останавливало, и число их на медфаках продолжало увеличиваться.

Фриц Виттельс в книге о Фрейде толкует его слова, что решающее значение для выбора профессии на него оказал Гёте, как «покрывающее воспоминание». «Что в действительности дало толчок Фрейду, я не знаю. Гёте сначала изучал юриспруденцию, а потом сделался естествоиспытателем, и во все времена оставался поэтом. Штекель сообщил мне, будто Фрейд говорил ему о своем желании впоследствии сделаться романистом, чтобы оставить миру рассказанное его пациентами»[55], — констатирует Виттельс.

Не исключено, что так оно и было: Фрейд видел в медицине своеобразный путь к литературе, к карьере писателя, о которой он продолжал мечтать. И надо заметить, по меньшей мере отчасти он эту мечту реализовал: широкая публика читала его книги, изобилующие примерами из жизни, куда с большим интересом и пиететом, чем коллеги по медицинскому цеху.

К середине июля 1873 года Фрейд получил выпускной аттестат с отличием. Спустя короткое время он записался на медицинский факультет Венского университета. Его родители опять выехали на лето в Рознау, но, видимо, из-за финансовых трудностей (надо было еще придумать, как оплатить совсем не дешевую учебу в университете!) на этот раз оставили старшего сына в Вене. Впервые предоставленный сам себе, Фрейд бродил по городу, заглядываясь на проходивших мимо женщин, испытывая искушение заглянуть в какой-нибудь бордель, отгоняя его от себя и по возвращении домой снимая рукой накопившееся сексуальное напряжение.

Кстати, на медицинский факультет Сиги записался не как Сигизмунд, а как Зигмунд Фрейд и отныне стал называть себя только так. Выбор этого древнегерманского имени, означающего Победитель, был, безусловно, символичен. Он отражал и стремление Фрейда как можно дальше убежать от своих

еврейских корней, и его неразрывную связь с немецкой культурой, и страстное желание войти в ее историю Победителем — вопреки всем препятствиям и юдофобам.

В итоге ему это, безусловно, удастся. Но только не в студенческие годы.

Глава шестая
СТРАДАНИЯ ЮНОГО ЗИГМУНДА

Первый год учебы в университете ушел у Фрейда на то, чтобы убедить самого себя, что если не медицина, то по меньшей мере естествознание и есть его истинное призвание. Он наслаждается своим новым статусом, и в письмах Зильберштейну представляет себя этаким классическим шалопаем-студиозусом, пропускающим лекции и одиноко скитающимся по венским улицам, «изучая толпу» и испытывая, как и положено романтическому герою, тоску и стеснение в груди.

Подлинные причины этой самой тоски крылись в разочаровании учебой и неутолимом сексуальном голоде. На втором курсе это разочарование нарастает. Фрейд посещает лекции по анатомии, физиологии, зоологии, физике, математике, дарвинизму, засиживается далеко за полночь над учебниками, но его письма к Зильберштейну полны беспокойства и неуверенности в себе.

Его настроение резко меняется, когда в конце 1874 года на праздник Хануки, обычно накладывающийся на христианское Рождество, в гости к Фрейдам из Фрейберга приезжает с сестрой Жизела Флюс. Пребывание с девушкой под одной крышей возбуждает Зигмунда. Полузабытое подростковое чувство вспыхивает в нем на какое-то время с новой силой. В январе юные гостьи решили брать уроки танцев. Зигмунду доверяют роль их партнера, и он с нескрываемым упоением пишет об «удовольствии прикоснуться к Жизеле».

Но строгие моральные рамки (ох уж эта «культура»!), в которых он воспитан, не дают ему зайти дальше этих прикосновений. Зигмунд вновь и вновь вынужден подавлять бушующее в нем сексуальное желание, удовлетворять его с помощью старого испытанного способа, которого в душе он тайно стыдится, и, само собой переносить это желание в свои сны. Возможно, уже тогда у него возникла мысль, что любое сновидение показывает нам исполнение тайных желаний.

Вскоре после этого в своем очередном письме Зильберштейну он становится в позу морального наставника друга, советуя ему сдерживать «безрассудную страсть» и «не развращать» шестнадцатилетнюю бедняжку, которой Эдуард не на шутку увлекся.

В марте 1875 года Зигмунд записывается на курс лекций по философии профессора Франца Брентано, а в апреле — на курс

логики. Как и следовало ожидать, оба эти предмета оказываются для него куда интереснее остальных дисциплин, и он пишет Зильберштейну о том, что впервые испытывает «академическую радость… близости к чистейшим родникам науки».

* * *

Тот факт, что Фрейд изучал в студенческие годы философию, чрезвычайно важен. Особенно с учетом того, что сам он упорно отрицал, что был в молодости знаком с философскими учениями и что они сыграли какую-то роль в формировании его теории психоанализа.

Но, как утверждает Валерий Лейбин в монографии «Фрейд, психоанализ и современная западная философия», «эта настойчивость в отрицании философии как раз и настораживает»[56]. Очевидно, она бессознательно (или, напротив, вполне сознательно) связана со стремлением Фрейда доказать, что его теория психоанализа является «подлинно научной», что она — часть медицины и естествознания, а не философии и антропологии. А также — что крайне важно, — что теория эта совершенно оригинальна и является исключительно плодом его гения.

Однако, как убедительно показывает Лейбин, на деле базовые положения психоанализа были заложены за много десятилетий и даже столетий до Фрейда, и последний, вероятнее всего, был с ними знаком — хотя бы как слушатель курса по истории философии.

Идеи о тайной, не проявляющейся на уровне сознания жизни души возникают уже в работах Платона и Аристотеля, с которыми Фрейд, вероятнее всего, как уже говорилось, познакомился в гимназии. Но на своих лекциях профессор Брентано попросту не мог пройти мимо философии Рене Декарта (1596–1650) и его представлений о страстях как о борьбе между низшей, «чувствующей», и высшей, «разумной» частями души. И уж само собой, Брентано не мог не коснуться Бенедикта Спинозы (1632–1677), этого кумира просвещенной еврейской молодежи, заявлявшего, что «самая сущность человека» заключена не в его разуме и сознании, а в тайных влечениях и желаниях, а все идеи делил на «ясные» и «смутные».

Эти идеи, в свою очередь, были развиты Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716), считавшим, что трудно объяснить возникновение сознательных представлений и идей, если не допустить чего-то такого, что не является сознательным,

но тем не менее дремлет в человеческой душе.

Сразу несколько лекций Брентано было посвящено философии великого Иммануила Канта (1724–1804), на которого Фрейд неоднократно ссылается во многих работах. Кант был убежден, что сфера «смутных», неосознанных представлений у каждого человека куда более обширна, чем область представлений «ясных», доступных сознанию.

Проблемы взаимоотношения сознательного и бессознательного, а также роль этих взаимоотношений в формировании личности и поведении человека поднимались также в сочинениях Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814), Шеллинга (1775–1854), Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) и, конечно, Артура Шопенгауэра (1788–1860). Последний в своем классическом труде «Мир как воля и представление» (1819) настаивал на примате бессознательного над сознательным.

«Бессознательность, — писал Шопенгауэр, — это изначальное и естественное состояние всех вещей; следовательно, она является той основой, из которой… вырастает сознание; вот отчего бессознательное даже и на этой высокой ступени всё еще преобладает».

С Шопенгауэром остро полемизировал его современник немецкий философ и психолог Иоганн Фридрих Гербарт (1776–1841), убежденный, что бессознательные процессы легко себя обнаруживают при изучении человеческой психики, так как оказывают непосредственное влияние на поведение человека. Между тем известно, что еще в гимназии Фрейд пользовался «Учебником эмпирической психологии как индуктивной науки» Густава Адольфа Линдера, представляющим собой по сути конспект сочинений Гербарта.

Наконец, была еще объемистая работа Эдуарда фон Гартмана (1842–1906) «Философия бессознательного» (1869), к сфере которого он относил половое влечение и материнский инстинкт, считая их главными для самосохранения каждого человека и всего человеческого рода.

Остается добавить, что интерес Фрейда к философии не остался не замеченным профессором Брентано, и вскоре он стал его любимым учеником. «Под влиянием Брентано я решил добиваться докторской степени по философии и зоологии», — сообщает Зигмунд Зильберштейну весной 1875 года.

Всё вышесказанное, разумеется, ничуть не умаляет величия Фрейда как создателя теории психоанализа и, уж само собой, не дает оснований упрекнуть его в плагиате (чего он, видимо, боялся). В сущности, почти ни одна великая научная идея не

рождается на пустом месте. Скорее наоборот: подлинно великие идеи всегда представляют некий прорыв на новый уровень познания, но прорыв этот был бы невозможен без базирования на всем накопленном ранее знании в той или иной области — подобно тому как человек не может добраться до вещей, лежащих сверху на шкафу, не приставив к нему табуретки.

В том, что Фрейд яростно открещивался от своих предшественников, лишь еще раз проявилась его непомерная амбициозность, его претензия на роль пророка, идеи которого сопоставимы с Божественным откровением.

* * *

Уже первые годы учебы Фрейда в университете были отравлены разлитой по его коридорам и аудиториям атмосферой антисемитизма, что, безусловно, усилило давно начавшийся развиваться у него невроз, помноженный на синдром раздвоения личности на «Сципиона» и «Ганнибала».

Подбадриваемые статьями и сентенциями профессора Бильрота и его единомышленников, студенты рассуждали об «арийской расе» и «дурной еврейской крови» и… били в кровь своих сокурсников-евреев в коридорах. Больше всего Фрейд в такие минуты хотел забыть о том, что он еврей, гнал эту мысль от себя подальше и всячески демонстрировал свою неразрывную связь с немецким духом, традициями немецкой и австрийской культуры. Он вновь и вновь пытался убедить себя, что к нему лично антисемитские эскапады не относятся; что они направлены исключительно против «неправильных», восточных евреев, к которым он не имеет никакого отношения. Он читал антисемитские сочинения Фейербаха. Он вступил в откровенно антисемитское студенческое общество, выступавшее за политический союз с Германией[57]. Он старался держаться подальше от своих соплеменников, а когда познакомился с неким студентом, знавшим множество языков и писавшим эссе, решил, что их дружба невозможна, так как тот оказался, «к сожалению, польским евреем». Самое страшное заключалось в том, что в какой-то момент он (как и Отто Вейнингер, и многие другие молодые евреи Германии и Австрии) уверовал в теорию о «дурной еврейской крови» и искал признаки генетического вырождения как в знакомых и родственниках, так и в себе самом.

Но вот он возвращался домой, садился обедать с родителями, сестрами и братом — и всё менялось. Ему было необычайно уютно в этому кругу, а ведь все сидящие за столом тоже были

евреи! Он всегда иронично, можно сказать, даже с сарказмом относился к иудаизму, его обычаям и ритуалам, но… приближался Рош а-шана, еврейский Новый год, и он с плохо скрываемой сентиментальностью писал Зильберштейну, как важен для него этот праздник. «Даже атеист, семья которого, к счастью, не слишком благочестива, не может отказать себе в соблюдении этой традиции, поднося к губам новогоднее лакомство», — констатирует Зигмунд.

За Рош а-шана следовал Судный день, и снова Фрейд с иронией, но и одновременно с любовью констатировал, что о близости этого праздника он узнаёт по доносящемуся из кухни «шуму двух умирающих рыбин и гусыни», а затем с улыбкой добавлял, что праздник этот «так печален не из-за гнева Божия, а из-за сливового джема и его действия на кишечник».

Из всех еврейских праздников его раздражал разве что Песах, когда из дома выбрасывались хлеб и вся сдоба и надо было целую неделю есть мацу. Песах так и остался для него праздником, «способствующим запорам, вызванным пресным тестом и крутыми яйцами»[58].

Наконец, Фрейд не мог не признать, что ему нравится, когда отец при случае ввернет в разговоре какое-нибудь изречение из Торы или Талмуда, расскажет байку про некого раввина или анекдот на идиш. Как не мог он не признать и того, что многие чисто еврейские привычки и суеверия, вроде обязательного мытья рук перед едой или веры в мистику чисел, стали неотъемлемой частью его натуры, вошли в его плоть и кровь, и он следует им подчас механически, не задумываясь. Скажем, он был убежден в том, что числа 13, 18, 26 и 36 сулят удачу, а вот числа 52 следует остерегаться. Всё это было его, родное, и от этого было невозможно просто так взять и отказаться.

Но, ведя такую двойную жизнь, стараясь быть истинным австрийцем в университете и превращаясь в еврея дома, Фрейд очень быстро осознал бессмысленность попыток стать «своим» среди сокурсников-арийцев. «От меня ожидали, что я должен чувствовать себя ниже их, чужаком, поскольку я — еврей. Я отказался унижаться», — констатировал он спустя годы.

Тем не менее мысль, что он все-таки ущербен и «генетически неполноценен», как и все дети его народа на протяжении многих лет, вновь и вновь возвращалась к нему. Он старался держаться в университете подальше не только от евреев, но и от любых еврейских организаций, в том числе и от фондов, помогавших бедным еврейским студентам, — хотя, безусловно, нуждался в такой помощи. Лишь в 1878 и 1879 годах он с помощью профессора Эрнста фон Брюкке (с которым нам еще предстоит

познакомиться) получил две стипендии от частных еврейских фондов. Но Фрейд никогда не упоминал об этом, да и, пожалуй, вообще просто предпочел забыть — как «забыл» всё, что он читал о бессознательном у Спинозы, Лейбница, Гартмана, Шопенгауэра…

* * *

Атмосфера в университете, раздвоение личности, ненависть к собственному еврейству неминуемо вели к изменению в психике и поведении Зигмунда. Он стал раздражительным, всем недовольным и всё чаще вступал в конфликты со стареющим отцом, в котором так явственно просматривались ненавистные ему черты типичного «ост-юден».

Кальман Якоб Фрейд, безусловно, не мог не заметить происходящего с сыном, его нервозности и метаний, но списывал это на то, что его любимец, возможно, ошибся с выбором профессии. В течение всей весны 1875 года в голове Кальмана Якоба созревал план отправки Зигмунда в Англию, к старшим сыновьям — чтобы они постепенно вовлекли его в свой бизнес и помогли освоиться в новой стране.

Когда в середине июня, вскоре после окончания сессии, Кальман Якоб объявил сыну, что отправляет его на лето к братьям в Манчестер, для Зигмунда это известие стало полной неожиданностью. Он уже почти смирился с тем, что ему придется провести летние каникулы в душной, влажной Вене, занимаясь зоологией и гистологией.

Братья Эммануил и Филипп, судя по всему, встретили Зигмунда весьма радушно. Юный Зигмунд буквально очаровал не только старших братьев, но и всех их домочадцев — своим остроумием, эрудицией, талантом рассказчика. Любуясь родственником, Эммануил одновременно вспоминал письмо отца и тщательно присматривался к Зигмунду, стараясь понять, может ли из него выйти толковый делец. И чем больше тот говорил о мировых проблемах, о своей любви к науке и мечте совершить нечто великое для счастья всего человечества, тем яснее Эммануил осознавал, что коммерсант из этого витающего в облаках вьюноши точно не выйдет, и лучшее, что он может сделать, — это продолжить учебу в своем университете.

«Это великолепный образчик человека, и если бы я имел перо Диккенса, я бы сделал из него героя. Всем твоим описаниям — грош цена. Только теперь, когда он у нас, мы видим, каков он на самом деле», — писал Эммануил отцу еще в те дни, когда

Зигмунд гостил в его доме.

Путешествие в Англию оказало огромное впечатление на Зигмунда. Настолько огромное, что и спустя четверть века ему будет сниться, как он собирает морских животных на берегу моря и делает в разговоре с какой-то девчушкой смешную ошибку в грамматическом роде, говоря о морской звезде.

Манчестер околдовал его и показался городом огромных возможностей. В какой-то момент он и в самом деле стал подумывать остаться в Англии, но не в качестве бизнесмена, а в качестве, скажем, процветающего врача. Но он тут же одергивал себя, напоминая, что вклад в мировую науку, впечатывание своего имени в историю человечества куда важнее материального благополучия.

Во всяком случае, Зигмунд вернулся из Манчестера отдохнувшим, снявшим напряжение двух лет учебы и преисполненным уверенности, что в итоге он сделал неплохой выбор жизненного пути и стоит идти по нему и дальше.

Своими впечатлениями о поездке он спешит поделиться в письмах Зильберштейну. Фрейд не скрывает, что после увиденного «предпочел бы жить там, а не здесь, несмотря на дождь, туманы, пьянство и консерватизм». При этом он подчеркивает, что по-прежнему считает карьеру ученого куда привлекательнее карьеры врача. Но сам стиль письма не оставляет сомнений в его внутренних колебаниях.

«Если бы я хотел повлиять на большое количество людей, а не на малое число читателей или коллег ученых, Англия была бы самым подходящим для этого местом», — говорится в письме.

По мнению Фрица Виттельса, поездка в Англию так важна для биографии Фрейда прежде всего потому, что она внесла некоторое спокойствие в его душу. «Его судьба еврея в кругу немецкого культурного общества заставила его с молодых лет испытать болезненное чувство недооцененности, чувство, которого не может избежать ни один немецкий еврей. Молодой Фрейд познакомился в Англии с частью своей семьи, которая избежала там этой опасности. Беседы со старшим братом научили его более справедливо и с большей нежностью относиться к их общему, уже стареющему отцу. Таким образом, это важное путешествие положило счастливый конец некоторым конфликтам юности, которые редко кому удается избежать»[59].

Впрочем, те фрейдофобы, которые стремятся выставить Фрейда неким моральным уродом, высказывают и другие, куда более скабрезные предположения о том, что помогло ему «снять напряжение» во время поездки в Англию. Они намекают, что во время пребывания в Манчестере Фрейд соблазнил свою

племянницу — ту самую Полину, с которой он когда-то играл на одуванчиковом лугу. Некоторые доходят даже до мысли, что Фрейд мог изнасиловать девушку. Надо заметить, что браки между кузенами, а также между дядей и племянницей не считались у евреев запретными. Очень возможно, что, отправляя сына в Англию, Кальман Якоб не исключал такого союза и даже втайне надеялся на него. Но никаких оснований и тем более доказательств того, что Фрейд потерял девственность именно с Полиной, у нас нет. И уж тем более спекулятивно и беспочвенно выглядит версия всё того же Олега Акимова об изнасиловании.

Прошло не больше месяца со времени его возвращения из Англии, и в октябре 1875 года Фрейд посылает Зильберштейну письмо со стихотворной сатирой… на свадьбу Жизелы Флюс. Между тем, шестнадцатилетняя Жизела тогда замуж явно не собиралась, и вообще это событие произойдет только шесть лет спустя. Но Зигмунд изображает ее в сатире типичной мещанкой, которая с годами превратится в обычную толстую грудастую еврейку, умеющую ловко резать селедку.

Если следовать теории психоанализа, то разгадка письма таится в его постскриптуме: «Теперь я похоронил магический жезл, способствовавший ее обучению, и пусть начнется новая эра — без тайных сил, без потребности в поэзии и фантазии». «Магический жезл» — это, безусловно, фаллос, а сама фраза, видимо, намекает на попытки Фрейда покончить с онанизмом, в ходе которого он вызывал в воображении образ Жизелы. Но для того, чтобы достичь этой цели, Фрейд попытался деромантизировать образ любимой девушки, доказать себе, что она больше не может быть для него сексуальным объектом.

Черновик письма, в котором есть строки о бритве и цианиде, наводит на мысль, что неспособность прекратить мастурбировать приводила Фрейда в отчаяние и даже порой наводила на мысли о самоубийстве.

Судя по всему, сатира о придуманной свадьбе Жизелы помогла Зигмунду избавиться от мыслей об этой девушке, но не от тяги к мастурбации. Как уже говорилось, анализ писем и сочинений Фрейда наводит на мысль, что он онанировал еще довольно долго — вплоть до своей свадьбы с Мартой, а возможно, и несколько лет после нее.

Глава седьмая
КТО ВИДЕЛ ЯИЧКИ УГРЯ?

1875/76 учебный год прошел для Фрейда под знаком упорных занятий анатомией и зоологией. Долгие часы он проводил в морге и лаборатории, учась искусству препарирования трупов и тканей. Думается, его упорством двигало прежде всего стремление убедить себя, что эти предметы ему действительно интересны и что он способен стать первоклассным врачом и естествоиспытателем; что это и есть его призвание.

Что ж, надо заметить, что судьба Фрейда в этом смысле отнюдь не является исключением. История трех последних столетий изобилует примерами, когда многие из тех, кто по самому складу своей души должен был стать писателем, художником, философом, в силу тех или иных обстоятельств выучивались на медиков, физиков, химиков, инженеров и достигали немалых успехов на этом поприще, дорастая до профессоров, а то и до академиков.

Судя по всему, упорство Фрейда принесло свои плоды. Его знания и, главное, недюжинная трудоспособность были замечены профессором сравнительной анатомии, известным зоологом Карлом Фридрихом Вильгельмом Клаусом (1835–1899). В качестве поощрения и, одновременно, в знак веры в его способности ученого Клаус делает талантливому студенту поистине сказочный подарок: в марте 1876 года Фрейд отправляется на Адриатическое побережье, в созданный Клаусом в Триесте Институт зоологических исследований.

В задачу Фрейду вменялось провести исследование половой жизни угря и, в частности, определить, есть ли у самцов угрей семенники. Следует заметить, что если бы Фрейд и в самом деле нашел бы ответ на этот вопрос, его имя золотыми буквами было бы вписано в историю науки.

Система размножения угря — это одна из самых больших биологических загадок, волновавшая еще Аристотеля. Так как никому не доводилось видеть самцов угря, то древние греки, к примеру, были уверены, что таковых нет вообще и угри рождаются из грязи. В просвещенном XIX веке в это, понятно, никто не верил, но вопрос, каким способом размножаются угри, от этого яснее не становился. Не суждено было найти на него ответа и Зигмунду Фрейду. Да это было и невозможно: лишь в XX столетии, с появлением новых методов исследования, станет

ясно, что таинство размножения происходит у угрей в глубинах Саргассова моря, но и по сей день с этим вопросом не всё ясно. И всё же нельзя не удивиться еще одному странному совпадению в жизни Фрейда: его первая научная работа так или иначе оказалась связана с половой сферой.

О том, как проводил Фрейд время в Триесте, нам опять-таки известно из его писем к Зильберштейну. Каждое утро он отправлялся в порт, чтобы купить у подошедших рыбаков свежие образцы для препарирования. Затем спешил в лабораторию и с восьми до двенадцати работал со скальпелем и микроскопом. Потом следовал часовой перерыв на обед — и снова работа, на этот раз до шести часов.

«Все угри, которых я разрезаю, оказываются самками», — констатирует Фрейд в письмах. Затем он подробно описывает другу свой распорядок дня и свой кабинет. Его главный рабочий стол, как выясняется, расположен напротив окна; в его левом углу стоит микроскоп, в правом анатомическое блюдо, а вся передняя часть стола заставлена целым рядом склянок с образцами для препарирования, а на столе лежат инструменты, иглы, предметные стекла, карандаши и бумага для зарисовок. Кроме того, в кабинете есть еще один стол, заваленный книгами, полки с пробирками и необходимыми инструментами и т. д.

Словом, при чтении письма перед взором встает прелестный натюрморт «Кабинет подлинного ученого». Для этого всё и писалось: чтобы показать другу, что он теперь самый что ни на есть настоящий ученый, из тех, про кого пишут в журналах и газетах.

Но юный Зигмунд на этом не останавливается. Он пишет, что мысли о поставленной перед ним задаче не оставляют его даже во сне; что он весь поглощен «великими проблемами, связанными со словами „протоки“, „семенники“ и „яичники“». И снова трудно отделаться от чувства, что Фрейд опять рисуется; что он явно любит не столько зоологию в себе, сколько себя в зоологии.

Вместе с тем у него оставалось достаточно свободного времени, чтобы бродить по Триесту и его окрестностям, заглядывать в таверны и кафе, и эти страницы его писем написаны настолько живо и увлекательно, что не оставляют сомнений в его писательском даровании.

От его внимания не ускользает повешенная в соседнем городке мемориальная доска в честь мэра, который «выгнал всех евреев и избавил город от грязи», но очень быстро он переключается на восторженное описание местных женщин, которых он называет не иначе как «великолепными образчиками» и «итальянскими богинями». Он обращает внимание на то, что в

городе живет не меньше трех врачей, предлагающих «акушерские услуги», и иронически замечает, что «может, на местных женщин так действует морская фауна, что они плодоносят круглый год, или же они делают это лишь в определенное время и вместе».

Однако при этом в письмах почему-то ни слова о борделях и проститутках, которых в Триесте, как и в любом портовом городе, было немало. Между тем Пол Феррис убежден, что в опубликованном в 1919 году очерке «Сверхъестественное» Фрейд рассказывает именно о событиях, происшедших с ним во время пребывания в 1876 году в Триесте.

В этом очерке Фрейд рассказывает, как однажды он шел по некому незнакомому ему провинциальному итальянскому городку и вдруг очутился в районе борделей, где «раскрашенные женщины» сидели в окнах домов. Он поспешил прочь, но заблудился, сделал круг и снова оказался на той же улице. Снова пошел прочь — и снова оказался там же.

Анализируя эту историю, Феррис справедливо замечает, что в своем очерке Фрейд «проигнорировал истинно фрейдовское значение этого эпизода: он постоянно возвращался на эту улицу, потому что хотел посетить бордель».

Версия эта выглядит правдоподобной. Судя по всему, «итальянские богини», которые то и дело встречались Фрейду в Триесте, были не кем иными, как местными проститутками; «акушерские услуги» куда чаще сводились к проделыванию абортов, чем к родовспоможению, и разлитый по портовому городу сладкий запах разврата пьянил Фрейда. Возможно, не раз и не два он подумывал о том, чтобы посетить публичный дом, даже уже направлялся туда, но внушенная ему с отрочества мысль, что пользоваться покупной любовью аморально, вновь и вновь останавливала его.

Если это было именно так, то в этом опять нет ничего оригинального. Великий еврейский писатель Исаак Башевис-Зингер рассказывает в своих воспоминаниях, как в юности он, испытывая невыносимый сексуальный голод, несколько раз приближался к борделю, отдалялся от него, затем все-таки решился войти, но только для того, чтобы тут же в панике, не разбирая дороги, бежать из объятий проститутки. Думается, подобная реакция была вообще свойственна воспитанным на книгах молодым людям из интеллигентных семей, однако еврейским юношам — в особенности.

Но именно потому, что выводы, часто делаемые Фрейдом на основе анализа своей личной жизни, оказывались достаточно типологическими, его теория и завоевала такую популярность.

«Для образованного молодого человека с парой флоринов в

кармане посещение проститутки было достаточно обычным делом, так что, противостоя этому искушению, Фрейд продемонстрировал свою прекрасную самодисциплину. Я думаю, что он гордился этим достижением в тот душный летний день, когда солнце стояло над крышами, а на лестнице виднелась женская тень. И все-таки он хотел бы поступить иначе»[60], — пишет Пол Феррис.

На самом деле перед нами — хорошо знакомая сексологам ситуация внутреннего конфликта, который в случае регулярного повторения неизбежно ведет к возникновению невротического состояния. Признаки этого состояния опять-таки легко просматриваются во многих поступках и в самом образе мышления Зигмунда Фрейда.

Усиленные занятия наукой, помимо всего прочего, были и явной попыткой сублимации мучившего Фрейда сексуального желания. Но так как сама психология человека такова, что удовлетворение потребностей одной группы никогда не компенсирует до конца неудовлетворенные потребности другой, то нам остается только догадываться, как это желание сжигало юного Фрейда, невольно подводя его к мысли, что оно-то и является самым главным и определяющим — по меньшей мере для каждого мужчины.

Между тем его научные штудии в Триесте были с одобрением встречены профессором Клаусом, и в сентябре 1876 года он получает новый грант для продления работы в Триесте. В 1877 году на основе результатов своих изысканий в Институте зоологических исследований Фрейд сделал доклад «Наблюдение строения и тонкой структуры дольчатого органа угря, который рассматривается в качестве его яичек». Этот доклад, по-видимому, и стал его первой научной публикацией. «Никто, — утверждал в этой работе Фрейд, — еще никогда не видел яичек угря».

«Эта формулировка, — пишет Роже Дадун, — как станет ясно впоследствии, была отправной точкой всех важнейших аналитических исследований Фрейда: применяя точные научные методики, увидеть в области сексуального то, что было тайной». Впрочем, Дадун тут же сам и признает спекулятивность этой мысли, относя ее к области «словесной алхимии».

В том же году Фрейд приступает к учебе и практическим занятиям на кафедре физиологии профессора фон Брюкке и накопленный в Институте зоологических исследований опыт помогает ему быстро войти в число любимых студентов этого выдающегося ученого.

* * *

Как и Карл Клаус, глава Института физиологии Эрнст Вильгельм Риттер фон Брюкке (1819–1892) был убежденным, воинствующим материалистом. Он разделял идеи Гельмгольца и других позитивистов того времени о том, что в обычном организме действуют те же силы и процессы, что в физике и химии, и задача ученого — постичь их.

«Колючий» в общении, не терпевший сантиментов, он одновременно был символом научной добросовестности, тем самым образцом подлинного ученого-естествоиспытателя, который выстроил в своем воображении юный Зигмунд.

Подпав под строгое обаяние фон Брюкке (об «ужасных голубых глазах» которого он будет вспоминать потом в «Толковании сновидений»), Фрейд стал делать всё, чтобы понравиться новому кумиру. Демонстрируя рвение к науке, он задерживался в лаборатории после занятий и в итоге добился своего: любимый профессор поручил ему самостоятельную исследовательскую работу. Работа эта заключалась в исследовании нервных окончаний в позвоночнике миног, и Фрейд постарался доказать, что он владеет искусством препарирования образцов и может часами просиживать над микроскопом. Работа увлекает его, но куда важнее работы для него — ловить на себе одобрительные взгляды фон Брюкке.

На основе накопленного материала Фрейд пишет статью о нервной системе миног и продолжает исследовать нервную систему этих и других простейших рыб и приходит к выводу, что их нервные клетки близки к нервным клеткам высших животных. Его вторая статья на эту тему, датированная 1878 годом, вызвала самые положительные отзывы в профессиональных кругах. Когда Фрейд представлял ее в Институте физиологии, он удостоился аплодисментов. По словам Макса Шура, ценность научных изысканий Фрейда этого периода заключается в том, что он «вплотную подошел к открытию того, что нейрон… является анатомической и функциональной единицей нервной системы. Это открытие позже принесло Вальдейеру мировую известность».

В поисках новых методов исследования нервных тканей Фрейд придумывает новый оригинальный способ их окрашивания с помощью азотной кислоты и излагает его в опубликованной в 1879 году «Заметке о методе аналитического препарирования нервной системы».

Всё это принесло ему желанное сближение с фон Брюкке, ставшим для Фрейда отцом не только в науке, но и в некотором смысле — и в жизни. Во всяком случае, сам Фрейд так

чувствовал. Думается, немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что фон Брюкке был немцем, то есть «отцом правильной национальности», с белокурыми волосами и уже упомянутыми голубыми глазами, то есть с типично арийской внешностью. «Отцом», о котором Фрейд мечтал втайне даже от самого себя.

Заметив, что одаренный студент явно испытывает материальные трудности, фон Брюкке помог получить ему несколько стипендий (в том числе от уже упоминавшихся еврейских фондов), а также включил Фрейда в число лаборантов-демонстраторов, что давало хоть небольшой, но всё же приработок. Но главное, безусловно, заключалось в том, что именно фон Брюкке привил Фрейду вкус к подлинно научной работе, помог освоить саму научную методологию, выработать отношение к фактам и научиться их систематизировать.

«Кто начинал у Брюкке, мог далеко уйти от физиологии, но он уже не может отказаться от метода всю свою жизнь. Фрейд не может отделаться от научной совести. Этим он отличается от многих своих учеников. „Ужасные голубые глаза Брюкке“ не раз, по-видимому, пугали его, когда он делал рискованные скачки в „подземное царство“»[61], — замечает Фриц Виттельс.

В Институте физиологии Фрейд познакомился с целым рядом работавших или захаживавших туда молодых талантливых врачей, и в первую очередь с Эрнстом Флейшлем и Йозефом Брейером. Оба они стали близкими друзьями Фрейда, оба сыграли значительную роль в его жизни, но встреча с Брейером носила поистине судьбоносный характер — именно Брейеру Фрейд отвел роль Иоанна Предтечи в рождении теории психоанализа.

* * *

У нас нет никаких сведений о том, занимался ли Фрейд в этот период философией, но, судя по всему, он продолжал поддерживать тесные отношения с профессором Францем Брентано. Именно Брентано познакомил Фрейда с Теодором Гомперцом, автором классического труда «Греческие мыслители», и Фрейд начинает время от времени наведываться в гости к философу.

Спустя короткое время Гомперц предложил Фрейду еще одну подработку — перевод на немецкий язык 12-го тома сочинений английского философа-позитивиста Джона Стюарта Милля (1806–1873). Том включал в себя такие известные эссе Милля, как «Платон», «По поводу эмансипации женщин», «Изучение рабочего

движения и социализма».

Предложение о переводе Милля пришлось как нельзя кстати, так как в 1879 году Фрейда как будущего медика призвали на несколько месяцев в австрийскую армию. Чтобы узнать, что собой представляла такая служба, достаточно перечитать «Бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Ну а если учесть, что Фрейд к тому времени вообще не имел диплома врача, то вся его работа сводилась к тому, что он должен был просто просиживать по ночам в госпитальной палате и в случае чего вызвать опытного врача. Свободного времени у него было в те дни хоть отбавляй, и Зигмунд с головой погрузился в перевод, стараясь следовать не букве, а духу текста.

Судя по всему, эта работа, которую он успешно закончил в 1880 году, сыграла важную роль в окончательном становлении мировоззрения Фрейда. Как известно, Милль был не только выдающимся экономистом, развившим идеи Давида Рикардо, но и одним из отцов европейского либерализма, выступавшим за изменение отношения общества к женщине, отказ от взгляда на нее как на существо более низшее, чем мужчина. Фрейд, как мы увидим, обсуждал эти идеи английского философа с невестой, причем отнюдь не питал к ним симпатии.

Фрейд вряд ли обошел вниманием и идеи Милля о роли иррационального начала в поведении человека, важность которого он обосновывал, ссылаясь на древнегреческих философов — Платона, Аристотеля, Гераклита.

И, наконец, на Фрейда не могла не произвести впечатления биография Милля, история его отношений с Гарриет Тейлор, неудовлетворенная по моральным соображениям страсть к которой терзала его в течение многих лет. Переписка Милля и Тейлор, безусловно, повлияла на любовные письма Фрейда Марте — первой и, как официально считается, единственной женщине в его жизни. Впрочем, насчет «первой» и «единственной» есть разные версии. Но зато в том, что Зигмунд Фрейд и Марта Бёрнейс были суждены друг другу, сомневаться не приходится.

Время их встречи стремительно приближалось.

* * *

Кстати, в тот же период, в 1879 или 1880 году, Фрейд начинает курить.

Если исходить из его же теории и туманных намеков, разбросанных по письмам и сочинениям, то можно предположить, что с помощью этой новой вредной привычки он пытался

отказаться от превратившейся в уже неотъемлемую потребность мастурбации.

Хотя не исключено, что он пристрастился к курению во время службы в армии, как это бывает со многими мужчинами. Правда, первая из этих версий, согласитесь, совершенно не исключает вторую.

Глава восьмая
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

1879–1881 годы прошли для Фрейда под знаком напряженной учебы. Он продолжает заниматься научной деятельностью в институте фон Брюкке (сейчас бы сказали, что Фрейд был активистом НСО — научного студенческого общества), но при этом прослушивает и сдает экзамены по всем курсам, обязательным для получения диплома врача.

Большую часть свободного времени он проводит в доме Йозефа Брейера, отношения с которым становятся всё более и более близкими. «Он стал, — писал Фрейд впоследствии, — мне другом и помощником в трудных условиях моего существования. Мы привыкли разделять друг с другом все наши научные интересы. Из этих отношений, естественно, основную пользу извлекал я».

Брейер, будучи на 14 лет старше Фрейда, был к тому времени известным исследователем и одним из самых модных врачей Вены. Достаточно сказать, что у него лечились вместе со своими домочадцами многие профессора медицинского факультета, включая записного антисемита Бильрота. Его гонорары были так высоки, что Брейер мог позволить себе работать не более трех-четырех часов в день, посвящая всё остальное время науке и семье.

Жил Брейер в огромной квартире, где было место и для большой, уютной, обставленной дорогой мебелью гостиной, и для лаборатории, и даже для клозета и ванной. Последняя в то время была в новинку. В доме Фрейдов, как и в большинстве других венских домов, в банный день огромную ванную доставляли в квартиру на извозчике, а за ней рабочие заносили ведра с горячей водой.

Но ведь дело было не только в ванной!

В доме Брейера чувствовалась та атмосфера достатка и стабильности, которых и в помине не было в доме Фрейдов. Просиживая вечера в квартире старшего друга, Фрейд мечтал о том, что когда-нибудь и он будет зарабатывать не меньше Брейера. Тогда, думал он, у него будут такие же роскошные апартаменты с ванной, и так же, как и Брейер, он сможет позволить себе время от времени выезжать вместе с женой в отпуск за границу, иметь свободное время для науки, отдыха, размышлений…

Словом, Зигмунд Фрейд затосковал по радостям семейной

жизни, по самому что ни на есть банальному мещанскому счастью и достатку, но кто может осуждать его за это?!

Отношения между Фрейдом и Брейером то напоминали отношения ученика и учителя, то старшего и младшего брата. Брейер одалживал Фрейду деньги, не оговаривая никаких сроков их возврата; делился с ним наиболее интересными случаями из своей практики и порой брал с собой Зигмунда на вызовы, представляя как своего ассистента.

Именно Брейер и стал первым, кто озвучил для Фрейда мысль о сексуальной этиологии всех или большинства неврозов. «Когда я, еще молодой госпитальный врач, однажды гулял по городу, к нему подошел какой-то человек и хотел сейчас же поговорить с ним, — вспоминал Фрейд. — Я отстал немного, а когда Брейер освободился, он рассказал мне со своей дружелюбно наставнической манерой, что это муж одной пациентки дал ему о ней сведения. Женщина эта держит себя на людях столь вызывающе, что ее направили к нему для лечения как нервнобольную. Это всегда „тайны алькова“, — прибавил он в заключение. — Я с удивлением спросил, что он этим, собственно, хочет сказать, и он объяснил мне значение слова [„брачное ложе“], так как не мог понять, почему его мысль показалась мне такой странной»[62].

Это признание лишний раз доказывает, насколько молодой Зигмунд Фрейд был наивен и несведущ во всем, что касалось вопросов сексуальности, — и это притом что ему было тогда уже далеко за двадцать. Возможно, именно в этой наивности и невежестве и следует искать истоки его будущего учения: открытие силы либидо, роли сексуального влечения в жизни мужчин и женщин произвело ошеломляющее впечатление, прежде всего на него самого. В этом смысле он был подобен ребенку, впервые узнавшему, что Земля — круглая и вращается вокруг Солнца, и спешащего поделиться этой удивительной новостью со всеми знакомыми взрослыми.

Психоаналитик Елена Шпигнер, консультировавшая автора при редактировании этой книги, обратила мое внимание на то, что последний вывод явно вступает в противоречие с предложенным выше описанием детства Фрейда. Того самого, из которого он предстает весьма сексуально осведомленным ребенком. В то же время противоречие это, по ее мнению, отнюдь не неразрешимо. Напротив, из сделанного Фрейдом признания следует, что полученные им в детстве сексуальные травмы были вытеснены в бессознательное, но в тот момент, когда Брейер высказал эту мысль вслух, начался процесс осознания вытесненного, возникло ощущение открытия истины, которую он

давно знал, но не мог (а точнее, страшился) выразить словами.

31 марта 1881 года Фрейд взял первый барьер на пути к карьере преуспевающего врача: на торжественной церемонии, в присутствии всех членов семьи Фрейд и их близких друзей (включая и семью Флюс, правда без Жизелы, которая незадолго до этого по-настоящему вышла замуж) он получил диплом доктора медицины.

Потом, разумеется, все отправились на торжественный обед в квартиру Фрейдов, поднимали тосты за «господина доктора», но сам Фрейд прекрасно понимал, что является врачом лишь номинально. Он слишком много времени уделял в университете чистой науке и слишком мало медицинской практике, чтобы немедленно заняться врачеванием. Он был кем угодно — зоологом, биологом, физиологом, но только не врачом!

Между тем надо было подумать и о том, как заработать себе на жизнь и, вдобавок, как-то помочь стареющим родителям, которым, несмотря на помощь старших сыновей Кальмана Якоба, становилось всё труднее сводить концы с концами.

Тем не менее Фрейд решил продолжать научную карьеру и в мае 1881 года принял предложение профессора фон Брюкке занять должность штатного демонстратора в его институте. Зарплата демонстратора была нищенской (примерно такой же, как в наши дни зарплата лаборанта при школьном химическом кабинете), но зато давала возможность с годами дорасти до приват-доцента и профессора, получить международное признание, место преподавателя в университете. Такая перспектива Фрейда вполне устраивала.

Точнее, устраивала до ставшего для него во многом судьбоносным 1882 года.

* * *

Шломо Сигизмунд Фрейд навсегда запомнил тот апрельский вечер 1882 года, когда он, вернувшись с работы, застал в доме гостей. Одного взгляда на сидевшую за столом даму в строгом чепце и молодого человека в ермолке и черном костюме ему хватило, чтобы понять, что гости принадлежат к числу глубоко религиозных евреев-ортодоксов, к которым он относился, мягко говоря, без особой симпатии. Когда ему представили фрау Эммелин Бёрнейс и ее сына Эли, Зигмунд вежливо, но вместе с тем скептически улыбнулся. Затем очередь дошла до подруги сестры Анны, Марты Бёрнейс, которая сидела за столом и резала яблоко[63]. Она привстала, сделала легкий книксен и…

продолжила есть яблоко.

А Зигмунд так и остался стоять и смотреть, как она чистит яблоко, — и это мгновение почему-то все длилось и длилось, а он никак не мог оторвать взгляд от ее тонких изящных рук, от осиной талии, от груди, контуры которой проступали под строгим платьем.

Наконец он опомнился, сел за стол, но, хотя успел за день изрядно проголодаться, словно не заметил поданную матерью тарелку. Он задал таинственной незнакомке несколько обычных, вежливых вопросов, но из-за шума в ушах и головокружения не расслышал ответов. Марта тем временем переключилась на разговор с его сестрами. Девушки обсуждали последние книжные новинки, говорили о моде, о каких-то своих общих подругах, и хотя до Шломо Сигизмунда долетали только обрывки этих разговоров, он уже твердо уверился, что Марта Бёрнейс — не только самая очаровательная, но и умная и остро чувствующая особа.

«Как ты прекрасна, любимая моя, как прекрасна!» — зазвучали в нем слова «Песни песней», и он понял, что Шломо встретил свою Шуламит и что это — судьба.

В тот вечер, уже после того как гостьи ушли, Зигмунд долго не мог заснуть. Он попробовал занять себя чтением, но так и не смог сосредоточиться ни на одной книге. Марта Бёрнейс должна стать его женой — эта мысль вдруг овладела всем его существом. Что бы ни случилось, он добьется ее руки. Конечно, ему совсем не нравилось, что Марта происходит из религиозной, то есть, как он был убежден, «отсталой» семьи, но Фрейд был уверен, что сумеет «воспитать» будущую жену и освободит ее от всех этих «еврейских суеверий и предрассудков».

Дальше события развивались поистине стремительно. Никогда до того не ухаживавший за девушками Фрейд напросился в гости к Бёрнейсам. Потом осмелел настолько, что предложил Марте, семья которой за 11 лет до того перебралась в Вену из Гамбурга, показать ей «настоящую Вену и ее красоты». Фрау Эммелин Бёрнейс милостиво согласилась на эти свидания, оговорив, что, как и предписывает еврейская традиция, молодые люди будут гулять не одни, а в сопровождении Минны — младшей сестры Марты. Сопровождение это, как увидит читатель, оказалось крайне символичным и в итоге пожизненным.

Зигмунд бродил с Мартой по окружающим Вену рощам и паркам, говорил с ней о литературе, рассказывал о себе, о своих планах стать выдающимся ученым, и убеждался, что первое, иррациональное, если говорить терминологией Милля, впечатление было верным: Марта и в самом деле оказалась

умным, интересным собеседником, понимающим его с полуслова. Время от времени она останавливалась, отходила в сторону к близлежащей скамейке и подтягивала чулки, которые почему-то слишком часто сползали с ее грациозной ножки. Зигмунд понимал, что не должен пока подглядывать за любимой в столь интимные минуты, но ничего не мог с собой поделать — он то и дело косил взглядом, чувствуя, что сгорает от пьянящего ощущения нежности и желания обладать этой девушкой. В тот день он решил, что, несмотря на свои мизерные доходы, станет каждый день посылать ей розу, — и выполнил это намерение.

8 июня явно злоупотребляющий гостеприимством Бёрнейсов Фрейд застает Марту за перепиской нотного альбома для ее кузена Макса Мейера и чувствует болезненный укол ревности — браки между кузенами были, как уже упоминалось, тогда очень распространены в еврейской среде.

«Всё кончено!» — решает он.

Но Марта, похоже, думала совершенно иначе.

На следующий день Фрейд, оказавшийся патологическим ревнивцем, пригласил ее на прогулку в Медлинский сад, девушка приняла его приглашение, и 10 июня пьяный от счастья Фрейд бродил по парку, размахивая руками, читая стихи, рассуждая, рассказывая о своей работе и всячески пытаясь очаровать любимую. В какой-то момент он нашел на земле сдвоенный миндаль и протянул его Марте в знак того, что сама природа подает им тайные знаки.

11 июня Марта посылает Зигмунду собственноручно испеченный пирог с шутливой запиской. Его рассказ о том, как он препарирует различные органы, писала Марта, так потряс ее, что она посылает ему на препарирование свой пирог. Согласитесь, что в этот момент так и хочется закричать вслед за поручиком Ржевским: «Молчать, господа фрейдисты! Молчать!!!»

Прошло два дня, и 13 июня Марта снова оказалась в гостях у Фрейдов. Зигмунд сначала выпросил, а точнее, едва не вырвал у нее фотографию, а за столом осторожно пожал ей руку. И вспыхнул от счастья, когда Марта ответила ему тем же.

Нужно быть евреем, чтобы понять весь напряженный эротизм этого момента. Еврейский закон, которому тогда строго следовала Марта, запрещает юноше и девушке каким бы то ни было образом касаться друг друга, и правило это распространяется также на жениха и невесту до момента их свадьбы. Поэтому рукопожатие для религиозной еврейки Марты было куда более смелым и «развратным» жестом, чем страстный поцелуй в губы для француженки. Еще совсем немного — и они, наконец, переходят на почти интимное «ты», но это происходит

не раньше, чем потерявший голову от любви Фрейд в письме попросит даму своего сердца об этой привилегии.

15 июня 1882 года они снова гуляли вместе в парке (на этот раз под присмотром старшего брата Марты Эли), и в тот же день Зигмунд написал любимой первое письмо.

До их брака оставалось более четырех лет, и за эти годы Фрейд отправит любимой около девятисот писем. Собранные вместе, они представляют один из самых прекрасных эпистолярных романов XIX века. Со страниц этих писем пред нами предстает иной Зигмунд Фрейд, совсем непохожий на того рассудительного солидного господина с сигарой, каким он выглядит на поздних фотографиях. Он мучается от ревности, он пылает страстью, он готов положить к ногам любимой весь мир, ибо любовь к ней значит для него больше всего остального — даже больше желанной славы и бессмертия в памяти человечества.

«Как ты прекрасна, любимая моя, как прекрасна!»

* * *

«Вы так изменили мою жизнь», — пишет Фрейд в том первом письме, а затем признаётся, что, когда брат Марты, Эли, на минуту оставил их одних, у него возникло чудовищное искушение обнять и поцеловать ее. Но поступить так, тут же спешит он добавить, «было бы низко по отношению к гостеприимству и радушию этого дома, а я бы не сделал ничего низкого возле вас».

Проходит еще два дня — и 17 июня Зигмунд делает Марте предложение. И — о, боже! — получает согласие. Фрейд мгновенно увидел в самой этой дате высший мистический смысл: число «17» соответствовало в гиматрическом выражении ивритскому слову «навсегда», «постоянно», а значит, отныне и навсегда они с Мартой должны были быть вместе. Так оно, в общем-то, в итоге и получилось.

В знак любви Марта подарила Зигмунду кольцо ее деда, раввина Исаака Бёрнейса. Передача Фрейду одной из главных семейных реликвий призвана была подчеркнуть, насколько глубоко Марта доверяет ему и своим чувствам. Для Фрейда, который оценил всё значение такого подарка, это кольцо стало чем-то вроде талисмана. Чтобы в семье Бёрнейс не заметили пропажу, Фрейд заказал у ювелира точно такое же кольцо, но чуть меньшего размера — как раз под палец Марты.

С того дня 17 июня стало их личным, сугубо интимным

праздником, который они отмечали на протяжении многих лет. И это — лишь один из многих примеров, показывающий, что напускной атеизм нередко сочетался у Фрейда с массой еврейских религиозных суеверий и предрассудков.

Объяснившись, Марта и Зигмунд тут же начинают обдумывать, как сообщить о своем решении родителям, а заодно определиться с датой свадьбы. Но, будучи типичными детьми своей среды и своего времени, они не мыслят брака до того, как Зигмунд не сможет достойно обеспечивать семью. Рай в шалаше не годится ни для него, ни для Марты: оба хотят быть уверены, что смогут содержать пусть и самую скромную съемную квартиру и вести то существование, которое считается в их кругу «достойным». А до этого следует ждать и не позволять себе «ничего лишнего» до первой брачной ночи.

«Ты же первый не простишь мне, если это случится до свадьбы!» — роняет Марта, даже не подозревая в тот момент, насколько она права, угадав особенности психологии своего избранника. Пройдет не так много времени, и Зигмунд запретит Марте ночевать у подруги, которая «вышла замуж до свадьбы», так как это якобы свидетельствует о развратных склонностях последней, и он не желает, чтобы его Марточка общалась с подобными особами. Он также категорически возражает, чтобы она шла на каток, так как в этом ужасном месте она, упаси бог, может схватиться за руку постороннего мужчины. Он дарит ей своего любимого «Дон Кихота», но спустя несколько дней пишет, что «зашел слишком далеко», так как забыл, что в этой великой книге «много грубых и отвратительных мест». То есть, понятное дело, Фрейд об этом помнил и даже хотел, чтобы Марта прочла эти места, но при этом ему было важно, чтобы все свои любовные фантазии она направляла только на него — отсюда и замаскированное под сожаление предупреждение.

В это же время Фрейд начинает прикидывать, сколько времени может занять у него путь к более или менее обеспеченной жизни. У него выходит, что порядка девяти лет. К этому времени ему будет 35, а Марте — 30. Много, немыслимо много! Даже Иаков, как известно, работал за свою Рахиль только семь лет!

Выход остается лишь один: забыть о научной карьере, о славе ученого и стать преуспевающим, хорошо зарабатывающим врачом. Что ж, если речь о выборе между наукой и любовью, он выбирает любовь. И всё же, прежде чем сделать окончательный шаг, Фрейд решает посоветоваться с фон Брюкке, тем более что этикет требовал, чтобы младшие сотрудники извещали профессора о переменах в их личной жизни. К тому же не так

давно в институте освободилось место ассистента, зарплата которого была заметно выше, чем у демонстратора. Вероятно, Фрейд втайне рассчитывал, что фон Брюкке предложит ему занять эту вакансию, и тогда он сделает еще один шаг к заветному месту преподавателя.

Но фон Брюкке, узнав о намерении Фрейда жениться, предпочел не тешить ученика иллюзиями. Он объяснил Зигмунду, что научная работа — это, увы, роскошь, которую могут позволить себе состоятельные, а потому и немногие люди; что лишь единицам из сонма желающих удается достичь профессорского кресла, а шансы на это у еврея куда меньше, чем у представителя любой другой национальности. А потому лучшее, что может сделать Фрейд, — это стать хорошим врачом. В то же время, при желании он сможет продолжить научные исследования в Институте физиологии — свободный стол и необходимая аппаратура всегда для него найдутся.

Слова фон Брюкке, как уже было сказано, легли на подготовленную почву. Молодые специалисты, готовые за гроши набирать необходимый опыт, были нужны, и Фрейд договаривается о поступлении на работу в качестве врача в отделение внутренних болезней Венской городской больницы.

Пока же Зигмунд продолжает работать у фон Брюкке, но на самом деле это уже лишь видимость работы. У него всё валится из рук, он ни на чем не может сосредоточиться — все его мысли вертятся вокруг Марты, то и дело перерастая в сексуальные фантазии, что отчетливо видно по письму, датированному 27 июня 1882 года:

«Моя милая невеста, я вырвал несколько листов из своей рабочей тетради, чтобы написать тебе в то время, пока идет эксперимент. Перо я похитил с рабочего стола профессора (Э. фон Брюкке. — *П. Л.)*. Люди вокруг меня думают, что я занят расчетами, относящимися к моему эксперименту… Передо мной в моем аппарате что-то варится и бурно кипит, и именно этим я должен сейчас заниматься. И всё это напоминает нам о необходимости проявлять смирение и ждать…»

Тем временем Эммелин Бёрнейс была явно встревожена тем, что ее дочь всерьез увлеклась этим нищим докторишкой, который вдобавок был законченным безбожником и не скрывал этого. Последнее в глазах фрау Бёрнейс означало, что у Зигмунда Фрейда нет ничего святого, и тот (будучи, как она ошибочно полагала, «опытным мужчиной») может попросту соблазнить и обесчестить ее девочку. Чтобы спасти дочь от «роковой ошибки», она отправляет Марту провести остаток лета к дяде, в расположенный под Гамбургом городок Вандсбек.

Узнав об отъезде Марты, Фрейд приходит в неистовство. Он начинает подозревать, что Марту отправили к дяде, чтобы выдать там замуж. В его голове мгновенно выстраивается картина, как Марте представляют потенциального жениха, как под давлением родственников она соглашается на брак, а возможно — о, ужас! — влюбляется в него и забывает о своем Зигмунде! А может, на самом деле у нее уже давно был жених и всё, что было между ними в последние месяцы, было только игрой с ее стороны?! Но как же тогда быть с подаренным кольцом?!

В этом близком к шизофреническому психозу состоянии (что на самом деле характерно для состояния влюбленности и объясняется физиологами избыточным выбросом дофамина) Фрейд начинает расспрашивать всех своих близких и дальних знакомых о прошлом невесты, и эти рассказы усиливают его ревность.

«Фрейд ревновал Марту, — сообщает Эрнест Джонс, — к ее двоюродному брату, к которому она питала некогда привязанность. Эта ревность подпитывалась одной из его сестер, довольно злобно сообщавшей ему, какой восторженной была Марта по отношению к некоторым песням, написанным и спетым для нее Максом. Затем Макс привел Фрейда в ярость, заметив, что Марта нуждается в любви, так что без труда найдет себе мужа… Вскоре Макс отошел в тень из-за более опасной фигуры. Этим соперником являлся на сей раз не посторонний для Фрейда человек, его близкий друг Фриц Вале. Макс был музыкантом, а Фриц художником, что вызвало у Фрейда озабоченность. Фрейд имел свое мнение о их способности нравиться барышням, и ему действительно однажды сказали, что Фриц имел репутацию человека, способного увести любую женщину от другого мужчины»[64].

Терзаемый муками ревности к реальным и воображаемым мужчинам, Зигмунд добивается у Эли Бёрнейса точного адреса Марты, занимает деньги на дорогу и, бросив всё, отправляется в Вандсбек. Лишь встретив невесту, он немного успокаивается: он всё еще любим, и каждый день разлуки тяжел для Марты так же, как для него.

Судя по всему, в Вандсбеке, втайне от поставленного на роль цербера дяди, влюбленные встретились несколько раз. Их свидания проходили в городском парке, который затем в письмах Фрейд сравнил с райским садом. Правда, там не было ангелов с пылающими мечами, но зато «был один маленький, нежный ангел с изумрудными глазами и сладкими губами».

Значит ли последняя фраза, что именно там, в Вандсбеке, они впервые поцеловались? Возможно, очень возможно. Тем более что

дальше Фрейд пишет о том, что теперь как порядочный человек он точно должен жениться, а Марте следует смириться с неизбежным — рано или поздно она станет «фрау Фрейд».

Вернувшись из Вандсбека окрыленным, 31 июля 1882 года Фрейд приступил к работе в Венской больнице. С этого, по большому счету, и началось его обучение практической медицине.

Жизненный путь медика в те времена мало чем отличался от сегодняшнего. В течение ряда лет молодые стажеры были обречены сопровождать на обходах профессора или кого-либо из ведущих врачей отделения, с придыханием следить за тем, как тот осматривает больного и какие лекарства прописывает, затем выполнять эти указания в ходе своих дежурств. За этот многочасовой труд им платили гроши.

Должны были пройти месяцы, а порой и годы, прежде чем стажеров допускали к самостоятельному лечению больных, у них высвобождалось время для частной практики, и та начинала приносить ощутимый доход. Параллельно шло их продвижение по службе, увеличивалась зарплата, и каждая новая ступенька на карьерной лестнице означала одновременно и повышение гонораров от частной практики. Гонорары приват-доцента были несопоставимы с гонорарами обычного врача, а стоимость визита к светиле, обладавшему званием профессора, могли оплатить только весьма состоятельные люди.

Понятно, что Фрейду пришлось сполна испить эту горькую чашу начинающего врача. Тем не менее, вдохновленный любовью и планами на будущее, он находит в этом положении немало преимуществ. Да, его зарплата настолько мала, что на нее не купишь приличной одежды, а сидя с друзьями в кафе или в пивной, приходится мысленно подсчитывать каждый гульден. Но зато больница выделила ему, как и остальным ординаторам, маленькую комнатку, и таким образом Зигмунд, по сути дела, впервые зажил отдельно от родителей. Вдобавок ему полагался скромный завтрак, он мог обедать на больничной кухне, то есть проблема с питанием тоже худо или бедно была решена. Наконец, в его распоряжении была огромная больничная библиотека, открывавшая ему бесплатный доступ ко всем новинкам медицинской, да и не только медицинской литературы, а также многочисленные больничные лаборатории.

Спустя месяц после того, как «доктор Фрейд» приступил к работе, в Вену вернулась Марта. Им удалось встретиться, счастливый Зигмунд показал любимой свою заваленную книгами комнатку в больнице, познакомил с друзьями, но так как фрау Бёрнейс продолжала следить за дочерью, то встречаться им

приходилось урывками, и они продолжали писать друг другу нежные письма.

В октябре Фрейда ждал новый удар: мать Марты объявила, что намерена в следующем году вместе с детьми вернуться в Гамбург — теперь уже навсегда.

А в ноябре 1882 года (во всяком случае, по версии официальных биографов) доктор Йозеф Брейер поведал своему младшему другу Зигмунду Фрейду некую историю, сыгравшую немалую роль и в его личной судьбе, и, как это ни высокопарно прозвучит, в истории человечества.

Глава девятая
СТРАННАЯ ИСТОРИЯ АННЫ О.

«Если создание психоанализа является заслугой, то это не моя заслуга. Я не принимал участия в первых начинаниях. Когда другой венский врач, доктор Йозеф Брейер, в первый раз применил этот метод к одной истерической девушке (1880–1882), я был студентом и держал свои последние экзамены», — утверждает Фрейд в своем цикле лекций «О психоанализе»[65].

Речь идет об истории болезни пациентки, которая была обозначена в написанных в 1895 году Фрейдом и Брейером «Этюдах об истерии», под именем Анна О. И Эрнест Джонс, и другие биографы, и ученики Фрейда настаивают на том, что в данном случае их кумир явно преувеличил роль Брейера в рождении психоанализа, но одновременно не отрицают значения «случая Анны О.» в рождении его метода. Настоящее имя Анны О. — Берта Паппенгейм — стало известно благодаря тому же Джонсу, и это разоблачение вызвало понятное негодование ее семьи.

Нам точно известно, когда впервые Брейер рассказал Фрейду историю болезни Берты: это произошло 18 ноября 1882 года, и этот день можно считать датой… нет, не рождения, а зачатия психоанализа, которому предстояло еще пройти долгий и непростой путь, чтобы оформиться в зародыша, а затем появиться на свет в виде не очень симпатичного и поначалу отталкивающего от себя «приличное общество» младенца.

Сама дата нам известна благодаря письму Фрейда, написанному 19 ноября, в котором он решил поделиться с любимой доверенной ему медицинской тайной. Фрейд был уверен, что Марте это будет интересно, так как Марта, как и, впрочем, и сестра Фрейда Анна считались подругами Берты. Не исключено, что все три девушки вместе учились, а после смерти отца Марты в 1879 году Зигмунд Паппенгейм, отец Берты, стал опекуном семьи Бёрнейс.

«Пациентка д-ра Брейера, девушка 21 года, очень одаренная, — продолжает Фрейд в своих лекциях, — обнаружила в течение двухлетней болезни целый ряд телесных и душевных расстройств, на которые приходилось смотреть очень серьезно. У нее был спастический паралич обеих правых конечностей с отсутствием чувствительности, одно время такое же поражение в левых конечностях. Расстройства движения глаз и различные недочеты зрения, затруднения в держании головы, сильный

нервный кашель, отвращение к приему пищи; в течение нескольких недель она не могла ничего пить, несмотря на мучительную жажду; нарушения речи, дошедшие до того, что она утратила способность говорить на своем родном языке и понимать его; наконец, состояние спутанности, бреда, изменения всей ее личности…»[66]

Автор этих строк долго колебался, стоит ли ему самому пересказать историю Анны О. или лучше процитировать различных биографов Фрейда. В конце концов я решил остановиться на последнем варианте, и вскоре читатель поймет почему.

Вот как описывает эту историю Эрнест Джонс в «Жизни и творениях Зигмунда Фрейда»:

«С декабря 1880 по июнь 1882 года Брейер лечил фрейлейн Анну О., чей случай был признан потом классическим случаем истерии. Пациентка была очень одаренной девушкой 21 года, которая развила множество симптомов в связи со смертельной болезнью своего отца. Среди этих симптомов были спастический паралич трех конечностей с контрактурами и отсутствием чувствительности, тяжелые сложные расстройства речи и зрения, отвращение к пище и сильный нервный кашель, который и явился причиной вызова к ней Брейера. Однако более интересным являлось наличие двух особых состояний сознания: одно вполне нормальное, а другое — как у капризного беспокойного ребенка. Это был случай раздвоения личности. Переход от одного состояния в другое сопровождался фазой самогипноза, после которой она просыпалась свежей и умственно нормальной. К счастью, фаза абсанса имела у нее место во время визита Брейера, и вскоре у нее вошло в привычку рассказывать ему о неприятных событиях дня, включая пугающие галлюцинации, после чего она чувствовала облегчение. Однажды она рассказала детали зарождения своего симптома и, к великому изумлению Брейера, после того разговора симптом полностью исчез. Постигнув ценность такой процедуры, пациентка продолжала рассказывать об этом симптоме одному за другим, называя эту процедуру „лечением разговором“ или „прочисткой труб“. Между прочим, в это время она могла говорить и понимать только по-английски, забывая свой родной, немецкий язык, а когда ее просили почитать вслух из итальянской или французской книги, делала это быстро и спонтанно — на английском.

Спустя некоторое время Брейер заполнил эту вечернюю процедуру, погружая ее каждое утро в искусственное гипнотическое состояние, так как множество материала начинало становиться ошеломляющим. В течение года, день за днем, он

терпеливо наблюдал эту пациентку, отказываясь от многих других предложений. Благодаря его проницательности и таланту на вооружении психотерапии появился новый метод, который Брейер назвал „катартическим“. Он связан с его именем и до сих пор довольно широко используется.

Фрейд рассказал мне более полно, чем описал в своих работах, об особенных обстоятельствах, заставивших Брейера расстаться со своей пациенткой. По всей видимости, Брейер развил у себя то, что в наши дни называется сильным контрпереносом к этой пациентке. Он так увлекся ее случаем, что вскоре его жена начала ревновать его к этой больной. Она не проявляла открыто своей ревности, но стала замкнутой и выглядела несчастной. Прошло немало времени, прежде чем Брейер разгадал подтекст такого ее поведения. Результатом явилось его решение завершить лечение. Вечером он объявил об этом Анне О., которая чувствовала себя теперь значительно лучше. Но вскоре за ним прислали вновь, и он нашел ее в крайне возбужденном состоянии. Пациентка, которая, по ее словам, представляла собой несексуальное существо и у которой на протяжении всего времени лечения не возникало какого-либо намека на эту запретную тему, находилась теперь в родовых муках истерического рождения ребенка, местного завершения ложной истерической беременности, которая незаметно развилась в ответ на оказание помощи Брейером. Хотя Брейер был сильнейшим образом шокирован, ему удалось успокоить пациентку, прибегнув к гипнозу. Он выбежал из дома в холодном поту. На следующий день он вместе с женой уехал в Венецию…»

А вот как эта же история предстает в патетичном очерке Стефана Цвейга о Фрейде:

«Брейер, чрезвычайно занятый работой домашний врач, весьма деятельный и в научной области, без определенной, однако, творческой установки, еще раньше до парижской поездки Фрейда сообщал ему об одном случае истерии у молодой девушки, при котором он достиг удачного результата совершенно особым образом. У этой молодой девушки были налицо все обычные, зарегистрированные наукой явления истерии… И вот Брейер подметил, что молодая девушка чувствовала облегчение всякий раз, когда имела возможность порассказать о себе то или другое… Но среди этих отрывочных, лишенных внутренней связи признаний Брейер чувствовал, что больная искусно обходит молчанием наиболее существенное, решающее в ее истерии. Он заметил, что пациентка знает о себе кое-что такое, чего она отнюдь не желает знать и что она по этой причине в себе подавляет для того, чтобы очистить путь к предшествующему ее

переживанию. Он надеется, что вне контроля воли будут устранены все задержки, препятствующие конечному установлению имевшего места факта. И в самом деле, попытка его увенчивается успехом: в гипнотическом состоянии, когда чувство стыдливости как парализуется, девушка свободно признаётся в том, что она столь упорно замалчивала до сих пор перед лицом врача и что скрывала, прежде всего, от самой себя, а именно, что у постели больного отца она испытала известного рода ощущения, а потом их подавила. Эти оттесненные по соображениям благопристойности чувства нашли себе, или, вернее, изобрели для себя в качестве отвлечения определенные болезненные симптомы. Ибо всякий раз, когда в состоянии гипноза девушка признаётся в этих своих чувствах, сразу же исчезает их суррогат — гипнозы истерии. И вот Брейер систематически продолжает лечение в намеченном направлении. И поскольку он вносит ясность в самосознание больной, истерические явления ослабевают — они становятся ненужными. Спустя несколько месяцев пациентку можно отпустить домой как излечившуюся»[67].

В этом отрывке Цвейг пользуется теми же приемами, которыми пользовались многие биографы Фрейда, пытавшиеся навести хрестоматийный глянец на его личность.

Во-первых, он подтасовывает факты, говоря о том, что Анна О. призналась Брейеру под гипнозом в том, что столь «упорно замалчивала». Здесь Цвейг опирается на мнение самого Фрейда и его учеников, что подлинной причиной истерии Анны О. было бессознательное сексуальное влечение к отцу. Но Анна О. такого признания Брейеру не делала. Более того, Фрейд подчеркивал, что данный случай нельзя рассматривать с точки зрения психоанализа, так как девушка ему не подверглась.

Во-вторых, Цвейг сознательно кое-что недоговаривает, чтобы не портить созданную им лубочную картину «зачатия психоанализа». На деле ему прекрасно было известно, что говорить об этой пациентке как об «излечившейся до конца и совершенно здоровой» было никак нельзя. Об этом сам Фрейд рассказал Цвейгу в письме от 2 июня 1932 года:

«Однажды, когда все симптомы болезни уже были побеждены, его (Брейера. — *П. Л.)* позвали вечером к больной, которую он нашел в состоянии душевного расстройства, корчащуюся от спазмов в области живота. Когда он спросил ее, что происходит, она ответила: „Это рождается ребенок от доктора Брейера“. В этот момент у Брейера был ключ от „Главных дверей“, но он выронил его. Несмотря на большую умственную одаренность, в нем не было ничего фаустовского. Придя в ужас, что случилось бы на его

месте с любым врачом, не владеющим психоанализом, он обратился в бегство, передав пациентку своему коллеге. Ей в течение нескольких месяцев пришлось бороться с недугом, пока не восстановилось ее здоровье».

О том, что на самом деле «катартический метод» ни к какому исцелению не привел, говорит и Эрнест Джонс, которого мы чуть выше прервали на полуслове.

«…У бедной пациентки, — сообщает далее Джонс, — дела шли не так хорошо, как можно было предположить из опубликованного Брейером отчета о ее болезни. Имели место рецидивы, и ее перевели в медицинскую клинику на Гросс-Энцерсдорф. После годичного перерыва в лечении этой пациентки Брейер признался Фрейду, что она абсолютно расстроена умом и что он желал бы, чтобы она умерла и избавилась от страданий. Однако она неожиданно пошла на поправку. Несколько лет спустя Марта рассказывает, как „Анна О.“, которая оказалась одной из ее старых приятельниц, а позднее ее родственницей по линии брака, неоднократно ее навешала. Днем она чувствовала себя очень хорошо, но с наступлением вечера всё еще страдала от галлюцинаторных состояний.

Фрейлейн Берта („Анна О.“) была не только высокоинтеллектуальной девушкой, но также обладала весьма привлекательной внешностью и индивидуальностью; когда она находилась в санатории, то воспламенила любовью сердце лечащего ее психиатра. За несколько лет до своей смерти она сочинила пять остроумных некрологических заметок о себе. В тридцатилетием возрасте проявилась очень серьезная сторона ее натуры, и она стала первым социальным работником Германии… Она основала одно периодическое издание и несколько институтов. Большая часть ее деятельности была посвящена защите и эмансипации женщин, но забота о детях также занимает видное место в ее жизни. Настоящим подвигом можно назвать ее поездки в Россию, Польшу и Румынию для спасения детей, чьи родители погибли в еврейских погромах. Она никогда не была замужем и осталась очень набожной».

Говоря о значении «случая Анны О.» для рождения теории психоанализа, фанаты Фрейда утверждают, что именно она навела их кумира на мысль о той огромной роли, которую бессознательное начало нашей психики оказывает на наше поведение. Одновременно они как бы мимоходом отмечают, что в отношении к этой истории впервые проявилась гениальность Фрейда как ученого: он обратил внимание на то, чего не заметил не гениальный, а «всего лишь» талантливый Брейер.

«Заслуга Брейера по отношению к психоанализу так же велика, как заслуга фон Брюкке по отношению к изобретению офтальмоскопа. Брейер видел свечение бессознательного, а фон Брюкке — сетчатки глаза. Фрейд же дал нам линзу, с помощью которой мы можем видеть картины психоанализа»[68].

Наконец, эта же позиция очень неплохо сформулирована и в очерке Цвейга:

«Вплоть до этих, существенно важных, можно сказать, решающих предпосылок, Брейер и Фрейд продвигались вперед сообща. В дальнейшем пути их расходятся. Брейер, врач по призванию, обеспокоенный опасными моментами этого спуска в низины, снова обращается к области медицины; его, по существу, занимают возможности излечения истерии, устранения симптомов. Но Фрейда, который только теперь открыл в себе психолога, влечет как раз таинственность этого акта трансформации; происходящий в душе процесс. Впервые установленный факт, что чувства поддаются оттеснению и замене их симптомами, подвигает его на всё новые и новые вопросы; он угадывает, что в этой одной проблеме заключена вся проблематика душевного механизма. Ибо если чувства поддаются оттеснению, то кто их оттесняет? И прежде всего, куда они оттесняются? По каким законам происходит переключение сил психических на физические и где именно совершаются эти непрестанные переустановки, о которых человек ничего не знает и которые он, с другой стороны, сразу же осознаёт, если его принудить к такому осознанию? Перед ним начинает смутно обрисовываться незнакомая область, куда не отваживалась вторгаться до сих пор наука; новый мир открывается ему издали в неясных очертаниях — мир бессознательного. И отныне страстное устремление всей его жизни — „познать долю бессознательного в индивидуальной жизни души“. Спуск в низины начался»[69].

Думается, в наши дни у Берты Паппенгейм диагностировали бы синдром личностного пограничного расстройства (*borderline personality disorder)*. Даже сегодня этот синдром крайне тяжело лечится, а у Фрейда и Брейера вообще не было никаких шансов на его исцеление. Им оставалось довольствоваться ролью наблюдателей…

* * *

Критики Фрейда, разумеется, относятся к «случаю Анны О.», мягко говоря, отнюдь не так восторженно, как Цвейг. Они открыто сомневаются в том, что в действительности всё

происходило именно так, как это описали Брейер и Фрейд в «Этюдах об истерии», не говоря уже о более поздних ее версиях. И следует признать, что у них есть для этого основания: уж слишком «литературно», а если говорить прямо, попросту надуманно выглядят многие ее моменты.

Обращая внимание на многие нестыковки в этой истории, один из самых яростных современных фрейдофобов Олег Акимов выстраивает целую конспиративную теорию, согласно которой Фрейд был знаком с красавицей Бертой Паппенгейм еще со школьной скамьи — как, впрочем, и с ее близкой подругой Мартой Бёрнейс. Более того, Акимов выдвигает версию о том, что Фрейд с юных лет и едва ли не на протяжении всей жизни любил Берту, пробовал за ней ухаживать и даже пытался посвататься. Однако Берта предпочла Зигмунда куда более красивому, элегантному и успешному ассистенту фон Брюкке Эрнсту Флейшлю, с которым, по Акимову, у нее начался бурный роман.

Когда у Берты проявились первые признаки заболевания, разворачивает Акимов свою теорию дальше, к ней действительно вызвали Брейера, но тот, не испытывая особого интереса к истеричкам, передал ее на попечение Фрейду. Именно Фрейд, а не Брейер, по версии Акимова, лечил Берту, проводя в доме Паппенгеймов долгие часы и пичкая свою пациентку морфием, а заодно внимательно прислушиваясь к ее наркотическому бреду.

Наконец, когда стало ясно, что с Бертой у него ничего не получится, Фрейд переключился на куда менее привлекательную Марту, но все его страстные письма последней, по сути, писались с мыслью о Берте. Далее Акимов доходит до того, что обвиняет Фрейда в намеренном превращении Флейшля в наркомана и доведение его до самоубийства — в отместку за то, что тот оказался более «счастлив в любви».

Как уже говорилось на страницах этой книги, проблема Олега Акимова заключается в том, что, будучи ослеплен своей неприязнью к Фрейду, он зачастую демонизирует его и в своих объяснениях тех или иных событий жизни создателя психоанализа доходит до абсурда. При этом Акимов не учитывает нравы и понятия того времени, в котором эти события проистекали, и по понятным причинам он совершенно не знаком с образом жизни и ценностными установками евреев вообще и религиозных евреев в особенности.

Между тем последнее играет во всем происходящем немалую роль. Семья Паппенгейм была необычайно религиозна, и Эрнест Джонс не случайно подчеркивает, что Берта оставалась «набожной» до конца жизни. Как уже отмечалось, для девушки из религиозной еврейской семьи немыслимо даже прикоснуться

рукой к руке постороннего мужчины, не говоря уже о том, чтобы первой признаться ему в своих чувствах. Берта осталась «набожной», то есть, борясь всю жизнь за эмансипацию женщин, так и не смогла эмансипироваться сама. Таким образом, версия о романе Берты Паппенгейм и Эрнста Флейшля, что называется, расползается по всем швам.

Все доводы Акимова относительно знакомства Берты и Фрейда также не выдерживают критики. Они жили в одном еврейском квартале, но этот квартал вмещал в себя десятки тысяч человек, так что Акимов заблуждается, когда утверждает, что там все друг друга знали. Анна и Марта и в самом деле могли быть знакомы с Бертой Паппенгейм, но это опять-таки не означает, что с ней был знаком и Фрейд. Напомню, что юноши и девушки учились раздельно, никак не пересекались, а если сестры Фрейда и в самом деле были знакомы с Бертой, то, скорее, сами ходили в гости к подруге из богатой семьи, чем приводили ее в свой относительно бедный дом.

Но Акимов, безусловно, прав, когда задается вопросом о том, с какой стати такой чрезвычайно занятой, очень популярный терапевт, как Брейер, никогда прежде не проявлявший никакого интереса к психиатрии, стал засиживаться у постели истерички и записывать ее поток сознания? Версия о том, что Брейер руководил лечением Берты, но основную часть времени с ней проводил Фрейд, игравший роль ассистента своего маститого друга, выглядит вполне вероятной. Как и то, что именно Фрейд решил сделать из этой истории монографию, а затем подбил Брейера стать соавтором — чтобы прикрыться его авторитетом. Когда же Брейер понял, что Фрейд использует его имя для продвижения своих весьма спорных научных идей, то между ними произошел разрыв.

Странным в этой версии является прежде всего то, с какой легкостью Фрейд отдает приоритет Брейеру, а затем почти во всех работах выставляет его если не отцом, то по меньшей мере предтечей психоанализа. Между тем — и Акимов это, кстати, подчеркивает — Фрейд всю жизнь очень болезненно относился к вопросу приоритета, и нам еще предстоит увидеть, как болезненно он отнесся к тому факту, что прошел мимо анестезирующего действия кокаина. С какой же стати он так легко в данном случае сдает позиции?!

В связи с этим куда более интересным представляется анализ «случая Анны О.», проделанный профессором О. Г. Виленским. Виленский, безусловно, тоже был фрейдофобом; его отношение к Фрейду, по сути, мало чем отличается от отношения Акимова, но, будучи типичным представителем советской академической

школы, он сохраняет респектабельность суждений. К тому же его взгляд ценен тем, что Виленский был профессиональным психиатром.

«Что можно сказать по поводу „случая Анны О.“? — пишет О. Г. Виленский. — Прежде всего, диагноз истерии в данном случае явно не соответствует описанию, сделанному Брейером и Фрейдом. Можно говорить лишь об отдельных истерических симптомах (кратковременные параличи, нервный кашель и т. п.), вкрапленных в структуру картины типичной и тяжелой шизофрении, что нередко встречается в клинической практике. В пользу этого убедительно говорят такие симптомы, как галлюцинации, отказ от пищи, суицидальные попытки и, самое главное, расщепление личности (схизис), что проявилось в переходе пациентки с родного языка на иностранный и ощущении того, что она живет в двух измерениях (прошлом и настоящем). Практически почти не вызывает сомнения, что длительный прием хлоралгидрата и морфия по назначению Брейера и привел в конце концов к частичной ремиссии (кстати, именно так и лечили тяжелых душевнобольных в ту эпоху).

Конечно, нельзя со стопроцентной уверенностью утверждать, что внимательное и доброжелательное отношение врача на протяжении двух лет как-то могло положительно повлиять на течение заболевании, естественно, при учете решающей роли в данном случае медикаментозной терапии. Да и можно ли по-настоящему говорить о ремиссии, если Берта в дальнейшем неоднократно проходила стационарное психиатрическое лечение?..

…В принципе, Берта в последние десятилетия своей жизни соответствует клинической картине шизофрении в стадии дефекта. Естественно, нельзя упрекать Брейера и Фрейда в неправильной нозологической диагностике — и вот почему. Как уже указывалось выше… только после работ двух великих психиатров — Крепелина (1896) и Блейлера (1911) была создана единая система классификации психических заболеваний, да и сам термин „шизофрения“ появился только в 1911 году.

Таким образом, авторов не стоит порицать за неправильную диагностическую терминологию. Но вот что касается трактовки „случая Анны О.“… есть целый ряд признаков, говорящих не просто об „ошибочной трактовке“ „случая Анны О.“, но и о прямой подгонке его под искусственно созданную концепцию. Как уже упоминалось выше, Брейер фактически интенсивно лечил Берту хлоралгидратом и морфием, но в книге „Этюды об истерии“ он объясняет это наличием у пациентки невралгии, тем самым уведя медикаментозную терапию в тень и искусственно

выпячивая на первый план „разговорное лечение“. Но и это еще не главное. Трактовка „случая Анны О.“ гласит, что ее симптомы возникли вследствие скрытого нежелания ухаживать за тяжелобольным отцом. Прежде всего, это объяснение выглядит очень странно: непонятно, почему дочь так страстно не хочет помочь отцу, если только она не является изначально душевнобольной. Далее следует еще более странное объяснение о комплексе „любовь — ненависть“ к тому же отцу (эскиз будущего комплекса Электры), объяснение, в котором отчетливо чувствуется почерк Фрейда. И, наконец, абсолютно непостижимо, каким образом эти (надуманные или, допустим на мгновение, реальные) факты могут вызвать развитие тяжелого душевного заболевания. Здесь впервые ярко проявляется еще один слабый пункт в теории Фрейда, пункт, к которому придется возвращаться еще не раз в дальнейшем изложении. Речь идет о полном игнорировании основателем психоанализа генетических факторов, как известно, играющих решающую роль в развитии почти всех заболеваний и особенно психических расстройств. Для Фрейда же этиология нарушений психики связана исключительно с капризами сексуального инстинкта. И, наконец, по сути фиктивное (можно сказать еще резче — липовое) излечение пациентки, дальнейшая динамика болезни и жизненные пути которой стали известны только через 70 лет. И вот на фундаменте такого весьма и весьма сомнительного случая было воздвигнуто здание психоанализа»[70].

Таким образом, согласно Виленскому, первородный грех теории психоанализа заключался в фальсификации одних фактов и игнорировании других в угоду сохранения «верности концепции». Эта практика «подгонки» фактов под теорию, убежден Виленский, стала одним из ведущих методов работы Фрейда, превратив в итоге психоанализ в профанацию науки.

Подобные же претензии и в прошлом, и в наши дни предъявляют Фрейду многие исследователи. Осборн, основываясь на трудах Г. Ю. Айзенка, в своей популярной книге о Фрейде суммирует их следующим образом:

«1) Психоанализ не поддается количественной оценке и не может быть фальсифицирован, следовательно, он не научен.

2) Научная база Фрейда — его пациенты — слишком ограничена и специфична, чтобы считать ее адекватной (большинство его пациентов относились к среднему и высшему классу в лице еврейских дам с невротическими / истерическими навязчивостями).

3) В трудах Фрейда немного четких данных; часто он просто на такие данные намекает. Поэтому невозможно проверить и его

толкование.

4) В сборе своих данных Фрейд действовал ненаучным образом. Он наблюдал четыре-пять пациентов в день, а вечером писал свои заметки, причем точность этих заметок сомнительна.

5) Фрейд был против количественного исследования (статистики), а это создает неопределенность.

6) Без помощи статистики невозможно проанализировать, являются ли наблюдения случайными или их можно скоррелировать по аналогии.

7) Психоаналитическая теория не может подвергнуться отрицанию (Карл Поппер), в этом главная сущность научного теоретизирования. Как можно было бы привести противоположные примеры, говоря об инстинктах жизни и смерти?

8) Психоаналитическая теория не может предсказывать, она способна только объяснять события задним числом.

9) Психоаналитическая терапия работает не очень хорошо. Айзенк утверждал, что у многих людей она замедляет выздоровление. Другое исследование показало, что все виды терапии приблизительно равны по эффекту (placebo?).

10) Психоанализ есть мифическое фантазирование, которое переодели в научный костюм. Он сродни алхимии, теософии и прочим колдовским штучкам»[71].

Речь, повторим, идет об общих претензиях к методу и работам Фрейда, но многие из них проявились уже в его «случае Анны О».

Но один из «парадоксов Фрейда» как раз и заключается в том, что при всех недостатках его работ они оказывали огромное влияние на последующее развитие науки, и описанная им позже история Анны О. не стала в этом смысле исключением. Именно эта история натолкнула великого русского физиолога И. П. Павлова на одно из важнейших открытий.

«Иван Петрович сообщает о том, что́ именно натолкнуло его на мысль производить неврозы сшибками, — сообщается в протоколе одной из знаменитых „Павловских сред“. — В одной из своих ранних работ Фрейд описал случай невроза у девушки, которая много лет перед тем должна была ухаживать за больным отцом, обреченным на смерть, которого она очень любила и старалась поэтому казаться веселой, скрывая от него опасность болезни. Психоанализом Фрейд установил, что это легло в основу позже развившегося невроза. Рассматривая это как трудную встречу процессов возбуждения и торможения, Иван Петрович как раз и положил в основу метода вызывания экспериментальных неврозов на собаках это трудное столкновение двух

противоположных процессов»[72].

«Через много лет, — пишет Михаил Григорьевич Ярошевский, — Фрейд случайно узнал, что Павлов, создавая свое учение об экспериментальных неврозах, отталкивался от его пионерской работы… Сердито фыркнув, он воскликнул: „Это могло бы мне чрезвычайно помочь, если бы он сказал это несколькими десятилетиями раньше“… Возможно, он вспомнил при этом о неудаче, постигшей его в попытках физиологически объяснить невроз. Вместе с тем, оставаясь в пределах этого объяснения, он не смог бы создать принесший ему всемирную славу психоанализ»[73].

Любопытно отметить, что сама Берта Паппенгейм, которая, конечно же, узнала себя в Анне О., до конца жизни ненавидела Фрейда, и время от времени ей снились кошмары, в которых так или иначе фигурировали Брейер и Фрейд. В одной из таких записанных Бертой снов она оказывается в санатории, куда ее поместил Брейер, где к ней возвращались все ее истерические симптомы, и надзиратель больницы хотел сделать ей укол морфия. «Я кричала им, — говорится в описании этого сна, — что я не та Анна из статей, которые они постоянно публиковали, глупая, маленькая фрейлейн, которую они лечили разговорами, но это всё равно не помогло. Мы все знали, в чем была их проблема — они были мужчинами. Брейер думал, что всё знает. Так же думал и этот наглый друг, с которым я никогда не была знакома, этот Фрейд, который затем писал обо мне, будто знал меня. Никто из них и близко не подошел к Анне. Она играла с ними в женские игры».

Впрочем, всей этой катавасии с Анной О. можно, разумеется, дать и иное, куда более прозаическое объяснение: 21-летняя Берта и в самом деле влюбилась в своего лечащего врача, но то, что в силу воспитания и условностей своей среды она не могла ни открыться ему, ни тем более реализовать свою страсть, значительно усилило симптомы ее заболевания. Таким образом, в чем-то Фрейд был прав: сексуальная составляющая играла огромную роль в истории ее болезни, но в главном он ошибся: никакого «комплекса Электры» у девушки не было. Она любила еще относительно молодого и необычайно обаятельного доктора Йозефа Брейера и всеми силами пыталась удержать его возле себя, устраивая «женские игры» в «прочистку труб» и сознавая всю бесперспективность своего чувства. Любовь эта для такой романтической и экзальтированной натуры, какой была Берта Паппенгейм, оказалась поистине роковой: она так и не смогла никого больше полюбить, и, говоря терминологией Фрейда, сублимировала свое либидо в активной общественной

деятельности.

Думается, Виленский не ошибается, поставив Берте диагноз «шизофрения». В связи с этим автор этих строк не может не вспомнить давнюю историю, произошедшую с его приятелем, ныне известным в России профессором математики, а тогда 26-летним кандидатом наук, молодым преподавателем университета, внешне очень похожим на актера Олега Янковского. Одна из студенток (как выяснилось позже, страдающая шизофренией) настолько страстно влюбилась в него, что начала его преследовать. Дело дошло до того, что она стала заявляться к нему в квартиру и молча, не произнося ни слова, просиживать там часами, наотрез отказываясь возвращаться домой, — даже когда за ней приходили родители. Всё это, естественно, не очень нравилось жене моего друга и вдобавок изрядно пугало ее. Да и, если честно, друг тоже был не на шутку напуган и не знал, как выпутаться из этой ситуации.

Так что легко понять, что пережил Йозеф Брейер после случая мнимой беременности Берты.

К счастью, Берта была девственницей, и потому обвинить его в чем-либо было невозможно. Судя по всему, когда Фрейд в письме Цвейгу пишет, что Брейер поспешно уехал в Венецию, передав Берту другому врачу, под последним он имеет в виду себя.

История болезни Берты Паппенгейм, вне сомнения, врезалась в память Фрейда, но, говоря его же языком, на какое-то время была оттеснена в бессознательное, в глубины памяти, чтобы всплыть оттуда, когда жизнь столкнет его с другими перекликающимися с историей Анны О. случаями. Но это произойдет позже.

Пока же Фрейд всё еще связывает свое будущее с классической медициной и ведет неприметную жизнь одного из многих врачей-стажеров Венской больницы.

Глава десятая
РОМАН С КОКАИНОМ

1882–1884 годы стали для Фрейда периодом становления в качестве профессионального врача. Он не просто проводит время у постели больных, стараясь облегчить их страдания, но и использует свои наблюдения для написания статей и рассылки их в различные медицинские журналы — для того, чтобы на него, по меньшей мере, обратили внимание.

Зимой 1883 года он решает, что пришло время специализироваться в определенной области медицины, и обретает нового покровителя — профессора Теодора Мейнерта. 1 мая 1883 года Зигмунд Фрейд приступает к работе в психиатрической клинике Мейнерта, а затем и в его лаборатории.

Мейнерт, убежденный в том, что причиной психических заболеваний являются те или иные анатомические или физиологические отклонения в работе мозга, усаживает нового ученика за изучение анатомии мозга человеческих зародышей, маленьких детей, собак и кошек, и таким образом Фрейд снова возвращается к научной деятельности. Одновременно в клинике он внимательно наблюдает и за пациентами с целью понять, как те или иные повреждения мозга воздействуют на речь и моторные функции.

Результатом его трудов в этой области стали статьи «Случай кровоизлияния в мозг с комплексом основных косвенных симптомов, связанных с цингой» (1884), «К вопросу о промежуточном расположении оливковидного тела», «Случай атрофии мускулов с обширной потерей чувствительности (нарушение болевой и температурной чувствительности)» (1885) и др.

Эти работы уже принадлежат истории, но для биографов-фрейдофилов сам факт их существования доказывает, что Фрейд был подлинным ученым, прекрасно владевшим научной методологией. А значит, делают они вывод, он остался верен принципам научного мышления и в последующий период своей жизни, прожитый под знаменем психоанализа.

Фрейдофобы не принимают этот аргумент, а в ряде ранних статей Фрейда, посвященных историям болезни его пациентов, видят как раз неспособность к системному мышлению, к педантичному набору необходимого числа фактов и стремление сделать из частных случаев общие выводы. Именно на такой псевдонаучной методике и построено, по их мнению, всё здание

теории психоанализа.

В тот период Фрейд по-прежнему крайне нуждался в деньгах, но не мог отказать себе в покупке хороших сигар и книг. Жил он не столько на скудную зарплату начинающего врача, сколько на деньги, которые ему продолжали охотно ссужать (или, скорее, дарить) школьный учитель Самуэль Хаммершлаг, всё те же Брейер и Флейшль и новые коллеги по больнице, выходцы из состоятельных семей.

Одновременно его личная жизнь была полна множеством событий, о чем он подробно рассказывает в письмах Марте, с которой он не виделся с июня 1883 года — с момента ее отъезда в Гамбург. Он вновь ревнует, злится — прежде всего на будущую тещу, но затем переносит этот свой гнев то на Марту, то на весь мир. Явно пытаясь вызвать у невесты сочувствие, чтобы «она его за муки полюбила», Фрейд то и дело жалуется то на свою несчастную жизнь и невыносимые душевные страдания, а также на реальные и мнимые болезни, которые ему довелось перенести — оспу, сыпной тиф (Фрейд, видимо, заразился им от пациентов и перенес в очень легкой форме), ишиас…

Насколько натянутыми у него были отношения с матерью Марты и всей ее семьей, насколько Эммелин Бёрнейс противилась его планам о женитьбе, можно судить хотя бы по тому, что Фрейд не поехал на свадьбу старшей сестры Анны, которая в октябре 1883 года сочеталась традиционным еврейским браком с братом Марты бизнесменом Эли Бёрнейсом.

В том же году произошло еще одно событие, заставившее Фрейда всерьез задуматься о мотивах, которые движут теми или иными эксцентричными поступками людей. Его коллега по больнице, галицийский еврей, приват-доцент Натан Вейс повесился в бане спустя десять дней после возвращения из свадебного путешествия. До этого Вейс долго добивался руки своей будущей супруги, затем женился на ней, по сути дела, против ее воли — и в итоге понял, что эта женитьба не принесла ему счастья. На могиле один из родственников покойного «с жаром дикого и беспощадного еврея», как писал Фрейд, объявил, что убийцей Вейса является семья его вдовы. Припомнил он и то, что Вейса обманули с приданым.

Однако Фрейд, видимо бывший в приятельских отношениях с Вейсом, явно знал и подноготную этой истории. Он хорошо помнил, как Вейс мучился своим еврейством, называя себя «скомпрометированным центральным европейцем», и по себе знал, что это вполне может стать причиной по меньшей мере невроза. Знал он и то, что Вейс был, по большому счету, эгоцентричным и тщеславным человеком.

Но всё же основной причиной его самоубийства стало, видимо, то фиаско, которое он потерпел в попытке разбудить чувственность молодой жены. Та, по словам Фрейда, осталась «стыдливой и холодной», а это, в свою очередь, охладило и чувства Вейса, а заодно, возможно, сделало его импотентом. Смерть Вейса, слишком тщательно планировавшего свою жизнь и не сумевшего принять крушения этих планов, по словам Фрейда, «просто просится под перо романиста».

«Во Фрейде всегда скрывался писатель», — констатирует Пол Феррис, комментируя эту историю. Причем не исключено, что он прав: в тот период Фрейд не оставил тайных планов стать беллетристом и с этой точки зрения рассматривал свою работу в больнице и как средство накопления материала для будущих книг.

Зимой — весной 1884 года Фрейд начинает всерьез обдумывать, как ускорить свою свадьбу с Мартой, а значит, и как можно быстрее обрести хотя бы видимость материального благополучия. Более чем за полтора года работы в больнице он приобрел определенный практический опыт и потому взвешивает возможность переехать в какой-нибудь маленький город, заняться там частной практикой и вкусить радости простого семейного счастья. Но Марта в своем ответе считает, что лучше еще немного подождать, чем уезжать куда-то в глушь и жертвовать научной и медицинской карьерой.

В апреле 1884 года Фрейд направляет Марте письмо, в котором, с одной стороны, сетует на то, что она не может понять его, так как женщина, по его мнению, не может понять мужчину, терпящего муки сексуального воздержания. Но, с другой стороны, видно, что его настроение разительно изменилось и он отнюдь не собирается расставаться с Веной.

«Пожалуйста, не переживай, — пишет он любимой, — я не стану приносить тебе жертв, принять которые тебе будет нелегко. Поверь, естественно то, что я больше возражаю против затянувшегося ожидания. Я переношу его хуже тебя; общеизвестно, что невесты всегда счастливее женихов. Так что я решился на подобную карьеру, прежде всего, ради себя… Я не зайду особенно далеко, так что в ближайшие два года решительных изменений с нами, скорее всего, не произойдет. Вдобавок… в одной из научных областей я достаточно независим, чтобы добиться успехов без какой-либо особой поддержки и помощи. Я имею в виду мои познания в области нервной системы. Так что миру непросто будет позабыть мое имя. Я не очень амбициозен, но я и без того знаю себе цену… В настоящее время я в любом случае готов к борьбе и не намерен проиграть битву за

будущее в Вене…»

Думается, столь разительные перемены в настроении Фрейда связаны отнюдь не с его познаниями в области нервной системы. Именно в апреле 1884 года в его жизни начинается период, который Эрнест Джонс скромно называет «эпизодом с кокаином».

Хотя правильнее, наверное, говорить о страстном романе, длившемся не один год.

* * *

Исследователи, демонизирующие Фрейда, утверждают, что он в немалой степени несет ответственность за то, что выпустил в Европу «джинна кокаинизма». Дескать, именно его статьи, воспевающие полезность и безопасность этого наркотика, послужили его пропаганде и привели к тому, что тысячи людей стали наркоманами по неведению, а дальше среди европейской интеллигенции начался форменный обвал.

Предвзятость такого мнения очевидна. Фрейд, как, впрочем, и десятки других, давно забытых врачей, стал, по сути дела, лишь орудием в руках фармацевтических компаний, решивших апробировать и заработать миллионы на тогда еще относительно новом препарате. Фрейд подрядился осуществить такую апробацию по заказу компании «Мерк», получив для этого образцы кокаина и соответствующее вознаграждение.

В письме Марте от 22 апреля 1884 года Фрейд сообщает, что хочет попробовать кокаин на своем друге Флейшле. У него были для того причины: во время одного из вскрытий Флейшль занес в палец инфекцию. Палец ампутировали, но инфекция продолжала распространяться; рана гноилась и вызывала адские боли, которые Флейшль заглушал с помощью морфия и вскоре окончательно «подсел» на наркотик. Фрейд, судя по всему, искренне рассчитывал, что с помощью кокаина поможет другу избавиться и от болей, и от морфинизма.

25 мая 1884 года он сообщает Марте, что сам, вскоре после своего 28-го дня рождения, начал принимать «очень маленькие дозы» «от депрессии и несварения желудка» и «добился прекрасных результатов». В заключении письма он сообщает Марте, что шлет ей кокаин, чтобы «она стала крепче и румянее».

Судя по всему, Фрейд в тот период считал кокаин едва ли не панацеей от всех болезней — от невралгии, диабета, сердечных заболеваний и т. д.

К тому же на основе собственного опыта приема кокаина Фрейд пришел к выводу, что тот утоляет чувство голода,

значительно повышает работоспособность, настроение и — на что он немедленно обратил внимание — усиливает сексуальное желание и продуцирует сексуальные фантазии. Нам остается только догадываться, каким образом 28-летний Фрейд (если он действительно оставался девственником) это желание удовлетворял.

Но в начале июня 1884 года он пишет Марте:

«Горе тебе, моя принцесса. Когда я приеду, я зацелую тебя и закормлю. И если ты будешь непослушной, посмотрим, кто сильнее: маленькая девочка, которая ест слишком мало, или большой страстный мужчина с кокаином в крови».

Смысл письма однозначен: Фрейд горит нетерпением встретиться с любимой и уже живет предвкушением этой встречи. Он спешит и считает, что у него вполне достаточно материала для написания первой статьи о кокаине, гонорара за которую вполне должно хватить на поездку в Гамбург. В этом порыве, да еще и явно пребывая в состоянии наркотического опьянения, он и пишет статью «О коке».

«Он посвятил статью невесте, как „гимн во славу этого магического вещества“ — посвящение показывало, что читатель должен был найти в этой статье, — пишет Пол Феррис. — Статья в основном состояла из обзора литературы на эту тему. От истории использования растения кока в Перу Фрейд переходит к современным данным. Весь материал представлен пристрастно — автор подбирал данные, чтобы доказать эффективность кокаина. По словам Фрейда, он позволяет изменить метаболизм в организме, позволяя провести большую работу при приеме меньшего количества пищи. В некотором смысле это действительно так (потому что кокаин стимулирует выработку адреналина), но Фрейд, похоже, считал, что кокаин может стать заменителем пищи, воздействуя неизвестным способом на центральную нервную систему. Он верил в чудеса.

Вот некоторые данные из его статьи. Одна двадцатая грамма, растворенная в воде, „вызывает приятное возбуждение и длительную эйфорию, ничем не отличающуюся от нормальной эйфории здорового человека“. Возможно, Фрейд сам был в состоянии кокаиновой эйфории, когда писал эти строки. Улучшается контроль над собой. Увеличивается трудоспособность и „энергичность“ — эвфемизм, заменяющий в рекламе патентных средств слово „потенция“. Фрейд сообщает, что ему известны три человека, которые чувствовали половое возбуждение от приема этого средства. Вероятно, одним из них был он сам. Кокаин, уверял он читателей, не вызывает привыкания и „абсолютно никакого пристрастия“…»[74]

В сентябре 1884 года Фрейд, наконец, поехал в Гамбург, чтобы увидеть свою Марту. Но чуть ранее, как раз когда он готовился к поездке, произошла история, которую он себе потом долго не мог простить. Как выяснилось, он был всего в полушаге от величайшего медицинского открытия, но эти полшага сделал за него другой.

Вот как описывает эту историю современник и ученик Фрейда Фриц Виттельс:

«В 1884 г. химическая фабрика Мерка в Дармштадте послала Фрейду, который был тогда ординатором в больнице, пробу кокаина для научного исследования… В свойстве кокаина делать нечувствительной слизистую оболочку не отдавали себе тогда еще ясного отчета. Фрейд к этому времени оставил, по-видимому, лабораторию и ограничился помещением в журнале… статьи, в которой обширное место занимает история растения кока в Перу. Приводится несколько личных наблюдений относительно эффекта внутреннего употребления кокаина и перечисляются взгляды других исследователей на это средство. Упоминается, что при питье раствора кокаина деревенеют язык и небо. Интересная статья кончается следующими словами: „Применение кокаина, основывающееся на его анестезирующих свойствах, найдет себе место и в других случаях“.

Эту статью прочел выдвигавшийся в то время хирург Карл Коллер, товарищ Фрейда; он направился в Институт экспериментальной патологии и сказал там ассистенту профессора Соломона Штриккера Карлу Гетнеру: „По указаниям Фрейда я предполагаю, что раствором кокаина можно сделать нечувствительным наружный глаз“.

Оба врача произвели сейчас же опыт на глазе лягушки, кролика, собаки и под конец на своих собственных глазах. Так Коллер сделался благодетелем человечества. О его открытии было доложено на конгрессе глазных врачей в Гейдельберге летом 1884 года, и телеграф разнес весть об этом до Австралии и Сан-Франциско. С открытием Коллера наступила новая эра для оперативной офтальмологии и не только для нее одной, но и для всех тех областей, которые с применением местной анестезии достигли невиданной дотоле высоты»[75].

Далее Виттельс сообщает, что «Фрейд еще долго предавался болезненным размышлениям» о том, как вышло так, что он прошел мимо этого открытия и всячески пытался принизить сделавшего его Коллера. Хотя на самом деле всё объяснялось просто: Фрейд был далек и от хирургии, и от анестезиологии, и от офтальмологии, а потому не мог сделать это открытие по определению. Проблема заключалась во всё той же его

болезненной жажде славы, не важно, на каком поприще. И отношение Фрейда к Коллеру, разумеется, отнюдь не красит отца психоанализа.

В тот же период, находясь под воздействием другого препарата из листьев коки — эгонина, Фрейду приснился замечательный сон, о котором он поспешил рассказать Марте. Во сне он долго-долго шел и, наконец, пришел к Хольстентору — двум готическим башням над округлыми воротами, расположенными по пути из Гамбурга в Любек. Увидев их, Фрейд вскричал: «Любек!» — и… понял, что именно здесь им с Мартой следует провести медовый месяц.

Фрейд никогда не истолковывал этот сон, но его ученики постарались за него. В двух башнях у ворот Хольстентор они «отчетливо увидели» символ женских грудей, а в округлых воротах, в которые Фрейд так стремился войти во сне, — символ женского лона. Таким образом, этот сон, по их мнению, отражал мечту Фрейда о дефлорации невесты. Это толкование становится еще более интересным, если учесть, что слово «Любек» вызывает ассоциацию со славянским (а Фрейд, напомним, знал чешский язык) словом «любовь». Самое любопытное заключается в том, что сон этот, как увидит читатель, оказался вещим.

К началу 1885 года Фрейду уже стало ясно, что по поводу того, что кокаин не приводит к привыканию, он глубоко заблуждался: Флейшль стал законченным кокаинистом и уже не мог обходиться без этого наркотика. Судя по всему, Фрейд и сам всё сильнее зависел от него, и если бы он действительно был столь же честным ученым, как фон Брюкке или Мейнерт, то непременно забил бы тревогу. Но нет — в 1885 году (возможно, продолжая получать субсидии от «Мерка») в статье для Венского психиатрического общества Фрейд всё еще продолжает петь свою оду кокаину и рекомендует делать его подкожные инъекции «без всяких ограничений».

Лишь в 1887 году, когда в медицинских журналах всего мира одна за другой стали появляться статьи об опасности кокаина, Фрейд отказывается от своих взглядов, но делает это крайне осторожно — так, чтобы сохранить свою репутацию. Он пишет не об опасности кокаина как наркотика вообще, а о его опасности для морфинистов (случай Флейшля) и выдвигает гипотезу, что опасен не сам кокаин, а способы его применения.

Эрнест Джонс в своей фундаментальной и, по сути дела, «авторизованной» биографии Фрейда обращает внимание на то, что в «Толковании сновидений» Фрейд пишет, будто начал экспериментировать с кокаином не в 1885-м, а в 1884 году, и объясняет это бессознательной ошибкой. По Джонсу, таким

образом, Фрейд пытался избавиться от чувства вины за пропаганду кокаина, так как к 1885 году статей в пользу приема этого наркотика было немало, и он как бы находился в «мейнстриме». Между тем известный психиатр того времени Адольф Альбрехт Эрленмейер считал Фрейда одним из тех, кто выпустил этого джинна из бутылки, так как его статья «О коке» была одной из первых на эту тему.

«Долгое время после смерти Фрейда его дочь Анна, хранительница памяти о нем, просила друзей не говорить об истории с кокаином. Эрнест Джонс писал об этой привычке Фрейда, но преуменьшал ее масштабы. В личном письме Джеймсу Стречи, переводчику Фрейда, он писал в 1952 году: „То, как Фрейд навязывал всем кокаин, должно быть, делало его настоящей угрозой для здоровья людей. Его интересовали лишь чудесные свойства вещества, которое он сам принимал в больших количествах“. Кокаин даже снился Фрейду. В его снах был и призрак Флейшля (он умер в 1891 году). Фотография этого красивого чернобородого мужчины висела на стене приемной Фрейда. Она всё еще там, в венском доме Зигмунда Фрейда»[76], — пишет Пол Феррис.

Тот же Феррис считает, что история с кокаином не повредила Фрейду, но это как сказать. Он действительно сохранил покровительство своих профессоров, считавших, что Фрейд просто допустил ошибку, а в науке и медицине без ошибок, как известно, не бывает, более того, они способствуют прогрессу подчас не в меньшей степени, чем победы. Однако многие австрийские медики с тех пор стали смотреть на Фрейда как на авантюриста, многим идеям и выводам которого отнюдь не стоит доверять, и это отношение дало о себе знать в будущем.

1885 год стал еще одним судьбоносным годом в жизни Зигмунда Фрейда. В начале года он подает заявление на звание приват-доцента и начинает усиленно готовиться к назначенной на лето защите — устному экзамену и показательной лекции. Одновременно он понимает, что без помощи того же Мейнерта, фон Брюкке и других профессоров ему эту должность не получить. Как не получить и вожделенный грант на поездку в Париж для стажировки во всемирно известной парижской больнице «Сальпетриер», возглавляемой самим великим Жаном Мартеном Шарко.

Фрейд напряженно работает, готовится к экзаменам, читает лекции студентам медфака и начинающим врачам, но одновременно в его душе явно происходят какие-то глобальные перемены. В апреле 1885 года он сообщает Марте, что уничтожил практически весь свой личный архив.

«Это был плохой, тяжелый месяц. Как я рад, что он заканчивается! — пишет Фрейд Марте 28 апреля 1885 года. — Я весь день ничего не делаю; временами листаю историю России да наблюдаю за двумя объедающимися репой кроликами. Впрочем, одно из своих намерений я уже почти осуществил; много лет спустя пока еще не родившимся людям оно явно придется не по вкусу. Поскольку ты не догадаешься, о ком я говорю, то объяснюсь: я говорю о моих будущих биографах. Я уничтожил все свои записи за последние 14 лет: письма, научные заметки и рукописи моих статей. Сохранилась только семейная переписка. О твоих письмах, моя дорогая, говорить не приходится: они неприкосновенны.

…Я не находил себе места при мысли, что мои бумаги могут оказаться в чужих руках. Кроме того, всё, что произошло до поворотного момента моей жизни, до нашей встречи и моего выбора профессии, давно уже мертво, и я не мог отказать воспоминаниям о тех далеких годах в праве на почтенные похороны. Что касается биографов, то почему бы им не позволить посуетиться, ведь мы же не стремимся сделать их задачу слишком легкой. Разумеется, каждый из них будет уверен в справедливости своего мнения о „Пути развития героя“, и я уже сейчас с удовольствием предвкушаю, насколько далеки они будут; от истины…»

Все биографы Фрейда, независимо от отношения к нему, гадают, что могло заставить его пойти на этот шаг. Фрейдофобы убеждены, что эти бумаги скрывали многие семейные и личные тайны Фрейда. В том числе — тайну рождения его сестры Анны от брата Филиппа; то, что семья Фрейд многие годы жила на доходы от фальшивомонетнической деятельности дяди Иосифа и сама участвовала в сбыте фальшивых денег; то, что в отрочестве он испытывал влечение к своей сестре Анне и позволил по отношению к ней некие сексуальные действия; то, что Фрейд во время своей поездки в Англию в 1878 году изнасиловал или соблазнил свою племянницу Полину; тайну его любви к Берте Паппенгейм; его истинное весьма противоречивое отношение к Марте и т. д. Фрейдофилы считают, что он сделал этот шаг в мимолетном порыве, возможно находясь под влиянием кокаина.

Сегодня, разумеется, уже невозможно сказать, что именно содержалось в тех бумагах, хотя Булгаков был, безусловно, прав, когда заметил, что рукописи не горят. Сожженные документы сохранились в памяти Фрейда, в его подсознании, и он потом не раз использовал их в своих книгах. Вероятнее всего, он и в самом деле сжег личные дневники, не предназначавшиеся для чужих глаз и содержащие самые сокровенные его исповеди — в том

числе и мысли о возможном крещении, многократные тщетные попытки прекратить онанировать и т. п. Возможно, он действительно хотел, чтобы прошлое «умерло», и считал, что, устроив ему подобные «похороны», избавился от него.

Однако, если следовать фрейдовской теории, этим актом он лишь оттеснил прошлое в бессознательное, усугубив тем самым все свои неврозы и комплексы. Как бы то ни было, в словах о биографах и «путях развития героя» была, безусловно, только доля шутки — Фрейд верил в них безоговорочно.

13 июня Фрейд сдает устный экзамен на приват-доцента, а спустя неделю читает пробную лекцию и тут же сообщает Марте, что она прошла с большим успехом.

Накануне устного экзамена произошел эпизод, который чрезвычайно важен для понимания психологии и склада личности Зигмунда Фрейда. На экзамен было принято являться во фраке, цилиндре и белых перчатках. Так как подобная одежда уже в те времена использовалась лишь для официальных церемоний и стоила огромных денег, то ее принято было арендовать на день-два в специальных швейных мастерских, где заодно ее подгоняли под клиента. Однако Фрейд, будучи кругом в долгах, предпочел влезть в новые, но пошить себе такой костюм у одного из самых дорогих портных Вены. Так проявилась не только его ненависть к собственной бедности и бедности своих родителей (весьма относительной), но и убеждение, что он заслуживает всего самого лучшего в этой жизни.

Официального утверждения в должности приват-доцента ему пришлось ждать до 5 сентября. И дело тут, думается, было не только в антисемитизме или бюрократии. Просто на дворе стояло лето и во всех учреждениях империи началось время отпусков. Впрочем, Фрейд не терял времени даром и принял предложение поработать летом врачом в психиатрической клинике Генриха Оберштейнера, предназначенной для состоятельных пациентов.

В стенах клиники лечили от самых разных психических расстройств — от тяжелой шизофрении до легких неврозов, было бы чем платить за лечение. Отличное питание, предоставленные ему прекрасные апартаменты, необременительные обязанности (так как в то время, по сути дела, психические болезни еще не могли лечить) навели Фрейда на мысль, что работа в таком заведении может быть решением всех его проблем. Он пишет Марте, что он может устроиться в подобном пансионате, и тогда они смогут спокойно жить, растить детей и ей не придется беспокоиться даже о кухне.

Однако куда важнее было то, что именно в клинике Оберштейнера Фрейд понял, как много состоятельных людей

страдают неврозами и другими видами относительно легких психических и нервных расстройств и как охотно они готовы платить деньги за свое исцеление или исцеление своих близких. Он окончательно утверждается в мысли, что сделал верный выбор и неврология способна приносить врачу весьма немалые гонорары.

В этот же период Фрейд был в немалой степени озабочен судьбой Игнация Шенберга — своего друга и, одновременно, жениха Минны, младшей сестры Марты. Шенберг, как и многие молодые люди той эпохи, болел туберкулезом. В июне 1885 года Фрейд, хорошо знакомый с развитием этого заболевания и не раз наблюдавший его во время работы в отделении внутренних болезней, пришел к выводу, что болезнь Шенберга вошла в заключительную стадию. Понимая, что умирает, Шенберг разорвал помолвку с Минной. 23 июня Фрейд писал Марте:

«Только что я получил твое письмо с прискорбными ожидаемыми известиями. Видимо, наши мнения в основном сходятся. Он (Шенберг. — *П. Л.)* сейчас не может жениться на ней, и это совершенно понятно; он не сможет это сделать, если болезнь не отступит, но ему не следует видеть ее чьей-то женой, если он останется жив. Что здесь можно сделать? Он решил разорвать помолвку прямо сейчас, ввиду возможного трагического исхода, что явно было не обязательно. Сама же Минна не пожелает ничего другого, как остаться с ним до конца. Мне кажется, что и ты не поступила бы иначе, коль скоро и я стоял бы на пороге смерти. Я же ни за что не отказался бы от самого ценного в моей жизни, пока она у меня есть…»

Болезнь Шенберга вольно или невольно способствовала сближению между Фрейдом и Минной, которая в итоге до конца жизни проживет вместе с сестрой и деверем, что, в свою очередь, породит немало загадок и слухов. Но не будем забегать вперед…

В конце августа Фрейд оставляет работу в клинике и направляется в Гамбург, где, наконец, встречается со своей Мартой. Он проводит в Гамбурге целых шесть недель и, в итоге, как пишут биографы, примиряется с матерью Марты. Точнее, та просто смиряется с выбором дочери, хотя, видимо, втайне неодобрительно относилась к нему до своих последних дней.

13 октября Фрейд прибывает в Париж и приступает к стажировке в клинике «Сальпетриер».

Глава одиннадцатая
ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

«Невропатологу 1880-х годов стажироваться у Шарко — это всё равно что сейчас компьютерному программисту — у Билла Гейтса»[77], — роняет Михаил Штереншис в популярной брошюре «Зигмунд Фрейд».

Сравнение, надо заметить, эффектное, но с одной оговоркой: если мы допустим анахронизм и представим, что этот программист прибыл к Гейтсу из СССР в то самое время, когда кибернетика там считалась «продажной девкой империализма».

Жан Мартен Шарко (1825–1893) действительно совершил прорыв в неврологии, его имя с пиететом произносилось в медицинских и научных кругах далеко за пределами Франции, но только не в Вене. Дело тут было как в характерном для австрийцев настороженно-презрительном отношении к французам и их «штучкам», так и в том, что Шарко слишком широко использовал гипноз, к которому многие венские врачи всё еще относились скептически. Конечно, несмотря ни на что, к началу 1880-х годов гипноз стал снова «входить в моду». Его практиковал время от времени тот же Йозеф Брейер, однако при этом, говоря о лечении гипнозом, у венских медиков было принято презрительно кривить губы.

Но, судя по всему, одной из главных целей поездки Фрейда во Францию было именно стремление овладеть техникой глубокого гипноза. Не случайно он привез с собой в Париж рекомендательное письмо от профессора Бенедикта Морица, который был известен как сторонник гипноза.

В период прибытия Фрейда Шарко как раз всерьез занимался проблемой истерии, утверждая, что к этому заболеванию склонны прежде всего легковнушаемые и самовнушаемые люди. При этом Шарко одним из первых предположил, что порой симптомы серьезных соматических заболеваний могут иметь чисто истерическую природу. И не просто предположил, а доказал это, вызывая под гипнозом у больных истерией симптомы самых различных органических заболеваний. Таким образом, идеи Шарко наносили существенный удар по вульгарно-материалистическим представлениям венской школы, что причину всех психических и нервных болезней следует искать в поражениях мозга.

Опыты Шарко показали, что человеческий мозг был и остается для медицины «терра инкогнита», что некие идущие в

нем непознанные и не фиксируемые наукой того времени процессы способны вызывать вполне ощутимые изменения в организме. Соответственно, и для излечения болезней, имеющих истерическую природу, нужно воздействовать на психику человека.

Это революционное открытие привлекало в «Сальпетриер» на лекции Шарко о природе истерии десятки людей, не имеющих никакого отношения к медицине — студентов самых различных факультетов Сорбонны, представителей парижской богемы, журналистов…

Сами лекции в такой атмосфере превращались в своего рода шоу с определенной группой пациентов, в роли которых чаще всего выступали молодые женщины и девушки. Прекрасно понимая, чего от них ждут, упиваясь своей ролью «звезд», эти пациентки нередко подыгрывали как самому Шарко, так и его ассистентам.

Всё это, безусловно, произвело огромное впечатление на Фрейда, заставило его искать близости с Шарко, возможности войти в круг самых избранных его учеников. Вот как время стажировки Фрейда в «Сальпетриере» виделось восторженно почитавшему его Стефану Цвейгу:

«Впервые встречается Фрейд с учением, которое не отмахивается презрительно, подобно венской школе, от истерии как от симуляции, но доказывает, пользуясь этой интереснейшей, в силу ее выразительности, болезнью, что вызываемые ею припадки являются следствием внутренних потрясений и должны быть поэтому истолковываемы в их психической обусловленности. На примере загипнотизированных пациентов Шарко показывает в переполненных публикой аудиториях, что всем знакомые, типические состояния парализованности могут посредством внушения быть вызваны в гипнотическом сне и потом устранены и что, следовательно, это рефлексы не грубо-физиологические, а подчиненные воле. Если отдельные элементы учения Шарко не всегда являются убедительными для молодого венского врача, то всё же на него неотразимо действует тот факт, что в области неврологии в Париже признается и получает оценку не только чисто физическая, но и психическая и даже метафизическая причинность; он чувствует с удовлетворением, что психология здесь снова приблизилась к старой науке о душе, и этот психический метод влечет его к себе больше, чем все до сих пор изученные. И в новом кругу Фрейду выпадает счастье — впрочем, можно ли назвать счастьем то, что, по существу, является инстинктивным взаимопониманием высокоодаренных умов? — счастье вызвать к себе особый интерес со стороны своего

наставника. Так же, как фон Брюкке, Мейнерт и Нотнагель в Вене, узнает сразу же и Шарко во Фрейде творчески мыслящую натуру и вступает с ним в личное общение. Он поручает ему перевод своих сочинений на немецкий язык и нередко отличает своим доверием»[78].

Даже если оставить в стороне пассаж Цвейга о душе и метафизике, в этих словах очень мало правды. Судя по признаниям самого Фрейда и воспоминаниям его современников, в реальной жизни Шарко отнюдь не спешил признать в приехавшем из Вены стажере «творчески мыслящую натуру» и «вступить с ним в личное общение». Скорее наоборот: поначалу великий врач отнесся к Фрейду более чем прохладно, а узнав, что тот занимался в свое время анатомическими исследованиями мозга, отправил его вместе со стажером из России Ливерием Даркшевичем, будущим корифеем советской неврологии, в лабораторию — заниматься исследованиями мозжечка и спинного мозга.

В 1886 году Даркшевич и Фрейд опубликовали в немецком неврологическом журнале статью, подводящую итоги этих исследований и высоко оцененную в научном мире.

Но ведь Зигмунд Фрейд жаждал совершенно другого! И потому это не Шарко «поручил Фрейду перевод своих сочинений на немецкий язык», а Фрейд сам подошел к профессору и предложил себя в качестве переводчика. Это предложение было оценено и принято.

Тут надо несколько отвлечься и сказать, что, будучи полиглотом, Фрейд знал французский. Но в Австрии этот язык не жаловали, и потому Фрейд, прочитывавший в оригинале многие новинки французской литературы, говорил на французском (особенно в первые месяцы пребывания в Париже) с трудом. Не исключено, что это обстоятельство также мешало его сближению с Шарко.

Продемонстрированное Фрейдом доскональное знакомство с работами мэтра последнему явно польстило. В качестве ответного жеста Шарко попросил одного из своих ассистентов провести обследование очередного пациента вместе с Фрейдом.

«…С тех пор отношение этого ассистента ко мне изменилось. После того как мы решили отложить заключительный осмотр до четырех часов вечера, он пригласил меня (!) отобедать с ним и несколькими другими докторами из клиники — в качестве своего гостя, разумеется. И всё это лишь в ответ на намек со стороны мастера! Но сколь тяжело далась мне эта маленькая победа и как легко это для Рикети! Я считаю большой неудачей, что природа не одарила меня тем неуловимым качеством, которое обладает

свойством привлекать к себе других людей. Мне кажется, что именно его отсутствие в наибольшей степени закрывает мне путь к безмятежному существованию. Мне всегда было очень непросто отыскать друга. Как долго мне пришлось бороться за расположение моей драгоценной девочки, и каждый раз, когда я встречаю кого-то, то ощущаю вначале некий неосознанный импульс, побуждающий его недооценивать меня…»

Приняв предложение Фрейда о переводе своих сочинений, Шарко пригласил нового стажера на проводившиеся в его роскошном особняке традиционные еженедельные приемы. В письме Марте, датируемом началом 1886 года, Фрейд признаётся, что, отправляясь туда, принял кокаин. Благодаря этому весь вечер он свободно общался на французском, рассказал Шарко медицинский анекдот и вообще великолепно провел время.

Приемы у Шарко, судя по всему, произвели на Фрейда то же впечатление, что и уютный дом Брейера. Теперь ему захотелось и этого: чтобы он мог позволить собирать в своем большом доме друзей и единомышленников, вести беседы на профессиональные и философские темы и чувствовать себя в роли мэтра, к которому прикованы взоры гостей. Во всяком случае, воспоминания об этих раутах возникают в ряде писем и произведений Фрейда.

Особенно ему врезалась в память происшедшая на одном из званых вечеров беседа Шарко с профессором судебной психиатрии Полем Бруарделем — единственным преподавателем, чьи лекции, кроме лекций Шарко, он посещал в Париже. Шарко рассказал Бруарделю о молодой супружеской паре, в которой муж оказался импотентом, а жена страдала нервным расстройством. В какой-то момент Фрейд перестал слышать разговор профессоров, но судя по всему, Шарко высказал предположение, что причиной невроза женщины является сексуальная неудовлетворенность, а Бруардель ему возразил. И тогда Шарко вдруг крикнул: «Но в таких случаях это всегда зависит от гениталий — всегда, всегда, всегда!»

«На какое-то мгновение я был просто поражен и сказал себе: „Но если он это знает, то почему об этом никогда не говорит?“»[79], — вспоминал Фрейд.

О том значении, которое имела для него стажировка у Шарко, довольно точно написал Виттельс:

«Фрейд прибыл в Париж высокомерным анатомом — правда, с потребностью раскрепощения. Когда он покинул больницу „Сальпетриер“, у него сложилось новое представление о неврозах, которого он мог придерживаться всю свою жизнь: объяснение истерических феноменов расщеплением сознания. Работы Дельфеба, Бине и Жане прокладывают пути вглубь

бессознательной психической жизни. Известному „я“ противостояло, видимо, другое „я“, чуждое официальному „я“, угрожающе противопоставлявшее себя ему.

Такое воззрение могло казаться венской медицинской школе лишь возвратом к средневековью, объяснявшему истерию одержимостью бесом. Но это было молодому Фрейду как раз по вкусу. Он был смолоду революционером и борцом. Защита дела дьявола (advocatus diabolic) была его стихией.

Корни будущего Фрейда берут, следовательно, начало еще с 1886 года»[80].

* * *

Пребывание в Париже, вне сомнения, оставило глубокий след в душе Фрейда, и это отразилось и в его письмах, и в целом ряде как ранних, так и поздних сочинений. Это был город, с которым он был вроде бы хорошо знаком по литературным произведениям, но первые месяцы пребывания в нем Фрейд чувствовал себя в нем чужаком. В письме Марте он называет его «огромным, безвкусно наряженным сфинксом, который поедает всех чужеземцев, не сумевших разгадать его загадки». Сама эта фраза крайне важна, так как показывает, что уже тогда, в 1885 году, Фрейд так или иначе ассоциировал себя с Эдипом, невольным кровосмесителем и отцеубийцей, и это заставляет задуматься о тех бурях, которые проносились в его душе.

Но если эту ассоциацию еще можно списать просто на любовь к античной литературе, то происходившие с Фрейдом в Париже другие странности невольно вызывают вопросы о его психологическом и психическом состоянии. Так, переехав в новую гостиницу и увидев в номере, что полог над его кроватью сделан из зеленой материи, он заподозрил, что в составе красителя есть мышьяк, и это, дескать, может привести к его отравлению. Более того, он провел химический анализ ткани, чтобы убедиться, что это не так.

Тогда же он вдруг стал явственно слышать, как его зовет по имени «единственный и любимый голос». Записав время, в которое произошла очередная такая галлюцинация, он посылал телеграмму в Вену, чтобы узнать, всё ли в порядке с матерью. Классифицируя инцидент с мышьяком как «бредовую идею отравления», прибавляя к этому слуховые галлюцинации и признание самого Фрейда в том, что с помощью кокаина он боролся с депрессией, О. Г. Виленский приходит к выводу, что «Фрейд с детства страдал вялотекущей шизофренией».

«Естественно, — спешит добавить он, — само по себе это обстоятельство не могло помешать его врачебной и научной работе, однако стоит внимательно рассмотреть ассоциативные связи между этими явлениями в данном конкретном случае»[81].

Еще одна странность в поведении Фрейда заключалась в том, что он, как уже было сказано, кроме лекций Шарко посещал лишь лекции по судебной психиатрии профессора Бруарделя. Лекции эти проводились в парижском морге, и значительная их часть была посвящена изнасилованиям, инцесту, педофилии и другим сексуальным преступлениям, а также убийствам, совершенным на сексуальной почве. Нередко слушателем предлагалось присутствовать при демонстрации трупов жертв таких убийств.

И вновь возникает вопрос о том, что за сила влекла молодого венского врача на эти лекции, во время которых Бруардель нередко позволял себе черный юмор и сальные шуточки (Фрейд на всю жизнь запомнил его фразу о том, что «грязные коленки — признак приличной девушки»). Было ли это связано с тем, что Фрейд всё больше и больше осознавал, что сексуальное влечение играет в жизни каждого отдельного человека и общества в целом куда большую роль, чем принято думать и — тем более — говорить? Или же всё дело в том, что в морге он получал возможность видеть обнаженные тела и таким извращенным образом отчасти удовлетворял свой сексуальный голод? Или это было и то и другое вместе?

Во всяком случае, нам опять-таки ничего не известно о том, посещал ли Фрейд в Париже проституток или имел любовницу. Точнее, один раз он действительно оказался в парижском борделе, но попал туда чисто случайно — по приглашению родственника Марты, причем будучи уверен, что приглашен в приличный ресторан. Похоже, этот самый родственник был немало удивлен аскетизмом Фрейда и тем, что, живя в Париже, он не завел себе любовницы.

Париж и французы («странный народ», «подверженный психическим эпидемиям») вплоть до конца осени 1885 года раздражали его, от ощущения одиночества ему подчас хотелось плакать, как ребенку, и он страдал и одновременно упивался чувством одиночества. В письмах Марте он то и дело вновь встает в свою любимую позу романтического героя, вечно чувствующего себя одиноким в толпе, которая «вульгарна повсюду» — в Париже, Вене и Гамбурге. В начале декабря дело дошло до того, что он стал подумывать о том, чтобы прервать стажировку, поехать на праздник Хануки к Марте в Гамбург, а оттуда — под Новый, 1886 год отправиться в Берлин.

Но, как вскоре выяснилось, это депрессивное состояние

объяснялось именно невниманием к нему Шарко. Как только его осенила счастливая мысль предложить себя на роль переводчика мэтра и он вошел в круг его приближенных, настроение Фрейда разительно изменилось. Впоследствии он припомнит свой сон, в котором он останавливает понесшую лошадь, спасает некого важного седока и тот говорит ему: «Вы спасли меня. Чем я могу вам отплатить?» Разгадка сна оказывается проста и не имеет никакой сексуальной подоплеки: сон отразил чувства Фрейда, когда тот бродил по Парижу «в одиночестве, полный страстных желаний, нуждающийся в помощнике и покровителе», что продолжалось до тех пор, «пока великий Шарко не принял меня в свой круг». Фрейд явно мечтал сделать нечто такое, что заставило бы Шарко произнести ту фразу, которую произносит спасенный им во сне господин: «Вы спасли меня. Чем я могу вам отплатить?»

Одним из самых сильных впечатлений Фрейда того периода стало посещение им 7 ноября 1885 года спектакля «Теодора» по пьесе Викторьена Сарду в театре «Порт-Сен-Мартен». Пьесу стоило посмотреть хотя бы потому, что главную роль в ней играла великая Сара Бернар.

Фрейд вернулся со спектакля с сильной головной болью, но совершенно потрясенный. «По пьесе она всего лишь une femme qui aime…[82] Но как эта Сара играет! После первых же реплик, произнесенных этим проникновенным и чудным голосом, мне показалось, что я знаю ее давным-давно. Никогда еще актриса не поражала меня так сильно; я сразу же был готов поверить всему, что она говорила… И потом, эта ее манера завлекать, умолять, сжимать в объятиях; просто невероятно, какие позы она может принимать; как она прижимается к партнеру, в какой гармонии у нее играет каждый мускул, каждый сустав. Удивительное создание! Мне представляется, что в жизни она такая же, как на сцене».

Лидия Флем, цитируя эти строки, высказывает предположение, что именно после просмотра этого спектакля у Фрейда «появилась мысль о символической равнозначности сценического воплощения и истинной сущности человеческой личности». Однако не нужно быть фрейдистом, чтобы догадаться, что автор этого письма страдает острой сексуальной неудовлетворенностью и увидел в великой актрисе прежде всего сексуальный объект. Не исключено, что вслед за осознанием этого чувства у Фрейда возникло чувство вины, что таким образом он мысленно изменяет Марте, и отсюда — головная боль после спектакля.

Здесь же, в Париже, к Фрейду неожиданно вернулись его прежние метания по поводу собственного еврейства. С одной

стороны, почувствовав в Шарко антисемита, он попытался затушевать свою национальную принадлежность, а с другой — быстро понял, что слыть во Франции немцем даже хуже, чем евреем. Вот что он писал Марте о своем походе в гости к Шарко:

«Лишь в конце вечера у меня завязалась беседа на политические темы с Жилем де ля Туретом, в которой он, естественно, начал говорить о неизбежности самой страшной из бывших когда-либо войн — войны с Германией. Я сразу же сказал ему, что я не немец и не австриец, а еврей. Подобные разговоры мне всегда очень неприятны, поскольку каждый раз я чувствую, как во мне начинает шевелиться что-то от немца, что я уже давно решил уничтожить в себе».

Не исключено, что Фрейд был совершенно искренен, когда писал эти строки. Но истина (и это следует из анализа всех его сочинений) заключалась в том, что он так и не сумел решить, кого же именно он хочет в себе уничтожить — немца или еврея, и это чувство раздвоенности и в самом деле не раз становилось причиной резкого душевного дискомфорта.

В парижский период Фрейд-еврей явно доминировал над Фрейдом-арийцем. В феврале 1886 года, когда на него накатил очередной приступ хандры (или, по Виленскому, «вялотекущей шизофрении»), он делится с Мартой своими страхами перед толпой и перед людьми вообще, пишет, что «простые люди плохо ко мне относятся», но тут же вспоминает, как Брейер однажды сказал ему, что под внешней скромностью в нем таятся отвага и бесстрашие. И дальше он неожиданно говорит о своей неразрывной связи с еврейством и еврейской историей:

«Мне всегда казалось, что я унаследовал весь бунтарский дух и всю ярость, с которой наши предки защищали Храм, и с радостью принес бы свою жизнь в жертву ради великого момента истории. И в то же время я всегда ощущал себя чрезвычайно беспомощным и неспособным выразить все эти чувства даже в словах или стихах. Поэтому я всегда сдерживал себя, и именно это, по-моему, должны видеть во мне люди».

В итоге Фрейд покидал Париж в полном смысле слова другим человеком. Куда более раскрепощенным. С новым опытом. С новыми идеями. С новыми связями, которые он продолжал поддерживать в течение ряда последующих лет и которые морально помогали ему выдержать противоборство с медицинской элитой Вены. И самое главное: он был полон решимости начать работать и зарабатывать, чтобы наконец создать семью.

* * *

В начале марта 1886 года Зигмунд Фрейд отправился из Парижа в Берлин. Здесь он проводит несколько недель, изучая местные методы лечения нервных и детских болезней. К середине апреля он уже был в Вене и арендовал две комнаты в доме неподалеку от Венской ратуши, одну из которых он выделил для приема пациентов. Жена Брейера помогла ему изготовить вывески у входа в квартиру и на улице, извещающие, что именно здесь ведет прием пациентов доктор Зигмунд Фрейд, специализирующийся на нервных болезнях.

25 апреля 1886 года в газете «Нойе фрайе прессе» было опубликовано объявление о том, что доктор Фрейд ждет своих пациентов по адресу Ратхаусштрассе, 7. При этом в объявлении особо подчеркивалось, что доктор преподает в университете и полгода провел в Париже — это должно было привлечь к нему пациентов.

Эта дата и считается официальной датой начала деятельности Зигмунда Фрейда как частнопрактикующего врача. При этом все биографы отмечают, что 25 апреля в том году пришелся на первый день еврейского праздника Песах — день, когда еврейская традиция категорически запрещает работать. Публикуя объявление именно в этот день, Фрейд явно бросал еще один вызов религии предков, а заодно хотел показать, что он рассчитывает на «просвещенную», чуждую «религиозных предрассудков» публику.

Но — странное дело — при этом он сохранял характерные для еврейской мистики, и прежде всего распространенного в Галиции хасидизма взгляды, согласно которым случайностей не бывает. Всё происходящее в мире, согласно этой концепции, взаимосвязано и любое незначительное происшествие либо символично, либо намекает на некое другое, куда более значительное событие, которое произошло где-то в другом месте. Так, в первые дни практики Фрейд лечил некого американского врача, нервное расстройство которого усугублялось проблемами с молодой женой. Фрейд дважды встречался с этой красивой женщиной, и каждый раз фотография Марты падала со стола, чего, по словам Фрейда, раньше с ней никогда не случалось.

«Мне не нравятся такие намеки. Если бы я нуждался в предостережении, но это излишне», — писал он, явно усматривая в падении фотографии знак-предостережение свыше.

Поначалу его частную практику составляли пациенты, которых просто по дружбе направляли к нему знакомые врачи — прежде всего тот же Брейер. Кроме того, Фрейд ходил по богатым домам, делая уколы, назначенные другими врачами. В то время инъекции считались сложной медицинской процедурой, которую

мог выполнять только высококвалифицированный врач и которая довольно хорошо оплачивалась. Правда, поездки и походы по пациентам выматывали, да и вдобавок никто не оплачивал такому врачу расходы на извозчика, что немало раздражало Фрейда.

Своих первых пациентов Фрейд в шутку называл «неграми», имея в виду понравившуюся ему карикатуру из юмористического журнала. Изображенный на карикатуре голодный лев с широко разинутой пастью жаловался: «Уже полдень, а ни одного негра!» В тот же период он пишет сестре Марте Минне, что особо похвастаться ему нечем и он уже подумывает, не повесить ли ему в приемной свою фотографию с подписью «Наконец-то один!».

6 мая 1886 года ему исполнилось 30 лет. «Сегодня на прием ко мне пришли только два старых пациента Брейера, и больше не было никого. Я взял себе за правило принимать по пять человек в день: двоих на электролечение, одного обязательно бесплатно, еще один сам пытается не заплатить, ну а последний бывает чьим-нибудь сватом», — пишет он в тот день.

Но как бы то ни было, уже в первые месяцы практики у него появился какой-никакой заработок, и Фрейд стал торопить Марту со свадьбой, которую они, по его мнению, могли сыграть уже летом 1886 года. В эти дни как раз выяснилось, что брат Марты Эли вложил часть ее приданого в какое-то дело, в надежде получить хорошие дивиденды. Узнав об этом, Фрейд по своему обыкновению вскипел — он тоже рассчитывал, что эти деньги помогут ему прикупить необходимое оборудование для расширения практики.

Фрейд стал настаивать на том, чтобы Марта потребовала у брата деньги, и обвинил его чуть ли не воровстве. Эти обвинения, та ярость, с которой Фрейд воевал за приданое, повергла Марту в шок — подобная меркантильность никак не вязалась с тем милым, романтичным Зиги, каким он представал в письмах. В какой-то момент Марта, видимо, даже была готова разорвать из-за этого скандала их отношения, но затем передумала. А может, в этом ее убедил и сам Эли — кстати, поспешивший вернуть взятые у сестры деньги.

Словом, всё шло к свадьбе. Фрейд не скрывал, что желал бы ограничиться исключительно гражданской церемонией, в то время как вся семья Бёрнейс настаивала, чтобы брак был совершен в соответствии со всеми требованиями иудаизма: под свадебным балдахином, с произнесением обязательной ритуальной фразы «Вот ты посвящаешься мне по закону Моисея и Израиля». В итоге Бёрнейсы настояли на своем — тем более что и австрийские законы требовали для официального признания

брака религиозной церемонии.

Однако в последний момент, когда всё вроде бы было улажено, свадьбу вновь пришлось отложить: в августе Фрейд неожиданно был призван на месяц в армию и отправился в качестве батальонного врача в Моравию. Оттуда он снова писал Марте полные иронии письма, едко высмеивал армейские нравы и окружающих его офицеров, но одновременно признавался, что военная жизнь излечила его от неврастении.

Это признание чрезвычайно важно.

Во-первых, здесь Фрейд впервые признаёт, что у него не всё в порядке, если не с психикой, то с нервами. Во-вторых, оно много говорит о душевном состоянии и манере поведения самого Фрейда в те годы — как известно, больные неврастенией часто «переходят от вспышек раздражительности к слезам, не могут бороться с неприятным чувством недовольства всем окружающим, утрачивают способность контролировать внешнее проявление своих эмоций»[83]. В-третьих, очень скоро неврастеники станут основными его пациентами.

Наконец, 13 сентября 1886 года в ратуше Вандсбека Зигмунд Фрейд и Марта Бёрнейс зарегистрировали свой брак. 14 сентября они уже стояли под хупой — свадебным балдахином. Еврейский свадебный обряд проводил дядя Марты Элиас, а Фрейд покорно повторял за ним все требуемые слова на иврите.

Сразу после свадьбы молодые уехали проводить медовый месяц в Любек — как и запланировал Фрейд за два года до этого. Здесь наконец сбылся его давний сон: ворота замка распахнулись и приняли в себя уставшего и иссушенного жаждой путника.

Глава двенадцатая
РОДОВЫЕ МУКИ ПСИХОАНАЛИЗА

«Всякий университетский стипендиат обязан, вернувшись, сделать сообщение о научных результатах своей заграничной командировки. Это проделывает и Фрейд в Обществе врачей. Он рассказывает о новых путях, которыми идет Шарко, и описывает гипнотические опыты в „Сальпетриере“. Но со времен Франца Антона Месмера сохранилось еще в медицинском цехе города Вены яростное недоверие ко всем методам, связанным с внушением.

Утверждение Фрейда, что можно вызвать искусственно симптомы истерии, встречается со снисходительной улыбкой, а его сообщение о том, что бывают даже случаи мужской истерии, вызывает явную веселость в кругу коллег. Сперва его благожелательно похлопывают по плечу, — что за чушь ему навязали там, в Париже; но так как Фрейд не уступает, ему, как недостойному, преграждают вход в святилище лаборатории мозга, где, слава богу, занимаются еще психологией „строго научно“. С того времени Фрейд остался „bete noire“ Венского университета…

Своим мятежом против механистического подхода к невропатологии, выражавшимся в применении к психически обусловленным заболеваниям исключительно таких средств, как раздражение кожи или назначение лекарств, Фрейд испортил себе не только академическую карьеру, но и врачебную практику. Отныне ему приходилось идти своим одиноким путем»[84].

Так рисует ход дальнейших событий Стефан Цвейг — с подачи самого Фрейда, разумеется.

В схожих тонах описывают и сделанный Фрейдом в октябре 1887 года отчетный доклад и другие фрейдофилы. Из этих рассказов так и встает образ одинокого гения, решившего бросить вызов косной, заблуждающейся толпе — чтобы затем эта толпа прозрела и поставила сделавшего великое открытие гения на полагающийся ему постамент. Именно такую классическую научную легенду придумал про себя сам Зигмунд Фрейд. Не исключено даже, что он сам же в нее и поверил.

В автобиографии Фрейд вспоминает, что уже после доклада Мейнерт предложил ему найти клинические случаи, подтверждающие его утверждения. Но на деле это предложение оказалось невыполнимым. «Я попытался сделать это, — пишет Фрейд, — но врачи в больницах, где я находил подобные случаи,

отказали мне в разрешении их наблюдать… Поскольку вскоре для меня закрылась лаборатория церебральной анатомии и в течение многих месяцев мне негде было проводить занятия, я удалился от академической и медицинской жизни».

Но факты, увы, свидетельствуют об обратном.

Не было на той лекции никакой обструкции.

Да, были иронические замечания. Было недоумение одного старого врача, задавшегося вопросом: как истерия, само название которой происходит от греческого слова «матка», может быть свойственна мужчинам?! Но в целом лекция Фрейда была признана «не бесспорной, но интересной». И, разумеется, никто после этого в Венском университете не спешил захлопывать перед ним двери — Фрейд сам перестал посещать лабораторию мозга, поняв, что ему это больше неинтересно. Слухи же о том, что он исповедует необычный подход к лечению истерии, не только не нанесли удара по его практике, но и, наоборот, прибавили ему пациентов.

Поэтому куда более объективной представляется оценка тех давних событий Роже Дадуном. «Фрейд задним числом несколько драматизирует, — пишет он. — На самом деле ему предложили управление невропатологической службой, которая должна была открыться в Публичном институте больных детей, руководимом Марком Кассовицем. Должность эта была, правда, неоплачиваемая, недостаточно престижная и позволяющая продолжить исследования. Он, однако, принимает другое решение и открывает частную практику…»

Словом, если называть вещи своими именами, Фрейд посчитал, что зарабатывать деньги и обеспечивать семью на данном этапе для него важнее, чем заниматься «чистой наукой». В то же время Пол Феррис, вероятно, прав, когда предполагает, что у Фрейда были и другие мотивы вспоминать то собрание в негативном свете. По выглядящей весьма убедительной гипотезе Ферриса, Фрейд еще в Париже пришел к выводу, что «симптомы истерии соответствуют представлениям пациентов о строении их тела, а не действительным анатомическим фактам». То есть, скажем, истерик с парализованной ногой ходит не так, как действительно ходят люди с подобным симптомом, а так, как в его представлении они должны ходить.

Это было поистине выдающееся открытие, приоткрывающее дверь в глубины психологии. Но Фрейд, по Феррису, не решился доложить о нем в своем отчетном докладе, так как опасался, что эта идея будет принята венским Обществом врачей крайне враждебно. То есть, попросту говоря, Фрейд струсил. Более того, он затянул написание статьи об этом открытии до 1888 года, да и

в ней высказал свою идею крайне осторожно, а сама статья была опубликована анонимно, в энциклопедии.

В результате считается, что открытие соответствия симптомам истерии представлениям пациентов, а не реальной анатомо-физиологической симптоматике принадлежит выдающемуся французскому психологу Пьеру Жане, опубликовавшему статью на эту тему лишь в 1895 году. То есть речь идет и в самом деле о вечной истории, прекрасно сформулированной в известных стихах Евтушенко: «Ученый, сверстник Галилея, / был Галилея не глупее. / Он знал, что вертится Земля, / но у него была семья!»

Таким образом, рассказ о «враждебном отношении коллег после лекции» является не чем иным, как «покрывающим воспоминанием»: Фрейд оттеснил правду о собственной научной трусости и желание благополучной жизни в глубины своего бессознательного, а взамен создал версию об устроенной ему на лекции обструкции[85]. Но будем объективны: одновременно эта история показывает, насколько далеки от истины те фрейдофобы, которые пытаются представить Фрейда шарлатаном от науки. При всех порой малосимпатичных чертах его личности, он, несомненно, относится к когорте ученых и мыслителей, которым удалось первыми прорваться на новые рубежи в познании мира и человека. И в 1886 году Фрейд сделал первые шаги к этому прорыву.

* * *

Еще летом 1886 года Фрейд выбрал будущую квартиру для себя и Марты — просторные четырехкомнатные апартаменты, располагавшиеся в доме на перекрестке улиц Рингштрассе и Мария-Терезиенштрассе.

Выбор дома был определен целым рядом факторов. С одной стороны, он располагался неподалеку от самого центра, от музеев, галерей, оперы, больницы, биржи, то есть в очень престижном месте. С другой стороны, дом был построен на месте бывшего Венского оперного театра, дотла сгоревшего в 1881 году. В результате этого пожара, вспыхнувшего прямо во время спектакля, погибло несколько сотен человек, и потому новое здание пользовалось у венцев дурной славой. Желающих поселиться в нем было немного, что и обусловило относительно низкую, более или менее доступную для Фрейда арендную плату. Последнее обстоятельство оказалось решающим, и Зигмунд Фрейд решил стать «выше предрассудков и суеверий», от которых,

как уже понял читатель, был на самом деле далеко не свободен. Однако поначалу денег на оплату жилья и других расходов всё равно катастрофически не хватало, и Фрейду снова пришлось занимать у друзей и даже заложить свои золотые часы.

Среди первых пациентов Фрейда, присланных ему Йозефом Брейером и выдающимся врачом-терапевтом, директором Венской клиники внутренних болезней Германом Нотнагелем, были посол Португалии и молодая итальянка, которая билась в конвульсиях, едва заслышав слово «яблоки». Затем всё чаще и чаще к нему начинают обращаться больные неврастенией — так в те годы, судя по всему, называли все виды неврозов неизвестной симптоматики. Сам Фрейд очень скоро понял, что напал на золотую жилу, так как, по его собственному выражению, по Вене бродили «толпы невротиков, которые казались еще многочисленнее от того, что бросались в отчаянии от одного врача к другому, не находя облегчения». Чаще всего это были молодые замужние дамы из зажиточных семей, готовые выкладывать за визит к врачу немалые деньги.

Как и большинство его современников, Фрейд в те годы считал причиной неврозов «энергетическое истощение нервной системы» или некий сбой в системе циркуляции внутренней энергии организма, порожденный тем или иным нежелательным стрессом. Методы лечения «неврастении» предлагались различные. Одни врачи настаивали, что для восстановления сил и снятия невроза необходимы усиленное питание и отдых, другие рекомендовали гидротерапию, но Фрейд в итоге решил сделать упор на двух самых модных в то время «патентах»: гипнозе, навыки которого он приобрел у Шарко, и электротерапии, которую активно пропагандировал известный немецкий невропатолог Вильгельм Эрб.

Фрейд не побоялся влезть в долги и, видимо еще до женитьбы, купил аппарат для электротерапии, который, согласно рекламе, давал «восхитительные результаты при лечении тысяч замечательных форм неврастении». Так как электричество тогда вообще еще было в новинку, то вид внушительного аппарата с лампочками, переключателями и электродами производил на пациентов ошеломляющее впечатление. Они начинали испытывать невольное уважение к владеющему столь сложной техникой врачу и верить, что это «последнее слово науки» принесет им исцеление.

История с увлечением Фрейда электротерапией также чрезвычайно показательна и является еще одним ответом тем критикам психоанализа, которые видят в его основателе лишь шарлатана и стяжателя с манией величия. Если бы это было

действительно так (и только так!), то Фрейду ничего не стоило бы продолжать и дальше делать деньги на электротерапии, расписывая ее чудесные свойства и укрепляя свой авторитет, публикуя статьи в различных медицинских журналах.

Но, как показывает весь дальнейший ход событий, Фрейда подобная роль отнюдь не устраивала. Стремясь быть честным прежде всего перед самим собой, он к 1888 году окончательно пришел к выводу, что электротерапия является не более чем плацебо, а ценность «Учебника по электротерапии» Эрба вполне сравнима с ценностью «какой-нибудь „Египетской книги снов“, продающейся в дешевых книжных лавках».

В этот же период произошла история, которая — после услышанного от Брейера и Шарко — стала, по собственному признанию Фрейда, третьим и решающим толчком к тому, чтобы он начал осознавать превалирующую роль сексуальности в формировании неврозов. «Спустя год я начал свою врачебную практику в Вене в качестве приват-доцента по нервным болезням и оставался в области этиологии неврозов таким невинным и невежественным, как этого только и можно ожидать от подающего надежды академического ученого, — с полуулыбкой вспоминал Фрейд. — Тут я получил однажды любезное приглашение Хробака принять от него пациентку, которой он, благодаря своему новому положению университетского преподавателя, не мог посвящать достаточно времени. Придя раньше его к больной, я узнал, что она страдает непонятными припадками страха, которые ослабевают только при условии точной осведомленности больной в том, где именно во всякое время находится врач. Когда явился Хробак, он отвел меня в сторону и открыл мне, что страх пациентки происходит вследствие того, что она, несмотря на восемнадцатилетнее замужество, осталась до сих пор „virgo intacta“. Муж абсолютно импотентен. В таких случаях врачу не остается другого выхода, как покрывать своей репутацией домашнее несчастье и согласиться с тем, чтобы о нем, пожимая плечами, говорили: да ведь он ничего не понимает, если не вылечил ее за столько лет. „Единственный рецепт для таких страданий, — прибавил он, — нам слишком хорошо известен, но, к сожалению, мы не можем его прописать. Он гласит: нормальный пенис, в регулярных дозах“. О таком рецепте я ничего не слыхивал и мог бы только покачать головой на циническое замечание моего доброжелателя»[86].

Но в том-то и дело, что Фрейд не покачал головой, а задумался над тем, как можно использовать полученный от Хробака урок в своей практике.

Фрейд — и это совершенно ясно следует из всех его писем

того периода — стремился не только хорошо зарабатывать, чтобы содержать семью (и кто посмеет осудить его за это желание?!), но и искренне желал помочь своим пациентам. Это горячее желание и пробудило у него интерес к причинам появления неврозов и уже затем привело к созданию психоанализа. При этом сам Фрейд не раз подчеркивал, что лучшим средством исцеления для большинства его пациентов были бы не сеансы психоанализа, а сексуальное удовлетворение. Но в том-то и дело, что в силу обстоятельств жизни и развившихся у них неврозов такое удовлетворение становилось для них невозможным, даже если появлялся партнер, теоретически способный им это дать.

Среди пациентов Фрейда этого периода широко известен «случай госпожи А.», обратившейся к нему с жалобами на головокружения и ощущение слабости в ногах. Фрейд попробовал лечить эту пациентку той же гидро- и электротерапией и гипнозом, а также попутно внимательно расспрашивал ее о личной жизни и выяснил, что во избежание беременности они с супругом практикуют прерванный половой акт. (Почему-то все считают, что имелась в виду приостановка полового акта до достижения оргазма, но, видимо, речь идет именно о выведении члена из влагалища за несколько секунд до эякуляции. — *П. Л.)* Продолжая свои расспросы, Фрейд понял, что господин А. также страдает неврозом, причиной которого, по его мнению, являлся именно такой «вредный» способ контрацепции. Фрейд порекомендовал госпоже А. перейти с супругом к «естественным половым отношениям». Спустя несколько месяцев, к февралю 1888 года, она была уже беременна, и ей стало не до головокружений и слабости в коленях.

«Возможно, я частично содействовал появлению этого гражданина», — с легкой иронией писал Фрейд.

Многие биографы поспешили приписать это отношение Фрейда к прерванному коитусу (а заодно и к презервативам) исключительно как его личное и совершенно безосновательное предубеждение против таких методов контрацепции. Дескать, Фрейд сам в первые месяцы брака практиковал прерванный половой акт, это доставляло ему неприятные ощущения — и он, по своему обыкновению, на основе чисто личного опыта сделал общий вывод. Даже если это и так, то последующие исследования подтвердили правоту Фрейда. Согласно современной сексологии, прерванные и пролонгированные половые акты являются третьей по распространенности причиной импотенции и других сексуальных расстройств — они лежат в основе 24,2 % таких заболеваний[87]. А «применение мужского презерватива, несмотря на увеличение продолжительности акта, лишает некоторых

женщин оргазма»[88].

От этого признания сексуальной этиологии невроза до психоанализа — дистанция огромного размера, но это, безусловно, шаг в верном направлении. И одновременно это еще одно важное открытие Фрейда, которое осталось незамеченным и неоцененным, и в результате многие пары продолжали (и продолжают до сих пор) практиковать прерванный коитус.

Что же касается Фрейда, то на самом деле трудно сказать, практиковал ли он сам этот способ в первый год своего брака или нет. 16 октября 1887 года, то есть более чем через год после свадьбы, Марта благополучно разрешилась девочкой, которую назвали Матильдой в честь опекавшей молодоженов жены Йозефа Брейера. Фрейд не без гордости рассказывал, как «храбро и мило» вела себя его Марта во время родов, а «когда ей надо было кричать, каждый раз извинялась перед врачом и акушеркой».

* * *

Судя по всему, незадолго до рождения дочери или же вскоре после него в жизни Фрейда произошло еще одно событие чрезвычайной важности: Брейер познакомил его с молодым (он был на два года моложе Фрейда) немецким отоларингологом Вильгельмом Флиссом, прибывшим в Вену для прохождения постдокторантуры. Между двумя врачами, в равной степени недовольными состоянием современной им медицины и ищущими новые идеи, быстро завязались дружеские отношения.

Вскоре Флисс уехал обратно в Берлин, и они стали обмениваться с Фрейдом письмами. По-видимому, Флисс в определенном смысле заменил Фрейду Марту, с которой ему больше не было нужды общаться при помощи писем. Между тем, очевидно, в нем очень глубоко сидела потребность поверять свои чувства и мысли бумаге, оттачивая их по ходу письма, и в этом смысле он крайне нуждался в эпистолярном собеседнике, олицетворявшем самого близкого друга. Кроме того, из-за сидящей внутри Фрейда постоянной неуверенности в себе ему нужен был такой собеседник, который давал бы своеобразную легитимацию его мыслям — то, чего он сам не мог себе дать. Флисс идеально подходил на эту роль, и письма друзей считаются важнейшими документами, показывающими путь, по которому Фрейд шел к рождению теории психоанализа[89].

Одновременно с частной практикой Фрейд не оставлял мыслей об академической карьере. Так как в психиатрическую или неврологическую клинику ему попасть не удалось, он

соглашается работать на неполную ставку в Институте детских болезней, где очень быстро становится одним из ведущих специалистов по заболеваниям мозга и нервной системы. Он активно публикуется в различных журналах, охотно берется за написание рецензий и статей для энциклопедических справочников, а затем и две монографии, которых было вполне достаточно, чтобы он обрел международное признание.

«Корни будущего Фрейда берут, следовательно, свое начало с 1886 г. Отростки же прежнего Фрейда, занимающегося анатомией мозга, доходят еще до 1893 г., так как он опубликовал в 1891 и 1893 гг. две довольно хорошие монографии о расстройствах речи и о детском параличе. Я познакомился с этими двумя дельными, теперь несколько устаревшими работами. Работа об афазии, посвященная другу, Иосифу Брейеру, написана вдумчиво и представляет значительную ценность. В обеих этих работах ничто еще не предвещает той бури, которая готовилась в нем, когда он их писал»[90], — констатирует Фриц Виттельс.

В этих словах есть лишь одна неточность: на самом деле буря в нем уже давно бушевала.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
ЖАЛОБЫ И СИМПТОМЫ

Второй раздел И[стории]. Б[олезни]. содержит данные о заболевании, жалобы больного, сведения о проявлении болезни в прошлом (анамнез болезни), условиях жизни, состоянии здоровья родственников, результаты объективного исследования больного по отдельным системам и органам, специальных лабораторных исследованиях, проведенных в первые 1–2 дня с момента поступления и послуживших для установления предварительного диагноза…

Малая медицинская энциклопедия. Т. 4. С. 91

Глава первая
ПСИХОАНАЛИЗ НАЧИНАЕТСЯ

В 1887–1892 годы доктор Зигмунд Фрейд продолжает принимать больных неврастенией или тех, кто считал, что он ею болен. В большинстве своем, как уже говорилось, это были женщины, и по мере роста популярности молодого врача его пациентки становились всё богаче. В 1888 году одной из таких пациенток стала жена банкира Анна фон Либен, которую позже в «Этюдах об истерии» Фрейд назвал Цецилией М.

Вероятно, Фрейд и Брейер познакомились с Анной на одном из устраиваемых ею светских коктейлей, на которые в числе прочих приглашались и модные врачи. Видимо, Анна фон Либен поначалу обратилась за помощью к более опытному и известному Брейеру, но тот (возможно, опасаясь повторения истории с Бертой Паппенгейм) поспешил передать ее Фрейду, оставив за собой роль «старшего», консультирующего партнера. И Брейера можно было понять: госпожа фон Либен требовала к себе врача едва ли не ежедневно, а то и по несколько раз на дню. Словом, налицо была не невралгия, как поначалу предположил Брейер, а самая что ни на есть, с точки зрения Фрейда, типичная истерия со всеми характерными симптомами: «галлюцинации, боли, спазмы, долгие напыщенные речи».

Фрейд лечил Анну фон Либен всё тем же гипнозом (которым он, по общему мнению, владел крайне слабо), электротерапией, гидротерапией, а также, возможно, морфием. Во всяком случае, иначе трудно понять, почему после того как Брейер и Фрейд наотрез отказались выписать ей «лекарство», у Анны начались галлюцинации, во время которых она увидела их обоих повешенными на дереве — это и в самом деле похоже на мстительный бред наркоманки, которой отказали в наркотике. Но главное заключалось в том, что, выслушивая «долгие напыщенные речи» фон Либен, после которых, как и в случае с Паппенгейм, наблюдалось облегчение состояния, Фрейд вновь убедился, что во время такого свободного словоизлияния можно немало узнать об источниках психологических травм пациента. Это, в свою очередь, было чрезвычайно важным шагом вперед в заложении основы будущего метода свободных ассоциаций.

Знакомство и сближение с Анной фон Либен имело для Фрейда и чисто практическую пользу, обладая огромными связями, она открыла начинающему врачу двери во многие богатые дома Вены, а будучи попечительницей

благотворительной медицинской организации, поставляла ему всё новых пациентов, визиты которых сама же, по сути, и оплачивала.

Следующей «знаковой пациенткой» стала для Фрейда Эмми фон Н., подлинное имя которой было Фанни Мозер. В момент их встречи в 1889 году ей, как и Анне фон Либен, был 41 год. В 23 года она вышла за бывшего старше ее лет на тридцать богатого предпринимателя, в 26 овдовела и считалась в Вене «самой богатой женщиной Европы». В то же время дети ее покойного мужа от первого брака распускали слухи, что Фанни попросту отравила их отца, и это закрыло перед ней двери многих аристократических домов.

Фанни, как и Берта Паппенгейм, страдала от различных фобий и галлюцинаций: то ей время от времени мерещилось, что по ее руке пробегает огромная мышь; то ей виделись окровавленные головы, плавающие в море; то на нее нападало чудовище с клювом стервятника. Вдобавок у нее наблюдались боли в ногах и в желудке, тик лица и она непроизвольно прищелкивала языком при разговоре. Все эти синдромы наводят на мысль, что у молодой женщины было какое-то психиатрическое заболевание, но вряд ли оно было связано с органическим поражением мозга (Фанни Мозер прожила еще много лет и скончалась в 1925 году), или шизофрения (как раз зрительные галлюцинации встречаются при шизофрении крайне редко). Но сама женщина, анализируя свое состояние, панически боялась безумия и того, что в итоге ее упрячут в сумасшедший дом.

Первый визит Фрейда к Эмми фон Н. официально датируется 1 мая 1889 года, и Лидия Флем предлагает считать эту дату «днем зачатия психоанализа».

Фанни Мозер ожидала врача, лежа на диванчике и положив голову на кожаную подушку (этот диванчик, возможно, и стал прототипом знаменитой кушетки). «Не двигайтесь! Ничего не говорите! Не трогайте меня! Молчите и слушайте, и не нужно задавать вопросы, откуда взялось то или другое!»

Как выяснилось, Фанни была убеждена, что многие ее страхи и галлюцинации были порождены некими негативными впечатлениями детства. Одно это уже доказывает, что идеи о том, что прошлое человека влияет на его психику, даже если не осознается им, к тому времени уже витали в воздухе, и рано или поздно должен был появиться человек, который поднял бы их на щит и стал бы пытаться научно обосновать. Фрейд решил исследовать прошлое Фанни Мозер под гипнозом.

«Я поднял палец перед ее глазами и приказал ей заснуть; она

стала клониться назад в состоянии оцепенения и потери рассудка. Я потребовал, чтобы она спала и чтобы наступило улучшение ее состояния… Она слушала меня, закрыв глаза… ее черты разглаживались, и умиротворение пробегало по ее лицу».

В течение семи недель почти ежедневно, а иногда по два раза в день Фрейд посещал Фанни Мозер, давая ей выговориться, всё реже и реже прибегая для этого к гипнозу. Таким образом, на Фанни Мозер он впервые сознательно применил катартический метод Брейера. Нельзя сказать, что он дал впечатляющие результаты. Судя по всему, Мозер продолжала страдать теми же синдромами до конца жизни, и Фрейд лишь скромно констатировал, что состояние этой пациентки после его визитов несколько улучшилось. Но зато теперь, следя за откровениями Мозер, он стал впервые осознавать, что если такой свободный словесный поток пациента записывать, а затем тщательно анализировать (вот и появилось слово «анализ»!), то из этих слов можно извлечь куда больше информации о его психической жизни, чем эти слова несут на первый взгляд.

Анализируя случай Фанни Мозер, Фрейд всё больше и больше склонялся к выводу, что причиной ее состояния являются не психические травмы детства, как она сама считает, а глубокая сексуальная неудовлетворенность, которой она стыдится и которую пытается загнать внутрь. Отсюда до рождения теории психоанализа уже и в самом деле оставался один шаг, хотя Фрейд и проделает его окольным путем. «Я подозреваю, — писал он позже, — что эта женщина страстного темперамента, способная испытывать сильные чувства, вела, вероятно, жестокую борьбу со своими сексуальными потребностями и была истощена психически… стараясь подавить этот инстинкт, самый мощный из всех».

* * *

Так как гипноз был на том этапе одним из основных методов, которые практиковал Фрейд, то он, естественно, следил за всей появляющейся в этой области литературой и стремился совершенствоваться в искусстве гипнотизера.

В 1888 году Фрейд обращает внимание на многочисленные работы в этой области профессора медицины из Нанси Ипполита Бернгейма, по праву считающегося одним из основоположников психотерапии. Бернгейм верил, что с помощью гипноза или даже путем внушения без гипноза можно снять многие болезненные симптомы, и в 1888 году Фрейд перевел его книгу «О внушении и

его применении в терапии». Правда, вскоре после окончания работы над переводом он написал Флиссу, что книга не произвела на него особого впечатления и многие идеи Бернгейма кажутся ему сомнительными.

Тем не менее в июле 1889 года он решает (благо средства ему это уже позволяли) отправиться в Нанси, чтобы лично познакомиться с Бернгеймом и стажироваться у него. О двух или трех неделях, проведенных в Нанси, Фрейд потом вспоминал не раз.

«Бернгейм нам показал тогда, что лица, приведенные им в сомнамбулическое состояние, в котором они, по его приказанию, испытывали различные переживания, утрачивали память о пережитом в этом состоянии только на первый взгляд… Когда он их спрашивал относительно пережитого в сомнамбулическом состоянии, то они действительно сначала утверждали, что ничего не знают, но когда он не успокаивался, настаивал на своем, уверял их, что они все же знают, то забытые воспоминания всякий раз воскресали снова»[91].

Эти эксперименты подтвердили прежние догадки Фрейда и окончательно утвердили его в мысли, что, для того чтобы избавить человека от невроза, нужно докопаться до его истинной причины, заставить вспомнить, с чего всё началось. Но проблема как раз и заключалась в том, что когда человеку задается такой вопрос и он начинает обдумывать ответ на него, то ответ этот, каким бы логичным и искренним ни казался, на самом деле не только не содержит в себе правды, но и, наоборот, скрывает ее, уводит от нее в сторону. Человек не желает знать о себе правды, сопротивляется ей, прячет ее от себя — и этот внутренний конфликт в итоге и приводит к неврозу и порожденным им болезненным симптомам.

Таким образом, несмотря на очень короткое время пребывания у Бернгейма, Фрейд покидал Нанси, обогащенный новыми идеями, которые еще предстояло проверить. На этом основании Виттельс совершенно справедливо включает Бернгейма в число тех, кто стоял у колыбели психоанализа.

И вот тут возникает весьма щепетильный вопрос о том, чем же был психоанализ как метод лечения неврозов в исполнении самого Фрейда? Как известно, Фрейд упорно настаивал на том, что сеансы психоанализа не имеют никакого отношения к гипнозу, и упрекал врачей, использующих гипноз, в том, что они не достигают цели.

«Я заметил, что этот метод (психоаналитического лечения. — *П. Л.)* часто смешивают с гипнотическим внушением, заметил это потому, что сравнительно часто мои коллеги, у которых я обычно

не пользуюсь особым доверием, посылают ко мне больных, разумеется, случайных больных, с просьбой их гипнотизировать, — отмечал Фрейд в докладе „Методика и техника психоанализа“. — Но уже около восьми лет я не прибегаю к гипнозу в целях терапии (исключая отдельные опыты) и обыкновенно возвращаю обратно присланных, дав совет тем, кто рассчитывает на гипноз, чтобы они сами его применяли. В действительности между суггестивной и психоаналитической техникой существует самая большая противоположность, та противоположность, которую великий Леонардо да Винчи выразил в формулах per via di pore и per via di levare. Живопись, говорит Леонардо, работает per via di pore (путем наложения, создания); она накладывает мазки красок там, где их раньше не было, на бесцветное полотно; скульптура, напротив, действует per via di levare (путем отнятия, высвобождения), она столько отнимает у камня, насколько он скрывает находящуюся в нем статую. Точно так же, м. г., суггестивная техника старается действовать via di pore, не задумываясь над происхождением, силой и значением симптомов болезни, а накладывая еще что-то, а именно внушение, ожидая, что оно окажется достаточно сильным, чтобы помешать проявлению патогенной идеи. Аналитическая терапия, напротив, не старается ничего накладывать, не вводить ничего нового, а отнимает, устраняет, и для этой цели она задумывается над происхождением болезненных симптомов и психической связью патогенной идеи, устранение которой составляет ее цель… Я так давно оставил технику внушения, а вместе с ней и гипноз, потому что отчаялся сделать внушение настолько сильным и стойким, как это необходимо для окончательного лечения»[92].

Однако ряд ведущих психотерапевтов XX века были убеждены, что в этих словах Фрейд явно лукавил. «Опираясь на работы Фрейда, относящиеся к 1886–92 гг., то есть к периоду его возвращения из Парижа и до появления „Предварительного сообщения“, охватывающего пять важнейших лет в развитии его учения, Нассиф прослеживает пройденный Фрейдом путь и остроумно замечает: если Фрейд и отказался от внушения, он никогда не отказывался от гипноза, — писал известный французский терапевт, один из создателей „гипноанализа“ Леон Шерток. — Поскольку гипноз в его время рассматривался как злоупотребление властью, заявление Фрейда о том, что он прекращает заниматься гипнозом, было просто уловкой с его стороны. В действительности же… вся, по выражению Нассифа, „декорация“ психоаналитического сеанса — кушетка, положение лежа и т. п. — ведет свое начало от гипноза. Язык психоанализа

неотделим от этой „декорации“, он не может существовать без своего рода естественного обмена, в котором предметами обмена служат взгляд и голос… В „декоративно-сценической“ стороне психоанализа всегда присутствует элемент гипноза, гипноз всегда лежит в основе сеанса психоанализа, и сама теория психоанализа никогда бы не появилась на свет, если бы Фрейд не занимался гипнозом»[93].

Однако действительно ли Фрейд использовал гипноз во время сеансов психоанализа, неизвестно, а ортодоксальный психоанализ, апеллируя к словам Фрейда, категорически отвергает гипноз даже как сопутствующий метод. Тем не менее цитировавшийся выше Леон Шерток убежден, что отношение самого Фрейда к гипнозу было неоднозначным. Он напоминает, что один из учеников Фрейда Зиммель во время Первой мировой войны применял гипноз для лечения военных неврозов солдат и офицеров немецкой армии, и Фрейд полностью одобрил этот его опыт.

* * *

Как видим, внешняя канва жизни Фрейда в конце 1880-х годов хорошо прослеживается, но на самом деле в ней остается немало загадок.

К этому времени его быт вошел в некую наезженную колею. Его распорядок дня включал в себя ежедневный прием пациентов, визиты к ним, работу в Институте детских болезней и — как отдушину — регулярные походы в гости к старому другу Йозефу Панету, где обычно собирались для игры в тарок и другие его приятели — Оскар Рие, Людвиг Розенберг, Леопольд Кёнигштейн.

Иногда, впрочем, место сбора менялось: друзья собирались у Рие или Кёнигштейна, но почти никогда у самого Фрейда — Марта не очень любила гостей, да и присутствие маленьких детей не способствовало гостеприимству. Фрейд явно предпочитал встречаться у Панета: ему не очень нравилась еврейская кухня в доме Рие и Кёнигштейна, и на следующий день после их посещения он жаловался на запоры и боли в желудке. Психоаналитик вполне может увидеть в этом очередное подтверждение еврейского комплекса, «несварения еврейства» Фрейдом, желания «запереть» его в себе. Именно это, а отнюдь не особенности еврейской кухни, возможно, и вызывало фрейдовские запоры.

В любом случае за карточным столом во время таких посиделок не только играли, но и обсуждали последние новости,

новинки литературы и, само собой, новые идеи в самых различных областях знаний. Не исключено, что именно в кругу этих четверых друзей Фрейд «обкатывал» приходившие ему в голову мысли, учитывая их контрдоводы и заодно проверяя, как эти идеи могут быть встречены научными кругами и широкой публикой.

То, что Фрейд не спешил домой, видимо, тоже было показательно. В 1889 году у него родился второй сын, названный в честь Шарко Жаном Мартеном, и Марта, занятая детьми и хлопотами по дому, всё больше напоминала ему обычную еврейскую матрону, «мадам еврейку». Период нежных писем остался позади, и хотя влечение к ней сохранилось, он уже не видел в супруге той романтической девушки, с которой хотелось делиться самыми сокровенными мыслями и планами.

Вдобавок, отказавшись под влиянием Фрейда от религиозного образа жизни, Марта, видимо, всё же соблюдала в какой-то степени еврейские законы ритуальной чистоты. Как известно, эти законы запрещают супружескую близость не только в период месячных, но и еще как минимум семь дней после них. Возможно, Марта придерживалась также и укоренившегося среди евреев предрассудка, по которому такая близость запрещена в первые 40 дней после рождения мальчика и в течение 80 дней в случае рождения девочки. Всё это, безусловно, обедняло сексуальную жизнь молодой семьи и не могло негативно не сказываться на настроении Фрейда и его взаимоотношениях с женой.

Оказавшись в Нанси, Фрейд пишет письма уже не Марте, а свояченице Минне, вновь, как это было и в Париже, рисуя себя скучающим и одиноким. «Да, мое утро проходит очень приятно, ибо если я не просыпаю, то позволяю себе окунуться в чудеса внушения. Но дни здесь скучны», — констатирует он.

Но говорит ли Фрейд в данном случае правду и только правду? Ряд исследователей сильно в этом сомневаются, особенно когда вспоминают, что одновременно с Фрейдом в Нанси — якобы исключительно для того, чтобы лечиться у того же Бернгейма — появилась Анна фон Либен. Посещая Бернгейма, она тем не менее продолжила лечиться и у Фрейда, и тот… ежедневно навещал фон Либен в ее номере.

Для фрейдофобов и вообще для исследователей, сомневающихся в высоких нравственных устоях Зигмунда Фрейда, всё в данном случае кажется очевидным. Почему, собственно говоря, 33-летнему симпатичному врачу не сблизиться со своей сорокалетней богатой, ухоженной и вдобавок привлекательной пациенткой? К тому же в июле Марта была на

пятом месяце беременности, и, возможно, это затрудняло их физическую близость…

С этой точки зрения поездка в Нанси к Бернгейму представляется ловкой уловкой, позволившей любовникам провести наконец время без оглядки на супругов. А если учесть, что Фрейд ежедневно проводил по несколько часов в номере Анны фон Либен; что в письмах Флиссу он называл ее «своей примадонной» и «учительницей» (в чем — не в вопросах ли секса?!); что, по утверждению самой фон Либен, только с Фрейдом ей удавалось «по-настоящему расслабиться и освободиться от эмоционального напряжения», а у других врачей это не получалось, то вообще всё сходится!

Пол Феррис, не высказывающий прямо этой версии, но и не отвергающий ее до конца, обращает внимание на то, что именно случаю Анны фон Либен, которому Фрейд уделял так много внимания, в «Этюдах об истерии» отводится совсем мало места. «Было бы неудивительно, — пишет он, — если бы его посещения Анны фон Либен создали бы между ними некие эмоционально-интимные отношения с оттенком эротики, с которой он не мог справиться».

Вслед за этим возникает следующий вопрос, с которым мы еще не раз будем сталкиваться: изменял ли Фрейд своей Марте и если изменял, то с кем? Что вообще происходило между ним и пациентками в таинственной комнате с кушеткой?!

Но защитники чистоты образа Фрейда тут же приводят множество доводов в пользу того, почему между Фрейдом и фон Либен не могло быть интимных отношений. Возможно, говорят они, эти двое и в самом деле испытывали влечение друг к другу, но они были слишком скованы как буржуазными представлениями о нравственности, так и — еще больше — своим еврейским воспитанием, ужесточавшим эти представления до предела. Над Фрейдом вдобавок дамокловым мечом висела врачебная этика, категорически запрещающая врачу сексуальные контакты с пациентами. Таким образом, если между Фрейдом и фон Либен действительно пробежала искра страсти, то они поспешили вытеснить, загасить ее, чтобы ни в коем случае из искры не возгорелось пламя. Это, вне сомнения, лишь усугубило невроз, которым Фрейд страдал не в меньшей степени, чем его пациентка.

Кто в данном случае прав, а кто нет, наверняка уже сказать нельзя. Нам остается лишь строить гипотезы. Не исключено, что правы те, кто утверждает, что и к Фанни Мозер, и к Анне фон Либен Фрейд относился не более чем к очередным подопытным кроликам, призванным поставить ему материал для статей и

книг, которые должны были принести ему вожделенные славу и богатство.

Глава вторая
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

1890–1895 годы стали для Фрейда периодом семейных забот, попыток укрепить свой авторитет в медицинском мире и — самое главное — накопления экспериментального материала, который он будет потом на протяжении еще многих лет использовать для доказательства справедливости теории психоанализа.

О событиях того времени нам известно прежде всего из его писем Флиссу. Летом 1890 года, когда Марта была беременна их третьим ребенком — Оливером, он встретился с Флиссом в Зальцбурге. Оливер появился на свет в феврале 1891 года, а в июле Марта снова была беременной. К этому времени квартира на Рингштрассе явно стала мала для разросшейся семьи, и Фрейд — возможно, не без настойчивых постоянных напоминаний Марты — стал подумывать о переезде.

Согласно легенде, проходя однажды по улице Берггассе, Фрейд увидел на доме 19 объявление: «Сдается внаем», — и видимо, будучи утомленным упреками жены и желая решить проблему как можно быстрее, просто вошел в подъезд и подписал договор.

20 сентября Фрейды переселяются в этом дом, в котором они и жили вплоть до своей вынужденной эмиграции в июне 1938 года. По видимости, аренду квартиры на Рингштрассе оплачивал всё тот же Брейер, и долг Фрейда другу все эти годы продолжал расти.

Теперь же средства позволяли ему не только самому снимать большую квартиру, но и нанять горничную и кормилицу. Спальня Фрейда и Марты, детские комнаты и гостиная размещались в квартире на втором этаже, а апартаменты на первом этаже Фрейд приспособил для работы. Здесь размещались приемная, где пациенты ждали своей очереди, и два кабинета: один — для приема больных и другой — для работы над статьями и книгами, за которой Фрейд также засиживался обычно до глубокой ночи.

Результатом его научной деятельности того периода стала обширная статья «Психическое лечение» в вышедшем в 1890 году сборнике «Здоровье: сохранение, расстройство, восстановление», изданном под редакцией Р. Коссмана и Ю. Вейсса, а также вышедшая в 1891 году монография «О понимании афазий: Критическое исследование», которую он посвятил Йозефу Брейеру. Эта книга, посвященная афазиям (нарушениям речи) и детским параличам, была весьма высоко оценена в медицинских

кругах, но при этом почему-то не вызвала восторга у Брейера. Но главное внимание Фрейда уже в те годы было посвящено всё тем же больным неврозами и попыткам проникнуть в механизм их заболевания. По словам биографов, он тщательно отслеживал мельчайшие нюансы и, если верить Шандору Ференци, мог часами лежать на полу рядом с пациенткой, бьющейся в припадке.

В середине 1892 года Фрейд сообщает Флиссу, что «Брейер заявил, что хочет совместно опубликовать нашу подробно разработанную теорию абреакции и другие умные вещи, связанные с истерией и принадлежащие нам обоим». Так началась работа над книгой «Этюды об истерии», причем под абреакцией Брейер имел в виду тот самый катартический метод, или «эффект исповеди». Последнее сравнение Брейера крайне не нравилось Фрейду-атеисту, и он (несмотря на точность аналогии) его никогда не использовал.

Следующим клиническим случаем, приблизившим Фрейда к теории психоанализа, стал «случай Элизабет фон Р.». Эта 24-летняя девушка обратилась к нему осенью 1892 года с жалобами на постоянную усталость и боли в ногах. Осмотрев пациентку, Фрейд пришел к выводу, что никаких органических заболеваний у нее нет. Следовательно, решил он, все ее недомогания носят истерический характер. Фрейд попытался добраться до причины этой истерии с помощью гипноза, но это ничего не дало и лишь усилило его сомнения в эффективности этого метода.

И вот тогда в поисках новых способов, которые позволили бы ему докопаться до причины заболевания, Фрейд начал подталкивать девушку к тому, чтобы она рассказала ему всю историю своей жизни. «Часто всё происходило так, будто она читала книжку с картинками, которую кто-то перелистывал у нее перед глазами», — вспоминал Фрейд. Если Элизабет на чем-то запиналась или вдруг отказывалась продолжить рассказ, Фрейд становился еще более настойчив, требуя, чтобы она вспомнила и рассказала обо всем до мельчайших подробностей.

Впоследствии в цикле лекций «О психоанализе» он конспективно изложил этот случай следующим образом:

«Молодая девушка, недавно потерявшая любимого отца, за которым она ухаживала, — ситуация, аналогичная ситуации пациентки Брейера, — проявляла к своему зятю, за которого только что вышла замуж ее старшая сестра, большую симпатию, которую, однако, легко было маскировать под родственную нежность. Эта сестра пациентки заболела и умерла в отсутствие матери и нашей больной. Отсутствующие поспешно были вызваны, причем не получили еще сведений о горестном событии.

Когда девушка подошла к постели умершей сестры, у нее на один момент возникла мысль, которую можно было бы выразить приблизительно в следующих словах: теперь он свободен и может на мне жениться. Мы должны считать вполне достоверным, что эта идея, которая выдала ее сознанию несознаваемую ею сильную любовь к своему зятю, благодаря взрыву ее горестных чувств, в ближайший же момент подверглась вытеснению. Девушка заболела. Наблюдались тяжелые истерические симптомы. Когда я взялся за ее лечение, оказалось, что она радикально забыла описанную сцену у постели сестры и возникшее у нее отвратительно-эгоистическое желание. Она вспомнила об этом во время лечения, воспроизвела патогенный момент с признаками сильного душевного волнения и благодаря такому лечению стала здоровой»[94].

В «Этюдах об истерии» эта история описана куда более красочно. Когда Фрейд сообщил Элизабет, что, по его мнению, всё дело в том, что она влюблена в зятя и в какой-то момент обрадовалась смерти сестры, та начала категорически, с криком всё отрицать — и тут же ощутила ту самую боль в ногах, которая ее мучила. Фрейд же в ответ стал убеждать девушку, что люди не отвечают за свои бессознательные желания, и то, что она своей болезнью как бы наказала себя, как раз свидетельствует, что она является не развратной эгоисткой, каковой себя втайне считала, а высоконравственным человеком. Затем Фрейд встретился с матерью Элизабет и, выяснив, что ее брак с бывшим зятем невозможен, посоветовал смириться с такой превратностью судьбы.

Но самое главное заключалось в том, что в тот момент, когда тайна из бессознательного была впущена в сознание, Элизабет фон Р. и в самом деле стало легче и ее можно было считать излечившейся.

К той же мысли Фрейда подвела и история болезни мисс Люси Р., которую Фрейд лечил в том же 1892 году. Люси, молодая англичанка, работавшая гувернанткой детей директора одного из венских заводов, жаловалась на меланхолию, усталость и — самое главное — постоянно преследовавший ее запах горелого пудинга.

Фрейд решил испробовать на Люси Р. новый метод работы с пациентами, который давно уже вызревал в его голове. Предложив пациентке лечь на кушетку, он положил ей руку на лоб и заявил, что по мере того, как он будет слегка надавливать на лоб, у нее появится некая мысль, которая и станет ключом к разгадке причин ее заболевания.

Но Люси Р., казалось, отнюдь не нуждалась в такой

стимуляции. Она прекрасно помнила, как запах сгоревшего пудинга начал преследовать ее с того дня, когда ей пришло письмо от матери из Глазго, а дети пытались его отобрать. Пока она отбивалась от воспитанников, в печи сгорел пудинг.

Но Фрейд счел этот рассказ недостаточным, и очень скоро Люси призналась, что к тому времени она уже хотела оставить дом директора, но ей было жаль расставаться с детьми. Более того, отъезд из дома стал бы нарушением той клятвы, которую Люси дала у постели умирающей матери своих воспитанников.

Фрейд начал расспрашивать о причинах, побудивших Люси просить расчета, на что она без колебаний назвала интриги и попытки оговорить ее со стороны других слуг. Однако Фрейд на основе исповеди Люси пришел к другому выводу: на самом деле причиной ее невроза является тайная любовь к хозяину. Сама Люси, поразмыслив, согласилась, что это правда, и… запах пудинга перестал ее преследовать. Но уже спустя несколько недель, в начале 1893 года, Люси снова появилась в кабинете у Фрейда с жалобой на то, что теперь ее навязчиво преследует запах сигарного дыма.

Позднее, работая с «Дорой», Фрейд придет к мысли, что «мания» табачного дыма часто связана у женщин с желанием поцелуя. Однако тогда столь оригинальное объяснение еще не пришло ему в голову, и он, положив ладонь на голову Люси, продолжил расспрашивать ее о возможных причинах ее состояния. И вновь сама Люси рассказала, что запах сигарного дыма ассоциируется у нее с неприятной сценой, когда один из гостей хозяина хотел поцеловать его детей, что вызвало у директора завода крайне резкую негативную реакцию.

Как и в случае с Элизабет фон Р., когда Люси осознала, что все ее проблемы — от любви к хозяину, но любовь эта абсолютно безнадежна и нужно смириться с этим и жить дальше, все ее истерические симптомы, если верить Фрейду, безвозвратно исчезли.

Фрейд обсуждал все эти случаи с Брейером и тщательно конспектировал их описание, готовя будущую книгу. В письмах Флиссу этого периода он признаётся, что считает главным для себя именно написание книг, а не работу с пациентами — последние являются для него лишь материалом для будущих сочинений.

В январе 1893 года в медицинских журналах Вены и Берлина появилась совместная статья Брейера и Фрейда «О психическом механизме истерических феноменов: Предварительное сообщение», призванная стать своего рода прологом к их будущей книге и «застолбить» за ними первенство в понимании этиологии

неврозов. В этой статье Брейер и Фрейд впервые использовали заимствованное у И. Ф. Гербарта понятие «вытеснение» практически в том же смысле, в каком оно используется в теории психоанализа. Эту работу заметили немногие, но и те, кто заметил, не увидели в идеях авторов ничего сверхоригинального. Американский психолог Уильям Джемс, к примеру, в своем обзоре отметил, что идеи Фрейда и Брейера очень близки к идеям Жане, которому и отдавал приоритет в создании такого подхода.

Суть статьи заключалась в том, что «истерики страдают от своих же воспоминаний», которые загоняют, вытесняют глубоко в подсознание. А значит, и лечить их нужно, выводя тем или иным способом эти воспоминания наружу. Статья заканчивалась многозначительным пассажем о том, что «авторы приблизились к пониманию только механизмов истерии, а не ее симптомов». Многим фрейдистам в этой фразе видится начало конфронтации с Брейером. Возможно, считают они, Фрейд уже тогда захотел затронуть вопрос о сексуальной природе неврозов, но Брейер этому категорически воспротивился и согласился лишь на такую, весьма обтекаемую фразу.

Между тем Фрейд всё чаще и чаще расспрашивал своих пациентов об особенностях их сексуальной жизни, находя в них причины недомоганий и советуя в качестве исцеляющего средства прежде всего попробовать нормализовать эту жизнь. Нередко такой совет и в самом деле помогал, и по Вене поползли новые слухи об удивительном докторе, который расспрашивает «про это» и помогает в сложных случаях, когда другие врачи признали свое бессилие. Это, разумеется, вызвало новую волну пациентов, а точнее, пациенток к Фрейду.

* * *

Тем временем, в июле 1893 года, Марта родила пятого ребенка. Фрейд отправил ее отдыхать в дачный поселок Рейхенау, а сам в сопровождении Оскара Рие направился в расположенный в Восточных Альпах Земмеринг. Здесь Фрейд и Рие предприняли увлекательный двухдневный пеший поход по горе Ракс и 19 августа оказались в уютной гостинице «Отто Хаус». Если верить Фрейду, дочь владельца местной таверны, которую он назвал Катариной, узнав, что он врач, сама подошла к нему и пожаловалась на приступы, во время которых у нее возникали шум в ушах, головокружения и она начинала задыхаться. Одновременно у нее возникали приступы страха из-за того, что кто-то может напасть на нее сзади, а временами перед ней

возникало некое «страшное лицо» — лицо ее «дяди».

И вновь, расспросив девушку, Фрейд пришел к выводу, что причиной ее недомогания явилась сексуальная травма. Это предположение подтвердилось: как оказалось, однажды она видела, как «дядя» занимался любовью с ее кузиной, а затем пытался совратить и ее, так что она почувствовала «прикосновение части ее тела». «Надеюсь, наша беседа пошла на пользу этой молоденькой девушке, так рано познавшей сексуальные переживания», — подытоживает Фрейд этот случай в «Этюдах об истерии» (1895).

Благодаря всё тому же Питеру Суэйлзу[95], мы сегодня знаем, что на самом деле Катарину звали Аурелия Кроних, а в качестве ее совратителя выступал отнюдь не дядя, а отец.

И вновь, когда сталкиваешься с реальными деталями истории Катарины, возникает немало вопросов. И самый главный из них связан с тем фактом, что не успел Фрейд познакомиться с Катариной, как в гостинице… появилась Марта. «Вдруг кто-то вошел совершенно раскрасневшийся в этот жаркий день, и я некоторое время смотрел на эту фигуру, пока не узнал в ней собственную жену», — пишет Фрейд. Марта настояла на том, чтобы они несколько дней провели вместе, и Фрейд почувствовал, что «не вправе лишить ее этого удовольствия».

Согласитесь, после этого сама собой возникает мысль, что Фрейд отправился в Альпы отнюдь не только ради увлекательных пеших прогулок, но и для неких иных приключений. В связи с этим не исключено, что это не очаровательная дочка хозяина отеля обратилась к нему за помощью, а Фрейд сам начал ухаживать за девушкой, обещая помочь ей в «познании самое себя». Видя, что дело принимает серьезный оборот, Рие позвонил Марте — и та, оставив детей на кормилицу, примчалась «спасать семью», несмотря на то что никогда не любила горы.

Причины же, которые могли побудить Фрейда обращать внимание на других женщин, по мнению Ферриса, следует искать в его крайней неудовлетворенности сексуальной жизнью. Напомним, что в течение этих лет Марта рожала практически одного ребенка за другим. Так как в личной библиотеке Фрейда были обнаружены сразу три брошюры, посвященные контрацепции, выпущенные в 1882–1884 годах, то очевидно, что эта проблема его крайне волновала. При этом Фрейд, как известно, отвергал презервативы, будучи убежден, что с ними мужчина теряет остроту ощущений, а прерванный половой акт считал — и не без оснований — причиной возникновения мужских неврозов. Видимо, он предложил Марте пользоваться женскими контрацептивами вроде маточного кольца, но та это

отвергла. Тогда Фрейд, по Феррису, попытался реализовать с Мартой свою давнюю эротическую фантазию об оральном сексе, но и это Мартой было отвергнуто как по причине ее природной брезгливости, так и потому, что она считала такой способ «извращением»[96]. После рождения пятого ребенка супруги решили вообще воздерживаться от интимной близости, и именно в это время и состоялась встреча Фрейда с Катариной.

Однако внимательный анализ сочинений Фрейда наводит на другую мысль, которую до сих пор почему-то боятся озвучивать исследователи. Во всяком случае, автору этих строк кажется, что главной сексуальной фантазией, мучившей Фрейда, была фантазия об анальном, а не об оральном сексе. Отсюда — и многие его сны, и такой интерес к «анальной эротике», и явное преувеличение ее значения.

Надо заметить, что анальный секс в тот период в Европе, и особенно во Франции, практиковался многими супружескими парами в качестве метода контрацепции. Это, разумеется, вызывало многочисленные споры о «нормальности», «законности» и прочих аспектах такого рода сношения. В середине 1880-х годов, в тот самый период, когда Фрейд стажировался у Шарко, профессор Л. Мартино читал свои лекции по гинекологии, в одной из которых делал особый акцент на распространенность анального секса во французских семьях.

«Прежде всего, прошу вас помнить, — писал профессор Мартино, — что содомия (анально-генитальные контакты) встречается преимущественно у замужних женщин. Потому ли это, что женщина не понимает унизительности этого акта, или же она уступает нахальству и насилию, или же, наконец, подвергается ей добровольно из ревности и страха, что муж, ради насыщения своих извращенных половых вкусов, обратится к мужской или женской проституции».

Предположение Михаила Штереншиса, что Фрейд посещал лекции Мартино или, по меньшей мере, читал их, выглядит вполне убедительно[97]. Не исключено, что подобные фантазии мучили Фрейда давно, еще в период его увлечения Жизелой, и зарождались они при его знакомстве с Библией и комментариями к ней, где не раз упоминалось о такой близости между мужчиной и женщиной. Правда, во всех случаях данный вид соития трактуется как ненормативный, запретный и даже преступный, но вряд ли атеист Фрейд считал его таковым. И не эту ли нереализованность своих фантазий имел в виду Фрейд, когда говорил, что он всегда был за большую сексуальную свободу, но его личная сексуальная жизнь всегда была скромнее, чем ему хотелось бы?

* * *

Как бы то ни было, в этот период Фрейд (как на своем опыте, так и на опыте некоторых своих пациентов) всё больше и больше утверждается в мысли, что определяющим началом в жизни человека является именно его сексуальная жизнь. Нарушение ее нормального течения, неудовлетворенность ею являются основной причиной как неврозов, так и, возможно, многих других заболеваний.

Показательно, что именно в 1893–1894 годах, то есть в период, когда они с Мартой решили воздерживаться от интимной близости, Фрейд начал жаловаться на боли в сердце и на «невроз тревожности», проявлявшийся в состоянии подавленности и в приступах паники. В это же время он всё чаще пишет Флиссу о том, что ему, возможно, предстоит умереть молодым, пытается вычислить дату своей возможной смерти с помощью различных каббалистических приемов (отсюда следует, что уже в тот период Фрейд был знаком с основами каббалы); высказывает опасение, что проживет в лучшем случае до пятидесяти двух лет — возраста, который, согласно еврейской традиции, считается критическим для мужчины.

В разговоре с Брейером Фрейд высказал опасение, что у него хронический миокардит. Когда же Флисс предположил, что речь идет об обычном неврозе и стенокардии (что, вероятно, соответствовало действительности), то Фрейд решил, что друг скрывает от него его истинный диагноз. Это лишь еще раз показывает, насколько мнительным был он в то время. Беспокоясь о своем здоровье, Фрейд в апреле 1894 года даже решил последовать совету Флисса и бросить курить. Почти три недели он провел «без горящих предметов во рту», но затем решил, что жизнь без сигар — это вообще не жизнь, и снова вернулся к вредной привычке.

Необходимо отметить, что начавший терзать Фрейда страх перед смертью отнюдь не был простым страхом перед уходом в небытие. Читая письма Флиссу, начинаешь понимать, что больше всего Фрейд боялся умереть, не успев реализовать свою жизненную миссию и не оставив о себе памяти в истории человечества. Жажда «духовного бессмертия» по-прежнему была главной определяющей его бытия.

В те весенние дни 1894 года Фрейд окончательно приходит к мысли, что секс детерминирует все стороны жизни человека, и задается целью создать строго научную, почти математическую теорию о влиянии секса на состояние здоровья. Будучи учеником Мейнерта и фон Брюкке, а значит, и последователем

механистических идей о том, что в живых организмах действуют те же законы, что и в неживой природе, Фрейд пытается сформулировать некий «закон сохранения сексуальной энергии». Эта энергия накапливается в организме и затем в ходе «нормального сексуального акта» выплескивается наружу, приводя организм в умиротворенное «нулевое» состояние. В случае же если эта энергия не находит выхода или же находит неправильный выход, то это приводит к выработке в организме неких отравляющих веществ, порождающих неврозы и другие заболевания. Таким образом, мужчины и женщины, страдающие от сексуальной неудовлетворенности, не дающие выход своим сексуальным запросам, наносят колоссальный вред своему организму и поневоле превращаются в неврастеников, а также, не исключено, начинают страдать и сердечными заболеваниями.

Не исключено, что эта теория возникла у Фрейда не только на основе наблюдения за пациентами, но и — как и все прочие его теории — на основе личного опыта сексуального воздержания. Очевидно, тогда же Фрейд поделился этими своими идеями как с Брейером, так и с партнерами по игре в тарок, но они явно не нашли у них понимания. Более того, видимо, Фрейд стал после этого объектом дружеских шуток по поводу его чрезмерной озабоченности вопросами секса — шуток, которые его втайне бесили. Иначе трудно объяснить его письмо Флиссу, датированное маем 1894 года. «Меня практически считают маньяком, — пишет он, — а я совершенно точно знаю, что прикоснулся к одному из величайших секретов природы». Реакция друзей на его «сексуальные бредни» означала только одно: если он предаст их гласности, обществом они будут восприняты еще более враждебно.

Расхождение во взглядах на значение сексуальности в физическом и психическом здоровье человека привело ко всё возрастающей напряженности между Фрейдом и Брейером. Судя по всему, Брейер категорически возражал против акцентирования на сексуальной этиологии истерии в их будущей совместной книге, и это опять-таки выводило Фрейда из себя. Видимо, он даже подумывал о том, чтобы отказаться от соавторства Брейера, но не мог этого сделать как минимум по двум причинам. Во-первых, история Берты Паппенгейм и само открытие катартического метода, как ни крути, принадлежали Брейеру. Во-вторых, имя такого авторитетного врача и ученого, как Брейер, необходимо было Фрейду для надежного прикрытия ряда своих смелых идей, которые он всё же надеялся «протащить» в книгу. Слишком смелое, подчас волюнтаристское перо Фрейда и в самом деле чувствуется в «Этюдах об истерии», но это ни в коем случае

не означает правоту тех фрейдофобов, которые считают, что эту книгу написал исключительно Фрейд, а Брейер просто поставил на ней свою фамилию — может, даже не очень того и желая. Нет, Брейер, вне сомнения, контролировал написание «Этюдов…» — в противном случае эта книга была бы совсем другой.

В то же время свое раздражение Брейером Фрейд выплескивал в письмах Флиссу. Он обвинял своего недавнего друга и, по сути, наставника в медицине в том, что тот стал ему «препятствием на пути … профессионального роста»; жаловался, что задуманная книга «испаряется» из осторожности Брейера и т. д. Чем дальше, тем больше это раздражение перерастает в откровенную неприязнь, если не сказать больше — в ненависть. «Третьего февраля Брейер стал бабушкой», «Брейер, как царь Давид, радуется, когда кто-то умирает», — пишет Фрейд Флиссу.

В истории взаимоотношений с Брейером проявилась та отрицательная черта характера Фрейда, на которой сделал особый акцент Олег Акимов: он, по сути дела, ни с кем не мог поддерживать длительных дружеских отношений. Почти все его друзья на определенном этапе превращались в ненавистных и презираемых врагов. Фрейд увлекался новым знакомством, едва ли не влюблялся в очередного нового друга, интенсивно общался с ним, но затем охладевал к этому человеку и находил следующий объект для дружбы. Да и могло ли быть иначе у человека, страдавшего неврозом самоненависти, то есть у человека, который в первую очередь ненавидел самого себя и был врагом самому себе?! Но еще хуже Фрейд относился к тем друзьям, которые осмеливались подвергнуть сомнению его суждения. Дело в том, что, породив ту или иную идею, Фрейд нередко уверовал в ее истинность со всей страстью религиозного фанатика, и его ненависть к сомневающимся была сродни ненависти такого фанатика к еретикам или иноверцам. Ему нужен был постоянный «подогрев извне», некий враг, которому он мог бы противостоять и на которого мог проецировать собственные слабости и недостатки. Именно так всё происходило и с Йозефом Брейером.

В середине 1894 года, на фоне растущей напряженности с Брейером, Фрейд публикует статью «Неврозы защиты». Как следует из самого названия, Фрейд провозглашает в ней чрезвычайно важную для него идею о том, что невроз является, по сути дела, защитной реакцией сознания человека на неприемлемые для него в силу воспитания и принятых в обществе взглядов некие идеи и воспоминания о собственных поступках. Поставив барьер этим идеям, желаниям и воспоминаниям в сознании, человек отодвигает их в область бессознательного.

Причем, пишет Фрейд далее, чаще всего такие нежелательные, «несовместимые идеи» связаны с сексуальными проблемами, так как «именно половая жизнь приносит с собой наибольшее количество случаев, которые могут вызвать появление несовместимых идей».

В качестве одного из примеров, доказывающих верность этого утверждения, Фрейд приводит историю молодой женщины, испытывающей желание помочиться каждый раз, когда она оказывалась в людном месте. По словам Фрейда, расспросив эту пациентку, используя метод свободных ассоциаций, он выяснил, что однажды, сидя среди публики в концертном зале, у женщины возникла эротическая фантазия, которую она оттеснила в бессознательное, объяснив свое желание потребностью помочиться.

По мнению Пола Ферриса, публикация этой амбициозной статьи была своего рода вызовом Брейеру и одновременно еще одним следствием страха смерти. «Возможно, из-за проблем с сердцем он хотел опубликовать хоть что-то на случай преждевременной смерти», — пишет Феррис.

В январе 1895 года Фрейд публикует еще одну статью, посвященную неврозу тревожности, который, как он понял на собственном опыте, может иногда проявляться в нарушениях работы сердца и в «псевдостенокардии».

Публикация статьи о неврозе тревожности почти совпала по времени с прижиганием носа, которое Флисс сделал Фрейду, чтобы вылечить его сердце. Эта процедура была самой обыкновенной профанацией, но Фрейд заявил, что именно после прижигания у него «как будто и следа от болезни не осталось». А вот дальше была крайне неприятная для них обоих история с Эммой Экштейн, семья которой дружила с родителями Фрейда.

* * *

Здесь, видимо, самое время остановиться и подробнее познакомиться с личностью Вильгельма Флисса, сыгравшего своего рода роль наперсника теории психоанализа. На протяжении ряда лет Фрейд считал Флисса своим самым близким другом и в письмах и беседах делился с ним наиболее сокровенными мыслями и замыслами, обтачивал и обсуждал с ним свои теории.

Флисса сближала с Фрейдом мечта обессмертить свое имя путем создания некой универсальной теории жизнедеятельности человеческого организма, которая связала бы между собой

психику и физиологию. Будучи отоларингологом, Флисс оттолкнулся от мысли, что так как организм представляет собой единое целое, то и все его «выходные каналы» и системы жизнедеятельности связаны между собой, а значит, тот же нос самым непосредственным образом связан с половыми органами и генитальными отверстиями. То есть сексуальная жизнь человека в итоге отражается на функционировании его носоглотки и некие аномальные сексуальные склонности или та же неудовлетворенность может привести к неудержимым насморкам, носовым кровотечениям и т. д. В свою очередь, воздействуя на нос путем прижигания или неких хирургических операций, можно добиться нормализации сексуальной жизни и т. д.

Самое любопытное, что истоки этой идеи Флисса тоже следует искать в иудаизме. Дело в том, что после отправления естественных надобностей каждый религиозный еврей должен произнести следующее благословение: «Благословен Ты, Г-сподь, Б-г, Царь Вселенной, Который мудро создал человека, сотворив его тело с необходимыми отверстиями и внутренними полостями. Явно и ведомо Тебе, что если откроется одна из полостей или закроется одно из отверстий, то человек не сможет существовать и стоять перед Тобой. Благословен Ты, Г-сподь, исцеляющий всё живое, дела которого чудесны».

Флисс, как и Фрейд, был атеистом, но, будучи евреем, он не мог не быть знаком с этим благословением, а значит, и должен был задумываться над его смыслом. Кроме того, Флисс путем неких логических заключений и одному ему понятных математических вычислений пришел к выводу, что жизнь женщин подчиняется 28-дневному, а мужчин — 23-дневному биологическому ритму. При этом Флисс совершенно верно предположил, что существуют дни, когда вероятность забеременеть у женщины близка к нулю, и в эти дни она может свободно вести сексуальную жизнь, не прибегая к контрацептивам. По уже указанным выше причинам эти исследования необычайно интересовали Фрейда, но поверхностность, тяга к спекуляциям, нехватка экспериментальных данных не позволили Флиссу правильно установить, какие это дни.

Псевдонаучный, спекулятивный характер теорий Флисса был очевиден для большинства его современников, но Фрейд какое-то время в них искренне верил — возможно, потому, что чувствовал во Флиссе родственную душу, так как и сам тяготел к созданию подобного рода теорий.

В связи с этим становится понятным, почему Фрейд решил в начале 1895 года направить Эмму Экштейн к Флиссу. Эта

тридцатилетняя женщина обратилась к Фрейду с жалобами на расстройство менструального цикла и периодически возникающие сильные кровотечения из носа. Следуя своему методу, Фрейд начал расспрашивать Эмму о ее интимной жизни, и та призналась, что в юности (а может, и не только в юности) занималась мастурбацией. Затем она рассказала, что впервые сильное кровотечение открылось у нее в 15 лет, когда она хотела, чтобы ее лечил «один молодой врач», в которого она, видимо, влюбилась. На этом основании Фрейд пришел к выводу, что кровотечения Эммы носят истерический характер (хотя, скорее всего, это было не так). Причины истерии и порожденного ею невроза он увидел в «аномальной сексуальной жизни» (то есть всё той же мастурбации) и сексуальной же неудовлетворенности.

Так как больше всего Эмму Экштейн беспокоили именно носовые кровотечения, то Фрейд решил, что пришло самое время проверить на практике теорию Флисса. 21 февраля 1895 года Флисс «занялся» Эммой, причем решил делать не свои обычные прижигания, а самую настоящую операцию на «проблемной» (как он считал) зоне носовых раковин. Фрейд, судя по всему, выступал на этой операции в роли ассистента.

После операции Эмма Экштейн вернулась в Вену, а 2 марта у нее началось кровотечение из носа. 6 марта состояние Эммы резко ухудшилось. К женщине вызвали профессионального хирурга, и тот обнаружил, что Флисс (а значит, и Фрейд) оставил в носовой полости… около полуметра марли. Когда марля была извлечена, кровотечение стало необычайно обильным, и его удалось остановить с огромным трудом.

Когда Фрейду сообщили об этом, у него начался сердечный приступ, затем он потерял сознание, и его отпаивали бренди. Но трудно сказать, чем именно была вызвана эта реакция — чувством ответственности за судьбу пациентки, страхом, что эта история нанесет сокрушительный удар по его репутации и он потеряет практику, или и тем и другим вместе. Биографы Фрейда сообщают, что Эмма начала поправляться лишь спустя два месяца, а сделанная Флиссом операция навсегда изуродовала ее лицо. Но странное дело: той весной 1895 года она еще не раз вызывала к себе Фрейда, что навело того на мысль, что молодая женщина попросту влюбилась в него и ухудшение состояния Эммы и новые кровотечения были порождены желанием встретиться с ним и, возможно, соблазнить его.

Фрейд пишет Флиссу, что у Эммы было «три неожиданных кровотечения и каждое длилось три дня, что наверняка имеет какое-то значение», а чуть выше добавляет, что Эмма использовала эти кровотечения как «безотказное средство вернуть

мое расположение». Поведение Эммы Экштейн по отношению к нему лично, а также Берты Паппенгейм по отношению к Брейеру стало, вне сомнения, первым толчком к формулированию Фрейдом такого важнейшего понятия психоанализа, как перенесение (перенос, трансфер), то есть проекция пациентом на психоаналитика чувств и желаний, испытываемых им к другим людям, чаще всего к родителям.

Вместе с тем Фрейд, безусловно, ощущал некий душевный дискомфорт из-за того, что оказался причастен к столь очевидному медицинскому провалу. Не исключено, что возникшее у Эммы чувство к Фрейду было по меньшей мере отчасти взаимным и он надеялся, что Эмма скрасит ему сексуальное воздержание, которого в тот момент он еще, по его собственному признанию, придерживался в отношениях с Мартой.

«Я чувствую себя ужасно несчастным из-за нее еще и потому, что по-настоящему полюбил ее», — признаётся он Флиссу в письме от 17 марта. При этом Фрейд вроде бы ни в чем не винит друга и даже пишет, что ругает себя за то, что втянул его в эту историю. Но вместе с тем все биографы отмечают, что в письме Флиссу от 20 апреля явно слышится скрытый упрек, если не обвинение: «Я потрясен, что столь страшное несчастье произошло из-за операции, которая считалась совершенно безобидной». В этой фразе явно угадывается то, как она должна была звучать первоначально: «…которая, по твоему утверждению, считается совершенно безобидной».

И Лидия Флем, и Макс Шур, и Пол Феррис сходятся во мнении, что именно с истории с Эммой Экштейн возникла первая трещина в отношениях Фрейда с Флиссом. Но тогда они были еще слишком нужны друг другу, и потому Фрейд, дорожа, по сути дела, единственным разделявшим его поиски другом, оттеснил возникшую неприязнь к Флиссу в «бессознательное». Внешне в их отношениях ничего не изменилось. Более того, в письмах 1896 и 1897 годов Фрейд несколько раз подчеркивал, что не только ни в чем не винит друга, но и считает, что в целом его подход к случаю Эммы Экштейн носил верный характер.

В ту весну Фрейд активно работал над правкой «Этюдов об истерии», и в мае 1895 года книга вышла в свет. Она включала в себя предисловие авторов, главу, повторявшую «Предварительное сообщение», а затем описание случаев «Анны О.», «Цецилии М.», «Эмми фон Н.», «Люси» и «Катарины». Завершали книгу очерк Брейера и написанная Фрейдом статья «Психотерапия истерии», представлявшая собой, по сути дела, первое публичное изложение психоаналитической теории и метода «свободных

идей» как способа выявления скрытых причин неврозов. Книга, выпущенная тиражом 800 экземпляров, осталась практически не замеченной широкой публикой, и за 13 лет было продано лишь 626 экземпляров «Этюдов…».

Сама разработка и широкое применение метода свободных ассоциаций выходили за пределы психоанализа, так как сам этот метод нашел широкое применение в различных областях. «Понятие „ассоциация“ — одно из древнейших в психологии… различным видам ассоциаций было посвящено множество психологических трактатов, — писал М. Г. Ярошевский, разъясняя суть и значение этой инновации Фрейда. — Во всех случаях ставилась задача изучить работу сознания. Фрейд же использовал материал ассоциаций в других целях. Он искал в этом материале путь в область неосознаваемых побуждений, намеки на то, что происходит в „кипящем котле“ аффектов, влечений. Для этого, полагал он, ассоциации следует вывести из-под контроля сознания. Они должны стать свободными. Так родилась главная процедура психоанализа, его основной технический прием. Пациенту предлагалось в расслабленном состоянии (обычно лежа на кушетке) непринужденно говорить обо всем, что приходит ему в голову, „выплескивать“ свои ассоциации, какими бы странными возникающие мысли ни казались. В тех случаях, когда пациент испытывал замешательство, начинал запинаться, повторял несколько раз одно и то же слово, жаловался на то, что не в состоянии припомнить что-либо, Фрейд останавливал на этих реакциях свое внимание, предполагая, что в данном случае его больной, сам того не подозревая, сопротивляется некоторым своим тайным мыслям, причем сопротивляется не умышленно, как бывает в тех случаях, когда человек стремится намеренно что-либо утаить, а неосознанно. Для этого, конечно, должны быть какие-то причины особой, „тормозящей“ активности психики. Еще раз подчеркнем, что такая особая, обладающая большой энергией сопротивляемость, открытая Фрейдом в его медицинском опыте, в кропотливом анализе реакций его пациентов, явилась принципиально важным новым словом в понимании устройства человеческой психики»[98].

Вместе с тем «Этюды об истерии» были в определенном смысле слова революционными не только и не столько потому, что содержали в себе целый ряд основополагающих тезисов будущего фрейдизма.

Как уже отмечалось, сам стиль или, как сейчас принято говорить, формат книги определял именно Фрейд, а не Брейер. И именно в «Этюдах об истерии» Фрейд и реализовал свою неутоленную жажду к писательской славе, создав некий новый

жанр — «медицинская история». Фигура врача-писателя не была чем-то новым в мировой литературе, и многие врачи использовали в качестве сюжетов случаи из своей практики. Рассказы о душевной жизни женщины, в которые тесно вплетались ее самые интимные переживания, тоже уже были достаточно распространены в мировой литературе, и тут Фрейд вряд ли мог тягаться с Флобером или входившим в моду Цвейгом. Но в том-то и заключалась «изюминка», что Фрейд представлял все свои истории как абсолютно документальные, одновременно строя их вроде некого «медицинского детектива», в котором читатель оказывается в творческой лаборатории врача. Подлинная же тайна пациента раскрывается лишь ближе к концу, на основе исповеди, приоткрывающей те интимные стороны жизни, о которых в то время столь открыто говорить было еще не принято.

Добавьте к этому достаточно живое, в силу писательского таланта Фрейда, изложение — и мы получим главные компоненты того успеха, который впоследствии завоевали сочинения Фрейда у широкого читателя и что в значительной степени способствовало быстрой популяризации его теории.

Не случайно «Этюды об истерии» были весьма скептически встречены прочитавшими их специалистами по психиатрии и неврологии, но получили едва ли не восторженную оценку венского литературоведа профессора Альфреда фон Бергера. Не исключено, что фон Бергер написал эту рецензию по личной просьбе Фрейда, но когда он пишет, что «Этюды…» «пронизаны бессознательной и ненамеренно созданной красотой», «античной поэтической психологией» и т. д., это звучит вполне искренне. То, что от книги, заявленной как «научная», сильно отдавало беллетристикой, не только не смущало фон Бергера, но и, напротив, всячески им приветствовалось.

«Ученый, пустившийся в плавание по океану человеческой души, не может претендовать на холодную и трезвую объективность суждений, как бы он к этому ни стремился», — писал фон Бергер, расхваливая «Этюды…». При этом фон Бергер первым обратил внимание, что предлагаемая Фрейдом теория вполне может быть использована при анализе литературных произведений, с тем чтобы объяснить скрытые психологические мотивы литературных героев. Таким образом, фон Бергер, сам того не сознавая, стал, по сути дела, первооткрывателем «литературного» психоанализа.

Но, разумеется, расчет Фрейда строился на том, что читатель его историй — как любой читатель художественной литературы — начнет примерять проблемы своих героев на себя, копаться в

собственной интимной жизни и в итоге признает справедливость основного посыла книги.

В сущности, почти все последующие книги Фрейда повторяли затем судьбу «Этюдов об истерии». Встречая скептическое, а подчас и откровенно враждебное отношение со стороны специалистов, они пользовались успехом у гуманитарной интеллигенции, находившей в проблемах пациентов Фрейда отголосок своих собственных проблем и их объяснение и использовавшей затем идеи Фрейда в различных областях творчества.

* * *

Еще не отойдя от работы над «Этюдами…», Фрейд оказывается буквально одержим новой грандиозной идеей: создать в духе позитивистов вроде фон Брюкке и Гельмгольца «подлинно научную психологию», которая свяжет ясными и четкими законами мотивы и поведение человека с работой клеток его мозга. 25 мая 1893 года, будучи уже весь во власти этой идеи, Фрейд пишет Флиссу: «Фактически удовлетворительная общая концепция психоневротических расстройств невозможна, если не связать их с четкими посылками относительно нормальных психических процессов. Последние недели я посвящаю этой работе каждую свободную минуту. С одиннадцати до двух ночи я провожу время в фантазиях, постоянно истолковывая свои мысли, следуя смутным проблескам озарения и останавливаясь, лишь когда оказываюсь в очередном тупике».

Окончательно новая теория выстроилась у Фрейда к осени, и он с присущим ему пафосом, искренне считая, что речь идет об историческом моменте, пишет 25 октября Флиссу: «На прошлой неделе, работая ночью и дойдя до состояния, близкого к легкому помешательству, в котором мой мозг функционирует лучше всего, я вдруг почувствовал, что преграды раздвинулись, завесы упали, и ясно различил все детали неврозов и понял состояние сознания. Всё встало на свои места, все шестеренки пришли в зацепление, и показалось, что передо мною как будто машина, которая четко и самостоятельно функционировала. Три системы нейронов, „свободное“ и „связанное“ состояния, первичные и вторичные процессы, основная тенденция нервной системы к достижению компромиссов, два биологических закона — внимания и защиты, понятия о качестве, реальности, мысли, торможение, вызванное сексуальными причинами, и, наконец, факторы, от которых зависит вся сознательная и бессознательная жизнь, — всё это

пришло к своей взаимосвязи и еще продолжает обретать связность. Естественно, я вне себя от радости!»

Понятно, что это письмо написано не для Флисса, а для истории. Фрейд явно чувствует себя в нем Ньютоном, Коперником, Менделеевым и Дарвином вместе взятыми. Надо заметить, что и сегодня построенная Фрейдом теория выглядит весьма интересно. Фрейд предлагал выделить три группы нейронов: нейроны восприятия, нейроны памяти и нейроны сознания. Внутри нейронной системы выделяется группа нейронов, взаимодействие между которыми образует человеческое «Я». Эффект удовольствия, желания, сновидения — всё это объяснялось Фрейдом как процесс различного взаимодействия между нейронами, переходом их в возбужденное состояние, высвобождением энергии при переходе от возбуждения к состоянию покоя и т. д.

В этой теории были интересные идеи, но ей не хватало главного — проверки практикой, доказательной базы, а без этого она не могла считаться научной. Фрейд вновь близко подошел к фундаментальным открытиям, но так и не довел начатое до конца и ничего не сумел доказать. В результате его работа «Набросок научной психологии», датируемая обычно 1895 годом, имеет сегодня чисто историческое значение. Примерно четверть века спустя Фрейд вернется к этим идеям, но, разумеется, в значительно измененном виде.

Оценивая значение этой работы Фрейда, Роже Дадун справедливо замечает, что «…в „Наброске научной психологии“ удаляющийся поезд с названием „Биология“ и приближающийся поезд „Психология“ встретились на большой скорости, их контуры на мгновение слились, и само положение Фрейда представляется несколько неопределенным и запутанным…».

Макс Шур выражает сходную точку зрения: по его мнению, Фрейд в тот период «еще колебался между намерением сформулировать свои гипотезы в рамках нейрофизиологии и крепнущим пониманием, что ему надлежит развивать свои идеи исключительно в рамках психологии».

Между тем, если бы Фрейд и в самом деле сумел совершить прорыв в области «научной психологии», это и в самом деле стало бы подлинной революцией в науке, чем-то вроде «теории общего поля», которой, как известно, бредил Эйнштейн. Оставленный Фрейдом пробел не заполнен до сих пор, и именно с ним связаны многие претензии критиков психоанализа как «лженауки». «Сущность отношения между психическими и биологическими сторонами бессознательного осталась одним из белых пятен в теории психоанализа. Эта теория основана на гипотезе

принципиального единства человеческой личности, которая мыслится как нерасторжимое психофизиологическое целое. На этом положении мы строим наши попытки объяснить, каким образом фантазмы — неосознаваемые представления — могут воздействовать на наиболее элементарные физиологические функции. Некоторые из важнейших понятий психоанализа — либидо, аффект, влечение — являются, впрочем, пограничными и располагаются на стыке этих областей. Однако деление на области остается нечетким, поскольку сами эти понятия сохраняют умозрительный характер и не получили строго научного обоснования. Одним из следствий такого положения является то, что механизм психотерапевтического воздействия в значительной степени еще недоступен нашему пониманию, и пробел этот становится всё более очевидным. Так, мы наблюдаем сегодня появление множества психотерапевтических методов, которые сулят положительные результаты, не давая для них — и не без причины — строгих теоретических обоснований»[99], — справедливо замечает Леон Шерток.

* * *

1895–1896 годы стали переломным периодом в жизни Фрейда.

В марте 1895 года он отказывается от сексуального воздержания в отношениях с Мартой, и та снова беременеет. Новая беременность жены несколько тяготит Фрейда, надеявшегося избежать ее с помощью расчетов Флисса, но в целом возвращение к полноценной сексуальной жизни резко улучшает его настроение, избавляет от всех недугов и наполняет новыми творческими планами. В приподнятом настроении он пишет Флиссу, что снова стал «человеком с человеческими чувствами». Кроме того, в этот же период он прекращает многократные попытки бросить курить, снова начинает выкуривать по 20 сигар в день, что также возвращает ему душевное равновесие.

В этот же период кончает жизнь самоубийством Эрнст Флейшль и тяжело заболевает отец Фрейда, что заставляет его задуматься о характере своих взаимоотношений и своем подлинном отношении к самым близким и дорогим ему людям.

Наконец, именно в этот период Фрейд оказывается на пороге тех самых открытий, которые в итоге и в самом деле обеспечат ему бессмертие.

Глава третья
«БЛАГОВЕЩЕНИЕ»

Принято считать, что нам точно известно, когда Фрейд впервые задумался над тайным смыслом человеческих снов и начал свою книгу «Толкование сновидений».

В конце весны 1895 года он перевез беременную Марту с детьми в пригородный пансионат «Бельвю», чтобы жена могла немного отдохнуть и развеяться. Сам Фрейд появлялся в пансионате, когда у него выдавалось свободное время. Именно там, в «Бельвю», в ночь с 23 на 24 июля ему приснился «сон об Ирме», с которого, собственно, и начинается вторая глава «Толкования сновидений» — «Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидения».

Вот как описывает тот свой «исторический» сон сам Фрейд:

«Сновидение 23/24 июля 1895 г.

Большая зала, много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма, которую я беру под руку, точно хочу ответить на ее письмо, упрекаю ее в том, что она не приняла моего „решения“. Я говорю ей: „Если у тебя есть боли, то в этом виновата только ты сама“. Она отвечает: „Если бы ты знал, какие у меня сейчас боли в горле, желудке и животе, мне всё прямо стягивает“. Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное опухшее лицо. Мне пришло в голову, что я мог не заметить какого-то органического заболевания. Я подвожу ее к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю про себя, что ведь это ей не нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же доктора М., который повторяет исследование и подтверждает его… У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромает, почему-то без бороды… Мой друг Отто стоит теперь подле меня, а друг Леопольд исследует ей легкие и говорит: „У нее притупление слева внизу“. Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на надетое платье, я тоже ощущаю ее, как и он)… М. говорит: „Несомненно, это инфекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится…“ Мы тоже сразу понимаем, откуда эта инфекция. Друг Отто недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, впрыснул ей препарат пропила, пропилен… пропиленовую кислоту… триметиламин (формулу его вижу ясно перед глазами) … Такой инъекции нельзя делать легкомысленно… По всей

вероятности, и шприц был нечист…»[100]

Рассказ об этом сне предваряет вступление, в котором Фрейд повествует о своих отношениях с Ирмой («молодой дамой, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей»), с другом Отто, который высказал сомнение в правильности его лечения и т. д. После изложения сна Фрейд приступает к его подробному анализу и доказывает, что, хотя на первый взгляд сон кажется вполне ясным и вбирает в себя впечатления обыденной жизни, каждая его деталь на деле скрывает за собой нечто другое. И, наконец, следует вывод: «Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне, благодаря событиям последнего вечера… Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы, виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось; его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его момент — желание…»

«Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания»[101] — такой многозначительной фразой заканчивает Фрейд вторую главу «Толкования сновидений».

* * *

Отталкиваясь от слов самого Фрейда, почти все его биографы утверждают, что «сон об Ирме», будучи первым сном, подробно истолкованным Фрейдом, и является моментом рождения психоанализа. Ночь с 23 на 24 июля для поклонников психоанализа — это ночь «благовещения», если уподоблять фрейдизм своего рода религии.

Однако, вероятнее всего, речь идет о еще одной легенде, рожденной самим Фрейдом. Психоаналитическое толкование сновидений вряд ли пришло к Фрейду как откровение. Судя по всему, природа сновидений, их тайные механизмы занимали его уже давно, возможно даже с отрочества (не исключено, что Фрейд записывал свои сны в тех самых дневниках, которые впоследствии уничтожил).

Этот интерес явно усилился после того, как он всё шире стал использовать метод свободных ассоциаций и пациенты всё чаще стали делиться с ним содержанием своих сновидений. Весной

1895 года он сообщает Флиссу, что несколько недель спал на очень жесткой кровати, а когда наконец у него появился новый удобный матрас, то ему стали сниться очень яркие сны. В марте 1895 года он рассказывает Флиссу о том, как племяннику Брейера Руди, которому было очень тяжело вставать по утрам, приснился сон о том, что он уже на работе — и Руди с чистой совестью продолжил спать. Не нужно долго думать, чтобы понять: этот сон полностью подпадает под теорию Фрейда о том, что наши сны всегда показывают исполнение наших желаний.

В то же время со сном об инъекции Ирме всё далеко не так ясно, как это рисует Фрейд — особенно если следовать его же теории. Во-первых, биографы до сих пор толком не знают, кто такая Ирма. Предположения высказываются самые различные — некоторым мнится, что под Ирмой скрывается Берта Паппенгейм, другие называют Эмму Экштейн, что выглядит куда правдоподобнее; третьи — Анну Лихтгейм, единственную дочь любимого учителя Фрейда Самуэля Хаммершлага. Но еще более любопытна версия о том, что на самом деле речь идет о путаном сновидении (если Фрейд, конечно, его не придумал), в котором Ирма — это сначала Экштейн (перед которой Фрейд, с одной стороны, чувствовал вину, а с другой — боялся упреков в непрофессионализме), а затем — его жена Марта.

Последняя версия всё меняет. Упрек Ирме за то, что она «не приняла его „решения“», — это упрек Марте в том, что она отказалась пользоваться оральным или каким-либо другим «безопасным» видом секса, чтобы предохраняться от беременности. «Если у тебя есть боли, то в этом виновата только ты сама», — говорит Фрейд во сне Ирме, имея в виду, что Марта сама виновата в своей шестой беременности. Далее следует просьба к Ирме открыть рот, чтобы он мог посмотреть ее горло, а та слегка противится этому — как Марта противилась оральному сексу. Белый налет в горле, при такой трактовке, — это, безусловно, сперма, символ исполнения желания. «Ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится» — это уже фраза о грядущих родах. Фрейд явно не рад грядущему появлению шестого ребенка и считает, что это событие отравит им жизнь.

То, что на самом деле 24 июля «сон об Ирме» не произвел на него особого впечатления и анализировать его он начал позднее, свидетельствует тот факт, что в датированном этим днем письме Флиссу он упоминает не о самом сне, не о его анализе, а лишь выражает надежду на близкую встречу:

«Ты настоящий дьявол! Почему ты не пишешь мне? Как ты? Неужели тебе больше неинтересно то, что я делаю? Что там с носом, менструациями, родовыми схватками, неврозами, твоей

дорогой женой и плодом? В этом году я все-таки нездоров и должен приехать к тебе. Что же произойдет, если волей случая мы останемся здоровы на целый год? Неужели мы только друзья по несчастью?..»

Фрейд посетил Флисса в Берлине спустя несколько месяцев — в сентябре. На обратном пути в Вену он прямо в поезде засел за окончательный вариант «Набросков научной психологии» и закончил его в течение нескольких недель. Во время работы у него снова начались боли в сердце, он опять, в который раз, попытался бросить курить, но продержался без сигар лишь несколько недель, заявив, что при его уровне загруженности врачебной практикой и научной работой он просто не может снять без курения нервное перенапряжение.

* * *

Вторая половина 1895 года, видимо, была связана для Фрейда с развитием метода свободных ассоциаций и всё более широкого применения его по отношению к пациентам, а также с напряженными размышлениями над первопричиной истерии (а точнее — той формы истерии, которой страдали его пациентки). В октябре 1895 года он пишет Флиссу, что наконец-то напал на след этой первопричины: по его мнению, она всегда вызывается первым сексуальным опытом человека, полученным им еще до достижения половой зрелости. Если этот опыт сопровождался страхом и отвращением, то он приводит затем к истерии, если удовольствием — к неврозу.

Одной из пациенток, на основе чьих симптомов Фрейд выстраивал эту свою теорию, была кузина Флисса, которую принято обозначать как «Г. де Б». Она страдала от экземы вокруг рта, нервного тика в виде сосательного движения губ и во время беседы поведала Фрейду, что в детстве испытывала затруднения с речью, словно у нее была каша во рту. На основе этого Фрейд пришел к выводу, что в детстве отец принуждал ее к оральному сексу, о чем она не помнит или, точнее, не желает помнить.

Услышав это, Г де Б. потребовала от отца объяснений, но тот клятвенно всё отрицал. Девушка предпочла поверить отцу, но Фрейд продолжал настаивать на своей версии, обвиняя отца Г. де Б. во лжи, а саму девушку — в нежелании признать правду (Фрейд поведал об этой истории Флиссу 3 января 1897 года, но из текста письма ясно, что он начал заниматься случаем Г. де Б. задолго до того). Противники Фрейда видят в этой истории яркое доказательство как его деспотичности, так и того, что он

попросту вкладывал в головы своих пациентов нужные ему идеи.

3 декабря 1895 года у Фрейдов рождается шестой ребенок — Анна. В письме Флиссу, имея в виду еврейскую поговорку, что «каждый ребенок рождается со своим куском хлеба в руке», он пишет, что Анна принесла ему удачу — его практика удвоилась, и доходы резко возросли.

Видимо, в последние недели 1895 года он был занят написанием письма Флиссу, которое отправил уже 1 января 1896 года. Меньше всего значение этого послания сводилось к новогодним поздравлениям: почти все исследователи отмечают, что это письмо содержало первый вариант теории совращения. Понимая всю спорность своих тезисов, Фрейд назвал их «рождественской сказкой». Это был пробный шар, запущенный для того, чтобы проверить новые идеи поначалу на самом духовно близком ему в тот момент человеке.

В письмах Флиссу, датированных первой половиной 1896 года, Фрейд, по сути дела, выстраивает, «вычерчивает» контуры будущей цитадели теории психоанализа. Причем уже в первом письме этого года он четко обозначает свою главную цель: создать теорию, которая объясняла бы с точки зрения глубинных психологических процессов поведение не только невротиков, но и тех людей, которые считаются нормальными, а также дала бы объяснение с этих позиций всему ходу человеческой истории и развития общества.

«Я вижу, что, став врачом, ты стремился к своему идеалу — понять человека с помощью физиологии; я же втайне надеюсь тем же путем достичь другой цели — философии. Я стремился к этому с самого начала, даже когда еще не понимал своего места в мире», — писал Фрейд.

Эти слова — лучшее доказательство того, что Фрейд лгал (можно, конечно, сказать, «кокетничал»), когда утверждал, что никогда не интересовался философией, не понимал работ философов, а потому выход на глобальные философские проблемы через психоанализ оказался для него самого неожиданным. Разумеется, большинство его биографов догадывались об этой лжи, но до публикаций писем Флиссу у них не было тому доказательств.

Если отбросить имеющиеся в этих письмах жалобы на состояние здоровья (Фрейда по-прежнему время от времени мучили боли в сердце, мигрени, выделения из носа, трудности с дыханием, нелады с кишечником и т. д.; кроме того, он обратил внимание, что начал седеть), то письма этого периода представляют собой оживленный обмен идеями между друзьями. В феврале Флисс присылает Фрейду рукопись своей книги «Связь

между носом и женскими половыми органами в их биологическом значении». Судя по письму, Фрейд понял, что большинство идей друга имеет характер антинаучного бреда, но то ли не захотел писать об этом прямо, то ли не решился пока признаться в этом даже самому себе. Однако идеи Флисса о важности доутробного развития и младенческого возраста во всей последующей жизни человека, безусловно, показались Фрейду ценными и повлияли на дальнейшее развитие его взглядов. Правда, следует помнить, что если Флисс говорил о важности этого периода в чисто физиологическом, то Фрейд — в психологическом или даже «метапсихологическом» смысле, впервые употребив термин «метапсихология» в своем письме Флиссу от 13 марта 1896 года.

В этот период Фрейд окончательно утверждается в мысли о своем призвании — открыть человечеству правду о самом себе. Он решает, что теперь делом его жизни должно стать написание книг, излагающих его взгляды. На тот момент главной его теорией была уже упоминавшаяся выше теория совращения, в верности которой его убеждали истории Катарины, «девушки с зонтом» и других пациенток, рассказывавших ему в порыве откровения о своих сексуальных отношениях с отцом. Во Флиссе в те дни он всё еще видит (или уже только притворяется, что видит?) партнера, который даст объяснение его теории о силе сексуального влечения с биологической точки зрения.

«Если нам двоим выпадет еще хотя бы несколько лет спокойной работы, то мы действительно сможем оставить после себя нечто, что оправдало бы наше существование. Зная об этом, я чувствую в себе достаточно сил, чтобы преодолеть все повседневные проблемы и трудности. Когда я был молод, для меня не было ничего желаннее философского озарения (опять то же признание в желании войти в историю именно как философ, а не как врач или физиолог. — *П. Л.)*. Сейчас я нахожусь на пути к нему, повернув от медицины к психологии», — писал Фрейд Флиссу 2 апреля.

Это письмо было написано сразу же после того, как в конце марта во французском журнале «Ревю нероложик» вышла его статья «Наследственность и этиология неврозов». В ней Фрейд впервые употребляет термин «психоанализ» и поднимает на щит мысль, что причиной неврозов почти всегда является сознательная или бессознательная сексуальная травма, полученная до пубертации. Развивая идеи, заложенные в письмах Флиссу 1892–1895 годов, а также в «Этюдах об истерии», Фрейд намеком проводит в этой работе мысль, что большая сексуальная свобода могла бы значительно снизить число неврастеников в

обществе. Сам термин «психоанализ» представляется Фрейду многозначным: это не только метод лечения невротических заболеваний, заключающийся в доведении до сознания пациента его бессознательных побуждений, но и новая теория, развивающая особые представления о структуре душевной жизни человека и особый подход к исследованию душевных процессов.

Статья эта была, безусловно, значимой и достойной широкой дискуссии как в медицинских кругах, так и в обществе, но вновь осталась практически незамеченной.

К тому времени Фрейд уже интенсивно занимается самоанализом, собирая и изучая воспоминания своего детства, убеждая себя, что он помнит о первых годах жизни куда больше, чем все остальные люди, и ищет объяснения своим поступкам и переживаниям в сфере бессознательного. Вскоре он встречается с Флиссом (сами они называли эти встречи «конгрессами»), а 16 апреля в новом письме другу пишет, что он чувствует себя как женщина в период овуляции. Что, видимо, следует понимать, как предчувствие рождения важнейших идей и связанное с этим состояние физического и душевного дискомфорта. Он признаётся, что помимо мигреней и синусита его время от времени одолевают приступы страха смерти, и объясняет эти приступы известием о кончине скульптора Виктора Тильгнера, скончавшегося в 1896 году в возрасте пятидесяти двух лет, за неделю до открытия своего знаменитого памятника Моцарту в Вене.

Макс Шур, вероятно, прав, когда считает, что Фрейд усматривал прямые аналогии между биографией нонконформиста и бессребреника Тильгнера, умершего от сердечного заболевания, и своей судьбой — Фрейд опасался, что из-за болей в сердце уйдет из жизни столь же рано, не успев свершить задуманное. Число «52» и в силу еврейского суеверия, и по ряду других причин казалось ему критическим, и он боялся, что не сумеет перевалить через этот возрастной барьер. Вдобавок, он мечтал отправиться в Рим, как это сделал Тильгнер в последний период своей жизни, но его мучил страх перед такой поездкой.

«Смогу ли я прожить достаточно долго и заработать достаточно много, чтобы увидеть Рим?» — писал он тому же Флиссу. При этом он уже тогда видел в себе — ни много ни мало — фигуру, сопоставимую с пророком Моисеем, который так и не вошел в Землю обетованную, куда вел евреев. «Доживу ли я до того времени, когда смогу увидеть свою Обетованную землю?» — вопрошал Фрейд, к которому на сороковом году жизни вернулась юношеская жажда мировой славы и духовного бессмертия.

«В период между Рождеством и весной 1896 года Фрейд написал три статьи, — пишет Пол Феррис. — В первой, опубликованной во французском журнале в марте (посвященной ученикам Ж. М. Шарко), он дает некую фактическую информацию, „чтобы противопоставить скептицизму, с которым я, вероятно, столкнусь“. Он сделал „полный психоанализ“ тринадцати случаев истерии и шести — навязчивого невроза. Некоторые были связаны с действиями старшего брата (здесь вновь встает вопрос о взаимоотношениях Фрейда с сестрами и племянницей и использовании для статьи личного опыта. — *П. Л.),* некоторые — с неизвестными взрослыми. Эти факты не слишком убедительны, и их приходится принимать на веру.

Во второй статье, опубликованной в мае в Германии (именно тогда на немецком языке был впервые употреблен термин „психоанализ“), упоминались те же тринадцать случаев, семь из которых были связаны с действиями старшего ребенка в семье (чаще брата по отношению к сестре). Среди взрослых, по словам Фрейда, чаще всего можно было упомянуть няней, гувернанток, слуг и учителей.

Чтобы вызвать истерию, эти совращения должны были включать в себя „непосредственное раздражение гениталий (в виде процессов, напоминающих копуляцию)“. Фрейд заявил, что в двух из тринадцати случаев первое совращение произошло „в самом начале воспоминаний о жизни вообще“, в возрасте полутора и двух лет. Несмотря на то, что в этих описаниях прослеживаются истории отдельных людей, ни один случай и его лечение не описываются должным образом.

Третья статья, „Этиология истерии“, была более серьезной, объемной, подробной и адресованной непосредственно коллегам, венским медикам. Фрейд представил ее в виде лекции Ассоциации психиатрии и психологии в апреле, а вскоре после этого опубликовал. Это стало его официальной заявкой на изобретение. Председателем собрания в тот вечер был Рихард фон Крафт-Эбинг, профессор психиатрии университета. Его труд о сексуальных извращениях, „Сексуальная психопатия“ (1886), пользовался большим авторитетом, хотя и был запрещен в Англии как очередная „грязная книжонка с континента“…»[102]

Сам Фрейд явно считал, что его лекция имеет историческое значение, и рассчитывал на понимание и поддержку, прежде всего со стороны Крафта-Эбинга. Свое открытие, что причиной истерии почти всегда является преждевременный, полученный еще в раннем детстве сексуальный опыт, Фрейд без ложной скромности называл «открытием истока Нила» и сравнивал с открытием Кохом бациллы туберкулеза. При этом, понимая, что

приводимые им случаи звучат не очень убедительно, Фрейд заявил, что у него «есть доказательства, которые, знай вы историю болезни, были бы вам совершенно ясны». Надо заметить, что подобных фраз немало в книге Дарвина «Происхождение видов», но время на дворе стояло другое и подобные формулировки уже считались в научных кругах неприемлемыми. Рихард фон Крафт-Эбинг, вопреки ожиданиям Фрейда, заявил, что его лекция напоминает «научную сказку», тем самым, по сути дела, повторив слова, которые сам Фрейд написал Флиссу за несколько месяцев до того.

Пол Феррис, безусловно, прав, когда подвергает сомнению научную добросовестность Фрейда при подготовке этой лекции и вышеназванных статей. Он справедливо полагает, что за семь-восемь месяцев Фрейд попросту не мог физически уложиться в детальное изучение всех приводимых им девятнадцати или даже пятнадцати случаев, особенно если учитывать его утверждение, что на каждого пациента он потратил порядка ста часов работы. Утверждение, что данные о сексуальной этиологии истерии можно добыть только с открытым им методом психоанализа (причем, в чем именно заключался сам метод, тогда было вообще неясно), делало теорию Фрейда совершенно бездоказательной и превращало из науки в своего рода религию. Его заявления о том, что пациент сопротивляется извлечению воспоминаний о совращении и из него их надо «вытаскивать» или даже наводить его на нужные мысли, невольно вели к выводу, что если Фрейд и не придумывал сам истории своих пациентов, то внушал им нужные ему версии. Что, если учесть, что он работал с психически неустойчивыми натурами, было не так уж и сложно…

Всё это, повторим, верно, но… сама жизнь, все последующие социологические исследования, проведенные в различных странах мира, подтвердили правоту тех давних гипотез Фрейда. Цифры в этих исследованиях варьируют, но при этом безусловным остается одно: дети и в самом деле часто становятся жертвами сексуальных домогательств со стороны взрослых. Причем в большинстве (порядка 75 процентов) случаев в качестве «нападающей стороны» выступают люди из их близкого окружения: отцы, старшие братья и другие родственники, а также педагоги, друзья семьи и т. п. Таким образом, даже если в теории Фрейда было больше догадок, чем фактов, она отражала реальности жизни и была подлинно гениальным научным прозрением. В этом и заключается отличие Фрейда от Флисса и объясняется разница в их последующей судьбе: если теории Флисса были лженаукой, то теории Фрейда и в самом деле открывали «новый путь к знанию» (именно этими словами

заканчивалась его венская лекция).

Трудность заключалась в том, что в XIX веке проблема инцеста казалась несуществующей или по меньшей мере крайне малораспространенной по той причине, что о ней не желали говорить. Фрейд, таким образом, опередил свое время, но, на свое счастье, ненадолго — идущие процессы либерализации общества распечатывали многие уста и снимали «табу» со многих прежде запретных тем. В XX и XXI веках стало ясно, что инцест — увы, довольно распространенное и болезненное явление, хотя многие семьи и стараются «не выносить сор из избы». Фрейдофобы нередко утверждают, что обострение этой проблемы как раз в немалой степени связано с той «сексуальной революцией», родоначальником которой, по сути, и является Фрейд, но сторонники психоанализа парируют этот довод остроумным замечанием, что в таком случае Галилея надо обвинять в том, что Земля вертится.

Но в том же 1896 году после его скандальной лекции многие коллеги и приятели отшатнулись от Фрейда, о чем свидетельствуют его письма Флиссу. Вероятно, процесс охлаждения отношений с друзьями начался еще раньше: тема одиночества и непонимания звучит в письмах уже в феврале 1896 года, но с конца апреля она нарастает.

«Ты не можешь представить, до какой степени я одинок. Вокруг меня — пустота…» — пишет он 4 мая. «Я живу в полной изоляции», — констатирует Фрейд в письме от 2 ноября.

Фрейду и в самом деле не на кого было опереться. Отношения с Брейером, который столько лет поддерживал его материально и которому он был должен крупную сумму, весной 1896 года подошли к разрыву (хотя их жены продолжали дружить).

Марту разглагольствования мужа о детской сексуальности, похоже, пугали еще больше, чем венских профессоров. И уж тем более она категорически воспротивилась проведению Зигмундом каких-то экспериментов и наблюдений над собственными детьми. Пропасть между ними росла и еще больше усилилась с улучшением жилищных условий, когда Фрейд занял освободившуюся внизу еще одну квартиру и стал принимать пациентов на первом этаже. Теперь он общался с Мартой и детьми только во время традиционных обедов, а вечера и часть ночи посвящал написанию статей и писем Флиссу. В то же время он, безусловно, был благодарен Марте за то, что она сняла с него все бытовые проблемы и была образцовой женой и хозяйкой. Знакомые Фрейдов вспоминали, что по утрам она выдавливала пасту на зубную щетку Фрейда — чтобы ему не надо было

тратить время на подобные «усилия».

Как бы то ни было, свое сорокалетие 6 мая 1896 года Зигмунд Фрейд встречал не в самом лучшем расположении духа. Правда, в декабре 1895 года, помимо рождения Анны, в семье Фрейдов произошло еще одно чрезвычайно важное событие: к ним приехала сестра Марты Минна — и поселилась на Берггассе навсегда. Минна явно проявляла большее понимание Фрейда, чем Марта. Отношения отца психоанализа со свояченицей вообще полны тумана, и нам еще предстоит к ним вернуться.

30 июня 1896 года Фрейд сообщил Флиссу о тяжелом заболевании отца, из-за которого он вынужден был отменить их очередной «конгресс». Учитывая состояние Кальмана Якоба, Фрейд понимает, что дни его сочтены, и потому считает себя не вправе покинуть Вену даже на пару дней. «Впрочем, — пишет он в том же письме, — его состояние меня не угнетает. Он заслужил вечный покой, к которому стремится. Это звучит странно, но, в сущности, он даже счастлив. Его страдания невелики; он угасает спокойно и с чувством собственного достоинства. Я не желаю, чтобы его болезнь затянулась, как не желаю и лишних мучений для моей незамужней сестры, которой приходится ухаживать за ним и которая от этого сильно страдает…»

Спустя несколько недель состояние Кальмана Якоба стабилизировалось, и Фрейд позволил себе съездить в отпуск. В августе он вместе с братом Александром побывал в Северной Италии, а затем встретился с Флиссом. По возвращении Фрейд заболел и в письме, датированном сентябрем 1896 года, жалуется, что у него опять возникли проблемы с сердцем, и выражает сомнение, что дотянет «до заветной цифры 51», которая представляла собой сумму двух «критических периодов», «открытых» Флиссом, — «28» и «23».

Феррис справедливо отмечает, что этот страх ранней смерти мучил Фрейда и раньше, и в последующие годы.

«Он еще в 1894 году, — напоминает Пол Феррис, — рассказал Флиссу, что умрет от сердечного приступа между сорока и пятьюдесятью годами, то есть между 1896 и 1906 годом. Когда сердце перестало его так сильно беспокоить, возрастом смерти стал пятьдесят один год (столько ему должно было исполниться в 1907 году). Фрейд писал Флиссу об „этом известном возрасте“, который, что более вероятно, был придуман Фрейдом, а не рассчитан Флиссом.

Такие мысли появлялись благодаря предрассудкам относительно чисел, существующих у евреев… Фрейд понимал (как он позже говорил Карлу Густаву Юнгу), что „мой мистицизм имеет явно еврейское происхождение“, но для того, чтобы дать

волю подобным предрассудкам, человек, гордившийся своим рациональным взглядом на жизнь, должен был страдать от определенного невроза»[103].

23 октября 1896 года после долгой агонии Кальман Якоб Фрейд скончался.

2 ноября 1896 года, вскоре после окончания семидневного траура по отцу, Фрейд признаётся в письме Флиссу: «Каким-то неясным образом, в обход формального сознания, смерть старика глубоко потрясла меня. Я высоко ценил его, очень хорошо понимал. Удивительным образом сочетая в себе глубокую мудрость с фантастической открытостью, он очень много значил в моей жизни. Можно сказать, что он умер еще задолго до своей физической смерти, но это событие разбудило целую бурю воспоминаний. Сейчас я чувствую себя совершенно убитым».

Холодный рационализм этого письма не может не заставить задуматься над тем, что же на самом деле испытывал Фрейд по отношению к отцу. Но его смерть и в самом деле на какое-то время выбила его из колеи.

Он начинает вновь много размышлять о неизбежности смерти, приходит к выводу, что он ни в коем случае не желает продлевать свое умирание (и в конце своих дней с помощью доктора Макса Шура воплотит это решение в жизнь, а точнее, в смерть). Одновременно он думает о том, как в случае своей смерти защитить интересы семьи. Всё это, а также отсутствие столь необходимого ему успеха в лечении пациентов, ввергает его в состояние хандры. Впрочем, по Флиссу или вопреки ему, такие состояния периодически наваливались на Фрейда, чтобы затем смениться творческим подъемом. Так было и в 1896 году. К декабрю его настроение начинает меняться. Он вновь активно занимается самоанализом и ищет всё новых подтверждений своей теории совращения.

6 декабря 1896 года он сообщает Флиссу о пациентке, которая извлекла из своего подсознания воспоминание о сексуальной сцене, которая произошла, когда ей было четыре года. «Ее отец, охваченный сексуальным возбуждением, лизал ноги кормилицы». В письме 17 декабря он явно приближается к идеям об анальной эротике: «Поверишь ли, но нежелание пациента пить пиво и бриться объясняется воспоминанием, в котором няня сидит с оголенными ягодицами в неглубоком тазу с пивом, чтобы ее лизали и так далее?»

В этом же письме Фрейд начинает развивать теорию эрогенных зон, которые позже определит как «участки тела, которые играют роль при получении сексуального наслаждения»[104]. Теорию эрогенных зон Фрейд будет затем

развивать на протяжении всей жизни и на исходе жизни, в 1938 году, придет к выводу, что, «собственно говоря, эрогенная зона — это всё тело», то есть для извлечения сексуального наслаждения может быть использована любая часть тела.

Вдохновленный новыми идеями, Фрейд постепенно освобождается от хандры и новый, 1897 год встречает с явным воодушевлением. «Нас не постигнет неудача. Вместо брода, который мы ищем, мы можем найти океаны неведомого, которые будут исследованы теми, кто придет после нас… Дай мне еще с десяток лет, и я закончу с неврозами и новой психологией… Когда я избавлюсь от страха, я всегда буду готов бросить вызов любой опасности», — с пафосом пишет он Флиссу в первом письме этого года. Затем в течение месяца следует еще ряд писем, в которых он констатирует, что в выстраиваемой им теории сексуальной этиологии неврозов «ранний период до полутора лет становится всё более значительным». Он просит Флисса помочь ему с поиском случаев детского невроза, которые можно проследить от «сексуального совращения, а точнее, до лизания или пальцев в анусе?», так как ему самому попался пациент, эпилепсия которого, с точки зрения Фрейда, объяснялась тем, что няня лизала его анус.

Наконец, в феврале он пишет Флиссу уже упоминавшееся однажды в этой книге письмо, в котором называет своего покойного отца «старым извращенцем», «виновным в истерии моего брата и нескольких младших сестер». Нам остается лишь повторить, что совершенно непонятно, насколько это предположение Фрейда соответствовало действительности, а если и соответствовало, откуда он об этом узнал. Предположение Пола Ферриса о том, что ему могла рассказать об этом после похорон одна из сестер, звучит правдоподобно, но бездоказательно. Феррис дальше напоминает о сне, который приснился Фрейду после похорон и в котором он увидел в парикмахерской надпись «Будьте добры, закрывайте глаза!». По известной среди психоаналитиков гипотезе, таким образом во сне отразилось желание Фрейда «закрыть глаза» на совершенный отцом инцест.

Впрочем, у этой истории может быть и совершенно другая подоплека. Не исключено, что именно на рубеже 1896 и 1897 годов отношения Фрейда с Минной Бёрнейс переступили ту грань, за которой заканчиваются обычные отношения между свояком и свояченицей. С точки зрения еврейского закона (с которым Фрейд был, безусловно, знаком) интимные отношения с сестрой жены при жизни последней являются такой же «мерзостью», как и все остальные виды инцеста, включая отношения между родителями и детьми. Таким образом, переспав

с Минной, Фрейд не просто изменил жене, но и совершил тяжелое сексуальное преступление, свидетельствующее — для него лично — об извращенности его натуры. Возможно, этим и объясняется его мрачное настроение в тот период. В поисках самооправдания он и придумывает с начала версию о том, что извращенцем был его отец, а затем, как и многие легко поддающиеся самовнушению натуры, сам уверился в этой версии.

Впрочем, и это не более чем версия.

Факты же заключаются в том, что на протяжении всей жизни Фрейд (и, очевидно, небезосновательно) подозревал себя в склонности к различным сексуальным перверсиям — в том числе к педофилии и гомосексуализму. В частности, в мае 1897 года он признался в письме Флиссу, что ему снилось, будто он испытывает сексуальное желание по отношению к своей дочери Матильде. По ряду намеков, разбросанных по письмам и книгам Фрейда, можно предположить, что в его снах, сопровождавшихся первыми поллюциями, в качестве сексуальных партнерш выступали мать и сестры. Не исключено, повторим, что записи об этих снах содержались в уничтоженных им после знакомства с Мартой детских и юношеских дневниках — она не должна была узнать об этом ни в коем случае.

Но тогда, в феврале 1897 года, он жалуется Флиссу, что «женщины» (то есть Марта и Минна) не дают ему «экспериментировать» с полуторагодовалой Анной, а детский врач Фрейдов Оскар Рие (видимо, опять-таки по просьбе «женщин») тоже настойчиво попросил его отказаться от подобных «экспериментов». О том, в чем именно должны были заключаться эксперименты, мы можем сегодня только догадываться.

Чувствуя, что у него самого что-то не в порядке с направленностью сексуального влечения, Фрейд всё больше погружается в «самоанализ». Само это сакраментальное слово было произнесено впервые в письме Флиссу от 14 августа 1897 года, в котором есть и вошедшие во все хрестоматии слова Фрейда: «Главный пациент, который меня занимает, — это я сам». И далее: «Моя незначительная истерия, очень осложнившаяся вследствие обилия работы, немного ослабла… Этот анализ труднее любого другого… Несмотря ни на что, я считаю, что нужно его продолжать, и он составляет необходимую промежуточную часть моей работы…»

Таким образом, если продолжить аналогию с историей христианства, эта дата может быть названа «рождеством» психоанализа, хотя, как уже было сказано, копаться в тайниках своей психики и вытаскивать оттуда завонявшее грязное белье Фрейд начал задолго до этого.

Правда заключалась в том, что смерть Кальмана Якоба Фрейда помогла ему осознать роль отца в жизни человека и в формировании его личности, и с этих пор фигура отца станет ключевой в теории психоанализа.

Глава четвертая
БОЛЬШАЯ СТИРКА

Согласно Полу Феррису, одним из мотивов, побудивших Фрейда к самоанализу, «возможно, было желание избавиться от сомнений по поводу того, что Якоб сделал или не сделал». Погрузившись в собственное прошлое, Фрейд восстановил в памяти свои, как ему казалось, пронизанные сексуальностью отношения к няне, двусмысленные чувства к матери и племяннице, враждебное отношение к умершему в младенчестве брату и т. д., но при этом Фрейд не обнаружил в этих глубинах ничего, что касалось бы «недостойного поведения» отца.

Всё это невольно заставило его усомниться в верности собственной теории совращения и заставило искать другие объяснения природы неврозов и сексуальных влечений[105]. Он по-прежнему занимается пациентами, выпытывая у них воспоминания, призванные подтвердить теорию совращения, но в письме Флиссу от 16 мая 1897 года пишет, что «нечто во мне зреет и бурлит», и упоминает о своем желании написать книгу о толковании сновидений.

Тогда же, в мае, Фрейд подает ходатайство о присвоении ему звания экстраординарного профессора. Это ходатайство поддержали два светила — Нотнагель и фон Крафт-Эбинг. Тот самый Рихард фон Крафт-Эбинг, который за год до того отнес теорию совращения Фрейда к «научным сказкам». При этом, не скрывая своего скептицизма по поводу научной ценности выводов Фрейда, фон Крафт-Эбинг отметил, что исследования соискателя профессорского звания «доказывают неординарность его дарования и способность направлять научные поиски на новые пути». Точнее, пожалуй, не скажешь. Что же касается Нотнагеля, то он чрезвычайно ценил Фрейда как традиционного невролога, а к прочим идеям бывшего ученика относился просто как к чудаковатым фантазиям.

Но хотя рекомендация фон Крафта-Эбинга и Нотнагеля значила очень много, Фрейд понимал, что шансы на присвоение ему звания профессора были очень невелики — в ответ на появление значительного количества евреев среди ученых, врачей, адвокатов, литераторов, политиков и т. д. по всей Европе начал заметно усиливаться антисемитизм. Эти сомнения Фрейда в положительном ответе на его ходатайство и нашли затем свое отражение в известном сновидении, на примере которого Фрейд в «Толковании сновидений» показывает, как работают в наших снах

феномены цензуры и искажения.

«Весной 1897 года, — пишет он в „Толковании сновидений“, — два профессора нашего университета внесли предложение о назначении меня экстраординарным профессором. Известие это было неожиданным для меня и обрадовало меня, как выражение дружеского отношения со стороны двух выдающихся ученых. Я подумал тотчас же, однако, что не имею никаких оснований связывать с этим каких-либо надежд. Министерство народного просвещения в последние годы не удовлетворило целый ряд таких ходатайств, и несколько моих старших коллег, совершенно равных мне по заслугам, уже много лет тщетно ожидают назначения. У меня не было никаких причин думать, что меня ждет лучшая участь. Я решил, таким образом, ни на что не надеяться…

Однажды вечером меня навестил один мой коллега, один из тех, участь которого заставила меня отказаться от надежд на назначение профессором. Он уже долгое время состоит кандидатом в профессора, титул которого, как известно, превращает врача в нашем обществе в полубога; он менее скромен, чем я, и время от времени наведывается в министерство, стараясь ускорить свое назначение. После одного из таких посещений он и явился ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стене одно высокопоставленное лицо и предложить ему вопрос, правда ли, что его назначению препятствуют исключительно вероисповедные соображения.

Ответ гласил, что конечно — при теперешнем настроении — его превосходительство — в данное время не может и т. д. „Теперь я, по крайней мере, знаю, в чем дело“, — закончил мой друг свой рассказ. В последнем для меня не было ничего нового, и он только укрепил мое убеждение. Те же самые вероисповедные соображения стояли на пути и у меня.

Под утро после этого посещения я увидел следующее сновидение, чрезвычайно интересное также по своей форме; оно состояло из двух мыслей и двух образов, так что одна мысль и один образ сменяли друг друга…

1. Коллега Р. — мой дядя. Я питаю к нему нежные чувства.

2. Он очень изменился. Лицо его вытянулось, мне бросается в глаза его большая рыжая борода…»

Далее Фрейд подробно анализирует это сновидение, рассказывает про своего дядю Иосифа, про другого коллегу Н., также претендующего на звание профессора, и, наконец, приходит к выводу, что сновидение носило лицемерный характер и отражало страстное желание Фрейда стать профессором. Совмещение во сне образов столь не любимого Фрейдом дяди

Иосифа, а также коллег Р. и Н. преследовало, по его мнению, вполне конкретную цель. «Если в отсрочке назначения моих коллег Н. и Р. играли роль „вероисповедные соображения“, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же неутверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я всё же могу надеяться. Мое сновидение превращает одного из них, Р., в дурака, другого, Н., в преступника; я же ни тот ни другой; общность наших интересов нарушена, могу радоваться своему близкому утверждению, что меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица»[106].

Этот сон (в котором, обратим внимание, нет никаких сексуальных мотивов) на самом деле отразил душевное состояние Фрейда той поры. В условиях усиления антисемитизма евреи Вены начали консолидироваться. В 1895 году в городе было создано отделение еврейской международной организации «Бней-Брит» («Сыны Завета»), ставящей своей целью сохранение национальной самоидентификации и связи с национальной культурой у начавшей ассимилироваться еврейской интеллигенции[107]. Но Фрейд в тот период всё еще старался держаться подальше от всего еврейского и убеждал самого себя, что слухи о росте антисемитизма сильно преувеличены. Это и нашло выражение в сне Фрейда, ключевым смыслом которого является фраза «общность наших интересов нарушена». Правда, при этом Фрейд признавал, что нигде не чувствовал себя так уютно, как в кругу своих соплеменников, и уже 2 мая 1896 года прочитал доклад о своем методе толкования сновидений перед группой молодежи в Еврейском научном читальном зале.

Но вернемся в 1897 год. В письмах Флиссу, датированных маем этого года, видно, что сомнения Фрейда по поводу теории совращения нарастают, и он признаётся, что, возможно, просто пытался подстроить факты под сложившуюся у него концепцию. Тогда же он впервые отмечает, что желание смерти родителей связано с неврозом, и сыновья, по его наблюдениям, обычно желают смерти отцов, а дочери — матерей. Таким образом, Фрейд вплотную приближается к одному из главных своих открытий — эдипову комплексу.

В июле он уже пишет о том, что многие воспоминания невротиков о совращении со стороны родителей и других взрослых являются, вероятно, сфальсифицированными, то есть отражают их нереализованные детские фантазии, которые они выдают за реальность (или, благодаря Фрейду, начали воспринимать как реальные события своего прошлого). Позднее Фрейд и его последователи придут к выводу, что подобные

фантазии как раз являются защитным средством психики от страхов и неосознанных беспокойств перед сильным половым влечением. Как раз-таки этот защитный механизм наиболее полезен и наименее невротичен, чем другие. Фантазия — самый хороший способ справится с травмой «первого сексуального опыта», так как позволяет создать некоторое расстояние между самим собой и реальностью: всё самое страшное происходит в выдуманном мире, а не в реальности.

Он явно зашел со своей теорией совращения в тупик и опять-таки делится этим с Флиссом: «Никогда раньше я не представлял себе такого интеллектуального паралича… Мне кажется, я в каком-то коконе, и одному Богу известно, что за зверь выйдет из него на свет…» И вновь признаётся, что он сам болен, что у него тяжелый невроз, а точнее, его мучают мысли и желания, которых он сам боится.

Терзаемый сомнениями и «интеллектуальным параличом», Фрейд уезжает на отдых в Зальцбург… вместе с Минной. Затем он возвращается в Вену, чтобы установить памятник на могиле отца, и, наконец, едет к Марте и детям в Аусзее, а оттуда в августе отправляется с Мартой в Италию — видимо, в качестве компенсации за поездку с Минной в Зальцбург. В начале сентября, когда у Марты начались месячные, Фрейд с братом Александром и новым знакомым, доктором Феликсом Гаттелем предпринимает давно вожделенное путешествие по Северной Италии.

Фрейд увлеченно бродил по улицам итальянских городов, прикупал античные или выдаваемые за античные статуэтки, закладывая таким образом основу своей будущей коллекции антиквариата, но так и не смог преодолеть в себе «синдром Ганнибала» и посетить манящий его к себе Рим.

Вернувшись из Италии к концу сентября, Фрейд сразу же садится за письмо Флиссу, чтобы сообщить ему: «Я больше не верю в свою „невротику“…»

Найдя в себе смелость отказаться от одной созданной им теории, Фрейд тут же выдвигает следующую. Подводя итоги совершенного им «самоанализа», он пишет: «Я обнаружил и у себя тоже, что я был влюблен в мать и ревновал ее к отцу, и теперь я считаю это общим событием для всех людей в раннем детстве. Если это так, то можно понять, почему на людей производит столь сильное впечатление история о царе Эдипе. Эта греческая легенда основана на желании, знакомом каждому по своим собственным чувствам. Все когда-то в мечтах хотели быть подобными Эдипу, и каждый сжимается от ужаса, видя, как в этой легенде мечта становится реальностью…»

Фрейд отправил Флиссу письмо с этим своим поистине эпохальным (как к нему ни относись) открытием 15 октября, но проходит неделя, за ней другая, а Флисс явно не спешит с ответом. «Поскольку я еще не говорил об этом никому другому, представляя, как все будут озадачены, я бы хотел узнать твое мнение…» — пишет Фрейд Флиссу в ноябре.

Видимо, он опасался и еще одного разочарования, и еще одного провала, а потому его идея об Эдипе и сидящем в каждом мужчине влечении к матери и ревности к отцу была впервые опубликована лишь на страницах «Толкования сновидений», до выхода которого оставалось еще больше двух лет.

Продолжая самоанализ, Фрейд говорит, что он не только помог ему восстановить события прошлого, «первый испуг», «первые разногласия» и т. д., но и выявить в психике некие первичные феномены, возникшие при самом формировании человека разумного как отдельного биологического вида и с тех пор ставшие неотъемлемой частью его природы, переместившейся в сферу бессознательного. Поясняя, что он чувствует, спускаясь в глубины собственной психики (а значит, по убеждению Фрейда, и человеческой психики вообще), он цитирует стихи Гёте из посвящения к «Фаусту»: «И возникают дорогие тени, /А с ними, как забытая легенда, / И дружба первая, и первая любовь…»

В последующие месяцы Фрейд в письмах Флиссу развивает теорию детской сексуальности, следствием которой становится мастурбация, затем заменяемая алкоголем, наркотиками или табаком (как уже отмечалось, в данном случае просто невозможно отделаться от мысли, что Фрейд говорит о своем личном опыте борьбы с онанизмом).

В этот же период на фоне очередного всплеска антисемитизма Фрейд окончательно присоединяется к организации «Бней-Брит» и 7 и 14 декабря делает перед членами общества доклады о своей теории сновидений, которые затем войдут в его книгу «Толкование сновидений».

* * *

Вступление Фрейда в «Бней-Брит» странным образом совпало с пробуждением его интереса к двум темам — анальной эротике и бисексуальности.

В письме Флиссу от 14 ноября он высказывает гипотезу, что природа всех сексуальных перверсий кроется в сохранении древних сексуальных ориентиров, связанных «с анальной, ротовой и глоточной областями». Эти древние сексуальные зоны,

по его предположению, были затем отвергнуты в ходе эволюции и стали восприниматься как «отталкивающие», потому что их использование не реализовывало функцию продолжения рода. Понимая всю рискованность подобных рассуждений, Фрейд даже в письмах Флиссу придает им полушутливый характер и называет «дреккологией» — «наукой о говне». Он также сообщает Флиссу, что открыл связь между анальной эротикой, испражнениями и страстью человека к деньгам. Что касается бисексуальности…

«Это случилось 12 ноября 1897 года, — с уже знакомым читателю пародийным пафосом пишет он в письме. — Солнце находилось в восточном секторе, Меркурий и Венера были в конъюнкции…» За этим шутливым замечанием Роже Дадун видит важное признание: «Меркурий и Венера — это Гермес и Афродита, их соединение порождает Гермафродита — фигуру с тысячелетней историей, олицетворяющей собой бисексуальность…»

Далее Фрейд пишет, что он «отказался от того, чтобы видеть в либидо мужской элемент, а в проявлении покорности — женский», и затем начинает развивать эти идеи, которые потом будет активно пропагандировать в различных работах.

В письме от 4 января 1898 года он отправляет Флиссу «номер 2 „Дреккологических докладов“» и одновременно пишет: «Я полностью принял твою концепцию бисексуальности и считаю ее самой важной, после концепции защиты, с точки зрения моих работ. И если, поскольку я несколько подвержен неврозу, личные мотивы заставляют меня испытывать некоторую неприязнь, то эта неприязнь направлена именно на идею бисексуальности, которую мы рассматриваем как несущую тенденцию к торможению».

Флисс продолжил развивать идею бисексуальности в свойственном ему духе, связывая между собой бисексуальность и билатеральность, так что в письмах друзья стали называть в шутку эту пару «би-би». Фрейд явно уже не относился к этим идеям Флисса серьезно (как, впрочем, и Флисс ко многим его идеям), но он не отметает саму идею бисексуальности. Напротив, как уже было сказано, всё больше в нее верит, пытается выявить в себе элементы «женского начала» и вот уже в одном из писем признаётся в своей «скрытой гомосексуальности».

Впрочем, думается, что внимательный читатель этой книги и сам давно мог бы заметить некую «скрытую гомосексуальность», которая явственно проявляется в его отношениях с Флиссом, копирующих по большому счету его добрачные отношения с Мартой — с обменом исповедальными письмами, периодическими встречами и т. д.

Однако в связи с этой направленностью поисков Фрейда

неминуемо встает вопрос, насколько на него повлияли философские вечера в «Бней-Брит», где, помимо прочего, читались и доклады по еврейской религиозной философии, хасидизму и входившей на рубеже XIX–XX веков снова в моду каббале?

«Каббалисты утверждают, что цель творения — привести создания к высшему наслаждению. И потому создал Творец души — желание получить это наслаждение. Причем поскольку хотел насладить их до состояния насыщения, то и создал желание наслаждаться огромным, под стать желанию насладить. Таким образом, душа — это желание наслаждаться… Всё существующее относится или к Творцу, или к Им созданному, то до состояния желания насладиться, до сотворения душ, существовало лишь желание Творца насладить… Следовательно, единственное, что сотворено, что существует (помимо Творца) — это желание насладиться. И оно является материалом всех миров и их населяющих, а наслаждение, исходящее из Творца, оживляет и управляет всем»[108]. Это — азбука, основа основ, с которой обычно начинается изучение каббалы.

Чтение многих трудов Фрейда, а также прослеживание его биографии наводят на мысль, что совпадение по времени решающего поворота в его мировоззрении и вступление в «Бней-Брит» было не случайным. Знакомство с каббалой, утверждающей, что желание насладиться является основной силой, «движущей звезды и светила», каждым человеком в отдельности и всем ходом человеческой истории в целом не могло не произвести огромного впечатления на Фрейда. Будучи атеистом, он отверг понятие «Творца», но сама идея должна была показаться ему продуктивной.

О том, что Фрейд был знаком с каббалой и находился под ее впечатлением, доказывает также близость схем, с помощью которых он поясняет свои идеи в заключительной части «Толкования сновидений» со схемами, которыми принято иллюстрировать в лекциях по каббале взаимодействия между различными «сфирот».

Отказавшись от идеи существования Бога, но восприняв идею стремления к наслаждению как движущей силы всего сущего, Фрейд, по сути дела, создал каббалу для светского общества, провозгласив принцип удовольствия ключом к разгадке главных тайн человеческой психики, пониманию человеческой культуры, а затем и механизмов развития общества от первобытного племени до современных государств.

Мнение о знакомстве Фрейда с каббалой и использовании им ее идей одним из первых высказал профессор Йоркского

университета Давид Бакан в работе «Зигмунд Фрейд и еврейская мистическая традиция»[109]. При этом Бакан был убежден, что Фрейд был сторонником так называемой «саббатианской каббалы», то есть учения лжемессии Сабтая Цви (1626–1676), считавшего, что, для того чтобы поднять человеческие души вверх, необходимо вначале «опуститься» на самое дно, где таятся наиболее низменные человеческие инстинкты. Существуют также свидетельства, что в библиотеке Фрейда были перевод на французский основополагающей книги каббалы «Зоар»[110], а также различные труды по еврейской мистике на немецком языке. Однако однозначно подтверждающих это фактов нет — как известно, значительная часть библиотеки Фрейда была оставлена в Вене и погибла.

Между сторонниками версии о знании Фрейдом базовых идей каббалы идет острая дискуссия насчет того, сознательно или бессознательно он использовал эти идеи. Впрочем, нельзя исключать, что мысль о стремлении всего живого к наслаждению Фрейд мог почерпнуть и не из еврейских источников — ее в том или ином виде высказывали многие философы еще в Древней Греции. «Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель — удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его. Противоположное мнение было бы тотчас отвергнуто, ибо кто стал бы слушать того, кто вздумал бы утверждать, что цель наших усилий — наши бедствия и страдания?» — писал Монтень, которого Фрейд, вероятно, прочел еще в юности.

Но дело в том, что идея изначальной бисексуальности человека также лежит в основе иудаизма — в первой книге Пятикнижия Моисеева. Расхожее христианское представление о том, что Ева была сотворена из ребра Адама, — не что иное, как следствие неверного перевода: на самом деле в оригинале Ева была не сотворена из ребра мужа, а отделена от него. «И навел Господь Бог оцепенение на человека, и он уснул; и взял Он одну из его сторон, и закрыл плоть под нею. И выстроил Господь Бог сторону, которую взял у человека женой… Эта названа будет женой (иша), ибо от мужа (иш) взята она»[111], — говорится в максимально приближенном переводе Пятикнижия, выполненном Фримой Гурфинкель. И далее, когда Пятикнижие возвращается к истории творения человека: «Это родословие человека: в день сотворения Богом человека в подобии Божьем Он содеял его, мужчиной и женщиной сотворил он их…»[112]

Каббала делает особый акцент на то, что человек был сотворен «мужчиной и женщиной», и объявляет сексуальное влечение, взаимное притяжение полов одной из главных, если не

главной движущей силой мироздания. Сами взаимоотношения Бога с еврейским народом с этой точки зрения воспринимаются как взаимоотношения между супругами, а увлечение древними евреями идолопоклонством уподобляется супружеской измене. Если Фрейд слушал лекции, содержащие подобные идеи, то они просто не могли не повлиять на дальнейший ход его мыслей и прежде всего на возможность применения идей о сексуальной этиологии неврозов ко всем сторонам человеческой деятельности.

* * *

В 1896–1899 годах Фрейд, как и миллионы других евреев во всем мире, следил за делом Альфреда Дрейфуса. Как известно, для живущего неподалеку от Фрейда, на той же улице Берггассе журналиста и писателя Теодора Герцля процесс Дрейфуса стал поворотным и в осознании собственного еврейства, и в поисках путей решения «еврейского вопроса». Герцль стал вождем политического сионизма, приведшего в итоге к созданию государства Израиль.

Фрейд, безусловно, к Герцлю присоединяться не спешил, но дело Дрейфуса усилило его чувство причастности к еврейскому народу и его судьбе. Теперь он не пропускал ни одного заседания «Бней-Брит», обсуждал с его членами все перипетии процесса Дрейфуса, восхищался мужеством Эмиля Золя, решившего вступиться за оклеветанного офицера-еврея.

Посещение собраний общества имело для Фрейда и несомненную практическую пользу. Во-первых, оно приносило ему новых пациентов и пациенток. Во-вторых, после прочитанных им лекций о смысле сновидений многие члены общества обращались к нему с рассказами о своих снах или снах своих жен с полушутливой просьбой расшифровать их, и это давало всё новый материал для его книги о сновидениях, которую он втайне уже начал писать.

Сохранилось немало свидетельств того времени о, мягко говоря, двусмысленном отношении венцев к доктору Фрейду, прежде всего из-за его интереса к сексуальной жизни пациентов. Так, в одном из писем Флиссу этого периода он рассказывает, что одна из его пациенток во время приема зажимает в руке распятие — видимо, считая его самим дьяволом. Не исключено, что порочащие Фрейда слухи распускали некоторые его коллеги-медики.

Во всяком случае, в вышедшей в феврале 1898 года в «Венском клиническом обозрении» статье «Сексуальность в

этиологии неврозов» Фрейд не только впервые представляет свою теорию детской сексуальности, но и дает жесткую отповедь врачам, игнорирующим особенности сексуальной жизни (и полученных в детстве сексуальных травм) пациентов при лечении неврозов. Конечно, пишет Фрейд, врачу стоит избегать разговоров с пациентами на эту тему, если «он понимает, что откровения сексуального характера вызовут в нем не научный интерес, а похотливое наслаждение». Таким образом, пафос статьи сводился к тому, что сам Фрейд интересуется интимными подробностями прошлого и настоящего своих пациентов исключительно ради их блага и ради науки.

В том же феврале он сообщает Флиссу, что прекратил заниматься самоанализом и целиком погрузился в написание книги о снах. Но весной, на Песах, он решил сделать перерыв и снова отправился с братом в Италию, на адриатическое побережье, где с удовольствием бродил по руинам античного периода. Естественно, он не мог не обратить внимания на статуи Приапа, увидев в этом греческом боге символ «исполнения желаний, противоположность психологической импотенции».

Тогда же Зигмунд и Александр Фрейды посетили сталактитовые пещеры, в одной из которых столкнулись с лидером венских антисемитов Карлом Люгером. В другой пещере внимание Фрейда привлекли не столько сталактиты, сколько проводник, в поведении и манере разговора которого он обнаружил все признаки невроза. Но больше всего Фрейду, разумеется, запомнился ответ проводника на вопрос брата, насколько глубоко можно спуститься в пещеру. «Это как с девственницей — чем глубже проникаешь, тем приятнее!» — ответил проводник, и формируемая Фрейдом коллекция символов, которые в сновидениях означают женские гениталии, пополнилась еще одной позицией.

Вообще, по меткому замечанию Пола Ферриса, в тот период «Фрейд не мог нейтрально воспринимать ничего, что с ним происходило, даже прогулки или сон»: во всем он искал «скрытые связи», некую подоплеку, доказывающую его собственную теорию о том, что любой сон представляет собой исполнение желаний, отцензурированное стражами подсознания.

Часть летнего отдыха 1898 года Фрейд провел с Мартой, а часть — с Минной, с которой снова отправился в Далматию, нынешний Дубровник.

В Боснии и Герцеговине с Фрейдом опять произошла забавная история: разговаривая с неким немецким адвокатом о живописи, Фрейд упомянул о поразивших его фресках в соборе итальянского города Орвието, но при этом не мог вспомнить имени художника.

«Вместо искомого имени — Синьорелли — мне упорно приходили в голову два других — Боттичелли и Больтрафио; эти два подставных имени я тотчас отбросил как неверные, и когда мне было названо настоящее имя, я, не задумываясь, признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени претерпело подобного рода сдвиг… и пришел к следующим результатам…»[113]

Результаты своего самоанализа Фрейд, вернувшись домой, поспешил изложить в статье «К вопросу о психическом механизме забывчивости», которую тогда же и опубликовал. Впоследствии эта статья почти полностью вошла в книгу «Психопатология обыденной жизни».

Суть анализа Фрейда сводится к тому, что слово «господин» («герр» на немецком и «сеньор» на итальянском) несколько раз промелькнуло в разговоре его спутников, когда речь шла о национальном характере боснийских турок — в том числе и о их представлении, что без секса жизнь лишена смысла. Это утверждение наложилось на воспоминание, о котором Фрейд хотел бы забыть — о том, что, когда он был в Трафои, один из его пациентов покончил с собой, так как Фрейд так и не сумел вылечить его от полового расстройства. В результате первая часть имени художника — «Сеньор» — выпала у Фрейда из памяти, и вместо Синьорелли ему пришло в голову имя Боттичелли, а затем — в качестве напоминания о вытесненном в Трафои воспоминании — и Больтрафио.

Понятно, что о научности и даже логичности этого объяснения можно спорить. Однако сам факт обращения Фрейда к такому действительно хорошо знакомому феномену, как забывание собственных имен, которые «так и вертятся на языке», показывает, что Фрейда всё больше начинал интересовать весь круг проблем психики человека, а не только невротики.

Он искал объяснение феномену забывания с точки зрения своей теории подавления и вытеснения в бессознательное всего, что человеку неприятно знать или не хотелось бы вообще знать и помнить, — и находил их. Его вывод о том, что «забывание знакомых собственных имен происходит не случайно, а потому, что сложились некоторые условия, благоприятные для забывания, незадолго до того имела место попытка подавления неких неприятных воспоминаний и установление ассоциативной связи между забытым именем и подавленным воспоминанием»[114], вне сомнения, по меньшей мере заслуживает внимания. А статья 1898 года, безусловно, представляет собой еще один шаг к построению психоанализа как глобальной теории, охватывающей все виды психической деятельности.

После этой статьи Фрейд целиком и полностью сосредоточился на работе над книгой «Толкование сновидений», ставшей самым большим по объему его произведением.

Глава пятая
СНОВИДЕЦ

Хотя сам Фрейд утверждал, что «Толкование сновидений» было почти полностью написано едва ли не к 1897 году, на самом деле годом ее написания, безусловно, является 1899-й. До этого Фрейд накапливал данные, делал наброски, но весь этот материал требовал систематизации, более глубокого анализа и обобщения, и по-настоящему он засел за книгу именно в 1899 году. Работа захватила его настолько, что он стал посвящать ей большую часть времени, сведя частную практику к минимуму и начав расходовать отложенные на черный день сбережения. В письмах Флиссу Фрейд не скрывает, что во время работы над книгой «приобрел новый порок» — каждые два часа он чувствовал потребность выпить хотя бы одну рюмку вина, чтобы взбодриться и обрести вдохновение.

Летом 1899 года он вывез семью на дачу в живописную баварскую деревушку Берхтесгаден, но это время вряд ли можно назвать отдыхом. Пока Марта и дети гуляли по окрестностям, Фрейд сидел в комнате на первом этаже большого сельского дома один на один с бутылкой своей любимой марсалы — и пил и писал, писал и пил, затем снова пил и писал. «Ни одна работа до сих пор не была настолько моей, моей кучей компоста, моим саженцем», — признавался он в письме Флиссу.

Не исключено, что его затворничество объяснялось еще и тем, что в тех же местах в это время отдыхали и Брейеры. Причем если Марта охотно общалась как с Матильдой, так и с Йозефом, то Фрейд категорически не желал видеться со старым другом, превратившимся в ненавистного врага. Встречи с Брейером (а избежать их полностью он не мог) невольно напоминали Фрейду о том, скольким он тому обязан, а потому были ему особенно неприятны. Сам Брейер не мог понять, что́ же произошло, и однажды, увидев идущего ему навстречу Фрейда, распахнул руки для приветствия, однако Фрейд тут же перешел на другую сторону улицы. Возможно, для символического мышления Фрейда это означало, что они теперь оказались «по разные стороны» и их пересечение отныне невозможно, как пересечение параллельных прямых.

Закончив часть книги, Фрейд отсылал рукопись машинистке в Вену, а получив отпечатанные экземпляры, отсылал один из них на суд Флиссу. К концу августа он приступил к работе над последней, самой сложной главой книги, и в первые недели

сентября она была в целом закончена.

Вернувшись в Вену, Фрейд садится за редактирование и вычитку корректуры и признаётся в письме Флиссу, что прекрасно видит недостатки книги, но у него уже нет сил для работы и он не желает что-либо менять в книге, «будь в ней даже 2467 ошибок».

Но Фрейд не был бы Фрейдом, если бы не задался вопросом: почему он назвал именно это число? А задавшись, стал искать объяснение и в итоге вышел на новую идею — о том, что те самые цифры, которые вроде бы человек называет случайно, таят в себе скрытый смысл, значение которого следует опять-таки искать в его бессознательном.

«На скорую руку еще маленькое сообщение на тему психопатологии повседневной жизни, — спешит он написать Флиссу. — Ты найдешь в письме цифру 2467; ею я определяю произвольно, в шутку, число ошибок, которое окажется в моей книге о снах. Я хотел этим назвать любое большое число и в голову пришла эта цифра. Но так как в области психического нет ничего произвольного, недетерминированного, то ты с полным правом можешь ожидать, что здесь бессознательное поспешило детерминировать число, которое в моем сознании не было связано ничем. Непосредственно перед этим я прочитал в газете, что некий генерал Е. М. вышел в отставку в звании фельдцейхмейстера. Надо тебе сказать, что этот человек интересует меня. Когда я еще отбывал в качестве медика военную службу, он — тогда еще полковник — пришел однажды в приемный покой и сказал врачу: „Вы должны меня вылечить в неделю, потому что мне нужно выполнить работу, которую ждет император“. Я поставил себе тогда задачу проследить карьеру этого человека, и вот теперь (в 1899 году) он ее закончил — фельдцейхмейстером и уже в отставке. Я хотел высчитать, во сколько лет он проделал этот путь, и исходил при этом из того, что я видел его в госпитале в 1882 году. Стало быть, в 17 лет. Я рассказал об этом жене, и она заметила: „Стало быть, ты тоже должен быть уже в отставке?“ Я запротестовал: Боже меня Избави от этого. После этого разговора я сел за стол, чтобы написать тебе письмо. Но прежний ход мыслей продолжался, и не без основания. Я неверно сосчитал; о том свидетельствует имеющаяся у меня в воспоминаниях спорная точка. Мое совершеннолетие — стало быть, 24-й год — я отпраздновал на гауптвахте (за самовольную отлучку). Это было, значит, в 1880 году — 19 лет тому назад. Вот уже цифра 24, заключающаяся в числе 2467! Теперь возьми мой возраст — 43 — и прибавь к нему 24 года, и ты получишь 67. То есть на вопрос, хочу ли я тоже выйти в

отставку, я мысленно прибавил себе еще 24 года работы. Очевидно, я огорчен тем, что за тот промежуток времени, в течение которого я следил за полковником М., я сам не пошел так далеко, и вместе с тем испытываю нечто вроде триумфа по поводу того, что он уже конченый человек, в то время как у меня еще всё впереди…»[115]

Впоследствии, как уже понял читатель, Фрейд разовьет эту мысль о детерминированности всего, что нам кажется случайным, а пока обратим внимание на то, что строки этого письма весьма характерны для того душевного состояния, в котором он тогда пребывал. С одной стороны, он считал, что добился к сорока трем годам куда меньше того, о чем мечтал в молодости — и прежде всего в том, что касается мировой славы, и эти мысли постоянно ввергали его в подавленное состояние. Чтобы выйти из этой парализующей его хандры, Фрейд утешал себя тем, что у него еще есть время — по меньшей мере до шестидесяти семи лет — возраст, который он считал уже стариковским.

4 ноября 1899 года венский издатель Дойтике отпечатал 600 экземпляров книги «Толкование сновидений» и выставил ее на продажу в своем книжном магазине. В качестве года выпуска он поставил 1900-й — понимая, что за оставшиеся до конца года месяцы распродать книгу нет никаких шансов.

Биографы Фрейда отмечают, что первые экземпляры «Толкования…» были отпечатаны Дойтике еще в октябре. Проходя мимо его витрины с сыном Оливером, Фрейд указал мальчику на книгу и не без гордости заметил: «Вот та книга, которую я заканчивал летом».

Надо сказать, что, несмотря на всю спорность этой работы, Фрейду и в самом деле было чем гордиться.

* * *

Фрейд изначально строил «Толкование сновидений» как солидную научную монографию, стремясь если не избежать, то по меньшей мере снизить пафос неизбежных попыток критиков сравнить эту книгу с банальным сонником. Поэтому первую главу книги он построил как фундаментальный, составляющий едва ли не пятую ее часть обзор научной литературы, посвященной проблемам сновидений. Эта глава показывает, что Фрейд и в самом деле «перерыл» все труды по данному вопросу, начиная с Аристотеля. Таким образом, никто не мог упрекнуть автора «Толкования…» в том, что он не знаком с тем, как подходили к этой проблеме ученые и философы с древности до современных

ему дней.

Вторая глава — «Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидений» — посвящена детальному рассмотрению «сна об инъекции Ирме», увиденном им в 1895 году, о чем мы уже подробно рассказывали.

В третьей главе — «Сновидение — осуществление желания» — Фрейд доказывает этот тезис на примере ряда своих снов, а также записанных им снов пациентов и знакомых детей. В основном речь идет о снах с прямым значением, практически не требующим расшифровки: человеку, мучающемуся жаждой, снится, что он пьет воду; ребенку, которому хотелось отведать вишни, — что он поел этих вишен до отвала. Правда, в этой же главе Фрейд растолковывает с позиций своего тезиса и чуть более сложные сны.

Например: «Один мой коллега, знакомый с теорией сновидений и рассказавший о ней своей жене, говорит мне однажды: „Знаешь, моей жене вчера снилось, что у нее началась менструация. Интересно, как истолкуешь ты это сновидение?“ Это очень нетрудно: если молодой женщине снилось, что у нее менструация, значит, в действительности ее не было. Я знаю, что ей хотелось бы до первого материнства попользоваться свободой. Это был удобный способ указать на признаки ее первой беременности»[116].

Четвертую главу — «Искажающая деятельность сновидений» — Фрейд начинает с утверждения, что осуществление желания является смыслом любого сновидения и что «нет других сновидений, кроме как сновидений о желании»[117], но тут же обращает внимание читателя на спорность этого тезиса. С одной стороны, то, что многие сны представляют собой осуществление тайных или явных желаний человека, вроде бы является прописной истиной — об этом говорят многие пословицы и поговорки, об этом до Фрейда писали многие философы и психологи. Главное открытие Фрейда на этом этапе как раз состояло в том, что любой сон отражает осуществление желаний — даже если кажется, что это совсем не так; даже если речь идет о кошмарах или о снах, которые неприятны человеку или в которых, как ему кажется, он видит то, чего он не желает и точно желать не может. И снова для доказательства этого тезиса Фрейд приводит содержание собственных снов и снов, записанных им со слов пациентов.

Таков уже упоминавшийся нами сон, приснившийся ему весной 1897 года, когда коллега Р. сказал Фрейду, что у них обоих очень мало шансов получить звание профессора, так как в министерстве просвещения не очень любят присваивать такие

звания евреям. Произведя анализ этого сновидения, Фрейд приходит к выводу, что оно отразило его желание стать профессором и надежду, что Р. все-таки не совсем прав в своем суждении.

Таким образом, приходит к заключению Фрейд, любое сновидение отражает желания, причем иногда самые потаенные, неосознанные или которые человек в силу своих нравственных принципов не желает осознавать и вытесняет в сферу бессознательного. Во сне эти желания пытаются прорваться в сознание, но на его пути из одной части психики в другую возникает барьер, не пропускающий в сознание то, что сам человек не желает знать о себе или боится себе в этом признаться. В результате потаенные желания прорываются в сновидение в искаженном, замаскированном виде и подлинное понимание их смысла становится затруднительным.

В соответствии со своим литературным мышлением Фрейд находит аналогию этому явлению в политической цензуре. «В аналогичном положении, — пишет он, — находится и политический писатель, желающий говорить сильным мира сего горькие истины. Если он их высказывает, то власть имущий подавит его мнение… Писателю приходится бояться цензуры, он умеряет и искажает поэтому выражение своего мнения. Смотря по силе и чувствительности этой цензуры он бывает вынужден либо сохранять лишь известные формы нападок, либо же выражаться намеками, либо же, наконец, скрывать свои нападки под какой-либо невинной маской… Чем строже цензура, тем менее прозрачна эта маска, тем остроумнее средства, которые приводят читателя на след истинного значения слова»[118].

С этой позиции Фрейд и толкует приводимые в этой главе сновидения. Женщина, которой снится, что она хочет устроить ужин, но забыла закупить для него продукты, на самом деле попросту не хочет устраивать званый ужин и более всего не хочет приглашать на него свою близкую подругу, которую тайно ревнует к мужу. Женщине, которой приснилось, что она вынуждена провести лето на даче с нелюбимой свекровью, Фрейд объясняет, что на самом деле ее сон порожден… желанием, чтобы его теория о том, что любой сон отражает желание, оказалась неверной.

Сон, в котором одна его пациентка увидела в гробу младшего сына сестры, оказывается выражением тайного желания встретиться с первой любовью, с человеком, с которым ей в последний раз удалось поговорить при печальных обстоятельствах — на похоронах старшего племянника. Таким образом, Фрейд отверг опасения знакомой с его теорией

пациентки в том, что сон отражает ее тайное желание, что лучше было, если бы вместо старшего племянника умер младший, так как старшего она любила больше.

Постепенно в эту главу входит сексуальная тема, которая была несколько приглушена в первом издании, но значительно расширена в последующих — как в тексте, так и в примечаниях.

Так, сон некого знакомого Фрейда, в котором его обвиняют в детоубийстве, оказывается сном «о желании нежелания» беременности его любовницы. Сон некого молодого человека, в котором гомосексуальные мотивы смешиваются с сообщением о продаже старшим братом их фамильного предприятия, оказывается выражением мазохистского желания наказания за то, что этот человек «мучил в ранние годы своего старшего брата, к которому был сексуально расположен»[119].

В заключение главы Фрейд вспоминает о своей статье 1895 года о неврозах страха и делает вывод, что «сновидения страха суть сновидения с сексуальным содержанием; либо превращается в них в страх»[120].

Пятая глава — «Материал и источники сновидений» — оказывается самой пространной в книге, наполненной воспоминаниями о событиях из личной жизни самого Фрейда, ставшими источниками тех или иных его сновидений. Прибегая к этому приему, он постепенно подводит читателя к мысли, что в сновидениях очень часто одни вещи и предметы замешаются другими, фразеологические обороты и эвфемизмы обретают буквальный смысл. Но при желании этот код, используемый нашей психикой, довольно легко расшифровать — если только принять за аксиому, что «невинных (в смысле ничтожности значения) сновидений не существует»[121] — за исключением сновидений детей и сновидений, связанных с некими конкретными ощущениями вроде той же жажды.

«Сновидение никогда не занимается пустяками; мы не позволяем, чтобы мелочи тревожили нас во сне, — настаивает Фрейд. — Мнимо невинные сновидения оказываются серьезными после их толкования; у них, если можно так выразиться, имеется камень за пазухой»[122].

К примеру, сон молодой дамы, в котором она слишком поздно приходит со служанкой на рынок, не может ничего купить, а торговка овощами хочет продать ей странный плод, связанный в пучок черного цвета, оказывается как отголоском бесед дамы с Фрейдом и вполне реальных событий, так и отражением тайного желания пациентки, чтобы Фрейд проявил по отношению к ней «непристойное, возбуждающее сексуальное поведение»[123].

Сон о ненастроенном рояле, по Фрейду, скрывает за собой

недовольство женщины собственным телом; сон мужчины о зимнем сюртуке отражает его страх перед кондомами — ведь и кондом, и сюртук «натягивают» на некие части тела. Сон женщины о сломанной, плохо стоящей свече на самом деле порожден вульгарной песней «о свече Аполлона» и, таким образом, отражает переживания дамы по поводу импотенции мужа и ее желания заняться онанизмом (так как «свеча — предмет, способный раздражать женские половые органы»).

Таким образом, Фрейд приходит к далеко не новой уже в его время мысли о том, что в сновидениях в качестве исходного материала используются символы и ассоциации, а также давние и недавние события в жизни человека, сюжеты прочитанных им книг и т. д., в том числе (а может, даже в первую очередь) и те, которые кажутся ему напрочь забытыми. Вместе с тем в этой главе «Толкования сновидений» были и две существенные новации, неразрывно связанные в сознании человечества с именем Фрейда.

Первая новация связана с введением понятия знаменитого эдипова комплекса — проявлению бессознательной ненависти каждого мужчины к отцу и стремлению занять его место в жизни матери. Уже при анализе своего чрезвычайно длинного и запутанного «сна о графе Туне» (который, по признанию самого Фрейда, вскрывает такие черты его характера, как «неприятное хвастовство и довольно смешную манию величия») возникает «отцовская» тема.

Один из фрагментов этого сна, пишет Фрейд, состоял в следующем: «Я снова перед вокзалом, но с каким-то пожилым господином; я изобретаю план, как остаться незамеченным, но замечаю, что этот мой план уже приведен в исполнение. Вообще, мысли и переживания здесь слиты воедино. Спутник мой слеп, по крайней мере на один глаз, и я держу перед ним склянку для мочи (склянку мы должны были купить или уже купили в городе). Таким образом, я его санитар и должен держать перед ним склянку, потому что он слеп… При этом я пластически вижу позу моего спутника и его член при мочеиспускании…»[124]

Анализируя этот фрагмент, Фрейд приходит к следующему выводу: «Есть еще один эпизод из домашней жизни, относящийся к моему семилетнему или восьмилетнему возрасту, который прекрасно сохранился в моей памяти. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я, вопреки приказанию родителей, удовлетворил свою потребность в их спальне и при их присутствии. Отец, ругая меня, заметил: „Из тебя ничего не выйдет“. Это было, по-видимому, страшное оскорбление моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно

проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: „Видишь, из меня все-таки кое-что вышло“. Этот детский эпизод дает материал для последней ситуации сновидения, в которой, разумеется, в целях мести, роли перемешаны. Пожилой господин, очевидно, — мой отец, так как слепота на один глаз объясняется его глаукомой, уринирует теперь передо мною, как я когда-то перед ним. При помощи глаукомы же я напоминаю ему о кокаине, весьма помогшем ему при операции, — и этим как бы исполняю свое обещание. Кроме того, я насмехаюсь над ним; он слеп, и я держу перед ним склянку — это намек на мои успехи в области изучения истерии, которыми я очень горжусь»[125].

Далее Фрейд рассматривает различные виды сновидений.

Касаясь сновидений о смерти близких людей, он приходит к выводу, что пусть и не всегда, но достаточно часто эти сновидения, особенно у детей, отражают желание, чтобы этот близкий (обычно брат или сестра) и в самом деле умер, а точнее, исчез бы из их жизни. «Но если желание ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, можно объяснить его эгоизмом… то каким образом объяснить желание смерти родителей, которые являются для ребенка источником любви?.. — пишет Фрейд далее. — Разрешению этой трудной задачи помогает то обстоятельство, что сновидения о смерти родителей в огромном большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим… Дело обстоит, грубо говоря, так, будто мальчики видят в отце, а девочки в матери — соперников своей любви, устранение которых может быть им только выгодно»[126].

При этом Фрейд подчеркивает, что прекрасно сознает, что конфликты между родителями и детьми могут иметь вполне рациональный характер; что сын может желать смерти отца и радоваться ей, так как отец всячески ограничивал его свободу и т. д., но Фрейд настаивает на том, что дело всё же не столько в этом, сколько в бессознательных побуждениях человеческой психики, базирующихся на сексуальной основе. «С неопровержимостью, исключающей какие-либо сомнения, подтверждается это предположение относительно невротиков при совершаемом у них анализе. Последний показывает, что сексуальные желания ребенка проявляются очень часто — поскольку они, конечно, в этом зачаточном состоянии имеют право носить название сексуальных — и что первая склонность девушки направляется на отца, а первая склонность мальчика на мать. Отец, таким образом, становится для сына, а мать для дочери соперниками…»[127]

Затем следует целый ряд примеров, на основании которых

Фрейд утверждает, что открыл глобальный закон человеческой психики, во многом объясняющий не только причины неврозов и мотивы поступков невротиков, но и поведенческие мотивы обычных людей и выдающихся личностей на протяжении всей человеческой истории, а также многие культурные феномены. Для пущего впечатывания этого закона в память читателя и в историю Фрейду нужен был некий яркий пример, и он его находит в любимом с гимназической скамьи софокловском «Эдипе» — хотя, как показывает далее, для обозначения того же закона он мог бы воспользоваться и шекспировским Гамлетом (и тогда сейчас мы называли бы эдипов комплекс «гамлетовским»).

«Если, однако, царь Эдип потрясает современного человека не менее, чем античного грека, — объясняет Фрейд, — то причина этого значения греческой трагедии не в изображении противоречия между роком и человеческой волей, а в особенностях самой темы, на почве которой изображается это противоречие… Судьба его захватывает нас потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас до нашего рождения таким же проклятием, как и Эдипа. Всем нам, быть может, суждено направить наше первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание на отца; наши сновидения убеждают нас в этом. Царь Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь осуществление желания нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отщепить наше сексуальное чувство от матери и забыть свою ревность по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое детское желание, вселяет в нас содрогание, мы отстраняемся от него со всей силой процесса вытеснения, которое претерпевает с самого детства это желание в нашей душе»[128].

* * *

Другая важная новация Фрейда заключалась в утверждении, что «большинство сновидений взрослых имеет в основе своей сексуальный характер и дает выражение эротическим желаниям»[129]. При этом Фрейд опять явно ссылается на собственные сновидения, хотя иногда и приписывает их некому неизвестному субъекту. Вот характерный пример одного из таких снов, который описывается от имени первого лица: «Между двумя дворцами стоит маленький домик; ворота его на запоре. Жена ведет меня по улице, подводит к домику, толкает дверь, и я быстро вхожу на двор, несколько поднимающийся в гору».

«Кто имеет известную опытность в толковании сновидений, тот сейчас же увидит в проникновении в тесные помещения и в открывании запертых дверей наиболее употребительную сексуальную символику и с легкостью истолкует это сновидение как изображение попытки coitus a posteriori (полового акта сзади), — анализирует Фрейд это сновидение. — Узкий двор, подымающийся в гору, несомненно, влагалище; помощь, оказываемая женой в сновидении, указывает на то, что в действительности лишь уважение к жене послужило препятствием для осуществления такой попытки…»[130]

И далее Фрейд развивает свою знаменитую сексуальную символику сновидений:

«Упомянув об этом, перечислю эти наиболее употребительные символы: король и королева изображают большей частью родителей спящего; принц или принцесса — его самого. Все продолговатые предметы, палки, трости, деревья, зонты (аналогия с эрекцией), все длинные и острые орудия — ножи, кинжалы, пики служат для изображения мужского полового органа…»

Коробки, жестянки, ящики, шкафы, печки соответствуют половой сфере женщины… Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. — Лестницы, подъем по ним и схождение — символическое изображение коитуса.

Завершается пятая глава типичными примерами сексуальной символики в сновидениях, подкрепленными случаями из опыта пациентов Фрейда:

«1. Шляпа как символ мужчины (мужского полового органа) …

2. Малютка — половые органы; раздавливание — символ коитуса…

3. Изображение половых органов при помощи зданий, лестниц и шахт…

4. Мужские половые органы, символизируемые лицами, а женские — ландшафтами…» природы сновидений и взаимоотношения между сознательной и бессознательной деятельностью человека, получившей позже название «первой топики» Фрейда.

* * *

В шестой главе «Толкования…» — «Работа сновидения» — Фрейд подробно разбирает четыре основных механизма

сновидения: сгущение реальности, смещение (когда мысли и чувства, связанные с одним предметом, переносятся на другой), преобразование на основе образности и вторичная обработка (попытка вспомнить сновидение и истолковать его, что чаще всего ведет к неверной интерпретации и уводит человека от скрытого смысла сновидения).

Седьмая глава — «Психология процессов сновидения» — представляет собой попытку создать некую стройную теорию природы сновидений и взаимоотношения между сознательной и бессознательной деятельностью человека, получившей позже название «первой топики» Фрейда.

Согласно этой теории, Фрейд выделяет три области человеческой психики: сознание («Сз»), бессознательное («Бсз») и расположенное между ними предсознательное («Псз»), «Псз» отделено от «Бсз» «цензурой», барьером, препятствующим проникновению в него идей и желаний из «Бсз». Само по себе «Бсз» проникнуть в «Псз» и оттуда в «Сз» не может, но оно может соединиться, «прикрепиться» к какому-либо незначительному представлению в «Псз» и, как бы прикрываясь им, перейти в систему предсознание — сознание («Псз — Сз»).

Вообще, две последние главы книги, безусловно, являются самыми глубокими и рассчитанными на подготовленного читателя. Вместе с тем в них немало ценных наблюдений и примеров, показывающих механизм возникновения кошмарных сновидений и различных фобий как у детей, так и у взрослых.

* * *

Биографы Фрейда, трактующие историю его жизни в романтическом ореоле, любят утверждать, что поначалу современники не поняли и не оценили всего значения «Толкования сновидений» и Фрейд якобы стал объектом травли и насмешек со стороны рецензентов.

В качестве подтверждения этого тезиса они приводят тот факт, что за два первых года после выпуска было продано всего 228 экземпляров «Толкования…», а также известные строчки из письма Флиссу, датированного 8 января 1900 года: «Новый век, самое интересное в котором для нас, может быть, то, что именно в нем мы умрем, не принес мне ничего, кроме глупой рецензии в „Цайт“ (она вышла 6 января. — *П. Л.)* Буркхарда, бывшего директора городского театра. Рецензия отнюдь не лестная, на редкость лишенная понимания и — что самое худшее — будет продолжена в следующем номере…»

Однако следует отметить, что помимо язвительной рецензии в «Цайт» («Время») были и другие. Была рецензия в журнале «Настоящее время», в котором «Толкование сновидений» называлось «новаторской работой». В ряде берлинских изданий появились статьи, в которых книга называлась «изобретательной», «вызывающей интерес», «заставляющей задуматься» и т. д.

Наконец, в том же январе 1900 года в берлинском еженедельнике «Народ» появилась рецензия поэта Дж. Дж. Давида, которую сам Фрейд назвал «доброжелательной и проницательной, хотя и несколько многословной». Давид, как и положено поэту, обратил внимание на огромный заложенный в книге литературный материал и высоко оценил многие толкования Фрейда и особенно его размышления «о темных тенях ранней сексуальности между родителями и детьми». Таким образом, Дж. Дж. Давид стал вслед за фон Бергером одним из первых, кто осознал, какие возможности таят идеи Фрейда для культурологии вообще и литературоведения в частности; какой мощный стимул к творчеству может придать художнику самоанализ в духе Фрейда.

Другое дело, что книга не принесла Фрейду той желанной оглушительной славы, на которую он, видимо, рассчитывал. Отзвуки этой надежды явно слышатся в словах письма Флиссу: «Время последователей еще не пришло. Слишком много нового и невероятного и слишком мало строгих доказательств».

Эти строки ясно доказывают, что уже в тот период Фрейд видел себя новым «Учителем человечества», несущим ему свет неведомых ранее высоких истин. Он жил предвкушением времени, когда у него, как у каждого Вождя и Учителя, появятся преданные ученики-апостолы. Сам он, похоже, чем дальше, тем больше утверждался в убеждении о своей гениальности и непогрешимости — и это становилось для него главным стимулом творчества.

12 июня 1900 года он пишет знаменитое письмо Флиссу, в котором выражает уверенность, что когда-нибудь на фасаде особняка «Бельвю» будет помещена мраморная доска с надписью (Фрейд обвел ее жирной рамкой): «Здесь 24 июля 1895 году доктору Зигм. Фрейду открылась тайна сновидений».

«Мне уже становится не важно, понравится людям книга о снах или нет, — пишет он Флиссу в июле 1900 года. — Сам я не нашел ничего, что нужно было бы там исправить. Всё верно и, без сомнения, остается верным».

На самом деле это, конечно, было не совсем так. Когда к Фрейду действительно пришла слава и «Толкование сновидений» начало переиздаваться (в 1908 году вышло уже второе издание

книги, в 1911-м — третье, в 1914-м — четвертое, в 1918-м — пятое), в каждое новое издание Фрейд вносил существенные поправки и дополнения, вбирающие как его новый личный опыт, так и опыт всё ширящегося множества его последователей.

Разумеется, и в наши дни представление о научной и культурологической ценности «Толкования сновидений» остается далеко не однозначным.

Профессор Виленский, к примеру, безусловно, прав, когда говорит, что так как Фрейд не документировал своих научных наблюдений, то трудно установить, какие из снов действительно снились ему и его пациентам, а какие были Фрейдом просто придуманы или подредактированы так, чтобы отражать его теорию. Ряд толкований Фрейдом как снов, так и поведения его пациентов представляются ему откровенно натянутыми или «продиктованными гипертрофированным извращенным сексуальным мышлением самого Фрейда». Ну а усмотренная Фрейдом связь между сюртуком и презервативом на том основании, что оба эти предмета «натягивают на тело», по мнению Виленского, вообще напоминает анекдот.

Наконец, трудно отмахнуться и от утверждения, что даже если приведенные в книге сновидения и их толкование истинны, то из этого отнюдь нельзя делать общие выводы вроде того, что эдипов комплекс в той или иной степени присущ каждому мужчине или что большая часть сновидений отражает наши сексуальные проблемы. В конце концов, Фрейд имел дело с нездоровыми людьми, да и сам, как он неоднократно признавался, был отнюдь нездоровым, с точки зрения невролога и психиатра, человеком.

Всё это, безусловно, верно.

Многие страницы «Толкования сновидений» и в самом деле напоминают всё ту же изобретенную Фрейдом «медицинскую беллетристику», в которой он как бы набрасывает под видом рассказа о сновидении сюжет некой новеллы, а затем дает ее психологический анализ, поражающий неожиданными поворотами мысли автора. Показательно, что вскоре после выхода этой книги в свет сам Фрейд сделал в письме Флиссу признание, которое любят цитировать те, кто утверждает, что фрейдизм не имеет ничего общего с наукой: «Я, по сути дела, не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По темпераменту я всего лишь конкистадор-авантюрист, если хочешь, чтобы я это перевел, — со всеми любопытством, отвагой и целеустремленностью, характеризующими таких людей».

Это и в самом деле похоже на правду, но данное высказывание можно толковать и в пользу Фрейда. В своих

попытках объяснить тайные мотивы человеческой деятельности и в итоге выйти на психологические механизмы, определяющие развитие человеческого общества, Фрейд и в самом деле напоминал конкистадора, ступавшего на неведомую землю и пытавшегося навязать другим свои представления об этой земле, вне зависимости от того, насколько они отвечали действительности.

Но, говоря о «Толковании сновидений», в любом случае нельзя не отдать должное тому мужеству, с которым Фрейд представил в этой книге в качестве материала для исследования свои собственные сны и переживания; исповедальной силе этой книги.

Наконец, следует вспомнить, что когда эта работа Фрейда дошла, наконец, до широкого читателя, она совершила настоящий переворот и в массовом сознании, и в культуре. Предложенные им принципы толкования тайного смысла сновидений, идея эдипова комплекса, законы проникновения бессознательного в сознание, наблюдения над природой детской сексуальности носили поистине революционный характер.

Само влияние этой книги нельзя объяснить не чем иным, как тем, что, возможно, далеко не во всем соглашаясь с Фрейдом, читатель находил в приводимых им примерах много общего с событиями своей жизни и не мог не признать, что в предлагаемых им объяснениях «что-то есть».

Тезис Фрейда о том, что мифы и литературные произведения разных эпох скрывают за своими сюжетами некие глубинные закономерности нашей психической и сексуальной природы, изменил сам подход к этим произведениям как специалистов, так и широкого читателя и в итоге породил юнгианскую школу психоанализа.

Вот почему «Толкование сновидений» при всех недостатках было и остается великой книгой.

«Фрейдовское толкование сновидений подвергается ожесточенным нападкам. Посредственности, монополизировавшие человеческий здравый смысл и издавна пользующиеся им для подавления всего разумного, по сей день не перестают качать головами. Но каждый, кто толкует сновидения по методам, найденным Фрейдом и разрабатываемым дальше его учениками, должен признать, что не остается ни малейшего сомнения в абсолютной правильности его открытия…

…Уже до Фрейда существовали мыслители, приписывающие осмысленность сновидениям… Однако существует разница между тем, сверкнула ли истина как искра гениального ума, или же она систематически становится достоянием науки, чтобы никогда

больше не исчезнуть…

…„Сновидение — виа регия в бессознательное“. С тех пор, как мы понимаем язык сновидений (т. е. начиная с 1900 года, после перерыва в несколько тысячелетий), перед нами настежь распахнулись ворота в бессознательное, и мы безуспешно стали бы противиться вступлению на путь, ведущий в это подземное царство… Система затушевывания приходит к концу: начинается психоанализ. Если люди по натуре звери, то они должны знать об этом и не обманывать себя и других. Ведь зверь доступнее укрощению, если известны его страшная сила и коварство»[131], — писал Фриц Виттельс.

Ему вторил Стефан Цвейг: «Только с появлением Фрейда — по прошествии двух-трех тысячелетий — сновидение получает опять объективную ценность, как некий указующий на судьбу человека акт. Там, где другие видели только хаос, беспорядочное движение, глубинная психология вновь постигает закономерное действие сил… Сновидение является посредником между миром наших потайных чувств и миром чувств, подчиненных нашему сознанию; благодаря ему мы можем знать многое такое, что в состоянии бодрствования соглашаемся знать неохотно…»[132]

Споры о правильности идей «Толкования сновидения» в целом и точности предложенных Фрейдом толкований частных сновидений продолжаются до сих пор. Основная идея — что сновидения всегда являются исполнением желаний — давно опровергнута и отвергнута. Но в том, что эта книга и в самом деле представляла конкистадорский прорыв в неведомые до того тайны человеческой психики, сомневаются разве что самые заядлые фрейдофобы.

Профессор Арон Исаакович Белкин, вне сомнения, прав, когда утверждает, что ошибка многих критиков Фрейда в том, что они подвергают сомнению в первую очередь его вклад в науку и сосредоточиваются на «ненаучности» его трудов. Однако на самом деле заслуга Фрейда заключается не столько в открытии каких-либо новых законов человеческой психики (при их формулировке он и в самом деле часто ошибался), сколько в создании принципиально нового подхода к оценке и объяснению всех сторон человеческой жизни — и этот подход в полной мере проявился уже в «Толковании сновидений».

«Отвечая на вопрос о том, что внес в науку З. Фрейд, можно сказать: он первооткрыватель еще одного измерения Разума, — писал Белкин. — Не случайно различные специалисты в своих исследованиях опираются на труды З. Фрейда, заимствуя у него идеи, положения, мысли и получая мощный импульс для своего творчества. Врач находит здесь новые подходы к пониманию

проблемы неврозов, извращений, эффективности нетрадиционной терапии; юрист обращает внимание на происхождение „немотивированных“ преступлений; для писателя, поэта, драматурга труды Фрейда не только неисчерпаемый источник тем, но и ключ к пониманию процессов творчества…

Специфика трудов Фрейда — это не научная логика, а скорее неведомый до сих пор стиль мышления, дающий обильные всходы. Ведь в психоанализе есть нечто такое, что будит творческую мысль даже тогда, когда оппонент отвергает учение»[133].

Глава шестая
ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Несмотря на уже упоминавшийся исповедальный характер «Толкования сновидений», Фрейд не включил в книгу целый ряд своих сновидений, носящих откровенно эротический характер. Об этом он не без сожаления о собственной «трусости» сообщал в письме Флиссу и в этом же признавался в предисловии к «Толкованию сновидений», прямо говоря, что не смог при написании книги «противостоять искушению при помощи различного рода сокращений и пропусков скрывать наиболее интимные подробности»[134].

В качестве своеобразной компенсации за эту сдержанность Фрейд осенью 1899 года написал и опубликовал статью «О маскирующем воспоминании», значительная часть которой была построена на уже упоминавшихся нами в первом разделе этой книги воспоминаниях раннего детства.

В этой небольшой работе Фрейд обратил внимание на распространенный психический феномен: «…в самых ранних воспоминаниях детства обыкновенно сохраняются второстепенные и безразличные вещи, в то время как важные, богатые аффектами впечатления того времени не оставляют (не всегда, конечно, но очень часто) в памяти взрослых никакого следа»[135].

В качестве объяснения данного феномена Фрейд и выдвигает теорию, что такие второстепенные («безразличные», как он их сам называл) воспоминания чаще всего прикрывают, маскируют то, что человек не хочет помнить о своем детстве, и уже затем приходит к выводу, что чаще всего люди «не хотят» помнить своего первого столкновения с сексуальностью. При этом Фрейд на основе собственных наблюдений пришел к выводу, что между прикрывающими воспоминаниями и теми событиями, которые они призваны прикрыть в памяти, существуют весьма причудливые временные связи: более ранние воспоминания могут выступать в качестве прикрытия более поздних воспоминаний и переживаний. Фрейд назвал такие прикрывающие воспоминания «предваряющими, забегающими вперед», но при этом не исключил и одновременных, и примыкающих воспоминаний.

В следующем году Фрейд развил эти идеи, одним из первых обратив внимание на значимость самых ранних воспоминаний человека в формировании его личности, его привычек, фобий и даже жизненных взглядов — пусть эти воспоминания и вытеснены

в сферу бессознательного.

«На мой взгляд, мы слишком равнодушно относимся к фактам младенческой амнезии — утрате воспоминаний о первых годах нашей жизни — и благодаря этому проходим мимо своеобразной загадки, — писал он. — Мы забываем о том, какого высокого уровня интеллектуального развития достигает ребенок уже на четвертом году жизни, на какие сложные эмоции он способен; мы должны были бы поразиться, как мало сохраняется обычно из этих душевных событий в памяти в позднейшие годы, тем более что мы имеем все основания предполагать, что эти забытые переживания детства отнюдь не проскользнули бесследно в развитии данного лица; напротив, они оказали влияние, оставшееся решающим на все времена…»

В более позднем варианте этой статьи, вошедшей в качестве главы в книгу «Психопатология обыденной жизни», мы отчетливо видим, как движется мысль Фрейда и какой методологией он пользуется в работе. Сначала идут очень верные наблюдения об особенностях воспоминаний раннего детства — о том, что в отличие от более поздних воспоминаний они имеют зрительный, пластический характер. Затем Фрейд снова возвращается к своей гипотезе о том, что «так называемые ранние детские воспоминания представляют собой не настоящий след давнишних впечатлений, а его позднейшую обработку, подвергшуюся воздействию различных психических сил более позднего времени»[136].

И тут же Фрейд делает скачок, своего рода заявку на будущее, выдвигая гипотезу, что этот закон касается не только психологии индивидуума, но и всего общества: «Детские воспоминания индивидов приобретают — как общее правило — значение „воспоминаний прикрывающих“ и приобретают при этом замечательную аналогию с воспоминаниями детства народов, закрепленными в сказаниях и мифах»[137].

Как и следовало ожидать, Фрейд убежден, что с помощью психоанализа можно докопаться до того самого пласта памяти, который прикрыт «маскирующими воспоминаниями», и в качестве доказательства тому приводит два, скажем честно, не слишком убедительных примера.

Один из них представляет собой историю молодого человека, который сохранил в памяти, как тетка учила его распознавать буквы и ему никак не удавалось усвоить различие между такими вроде бы непохожими друг на друга буквами, как *t* и *n*. В итоге Фрейд приходит к выводу, что на самом деле это воспоминание скрывает появившийся у героя этой истории ранее интерес к тому, в чем заключается различие между мальчиками и

девочками, и возникшее неосознанное сексуальное влечение к тетке.

Еще более странным выглядит другой пример — уже цитировавшийся ранее анализ Фрейдом собственного детского воспоминания о няньке и матери, которых он с подачи брата Филиппа искал в ящике шкафа.

Для любого психоаналитика данное здесь Фрейдом объяснение вряд ли является удовлетворительным. Скорее он увидит в нем доказательство того, что и на сорок третьем году жизни Фрейда мучила тайна его рождения и взаимоотношений матери с братом, а также истинная причина изгнания из дома и судебного преследования слишком хорошо знакомой с семейными тайнами Фрейдов няньки.

Однако для истории главное заключается в том, что статья «О маскирующем воспоминании» в итоге подсказала Фрейду идею и стала некой основой его следующей книги — «Психопатология обыденной жизни».

Это вновь был своеобразный прорыв: теперь Фрейда интересовали уже не невротики, а соотношение сознательного и бессознательного в жизни «нормальных», то есть не страдающих внешне какими-либо психологическими или психиатрическими проблемами людей. В течение большей части 1900 года он собирал материал для этой книги, к написанию которой он приступил осенью.

Если судить по письмам самого Фрейда и по его различным биографиям, это был один из самых противоречивых периодов жизни Фрейда. Он зарабатывал в тот период 500 флоринов в неделю (чтобы читатель понял, о какой сумме идет речь, скажем, что 40 флоринов в те времена в Вене стоил очень приличный мужской костюм). У него было время и на встречи с друзьями для игры в тарок и шахматы, и на чтение. Словом, вроде бы он с полным правом мог заявить, что «жизнь удалась». Однако вместо этого он пишет о постоянных «невротических колебаниях настроения», говорит о то и дело накатывающей неприязни к «мучителям»-пациентам, мечтает о долгом отдыхе и жалуется, что не может себе его позволить.

Одновременно он признаётся Флиссу, что «перестал заводить детей». Некоторые, особо наивные фрейдофилы трактуют эту фразу в том смысле, что в 1900 году Фрейд окончательно прекратил сексуальную жизнь. Однако, по мнению фрейдофобов, это означало, вероятнее всего, что Фрейд почти прекратил сексуальную жизнь с Мартой, но не исключено, что он продолжал ее с Минной, а также с некоторыми из учениц, а возможно, даже и пациенток (как мы увидим, многие его ученицы были

одновременно и его пациентками).

Впрочем, на основании намеков, разбросанных по ряду писем, более серьезные биографы сходятся во мнении, что эта фраза попросту означает, что Фрейд наконец начал пользоваться какими-то методами контрацепции (скорее всего, презервативами). Во всяком случае, судя по оброненному в одном из писем признанию, его сексуальная жизнь с Мартой продолжалась как минимум до 1915 года, а может, и позже.

Когда в мае семья отметила его 44-летие, Фрейд с горечью констатировал: «Да, теперь мне действительно 44, и я старый, немного жалкий на вид еврей!»

Современные психологи наверняка определили бы состояние Фрейда как типичный кризис среднего возраста, но тогда этого понятия еще не знали. Накануне лета 1900 года Фрейд сделал в Венском университете заявку на чтение четырехмесячного курса «Психология сновидений», на который записались четыре человека — не так уж плохо, если считать, что в марте 1899 года на аналогичный курс записался только один человек.

На лето Фрейд снова вывез семью в «Бельвю», и первые его недели прошли во встречах с родственниками: из Англии приехали брат Эммануил с сыном Сэмом, из Америки — сестра Анна с тремя дочерьми. Фрейд в письме Флиссу отметил, что его племянницы настоящие красавицы и развиты не по летам, как и положено американкам. За этими фразами легко угадывается, что в какой-то момент он испытал к девочкам отнюдь не платонические родственные чувства, но, разумеется, подавил их в себе.

Но если с этими страницами жизни Зигмунда Фрейда всё более или менее ясно, то дальше начинается череда загадок.

Летом 1900 года наметился разрыв дружбы с Флиссом и произошла первая в их жизни ссора. Место и время ссоры приблизительно известны: с 31 июля до 4 августа Фрейд и Флисс провели на берегу альпийского озера Ахензее, окруженного крутыми скалистыми склонами. Фрейд, как известно, был любителем пеших прогулок по таким труднодоступным местам, в то время как Флисс отнюдь не разделял эту склонность друга. Могло ли это стать поводом для ссоры? В принципе да. И всё же более обоснованной выглядит версия, что причиной ссоры стало то, что Флисс позволил себе усомниться в правильности каких-то мыслей Фрейда и стал настаивать на том, что без учета его теории биоритмов психоанализ бессмыслен. Это вызвало у Фрейда вспышку ярости такой силы, что он набросился на друга с кулаками.

Спустя годы Флисс не раз утверждал, что тогда Фрейд

пытался убить его, сбросив со скалы и инсценировав это убийство как несчастный случай. Фрейд, до которого доходили эти высказывания, объяснял их тем, что у Флисса в итоге развилась паранойя, и целый ряд исследователей полагают, что так оно и было. Но нельзя исключать и другое: что та вспышка насилия, которую вдруг позволил себе Фрейд по отношению к другу у Ахензее, как раз и была очередным проявлением параноидальных черт его собственной личности. Как бы то ни было, у Ахензее явно произошла какая-то неприятная история, ознаменовавшая начало конца отношений с Флиссом.

Дальше события того лета разворачивались следующим образом. Распрощавшись с Флиссом, Фрейд вместе с Мартой и Минной отправился в Италию, где снова с увлечением совершал горные походы. Спустя неделю Марта вернулась в Вену к детям, а Фрейд продолжил бродить по горам с Минной. Затем он на короткое время уехал со встреченными случайно друзьями в Венецию, но 26 августа снова встретился с Минной. 8 сентября Фрейд отвез Минну на горный курорт Мерано, где она почему-то должна побыть «в связи со слабостью легких», а сам 10 сентября вернулся в Вену.

Всё тот же Питер Суэйлз убежден, что проблема Минны заключалась отнюдь не в слабости легких, а в необходимости сделать аборт[138]. По мнению Суэйлза, глава «Забывание иностранных слов» из книги «Психопатология обыденной жизни» рассказывает как раз о переживаниях самого Фрейда. Герой этой главы приводит в ходе разговора цитату из Вергилия, но неожиданно забывает слово «aliquis». Затем в ходе анализа это слово расчленяется на «a» и «liquis» и возникает ассоциативный ряд «реликвии» — «ликвидации» — «жидкость», в результате чего выясняется, что герой думал «об одной даме», от которой мог «получить известие очень неприятное для обоих» — «о том, что у нее не наступило месячное нездоровье». А беременность Минны, вне сомнения, была неприятностью для обоих, так как рождение ребенка от свояченицы означало бы грандиозный скандал и крушение не только семьи Фрейда, но и всей его жизни. Но, повторим, другие биографы всё еще продолжают настаивать, что отношения Минны и Зигмунда носили исключительно характер платонической дружбы.

Как бы то ни было, вернувшись в Вену, Фрейд засел за работу над книгой в явной надежде создать психологический бестселлер, который заинтересует самую широкую публику. И в это самое время в его кабинете появляется Дора, она же Ида Бауэр — родная сестра одного из лидеров европейских социалистов Отто Бауэра.

* * *

Сегодня, когда все маски давно сорваны, мы знаем всех героев «случая Доры» под их подлинными именами. Отец Доры-Иды — Филипп Бауэр — был преуспевающим бизнесменом. Господин К. и его жена — это друзья семьи Бауэр Ганс и Пепина Зелленка. Бауэр, лечившийся у Фрейда в середине 1890-х годов от рецидива сифилиса (как у конвенционального невропатолога, а не психоаналитика), впервые привел дочь к понравившемуся ему врачу летом 1898 года.

«Впервые я увидел ее шестнадцатилетней, в начале лета, обремененной кашлем и хрипотой. Уже тогда я предложил психическое лечение, от которого потом отказались, так как и этот несколько дольше затянувшийся припадок прошел спонтанно», — писал Фрейд во «Фрагменте одного анализа истерии (История болезни Доры)» (1905). Далее Фрейд сообщает, что первые проблемы Доры начались еще тогда, когда ей было восемь лет (у нее случались приступы удушья «на нервной почве»), и со временем они только усиливались. Второй раз отец привел Иду к Фрейду в 1900 году, после того как родители обнаружили на ее письменном столе записку, из которой следовало, что девушка намерена покончить с собой. Понятно, что Ида хотела, чтобы родители увидели эту записку, обратили внимание на ее тяжелое душевное состояние и сделали выводы. Они и сделали — привели дочь к Фрейду, чтобы тот вернул ей душевное равновесие.

«Главным признаком ее болезни было дурное настроение и изменения в характере. Очевидно, она была недовольна близкими. Своего отца она встречала недружелюбно и вообще больше не переносила присутствия матери… Она пыталась избегать общения. Насколько усталость и рассеянность, на которые она жаловалась, могли позволить, она занималась слушанием докладов для дам и серьезной учебой».

Надо заметить, что, вопреки критикам, Фрейд отмечает, что у Иды с учетом истории ее семьи была явная наследственная предрасположенность к психическим заболеваниям, но подчеркивает, что не считает ее определяющей. Такая предрасположенность, по его мнению, может проявиться в жизни человека, а может и нет. И далее Фрейд начинает психоанализ Доры, в ходе которого выясняется, что девушка прекрасно знает, что у ее отца давний роман с госпожой Зелленкой, ухаживавшей за ним, когда он страдал от сифилиса; что она сама как-то спала с Пепиной Зелленкой в одной спальне и ее белое тело вызвало у нее восхищение. Попутно выясняется, что, когда Доре было 13

лет, Ганс Зелленка (который в очерке представлен как импотент) прижал и поцеловал девочку. В этот момент она почувствовала его эрегированный член (и это у импотента?!), что вызвало у нее отвращение. Спустя два года Зелленка повторил попытку соблазнить Дору, пожаловавшись, что ничего не может получить от жены. Девушка дала ему пощечину, а потом рассказала обо всем матери, а та пожаловалась на Ганса Зелленку мужу. В разговоре с Филиппом Бауэром Зелленка, естественно, всё отрицал.

На основе полученной в ходе психоанализа Доры-Иды картины Фрейд и выстраивает свою версию причин ее «невроза». Начинается всё с того, что Дора с детства испытывала тягу что-то сосать, то есть была ребенком с явной тягой к оральной эротике. Затем у нее возникло сексуальное влечение к отцу, далее — сексуальное влечение к Гансу Зелленке, которое она заставила в себе подавить, а также гомосексуальное влечение к его супруге, то есть любовнице отца. Зуд в горле и кашель — это проявление бессознательных фантазий об оральном сексе, которым ее отец занимался с любовницей и т. д. Болезнь Доры, приходит к выводу Фрейд, явилась следствием ее тайного желания, чтобы Зелленка развелся с женой и женился на ней.

Разумеется, большинство психологов и психиатров отнеслись бы к болезни Иды Бауэр по-другому. Психиатры, подобно профессору Виленскому, усмотрели бы в этой картине признаки параноидальной шизофрении. Психологи — подавленное состояние, вызванное нездоровой атмосферой в семье и небезосновательным ощущением девушки, что отец готов «подложить» ее под Ганса Зелленку, чтобы тот не устраивал скандала по поводу измены жены. Таким образом, в данном случае следовало бы начать сеансы психологической поддержки девушки, а заодно поработать с ее родителями. В любом случае ни один современный клинический психолог или психиатр со сделанными Фрейдом выводами не согласится.

Не согласилась с ними и Ида Бауэр, которая 31 декабря 1900 года заявила, что решила прекратить сеансы психоанализа. Фрейд, который считал, что «вот-вот» вылечит юную пациентку, был разочарован и пришел к выводу, что Дора приняла такое решение, перенеся на врача свое отношение к отцу и Зелленку — и это помешало продолжению курса.

Учитывая, что семья Бауэр была хорошо известна в Вене, Фрейд решился опубликовать «Историю болезни Доры» лишь в 1905 году, постаравшись как можно более тщательно завуалировать детали, по которым можно было узнать реальные прототипы. Разумеется, это не помогло — «сливки» венского

общества мгновенно догадались, кто есть кто. Но к тому времени Ида Бауэр уже была два года замужем. Ее брак оказался несчастливым. На протяжении всей супружеской жизни она безосновательно обвиняла мужа в изменах. Она возненавидела всех мужчин. В 1922 году она обратилась за помощью к психоаналитику Феликсу Дейчу с жалобами на невыносимый шум в правом ухе. При этом она сама объясняла этот шум тем, что ее единственный сын увлекся женщинами и она напряженно ждала его возвращения, вслушиваясь в «звуки ночи».

Но все эти подробности, согласитесь, не имеют никакого значения для истории. Для последней значение имеет только то, что во «Фрагменте одного анализа истерии (Истории болезни Доры)» Фрейд впервые подробно описал процесс психоанализа, детально рассмотрел «перенос» пациентом своих эмоций на лечащего его психоаналитика и, само собой, страстно обосновывал идею сексуальной идеологии неврозов.

Фрейд этого и не скрывал. «Мне надо было также показать, — говорит он в финальной части очерка, — что сексуальность вмешивается не только в качестве лишь один раз появившейся dues ex machina в каком-нибудь характерном месте в ходе характерных для истерии процессов, но и является движущей силой любых единичных симптомов и каждого отдельного проявления какого-либо симптома. Проявления болезни, говоря прямо, являются сексуальной деятельностью больных».

В медицинских кругах «История болезни Доры» вызвала сарказм и насмешки, но большинство претензий к Фрейду сводилось не к тому, что данную работу можно было скорее отнести к беллетристике, чем к науке, а к его излишнему вниманию к сексуальности. Спустя почти 90 лет после публикации «Истории болезни Доры» одна из внучек Фрейда, доктор Софи Фрейд, выражая мнение современных американских феминисток, напишет, что случай Доры — «это история талантливой, умной еврейской женщины среднего класса, которая провела подростковый возраст в дисфункциональной семье в женоненавистнической и антисемитской Вене под эмоциональным гнетом враждебного окружения».

Но как бы то ни было, под именем Доры Ида Бауэр заняла свое место в галерее фрейдовских героев, и оттуда ее уже не вычеркнешь. Как не вычеркнешь и того, что в этом очерке Фрейд, по его собственному выражению, «назвал кошку кошкой» и провозгласил принцип относительности понятия о «нормативном сексуальном поведении» как с точки зрения медицины, так и с точки зрения общественных представлений. Он настаивает в нем на «отсутствии определенных границ, в которые можно было бы

заключить так называемую нормальную половую жизнь, характерную для разных рас и эпох», и, апеллируя к личному опыту и опыту своих пациентов, утверждает: «Каждый из нас в своей собственной половой жизни то здесь, то там переходит узкие границы того, что считается нормальным». Идея о том, что попытка подавить в себе желание выйти за эти границы может стать причиной невроза, что каждый, по меньшей мере на своем супружеском ложе, имеет право реализовывать свои самые смелые сексуальные фантазии, станет в итоге неотъемлемой частью не только психоанализа, но и современной сексологии.

Пол Феррис, обращая внимание на несуразности и нестыковки этого очерка Фрейда, выдвигает теорию, что на самом деле Фрейд испытывал сексуальное влечение к Доре, а ее рассказы об интимных подробностях своей жизни его возбуждали. Не исключено, что это и в самом деле так: позже Фрейд признается, что процесс «переноса» может быть взаимным, и на определенном этапе лечения психоаналитик начинает испытывать сексуальное влечение к пациентке, которому порой очень нелегко противостоять.

Но всё это будет позже. Тогда же Фрейд был одержим работой над одной из самых своих необычных и знаменитых книг.

* * *

Если попробовать сформулировать суть книги «Психопатология обыденной жизни» в одной фразе, то она может быть сведена к известной еврейской мудрости: «Если у хасида на улице ветер сорвал шляпу, он должен остановиться и задуматься, почему это произошло именно с ним».

Но если еврейский мистицизм толкует эти слова в том смысле, что ничто в мире не случайно, а является волей Бога, и задача человека — понять, что именно хочет от него Всевышний, посылая ему любые, самые незначительные на первый взгляд знаки, то для атеиста Фрейда любое событие в жизни человека — это еще один ключ к познанию самого себя. На протяжении всей книги Фрейд пытается доказать, что на самом деле в поведении человека нет ничего случайного. Выпадение из памяти каких-то имен и понятий, обмолвки, описки, оговорки, якобы ошибочные действия — всё это игры бессознательного, прорывающегося время от времени в сознание человека, чтобы сказать ему о нем самом ту правду, которую он пытается от себя скрыть. Либо наоборот — это попытка скрыть от самого себя, оттеснить в бессознательное эту самую неприятную правду.

По большому счету эта работа и принесла Фрейду всемирную славу и сделала его самого частью «обыденной жизни» человечества. Сегодня мы говорим «оговорка по Фрейду», «описка по Фрейду» и т. д. почти автоматически, апеллируя при этом именно к идеям книги «Психопатология обыденной жизни».

Фрейд открывает книгу с уже упоминавшейся статьи «Забывание собственных имен», в которой он подробно анализирует, почему он в разговоре со знакомым забыл имя художника Синьорелли, и приходит к выводу, что имя художника выпало у него из памяти не случайно, а в связи с целым рядом, казалось бы, совершенно не связанных между собой событий его жизни. В финале этой главы Фрейд пытается сформулировать общий закон, побуждающий человека время от времени забывать имена, которые ему вроде бы хорошо известны: «1) известное расположение, благоприятное для забывания, 2) незадолго перед тем происшедшее подавление, 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом».

При этом он далеко не так категоричен в своих выводах, как это порой представляют его критики. «Я не решусь утверждать, — пишет Фрейд, — что к этому разряду могут быть отнесены все случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение».

Во второй главе — «Забывание иностранных слов» — Фрейд развивает эту идею, показывая, как из опасения беременности его любовницы и напряженного ожидания начала у нее месячных попутчик Фрейда не забыл слово «aliquis», так как в его бессознательном оно выстраивалось в звуковую ассоциативную цепочку «реликвия» — «ликвидация» — «жидкость».

При всей схожести этой истории со случаем забывания имени Синьорелли, Фрейд четко обозначает и ее различия. «Мы познакомились с еще одним механизмом забывания, — констатирует он. — Это: нарушение хода мысли силою внутреннего протеста, исходящего из чего-то вытесненного»[139].

Глава «Забывание имен и словосочетаний» начинается с блестящего анализа, почему люди время от времени вдруг забывают точные слова или подменяют их другими при цитировании стихов, которые они вроде бы знают наизусть. На примере того, как один господин не смог правильно процитировать «Коринфскую невесту» Гёте, а другой — «На севере диком…» Гейне, Фрейд блестяще показал, как

бессознательное проецирует любое литературное произведение на обстоятельства личной жизни человека.

В этот момент он необычайно близко подошел к разгадке эмоционального воздействия литературы на человека, но не стал задерживать на этом внимание, а перешел к анализу случаев из собственной жизни. Всё это — чтобы подвести читателя к общему выводу о том, что:

«Механизм забывания имен (точнее: ускользания, временного забвения) состоит в расстройстве предположенного воспроизведения имени посторонним и в данный момент несознаваемым рядом мыслей.

Между именем, терпящим таким образом помеху, и комплексом, создающим эту помеху, существует либо с самого же начала известная связь, либо эта связь устанавливается часто путем искусственных на вид комбинаций при помощи поверхностных (внешних) ассоциаций.

Среди расстраивающих комплексов наибольшую силу имеют комплексы „самоотношения“ (личные, семейные, профессиональные).

Имя, которое, имея несколько значений, принадлежит в силу этого к нескольким кругам мыслей (комплексам), нередко, будучи в связи одного рода мыслей, подвергается расстройству в силу принадлежности к другому, более сильному комплексу.

Среди мотивов подобного расстройства явно видно намерение избежать то неприятное, что вызывается данным воспоминанием»[140].

Главы, посвященные обмолвкам, опечаткам и опискам, Фрейд наполняет собранными им курьезными случаями из газет, из его собственной врачебной практики и общения с пациентами и практики своих знакомых, чтобы убедить читателя, как многое можно узнать о личной жизни человека и о его тайных желаниях по сделанным им в разговоре обмолвках. При этом он признаёт, что, в сущности, в этих его идеях нет ничего нового — значимость обмолвок хорошо понималась многими писателями и часто использовалась ими в качестве приема выявления истинных мотивов поступков героев. В качестве доказательства Фрейд приводит знаменитую обмолвку Октавио в шиллеровском «Валленштейне», когда тот произносит «к ней» вместо «к нему».

Последующие главы — «Забывание впечатлений и намерений», «Действия, совершаемые по ошибке» и т. д. — также в основном строятся на историях из жизни автора и их анализе. При этом Фрейд приходит к выводу, что «…положение о том, что случайные действия являются в сущности преднамеренными, вызовет меньше всего сомнений в области сексуальных

проявлений, где граница между этими категориями стремительно стирается». И тут же приводит пример, доказывающий этот тезис: «В одном близко знакомом мне доме я встретился с приехавшей туда в гости молодой девушкой; когда-то я был к ней не совсем равнодушен, и хотя я считал это делом давно минувшим, всё же ее присутствие сделало меня веселым, разговорчивым и любезным… В это время в комнату вошел ее дядя, очень старый человек, и мы оба вскочили, чтобы принести ему стоявший в углу стул. Она была быстрее меня, — и вероятно ближе к объекту, — схватила кресло первая и понесла, держа его перед собой спинкой назад. Так как я подошел позже и всё же не оставил намерения отнести кресло, то оказался вдруг вплотную позади нее и охватил ее сзади наперед руками так, что на момент они сошлись впереди, у ее бедер. Конечно, я прекратил это положение столь же быстро, как оно создалось. По-видимому, никто и не заметил, как ловко я использовал это неловкое движение…»

Можно, конечно, спорить, идет ли в данном случае речь об ошибочном действии или о злоупотреблении молодым Фрейдом ситуацией, но бесспорно, что все эти истории довольно занимательны и легко прочитываются.

В сущности, успех «Психопатологии обыденной жизни» (пришедший, как и к другим сочинениям Фрейда не сразу) был в значительной степени обусловлен, с одной стороны, тем, что Фрейд говорил в ней о хорошо знакомых почти всем явлениям и предлагал читателю под новым углом взглянуть на собственную жизнь, а с другой — занимательностью изложения. По сути, книга построена по тому же рецепту, что и рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, или, если угодно, такие популярные телесериалы 2000-х годов, как «Доктор Хаус» или «Обмани меня»: читателю предлагается некий реальный случай, таящий в себе психологическую загадку, а затем появляется проницательный доктор Фрейд, который эту загадку разгадывает. Кстати, когда в 1913 году в Англии вышли первые переводы книг Фрейда, пресса стала называть его «Шерлоком Холмсом мозга». Эрнест Джонс считал это сравнение пошлым и оскорбительным, но самого Фрейда оно, похоже, не возмущало, а, напротив, даже где-то льстило ему.

Завершается «Психопатология обыденной жизни» выводом о том, что неврозы и истерия являются своего рода аномальным продолжением обычной психической деятельности человека, вечном конфликте между сознательным и бессознательным, а потому «граница между нормальным и ненормальным в области нервозности не прочна и… все мы немного нервозны».

Всё дело даже не в интенсивности симптомов, а в том, какие

сферы затрагивает конфликт между сознательным и бессознательным. То есть пока он не касается важнейших психических функций и проявляется в относительно безобидных ошибках, оговорках и действиях, человека следует считать здоровым, а вот когда он проявляется в нарушении питания, сексуальной жизни, повседневном общении — речь следует вести о тяжелых случаях невроза.

* * *

Работу над «Психопатологией обыденной жизни» Фрейд закончил в феврале 1901 года, и в июле и августе того же года это произведение было опубликовано в двух номерах «Ежемесячника по психиатрии и неврологии». Но еще до выхода первых оттисков журнала Фрейд отправляет письмо Флиссу, из которого явственно следует, что их дружеские отношения подходят к концу.

«Ты выступаешь против меня и говоришь, что „тот, кто читает мысли, на самом деле проецирует собственные мысли на других людей“. Это значит, что вся моя работа бесполезна. Если ты так думаешь обо мне, то просто выбрось мою „Психопатологию“, не читая, в мусорную корзину. Она полна ссылок на тебя — явных, говорящих о том, что какой-то материал принадлежит тебе, и скрытых, связанных с твоим влиянием на мои мотивы», — говорится в письме.

Отсюда становится ясно, что причиной того, что Фрейд называл «отдалением друг от друга», была не только и не столько жена Флисса Ида, считавшая, что связь Фрейда и Флисса приобретает «странный характер» и начинает мешать ее браку, сколько всё углубляющиеся разногласия. Флисс — и это явно следует из текста письма — считал (и этого мнения потом будут придерживаться многие убежденные противники фрейдизма), что Фрейд ошибается, приписывая свои личные мысли и переживания всем людям и делая из них масштабные обобщения. Но Фрейду отнюдь не нужен был еще один критик его теорий (их хватало в его окружении и без Флисса). Нет, ему был нужен если не восторженный обожатель, то по меньшей мере внимательный и благосклонный слушатель, и как только Флисс стал выпадать из этой роли, их дружбе пришел конец.

Летом 1901 года Фрейд вывез семью на отдых к горному озеру Тумзее, и здесь Фрейды неожиданно столкнулись с группой антисемитов — как из числа местных деревенских жителей, так и из числа дачников. Стоит вспомнить, что это был тот самый год,

когда в газетах появились печально известные «Протоколы сионских мудрецов» и в Австрии поднялась волна антисемитизма. Подстегиваемые газетными публикациями и ширящимися по стране антисемитскими инсинуациями, соседи Фрейдов то и дело выкрикивали в их адрес оскорбления, высмеивали еврейскую кухню, передразнивали, утрируя, еврейский акцент, которого у Фрейдов на самом деле не было и в помине, и т. д.

Рано или поздно всё это должно было закончиться прямым столкновением, и оно произошло. Когда Фрейд с сыновьями Мартином и Оливером возвращались с рыбалки, им преградила дорогу целая компания мужчин и женщин, вооруженных палками и зонтами, и явно намеренная поиздеваться над этим приехавшим из Вены интеллигентным евреем и его детьми. Вероятно, в этот самый момент Фрейд вновь вспомнил рассказанную давным-давно отцом историю о том, как во Фрейберге антисемит сбил с него шапку, а он безропотно сошел с мостовой и поднял ее из грязи. Вспомнил он и о том, какое горькое впечатление произвел на него этот рассказ о пережитом отцом унижении, как много отец потерял после этого признания в его глазах…

Сейчас он сам оказался в такой же ситуации, и пережить то же унижение, что когда-то отец, да еще и вдобавок дать пережить его детям Фрейд позволить себе не мог. И потому он решительным шагом, размахивая тростью, пошел прямо на заступившую дорогу толпу и… хулиганы вдруг перестали гоготать и расступились в стороны. Так он замкнул некий круг и избавился от комплекса, рожденного давней отцовской исповедью. В этот момент Фрейд как бы перерос своего отца, избавился от него, став отцом «ребенку в самом себе», и с этого момента взятие Рима, исполнение родовой клятвы стало возможным.

Вот почему в то лето Фрейд снова бредил поездкой в Рим и снова убеждал себя преодолеть страх перед Вечным городом. Наконец в сентябре 1902 года он решил, что пришло время бросить жребий.

Глава седьмая
РИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!

Ряд биографов связывают первое посещение Фрейдом Рима с неприятным антисемитским инцидентом на берегу Тумзее. Думается, такая связь и в самом деле имела место. Для того чтобы понять это, достаточно вспомнить, как часто этот великий город снился Фрейду и сколько комплексов и фобий было у него с ним связано.

«…В другом случае я мог заметить, что желание, возбудившее сновидение, хотя и относилось к настоящему, но всё же было значительно подкреплено воспоминаниями детства. Речь идет о целом ряде сновидений, вызванном желанием попасть в Рим. По всей вероятности, это желание еще долгое время будет удовлетворяться одними сновидениями, так как в то время года, когда я имею возможность выезжать, пребывание в Риме для меня вредно по состоянию здоровья. Однажды мне приснилось, что я из окна вагона вижу Тибр и Мост ангелов. Поезд трогается, и мне приходит в голову, что я ведь в городе не был. Вид, открывшийся передо мною в сновидении, напоминал известную гравюру, виденную накануне в гостиной моей пациентки…» — писал Фрейд в «Толковании сновидений»[141].

И далее: «Четвертое сновидение, виденное мною вскоре после третьего, снова перенесло меня в Рим… Во время моего последнего итальянского путешествия, когда я между прочим проезжал мимо Тразименского озера, я увидел Тибр и, к глубокому моему сожалению, должен был повернуть обратно, не доезжая восьмидесяти километров до Рима; я нашел, наконец, подкрепление, которое черпает мое страстное желание увидеть Вечный город из внешних впечатлений. Я обдумал план поехать в будущем году в Неаполь через Рим, и мне неожиданно пришла на память фраза, которую я прочел, по всей вероятности, у одного из наших классиков: „Большой вопрос, кто усерднее бегал взад и вперед по комнате, решив, наконец, отправиться в Рим, корректор Винкельман или полководец Ганнибал“. Я шел ведь по стопам Ганнибала, мне, как и ему, было не суждено увидеть Рим. Он также отправился в Кампанью в то время, как весь мир ожидал его в Риме. Ганнибал, с которым у меня есть это сходство, был любимым героем моих гимназических лет; как многие в этом возрасте, я отдавал свои симпатии в Пунических войнах не римлянам, а карфагенянам. Когда затем, в старшем возрасте я стал понимать всё значение своего происхождения от семитской

расы и антисемитские течения среди товарищей заставили меня занять определенную позицию, тогда фигура семитского полководца еще больше выросла в моих глазах. Ганнибал и Рим символизировали для юноши противоречия между живучестью еврейства и организацией католической церкви… Таким образом, желание попасть в Рим стало символом многих других горячих желаний, для осуществления которых надо трудиться со всей выдержкой и терпением карфагенян и исполнению которых пока столь благоприятствует судьба, как и осуществлению жизненной задачи Ганнибала»[142].

Итак, Рим был для Фрейда (если правильно понимать эвфемизм о «живучести католической церкви») цитаделью христианства и антисемитизма, противостоящего его еврейскому, семитскому происхождению. Рим, сровнявший с землей Карфаген, а затем Иерусалим, стал символом поражения и унижения семитской расы, и страх перед путешествием в Рим, заставлявший его вновь и вновь избегать посещения Вечного города, был, таким образом, страхом Фрейда перед антисемитами и страхом разделить судьбу Ганнибала, потерпеть фиаско в деле всей жизни. Он сам сознавал это, чувствовал необходимость преодолеть этот страх, и история на берегу Тумзее лишь укрепила в нем это чувство.

В ночь на 30 августа 1901 года Фрейд вместе с братом Александром отправился в Рим, и в полдень 2 сентября братья прибыли в город, чтобы провести там 12 счастливых дней. В письме домой Фрейд признавался, что сам удивлен, почему он так долго боялся Рима. «Это — кульминационная точка в моей жизни», — писал он, вспоминая посещение музеев Ватикана, свои первые встречи с шедеврами Рафаэля и Микеланджело, ошеломляющее впечатление, которое произвел на него вид на окрестности Рима с Альбанских холмов.

Некоторые биографы считают, что поездка в Рим продемонстрировала тяготение Фрейда к христианству и даже мучившие его сомнения, не стоит ли ему креститься и таким образом значительно облегчить себе жизнь. Однако такие предположения не просто лишены оснований, но и противоречат всем известным нам высказываниям Фрейда по этому поводу. В письме Флиссу, отправленном вскоре после возвращения из Рима, Фрейд пишет, насколько был покорен развалинами храма Минервы и античным Римом в целом, настолько отталкивающее впечатление вызвал «второй Рим» — христианский. «Меня преследовала мысль о моей собственной нищете и всей нищете вокруг нас, о которой мне хорошо известно. Я не могу вынести лживость попыток искупления людей, в своей гордыне

обращающих лицо к небу», — писал он Флиссу в том же письме, датированном 19 сентября 1901 года.

Преодолев свой страх перед Римом, Фрейд вернулся домой окрыленным, куда более уверенным в своих силах и в собственном великом предназначении. Он предельно четко расставил систему своих приоритетов.

Во-первых, он должен укрепить свое материальное положение, сделать всё, чтобы его семья чувствовала уверенность в завтрашнем дне, вела обеспеченный образ жизни и могла с легкостью позволять себе подобные путешествия, для чего надо добиться успеха, высокого статуса в обществе. Во-вторых, он должен добиться мирового признания своей теории, стать для человечества новым Моисеем или Христом, открывающим ему новые истины и указывающим новые пути к познанию личности и истории и избавлению от вековых фобий и неврозов.

Для реализации первой из поставленных задач Фрейд решил во что бы то ни стало как можно скорее получить вожделенное профессорское звание, означавшее еще одно символическое покорение Рима. Поняв, что без солидной протекции его кандидатура будет отвергаться министерской комиссией по назначениям еще долго, Фрейд обратился за помощью к двум бывшим пациенткам, обладавшим огромными связями в правящих кругах, — Эллис Гомперц и баронессе Марии фон Форстель. Обе дамы, похоже, вступили в соревнование за то, кто именно из них добьется профессорского звания для доктора, которому они поверяли свои самые интимные тайны, а тот их так внимательно выслушивал.

В итоге решающую роль в этом деле сыграла фон Форстель. В разговоре с министром фон Гартелем она довольно прозрачно намекнула, что доктору Фрейду уже давно пора стать профессором, а министр в ответ поделился мечтой приобрести для своей коллекции одну картину, висящую в доме у ее тети. Баронесса в ответ заметила, что у тети очень дурной характер, и потому вряд ли отдаст эту картину, но вот у нее в доме висит картина того же художника, причем ничуть не хуже, и она с удовольствием подарит ее господину министру, если… тот не забудет ее просьбы о докторе Фрейде. Вскоре баронессе сообщили, что кандидатура Фрейда утверждена, решение комиссии уже отправлено на подпись императору, после чего картина благополучно перекочевала из особняка фон Форстелей в дом фон Гартеля.

Фрейд, безусловно, понимал всю унизительность такого способа получения звания экстраординарного профессора неврологии Венского университета, которое официально было

присвоено ему в марте 1902 года. В письме Флиссу от 11 марта он с горечью признаётся, что для достижения желанного звания, резко повышающего его статус в обществе, а значит, и гонорары, ему пришлось «раболепствовать перед властью», но приходит к выводу, что игра стоила свеч.

«Уже начался поток поздравлений и цветов, — пишет он, — как будто Его Величество вдруг официально признало роль сексуальности, совет министров утвердил роль значимости снов, а две трети голосов парламента были отданы за необходимость психоаналитического лечения истерии. Очевидно, я снова стал уважаемым… Я понял, что Старый Свет управляется связями так же, как Новый — долларом. Я впервые поклонился власть имущим и теперь могу надеяться на награду».

* * *

В сентябре 1902 года Фрейд решает вознаградить себя за усилия по получению профессорского звания и отправляется в новое путешествие по Италии, во время которого он снова посетил Рим, Неаполь и остров Капри.

Одно из главных событий этого года, имеющее огромное значение для истории психоанализа, произошло в следующем месяце. Вот что писал о нем сам Фрейд в «Очерках истории психоанализа»: «С 1902 года вокруг меня собралось несколько молодых врачей с определенным намерением изучать психоанализ, применять его на практике и распространять его. Толчок к этому дал один мой коллега, испытавший на самом себе действие аналитической терапии. У меня собирались в определенные вечера, вели в установленном порядке дискуссии, старались разобраться в казавшейся странной новой области исследования и разбудить интерес к ней. Однажды к нам явился молодой человек, окончивший ремесленное училище, с рукописью, изобличавшей необычайно понимание психоанализа. Маленький ферейн приобрел таким образом надежного и усердного секретаря, я же нашел в лице Ранка верного помощника и сотрудника»[143].

«Одним моим коллегой», предложившим создать этот кружок, был молодой невропатолог и большой любитель женщин Вильгельм Штекель. В 1901 году он обратился к Фрейду с некими своими сексуальными проблемами и фантазиями, и метод психоанализа настолько увлек его, что в начале 1902 года Штекель опубликовал рецензию на «Толкование сновидений», в которой утверждал, что Фрейд «открывает новую эру в

психологии».

Помимо Штекеля, Фрейд пригласил в свой кружок сына богатого зерноторговца, убежденного социалиста Альфреда Адлера, а также еще двух молодых врачей — Рудольфа Райтлера и Макса Кахане. Эта пятерка собиралась вечером по средам. «Вначале это были наставник и четверо восхищенных учеников. Они сидели за столом в приемной, пили черный кофе с кексами и заполняли комнату дымом. Фрейд в особенности „дымил как паровоз“. Те, кто присоединился к нему, не имели репутации, которую можно было потерять. В противном случае они не так охотно стали бы его союзниками»[144], — отмечает Пол Феррис.

До обретения психоанализом мировой популярности было еще довольно далеко. Но лед тронулся. Новый Мессия, каковым в глубине души считал себя Фрейд, обрел первых апостолов.

Автор этой книги, будучи соплеменником Фрейда, должен признаться, что поначалу у него напрашивалась совершенно другая ассоциация: с хасидским цадиком и его «двором». Именно так всё и происходило пару столетий назад в Галиции: вокруг харизматичного раввина, толкующего священные тексты и Галаху под новым, необычным углом зрения, собиралась поначалу небольшая группа восторженно внимавших ему учеников. Постепенно число последователей открытого им в той или иной степени нового направления в иудаизме росло; раввин объявлялся непререкаемым авторитетом и великим цадиком, а следовавшие его учению хасиды образовывали его «двор». Многие из них сами становились выдающимися раввинами, авторами серьезных религиозных сочинений, но все они лишь развивали мысли своего учителя. Любое покушение на авторитет цадика, высказывание сомнений по поводу верности тех или иных его идей воспринималось как святотатство. Если учесть, что и сам Фрейд, и почти всего его первые ученики были родом из Галиции, то в этом можно усмотреть некую иронию истории: как ни пытался Зигмунд Фрейд убежать от самого себя, он так и остался «галицианцем».

Но нет, ассоциация с основоположником христианства возникла не случайно: Фрейд ведь претендовал отнюдь не на открытие некого нового направления в уже существующих науках. Психоанализ, с его точки зрения, не являлся частью ни психиатрии, ни психологии, ни, тем более, неврологии. Фрейд видел себя именно создателем принципиально нового учения, вбиравшего в себя и психиатрию, и психологию, и философию, и социологию. Причем, как мы увидим, очень скоро у этого учения появились все признаки религии. Одним из первых это сходство бросилось в лицо Максу Графу, который позднее писал: «В

комнате, где мы собирались, царила атмосфера зарождения новой религии».

В таком же «религиозном» духе трактует личность и учение Фрейда известный историк Пол Джонсон.

«Нет сомнения в том, — пишет он, — что Фрейд обладал динамизмом основателя религии или еретика… Фрейд воспринял многие элементы иудаизма. Его техника интерпретации снов в ряде отношений аналогична технике Зохара[145]. От своего друга Флисса он воспринял то, что называл в письме Юнгу „особой мистической природой моего мистицизма“, и прежде всего очарование важностью и предсказательной природой чисел. Он верил в явления типа двойников-призраков („Doppelganger“), причем настолько, что искренне боялся их, и писал изумленному Артуру Шницлеру: „Думаю, что мне удалось преодолеть твое нежелание встречаться с моим двойником“. Он страдал от ужасного страха смерти. Впрочем, если фрейдизм, подобно марксизму, есть в некотором роде система суеверий, если он обладает тем же „осмотическим“ свойством, что и мессианская каббала Натана из Газы, способная ассимилировать неудобные факты по мере их появления, то это и не удивительно, ибо они происходили из одного и того же источника, а западное наукообразие — не сущность, а лишь внешний налет. При этом еврейский элемент во Фрейде восходит не к хасидам, а к Моисею. Фрейд хотел основать новую систему квазирелигиозного закона, причем со всей силой и настойчивостью, какими обладал. Когда он говорил „мы владеем истиной“, то ни один религиозный лидер не мог бы сказать это столь же уверенно и догматически…»[146]

Таким образом, в 1902 году у Фрейда наконец появились первые ученики, благодарные слушатели и поклонники. А значит, потребность во Флиссе становилась всё меньше и меньше.

Глава восьмая
ПСИХОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

«Психологическое общество среды», как поначалу называли себя первые последователи Фрейда, очень скоро начало разрастаться, хотя, возможно, и не столь быстрыми темпами, как этого хотелось Фрейду. Уже в 1902 году к кружку четырех примкнули музыковед и писатель Макс Граф, будущий издатель сочинений Фрейда Гуго Геллер и врач Альфред Майсль. В 1903 году по средам на Берггассе стали появляться врач Пауль Федерн; в 1905 году — доктор Эдуард Гичман (Хичман); в 1906-м — Отто Ранк и Исидор Задгер; в 1907-м Гвидо Брехер, Макс Штейнер и Фриц Виттельс, в 1908-м — Шандор Ференци, Оскар Рие и Рудольф Урбанчич.

«Собрания кружка, — вспоминал Виттельс, — происходили в приемной Фрейда. Мы сидели вокруг длинного стола; дверь из рабочей комнаты была открыта, оттуда виднелась большая библиотека. Фрейд любит собирать древности. В приемной стояла большая этрусская ваза, на его письменном столе многочисленные маленькие фигурки, главным образом египетского происхождения. В этой квартире всё нам казалось преисполненным значения. Начиная с дивана и позади него кресла с ручками, представлявшимися ареной, на которой Фрейд занимался толкованием сновидений, и кончая доносившимся издали шумом промывной воды, заставлявшим вспоминать о пациенте, который подкупил горничную Фрейда, чтобы тайком использовать именно это укромное местечко.

Фрейд сидел в конце стола и председательствовал. Перед ним лежал листок бумаги. После ужина подавались черный кофе и сигары. Сам Фрейд дымил безостановочно. Обычно вступлением к вечеру был доклад, не всегда непременно в области психоанализа. После этого начинались прения, в которых каждый должен был принимать участие. В небольшой вазе лежали жребии, и Ранк, назначенный вскоре секретарем, вынимал их и указывал, в каком порядке должны были выступать дискутирующие. Теперь у меня впечатление, будто Фрейд всегда говорил последним. Впрочем, может быть, я не слушал тех, которые выступали после него, и таким образом память обманывает меня…

…Вечера не всегда бывали интересны. Фрейд преследовал главным образом цель провести через горнило несколько знающих предмет, хотя и посредственных голов, свои

собственные мысли. Поэтому ему не особенно желательны были независимые личности, честолюбивые сотрудники с сильно развитой критической мыслью. Мир психоанализа был его представлением и его волей. Кто принимал его представления, тому он был рад. Он хотел смотреть в калейдоскоп, который с помощью игры зеркал всюду отражал бы его собственную натуру»[147].

Эти нарциссизм и деспотичность натуры, нетерпимость к тем, кто выражал сомнение в его правоте, ощущение себя пророком, а то и кем-то большим отмечают почти все биографы Фрейда.

«Психологическое общество среды» нужно было Фрейду, во-первых, для пропаганды своих идей, а потому он привечал в нем активно печатавшихся во многих газетах Австрии и Германии Штекеля и Графа (по словам Виттельса, «ротационные машины всех немецких газет стонали под тяжестью его (Штекеля) хвалебных гимнов» в честь Фрейда), а во-вторых, для того, чтобы в ходе таких бесед с поклонниками оттачивать идеи новых книг. В 1902 году он уже, судя по всему, начал работать над «Тремя очерками по теории сексуальности» — одной из своих программных работ.

Не исключено, что этот труд появился бы в печати раньше, если бы не начавшееся в 1904 году столкновение с Флиссом, последовавшее после выхода в свет знаменитой книги философа и психолога Отто Вейнингера (1880–1903) «Пол и характер». Вейнингер, страдавший теми же комплексами, что и Фрейд (и прежде всего — самоненавистью к своему еврейскому происхождению и всему, что связано с евреями), но доведенными до паранойи, безусловно, оказал на Фрейда определенное — и немалое — влияние. В то же время, судя по всему, оно было взаимным.

Летом 1904 года Флисс наконец прочитал нашумевший труд Вейнингера. 20 июля он отправляет Фрейду письмо, в котором говорит, что пришел в ужас, увидев, что Вейнингер «украл» у него идею бисексуальности, которая, по сути дела, является стержневой в «Поле и характере». При этом, зная, что Вейнингер был близким другом венского психолога Германа Свободы, а Свобода, в свою очередь, приятелем Фрейда, Флисс пришел к выводу, что Вейнингер узнал о его идеях от Фрейда и потребовал от друга «откровенного ответа».

Надо заметить, что эти претензии Флисса были совершенно беспочвенны. Идея бисексуальности человека к тому времени уже активно разрабатывалась различными исследователями, и Флисс никак не мог считаться их первооткрывателем (так же как и Фрейд отнюдь не является первооткрывателем многих идей о

сексуальности, как это ему приписывается). Но Флисс был убежден в своем авторском праве на эту идею и потому бросил в лицо Фрейду необычайно резкие обвинения.

Фрейд, в свою очередь, признал, что сам в последнее время активно использует идею бисексуальности в своих работах, но заявил, что если и делился со Свободой этой идеей, то в таком виде, что Вейнингер никак не мог построить книгу на основе бесед со Свободой. При этом он поспешил добавить, что не читал книгу Вейнингера до публикации, а потому и никак не мог обратить внимание молодого философа на «кражу» идей Флисса.

Но так как Флисс и не спрашивал его о том, когда именно — до или после выхода в свет — Фрейд прочел «Пол и характер», то этой фразой Фрейд выдал себя с головой, на что Флисс и поспешил обратить его внимание в следующем письме.

В своем ответе, датированном 27 июля, Фрейд признаётся, что действительно читал книгу Вейнингера до публикации, и ищет психоаналитическое объяснение тому, почему он сразу не мог об этом вспомнить. «Должно быть, в то время я уже пожалел, что через Свободу, как я уже понял, твоя идея перешла от меня к нему. Учитывая мои собственные попытки украсть у тебя оригинальные мысли, я теперь лучше понимаю свое поведение по отношению к Вейнингеру и последовавшее за всем этим забывание», — объясняет он.

Но сразу после этого, вместо того чтобы принести извинения, Фрейд бросается в атаку. Он называет всё происшедшее «мелким инцидентом» и обвиняет Флисса в том, что тот порушил подобными «придирками» их дружбу. «За последние несколько лет, — писал Фрейд, — как раз после того, как вышла „Психопатология обыденной жизни“, — ты больше не интересуешься ни мной, ни моей семьей, ни моей работой. Теперь я смирился с этим, и больше мне это не нужно. Я не упрекаю тебя и прошу на эти слова не отвечать».

В сущности, это был разрыв, конец многолетней дружбы. В последующие годы Флисс и его друзья еще не раз пытались обвинить Фрейда и Свободу в «краже идей», в том числе и в прессе, а Фрейд в ответ заявлял, что Флисс стал параноиком. Впрочем, как говорилось, параноиками для Фрейда становились многие из тех, кто со временем из близкого друга превращался в заклятого врага.

В дни обмена первыми острыми письмами с Флиссом Фрейд находился с семьей в отпуске в горной деревушке Кенигзее (сам Флисс в это время был в Вене). Но уже в конце августа — видимо, чтобы успокоиться после этой неприятной истории, — он отправляется с братом сначала в Италию, а оттуда — в давно уже

«вымечтанную» поездку в Грецию — в Афины и Коринф, «на встречу с античной эпохой». Поездка эта оставила необычайно яркий след в душе Фрейда, и он с упоением не раз вспоминал о ней многие годы спустя. Кроме того, она, вне сомнения, оживила в его памяти былое гимназическое увлечение древнегреческой философией и литературой и подарила ему ряд новых идей.

Много лет спустя, в письме Ромену Роллану, Фрейд вспоминал, что в Афины они с братом попали в общем-то случайно, по совету одного жителя Триеста, и в этом городе Фрейд испытал странное чувство. «Когда вечером по прибытии я стоял на Акрополе и мой взгляд впитывал ландшафт, мне вдруг пришла удивительная мысль: „Значит, всё это в действительности так, как учили в школе!“…»[148]

Далее Фрейд предлагает и тут же отвергает объяснение, согласно которому, будучи гимназистом, он на уровне бессознательного не верил в существование Афин и в реальность всей истории Древней Греции. Нет, он связывает это с тем дурным настроением, в котором находился в Афинах, а также с давними сомнениями, что ему когда-либо вообще доведется увидеть своими глазами, и приходит к выводу, что всё совсем наоборот: это не он убеждает свое бессознательное в реальности Акрополя, а бессознательное пытается ему навязать чувство нереальности происходящего, которое Фрейд назвал «чувством отчуждения». И когда он попытался избавиться от этого чувства, ему пришлось прибегнуть к ложному высказыванию о прошлом — убеждать самого себя, будто раньше он во всё это не верил.

Но главное наслаждение от посещения Афин Фрейд увидел в исполнении своего давнего юношеского желания, в которое он не верил из-за пусть и не нищенского, но всё же и далеко не богатого образа жизни своих родителей. Он смотрел на Афины с Акрополя — и это означало, что он все-таки многого добился в жизни, пошел в ней дальше родителей.

«Неправда, что в гимназические годы я сомневался в реальном существовании Афин, — пишет Фрейд в финале письма Роллану. — Я сомневался только в том, что смогу увидеть Афины. Путешествовать так далеко, „так преуспеть“ — казалось, выходило за пределы моих возможностей. Это находилось в прямой связи с ограниченностью и скудостью моих жизненных условий в пору юности… Мне стало ясно, что значительная часть удовольствия от путешествия заключается в осуществлении этого раннего желания, а значит, коренится в недовольстве домом и семьей. Когда впервые видишь море, пересекаешь океан, познаёшь на собственном опыте реальность города и страны, которые так долго были далекими, недостижимыми предметами

желания, то чувствуешь себя героем, совершившим невероятно великие подвиги…»[149]

Но Фрейд не был бы Фрейдом, если бы не задал вопроса о том, почему же он пытался испортить себе удовольствие от поездки в Афины, и приходит к выводу, что истоки его следует искать в амбивалентном отношении к отцу: с одной стороны, дети бессознательно презирают отца потому, что он не смог достичь того, чего достигли они; с другой стороны — испытывают чувство вины за то, что превзошли отца, потому что внутри каждого сидит некий внутренний запрет на превосходство перед родителем.

В этот же период — 1900–1905 годы — Фрейд вступает в активную переписку с жившим в Мюнхене психиатром Леопольдом Левенфельдом (1847–1923). Как и Фрейд, Левенфельд интересовался проблематикой сновидений, а потому выход «Толкования сновидений» стал отличным поводом для знакомства. В 1903 году Левенфельд работал над книгой «Психические проявления насилия», и Фрейд пишет для нее анонимную статью «Психоаналитический метод Фрейда», где подробно излагает свою концепцию сексуальной этиологии неврозов. В 1906 году в качестве приложения к четвертому изданию книги Левенфельда «Сексуальная жизнь и нервные расстройства» выходит статья Фрейда «Мои представления о роли сексуальности в этиологии неврозов».

Сотрудничество с Левенфельдом, вне сомнения, стало важным шагом вперед в пропаганде идей Фрейда в Европе, и прежде всего в Германии, однако это было лишь частью огромной работы, проделываемой в те годы Фрейдом. В 1904 году вышло первое отдельное издание его книги «Психопатология обыденной жизни», а в 1905-м тиражом в тысячу экземпляров были опубликованы «Три очерка по теории сексуальности» — книга, которая, несомненно, сохраняет свою значимость до сих пор, находя восторженных читателей в каждом новом поколении.

* * *

Ненавистники Фрейда среди других приписываемых ему «преступлений» перед человечеством нередко утверждают, что именно отец психоанализа якобы способствовал легитимации сексуальных перверсий, восприятию их обществом как вполне нормативного поведения — и, таким образом, «способствовал его нравственному и физическому вырождению».

До сих пор в ряде популярных изданий на русском языке

утверждается, что именно Фрейд в «Трех очерках по теории сексуальности» якобы провозгласил мысль о врожденном характере гомосексуализма, с чего и началась, дескать, борьба за признание этой сексуальной перверсии чем-то вполне нормативным. Все подобные опусы доказывают лишь то, что, во-первых, их авторы не знакомы с историей этой проблемы, а во-вторых, еще раз подтверждают истину, что яростнее всего Пастернака осуждают те, кто его не читал или читал крайне невнимательно.

Первый из очерков и в самом деле действительно посвящен сексуальным перверсиям и в первую очередь гомосексуализму, но уже в самом начале Фрейд решительно отклоняет утверждения тех врачей своего времени, кто считал, что она носит исключительно врожденный характер. Вместо этого он предлагает различать три основные группы «инвертированных»: «абсолютно инвертированные», то есть те, у кого инверсия носит врожденный характер («их сексуальный объект может быть только одного с ними пола, между тем как противоположный пол никогда не может у них быть предметом полового желания… или даже вызывает у них половое отвращение»); «амфигенно инвертированы», то есть те, кого сегодня принято называть бисексуалами, и «случайно инвертированные» — люди, ставшие таковыми в силу особенностей своего развития или условий жизни.

Показывая, что у современной ему науки (так, впрочем, обстоит и сегодня) недостаточно фактов для обоснования как теории о врожденном характере гомосексуализма, так и о его приобретенной природе, Фрейд обращается к уже упоминавшейся в книге и столь лелеемой Флиссом теории бисексуальности. Он напоминает читателю о том, что, в сущности, активный гомосексуалист отнюдь не видит свой сексуальный объект существом абсолютно одного с собой пола, а ищет в нем «женские психические черты».

«Если бы было иначе, — поясняет Фрейд, — то оставалось бы совершенно непонятным, для чего мужская проституция, предлагающая себя инвертированным, — теперь, как и в древности, — копирует во внешних формах платья и манеры женщин; ведь такое подражание должно было бы оскорблять идеал инвертированных. У греков, у которых в числе инвертированных встречаются самые мужественные мужчины, ясно, что не мужественный характер мальчика, а телесное приближение его к женскому типу, так же, как и женские душевные свойства его, робость, сдержанность, потребность в посторонней помощи и наставлении разжигали любовь в

мужчине. Как только мальчик становился взрослым, он не был уже больше половым объектом для мужчины, а сам становился любителем мальчиков. Сексуальным объектом в этих, как и во многих других случаях является не тот же пол, а соединение обоих половых признаков, компромисс между душевным движением, желающим мужчину и желающим женщину при сохранении условий мужественности тела (гениталий), так сказать, отражения собственной сексуальной природы»[150].

Корни этой теории опять-таки уходят в еврейскую мистику, согласно которой первый человек Адам был двуполым, и Ева, если переводить первую главу Пятикнижия дословно, является «отделенной стороной» Адама. При этом Фрейд (явно и на основе собственных потаенных сексуальных желаний) настаивает, что желание орального или анального секса отнюдь не является признаком инверсии. «Наоборот, — довольно резонно замечает он, — педерастия у мужчины обязана своим значением аналогии акта с женщиной».

И вот тут и в самом деле можно вменить в вину Фрейду снятие сексуального табу с анального и орального секса между женщиной и мужчиной. В главе «Отступление от сексуальной цели» Фрейд доказывает, что все утверждения о их отвратительности звучат неубедительно, ибо в таком случае с тем же успехом отвратительным может быть объявлен и обычный половой акт, осуществляющийся путем соприкосновения гениталий.

Далее Фрейд рассматривает все другие виды перверсий, расширяя высказанный ранее тезис, что и те сексуальные отношения, которые считаются нормативными, в сущности, содержат в себе некоторые элементы перверсии. В итоге он приходит к выводу, что «у всякого нормального человека имеется какое-нибудь состояние по отношению к нормальной сексуальной цели, которое можно назвать перверзией»[151]. Попытки вытеснить эти влечения в бессознательное, в свою очередь, могут стать причиной истерии или даже невроза с очень болезненными симптомами, то есть это не невротики склонны к перверсиям, как считалось прежде, а перверсии, в случае если человек вытеснил их или пытается от них отказаться, порождают невротиков.

«Мы слышали, что спорен вопрос, являются ли перверзии следствием врожденных условий или возникают благодаря случайным переживаниям, как это полагали о фетишизме, — пишет Фрейд в заключительной части первого очерка. — Теперь нам представляется решение, что хотя в основе перверзий лежит нечто врожденное, но нечто такое, что врожденно всем людям как предрасположение, колеблется в своей интенсивности и ждет

того, чтобы его пробудили влияния жизни»[152].

Это и есть ответ Фрейда тем, кто настаивает на исключительно врожденном характере гомосексуализма. И несмотря на то, что с момента написания «Очерков…» прошло более столетия, сторонники схожей точки зрения и сегодня могут апеллировать к его авторитету, остающемуся, несмотря ни на что, достаточно высоким. Это особенно актуально в тех странах Запада, где теория врожденной, генетически обусловленной природы гомосексуализма одержала полную победу, а любой, кто в этом сомневается, подвергается остракизму.

Так, к примеру, в Израиле в 2010 году был уволен преподаватель медицинской этики Беэр-Шевского университета только за то, что, отвечая на вопрос студента-гомосексуалиста, высказал сомнение в том, стоит ли так называемым гомосексуальным семьям предоставлять право на усыновление детей, поскольку для нормального развития ребенка важно, чтобы его воспитывали и мужчина и женщина.

В 2012 году, после того как депутат кнессета Анастасия Михаэли (кстати, репатриантка из России) посмела публично высказаться против обилия материалов о гомосексуалистах в израильских СМИ (что, по ее мнению, может повлиять на детей и подростков и их сексуальную ориентацию в будущем), она подверглась жесткой травле во многих СМИ и была вынуждена уйти из политики. Так что актуальность вышеприведенных мыслей Фрейда и для XXI века не вызывает сомнений.

Правда, следует признать, что с годами взгляды Фрейда на гомосексуализм под влиянием борьбы самих гомосексуалистов за «равноправие» эволюционировали в сторону всё большего либерализма. Так, в 1935 году, отвечая на письмо женщины, обеспокоенной гомосексуальными склонностями сына, Фрейд писал:

«Гомосексуализм, несомненно, не преимущество, но в нем нет и ничего постыдного, он не порок и не унижение; невозможно его рассматривать и как болезнь; мы его считаем разновидностью сексуальной функции, вызванной известной приостановкой сексуального развития. Многие лица древних и новых времен, достойные высокого уважения, были гомосексуалистами, среди них — ряд величайших людей (Платон, Микеланджело, Леонардо да Винчи и т. д.). Преследование гомосексуализма как преступления — большая несправедливость и к тому же жестокость. Если Вы мне не верите, прочтите книги Хэвлока Эллиса.

Спрашивая меня, могу ли я помочь, думаю, что Вы имеете в виду, в состоянии ли я устранить гомосексуализм и заменить его

нормальной гетеросексуальностью. В ряде случаев нам удается развить захиревшие было зародыши гетеросексуальных устремлений, имеющиеся у каждого гомосексуалиста. В большинстве же случаев это уже невозможно. Это — вопрос свойств и возраста пациента. Результат лечения предсказать нельзя.

Что же касается пользы, которую психоанализ может принести Вашему сыну, то это другое дело. Если он несчастен, невротичен, раздираем конфликтами, затруднен в отношениях с другими людьми, психоанализ может дать ему гармонию, душевное спокойствие, полную эффективность, независимо от того, останется ли он гомосексуалистом или изменится».

Второй очерк книги — «Инфантильная сексуальность» — был поистине революционным. В нем Фрейд решительно опровергает бытовавшее на протяжении столетий мнение, что половое влечение «в детстве… отсутствует и пробуждается только в период жизни, когда наступает юношеский возраст».

В сущности, речь идет об идеях, которые Фрейд уже высказывал в своих ранних работах, но здесь они представлены в необычайно концентрированном виде. Саму «инфантильную амнезию», то есть утрату большинством людей памяти о многих воспоминаниях детства, Фрейд связывает с вытеснением в бессознательное именно сексуальных переживаний этого периода. Вместе с тем, настаивал Фрейд, эти воспоминания продолжают влиять на всю психическую жизнь человека, определяя в итоге выбор его сексуальных предпочтений, а в ряде случаев и являясь причиной неврозов.

Уже акт сосания младенцем материнской груди, по Фрейду, несет в себе сексуальный элемент, так как затрагивает губы, язык, грудь — те части человеческого тела, которые впоследствии играют немалую роль в процессе сексуального возбуждения. Правда, пассаж Фрейда о том, что «нередко сосание сопровождается растирающими движениями рук» и поэтому «много детей переходят от сосания к мастурбации», вызывает сомнения, но Фрейд на нем и не особенно настаивает.

При этом Фрейд вольно или невольно вновь отталкивается от основного принципа еврейской мистики о том, что всё живое стремится к удовольствию, и таким образом, по сути дела, любое действие, приносящее физическое удовольствие, приравнивается к сексуальному. Это позволяет ему выйти на некие обобщения, касающиеся самой человеческой природы и — больше того — путей развития форм жизни на Земле.

«Сначала удовлетворение от эрогенной зоны соединялось с удовлетворением от потребности в пище. Сексуальная

деятельность сначала присоединяется к функции, служащей сохранению жизни, а только позже становится независимой от нее, — объясняет он. — Кто видел, как ребенок насыщенный отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения».

Сексуальный характер сосания, по Фрейду, обусловливает то, что одним из проявлений сексуальности становится поцелуй в губы или «перверзные поцелуи», а также пристрастие многих мужчин к пьянству или курению.

Идеи Фрейда о том, что в раннем детском возрасте особенно велико эрогенное значение зоны заднего прохода, вызывают у многих современных сексологов сомнение, и возможно, являются отражением фантазий самого Фрейда об анальном сексе с Мартой или с кем-то из женщин своего окружения. Но вот его наблюдения о младенческой мастурбации и «второй фазе детской мастурбации», свидетельствующие о хорошем знании детской физиологии, были затем подтверждены целым рядом наблюдений и исследований. Как, впрочем, и его замечания об интересе детей к своим гениталиям и гениталиям других людей — но лишь до того момента, когда Фрейд начинает говорить, что открытие мальчиком того факта, что у девочек нет пениса, приводит его к страху перед кастрацией (кастрационному комплексу), а у девочек такое открытие пробуждает зависть к мальчикам и, соответственно, желание стать мальчиком. Это, по мнению психологов и сексологов, уже в чистом виде спекуляция, возможно, родившаяся опять-таки из личных воспоминаний и детских впечатлений Фрейда.

Развитие нормальной сексуальности человека, по Фрейду, таким образом, заключается в переходе по мере взросления от автоэротичности к поискам сексуального объекта. Само взросление проявляется в росте внешних и внутренних гениталий и переключении сексуальной деятельности именно на гениталии, им отдается главная роль в сексуальном возбуждении, что понятно: основная цель сексуальных отношений — служить продолжению рода. Но детская сексуальность дается человеку совсем не зря: она закладывает тот фундамент, который в итоге не сводит взаимоотношение между полами к банальному совокуплению, а является соединением «нежного и чувственного». Взросление проявляется как раз в установлении этого нового взаимоотношения, уступая место детской сексуальности. Отсюда Фрейд приходит к парадоксальному, но, как ни странно, в целом верному выводу, что «все болезненные нарушения половой жизни

можно с полным правом рассматривать как задержки в развитии».

Разумеется, в очерке о детской сексуальности было немало скандального. Чего стоил один намек, что дети могут «сотрудничать» со своим соблазнителем. Однако отсюда вовсе не следует, что Фрейд считал педофилию легитимной или утверждал, что ребенок также несет ответственность за «совращение» взрослого. Напротив, он четко обозначил сексуальное влечение к детям как отклонение, вызванное либо неспособностью взрослого удовлетворить свое сексуальное желание нормативным путем, либо — в случае если речь идет, скажем, об учителях или няньках — доступности детей как сексуального объекта.

В связи с этим крайне показательно, что Фрейд решительно осудил автора «Сексуальной жизни ребенка» Альберта Молла, обозвав его «животным». Выгнав Молла из кабинета, Фрейд брезгливо добавил: «Всю комнату провонял, как дьявол какой-то!»

Столь же сомнительны и попытки обвинить Фрейда в «мужском шовинизме» на основании его утверждения, что «либидо всегда — и закономерно — по природе своей — мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины, и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина»[153]. Основу этого суждения следует опять-таки искать в еврейской мистике, провозглашающей двойственную природу Бога, где активное начало Творца обозначается как «мужское» — то есть в данном случае Фрейд имеет в виду именно активный характер сексуальной энергии — что он и разъясняет далее и в примечаниях[154].

Анализ Фрейда природы сексуального возбуждения, порождающего конфликт «наслаждение — неудовольствие» и «требующее нарастания наслаждение», его рассуждения о том, что попытки дать только физиологическое объяснение сексуального влечения без учета психологии оказываются несостоятельны, вне сомнения, также сохраняют свою актуальность — пусть и с точки зрения современной сексологии порой звучат наивно.

Принципиальный характер для Фрейда в этой части книги носили также написанные позже главы, посвященные сексуальным взаимоотношениям между детьми и родителями, — «Сексуальный объект во время младенчества», «Инфантильный страх», «Ограничения инцеста», «Влияние инфантильного выбора объекта».

Главы эти, вне сомнения, основаны на наблюдениях Фрейда за собственной семьей и другими еврейскими семьями, где любовь матери к самому старшему или самому младшему сыну

нередко принимает всепоглощающий характер. Этот так называемый феномен «аидише маме», еврейской матери, стал поводом для многих еврейских анекдотов и послужил сюжетом многим еврейским писателям. Он проявляется хотя бы в том, что еврейская мать может долго препятствовать женитьбе сына, диктуя ему выбор подходящей, с ее точки зрения, супруги, а затем нередко открыто ревнует к невестке и ведет с ней непрерывную войну за любовь сына.

Однако, думается, читатель согласится, что в той или иной степени подобный треугольник мать — сын — невестка существует у всех народов, и потому у Фрейда было право делать на основе наблюдений за соплеменниками общие выводы. Вдобавок тут невольно вспоминается известная шутка Михаила Светлова о том, что «все люди — евреи, но многие об этом пока просто не знают».

«Понятно, ребенку легче всего избрать своим сексуальным объектом тех лиц, которых он любит с детства, так сказать, притупленным либидо. Но благодаря отсрочке сексуального созревания получилось достаточно времени, чтобы наряду с другими сексуальными задержками воздвигнуть ограничение инцеста, впитать в себя те нравственные предписания, которые совершенно исключают при выборе объекта любимых с детства лиц, кровных родственников. Соблюдение этого ограничения является, прежде всего, культурным требованием, которое должно бороться против поглощения семьей всех интересов… поэтому общество всеми средствами добивается того, чтобы расшатать у каждого в отдельности, особенно у юношей, связь с семьей, имеющую только в детстве решающее значение»[155], — писал Фрейд.

Для девушки установившаяся в детстве слишком близкая, сексуальная по своей психологической основе связь с родителями, поясняет далее Фрейд, приводит к тому, что «в последующем браке у этих девушек не хватает возможности дарить своим мужьям то, что им следует. Они становятся холодными женами и остаются анестетичными в сексуальных отношениях»[156].

В последующие издания очерков включалась и написанная позже работа «О нарцизме»[157], к которой мы еще вернемся. Спорные мысли, возможно, содержащиеся в этой работе, были восприняты его современниками как откровения, в немалой степени определившие представления западной цивилизации о природе любви и о взаимоотношениях между полами. Значительная часть расхожих обывательских высказываний, что «каждый человек любит, в сущности, самого себя», что

излюбленным сексуальным типом мужчины являются женщины, похожие на его мать, а женщины — похожими на отца, что «женщина любит ушами» и т. д., берут свои истоки именно в рассуждениях Фрейда в очерке «О нарцизме».

Приведем только несколько характерных цитат из этого очерка:

«…Глубокая любовь к объекту, в сущности, характерна для мужчины. В ней проявляется такая поразительная сексуальная переоценка объекта, которая, вероятно, происходит от первоначального нарцизма ребенка и выражает перенесение этого нарцизма на сексуальный объект. Такая сексуальная переоценка делает возможным появление своеобразного состояния влюбленности, напоминающего невротическую навязчивость, которая объясняется отнятием либидо у Я в пользу объекта. Иначе происходит развитие у более частого, вероятно, более чистого и настоящего типа женщины… Особенно в тех случаях, где развитие сопровождается расцветом красоты, вырабатывает самодовольство женщины, вознаграждающее ее за то, что социальные условия так урезали ее свободу в выборе объекта.

Строго говоря, такие женщины любят самих себя с той же интенсивностью, с какой их любит мужчина. У них и нет потребности любить, а быть любимой, и они готовы удовлетвориться с мужчиной, отвечающим этому главному для них условию…

Но и для нарцистических, оставшихся холодными к мужчинам женщин остается открытым путь, ведущий их к настоящей любви к объекту. В ребенке, которого они родят, находят они как бы часть собственного тела в виде постороннего объекта, которому они могут подарить всю полноту любви к объекту, исходя из нарцизма»[158].

«…Мы указали, что быть любимым составляет цель и дает удовлетворение при нарцистическом выборе объекта.

Далее легко наблюдать, что либидо, привязанное к объектам, не повышает самочувствия. Зависимость от любимого действует принижающим образом: кто влюблен — тот удручен. Кто любит, тот, так сказать, лишился части своего нарцизма и может вернуть его, лишь будучи любимым..»[159]

* * *

Историки науки любят подчеркивать, что во многих своих идеях о природе сексуальности Фрейд был далеко не оригинален. Более того, по их мнению, подчас он якобы откровенно

использовал и выдавал за свои чужие идеи, причем не только Флисса. Когда же ему говорили об этом, он становился в позу оскорбленной невинности и, как это было в случае с идеей свободных ассоциаций Берна, утверждал, что не читал называемых ему в качестве первоисточников авторов, то есть пришел к этим идеям независимо от них. Если же сразу или позднее его уличали во лжи, то Фрейд признавался в том, что, конечно, что-то читал, но затем, видимо, запамятовал, отослав эту информацию в область бессознательного. Пол Феррис называет помимо Флисса еще как минимум трех ученых, которые одновременно с Фрейдом в начале XX века работали в сходном направлении: Рихард фон Крафт-Эбинг и Мориц Бенедикт в Австрии, Хэвлок Эллис в Англии…

И всё же разница между ними и Фрейдом огромная. Фрейд в своих работах, кажется, и в самом деле идет по стопам своих коллег. Более того, во многих книгах он честно приводит список использованной им литературы.

Однако, во-первых, при этом он почти всегда оказывается на полшага впереди них. Но это те самые полшага за незримый занавес, доходя до которого все остальные исследователи останавливались, так как не готовы были подпасть под огонь критики, тем более такой, которая разрушила бы их карьеру. Ситуация, известная по знаменитому четверостишию Евтушенко об ученом — сверстнике Галилея, вновь и вновь повторялась. Возможно, они приходили к тем же или почти тем же выводам, что и Фрейд, но не решались сказать об этом вслух.

Фрейд же в силу самой своей истерической натуры, будучи конкистадором по характеру, жаждал скандала и желал быть в центре внимания. Ему нужна была если не слава, то известность — пусть и со скандальным оттенком. И потому он не боялся говорить то, о чем предпочитали молчать его коллеги.

Во-вторых (и это напрямую связано с «во-первых»), если, заботясь о своей научной репутации, тот же фон Крафт-Эбинг облекал все свои труды в сугубо наукообразную форму и адресовал их специалистам, то Фрейд в тех же «Трех очерках по теории сексуальности» обращался к самой широкой публике, строя свои сочинения как научно-популярные. А учитывая интерес к теме сексуальности, он рано или поздно должен был этого широкого читателя найти. Что, в сущности, и произошло с «Тремя очерками…»: только в период 1910–1924 годов книга выдержала пять изданий, постоянно уточняемых и дополняемых автором. К этому же времени она была переведена на целый ряд языков, так как «пересмотр на основании психоаналитического объяснения традиционной морали, осуждающей сексуальные

отклонения, сделал книгу Фрейда заметным фактом европейской культуры первых десятилетий XX века»[160].

Таким образом, «Три очерка…» изначально несли в себе не столько медицинское, сколько культурологическое значение. Не случайно первая положительная рецензия на книгу принадлежала не врачу, а романисту Отто Сойке: в своей статье в «Факеле» этот писатель назвал труд Фрейда «первым исчерпывающим объяснением чистой физики любви».

Безусловно, многие идеи Фрейда далеко не бесспорны, что он и сам подчеркивал. Небесспорны прежде всего потому, что он нередко абсолютизировал частные случаи своей личной биографии и биографии своих пациентов, делая на их основе даже не общие, а поистине глобальные выводы. Фрейд порой, что называется, «перегибал палку» (да простит читатель всю двусмысленность этого выражения в данной книге), причем иногда делал это намеренно — возможно, ради той же скандальности. Как замечает Цвейг, «в творчестве его и в его практике действительно имеет место некоторая переоценка сексуального, но это усиленное подчеркивание было исторически обусловлено предшествовавшей, десятилетиями практиковавшейся системой замалчивания и недооценки полового чувства».

Разумеется, «Три очерка…» с момента своего выхода в свет и вплоть до сегодняшнего дня подвергались и подвергаются жесткой критике, и его оппоненты выискивают в концепции Фрейда всё новые и новые противоречия.

«Небезынтересно коснуться и объяснений Фрейда, сделанных им в отношении сексуальных перверсий в целом, — пишет в своей уже упоминавшейся здесь „антифрейдовской“ монографии О. Г. Виленский. — По его утверждению, источник половых извращений следует опять-таки искать в раннем детстве, так как они связаны с фиксацией на впечатлениях этого возрастного периода либо с возвратом этих впечатлений. Не исключено, что в этом есть какая-то доля истины, и подобное объяснение, возможно, приемлемо для таких сексуальных перверсий, как мастурбация у взрослых и вуайеризм (подглядывание за чужой сексуальной жизнью). Здесь можно усмотреть какую-то логику. Но остается совершенно непонятной связь всех остальных впечатлений детства — особенно если речь идет о таких перверсиях, как зоофилия и некрофилия. Но Фрейда, как всегда, такие „мелочи“ не смущают. Психическую импотенцию „отец психоанализа“ также выводит из детской сексуальности, „материнского комплекса“ и страха перед инцестом, т. е. мужчина (подсознательно) видит в возможной сексуальной

партнерше свою мать — и это парализует его потенцию. Но ведь выше приводится тезис того же Фрейда о том, что мужчина (опять-таки подсознательно) выбирает женщину, напоминающую ему родную мать. Если это так, психическая импотенция должна стать массовым явлением, практически поголовным. Этого же, однако, почему-то не происходит. Опять противоречие!»[161]

На самом деле Виленский тут лукавит: в «Трех очерках…» Фрейд дает свое разрешение этому противоречию: инцестуальные устремления человека, с его точки зрения, в итоге подавляются и вытесняются общественными установками, направленными на сохранение и развитие общества. Именно для преодоления биологической природы любое человеческое сообщество «уводит» мужчину всё дальше и дальше от семьи, ослабляя его связи с ней. Если эти связи не разорваны до конца, то это может привести к неврозу и тем или иным сексуальным патологиям — вот, в сущности, в чем идея Фрейда.

По большому счету, все обвинения Фрейда в развращении человечества, преувеличении значения сексуального начала и придании ему определяющей роли беспочвенны. Напротив, его учение на самом деле сводится к чисто еврейскому, талмудическому мировоззрению: человек только тогда и становится человеком, когда оказывается способен преодолеть в себе необычайно сильное сидящее в нем животное, биологическое начало — «йецер ха-ра». Но для такого преодоления, считал Фрейд, он должен это начало осознать, ввести его с бессознательного на уровень сознания.

* * *

В том же 1905 году выходит и другая книга Фрейда — «Остроумие и его отношение к бессознательному», являющаяся своеобразным продолжением «Толкования сновидений» и «Психопатологии обыденной жизни».

Согласно воспоминаниям всех учеников, Фрейд был большим любителем юмора, сам был не прочь рассказать в компании что-нибудь смешное и наряду с антикварными безделушками коллекционировал еврейские анекдоты. Это увлечение и дало толчок к написанию книги, которая, очевидно, начала создаваться вслед за «Психопатологией обыденной жизни», но писалась урывками.

Фрейд начинает с того, что целью остроумия является всё то же получение удовольствия, и приходит к выводу, что «там, где острота не является самоцелью, т. е. там, где она не безобидна,

она обслуживает только две тенденции, которые могут быть даже объединены в одну точку зрения; она является либо враждебной остротой (которая обслуживает агрессивность, сатиру, оборону), либо скабрезной остротой (которая служит для обнажения)»[162].

Одновременно Фрейд дает свое, весьма остроумное и правдоподобное объяснение целей, которым служат сальности: «Известно, что понимается под сальностью: умышленное подчеркивание в разговоре сексуальных обстоятельств и отношений… Доклад об анатомии половых органов или о физиологии совокупления не имеет, несмотря на это определение, ни одной точки соприкосновения, ничего общего с сальностью. К этому присоединяется еще и то, что сальность направлена на определенное лицо, которое вызывает половое возбуждение и которое благодаря выслушиванию сальности должно узнать о возбуждении говорящего и благодаря этому должно само прийти в сексуальное возбуждение. Вместо этого возбуждения оно может быть также пристыжено и приведено в смущение, что означает только реакцию на возбуждение и таким окольным путем признание этого возбуждения. Таким образом, сальность первоначально направлена на женщину и должна быть приравнена к попытке совращения. Если мужчина затем забавляется в мужском обществе, рассказывая или выслушивая сальности, то этим изображается вместе с тем и первоначальная ситуация, которая не может быть осуществлена вследствие сексуальных задержек. Кто смеется над слышанной сальностью, тот смеется как очевидец сексуальной агрессивности».

И далее: «Сальность — это как бы обнажение лица противоположного пола, на которое она направлена. Произнесением скабрезных слов она вынуждает лицо, к которому они относятся, представить себе соответствующую часть тела или физиологическое отправление, и показывает ему, что произнесший эти слова сам представляет себе то же самое. Нет сомнения, что первоначальным мотивом сальности является удовольствие, испытываемое от рассматривания сексуального в обнаженном виде»[163].

Анализу этой работы во фрейдологии обычно уделяется меньше места, чем остальным. И это понятно: в сущности, в ней не так уж много новых идей, и она носит скорее литературоведческий характер, посвященный анализу природы и психологии комического, чем проникает в новые глубины бессознательного.

Но интересно другое: приводя на страницах книги целый ряд еврейских анекдотов, в том числе и про галицийских евреев, Фрейд еще раз доказывает, что и на пятом десятке жизни он —

возможно, из-за захлестнувшей в те дни Австрию антисемитской истерии — испытывал мучительное раздвоение по отношению к собственному еврейскому происхождению, да еще и принадлежности к «ост-юден», галицийским евреям. Именно поэтому приводимые им анекдоты то балансируют на грани антисемитизма, то отражают его невольное восхищение еврейским законом и еврейским укладом жизни — даже если сам Фрейд считает, что анекдот несет в себе критику этого уклада.

«Другая история гласит, — читаем в книге, — проситель встречает на лестнице в доме одного богатого человека своего товарища по ремеслу, который советует ему не продолжать свой путь. „Не ходи сегодня наверх, барон (имеется в виду барон Ротшильд. — *П. Л.)* сегодня не в духе; он никому не дает больше одного гульдена“. — „Я все-таки пойду наверх, — говорит проситель. — Почему я должен подарить ему этот один гульден? Разве он мне что-нибудь дарит?!“

Эта острота пользуется техникой бессмыслицы, заставляя просителя утверждать, что барон ему ничего не дарит в тот самый момент, когда он собирается выпросить у него подарок. Но эта бессмыслица только кажущаяся. Почти верно, что богатый не дарит ему ничего, так как закон (еврейский. — *П. Л.)* обязует дать ему милостыню, и, строго говоря, он должен быть благодарен, что проситель доставляет ему случай сделать благодеяние»[164].

Вот, оказывается, насколько хорошо Фрейд был знаком с Пятикнижием и еврейским законодательством! Метания, мучившие его в детстве, продолжались, и мы еще не раз столкнемся с этим его двойственным отношением и к еврейской крови, и к еврейской религии.

Глава девятая
НА ПЕРЕЛОМЕ

К 1906 году жизнь Фрейда, казалось, окончательно вошла в наезженную колею. Его рабочая неделя состояла из приема пациентов, работы над книгами и статьями, которая нередко затягивалась далеко за полночь, встреч по средам с ближайшими учениками и сподвижниками, а также лекций, которые он давал в качестве неординарного профессора студентам и аспирантам по субботним вечерам.

К тому времени, о котором идет речь, уже детально были отработаны и техника психоанализа со знаменитой кушеткой для укладывания пациента и сидящим у него в голове психоаналитиком, и метод свободных ассоциаций.

Теперь Фрейд уже сам мог выбирать себе пациентов, и вскоре четко определился круг лиц, которые его интересовали. «Пролетарии и принцы», по его собственному определению, туда не входили — так как (опять-таки, по его личному мнению) и те и другие могли удовлетворять свои сексуальные потребности, не испытывая конфликта с условностями среды и не оттесняя свои желания в бессознательное, то они в психоанализе не нуждались.

В число его пациентов должны были входить образованные, «цивилизованные» (то есть скованные «культурными ограничениями») и обладающие значительным интеллектом люди. «Если врачу приходится иметь дело с никудышным характером, он вскоре теряет к нему интерес, который необходим для глубокого проникновения в психическую жизнь пациента», — объяснял Фрейд. Его как врача (а точнее, как психоаналитика, так как психоанализ всё дальше и дальше расходился с традиционной медициной) интересовали только «самые тяжелые случаи», пациенты, «навсегда исключенные из нормального существования», которым ничем не могла помочь традиционная психиатрия того времени.

Правда, когда начинаешь вчитываться в сочинения Фрейда, то понимаешь, что меньше всего его интересовало их исцеление. Да и достигал он последнего отнюдь не так часто, как это любил представлять. Пациенты были нужны ему прежде всего как материал для новых наблюдений, подтверждающих и развивающих его теорию либидо как главной силы, формирующей личность человека, — теории, в которую он верил куда более истово, чем ревностный христианин верит в непорочное зачатие.

Вдобавок ко всему, его пациенты должны были быть богаты. Сеанс психоанализа стоил недешево, а еще в 1904 году он определил, что курс лечения психоанализом должен составлять от полугода до трех лет — за это время пациенты выкладывали Фрейду целое состояние, позволявшее ему безбедно существовать, хорошо отдыхать летом, удовлетворять свою страсть к коллекционированию древних артефактов и чувствовать уверенность в завтрашнем дне. Как ехидно замечает Пол Феррис, операция на мозге стоила значительно дешевле.

Фрейд настаивал на том, что гонорар психоаналитика должен быть как можно бóльшим, и в письме одному из ближайших учеников Карлу Абрахаму пишет, что тот напрасно не прислушивается к нему в вопросах оплаты и берет с пациентов очень скромные суммы. По сути дела, с преодоления барьера, вызванного щепетильным вопросом о деньгах, по мысли Фрейда, и начинался подлинный, предполагающий предельную откровенность контакт между пациентом и психоаналитиком.

«Важными пунктами в аналитическом лечении являются условия относительно времени и денег, — подчеркивал Фрейд. — В отношении времени я придерживаюсь принципа назначения определенного часа. Каждый пациент получает определенный час рабочего дня, которым я располагаю, этот час — его, и он за него отвечает даже в том случае, если не использует его. Такое назначение, само собой понятное в нашем хорошем обществе по отношению к учителю музыки или языков, кажется по отношению к врачу слишком суровым или даже недостойным. Явится желание указать на многие случайности, могущие помешать пациенту приходить всегда в тот же час, и будут требовать, чтобы врач считался с многочисленными случайными заболеваниями, которые могут произойти в течение длительного аналитического лечения. Однако мой ответ следующий: иначе невозможно. При более ограниченной практике „случайные“ отказы настолько учащаются, что врач рискует своим материальным существованием. При строгом соблюдении этого назначения оказывается, наоборот, что мешающих случайностей вообще не бывает, а случайные заболевания бывают очень редко…

…Я работаю с моими пациентами ежедневно за исключением воскресенья и больших праздников, т. е. обыкновенно шесть раз в неделю. В легких случаях или при продолжении уже хорошо наладившегося лечения достаточно и трех часов в неделю. В противном случае ограничение во времени не приносит пользу ни врачу, ни пациенту; в начале лечения оно совсем не годится…

…Неприятный для врача вопрос, который больной ему с самого начала ставит, как долго может продолжаться лечение.

Сколько вам нужно времени, чтобы освободить меня от моего страдания?.. На самом деле едва ли можно дать ответ на вопрос о предполагаемой длительности лечения…

Ближайший пункт, который должен быть разрешен в начале лечения, составляют деньги, гонорар врачу. Аналитик не обращает внимания на то, что деньги следует рассматривать, в первую очередь, как средство к самосохранению и приобретению влияния, но он утверждает, что в оценке денег принимают участие могучие сексуальные факторы. Он при этом может сослаться на то, что культурное человечество относится к денежным делам с таким же образом, как и к сексуальным вещам — такой же двойственностью, осторожностью и ханжеством. Он поэтому наперед должен решиться не принимать в этом участия, а в вопросе о денежном вознаграждении поступать с пациентом с такой же откровенностью, с какой он его хочет воспитать в вопросах сексуальной жизни…»[165]

Итак, базисными пунктами лечения психоанализа являются следующие: лечение осуществляется на основе метода «свободных ассоциаций», оно должно быть регулярным (желательно шесть сеансов в неделю по пятьдесят минут — одному часу), без определенного срока длительности и оплачиваемым.

Впрочем, сам Фрейд пишет, что были случаи, когда он брался лечить пациентов бесплатно (более того, он рекомендовал ученикам брать одного-двух пациентов бесплатно, «чтобы не коммерциализировать психоанализ»). Наконец, широко известна история, как к Фрейду, по рекомендации его профессора, пришел студент, будущий писатель Бруно Гец, и в ходе беседы тот настолько напомнил Фрейду его самого в молодости, что отец психоанализа растрогался. Выписав Гецу рецепт глазных капель и посоветовав есть побольше отбивных, Фрейд отказался его анализировать и отправил домой, вручив конверт «с небольшой платой за то удовольствие, которое вы доставили мне своими стихами и рассказом о своей молодости». В конверте было 200 крон — весьма внушительная сумма по тому времени.

Надо заметить, что и этот поступок Фрейда был «чисто еврейским». Еврейская традиция предписывает поддерживать учащихся ешив, сосредоточенных на изучении Торы, — кормить их обедом, помогать материально. Ассимилированные немецкие и австрийские евреи преобразовали эту традицию в поддержку еврейских студентов университетов. В доме родителей Эйнштейна, к примеру, каждую неделю обедало несколько еврейских студентов; сам Эйнштейн после получения Нобелевской премии оплачивал учебу и выдавал стипендии

студентам-евреям. Каждый его стипендиант раз в месяц получал приглашение в фешенебельный ресторан, где за обедом великий физик пытался понять, нужна ли его подопечному еще какая-то помощь. Фрейд, судя по всему, на такие широкие жесты способен не был, но иногда, как видим, и на него накатывало желание соблюсти верность традиции.

Безусловно, важной частью его жизни были встречи по средам, посещения общества «Бней-Брит» каждый второй вторник месяца и лекции по субботам, где он получал тот самый энергетический заряд обожания, который был необходим ему для того, чтобы двигаться дальше.

«Впервые я увидел Фрейда на его лекции, — вспоминал Фриц Виттельс. — Он читал каждую субботу от семи до девяти вечера. Тогда ему было около пятидесяти, но он выглядел еще очень моложаво. Слушателей у него было не особенно много. Заняты были, да и то не вполне, лишь первые три скамьи аудитории…

…Не пользуясь никакими письменными заметками, он говорил почти два часа подряд и никогда не утомлял слушателей… Его манера читать напоминала манеру немецкого гуманиста, но была смягчена тоном легкой беседы, которую Фрейд, может быть, привез с собой из Парижа. Ни тени напыщенности или манерности. Что он говорил и как он говорил, находилось в известной степени в противоречии. Любезным и вкрадчивым голосом занимательного собеседника он сворачивал шею официальной психологии, как Сатана у Гауффа добродушно уговаривает жертву: „Подойдите поближе, это не больно“…

…Фрейд прибегал часто к Сократовскому методу. Прерывая себя, он задавал вопросы или вызывал возражения. Немногочисленные возражения парировались затем Фрейдом с большой находчивостью и остроумием.

После лекции, которая происходила в старой психиатрической клинике больницы, мы с триумфом провожали Фрейда через дворы на улицы. Там он садился на извозчика и исчезал в темноте. На небольшом расстоянии от аудитории до главных ворот мы старались всеми силами выдвинуться перед Фрейдом… Мы… чувствовали себя избранными, как ученики Аристотеля, до того, как его работы попали в массы.

Однажды Фрейд сказал, что всё сообщаемое им он отдает на общее пользование…

Итак, дозволено пользоваться мыслями Фрейда. Он настолько не любит, чтобы его ученики развивали собственные мысли, что предпочитает уделять им от собственного изобилия. У одного из исследователей Фрейда, пользующегося уже в течение десятилетий его особым благоволением, на вопрос, почему

ученики Фрейда не развивают его учения, всегда наготове стереотипный ответ: „Он заранее всё сделал сам и не оставил ничего, что мы могли бы открыть“. В этом гипнозе живет ортодоксальная школа Фрейда»[166].

Эта пространная цитата еще раз подтверждает, что Фрейд строил свое учение как некую новую религию, в которой он был богом и пророком одновременно. Его непринужденная манера разговора, доброжелательность, чувство юмора сочетались с нетерпимостью по отношению к любому, кто подвергал сомнению истинность его идей — в разговоре, статье или рецензии. Такие люди для Фрейда мгновенно попадали в разряд «отвратительных», а то и «параноиков». Догматизм Фрейда бросался в глаза уже на этом этапе, но его убежденность, смелость и новизна идей привлекали к нему всё новых и новых последователей, призванных разнести его идеи дальше по миру. На многих из них, судя по воспоминаниям современников, Фрейд смотрел исключительно с этой утилитарной точки зрения, будучи при этом невысокого мнения о них как о людях.

Психоаналитическая практика, работа над книгами, лекции (к которым Фрейд обычно не готовился, предпочитая довериться своему потоку сознания и выплескивая на слушателей идеи новых статей) — всё это, безусловно, свидетельствует о поистине колоссальной работоспособности Фрейда. Но к 1906 году эти его усилия начали приносить свои плоды: у психоанализа появились первые последователи за рубежом. Главными из них для Фрейда стали будущий знаменитый психоаналитик Шандор Ференци в Венгрии и главврач психиатрической клиники Бургхольцли Эйген Блейлер, вошедший в историю медицины как создатель термина «шизофрения».

Блейлер был одним из немногих, кто в 1900 году прочел только что вышедшую книгу «Толкование сновидений», нашел содержащиеся в ней идеи интересными и стал рекомендовать ее своим сотрудникам. В числе них оказался и Карл Густав Юнг (1875–1961), решивший провести серию любопытных экспериментов, используя фрейдовский метод свободных ассоциаций. В ходе экспериментов пациенту зачитывались слова, на которые он должен был отвечать первым пришедшим ему на ум словом. С помощью секундомера замерялось время ответа, и замедленная реакция трактовалась как попытка подавить бессознательный конфликт — так был сделан первый шаг к созданию детектора лжи.

В апреле 1906 года Юнг послал Фрейду результаты своих исследований. Последнему явно польстило внимание молодого швейцарского врача к его теории — и он написал Юнгу

благосклонную записку. Так начались взаимоотношения двух этих личностей, взгляды которых оказали в итоге огромное влияние на всю западную цивилизацию. Вскоре после отправки письма Юнгу, 6 мая 1906 года, Фрейд отпраздновал свое пятидесятилетие. Когда ученики преподнесли ему в подарок юбилейную медаль, на одной стороне которой был выгравирован его профиль, а на другой изображен обнаженный Эдип, стоящий опираясь на палку, возле Сфинкса, Фрейд неожиданно растрогался.

По словам Эрнеста Джонса, он побледнел и изменившимся голосом спросил: кто это придумал? Затем Фрейд признался, что в юности мечтал, что в будущем его бюст будет помещен в университете рядом с бюстами Ньютона, Фарадея, Дарвина и других великих ученых и под ним будет та же надпись, которая выгравирована на оборотной стороне медали: «Человек, который разгадал загадку Сфинкса».

Так Фрейд впервые открыто признался, что главным в жизни для него была мировая слава, желание стать в один ряд с корифеями науки. Что ж, к тому времени он еще не был знаменит, но уже явно находился на подступах к мировой славе.

Летом 1906 года Фрейд, как обычно, отдыхал и посвящал немало времени своим любимым прогулкам на природе в живописном Тироле. В августе, когда он вместе с шестнадцатилетним сыном Мартином попытался взойти на одну из окрестных гор, у него случился сердечный приступ. Подъем пришлось отложить, и это происшествие изрядно напугало Фрейда. Он вновь ощутил дыхание смерти, перед ним снова замаячила роковая каббалистическая цифра «52», и его опять начали одолевать мысли, что он умрет именно в этом возрасте. А ведь сделать еще хотелось так много!

* * *

Осенью 1906 года Фрейд приступает к изучению «случая маленького Ганса» — трехлетнего сына входивших в его «общество по средам» музыковеда Макса Графа и его жены Ольги (в девичестве Хениг). Это исследование в итоге привело к появлению одного из пяти самых известных психоаналитических очерков Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909). Сам этот случай нужен был Фрейду исключительно для того, чтобы обосновать и развить свою теорию детской сексуальности, и в этом очерке (как, впрочем, и в других) отчетливо проявилась вся тенденциозность Фрейда, его стремление любым путем

подогнать факты под свои воззрения — даже когда они вроде бы явно этому противоречили.

В жизни «маленького Ганса» звали Гербертом, и он появился на свет в апреле 1903 года. Позже Макс Граф, типичный ассимилированный венский еврей, признавался, что он подумывал о том, чтобы «воспитать сына в христианской вере» и не делать ему обрезания, дабы таким образом оградить в будущем от антисемитизма. Однако Фрейд категорически отговорил своего молодого поклонника от этого шага и настоял на том, чтобы мальчику сделали обрезание в точном соответствии с предписаниями иудаизма.

«Если вы не позволите своему сыну расти как еврею, вы лишите его тех энергетических источников, которые ничем нельзя заменить. Ему придется бороться как еврею, и вы должны развить в нем ту энергию, что понадобится ему в его борьбе. Не лишайте его этой поддержки!» — сказал Фрейд Графу.

Любопытно, что в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» тот же Фрейд утверждает, что именно обряд обрезания порождает комплекс кастрации и является одной из базовых причин антисемитизма, так как возбуждает у других народов отношение к евреям как к «кастратам». Что еще раз доказывает, какая ожесточенная внутренняя борьба вокруг «еврейского вопроса» шла внутри самого Фрейда. Вероятнее всего, именно она, как уже говорилось, и была причиной его личного невроза, а также его отношения к людям, которое очень часто переходило от горячей дружбы, почти обожания, в не менее горячую ненависть, как только эти люди осмеливались с ним не соглашаться. Всё это было, несомненно, отражением самолюбви-самоненависти, сидящей в нем самом.

Но в данном Графу совете сквозила прежде всего приобретенная Фрейдом житейская мудрость. К этому времени он понял, что любые попытки убежать от своего еврейства, притвориться австрийцем или немцем тщетны: рано или поздно еврею напомнят, кто он такой, и куда лучше, если он сам с детства будет знать это, обладать национальным самосознанием и готов к возможным насмешкам антисемитов.

Появление Герберта Фрейд воспринял как счастливую возможность провести исследование детской сексуальности, так как Марта, как мы помним, не позволяла ему это делать с их детьми. «Разве невозможно изучить у ребенка во всей свежести те его сексуальные желания, которые мы у взрослого с таким трудом должны извлекать из-под многочисленных наслоений?..

С этой целью я уже давно побуждаю своих друзей и учеников собирать наблюдения над половой жизнью детей, которая по

обыкновению по тем или иным причинам остается незамеченной или скрытой. Среди материала, который, благодаря моему предложению, попадал в мои руки, сведения о маленьком Гансе заняли выдающееся место. Его родители, оба мои ближайшие приверженцы, решили воспитать своего первенца с минимальным принуждением…»[167] — сообщает Фрейд во введении в очерк.

Таким образом, Герберт изначально стал объектом психоаналитического эксперимента, но для того, чтобы он окончательно превратился в «пациента», нужен был какой-то повод. И осенью 1906 года такой повод был найден: увидев напротив своего дома белую лошадь, «маленький Ганс» вдруг стал испытывать страх перед лошадьми и вообще крупными животными.

С этого момента мальчик оказывается под наблюдением Фрейда: отец и мать начинают тщательно записывать все его слова и поступки, докладывать о них учителю и следовать его указаниям о том, как именно надо излечить ребенка от этой фобии.

Тот, кто читал «Анализ фобии пятилетнего мальчика» и помнит себя в этом возрасте, не может не согласиться с тем, что в очерке имеется немало очень точных наблюдений, характеризующих развитие мальчика, его собственной сексуальной идентификации. Интерес к гениталиям, как своим собственным, так и окружающих и животных, детский онанизм как следствие автоэротизма, ревность к младшему брату или сестре, пробуждение интереса к девочкам, первые влюбленности — всё это и в самом деле весьма типичные и знаковые этапы развития психологии мужчины, что потом неоднократно было подтверждено другими исследователями.

Проблема этого очерка заключается не в искажении фактов, не в их тенденциозном подборе, а в том, как эти факты трактуются. К примеру, уже на первых страницах очерка приводится следующий факт:

«Пятилетний кузен находится в гостях у Ганса (которому теперь четыре года). Ганс много раз обнимает его и однажды при таком нежном объятии говорит: „Как я тебя люблю“».

И тут же следует вывод:

«Это первая, но не последняя черта гомосексуальности, с которой мы встречаемся у Ганса»[168]. Но значит ли это, что дружеская привязанность, которая так часто возникает в четыре-пять лет между мальчиками, всегда означает проявление гомосексуальности? Если это так, то большая часть мальчиков гомосексуальна по своей природе! Но почему бы не предложить другое объяснение: речь идет об обычном признании симпатии к

сверстнику, тем более сильной, что «маленького Ганса», как это следует из очерка, долго лишали нормального общения с другими детьми?!

И далее, когда оказывается, что с девочками ребенок хочет дружить не меньше, чем с мальчиками, Фрейд роняет парадоксальную фразу: «Наш Ганс, несмотря на свои гомосексуальные наклонности, при расспросах матери ведет себя как настоящий мужчина»[169]. То есть вопрос о гомосексуальных, а точнее, бисексуальных наклонностях четырехлетнего мальчика, непонятно почему, кажется Фрейду уже решенным.

Отец мальчика, Макс Граф, видит ситуацию глазами Фрейда, и когда у сына возникает страх перед укусом лошади, спешит найти именно сексуальное объяснение этой фобии. «Сексуальное возбуждение, вызванное нежностью матери, вероятно, является причиной нервного расстройства, но вызывающего повода я указать не в состоянии. Боязнь, что его на улице укусит лошадь, быть может, связана с тем, что он был где-нибудь испуган видом большого пениса. Как вы знаете, он уже раньше заметил большой пенис лошади, и тогда он пришел к заключению, что у матери, так как она большая, Wiwimacher должен быть как у лошади», — писал Граф Фрейду.

Фрейд, разумеется, выдвигает свое объяснение природы фобии: он связывает ее с попыткой мальчика вытеснить сексуальное влечение к матери, проявляющееся в стремлении находиться с ней в постели, в потребности в ее ласке и, наконец, в эдиповом комплексе — стремлении тем или иным путем устранить отца, остаться с матерью вдвоем.

«Он действительно маленький Эдип, который хотел бы устранить отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней. Это желание появилось во время летнего пребывания в деревне, когда перемены, связанные с присутствием или отсутствием отца, указали ему на условия, от которых зависела желаемая интимность с матерью. Тогда, летом, он удовольствовался желанием, чтобы отец уехал. К этому желанию позже присоединился страх быть укушенным белой лошадью, — благодаря случайному впечатлению, полученному при отъезде другого отца. Позже, вероятно, в Вене, где на отъезд отца больше нельзя было рассчитывать, уже появилось другое содержание: чтобы отец подолгу был в отсутствии, был мертв», — разъясняет Фрейд.

В итоге, благодаря данным Фрейдом советам, родители маленького Ганса ведут с ним откровенные разговоры о природе человеческого тела, объясняют ему, что за его страхом перед лошадьми кроется страх перед большим пенисом, мастурбацией и

т. п. — и Ганс «излечивается». Причем, будучи освобожден от своего детского страха, он одновременно избавляется от невроза, который мог бы, развившись на почве вытеснения этого страха, поразить его в будущем.

Заканчивается очерк, разумеется, одой психоанализу и рекомендацией родителям быть как можно более откровенными с детьми в вопросах секса. Рекомендация эта, как известно, была принята к сведению и оказала огромное влияние на последующее развитие дошкольной психологии и педагогики в Европе и США, которое, впрочем, разные исследователи оценивают по-разному.

Вопрос заключается в том, какова реальная научная ценность содержания и выводов этого очерка.

Повторим: факты, приведенные в нем, интересны, вызывают доверие, и потому он читается любителями подобного рода литературы с увлечением — подобным, скажем, тому же, с каким увлечением читается замечательная книга Корнея Чуковского «От двух до пяти». Но пристрастный читатель наверняка обратит внимание, что, находясь в плену своей сексуальной концепции, и автор, и отец «маленького Ганса» буквально навязывают ему собственные взгляды и мысли.

Приведем опять в качестве примера только несколько цитат.

«Когда Лицци должна была уезжать, перед ее домом стоял экипаж с белой лошадью, чтобы увезти ее на вокзал. (Лицци, как он мне рассказывает, это девочка, живущая в соседнем доме.) Ее отец стоял близко около лошади; лошадь повернула голову (чтобы его тронуть), а он и говорит Лицци: „Не давай пальцев белой лошади, а то она тебя укусит“. Я говорю на это: „Слушай, мне кажется, что то, что ты думаешь, вовсе не лошадь, а Wiwimacher, которого нельзя трогать руками“.

Он: „Но ведь Wiwimacher не кусается“.

Я: „Всё может быть!“

На что он мне весьма оживленно старается доказать, что там действительно была белая лошадь»[170].

Итак, как видим, Ганс, по его словам, испугался белой лошади, однако отец пытается его убедить, что его страх связан именно с *Wiwimacher,* то есть с пенисом, что вызывает у ребенка возражение. Фрейд, тем не менее, разделяет мнение отца и дает этому весьма малоубедительное обоснование: «…при ощущении зуда в головке члена, которое заставляет прикасаться к нему, дети говорят обыкновенно: „Меня кусает“»[171].

«…Утром 13 марта я говорю Гансу: „Знаешь, когда ты перестанешь трогать свой Wiwimacher, твоя глупость начнет проходить“.

Ганс: „Я ведь теперь больше не трогаю Wiwimacher“.

Я: „Но ты этого всегда хотел бы“.

Ганс: „Да, это так, но хотеть не значит делать, а „делать“ — это не „хотеть““»…

Поистине, возникает впечатление, что ребенок в данном случае умнее и более сексуально выдержан, чем отец.

Далее:

«В Шенбрунне он проявляет страх перед животными. Так, он ни за что не хочет войти в помещение, в котором находится жираф, не хочет войти к слону, который обыкновенно его весьма развлекает. Он боится всех крупных животных, а у маленьких чувствует себя хорошо. Среди птиц он на этот раз боится пеликана, чего раньше никогда не было, вероятно из-за его величины.

Я ему на это говорю: „Знаешь, почему ты боишься больших животных? У больших животных большой Wiwimacher, а ты на самом деле испытываешь страх перед большим Wiwimacher“.

Ганс: „Но я ведь никогда не видел Wiwimacher у больших животных“.

Я: „У лошади ты видел, а ведь лошадь — тоже большое животное“.

Ганс: „Да, у лошади — часто…“

<…>

Я: „…и ты, вероятно, начал бояться, когда однажды увидел у лошади большой Wiwimacher. Но тебе этого нечего пугаться. У больших животных большой Wiwimacher, у маленьких — маленький“.

Ганс: „И у всех людей есть Wiwimacher, и Wiwimacher вырастет вместе со мной, когда я стану больше; ведь он уже вырос“…»[172].

Когда Гансу после похода в зоопарк приснился сон о двух жирафах, изображение жирафа вдобавок висело над его кроваткой («Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа»), сон этот немедленно толкуется как отражение попыток Ганса понять взаимоотношения между отцом и матерью и попытку занять место отца («сесть на „измятого“ жирафа»).

Затем отец подталкивает Ганса именно к такой трактовке его сна: «В вагоне я разъясняю ему фантазию с жирафами. Он сначала говорит: „Да, это верно“, а затем, когда я ему указал, что большой жираф — это я, так как длинная шея напомнила ему Wiwimacher, он говорит: „У мамы тоже шея как у жирафа, я это видел, когда мама мыла свою белую шею“…»[173].

Список этих примеров можно продолжать еще долго, и из них невольно напрашивается вывод: ребенку буквально навязывают сексуально окрашенное видение мира, приучая за каждым явлением видеть пресловутый *Wiwimacher*. Между тем «маленький Ганс», как и все дети, и в самом деле интересовался этой стороной жизни, но — и это опять-таки следует из приводимых в очерке фактов — лишь до определенного предела, порога, за которым начиналось *нечто*, о чем он *пока* не хотел знать. Однако отец и Фрейд почти силой толкали его за этот порог, что в итоге и в самом деле могло привести к неврозу, если бы этот эксперимент в какой-то момент не прекратился.

Остается лишь удивляться, что Герберт Граф после всех проделанных над ним опытов в итоге остался нормальным ребенком, а затем вырос во вполне здорового в сексуальном отношении мужчину и стал одним из выдающихся оперных режиссеров Европы. Причем одной из самых знаменитых его постановок стала «Волшебная флейта» Моцарта, которую он с равным успехом ставил как в Зальцбурге, так и в Нью-Йорке. Конечно, при желании и довольно извращенной фантазии можно усмотреть связь между «Волшебной флейтой» и *Wiwimacher*, но давайте не будем этого делать.

Что касается его фобии, то тут трудно согласиться как с Фрейдом, так и с О. Г. Виленским, утверждавшим, что по описанию Фрейда у мальчика развилась бредовая идея и «…при нынешнем уровне медицины он подлежал бы лечению нейролептиками»[174]. На самом деле речь идет об обычном детском страхе — явлении, хорошо знакомом детским психологам, педагогам и родителям и преодолеваемом без всяких лекарств и психоанализа. «Маленький Ганс» боялся именно белой лошади и вообще всех крупных животных, что вполне естественно для его возраста, и *Wiwimacher* тут совершенно ни при чем. Впрочем, и сам Фрейд, похоже, понимал, что «наш Ганс был болен не сильнее, чем многие другие дети»[175]. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» вложил еще один кирпич в построение здания теории психоанализа, в которой вполне рациональные и ценные идеи, увы, нередко смешаны с «притянутыми за уши» домыслами.

Впрочем, мы несколько забежали вперед: как уже понял читатель, наблюдение за «маленьким Гансом» продолжалось несколько лет, и очерк о нем вышел только в 1909 году. А до этого должно было произойти еще множество событий.

* * *

В том же 1906 году, в который мы возвращаемся, Фрейд написал небольшую, но чрезвычайно важную и глубокую статью «Художник и фантазирование». Появление ее было, безусловно, не случайным — статья была призвана еще раз подчеркнуть, что психоанализ отнюдь не замыкается на объяснениях проблем невротиков, а призван дать объяснение всем сторонам человеческого бытия, стать глобальным мировоззренческим учением.

Участники встреч по средам активно обсуждали различные философские учения, классические и современные им литературные произведения, интерпретируя их с точки зрения психоанализа.

В «Художнике и фантазировании» Фрейд, используя опять-таки прежде всего свой личный опыт неудавшегося писателя, пытается проникнуть в психологию творчества. И следует признать, что это удается ему куда лучше и убедительнее, чем попытка объяснить «фобию» «маленького Ганса».

Истоки художественного творчества Фрейд видит в детской игре. Наслаждение, которое испытывает как гений, так и графоман от творческого процесса, он выводит из всё того же принципа удовольствия. Это — то же самое удовольствие, которое ребенок получал в детстве от игры и от которого, как и от любого другого вида наслаждения, раз попробовав, человек уже не может отказаться.

«Ведь и поэт, подобно играющему ребенку, делает то же: он создает фантастический мир, воспринимаемый им очень серьезно, то есть затрачивая на него много страсти, в то же время четко отделяя его от действительности»[176], — писал Фрейд в этой работе.

В принципе фантазирование — это процесс продолжения игры, а так как фантазии, являющиеся, в свою очередь, «осуществлением желания, исправлением неудовлетворяющей действительности», свойственны всем, то в той или иной степени все люди склонны к творчеству.

Чрезвычайно важной, точной и не утратившей своей актуальности и сегодня является и мысль, что практически все герои романов являются… самим писателем, который как бы «проигрывает» внутри себя все сюжетные линии. Примеряя роль то одного, то другого героя, писатель приписывает им свои как сознательные, так и бессознательные склонности и душевные конфликты: «Психологический роман в целом обязан, видимо, своим своеобразием склонности современного писателя расчленять свое Я на части и, как результат, персонифицировать конфликтующие устремления своей жизни в нескольких

героях»[177].

Безусловно верно и наблюдение Фрейда, что значительную часть материала для своих произведений большинство художников черпают из впечатлений своего детства.

Но главный вывод Фрейда заключается в финале статьи, когда он объясняет механизм эмоционального воздействия художественного произведения. Согласно Фрейду, каждый человек несет в себе некие фантазии, которых он стыдится, и это ощущение стыда, необходимость вытеснения фантазий в бессознательное, создает определенное душевное напряжение. Если бы поэт или писатель поделились с читателем своими подобными фантазиями в открытой форме, они бы вызвали у него только отторжение. Однако эстетическая привлекательность художественного произведения, те изменения и сокрытия, к которым прибегает автор, нивелируют это отторжение. А так как читатель нередко видит в произведении реализацию и своих фантазий, то оно таким образом помогает снять душевное напряжение, даря тем самым подлинное наслаждение.

Мысль эта, безусловно, не бесспорная, но, думается, многие согласятся, что в ней есть рациональное зерно, и она, как верно замечает Фрейд в последних фразах статьи, заслуживает дальнейшего исследования и развития.

На этом, пожалуй, можно попрощаться с 1906 годом в жизни Фрейда и перейти к поистине переломному — 1907-му.

* * *

«С 1907 года положение против ожиданий сразу изменилось, — писал Фрейд в „Очерке истории психоанализа“. — Оказалось, что психоанализ постепенно пробудил к себе интерес и нашел друзей, что имеются научные работники, готовые признать его. Блейлер письмом известил меня, что мои труды изучаются и применяются в Бургхольцли. В январе 1907 года прибыл в Вену первый представитель цюрихской клиники, д-р Эйтингон; скоро затем последовали и другие посещения…»

Под «другими посещениями» Фрейд имеет в виду исторический приезд в Вену Карла Густава Юнга — создателя «аналитической психологии», имя которого в истории неразрывно связано с именем Фрейда.

По первоначальным планам, Юнг должен был приехать в Вену в конце марта, на Песах, когда в течение всей праздничной недели Фрейд почти не работал и мог уделить внимание гостю. Решение Юнга отправиться весной на отдых на Адриатику и

потому появиться в Вене на несколько недель раньше застало Фрейда врасплох и даже вызвало у него некоторое раздражение. Это начало символизировало всё будущее развитие их отношений: Юнг оказался не способен к роли верного ученика, трепетно глядящего в рот учителю и делающего всё, что тот требует.

Но выказывать это раздражение Фрейд не стал, так как Юнг, с которым он до того уже обменялся восемнадцатью письмами и в котором видел сподвижника и единомышленника, был ему крайне нужен. Уже в этих письмах Юнг проявлял строптивость, соглашаясь с идеей Фрейда о том, что неврозы имеют сексуальную природу, но одновременно осторожно утверждая, что у них порой могут быть и другие причины. Однако Фрейд, оставаясь нетерпимым к любым возражениям, списывал эти «заблуждения» на счет его неопытности и не сомневался, что после личной встречи швейцарец окончательно уверует в «непреклонность бога Эроса».

Юнг был нужен Фрейду, во-первых, потому, что был иностранцем, то есть нес с собой прорыв психоанализа за границы Вены и Австро-Венгрии в целом, а во-вторых, по той причине, что он, в отличие от всех остальных приверженцев Фрейда на тот период, не был евреем. На фоне австрийского антисемитизма за психоанализом в Вене прочно утвердилась репутация «еврейского учения», созданного евреем, развиваемого евреями и предназначенного исключительно для объяснения психических проблем евреев.

Сам Фрейд вольно или невольно способствовал этому мнению и даже поддерживал его. Так, в том же 1907 году на одном из заседаний своего кружка он, касаясь еврейской темы, заявил, что «религия Израиля — это навязчивый невроз, который продолжается уже сотни лет». Даже Макс Эйтингон, побывавший в Вене в январе по поручению Блейлера, желавшего получить от Фрейда ответы на ряд конкретных вопросов, касающихся психоанализа, тоже оказался евреем (причем российским евреем, приехавшим учиться в Швейцарию из Могилева). Нееврейские ученики были, таким образом, нужны Фрейду как воздух.

Тридцатилетний Юнг появился в доме на Берггассе в сопровождении молодой жены Эммы, дочери крупного бизнесмена, и своего аспиранта Людвига Бинсвангера — сына главврача психиатрической клиники «Бельвю» Роберта Бинсвангера.

Молодые люди и Фрейд понравились друг другу, и в последующие дни Юнг и Бинсвангер проводили в доме Фрейда долгие часы. В один из этих визитов Фрейд предложил гостям

истолковать их сны. Бинсвангер в ответ рассказал Фрейду, что ему снился дом на Берггассе, в котором идет ремонт, и старая люстра, прикрытая куском материи. Фрейд истолковал этот сон молодого человека как желание жениться на его дочери Матильде и одновременное осознание, что не стоит жениться на девушке из столь необеспеченной семьи, «живущей в доме с такой убогой люстрой». Бинсвангера такое толкование удивило, и Пол Феррис остроумно замечает, что если смысл сна Бинсвангера остается непонятным[178], то его толкование Фрейдом явно отражает его личное желание как можно скорее выдать Матильду замуж.

Юнгу, в свою очередь, приснилось, что Фрейд идет рядом с ним как «очень дряхлый старик». Фрейд истолковал этот сон как то, что Юнг видит в нем соперника, хотя, думается, для выросшего в семье пастора и привыкшего уважать старость Юнга этот сон скорее отражал его восприятие Фрейда как пожилого человека, которому не стоит перечить. Впрочем, и трактовка Фрейда, увидевшего в символике сна соперничество, в данном случае, безусловно, имеет право на существование.

В среду Фрейд пригласил Юнга и Бинсвангера на заседание своего кружка, на котором прочел новую статью. Сами участники кружка произвели на швейцарских гостей крайне неприятное впечатление. Они показались им группой вульгарных евреев, в которых отталкивало всё: манера разговора, в котором свободно допускались «непристойные выражения» (Фрейд и сам не чурался таких словечек); сальные шуточки; явная любовь к выпивке…

Вдобавок ко всему, сам Фрейд, похоже, тоже разделял это мнение, так как, отведя Бинсвангера в сторону, с явной иронией произнес: «Что ж, теперь вы увидели эту компанию!»

Возможно, Фрейд в данном случае просто повторил фразу раввина из одного известного еврейского анекдота. Но вопрос заключается в том, насколько порядочно было говорить нечто подобное в адрес тех, кто его боготворил и рекламировал по всей Вене; тех, кто, по сути, и начал раздувать пламя из зажженной им искры. Самой этой фразой Фрейд словно хотел отделить себя от «вульгарных евреев», показать, что он и они — совсем не одно и то же. Это было, таким образом, своего рода самоотречением, проявлением всё того же комплекса «галицианца». В любом случае, этот эпизод с Бинсвангером говорит не в пользу Фрейда и явно не делает ему чести.

Юнг потом вспоминал дни пребывания в Вене, делая особый акцент на поразившие его «странные» отношения между Фрейдом и Минной, невольно наводившие на мысли о их близости — несмотря на оговорку Фрейда, назвавшего свояченицу «сестрой» — а может, и благодаря ей. Поразило его также мещанское

поведение Марты, проявившееся в болезненной привязанности к вещам.

«Ближе к концу недели, когда мы — я с Эммой и Бинсвангером — были приглашены в квартиру на ужин, госпожа Бёрнейс, сестра его жены, вела себя как хозяйка, говорила с гостями, в отличие от жены, сосредоточенной на том, чтобы всем улыбаться и следить за тем, чтобы в миске была горячая вода, которой можно очистить пятно со скатерти, если кто-то прольет соус, — писал Юнг. — Молодой Бинсвангер ухитрился оставить у основания рюмки след от красного вина (которое он вообще-то не пил, потому что мы все в „Бургхольцли“ сейчас убежденные трезвенники, тут же была вызвана служанка, чтобы стереть ненавистное пятно. Бедный Бинсвангер покраснел и заерзал, а Эмма, стараясь его успокоить, начала говорить о сумасшедшем доме — или клинике „Бельвю“, как принято говорить в приличной компании, — на озере Констанс, которой Бинсвангеры управляли как семейным делом и которая, несомненно, скоро перейдет к молодому Б.

Я был поражен, когда услышал от нее: „А это не туда Брейер отправлял ту странную девушку Паппенгейм?“ Некая Берта Паппенгейм была прототипом Анны О. в книге об истерии. Б. был тогда слишком молод, и ему было практически нечего сказать, но я нашел интересным, что госпожа Бёрнейс так хорошо осведомлена о старых случаях.

Она и Фрейд обращались друг с другом с шутливой интимностью („Ой, не глупи, как это тебе не нравится цыпленок!“ — сказала как-то она), за которой скрывалась взаимная приязнь. Я редко ошибаюсь в подобных делах.

Я увиделся с ней снова, за день до отъезда, когда зашел к ним, а Фрейд всё еще совершал свою послеобеденную прогулку по доброй половине Вены. Она отвела меня в мрачную приемную, посадила на его стул и расположилась на кушетке. „Профессор рассказывает вам обо всех своих пациентах?“ — спросил я. „Ну конечно же! — произнесла она таинственным голосом, возможно, шутя. — У нас нет друг от друга секретов, у Зигмунда и у меня. Я его свояченица, которую воспринимают как лишенное пола существо и подходящее доверенное лицо“.

Она, несомненно, могла многим меня удивить. „Вы несправедливы к себе“, — сказал я просто из вежливости (видимо, но можно ли быть в этом уверенным?). „Очень может быть, — отвечала она. — Жизнь старой девы имеет массу неприятных недостатков. Но, знаете ли, есть и компенсация“.

Не успел я открыть рот, как мы услышали, что открывается дверь парадного входа, и до нас донесся дым сигары.

„Так вы анализируете мою сестру“, — сказал он, войдя.

Она улыбнулась и ускользнула (скорее утопала — у нее тяжелая походка). Бог его знает, в какие игры они играют. Когда я рассказал обо всем Эмме, она сказала: „Он бы не осмелился“».

Согласитесь, что эта сцена невольно вызывает ощущение, что Минна пыталась соблазнить Юнга и символически предложила ему занять место Фрейда в ее жизни. Ее замечание о том, что ее воспринимают как «лишенное пола существо», тоже звучит крайне двусмысленно. Добродетельная Эмма Юнг отмела предположение мужа об интимной связи Фрейда со свояченицей утверждением «он бы не осмелился», но на самом деле мы и сегодня плохо себе представляем, на что мог «осмелиться» Фрейд, а на что — нет.

Как бы то ни было, встреча с Фрейдом произвела огромное впечатление на Юнга. Он вернулся в Цюрих с тем же душевным подъемом, какой чувствует новообращенный в «истинную веру». В написанном весной 1907 года письме Фрейду Юнг с библейским плодом с древа познания добра и зла рассыпается в утверждениях верности учителю.

«Я уже не сомневаюсь в правоте вашей теории, — писал Юнг. — Я надеюсь и даже мечтаю, что мы сможем увидеть вас в Цюрихе следующим летом или осенью. Ваш визит был бы огромным счастьем для меня лично».

Фрейд не замедлил с ответом, в котором выразил уверенность, что наконец-то обрел равного себе по таланту последователя, который будет способствовать победному шествию психоанализа по планете. «Нет человека, более способного, чем вы, чтобы продолжить и завершить мою работу», — написал он.

Юнг и в самом деле был нужен Фрейду, так как олицетворял для него ту респектабельность, те иные «арийские» черты характера, которых, по собственному убеждению Фрейда, ему категорически не хватало. «Я окончательно убедился, что всё в моей личности, мои слова, мои идеи, вызывает в людях неприятие, тогда как для Вас их сердца открыты», — говорит он в следующем письме швейцарскому ученику.

Именно Юнгу и созданной им швейцарской школе психоанализа мы обязаны появлением понятия комплекса как «совокупности аффективно заряженных мыслей, интересов и установок личности, воздействие которых на актуальную психическую жизнь, как правило, бессознательно»[179]. Термин этот настолько пришелся по вкусу Фрейду, что он стал использовать его в последующих сочинениях, формулируя понятия об «эдиповом комплексе» (и «комплексе Электры» как его

женской разновидности) и «кастрационном комплексе». Знаменитое понятие «комплекс неполноценности» принадлежит уже мятежному ученику Фрейда Альфреду Адлеру.

* * *

Одной из «знаковых» работ Фрейда 1907 года стало его эссе (или, как он сам называл его, «этюд») «Бред и сны в „Градиве“ В. Йенсена», посвященный рассказу этого, ныне почти забытого немецкого писателя.

Рассказ этот произвел столь большое впечатление на Фрейда и так много значил для него (настолько много, что Фрейд даже раздобыл гипсовый слепок с рельефным изображением римлянки, напоминающий тот, о котором идет речь в рассказе, и повесил его в своем кабинете) потому, что в перипетиях его сюжета Фрейд увидел художественное подтверждение своих взглядов. Значительную часть «этюда» составляет изложение рассказа: молодой археолог Норберт Ханольд получает рельеф изображения прекрасной юной римлянки, которую называет Градивой, и домысливает ее биографию, делая ее одной из жертв извержения вулкана в Помпеях. При этом — что крайне важно — Ханольд не интересуется женщинами, поглощен наукой и вообще ведет себя как асексуал. Однако Градива является ему во сне, в котором он и она оказываются в день гибели в Помпеях, и герой рассказа начинает бредить встречей с этой девушкой, пусть и мертвой. В один из дней, решив не уподобляться сидящей в клетке на окне соседнего дома канарейке, Норберт едет в Помпеи, бродя по руинам которых встречается с девушкой, удивительно похожей на Градиву — молодой немкой по имени Зоя («Жизнь»). Поначалу он уверен, что встречается с призраком. Девушка, как ни странно, начинает подыгрывать ему, но затем убеждает в своей абсолютной реальности. Более того, она оказывается той самой особой, что живет в доме напротив, в квартире с канарейкой, и в детстве они с Норбертом дружили и даже любили друг друга. После этого археолог окончательно излечивается от своей навязчивой идеи, и завершается всё, разумеется, свадьбой.

Судя по всему, «этюд» первоначально был написан для доклада на кружке, и данный Фрейдом анализ рассказа выглядит вполне обоснованно. Любовь к Градиве с рельефа с последующим переходом в навязчивое состояние была, по Фрейду, следствием вытесненной сексуальности героя, а сам способ, который Зоя избрала для излечения молодого человека, был, в сущности,

психоаналитическим. Любовь к призраку, к девушке, изображенной на рельефе, объясняет Фрейд, была порождена вытесненным воспоминанием о детской и подростковой любви (конечно, с элементами сексуальности — как тут не вспомнить опыт самого Фрейда с племянницей на одуванчиковом лугу, а затем и с Жизелой) к девочке, похожей на это изображение. То есть Норберт полюбил Градиву потому, что она была похожа на Зою, а ее походка, запечатленная на рельефе, была походкой Зои, а не наоборот.

Однако если бы Зоя прямо сказала об этом одержимому навязчивым состоянием археологу, то она не только не излечила бы его, но и, возможно, напротив, усугубила его паранойю. Именно подыгрывая ему, говоря о том, что, возможно, они уже встречались в Помпее две тысячи лет назад, девушка медленно, но верно возвращает мужчину, в которого она с детства тайно влюблена, к реальности. В итоге все мистические мотивы Градивы получают вполне реалистическое, почти медицинское обоснование.

Такой анализ фабулы рассказа кажется нам сегодня очевидным и даже банальным, но это — исключительно потому, что за минувшее столетие идеи Фрейда прочно вошли в наш культурный обиход, нравится это кому-то или нет. В 1907 году подобная интерпретация была поистине новой, почти революционной. Показательно, что когда Фрейд направил Йенсену свой «этюд» и предложил сотрудничество, тот с негодованием отказался, заявив, что ничего такого не имел в виду, что Градива — не более и не менее, чем плод его фантазии, не имеющий ничего общего с домыслами Фрейда. Категорически отверг Йенсен и версию Фрейда о том, что рассказ свидетельствует, что в детстве писатель испытывал сексуальное влечение к сестре.

Фрейд, таким образом, увидел в Градиве целый ряд достоинств. Во-первых, сны его главного героя отлично поддавались расшифровке и прекрасно вписывались во фрейдовскую теорию, изложенную в «Толковании сновидений». Во-вторых, как уже было сказано, рассказ подтверждал в художественной форме, что психоанализ действительно способен излечивать различные психические отклонения.

Правда, отмечал Фрейд, Зоя оказалась в более выгодном положении, чем психоаналитик: она изначально была знакома с прошлым Норберта. Врач же, поясняет Фрейд, «наблюдает больного не с начала болезни и не имеет осознанных воспоминаний о том, как в нем работает бессознательное, и потому вынужден прибегать к сложной технике, чтобы

восполнить этот изъян. Он должен научиться по осознанным мыслям и рассказам больного с высокой степенью достоверности сделать вывод о том, что вытеснено в нем, расшифровать бессознательное там, где оно проступает за осознанными высказываниями и действиями больного»[180].

В-третьих, то, что Йенсен не принял его версии рассказа, стало для Фрейда еще одним доказательством роли бессознательного в художественном творчестве. «Наш метод состоит в сознательном наблюдении анормальных процессов у других людей для того, чтобы уметь разгадывать и формулировать их законы. Художник, видимо, продвигается иначе; он направляет свое внимание на бессознательное в собственной душе, прислушивается к возможностям его развития и выражает их в художественной форме вместо того, чтобы подавлять средствами осознанной критики»[181].

Так был сделан еще один существенный шаг вперед в познании психологии творчества и по большому счету в мировом литературоведении. И остается вновь повторить, что сегодня мы часто даже не замечаем, что читаем многие книги глазами доктора Фрейда.

Фрейд, как показывают его переписка и воспоминания учеников, продолжал в тот период живо интересоваться самой разнообразной литературой и в письме антиквару Хинтербергеру назвал «10 хороших книг, которые приходят в голову без всяких раздумий»: «Письма и сочинения» Мультаули, «Книга джунглей» Киплинга, «На белом коне» Франса, «Плодовитость» Золя, «Леонардо да Винчи» Мережковского, «Люди из Селдвила» Келлера, «Последние дни Гуттена» Конрада Мейера, «Эссе» Томаса Маколея, «Скетчи» Марка Твена и «Греческие мыслители» Теодора Гомперца.

Если у самого Йенсена анализ Фрейда поначалу восторга не вызвал, то он был высоко оценен целым рядом писателей и литературоведов, увидевших в психоанализе огромные возможности для проникновения в глубинный смысл многих произведений. Этим и объясняется тот, приводимый обычно в упрек Фрейду факт, что его учение получило в первую очередь признание у европейской богемы, а не у серьезных специалистов.

Любопытно, что Фриц Виттельс был убежден, что, открыв тайные пружины творчества, Фрейд оказал дурную услугу литераторам и деятелям культуры в целом. Многие писатели, объясняет он, после этого начали «конструировать» сюжеты своих книг и выстраивать поведение героев с учетом теории Фрейда. Но на самом деле, поясняет Виттельс, Фрейд имел в виду совершенно обратное: он учил видеть в литературном

произведении стихийное проявление бессознательного художника, что в значительной степени и обусловливало ценность этого произведения, а не существование некой «технологии», по которой можно изготавливать «шедевры».

* * *

Еще одной чрезвычайно важной работой Фрейда 1907 года стал очерк «Навязчивые действия и религиозные обряды». Мы уже упоминали фразу Фрейда о том, что «иудаизм — это невроз евреев». В «Навязчивых действиях…» он распространяет этот тезис на все религиозные культы и утверждает, что «религия — общечеловеческий синдром навязчивости».

Для обоснования этой формулы он обращает внимание читателя на то, что одной из главных составляющих религии является культ — обряды, ритуалы, посты, молитвы, жертвоприношения и пр. Регулярное участие в культовых действиях, требование их скрупулезного исполнения становятся для религиозных людей частью жизни; отказ от них или неточное исполнение порождает у верующего чувство вины, страх и подавленность. Но точно так же, указывает Фрейд, ведут себя люди, страдающие синдромом навязчивости: они совершают повторяющиеся стереотипные действия (при одевании, отходе ко сну) и т. д., неуместность и бессмысленность которых очевидна для окружающих, но которым, по сути дела, подчинена их жизнь. Отказ от этих действий вызывает у таких невротиков страх и подавленность, а их выполнение, наоборот, приносит облегчение. Таким образом, по мнению Фрейда, разница между навязчивыми действиями и культовыми церемониями невелика.

«Легко видеть, — писал Фрейд в этой работе, — в чем состоит сходство невротической церемонии со священнодействием ритуала: в угрызениях совести при неисполнении в полной изоляции (запрещение мешать) и в добросовестном выполнении мелочей. Но столь же очевидны различия… большее индивидуальное разнообразие церемоний в противоположность стереотипности религиозного обряда (молитвы и т. п.); частный характер первого и публичность второго. Но главная разница предполагает символический и разумный смысл, тогда как аксессуары церемоний невротического характера кажутся нелепыми и бессмысленными». На основании подобных рассуждений Фрейд в итоге делает вывод, что «невроз навязчивости делает здесь полукомическую-полутрагическую карикатуру частной религии».

Разумеется, Фрейд при написании статьи отталкивался от работ своих предшественников — в первую очередь от Уильяма Джемса, собравшего огромное количество случаев религиозного психоза и психиатрических заболеваний глубоко верующих людей, а также Людвига Фейербаха, называвшего в «Сущности христианства» любую религию «психопатологией». Но вместе с тем статья Фрейда содержит в себе и немало новых, как обычно, весьма спорных идей.

Важность ее заключается в том, что это первая работа, в которой Фрейд с точки зрения своей теории пытается объяснить сущность религии и психологическую природу религиозности, то есть снова, как конкистадор, врывается на «чужую территорию» и использует психоанализ не как метод исцеления невротиков, а как всеобъемлющее учение.

Но вопрос состоит в том, что именно побудило Фрейда написать эту статью — ведь все его работы так или иначе связаны с его личными душевными переживаниями и жизненным опытом. Безусловно, толчок к работе над статьей дали бесконечные споры о сути религии (под которой, разумеется, понимался иудаизм) на традиционных встречах по средам. Понятно, что споры эти велись в том же ключе, что и во многих домах еврейских буржуа и интеллигентов того времени: можно ли сохранить веру в Бога и остаться в лоне иудаизма, отказавшись от его культовой стороны; не противоречит ли сам культ, обросший за тысячелетия множеством «мелочей», первоначальным идеям Моисея и других пророков, и т. д.?

Но, думается, подлинное объяснение мотивов этой работы заключается в том, что сам Фрейд не мог отказаться от этих «мелочей» и таким образом диагностировал у себя синдром навязчивости. Он был атеистом, не соблюдал почти никаких еврейских заповедей, но в Песах, следуя вековым требованиям Библии, не работал и вместо хлеба, ворча, ел мацу. Его лекции по субботам начинались после семи вечера — когда, как правило, суббота, в которую евреям запрещено работать, ездить на лошадях и т. д., уже закончилась. Он не соблюдал кашрут, но избегал есть свинину и другие запрещенные евреям Библией блюда. Словом, как он ни пытался убежать от своего еврейства, порвать с самим еврейским образом жизни, оно притягивало его, словно он был привязан к нему резинкой.

Наконец, в 1902 году произошло еще одно малоизвестное событие. Раввин Йосеф Шнеерсон, шестой Любавичский ребе (Рашаб), тогдашний лидер мощного хасидского течения Хабад, привез к Фрейду своего сына. Занимаясь лечением молодого человека, Фрейд много общался с самим ребе, и мощь интеллекта

этого человека, его эрудиция и умение с железной логикой вести спор с атеистом поразили Фрейда. Не исключено, что в тот момент он почувствовал притяжение к религии предков, и это испугало его[182]. Чтобы отделаться от «религиозного морока» и объяснить самому себе, что́ именно с ним происходит, он и написал очерк «Навязчивые действия и религиозные обряды».

Как увидим, Фрейд поступит так еще раз в конце жизни — в ответ на пробуждение в себе религиозного чувства он ответит написанием атеистической и почти откровенно антисемитской книги.

* * *

Летом 1907 года Фрейд снова провел четыре дня с Минной во Флоренции.

«Когда я окончательно преодолею свое либидо (в обычном смысле слова), я сяду писать книгу „Интимная жизнь человечества“», — написал он Юнгу позже, из Рима, куда поехал один. Думается, эти слова можно принять за признание, что в 51 год Фрейд был еще вполне сексуально активен и его время от времени мучил характер отношений с Минной. Марта, похоже, смирилась с происходящим и, не желая знать правду о муже и сестре, вытеснив ее в бессознательное, уверилась в придуманный ею самообман.

Тогда же в Риме Фрейд впервые в жизни посмотрел кинофильм, демонстрировавшийся на экране, установленном на крыше дома на площади у его гостиницы, и признался, что почувствовал себя «великовозрастным ребенком», и оставался до конца фильма на месте, «как заколдованный».

Осенью 1907 года в Амстердаме состоялась Международная конференция психологов, одной из задач которой было дать бой Фрейду, книги которого постепенно приобретали популярность в Европе, и игнорировать их становилось всё труднее. Однако Фрейд счел себя не готовым к бою и предложил Юнгу представлять его на конференции. Все выступавшие на конференции, включая такого авторитетного психолога, как Пьер Жане, обрушились с резкой критикой на психоанализ. Ряд ораторов позволили себе откровенно антисемитские выпады. Так, некий доктор Альт назвал всех фрейдистов «грязными и нечистоплотными» — характерные для немцев эпитеты по отношению к евреям.

Юнг попытался отстаивать психоанализ, заявил, что его личный опыт врача подтверждает теорию Фрейда, но в итоге

вынужден быт демонстративно покинуть зал конференции. Тем не менее на конференции Юнг познакомился с еще одним сторонником психоанализа — Эрнестом Джонсом, которому предстояло стать главным биографом Фрейда.

К тому времени у Джонса уже была довольно скандальная репутация: в 1906 году он был арестован по подозрению в педофилии, и лишь благодаря ловкости его адвоката дело не дошло до суда. Именно Джонс, будучи поклонником Фрейда, и предложил Юнгу собрать в ответ на Амстердамскую конференцию съезд психоаналитиков, причем проводить его ежегодно. Юнг тут же согласился, написал об этой идее Фрейду и в качестве предварительной даты проведения первого такого съезда назвал весну 1908 года. «Так никому не известный Джонс, еще не познакомившись с Фрейдом, заложил основу всемирного распространения психоанализа», — замечает Пол Феррис.

Фрейд продолжал сближаться с Юнгом, и если поначалу он обращался к нему в письмах как «дорогому коллеге», то в ноябре 1907 года звучит уже «дорогой друг и коллега!», а в начале 1908-го — просто «дорогой друг!». Юнг, в свою очередь, поблагодарил Фрейда за «незаслуженный дар … дружбы», но, узнав из писем самого же Фрейда историю его дружбы с Флиссом, продолжил обращаться «дорогой профессор Фрейд!» и написал, что хотел бы видеть их отношения «не отношениями между равными, а отношениями между отцом и сыном». Если сделать поправку на эдипов комплекс, то это замечание уже тогда можно было счесть весьма двусмысленным.

* * *

1 октября 1907 года официально датируется начало работы Фрейда с «крысиным человеком» — Эрнстом Ланцером, которому он в «Заметках о случаях навязчивого невроза» дал псевдоним Поль. Ланцер слышал «внутренние голоса», приказывавшие ему ужасные вещи: перерезать себе горло, убить бабушку своей подруги Жизелы, спрыгнуть в пропасть и т. п. Молодой человек осознавал, что болен, как мог противился этим «приказам», обращался за помощью к лучшим венским психиатрам, но всё было бесполезно. У него появилась навязчивая идея, что ночью к нему должен явиться призрак отца, в ожидании которого он доставал свой пенис и смотрел на него в зеркало. Это продолжалось до тех пор, пока Ланцер не убедил себя, что таким образом наносит ущерб душе отца на том свете.

Летом 1907 года болезнь Ланцера обострилась. Попав на

резервистские сборы в Галицию, он стал страдать от навязчивой мысли о крысах, которые могут что-либо сделать с его отцом или Жизелой. Эта фобия появилась у Ланцера после того, как некий капитан рассказал о существующей на Востоке казни, при которой приговоренного привязывают к горшку с голодной крысой (или крысами), и та начинает прогрызать в его теле ход наружу.

Чтобы предотвратить «казнь крысами» Жизелы и покойного отца, Ланцер начал изобретать различные способы самонаказания, в том числе и изобрел ритуал бессмысленной траты денег, чтобы с его помощью «откупиться» от ужасной кары. В это же время он прочел книгу Фрейда «Психопатология обыденной жизни» и обратился к нему как к последней надежде.

Для Фрейда случай Ланцера стал еще одним доказательством того, насколько живучи бывают детские страхи и как развивающаяся детская сексуальность может стать причиной невроза. Он выяснил, что отец Ланцера в детстве наказывал его за мастурбацию; что у самого Ланцера были садистские наклонности, которые он в себе подавил и оттеснил в бессознательное; выявил в его детстве пугающие воспоминания — и в итоге, объяснив их пациенту, добился, как утверждал Фрейд, «восстановления его психического здоровья».

Дальнейшая судьба Ланцера известна. Он женился и, судя по всему, больше не обращался к врачам; в 1914 году был призван в армию, попал в плен и скончался где-то в России.

Рассказ о «крысином человеке», в сущности, явился продолжением создаваемого Фрейдом цикла полубеллетристических новелл с условным названием «И тут появился психоаналитик». Написанные легким, увлекательным языком, они были призваны убедить читателей — как профессионалов, так и широкую публику — в том, что его учение всесильно, а потому верно. Схема остается всё той же: страдающий неврозом пациент обращается к конвенциональным специалистам, но всё тщетно. Сама причина его невроза или фобии остается загадкой — пока на сцене не появляется профессор Зигмунд Фрейд, не докапывается до истоков этих загадок в истории жизни пациента — и дарует ему исцеление.

И снова один из страстных критиков Фрейда, профессор психиатрии О. Г. Виленский говорит: «Не верю!» — и настаивает на том, что Фрейд подтасовал факты.

«Вся психопатологическая симптоматика пациента, — пишет Виленский, — четко укладывается в хорошо известный синдром психического автоматизма Кандинского — Клерамбо, то есть в такое состояние, когда больной чувствует, что „кто-то“ диктует

ему „чужие мысли“ и управляет его действиями. Больной пытается сопротивляться, но чаще всего безуспешно. То есть речь идет о бреде, определяющем поведение пациента, и всё укладывается в рамки параноидной шизофрении. Итак, этот пациент Фрейда был отнюдь не легким салонным невротиком, а тяжелым душевнобольным»[183].

Впрочем, вывод Виленского кажется автору этой книги несколько категоричным, чем, увы, по моему опыту, грешат многие психиатры. В любом случае, эта статья Фрейда несет в себе опять-таки немало интересных идей, а его попытка связать усиление фобий Ланцера с захлестывающим Вену и австрийскую армию антисемитизмом представляется вполне логичной. Обосновывая эту идею, Фрейд явно опирался и на собственные биографию и самоощущения и в итоге пришел к уже знакомому нам выводу о том, что все евреи страдают неврозом навязчивости, обусловленным ритуальным характером иудаизма.

Виленский называет эту идею бредовой и видит в ней еще одно доказательство параноидального характера личности Фрейда. Что ж, возможно, это снова отчасти верно, но дело ведь не в самой идее, а в ее объяснении. По мнению автора этих строк, возникший в детстве у Ланцера страх перед крысами усугубился на фоне того, что во многих антисемитских карикатурах евреи изображались как крысы или похожими на крыс. Больше всего на свете Ланцер, как и покончивший самоубийством Вейнингер, ненавидел собственное еврейство и своего отца — но не за то, что последний наказывал его за мастурбацию, а потому, что родил его евреем. Один из героев романа «Голем» Густава Майринка (одного из самых выдающихся писателей Австро-Венгрии того периода), движимый этим комплексом, вскрывает себе вены на могиле отца, чтобы ненавистная ему еврейская кровь стекла в могилу.

Эта самоненависть явилась платой евреев за стремление стать органической частью тех народов, среди которых они жили, и феномен этот, скажем вновь и вновь, хорошо известен. Излечение от нее, как показывает опыт, обычно достигалось возвращением человека к своим еврейским корням и стимулированием у него чувства не стыда, а гордости от ощущения принадлежности к «избранному народу». Таким образом, невроз навязчивости был порожден не иудаизмом, а отходом от него, а вот исцеление невроза как раз и заключалось в возвращении к иудаизму. Но, повторим, это исключительно личная точка зрения автора этой книги, основанная опять-таки на его личном опыте.

Нам же остается констатировать, что 1907 год получился для

Фрейда и в самом деле предельно напряженным и насыщенным. Стоит заметить, что, помимо всего прочего, он в этом году улучшил свои жилищные условия: в этом году сестра Фрейда Роза, ее муж Генрих Граф и их двое детей, жившие в соседней с Фрейдами квартире, переехали, и Фрейд объединил две квартиры в одну, перебравшись с нижнего этажа в более просторные апартаменты. Теперь его «рабочее пространство» включало в себя две комнаты. А впереди уже маячил 1908 год с его «роковым» числом «52». Он всё чаще говорит о себе как о «старом еврее» и о своей готовности уступить место «более молодым». Впрочем, 1908 год стал для Фрейда не годом смерти, а годом великих свершений.

Глава десятая
«ВСТАВАЙТЕ, СИР, ВАС ЖДУТ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА!»

В начале 1908 года Фрейд был занят лихорадочной подготовкой 1-го Международного психоаналитического конгресса. К этому времени венский кружок последователей Фрейда насчитывал уже 22 члена. В феврале к ним присоединился венгерский психолог Шандор Ференци (1873–1933), которому предстояло стать одним из самых выдающихся учеников Фрейда.

Как и любой подобного рода кружок, он объединил вокруг себя самую разношерстную публику, которую сближали разве что еврейское происхождение и жизнь в «еврейских районах», прилегающих к центру Вены. Штекель, Адлер, Виттельс, Ранк, Федерн, Граф, Саджер — каждый из них оставил какой-то след в истории психоанализа. Все они были относительно молоды, соперничали друг с другом за сердца одних и тех же женщин и — самое главное — за внимание и благожелательность Фрейда. Как следствие, внутри кружка то и дело вспыхивали склоки и скандалы, и дело доходило до того, что Фрейд время от времени угрожал распустить кружок, превратившийся в террариум единомышленников.

В начале года Юнг окончательно остановил свой выбор места будущего конгресса на Зальцбурге. Фрейд был изрядно обеспокоен тем, как он появится на этом форуме в окружении членов своего кружка, насколько прилично они будут себя там вести и т. д., — он открыто опасался, что вся эта шумная венская компания отпугнет первых зарубежных последователей психоанализа. Старые галицийские комплексы проснулись в нем с новой силой. Возможно, он не раз вспоминал в те дни старый еврейский анекдот, в котором на вопрос о том, почему Моисей водил евреев 40 лет по пустыне, следует ответ: «Потому что с таким народом ему было стыдно показаться в приличном городе».

Тем не менее 15 апреля, накануне конгресса, произошло важное событие: кружок Фрейда получил название «Венское психоаналитическое общество», что звучало вполне солидно.

26 апреля, в понедельник, в Зальцбурге состоялось торжественное открытие 1-го Международного психоаналитического конгресса, в котором приняли участие 42 делегата. Более половины из них составляли члены Венского психоаналитического общества, шестеро приехали из Швейцарии,

пятеро — из Германии, двое (Эрнест Джонс и его друг Уилфред Троттер) — из Англии, еще двое — из Венгрии и один — доктор Абрахам Брилл — из США. Всего на конгрессе было заслушано девять докладов.

«Я никогда не видел более полного триумфа, чем тот, которого добился Фрейд на этом конгрессе, — писал Виттельс. — Осторожные швейцарцы имели кое-какие возражения. Но Фрейд опрокинул их силой и убедительной ясностью своей речи. Он чувствовал, что он, с помощью швейцарской школы, найдет смычку с мировой наукой, и не подозревал еще, какое разочарование ему предстояло. Но и венские ученики Фрейда также выдвинулись. Так, Задгер впервые сделал сообщение о гомосексуальном мужчине, которого он вылечил психоанализом. Штекель говорил о фобиях»[184].

Сам Фрейд выступил на конференции первым, положив в основу своего доклада «случай крысиного человека». Начав выступать в восемь утра, он говорил до одиннадцати часов, затем предложил сделать перерыв, но восторженные слушатели попросили его продолжить, и в результате доклад продолжался до полудня. Собравшихся увлекла не только сама история, но и то, что в докладе Фрейд впервые подробно раскрыл методику психоанализа, рассказал, как именно он осуществляет на практике то, о чем прежде он старался вообще не говорить либо говорил урывками. По словам Эрнеста Джонса, во время того доклада он «утратил чувство времени» и два дня спустя написал Фрейду письмо о том, что всё еще находится под впечатлением от его лекции, «которая показалась… самим совершенством. Всё остальное было просто „водой“, маловразумительной и бессодержательной болтовней».

На конгрессе было принято решение издавать «Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований», редактором которого был избран Юнг, а все расходы и заботы по изданию взяли на себя Э. Беллей и Фрейд. Это издание просуществовало до 1924 года.

После конгресса Джонс уехал в Канаду, так как жить в Англии с его репутацией было больше невозможно. Одновременно он взял на себя пропаганду идей психоанализа в этой стране. Брилл был полон решимости исполнить ту же миссию в Нью-Йорке, Ференци — в Будапеште, Абрахам — в Берлине, Юнг и его коллеги — в Швейцарии. Всё это вызвало у Фрейда необычайный прилив сил, и он вопреки своему обычному настроению лучился оптимизмом и был полон планов на будущее.

В последний день конгресса из Лондона в Зальцбург приехал

брат Фрейда Эммануил, и когда все участники конгресса уехали, они провели несколько дней вместе, наслаждаясь туристическими достопримечательностями этого прелестного уголка Австрии. Некоторые биографы Фрейда убеждены, что Эммануил прибыл в Зальцбург по просьбе брата: Зигмунд страшился своего приближающегося 52-го дня рождения и хотел, чтобы жизнелюбивый и оптимистичный Эммануил, которому к тому времени было уже 75 лет, подбодрил его.

* * *

Лето 1908 года Фрейд провел с семьей в Берхтесгадене, деля время между прогулками на природе и работой над «Анализом фобии пятилетнего мальчика». Осенью он впервые за прошедшие 33 года посетил Англию, чтобы навестить живущую там родню и, по сути, попрощаться со стремительно старевшими старшими братьями. Проведя с родственниками одну неделю и погуляв с Эммануилом по прибрежным курортам, Фрейд вторую неделю пробыл в Лондоне, наслаждаясь городом, его жителями и в особенности экспозициями Британского музея и Национальной галереи.

Вернувшись, он направился в гости к Юнгу, как раз строившему себе особняк на озере Цюрих. Туда же Фрейд пригласил для совместного времяпрепровождения и… Минну. Сближение с Юнгом и Ференци продолжалось, в обоих Фрейд видел «дорогих друзей» и наследников, но последнее слово он применил в письме только по отношению к Юнгу — Ференци, будучи евреем, на роль наследника не годился. При этом Фрейд продолжал мыслить в образах, характерных именно для еврейской, а не европейской культуры. «Если я Моисей, то ты Иешуа (Иешуа Бен-Нун — Иисус Навин. — *П. Л.*), которому будет принадлежать земля обетованная психиатрии, на которую я могу смотреть лишь издалека», — писал он Юнгу в январе 1909 года.

Одновременно Фрейд продолжал интенсивно работать как в качестве практикующего аналитика, так и над новыми статьями. В 1908 году увидели свет уже упоминавшаяся ранее статья «Художник и фантазирование», а затем и «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» и «„Культурная“ сексуальная мораль и современная невротика».

Однако наибольшее внимание и наиболее яростную критику встретили в 1908 году две статьи Фрейда.

В первой из них — «О детских сексуальных теориях» — он впервые развивает мысль о том, что основу женской

сексуальности составляет возникающая еще в детстве у девочек зависть к пенису мальчиков. Позднее эту мысль Фрейд включил в новые издания «Трех очерков по теории сексуальности».

«Предположение у всех людей таких же (мужских) гениталий составляет первую замечательную и важную по своим последствиям инфантильную сексуальную теорию, — утверждал Фрейд. — Ребенку мало пользы в том, что биологическая теория оправдывает его предрассудки и видит в женском клиторе настоящий заместитель пениса. Маленькая девочка не попадает под власть подобных отрицаний, когда она замечает иначе устроенные гениталии мальчика. Она немедленно готова признать их, и в ней пробуждается зависть по поводу пениса, которая вырастает до желания, имеющего впоследствии важное значение — также быть мальчиком…»[185]

В «Трех очерках…» Фрейд делает к этому, мягко говоря, весьма спорному выводу важное примечание: «С полным правом можно говорить о кастрационном комплексе у женщин. И мальчики, и девочки создают теорию, что у женщины первоначально имелся пенис, утерянный вследствие кастрации. Явившееся в конце концов убеждение в отсутствии пениса у женщины оставляет у мужского индивида часто навсегда пренебрежительное чувство к другому полу»[186].

Не менее странной была и опубликованная в «Психиатрическо-неврологическом еженедельнике» статья Фрейда «Характер и анальная эротика», в которой он развил идеи, обсуждавшиеся им еще в период интенсивной переписки с Флиссом. Основной тезис заключался в том, что такие черты характера, как бережливость, переходящая в скупость, аккуратность и упрямство, обычно свойственны людям, которые в раннем детстве испытывали особое удовольствие от анальных ощущений и потому задерживали процесс дефекации.

«Обычно можно без труда установить, что инфантильная задержка кала в младенческие годы существовала у них сравнительно гораздо дольше, чем это бывает обыкновенно, и что неприятности в области этой функции случались с ними иногда и в более поздние годы детства. По-видимому, они принадлежали к той категории младенцев, которые имеют обыкновение не опорожнять кишечник, когда их сажают на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие, и они извлекают из него как бы некоторую побочную выгоду… Но так как всё это бывает только в раннем детстве и в дальнейшем ничего от этих слабостей и особенностей не остается, то мы должны допустить, что эрогенное значение анальной зоны утрачивается, теряется в процессе развития. И вот мы делаем предположение, что

указанная нами триада черт (аккуратность, бережливость, упрямство. — *П. Л.)* и ее постоянство в характере данных субъектов могут быть поставлены в связь с этим поглощением и исчезновением анальной эротики»[187], — пишет Фрейд в начале статьи.

Уже первые критики этих идей Фрейда обратили внимание, что они совершенно и априорно бездоказательны: мы не можем получить от тех, о ком идет речь — детей самого раннего возраста, — опровержение или подтверждение этих мыслей Фрейда, а потому он может громоздить в этой области одну фантазию за другой. Но ведь и сам Фрейд не мог не понимать, что просто бросать в воздух подобные теории он не может — ему требовалось привести некие доказательства. И Фрейд усматривает такое доказательство в том, что в сознании людей и в их повседневном (то есть немецком) языке кал, деньги и золото оказываются часто довольно тесно связаны.

«Что общего, казалось бы, между комплексом дефекации и денежным комплексом? — продолжает он. — А между тем оказывается, что между ними очень много точек соприкосновения. Каждый врач, применяющий психоанализ, хорошо знает, что с помощью этого метода можно избавить нервных субъектов от самых упорных, застарелых, так называемых привычных запоров.

Это обстоятельство перестает особо удивлять нас, если мы вспомним, что внушение тоже способно сильно влиять на эту функцию. С помощью психоанализа указанное действие достигается, однако, только в том случае, если мы коснемся денежного комплекса нашего пациента и побудим его отдать себе полный отчет в этом комплексе во всех отношениях. Людей, слишком боязливо расходующих свои деньги, в просторечии называют „грязными“ или „валяными“… Может показаться, что в данном случае психоанализ просто подхватывает намек обыденной речи. Однако подобный взгляд был бы слишком поверхностен.

Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала… Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации и находки кладов… Уже по древневавилонскому вероучению „золото только адские извержения“…

Это условное отождествление золота и кала, может быть,

находится в связи с переживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым, как отбросы»[188].

Конечно, при желании подтверждение этих экзерсисов Фрейда можно найти и в русском языке — вспомним хотя бы известную поговорку «У него денег — что грязи». Но вся эта «психолингвистическая» система доказательств выглядит надуманной, если не сказать больше — абсурдной, и порой и в самом деле несет в себе черты параноидального бреда.

Мы можем лишь предполагать, что послужило Фрейду основанием для этой гипотезы. Но чтобы выстроить более или менее правдоподобную версию, следует задаться вопросом: кто именно в окружении Фрейда обладал триадой качеств «аккуратность — бережливость — упрямство»? В качестве ответа на этот вопрос мгновенно приходят на память две фигуры: сам Фрейд и его жена Марта. А это, в свою очередь, означает, что, выдвигая идею анальной эротики с задержкой дефекации, Фрейд, весьма вероятно, в который раз опирался на свой личный опыт, на собственные детские воспоминания, их переоценку и распространение их на всё человечество в целом. С другой стороны, такой интерес к анальной эротике, возможно, объясняется его фантазиями, связанными с анальным сексом, которые, видимо, так и остались нереализованными с Мартой. Фрейд пытался убедить себя в том, что изначально Марта могла бы быть готова к анальному сексу и даже получать от него удовольствие, но эти ее склонности сублимировались в другие качества характера.

Таким образом, идеи о формирующей человеческий характер анальной эротике и в самом деле были бредом, а сам этот бред был порожден неудовлетворенной сексуальностью Фрейда.

Но всё вышесказанное на самом деле означает только одно: теория психоанализа «работает».

* * *

Тем временем начавшееся в Цюрихе распространение психоанализа по планете продолжалось. Абрахам Брилл, отобравший вместе с Фрейдом ряд его работ для перевода на английский, по возвращении в Нью-Йорк увлеченно приступил к работе, и вскоре эти переводы один за другим начинают выходить в США. В том же 1908 году психоанализом заинтересовался пастор Оскар Пфистер, и Фрейд вступает с ним в переписку. «Психоанализ сам по себе ни религиозен, ни безрелигиозен. Он —

беспартийный инструмент, которым на любительском уровне может пользоваться и священнослужитель, если это служит делу очищения и исцеления», — писал Фрейд Пфистеру в начале 1909 года.

Но самое главное заключалось в том, что в декабре 1908 года Фрейд получил приглашение Университета Кларка в Вустере (штат Массачусетс) прочитать в июле 1909 года серию лекций о психоанализе. Инициатором приглашения стал ректор университета, отец американской экспериментальной психологии профессор Гренвилл Стэнли Холл. Если верить современникам, Фрейд был крайне недоволен этим предложением. Во-первых, предложенный гонорар показался ему крайне маленьким, да и сумма в 400 долларов, которые университет выделил на дорожные расходы, очень небольшой (хотя ее вполне хватило, чтобы прихватить с собой в Штаты и Ференци), и Фрейд непрестанно ворчал по этому поводу. Во-вторых, он не мог позволить себе отправиться за океан в июне, так как в это время он всё еще принимал пациентов, а пациенты приносили доход, от которого «бережливый» Фрейд отказываться не желал. В-третьих, он выражал опасения, что в «ханжеской Америке» могут испугаться сексуального подтекста психоанализа и «вывалять нас в грязи».

Однако факты говорят следующее: Фрейд принял предложение Холла, попросив лишь перенести его лекции с июня на сентябрь, и эта просьба была удовлетворена. При этом Фрейд еще поторговался и увеличил свой гонорар до 750 долларов, а также получил обещание, что ему будет присвоено звание почетного профессора. Затем Фрейд оповестил о приглашении всех учеников и предложил Юнгу и Ференци сопровождать его в этой поездке. И еще за семь недель до отъезда начал лихорадочно складывать чемоданы. Всё это означает только одно: выражая недовольство, Фрейд лукавил, а если и брюзжал, то исключительно по привычке, продолжая разыгрывать из себя старого, не довольного жизнью еврея. На самом деле поездка в США была для него крайне важна; она означала еще одну ступеньку к мировой славе и признанию психоанализа, и он рассчитывал вернуться из Штатов триумфатором. К концу марта Фрейд ждал в Вене Юнга, чтобы обсудить с ним статьи для первого выпуска «Ежегодника…», а заодно и план лекций в Америке. Однако 7 марта Юнг написал Фрейду письмо, в котором сообщил, что не может приехать из-за возникших у него личных неприятностей.

Неприятности звали Сабиной Шпильрейн. Еврейская девушка из Ростова-на-Дону, она была отправлена родителями изучать

медицину в Швейцарию и там встретила Юнга. Дальше, как говорится, версии сторон расходятся. Юнг утверждал, что вылечил девушку от стойкого невроза, а она оклеветала его и «устроила мерзкий скандал лишь потому, что я отказал себе в удовольствии сделать ей ребенка». Историки психоанализа в один голос утверждают, что у Сабины и в самом деле была бредовая идея родить от Юнга ребенка, который стал бы сверхчеловеком, соединив в себе лучшие черты семитской и арийской рас. Ребенка Юнг Сабине Шпильрейн не сделал, но вот в удовольствии, по мнению тех же историков, не отказал, и девушка некоторое время была его любовницей — что отчетливо видно по их переписке 1908 года. Когда Юнг понял, что отношения с юной еврейкой из России зашли слишком далеко, он попытался прервать их, для чего даже вступил в переписку с матерью девушки. Сабине Шпильрейн это явно не понравилось, и в марте она выскочила из рабочего кабинета Юнга в клинике Бургхольцли с окровавленным ножом в руке и с криком «Это не моя кровь, а его! Я убила его!».

Скандал этот отнюдь не пришелся по душе главврачу Бургхольцли профессору Брейлеру, и Юнг понял, что ему придется покинуть клинику. Впрочем, к этому всё шло давно. Чем больше Юнг сближался с Фрейдом, тем напряженнее становились его отношения с Блейлером. Последний готов был признать ценность психоанализа как метода лечения в некоторых особых случаях, но отнюдь не разделял все взгляды Фрейда, а после статьи о характере и анальной эротике и вовсе стал относиться к нему с предубеждением.

Юнг появился в Вене с женой уже после своего увольнения из клиники, 25 марта, и в течение всех его четырех дней пребывания в столице Австро-Венгрии учитель и ученик провели вместе немало часов. Во время этого визита Юнга между ним и Фрейдом произошла первая размолвка, показавшая на самом деле, насколько эти двое были далеки друг от друга и что разлад между ними был неизбежен. Случилось это, когда они сидели в квартире у Фрейда и Юнг завел разговор об оккультизме, в который, как известно, глубоко верил. Больше того, Юнг был убежден, что и сам обладает сверхъестественными способностями, в том числе и способностью усилием воли передвигать вещи, распахивать дверцы шкафов и т. д. Убежденный атеист и рационалист Фрейд, разумеется, назвал всё это чушью. Юнг разозлился, вышел из себя — и в ответ раздался громкий треск в книжном шкафу. Затем в течение всего вечера Юнг демонстрировал явно растерявшемуся Фрейду свои паранормальные способности.

«Тот последний вечер с вами, к счастью, избавил меня от

подавляющего ощущения вашей отцовской власти, — писал Юнг Фрейду по возвращении в Швейцарию. — Мое бессознательное отпраздновало это впечатление великим сном, который занимает меня уже несколько дней. Я только что завершил его анализ. Надеюсь, теперь я свободен от всех ненужных помех. Ваше дело должно и будет процветать».

Как позже признается Юнг, в «великом сне» он шел вдоль границы Австрии и Швейцарии и встретил там старого таможенника, который был как бы мертвым и в то же время «одним из тех, кто никак не может умереть». Смысл сна понятен: таможенником в нем был Фрейд, которому суждено бессмертие, граница между странами — необходимость проведения границы между ним и Фрейдом и, одновременно, тайное желание Юнгом смерти Фрейда.

Сам Фрейд, ничего не зная об этом «великом сне», безусловно, догадался о его содержании: человеку, открывшему, что в каждом *homo sapiens* сидит тайный отцеубийца, достаточно было слов об «избавлении от отцовской власти». В ответном письме Фрейд напоминает, что во время пребывания Юнга в Вене он назвал его своим «крон-принцем», и пишет: «…ты лишил меня моего отцовского достоинства, и это, похоже, доставило тебе не меньше удовольствия, чем мне, с другой стороны, присвоение тебе этого звания». Во второй части письма Фрейд вспоминает их разговор об оккультизме, списывает увлечение им на молодость Юнга и говорит, что он тоже порой увлекается иррациональными материями, но при этом понимает, что им должно быть рациональное объяснение. Но тут Фрейд опять-таки явно лукавил — и сильно лукавил. На самом деле он верил в мистику не меньше, чем Юнг, но это была другая, еврейская мистика. Всё дело в том, что признавался себе Фрейд в этой вере с крайней неохотой.

* * *

В мае 1909 года на одной из традиционных сред Фрейд представил свою новую работу — «Очерки по психологии любви: Об одном особом выборе объекта мужчиной».

В этом произведении Фрейд пытается проанализировать, почему некоторые мужчины «никогда не избирают объектом своей любви свободную женщину, а непременно такую, на которую предъявляет права другой мужчина: супруг, жених или друг»? При этом для этих мужчин «чистая, вне всяких подозрений женщина никогда не является достаточно привлекательной,

чтобы стать объектом любви, привлекает же в половом отношении только женщина, внушающая подозрение — верность и порядочность которой вызывают сомнения»[189]. Судя по всему, к такому типу мужчин относился ряд пациентов Фрейда, и следует признать — что бы ни говорили многочисленные критики отца психоанализа, — что он и в самом деле довольно часто встречается в жизни.

В поисках объяснения этого феномена Фрейд обращается к тому же эдипову комплексу. То, что первое сексуальное влечение мальчика направлено именно на мать, для Фрейда было несомненно. При этом мать всегда представляется «личностью высокой нравственной чистоты». Когда же ребенок слишком рано и в искаженном виде узнаёт о характере интимных отношений между родителями, для него это нередко становится тяжелой травмой. Сами сексуальные отношения между взрослыми он воспринимает как «грязные», и мать, соответственно, начинает у него ассоциироваться с «падшей женщиной», чуть ли не с проституткой. Но отказаться при этом от любви к матери мальчик не может, а так как любой сексуальный объект — это «заменитель матери», то он и направляет свое внимание на женщин, которые уже кому-то принадлежат (как в свое время мать принадлежала отцу) или даже просто не очень строгих правил. При этом такие мужчины видят свой долг в том, чтобы спасти этих женщин от дальнейшего падения — подобно тому как они хотели в свое время спасти от этого мать.

Несмотря на всю критику этой концепции Фрейда, на выявление в ней целого ряда внутренних противоречий, она отнюдь не является бредовой, как это подчас представляется в антифрейдистской литературе. Напротив: думается, многие мужчины, опираясь на собственный опыт, согласятся, что в ней есть рациональное зерно — по меньшей мере в том случае, когда Фрейд говорит о том, что открытие того факта, что его мать занимается с отцом сексом, становится для многих мальчишек одной из первых серьезных психологических травм.

Трудно понять другое: как согласуется этот вывод Фрейда с его выводами по «случаю маленького Ганса», где он рекомендует начинать половое просвещение ребенка как можно раньше?!

Чуть позже, но, судя по всему, в том же 1909 году Фрейд продолжил развивать тему семейных отношений в статье «Семейный роман невротика», которая затем была, по сути, подарена им Отто Ранку и вошла с соответствующей ссылкой в его книгу «Миф о рождении героя». В этой работе Фрейд утверждает, что многие дети (прежде всего мальчики) отчасти по сексуальным причинам, отчасти из-за невнимания родителей, а

частично и просто из зависти к детям из более благополучных семей начинают фантазировать, что на самом деле они являются не родными, а приемными детьми в семье, и у них есть другие, «настоящие родители». Но так как происхождение от матери является непреложным и вдобавок на нее направлена инфантильная сексуальность, то чаще всего на следующем этапе развития начинает представляться более богатый, более могущественный и т. д. «настоящий» отец. Как следствие, у малыша возникают мысли о неверности матери отцу и т. д.

Именно такие фантазии, по версии Отто Ранка (и Фрейда), и лежат в основе многих мифов и сказок разных народов, в которых герой, рожденный в царской семье, воспитывается бедными приемными родителями, чтобы затем после многих приключений занять полагающийся ему по закону трон.

«Такими невротическими детьми, — говорится далее, — оказываются главным образом те, кого родители наказывают, чтобы отучить от вредных сексуальных привычек (то есть от онанизма; и то, что Ранк и Фрейд избегают этого слова, говорит о многом. — *П. Л.)*. Такие дети своими фантазиями мстят родителям. Самые младшие в семье в особенности склонны лишать своих предков их превосходства (в точности как в исторических сюжетах). Интересная вариация обычного семейного романа сводится к восстановлению законности рождения самого сочиняющего героя, тогда как другие дети выставляются при этом как незаконные. Кроме того, семейный роман может подчиняться особым интересам, всевозможного рода влечениям, дающим начало выдумкам самого разнообразного характера. Например, юный романтик таким образом может избавиться от отца с сестрой, которая привлекает его в сексуальном плане»[190].

Правда, вслед за этим тут же следует важное разъяснение:

«Тот, кто в ужасе отворачивается от этой развращенности детского ума или, скажем, оспаривает вероятность такого положения дел, должен принять во внимание, что все эти с виду неблаговидные фантазии в конечном итоге не имеют такого пагубного смысла и что под их тонкой личиной всё равно сохраняется изначальная любовь ребенка к своим родителям. Неблагодарность и предательство со стороны ребенка являются лишь видимостью, ибо, исследуя более детально самую распространенную из этих романтических фантазий, а именно замену обоих родителей или только одного отца более высоко стоящими лицами, можно увидеть, что эти новые, знатного происхождения родители во всем наделяются качествами из реальных воспоминаний о настоящих, простых родителях, так что

по существу ребенок не устраняет своего отца, а возвышает его. Стремление заменить реального отца на более выдающегося в целом является просто выражением желания ребенка вернуть „добрые старые времена“, когда отец еще казался самым сильным и благородным, а мать — самой милой и прекрасной женщиной»[191].

И снова нельзя не признать, что эти мысли Фрейда, вне сомнения, отражают определенный феномен детской психологии. Но сами эти наблюдения, опять-таки вне сомнения, почерпнуты Фрейдом из его личного опыта и исповедей его пациентов, большинство из которых были евреями.

Достаточно вспомнить, какое неизгладимое впечатление и какой страшный осадок оставил в душе Фрейда рассказ его собственного отца, как тот спасовал перед антисемитом, сбившим с него на улице шапку. Поэтому «семейный роман невротика» — это прежде всего «семейный роман» живущего в нееврейском, а то и в антисемитском окружении еврейского мальчика и мечтающего о том, чтобы у него были родители-неевреи; чтобы тот факт, что он — еврей, оказался бы ошибкой.

Один известный израильский журналист в беседе с автором этих строк как-то признался, что когда он в московском детском саду впервые услышал антисемитские высказывания и вдобавок с удивлением узнал, что он тоже еврей, то, придя домой, спросил деда, правда ли это.

«Да, — ответил дед (кстати, всемирно известный ученый, академик). — Мы все — евреи: и я, и бабушка, и папа, и мама, и ты, и твой братик Боря…»

«Вот и будьте евреями, если вам не стыдно! — ответил будущая звезда израильской журналистики. — А у меня есть другие родители!» После этого он ушел из дома и шесть часов прятался в каких-то кустах, где его и нашли насмерть перепуганные родители.

Именно «семейный роман невротика» в итоге заставит Фрейда настаивать на том, что Моисей был египтянином. Но это произойдет позже. Много позже.

* * *

20 августа 1909 года «трое в лодке, не считая собаки» (так как никакой собаки и не было), то есть Фрейд, Юнг и Ференци, встретились в Бремене, чтобы сесть здесь на пароход «Джордж Вашингтон», следующий не куда-нибудь, а в самые что ни на есть Соединенные Штаты Америки.

Разумеется, у них было время, чтобы поменять валюту, осмотреть местные достопримечательности, включая Бременский собор, в подвале которого хранятся несколько мумифицированных трупов горожан. Потом был обед в ресторане, за которым Юнг провозгласил, что отказывается от воздержания от спиртного, за что все трое дружно выпили. И вот после этого у Фрейда случился странный приступ слабости, который Юнг впоследствии называл обмороком, и, возможно, так оно и было. Причиной обморока стали начатые Юнгом разговоры о мертвых, навеянные посещением собора, но Фрейд увидел в них свидетельство того, что Юнг желает ему смерти.

Путешествие на корабле также было полно впечатлений, причем не самых приятных. Фрейд вскоре обнаружил, что вместе с ним на пароходе находится профессор философии Вильям Штерн, который также должен был читать лекции в Университете Кларка. Штерн, выдающийся ученый, в свое время написал не очень лестную рецензию на «Толкование сновидений» и с тех пор воспринимался Фрейдом исключительно как «негодяй» и «отвратительная личность» — как, впрочем, Фрейд относился ко всем, кто осмеливался критиковать его в прессе.

Узнав, что в списке пассажиров имя Штерна записано правильно, а его — с ошибкой, как «Фрейнд», Фрейд пришел в ярость (позже эту ошибку повторят американские газеты). Когда же Фрейд заметил, как «негодяй Штерн» о чем-то беседует на палубе с Юнгом, то поспешил позвать ученика и таким образом прервать разговор. В своем дневнике Фрейд назвал Штерна «потрепанным евреем», еще раз выразив таким образом свое презрение к галицийским евреям, а значит, по большому счету и к себе самому.

Пока корабль плыл, все трое развлекались тем, что «анализировали друг друга», но, судя по всему, в итоге этот анализ доставил каждому из путешественников мало радости. Вдобавок именно на корабле Юнг и Ференци поняли, что Фрейд, как и многие мужчины после пятидесяти, страдает от увеличения простаты и вынужден слишком часто бегать в туалет.

Наконец вдали показалась статуя Свободы, и все пассажиры собрались на палубе. «Неужели они не знают, что мы везем им „чуму“?» — растроганно сказал Фрейд Юнгу, глядя на берег. Таким образом, он вновь чувствовал себя конкистадором и не сомневался, что сумеет покорить Америку — так же, как уже начал покорять Европу.

До начала конференции, организованной в честь двадцатилетия создания Университета Кларка, на которой Фрейд и Штерн были только одними из многих выступающих,

оставалось еще много времени, и Фрейд и его спутники с азартом приступили к осмотру достопримечательностей Нового Света. В роли экскурсовода по Нью-Йорку и его окрестностям выступил Абрахам Брилл, живший в районе Центрального парка. Одна экскурсия сменяла другую: Метрополитен-музей, Американский музей естественной истории, кинотеатр, психиатрическая клиника, в которой работал Брилл, Колумбийский университет, попытка навестить сестру Фрейда Анну, которой не оказалось дома, — всё это превратилось во вращающийся с бешеной скоростью калейдоскоп впечатлений. Во время прогулки вдоль Гудзона, если верить Юнгу, они никак не могли найти общественный туалет, и Фрейд, не сдержав позыва, намочил брюки. Юнг, вспомнив, что в «Анальной эротике» Фрейд утверждал, что ночным недержанием мочи часто страдают люди с непомерными амбициями, предложил проанализировать этот случай, хотя любому врачу было бы понятно, что причиной неприятности являются проблемы с простатой. Любому — но не психоаналитику, который привык во всем видеть проявление невроза, а в неврозе искать проявление бессознательной сексуальности. Таким образом, Фрейд, по сути дела, первым оказался в роли героя анекдота, который вбегает в кабинет психоаналитика с криком: «Доктор, где здесь туалет?! Мне нестерпимо хочется в туалет!» «Что ж, — спокойно отвечает психоаналитик, — давайте об этом поговорим…»

Но Пол Феррис, безусловно, прав, когда говорит, что пенять в данном случае Фрейду надо было только на самого себя — он сам приучил своих учеников мыслить таким и только таким образом.

Впоследствии Фрейд в разговоре с Эрнестом Джонсом в качестве одного из главных недостатков Америки называл именно отдаленное расположение туалетов во всех общественных зданиях — до них приходилось добираться через «целые мили коридоров», теряя «драгоценные» минуты.

Приятной неожиданностью для Фрейда оказалось то, что он встретил в Вустере немало своих сторонников или «почти сторонников». Ректор Университета Кларка Холл был хорошо знаком с работами Фрейда и принимал значительную часть его идей. Справедливость базовых основ психоанализа признавал профессор неврологии Гарвардского университета Джеймс Дж. Патнем. Обоим мэтрам было в то время сильно за 60, и Фрейд был поражен тем, насколько пожилые американцы менее консервативны и более открыты ко всему новому, чем их сверстники (да и не только сверстники, но и куда более молодые люди) в Европе.

В то же время Фрейд продолжал брюзжать об американской

ментальности, пищи (от которой у него, Ференци и Юнга был непрестанный понос) и, само собой, по поводу американских порядков. Чтобы показать, что он не позволит американцам навязывать ему свой образ жизни, Фрейд демонстративно курил в здании университета под табличкой «Просьба не курить!», хотя уборщица попросила его этого не делать.

Наконец, 7 сентября Фрейд приступил к чтению своих лекций по психоанализу. Всего до 11 сентября он прочитал пять лекций, которые затем восстановил по памяти и издал отдельной брошюрой. И сегодня эти лекции можно по праву считать одной из лучших книг, позволяющих неискушенному читателю понять, что же такое психоанализ.

* * *

Если бы Фрейд читал эти лекции в наши дни, он, несомненно, назвал бы их «Психоанализ для чайников» — настолько осторожно, просто и вместе с тем достаточно глубоко он раскрывает в них азы своей теории. Фрейд начинает с истории — отдавая дань Брейеру как «предтече» психоанализа и довольно подробно останавливаясь на случае «Анны О.». Вслед за этим он прибегает к замечательной аллегории, раскрывающей суть психоанализа. Настолько замечательной, что автору этой книги не раз приходилось слышать ее на самых различных лекциях по психологии и истории этой науки.

«Пожалуй, — заявил Фрейд, — я решусь иллюстрировать вам процесс вытеснения и его неизбежное отношение к сопротивлению одним грубым сравнением, которое я заимствую из настоящей ситуации. Допустите, что в этом зале и в этой аудитории, тишину и внимание которой я не знаю, как восхвалить, тем не менее, находится индивидуум, который нарушает тишину и отвлекает мое внимание от предстоящей мне задачи своим смехом, болтовней, топотом ног. Я объявляю, что не могу при таких условиях читать далее лекцию, и вот из вашей среды выделяются несколько сильных мужчин и выставляют после кратковременной борьбы нарушителя за дверь. Теперь он „вытеснен“, и я могу продолжать свою лекцию. Для того чтобы нарушение порядка не повторилось, если выставленный будет пытаться вновь проникнуть в зал, исполнившие мое желание господа после совершенного ими вытеснения пододвигают свои стулья к двери и обосновываются там, представляя собой сопротивление. Если вы теперь, используя язык психологии, назовете оба места (в аудитории и за дверью) сознательным и

бессознательным, то вы будете иметь довольно верное изображение вытеснения…

…Подумайте о том, что с удалением нарушителя и установлением стражи перед дверью дело еще может не кончиться. Может случиться, что выставленный, огорченный и решивший ни с чем не считаться, еще займет наше внимание. Правда, его уже нет среди нас, мы отделались от его иронического смеха, от его замечаний вполголоса, но в известном отношении вытеснение осталось без результата, так как он производит за дверьми невыносимый шум и его крики и стук кулаками в дверь еще более мешают моей лекции, чем его прежнее неприличное поведение. При таких обстоятельствах мы с радостью будем приветствовать, если наш уважаемый президент д-р Стэнли Холл возьмет на себя роль посредника и восстановителя мира. Он поговорит с необузданным парнем и обратится к нам с предложением вновь впустить его, причем он дает слово, что последний будет вести себя лучше. Полагаясь на авторитет д-ра Холла, мы решаем прекратить вытеснение, и вот снова наступает мир и тишина. Это и на самом деле вполне подходящее представление той задачи, которая выпадает на долю врача при психоаналитической терапии неврозов»[192].

Далее Фрейд популярно объясняет природу неврозов с точки зрения психоанализа: вытесненное в бессознательное желание продолжает существовать и посылает от себя в сознание «искаженного, ставшего неузнаваемым заместителя. Это замещающее вытесненную мысль представление — симптом — избавлено от дальнейших нападений со стороны обороняющегося Я, и вместо кратковременного конфликта наступает бесконечное страдание…»[193].

Следующую лекцию Фрейд посвятил путям, с помощью которых можно проникнуть в сферу бессознательного. Начал он, разумеется, с метода свободных ассоциаций, подчеркнув, что «возникающая у больного мысль не может быть идентичной с забытым представлением… Чем сильнее искажение под влиянием сопротивления, тем меньше сходства между возникающей мыслью-заместителем вытесненного и самим вытесненным. Тем не менее эта мысль должна иметь хоть какое-нибудь сходство с искомым в силу того, что она имеет то же происхождение, что и симптом… Случайная мысль должна относиться к вытесненной мысли как намек…»[194].

Отсюда Фрейд легко переходит к сущности остроумия, которое обычно как раз и построено на намеках, и далее к сновидениям, которые называет «via Regia к познанию бессознательного» — выражение, ставшее крылатым.

Любопытно, что то и дело отдавая в ходе лекции дань своим ученикам Юнгу и Ференци, Фрейд как бы между делом выдвигает идею, которая, по сути, станет основой юнгианской философии: о существовании не только индивидуального, но и коллективного бессознательного. «Бессознательное, — заявил он, — пользуется, особенно для изображения сексуальных комплексов, определенной символикой, которая частью индивидуально различна, частью же вполне типична и которая, по-видимому, совпадает с той символикой, которой пользуются наши мифы и сказки…»[195]

Следующей тропинкой, ведущей в бессознательное, Фрейд, как и ожидалось, назвал «ошибочные действия», которые на самом деле «всегда полны смысла и легко могут быть истолкованы из тех ситуаций, в которых они происходят»[196].

Наконец, завершил Фрейд эту лекцию блестящим, почти софистическим пассажем о том, что самые яростные противники психоанализа на самом деле понимают его истинность, но вытесняют это понимание в бессознательное. «Следовательно, психоанализ должен вызывать у этих лиц то же самое сопротивление, которое возникает и у больного»[197]. То есть если вы страстно не приемлете психоанализ, то это означает лишь то, что в глубинах подсознания вы являетесь самым страстным его сторонником.

Впоследствии этот тезис возьмут на вооружение борцы за права гомосексуальных меньшинств. Многие из них и сегодня настаивают на том, что самые яростные «гомофобы» — это на самом деле «латентные гомосексуалисты».

Лишь после такого софистического трюка в следующей лекции, и то крайне осторожно, Фрейд начал разговор о сексуальности как основе и неврозов, и повседневного поведения обычных людей. Этиологическое значение сексуальности являлось краеугольным камнем теории Фрейда, и он был убежден, что тем, кто в это пока не верит, просто еще предстоит убедиться в его правоте.

Далее Фрейд перешел к наиболее скандальной части его теории — к детской сексуальности, к тому, что «только переживания детства дают объяснение чувствительности к будущим травмам, и только раскрытием и доведением до сознания этих следов воспоминаний, обычно почти всегда позабытых, мы приобретаем силу для устранения симптомов»[198].

В какой-то момент лекции Фрейд забыл обо всем и встал в позу пророка. «Оставьте сомнения и последуйте за мной для исследования инфантильной сексуальности с самых ранних лет!»[199] — провозгласил он. И далее пошли уже хорошо

знакомые нам идеи об эрогенности слизистых оболочек рта, заднего прохода, мочеиспускательного канала; об автоэротизме, о выборе сексуального объекта, первым из которых для мальчика становится мать, а для девочки отец, что, соответственно, определяет многие движения души ребенка и отношения в семье и т. д. Фрейд не сказал в этой лекции ничего нового, но необычайно сконцентрировал в ней свои основные идеи.

Чрезвычайно важной и оказавшей огромное влияние на всё последующее развитие человечества стала заключительная лекция Фрейда, в которой он провозгласил полноценную нормальную сексуальную жизнь основой полноценной жизни человека вообще. Да, неудовлетворенная сексуальность, вытесненные фантазии могут в итоге сублимироваться в творчество и помочь человеку подняться на вершины духа, но куда чаще они становятся основой неврозов и сексуальных перверсий. А значит, пришло время отказаться от старой, ханжеской сексуальной культуры и стать более свободными в этом смысле. Однако обратим внимание, что это — отнюдь не проповедь половой распущенности. Это, по сути дела, опять-таки реализация древнего еврейского принципа интимной жизни, которая должна осуществляться только в браке, но при этом супругам разрешено делать друг с другом всё, что приносит наслаждение им обоим.

«Известная часть вытесненных эротических стремлений имеет право на прямое удовлетворение и должна найти его в жизни, — говорит Фрейд в заключительной части последней лекции. — Наши культурные требования делают жизнь слишком тяжелой для большинства человеческих организмов; эти требования способствуют отстранению от действительности и возникновению неврозов… Мы не должны возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать внимания на животное начало нашей природы, и мы не должны забывать, что счастье каждого отдельного индивидуума также должно входить в цели нашей культуры»[200].

Это была уже не лекция, а крик души. Ах, Марта, Марта! Если бы ты была не такой закрепощенной!

* * *

Успех лекций Фрейда был полным.

Фрейд, Юнг и Ференци получили степени почетных докторов Университета Кларка, причем Фрейд был, похоже, тронут этим куда больше своих учеников, о чем они оба весьма язвительно

написали потом в воспоминаниях. Фрейду было важно чувствовать, что он оставляет за собой в так и оставшейся ему чуждой Америке новых последователей, которые должны были стать основой будущей школы психоанализа в Новом Свете. Уже в 1910 году вокруг Брилла и Патнема образовалась группа «психоаналитиков», а в 1911 году они создали Нью-Йоркское психоаналитическое общество, которое и сегодня является одним из самых богатых и влиятельных пропагандистов фрейдизма.

Фрейд больше никогда не был в Америке, несмотря на то что в последующие годы ему поступали приглашения на лекции, куда более престижные и выгодные, чем от Университета Кларка. Он так и «не простил» Америке ни своего расстройства желудка, ни слишком далеко расположенных туалетов, ни общепринятого панибратства. Но на обратном пути, окрыленные триумфом, Фрейд, Юнг и Ференци начали подготовку ко 2-му Международному психоаналитическому конгрессу, с которого должно было начаться победное шествие психоанализа по всему миру.

По возвращении в Европу Фрейд продолжил нежную переписку с Юнгом, который то и дело мерещился ему на улицах. Фрейд упорно отказывался замечать, что ученик всё больше от него отдаляется и относится к нему иронически. Если бы автор книги не боялся обидеть фрейдистов, он бы предположил, что, как и в случае с Флиссом, Фрейд чувствовал к Юнгу гомосексуальное влечение. Впрочем, автор не одинок — на такой характер отношений между Фрейдом и Юнгом намекала позднее в своих письмах и жена последнего. Однако, как и с Флиссом, ни до какой телесной, плотской близости, разумеется, дело не дошло. Возможно, мы вслед за Фрейдом начинаем видеть то, чего не было. Просто доктор Фрейд был необычайно увлекающейся натурой, и если уж дружил, то со всей силой своего большого сердца. И с той же силой он умел ненавидеть.

Глава одиннадцатая
ОТЕЦ И ДЕТИ

Давайте для начала позволим рассказать о том, как развивались события в том достопамятном 1910 году, самому Фрейду.

«Спустя два года после первого состоялся второй частный конгресс психоаналитиков, на этот раз в Нюрнберге (март 1910 г.), — писал он в „Очерке истории психоанализа“. — За этот промежуток времени под впечатлением того приема, который был оказан психоанализу в Америке, всё возрастающему враждебному отношению в немецких странах и неожиданному усилению психоанализа вследствие присоединения цюрихской школы, у меня возникло намерение, которое при содействии моего друга Ш. Ференци я и привел в исполнение на этом втором конгрессе. Я решил организовать психоаналитическое движение, перенести его центр в Цюрих и поставить во главе его человека, который позаботился бы о его будущем. Так как учреждение это вызвало среди сторонников психоанализа много разногласий, я хочу подробнее изложить мои мотивы. И я надеюсь тогда на оправдание, если бы даже оказалось, что я действительно не сделал ничего разумного. Я считал, что связь с Веной молодому движению не в пользу, а во вред. Центр вроде Цюриха, сердца Европы, где академический преподаватель дал психоанализу доступ в свой институт, сулил мне куда больше надежд. Далее я полагаю, что второй помехой является моя личность, оценка которой слишком спуталась из-за партийной ненависти и пристрастия; то меня сравнивали с Дарвином, Кеплером, то ругали паралитиком. Я хотел поэтому отодвинуть себя на второй план, так же, как и тот город, где возник психоанализ. К тому же я уже не был молодым, видел перед собой долгий путь, и мне было тяжело, что на мою долю в таком возрасте выпала обязанность быть вождем. Но ведь должен же кто-нибудь быть вождем, думал я… Мне было поэтому важно передать эту авторитетную роль более молодому человеку, который после моей смерти, разумеется, стал бы моим заместителем. Таковым мог быть только К. Г. Юнг, так как Блейлер приходился мне ровесником, в пользу же Юнга говорили его выдающееся дарование и уже внесенные им вклады в анализ, его независимое положение и впечатление уверенной в себе силы, которая производила его личность. К тому же он готов был вступить со мной в дружеские отношения и отказался ради меня от расовых

предрассудков, которыми раньше он был заражен. Я и не подозревал тогда, как неудачен был этот выбор при всех его выгодах…»[201]

Всё, разумеется, было и так, и не так одновременно. Но как бы то ни было, первые месяцы 1910 года Фрейд и в самом деле напряженно занимался подготовкой 2-го Международного психоаналитического конгресса, продолжая одновременно принимать пациентов, выдвигать новые идеи, писать статьи и улаживать неприятности.

Неприятностей, надо заметить, хватало.

Увлекшись «психобиографиями», члены Венского психоаналитического общества начали публиковать в австрийской и немецкой прессе статьи, в которых искали сексуальные мотивы в творчестве великих писателей, художников и композиторов, копаясь в их жизнях. Когда дело дошло до Гёте и до утверждений, что творец «Фауста» («это наше всё!» для любого немца и австрийца) явно занимался в юности онанизмом, терпение издателя либеральной газеты «Факел» Карла Крауса лопнуло. До того симпатизировавший психоанализу, он открыто перешел в лагерь его противников.

Фриц Виттельс, который соперничал с Краусом в борьбе за любовь актрисы Ирмы Крачевской, представил в январе 1910 года собранию психоаналитиков «психобиографию» Крауса под названием «Невроз „Факела“». По сути дела, это был памфлет, представляемый как научный труд. Виттельс высмеивал в ней «маленький орган „Факел“», испытывающий комплекс неполноценности по сравнению «с большим органом „Нойе фрайе прессе“».

Фрейд был отнюдь не в восторге от этой статьи Виттельса, содержание которой, как он и предполагал, очень скоро было передано Краусу той же Крачевской. В ответ Краус набросился на психоаналитиков с новыми нападками, и 13 февраля Фрейд в письме Ференци жаловался, что «психоанализ оказался под угрозой из-за яростных нападок „Факела“ в связи с лекцией Виттельса».

Фрейд призвал учеников сдерживаться и не лезть в дискуссию, но Виттельса уже понесло — он засел за сатирический роман против Крауса. И снова — разумеется, через «общую подругу» — отрывки из романа попали к Краусу. На этот раз Краус обратился к адвокату, но направил его не к Виттельсу, а к «папе Фрейду». Адвокат пригрозил судом. Фрейд немедленно потребовал, чтобы Виттельс показал ему гранки уже набранного романа. Последний пытался отказаться, но Фрейд настоял, заявив, что не позволит какой-то «необдуманной книге» вредить

судьбе психоанализа. В итоге Фрейду удалось лишь оттянуть выход роман Виттельса — тот все-таки был издан осенью 1910 года и повлек за собой иск Крауса против Виттельса. Что, как и рассчитывал Виттельс, лишь увеличило объем продаж его книги.

Тем временем подготовка ко второму конгрессу шла полным ходом, и Фрейд с Ференци и Юнгом тщательно продумывали его расписание. Разумеется, Фрейд произносил в переписке с ними те же слова, которые он потом повторил в «Очерке истории психоанализа», о том, что он уже стар, что движению нужен молодой лидер, и в качестве такого лидера называл Юнга.

Сама конференция состоялась на самом деле не в апреле, а 30–31 мая 1910 года в нюрнбергском отеле «Гранд». Согласно разработанному плану Ференци почти с ходу призвал организовать Международное психоаналитическое общество и предложил Юнга на роль его президента. Причем президента пожизненного, с правом подвергать цензуре и даже запрещать к публикации любую статью или лекцию любого психоаналитика.

Это условие, разумеется, никак не могло понравиться членам Венского общества — во-первых, потому, что они справедливо увидели в нем покушение на входившую в моду демократию, а во-вторых, по той причине, что им не нравился Юнг. В зале поднялся невообразимый шум, и конференцию пришлось приостановить. Венская группа во главе со Штекелем собралась на закрытое заседание, «забыв» пригласить на него Фрейда. Но Фрейд явился без приглашения и решил здесь, в узком кругу, за закрытыми дверьми, говорить без обиняков. Он осмотрел собравшихся и напомнил, что они все до единого — евреи, и если лидером мирового психоанализа будет еврей, то он окончательно начнет восприниматься как «еврейская наука», будет подвергаться нападкам со стороны антисемитов и в итоге так и не получит должного признания. Выход оставался только один: передать бразды правления не-евреям и вместе с ними добиваться поставленных целей.

«Евреи должны довольствоваться участью служить удобрением для культуры. Я должен войти в соприкосновение с наукой, я стар и не хочу всегда и всюду наталкиваться лишь на враждебное отношение. Мы все в опасности…» — горячо произнес Фрейд.

После этих слов он взялся за отворот сюртука и продолжил: «Мне не оставят даже этого сюртука… Швейцарцы спасут нас — спасут меня и всех вас тоже!»[202] — закончил он.

Виттельс не случайно замечает, что предложенная Фрейдом, Юнгом и Ференци структура напоминала ему организацию католической церкви. Это и в самом деле, по сути, было так:

Фрейду отводилась роль бога, Юнгу — римского папы (назначаемого пожизненно), а главам региональных отделений — роль кардиналов, власть и авторитет которых на местах объявлялись непререкаемыми.

В итоге компромисс был достигнут, и конгресс возобновил свою работу. Председателем Международного психоаналитического общества был избран Юнг, но не пожизненно, а сроком на два года. Фрейд получил должность председателя научных собраний, Адлер — председателя Венского психоаналитического общества. Кроме того, Адлер и Штекель настояли на том, чтобы Юнг был лишен права цензуры, и на своем праве издавать в Вене «Центральный журнал по психоанализу».

С этого времени начинается стремительное распространение психоанализа по Европе. Психоаналитические общества создаются в Германии, Швейцарии, России, а затем чуть позже и во Франции. Фрейд в этот период всерьез заговорил о том, что психоанализ может стать «заменителем религии» (а не «новой религией», как порой неверно цитируют, хотя разница, скажем честно, невелика).

Он отметил, что количество неврозов в обществе значительно увеличилось по мере распространения атеизма, и причина этого заключалась в том, что религия играла своего рода психотерапевтическую роль и была тем непререкаемым мировоззренческим авторитетом, без которого большинство людей обходиться просто не могут. Следовательно, помогая освобождаться человечеству от комплексов, психоанализ должен стать мировоззренческим авторитетом, способным объяснить все стороны как физической, так и социальной и духовной жизни человечества. Борьба за победу психоанализа, предрекал Фрейд, будет нелегкой, но в итоге мир вынужден будет признать его правоту. Для самого Фрейда это означало достижение не просто славы, а того самого духовного бессмертия, о котором он мечтал в отрочестве.

* * *

К открытию конгресса в Нюрнберге Фрейд написал программную статью «Будущие перспективы аналитической терапии», в которой впервые обратил внимание на «процесс обратного воздействия, который наблюдается у врача в результате влияния пациента на подсознание своего аналитика». В ней Фрейд также провозглашает «самоанализ» обязательной

частью работы психоаналитика, так как аналитик «может довести до конца свое лечение лишь постольку, поскольку ему позволяют сделать это собственные комплексы и внутреннее сопротивление… Тот, кто не может заниматься подобным самоанализом, должен без колебаний отказаться от лечения больных этим методом».

В другой статье этого года — «К вопросу о так называемом „диком“ психоанализе» — Фрейд поднял вопрос, который затем не раз становился предметом острых дискуссий в психоаналитических кругах: может ли человек, не являющийся врачом, то есть не получавший систематического медицинского образования, заниматься психоанализом? Фрейд поначалу вроде бы дает на этот вопрос отрицательный ответ, настаивая на том, что психоанализ должен осуществляться «по строгим техническим правилам». Правда, уже в этой статье он признаёт, что «по правде, „стихийные“ аналитики больше вредят психоаналитическому делу, чем своим больным, потому что часто у последних общее улучшение наступает „само по себе“…» — то есть фактически признаёт, что психоанализ может играть роль *placebo*.

Впоследствии, как известно, Фрейд, особенно после появления в его окружении принцессы Мари (Марии) Бонапарт, смягчил свою позицию в этом вопросе. В итоге психоаналитики решили допускать в свой круг людей, не имеющих медицинского образования, но оговорили, что направить к такому психоаналитику может только профессиональный врач, исключивший диагноз органического заболевания. К тому же по меньшей мере первое время психоаналитик-неврач должен работать под патронатом своего коллеги-врача.

* * *

Летом 1910 года Фрейд отправился с женой в Нордвик, на побережье, чтобы дать Марте возможность попрощаться с умиравшей матерью. Вскоре в Нордвике со своей богатой любовницей Лоу Канн появился Эрнест Джонс. Во время совместных прогулок вдоль берега моря он жаловался Фрейду на несносных канадцев; на то, что его травят за лекции и статьи, в которых он пытается пропагандировать психоанализ; что одна из пациенток, став жертвой эмоционального переноса, обвинила его в том, что он с ней переспал (многие полагают, что так оно и было), и угрожала ему пистолетом. Джонс впоследствии вспоминал, что во время прогулки Фрейд то и дело ковырял песок

и водоросли тростью. На вопрос о том, что он хочет там найти, Фрейд ответил фразой, необычайно точно характеризующей его как человека и исследователя: «Что-нибудь интересное. Заранее никогда не знаешь». Он и в самом деле порой не знал, куда его заведет за письменным столом свободно текущая мысль, и иногда сам удивлялся собственным выводам.

В эти же самые дни Фрейд встретился с Густавом Малером, занимавшим тогда пост директора Венской оперы — небывалый успех для еврея — выходца из провинциальной Богемии. Малер, живший в Вене неподалеку от Фрейда, никогда не искал до того встречи со скандальным профессором, но тут вдруг прислал телеграмму с просьбой о немедленной консультации. Однако, когда Фрейд дал свое согласие, великий композитор стал раз за разом откладывать время встречи — предстоящий разговор явно пугал и тяготил его. Наконец они встретились в одном из ресторанов Лейдена, у самой кромки моря, и во время прогулки Малер поделился с Фрейдом своими проблемами.

Судя по всему, Малер в тот, последний период своей жизни пребывал в депрессии по поводу измены своей жены Альмы (которая была младше его больше чем на 20 лет) и, возможно, страдал психической импотенцией. Фрейд во время беседы открыл Малеру, что тот сосредоточен на образе своей матери и потому порой даже свою Альму хочет назвать именем матери — Марией. По словам Фрейда, за эти четыре часа беседы он «многого достиг» в психоанализе и лечении великого пациента. «Интересно, как при нехватке времени годы анализа можно свести к нескольким часам!» — саркастически восклицает Пол Феррис. Впрочем, это было не так уж и сложно: Фрейд в ходе беседы попросту поверял биографию Малера своей собственной.

Можно иронизировать по данному поводу сколько угодно, но все знавшие чету Малер отмечали, что после встречи с Фрейдом отношение композитора к жене разительно изменилось. В нем как будто заново проснулась давняя страсть, и он посвящает молодой жене одну великую симфонию за другой. Судя по всему, проделанный Фрейдом анализ при всей его, с нашей точки зрения, банальности показался Малеру величайшим открытием и перевернул последний год его жизни. И еще один знаменательный факт: уже после того, как в мае 1911 года Малера не стало, Фрейд прислал его жене счет за свою консультацию. За что Альма Фрейда, разумеется, возненавидела.

В сентябре Фрейд отправился вместе с Ференци на Сицилию. Поездка в целом была хороша, но в итоге обе стороны оказались разочарованы и ею, и друг другом.

Ференци мечтал о том, что они с учителем целыми днями

будут вести умные беседы о психоанализе и продуцировать новые идеи. Фрейд же, изрядно уставший за минувшие девять месяцев, хотел просто отдыхать и развлекаться, как самый обычный турист. Когда Ференци предложил Фрейду совместно проанализировать «случай Шребера» — известного судьи, страдавшего шизофренией с относительно долгими ремиссиями, Фрейд вроде бы согласился. Но очень скоро Ференци понял, что для Фрейда сотрудничество означало, что он будет просто записывать под диктовку Фрейда его мысли о Шребере. А когда понял, то оскорбился и ответил, что «ожидал лучшего задания».

Одновременно Ференци постоянно «грузил» Фрейда своими проблемами, видя в нем прежде всего психоаналитика. Ференци в то время как раз разрывался между Жизелой и Эльмой Палос — матерью и дочерью, — не зная, на ком же из них окончательно остановить свой выбор. Фрейд, понимая, что Ференци является одним из самых талантливых и верных учеников, всё это терпеливо сносил, хотя и жаловался в письмах Юнгу, что Ференци относится к нему «слишком инфантильно», то есть видит старшего, умудренного опытом человека, престарелого отца, а никак не друга и попутчика.

С Юнгом тоже не всё было гладко: тот явно не мог взять бразды управления Международным обществом в свои руки; постоянно жаловался в письмах на «интриги» и «махинации» венцев, и прежде всего Адлера. Всё это было предвестием бури, которой скоро, очень скоро предстояло разразиться.

Что касается Шребера, то в итоге Фрейд статью о нем все-таки написал, увидев в признаниях судьи о тяге к кастрации, желании стать женщиной и т. д. блестящее подтверждение своей теории бисексуальности, развития эрогенных зон, страха кастрации т. д. Хотя, как выяснилось позже, Шребер, как и его сошедший с ума и покончивший самоубийством младший брат, вероятнее всего, были жертвами «образцового немецкого воспитания», которое давал им отец, доводя муштру сыновей до патологических масштабов.

* * *

Как уже было сказано выше, на протяжении всего 1910 года Фрейд не только занимался организационной деятельностью, но и много и плодотворно работал.

Для вышедшего в мае специального «Приложения к „Медицинской газете“», посвященного пятидесятилетию давнего друга Фрейда профессора-окулиста Леопольда Кёнигштайна,

Фрейд написал статью «Психогенное нарушение зрения в психоаналитическом восприятии». В статье не просто отмечалось, что неврозы могут вызывать в числе прочего и проблемы со зрением, а вводился термин «влечение к самосохранению» (или «влечения „Я“»), обозначающий базовые потребности человека, не связанные с сексуальностью. Вместе с сексуальными влечения к самосохранению были отнесены Фрейдом к группе «влечений к жизни». «Все органические влечения в нашей психике могут быть разделены, как сказал поэт, на Голод и Любовь», — пояснял Фрейд.

Осенью 1910 года вышла в свет одна из самых знаменитых работ Фрейда «Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи» — его первый опыт психобиографии, созданный под явным влиянием романа Дмитрия Мережковского.

Статья эта является одним из самых замечательных примеров того, как ошибка при переводе или ошибочный базовый тезис может стать основанием для весьма глубокомысленных, могущих даже показаться оригинальными, но при этом совершенно беспочвенных выводов. Пытаясь дать разгадку личности одного из величайших людей эпохи Возрождения, Фрейд обращается к его детству. Для него нет сомнений, что гениальные прорывы Леонардо да Винчи в живописи, механике и других областях были сублимацией вытесненной сексуальности, а значит, объяснив характер сексуальных склонностей да Винчи, можно дать объяснение его личности и всем загадкам его творчества.

В поисках этого объяснения Фрейд обращается к тому, что да Винчи якобы считал одним из своих самых ранних воспоминаний: «Кажется, что заранее мне было предназначено так основательно заниматься коршуном, потому что мне приходит в голову как будто очень раннее воспоминание, что когда я лежал еще в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы».

Фред подчеркивает, что сохранение человеком воспоминаний о своем младенческом возрасте возможно, хотя и крайне маловероятно, но уж совсем невероятно, что у младенца осталось подобного рода странное воспоминание. Следовательно, делает он вывод, «эта сцена с коршуном не есть воспоминание Леонардо, а фантазия, которую он позже создал и перенес в свое детство». Фантазия эта двояка, объясняет Фрейд, с одной стороны, она, безусловно, вызывает ассоциацию «с отвратительной (именно так, хотя раньше Фрейд ее таковой не считал. — *П. Л.)* сексуальной фантазией об оральном сексе». Но сам оральный секс, поясняет он тут же, является переработкой «первого жизненного наслаждения» — сосания груди матери.

Мать, по версии Фрейда, заменяется у Леонардо коршуном потому, что, будучи человеком образованным, он знал, что у египтян богиня Мут (чье имя созвучно с немецким словом «муттер» — «мать») изображалась с головой коршуна, большой женской грудью и большим фаллосом, то есть несла в себе мужское и женское начало. Кроме того, оказывается, у египтян коршуны были символом материнства, так как считалось, что у этого вида птиц есть только самки и они в полете открывают влагалище и зачинают от ветра. Таким образом, Леонардо, будучи внебрачным сыном, который первые годы рос без отца, считал себя «детенышем коршуна».

Леонардо, как и все мальчики, продолжает Фрейд, чувствовал детское влечение к матери и при этом считал, что у нее такой же пенис, как у нее. В то же время, не будучи в этом уверен, он — как и все дети — испытывал жгучее любопытство к гениталиям матери и хотел посмотреть на них. «Хвост коршуна в фантазии Леонардо мы можем истолковать таким образом: в то время, когда мое младенческое любопытство обратилось на мать, я ей приписывал еще половой орган, как у меня. Это и есть дальнейшее доказательство раннего сексуального исследования Леонардо, которое, по нашему мнению, стало решающим для всей его жизни»[203], — писал Фрейд.

Именно отношение Леонардо к матери, его сильная связь с ней, а затем и влияние на него мачехи Альбиеры и определили, по Фрейду, гомосексуальные склонности Леонардо да Винчи.

И дальше в очерке идет глубокое, обоснованное, поистине необычайно актуальное и в наши дни объяснение природы гомосексуальности:

«Гомосексуальные мужчины, которые в наше время предприняли энергичную деятельность против законодательного ограничения их половой деятельности, любят представлять себя через своих теоретиков как с самого начала обособленную половую группу, половую промежуточную ступень, как „третий пол“. Они — мужчины, которые органически с самого зародыша лишены влечения к женщине, и потому их привлекает мужчина. Насколько охотно из гуманных соображений можно подписаться под их требованиями, настолько же осторожно надо относиться к их теориям, которые выдвигаются, не принимая во внимание психического генезиса гомосексуальности. Психоанализ дает возможность заполнить этот пробел и подвергнуть проверке утверждения гомосексуалистов. Он пока мог выполнить эту задачу только у ограниченного числа лиц, но все до сих пор предпринятые исследования дали один и тот же удивительный результат. Это главным образом исследования И. Саджера

(Sadger), которые я могу подтвердить собственным опытом.

Кроме того, мне известно, что В. Штекель (Stekel) в Вене и Ференци (Ferenczi) в Будапеште пришли к тем же результатам. У всех наших гомосексуальных мужчин существовало в раннем, впоследствии индивидуумом позабытом детстве очень интенсивное эротическое влечение к лицу женского пола, обыкновенно к матери, вызванное или находившее себе поощрение в слишком сильной нежности самой матери и далее подкрепленное отступлением на задний план отца в жизни ребенка.

Саджер указывает, что матери его гомосексуальных пациентов часто были мужеподобными женщинами, женщинами с энергичными чертами характера, которые могли оттеснить отца от подобающего ему положения; мне случалось наблюдать то же самое, но более сильное впечатление произвели на меня те случаи, где отец отсутствовал с самого начала или рано исчез, так что мальчик был предоставлен главным образом влиянию матери. Это выглядит почти так, как будто присутствие сильного отца гарантирует сыну правильное решение для выбора объекта в противоположном поле.

После этой предварительной стадии наступает превращение, механизм которого нам известен, но которого побудительные причины мы еще не постигли. Любовь к матери не может развиваться вместе с сознанием, она подпадает вытеснению. Мальчик вытесняет любовь к матери, ставя самого себя на ее место, отождествляет себя с матерью и свою собственную личность берет за образец, выбирая схожих с ним объектов любви. Таким образом, он стал гомосексуальным; в сущности, он возвратился к аутоэротизму, потому что мальчики, которых теперь любит взрослый, всё же только заместители и возобновители его собственной детской личности, и он любит их так, как мать любила его ребенком. Мы говорим, он находит свои предметы любви путем нарцизма, потому что греческая сага называет Нарциссом юношу, которому ничто так не нравилось, как собственное изображение, и который был обращен в прекрасный цветок, носящий это имя.

Более глубокие психологические соображения оправдывают утверждение, что ставший таким путем гомосексуальным в подсознании остается фиксированным к образу воспоминания своей матери. Вытеснением любви к матери он сохраняет эту любовь в своем подсознании и остается с тех пор ей верен. Если кажется, что он, как влюбленный, бегает за мальчиками, то на самом деле он бежит от других женщин, которые могли бы сделать его неверным. Мы могли бы также доказать прямыми

единичными наблюдениями, что кажущийся чувствительным только к мужскому раздражению на самом деле подлежит притягательной силе, исходящей от женщины, как и нормальный; но он спешит всякий раз полученное от женщины раздражение перенести на мужской объект и повторяет, таким образом, опять и опять механизм, посредством которого он приобрел свою гомосексуальность»[204].

И уже отсюда Фрейд ищет объяснение всем загадкам творчества и личной жизни гения. К примеру, в улыбке Джоконды он видит улыбку матери художника. В том, что Леонардо бросал свои произведения неоконченными, — аналогию с тем, как его отец бросил своего ребенка, то есть самого Леонардо, и т. д.

На многочисленные противоречия и нестыковки в этом очерке обращали внимание многие критики Фрейда. Все они подчеркивали бредовый характер идей, связанных с фантазией о коршуне и богине Мут — хотя бы потому, что имя богини ассоциируется со словом «мать» только в немецком языке; что Леонардо да Винчи не мог видеть фресок с изображением богини и знать, каким иероглифом обозначается ее имя, так как жил за столетия до открытия египетских древностей и расшифровки египетской письменности Шампольоном. Словом, по мнению уже не раз цитировавшегося здесь страстного фрейдофоба профессора Виленского, «понять эти рассуждения Фрейда с позиции логики и здравого смысла невозможно, зато всё это укладывается в рамки бредовой идеи на фоне аутистического и символического мышления»[205].

Окончательно абсурдность рассуждений Фрейда о коршуне становится понятной, если учесть, что при написании очерка о да Винчи Фрейд пользовался неудачным переводом. На самом деле в оригинале речь идет не о коршуне, а о грифе, что кардинальным образом всё меняет — никто никогда не считал, что у грифов есть только самки.

Но тут мы снова сталкиваемся с уже не раз упоминавшимся в этой книге «парадоксом Фрейда»: даже столь грубые ошибки и подтасовки не зачеркивают и не умаляют ценности и глубины его стержневых идей. Необычайно точно эту особенность Фрейда подметил в своей оценке очерка «Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи» великий русский философ Николай Александрович Бердяев. «У Фрейда нет обычной психиатрической затхлости, у него есть свобода и дерзновение мысли, — писал Бердяев. — Фрейд научно обосновывает ту истину, что сексуальность разлита по всему человеческому существу и присуща даже младенцам. Он колеблет обычные границы нормально-естественной сексуальности… Но склонность школы

Фрейда объяснить всё, вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы маниакальной идеи, характерной для психиатров. Ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, которую допускает школа Фрейда. Натяжки Фрейда в объяснении типа Леонардо или объяснении снов доходят до комического. И всё же Фрейд помогает осознанию сексуальности»[206].

Но в том, 1910 году никто в окружении Фрейда никаких натяжек и ничего комического в работе о Леонардо не усмотрел. Этюд был принят на ура. Идея о коршуне так всем понравилась, что первый пастор-психоаналитик Оскар Пфистер утверждал, что в картине Леонардо «Мадонна с младенцем Иисусом и Св. Анной» разглядел образ коршуна в голубой ткани, прикрывающей бедра Марии. Юнг утверждал, что разглядел контуры коршуна в другом месте: так, что его клюв расположен в области лобка. Когда Ференци показали «коршуна» на картине, он искренне удивился тому, что «не замечал его раньше». Что еще раз доказывает, что при желании в подлинно великом произведении искусства можно увидеть всё что угодно и как угодно это произведение интерпретировать.

Глава двенадцатая
БУНТ НА КОРАБЛЕ

1911 год начался для Фрейда с борьбы с восставшим против него Альфредом Адлером и группой его сторонников. В сущности, это было продолжением конфликта, начавшегося на втором конгрессе, и, как всегда при подобных конфликтах, идеологическое противостояние в нем было самым тесным образом связано с личными мотивами — и Фрейд, и Адлер обладали непомерным честолюбием и властолюбием.

Входивший в венский кружок с самого его основания, Адлер поначалу работал в русле традиционного фрейдизма, став, по сути дела, автором такого понятия, как «комплекс неполноценности». Однако, будучи социалистом по убеждениям, хорошо знакомым с марксизмом и предпочитавшим оказывать помощь неимущим пациентам-пролетариям, Адлер по определению не мог смотреть на мир глазами Фрейда, бывшими для него глазами благополучного буржуа. Ему были чужды «интеллигентские замашки» Фрейда, и он рубил в своих статьях сплеча, называя все вещи своими именами. Но главное заключалось в том, что уже с 1907 года Адлер стал подвергать сомнению авторитет Фрейда. Гениальность Фрейда, утверждал Адлер, заключалась в том, что он обратил внимание на роль бессознательного в жизни человека, создал новую методологию. Но его учение — не догма, а руководство к действию, к дальнейшему познанию природы человека и — через него — путей развития общества.

Чтобы не утомлять читателя слишком длинным пересказом взглядов Адлера, приведем достаточно емкую справку о его жизни и мировоззрении из «Философского словаря»:

«Адлер Альфред (1870–1937) — австр. врач и психолог. С 1902 г. сторонник Фрейда, в 1911 порвал с ним, выработав собственную концепцию „индивидуальной психологии“ (в 1924 создана Международная ассоциация индивидуальной психологии). Умер в США, где его взгляды оказали влияние на психиатрию и педагогику. В качестве осн. движущей силы развития человеческой психики Адлер постулировал стремление к преодолению чувства недостаточности, „неполноценности“. Это стремление становится стимулом творческой активности индивидуума, развития его дарований, позволяющих компенсировать те или иные физические недостатки, ущербность социального положения и т. д. А. доказывал, что сновидения,

фантазии и пр. психические феномены являются не искаженным выражением прошлых травматических переживаний, как утверждал Фрейд, а попытками „предвидения“ перед лицом жизненных проблем личности. Задачей „индивидуальной психологии“ А. считал выявление и соответствующую корректировку „жизненной линии“, бессознательного „проекта“, „плана“, к-рый, по его мнению, формируется в самом раннем детстве, образуя стержень („шаблон“) жизненного поведения личности, определяя характерные поступки, манеру преодолевать жизненные трудности и т. д. Взгляды А. оказали влияние на тех представителей неофрейдизма, к-рые подчеркивали важность социальных факторов воздействия на человеческую психику, а также на экзистенциональный психоанализ Сартра»[207].

Фрейд на том этапе развития психоанализа видел слабость концепции Адлера в том, чем потом грешил сам, — в попытке создания глобальной философской системы.

«Психоанализ поставил своей ближайшей задачей объяснение неврозов и взял за исходные пункты оба факта сопротивления и перенесения и, принимая во внимание третий факт — амнезии, дал им объяснение в теориях о вытеснении, сексуальных двигательных силах невроза и о бессознательном… Теория Альфреда Адлера идет гораздо дальше этой цели; она хочет поведение и характер людей объяснять тем же приемом, что и невротические и психотические заболевания…» — писал Фрейд[208].

Далее Фрейд справедливо указывал, что обращение Адлера к социальным мотивам, попытка заменить сексуальность «желанием властвовать» (что было характерно для самого Адлера), по сути дела, ведет к «рационализации бессознательного», то есть убивает саму идею психоанализа.

Наконец, он обращал внимание и на несостоятельность «биологической» части концепции Адлера. «Кажется совершенно невозможным и противоречит прямым наблюдениям, что ребенок — мальчик или девочка начертали план своей жизни, основываясь на первоначальном презрении к женскому полу… Картина жизни, которая вырисовывается из системы Адлера, основана целиком на агрессивном влечении; она не оставляет места для любви. Приходится удивляться, что столь безотрадное мировоззрение обратило на себя внимание, но не следует забывать, что стонущее под игом половой потребности человечество готово воспринять что угодно, если только приманки выставить „преодоление сексуальности“…» — писал Фрейд, не то чтобы не замечая, что некоторые суждения Адлера о мужской и женской сексуальности являются экстраполяцией его

собственных взглядов, но выступая против подобной экстраполяции как таковой.

Адлер, надо заметить, не менее четко выявлял слабые стороны учения Фрейда. Он обратил внимание, что Фрейд вращается в порочном кругу, объясняя причины вытеснения в бессознательное влиянием культуры и одновременно объявляя культуру причиной возникновения вытеснения.

Опасность Адлера, как объяснял Фрейд в письме Юнгу в конце 1910 года, заключалась в том, что «он сводит на нет сексуальное желание, и наши оппоненты могут заговорить об опытном психоаналитике, выводы которого радикально отличаются от наших. Естественно, в своем отношении к нему я разрываюсь между убеждением, что его теории однобоки и вредны, и страхом прослыть нетерпимым стариком, который не дает молодежи развернуться».

Но полная правда, как уже было сказано, заключалась в том, что идеологические разногласия между Адлером и Фрейдом чем дальше, тем больше накладывались на растущую взаимную личную неприязнь. Фрейд видел в Адлере «массу мелочной злобы, которая искажает его труды, и черты необузданной страсти, которые скрываются в них»[209]. Адлер не оставался в долгу и обвинял Фрейда в схожих грехах, прежде всего в желании быть богом и держать всех остальных в тени своей славы. Самое интересное, что правы в своих обвинениях были оба.

В январе 1911 года Фрейд решил, что пришло время решительно выкорчевать «ересь» Адлера. Поводом для первой атаки стали небольшие ошибки в «Центральном журнале по психоанализу», которые Фрейд объявил недопустимыми. В январе и феврале Венское психоаналитическое общество провело собрания, на которых резко осудило вероотступничество Адлера. «Теории Адлера слишком далеко отклонились от правильного пути. Пришло время открывать против него фронт… Конечно, я всегда ставил во главу угла желание быть терпимым и не давить авторитетом, но в жизни это не удается», — писал Фрейд в феврале пастору Пфистеру.

После этих собраний Адлер сложил с себя полномочия президента Венского психоаналитического общества, но всё еще продолжил оставаться в его рядах. Соратник Адлера Штекель даже на какое-то время примирился с Фрейдом и вернул себе его расположение, но колесо конфликта продолжало раскручиваться. В мае, после очередной острой дискуссии с Фрейдом об этиологии неврозов, Адлер покидает Венское общество.

Любопытно, что тогда же, в январе, Фрейд стал страдать от головной боли и забывчивости. Он решил, что это признаки

старости и сужения артерий, и запаниковал. Однако вскоре выяснилось, что в его настольной лампе постоянно происходила утечка газа, но из-за своих сигар Фрейд не чувствовал запаха газа и медленно себя отравлял. Дело вообще могло бы закончиться взрывом, но, к счастью, всё обошлось. Фрейд написал Юнгу, что, заметив ослабление памяти: «…я не приписал всё неврозу и очень этим горжусь».

21 сентября в Веймаре организуется новый конгресс психоаналитиков, в котором принимают участие 55 делегатов. По окончании конгресса всем последователям Адлера было предложено либо присягнуть на верность учению Фрейда, либо покинуть Психоаналитическое общество.

Окончательный откол адлерианцев состоялся в октябре. Вскоре вместе с еще девятью бывшими учениками Фрейда Адлер создал Общество свободных психоаналитических исследований (в пику «несвободных» исследований Фрейда), которое в 1912 году было преобразовано в уже упоминавшееся Общество индивидуальной психологии.

Какие-либо контакты между двумя обществами не допускались, а Фрейд объявил Адлера жертвой тяжелого невроза, переросшего в паранойю, — как, впрочем, он делал и до, и после того со многими бывшими друзьями.

Таким образом, казалось, ряды психоаналитиков были очищены, и можно было продолжать плодотворную работу.

Между тем в 1912 году судьба готовила Фрейду новый удар.

* * *

Первые тучи в отношениях между Фрейдом и Юнгом появились уже на раннем этапе их общения, но Фрейд упорно не замечал их, убеждая себя, что наконец нашел «сына» и подходящего преемника. Так же, как и Адлер, Юнг был слишком амбициозен и самостоятелен, чтобы пребывать в тени Фрейда, по меньшей мере до конца жизни последнего. Он искал свой путь в науке, свое место в будущей истории человеческого духа и в январе 1911 года, в те самые дни, когда в Вене бушевали страсти вокруг Адлера и Штекеля, кажется, начал нащупывать его.

«Опасно яйцу пытаться быть умнее курицы. И всё то, что заключено в яйце, должно в конце концов набраться храбрости и выбраться наружу», — писал он Фрейду 18 января 1911 года. Намек был более чем прозрачный, но Фрейд, во-первых, всё еще безоговорочно верил Юнгу и в Юнга, а во-вторых, был слишком занят борьбой с Адлером, чтобы обратить на это внимание.

Известие Юнга о том, что он собирается написать очерк по мифологии, также нисколько не встревожило Фрейда — напротив, он считал, что мифы представляют собой огромное поле деятельности для психоаналитика, так как несут в себе информацию о первичных неврозах человечества. Он сам в это время приступил к написанию книги «Тотем и табу», но работа не клеилась — возможно, начала сказываться многолетняя усталость и трата сил на войну с тем же Адлером, да и возраст, безусловно, уже давал о себе потихоньку знать.

Тем временем Юнг упорно не хотел посвящать Фрейда в детали своей работы и в письмах уходил от вопросов о ней. Впервые он решил раскрыть карты осенью 1911 года, на уже упоминавшемся Веймарском конгрессе. В своем докладе он рассказал о наблюдениях за рядом своих пациентов-шизофреников, а также «провидцев» (в наши дни мы бы назвали их экстрасенсами или просто людьми с паранормальными способностями). В ходе изучения их фантазий Юнг, по его словам, обнаружил, что все они в той или иной степени могут быть сведены к мотивам, встречающимся в мифах разных народов. Отсюда он сделал вывод, что существуют некие универсальные мифологические мотивы, которые, проникая в бессознательное людей, делаясь частью их психики, могут в итоге определить характер психопатических явлений, от которых они страдают. «Таким образом, — констатировал Юнг, — при шизофрении пациент страдает от воспоминаний человечества», то есть, по сути дела, перефразировал Фрейда, заменив личные воспоминания на память всего человечества.

Как уже говорилось, у Фрейда были сходные идеи, и потому даже когда первая часть очерка Юнга «Трансформации и символы либидо» вышла в свет, он не увидел в нем ничего, что противоречило бы классическому психоанализу. Лишь когда Эмма Юнг в письмах Фрейду рассказала, что Юнг опасается того, как Фрейд воспринял его очерк, отец психоанализа насторожился, перечитал «Трансформации…» более внимательно и попытался выяснить у Юнга, куда же тот «гнёт» во второй части очерка.

В ноябре Юнг наконец признался, что во второй части он подходит «к фундаментальному обсуждению теории либидо» и… собирается расширить это понятие. Для Фрейда эти слова прозвучали как удар грома: либидо как всеобъемлющее сексуальное желание было базовым понятием психоанализа, и любое изменение этой трактовки означало осквернение святая святых.

Словно предчувствуя возможный поворот событий, Фрейд пишет статью о библейской эпохе, проявляя неожиданный

интерес к истории христианства. Точнее, к одному ее эпизоду: созданию апостолом Павлом общины в Эфесе, которая затем предала его и попала под влияние апостола Иоанна. Посыл был ясен, особенно если учесть, что Юнг вырос в семье пастора и был и без Фрейда хорошо знаком с этой историей. Но Юнг уже сделал выбор. В своих лекциях он уже начал подвергать сомнению всеобъемлющий характер сексуальности, а также высказывал скептицизм по поводу существования детской сексуальности и эдипова комплекса — одних из базовых положений теории Фрейда. Он понимает, что Фрейд считает его еретиком, но пишет ему, что он таков по самой своей натуре: он бы никогда не примкнул к Фрейду, если бы в его крови изначально «не было ереси».

В мае 1912 года произошло событие, которое сам Юнг назвал «кройцлингским жестом» Фрейда: отправившись в гости к Людвигу Бинсвангеру, жившему относительно недалеко от Юнга, Фрейд слишком поздно известил об этом своего «кронпринца». В результате Юнг уже отправился в путешествие по озеру Цюрих на яхте, и они не смогли встретиться. Впрочем, если Юнг считал, что это Фрейд не пожелал с ним встречаться, то Фрейд думал с точностью до наоборот (и именно так трактуют это и сегодня все убежденные фрейдисты).

К этому времени всё уже было ясно, и Фрейд, совсем недавно утверждавший, что неевреи не могут и не должны руководить мировым психоаналитическим движением, пишет письмо Ференци, призывая всех сторонников его теории объединиться против Юнга и его сподвижников, апеллируя в числе прочего и к национальной еврейской солидарности. «Неважно, чем это закончится, но похоже, что мое намерение объединить евреев и гоев[210] в служении психоанализу не осуществилось. Они не смешиваются, как масло и вода».

Ференци немедленно подхватывает тему и называет Швейцарское общество психоанализа «бандой антисемитов», что, кстати, было не так уж далеко от истины — сам Юнг изначально был не чужд антисемитских настроений, которые отступили назад после знакомства с Фрейдом, но время от времени накатывали на него. Со временем, как мы увидим, Юнг также, независимо от Фрейда, стал рассматривать конфликт с Фрейдом, как конфликт между евреями и христианами, и к нему вернулась прежняя антипатия к евреям. Все представители швейцарской школы выражали свои симпатии «нововведениям» Юнга. Верность Фрейду — что было любопытно и, как поймет чуть позже читатель, неожиданно — из всех «швейцарцев» сохранил только пастор Пфистер.

В ответ летом 1912 года вокруг Фрейда сплотились его ближайшие сподвижники — Шандор Ференци, Карл Абрахам, Отто Ранк, Ганс Закс (Сакс) и Эрнест Джонс. Как легко заметить, неевреем в этом списке был только Джонс, чья любовница Лоу Канн была еврейкой. Собственно, он и появился у Фрейда в надежде, что тот поможет Лоу избавиться от пристрастия к морфию. Фрейд назвал эту организацию «тайным комитетом», или просто «комитетом», призванным стоять на страже чистоты теории психоанализа, выявлять и пресекать любые попытки «еретического» толкования базовых положений Фрейда. Он и в самом деле был тайным, так как Фрейд запретил предавать факт его существования огласке. Не по возрасту пылкий Джонс сравнил это братство с гвардией Карла Великого, проводящего политику своего владыки. Хотя если продолжить аналогию между психоаналитическим обществом и католической церковью, то правильнее говорить об инквизиции. Сам Фрейд писал: «Мне было бы легче жить и умереть, если бы я знал, что существует организация, которая будет защищать мое творение».

Забегая вперед скажем, что на состоявшемся 25 мая 1913 года заседании «комитета» Фрейд вручил всем его членам греческую гемму с изображением головы Зевса. Все члены «комитета» вставили свои геммы в перстни, и это было их тайным знаком. Сначала таких колец было шесть, затем, когда в состав «комитета» ввели Макса Эйтингона, их стало семь, а Фрейд, соответственно, стал повелителем «ордена семи колец».

Осенью 1912 года Джонс, будучи у друга в Баварии, сумел познакомиться с гранками второй части очерка «Трансформация и символы либидо», которую Юнг собирался опубликовать в «Психоаналитическом ежегоднике». Очерк, по оценке Джонса, был бессвязным, значительную его часть составлял простой пересказ мифов разных народов, но главное было ясно: у Юнга либидо перестало быть исключительно сексуальным. Фрейд тут же поспешил списаться с Эммой Юнг и вскоре уже сам мог прочесть гранки второй части очерка «преемника». Работа эта, по его собственному признанию, произвела на Фрейда удручающее впечатление.

Вслед за этим Фрейд получил письма от активистов Американского общества психоанализа с их впечатлениями о лекциях Юнга, прочитанных им осенью в Америке. По их мнению, в трактовке Юнга психоанализ утратил главное — свой материалистический, естественно-научный характер, превратившись в метафизическое учение. Вместо либидо он стал использовать понятие «жизненная сила», влияние эдипова комплекса свел к минимуму, детскую сексуальность игнорировал.

В ноябре 1912 года Юнг пишет Фрейду одно из последних личных писем, в котором настаивает, что его лекции в Америке стали крупным успехом и способствовали росту популярности международного психоаналитического движения. «Я нашел, что моя версия психоанализа убедила многих людей, которых до того отталкивала проблема сексуальности в неврозе. Как только у меня появятся оттиски, я с удовольствием пришлю вам копию своих лекций в надежде, что вы постепенно примете некоторые нововведения, на которые уже есть намеки в моей работе о либидо», — сообщал Юнг.

Но в том-то и дело, что принять эти доводы Фрейд не мог. Отказаться от идеи сексуальности для него было так же немыслимо, как признать, что Земля плоская и покоится на трех слонах. Между тем сами обстоятельства приближали их личную встречу. Дело заключалось в том, что «еретик» Штекель упорно отказывался покидать пост редактора «Центрального психоаналитического журнала», считавшегося официальным органом Международного психоаналитического общества, и с этим надо было что-то делать.

Списавшись с Юнгом как председателем общества, Фрейд договорился о том, что семь членов его правления соберутся для обсуждения сложившейся ситуации 24 ноября в Мюнхене, в гостинице «Парк». Встреча состоялась, но Эрнест Джонс, прибыв на нее, рассказал, что узнал о точной дате встречи от Лоу — Юнг в направленной ему открытке назвал дату 26 ноября. Фрейд увидел в этой описке проявление бессознательного стремления Юнга к срыву встречи и сочувствия Штекелю.

В итоге предложение Фрейда о лишении «Центрального психоаналитического журнала» статуса официального органа было принято, и после этого Фрейд с Юнгом отправились на прогулку для выяснения отношений. В письме Ференци Фрейд рассказал, что поначалу ему показалось, что Юнг капитулировал, но затем оказалось, что это было лишь еще одно проявление его «лживой натуры». «Он был совершенно сломлен, пристыжен и затем признался, что уже давно боялся, будто близость со мной или другими повредит его независимости, и поэтому решил отдалиться; что он несомненно видел меня в свете своего отцовского комплекса и опасался, что я скажу ему о его изменениях… Я высказал ему всё. Спокойно сказал, что дружбу с ним не могу сохранять, что он сам создал эту близость, которую затем так жестоко разрушил; что в его отношениях с людьми не всё в порядке, не только со мной, но и с другими… Я думаю, это было ему полезно».

После этого тяжелого разговора Фрейд с Юнгом вернулись в

гостиницу, где все участники мюнхенской встречи собрались на обед. Во время обеда Фрейд неожиданно обмяк и упал без сознания со стула. Могучий Юнг поднял его на руки и отнес на диван. Когда Фрейд пришел в себя, он оглядел присутствующих и сказал: «Как приятно, должно быть, умирать!» Юнг в своих мемуарах утверждает, что он в те минуты поймал взгляд Фрейда, смотревшего на него так, как ребенок смотрит на отца.

О том, что стало причиной этого обморока, так и осталось неясным. Психоаналитики, разумеется, пытаются дать этому глубокое объяснение: по одной из версий, за обедом кто-то заговорил о египетском фараоне Аменхотепе, приказавшем стереть со всех памятников имя отца. Фрейд увидел в этом параллель между собой и Юнгом и своим обмороком бессознательно хотел убедить Юнга в преступности его замысла. Сам Юнг думал почти так же, но чуть позже стал подозревать, что обморок был не более чем «спектаклем», устроенным «старым евреем». Однако, думается, всё объяснялось проще: разговор с Юнгом и слова о том, что их дружбе пришел конец, стоили Фрейду слишком большого нервного напряжения.

Вернувшись в Вену, Фрейд нашел покаянное письмо от Юнга, где тот признавал свои ошибки и выражал надежду, что их личные отношения продолжатся. Фрейд в ответ поблагодарил Юнга за заботу и попросил забыть о происшествии в гостинице, которое, по его мнению, было «следствием небольшого невроза, которым мне стоит заняться». Что касается «Трансформации…», то Фрейд назвал эту работу «великим откровением, хотя и не тем, которое мы планировали».

Дальше события разворачивались следующим образом.

3 декабря 1912 года. Юнг в письме сетует на то, что Фрейд недооценивает его работу, и советует отнестись к «небольшому неврозу» как можно серьезнее.

5 декабря 1912 года. Фрейд отвечает, что каждому лучше обращать внимание на собственные неврозы, а не на неврозы ближнего.

11 декабря 1912 года. Письмо Юнга об Адлере, где он пишет: «…даже дружки Адлера не считают меня вашим» — хотя из текста ясно видно, что автор письма описался и изначально вместо «вашим» хотел написать «своим».

16 декабря 1912 года. Резкое, саркастическое письмо Фрейда по поводу этой описки.

18 декабря 1912 года. Юнг решает высказать в письме Фрейду все, что он о нем думает: «Вы вынюхиваете все симптоматические поступки у людей вокруг вас, и все они опускаются до уровня сыновей и дочерей, которые смущенно сознаются в своих пороках.

А вы остаетесь наверху как отец. Ловко устроились!.. Видите ли, дорогой профессор, пока вы этим занимаетесь, меня абсолютно не трогают мои симптоматические поступки. Они ничто по сравнению с солидным бревном в чужом глазу — глазу Фрейда… Я буду по-прежнему поддерживать вас публично, не отказываясь от собственных взглядов, но в частных письмах начну говорить то, что думаю о вас на самом деле…»

3 января 1913 года. Фрейд в письме Юнгу предлагает «полностью прекратить… личные отношения».

6 января 1913 года. Юнг принимает это предложение и добавляет, что «никому не навязывает своей дружбы».

7–8 сентября 1913 года. На 4-м Международном психоаналитическом конгрессе в Мюнхене после долгих споров пятьюдесятью двумя голосами против двадцати двух Юнг был снова избран президентом Международного психоаналитического общества. Одним из тех, кто голосовал против, был Эрнест Джонс. По окончании голосования Юнг подошел к нему и сказал: «Я думал, вы — христианин!» — имея в виду, что конгресс превратился в схватку между евреями и христианами. Здесь же, в Мюнхене, происходит одна из последних встреч Фрейда с Юнгом.

Эта сухая хроника, разумеется, не дает представления о том, как тяжело дался этот разрыв обоим. И Фрейд, и Юнг (даже в куда большей степени) пережили в 1913–1914 годах значительные нервные срывы, слышали внутренние голоса, вели нескончаемые разговоры с воображаемыми собеседниками, совершали неадекватные поступки и т. д., что заставляет некоторых психиатров подозревать, что оба они страдали шизофренией. Любопытно, что, несмотря на приведенные выше заявления, их переписка продолжалась еще как минимум до 1923 года. Но, разумеется, о былой теплоте и дружбе после писем 1913 года уже не могло быть и речи.

* * *

Сам Фрейд в «Очерке истории психоанализа» объяснял эволюцию взглядов Юнга типичным страхом «культурного европейца» перед сексуальностью и отношением к ней, как к чему-то предосудительному, олицетворяющему низменное начало в природе человека и потому противостоящее духовному. «Все изменения, которые Юнг предпринял в психоанализе, — писал Фрейд, — обнаруживают стремление устранить всё предосудительное в семейном комплексе, дабы не обрести его вновь в религии и этике. Либидо было заменено абстрактным

понятием, о котором можно утверждать, что оно осталось одинаково таинственным и непонятным, как для мудрецов, так и для глупцов. Эдиповский комплекс понимается только „символически“, мать в нем означала недостижимое, от которого надо отказаться в интересах культурного развития; отец, которого убивают в мифе об Эдипе, это „внутренний“ отец, от которого надо освободиться, чтобы стать самостоятельным…

Исследование каждого отдельного человека установило и всегда установит, что в нем живы сексуальные комплексы в их первичном смысле. Поэтому исследование индивидуума отошло на задний план и было заменено обсуждением по указаниям из области народоведения… Мы слышали, что актуальный конфликт невротика становится понятным и разрешенным только тогда, когда его сводят к прошлой истории больного, идут тем путем, который проделало его либидо при заболевании. Какой вид приняла неоцюрихская терапия при таких тенденциях, я могу сообщить со слов одного больного, который вынужден был испытать ее на себе самом. „На этот раз и помину не было о том, чтобы обратить внимание на прошлое и перенесение“»[211].

Пожалуй, точнее всех личные и идеологические мотивы, приведшие сначала Адлера, а затем и Юнга к противостоянию с Фрейдом, объяснил Фриц Виттельс.

«В начале своей психоаналитической деятельности Юнг написал ряд работ, показывающих, что он еще всецело находится в фарватере Фрейда. Фрейд дарил идею, а Юнг с удивительной ловкостью разрабатывал ее. Но наступил, по-видимому, момент, когда этот высокомерный дух спросил себя: „Что я — приспешник его? Зачем мне прозябать в его тени?“… В своей области Фрейд был непобедим… И вот честолюбивые ученики в заботе о своей собственной личности смотрят по сторонам. Не осталось ли где клочка не обследованной учителем территории. Так, Адлер нашел „мужской протест“, а Юнг „генетическое понимание теории либидо“. В дальнейшем обнаружится, что понимание Юнга не лишено эвристического и философского значения. Но Фрейд, твердо держа в руке вожжи своей колесницы, не имел желания свернуть с дороги, на которую ступил двадцать лет тому назад. Великолепная уверенность, с которой он держался за свои убеждения, предназначала его в классики, если его злой дух бессознательного не сделал бы его романтиком.

Адлер сказал, что человеком движет воля к могуществу. Сексуальность (либидо) есть лишь частичное проявление этой воли. Напротив, Юнг со своей стороны выставляет утверждение, что сексуальность (либидо) сперва была всем и что часть этой первичной силы была десексуализирована в процессе

человеческой культуры, и теперь противопоставляет себя остатку сексуальности, как нечто иное, враждебное. Оба исследователя, стало быть, в известном смысле монисты. Их утверждения только по видимости противоположны. На самом деле оба они приходят к тому, что Шопенгауэр задолго до них назвал волей…»[212]

Виттельс отмечает, что по большому счету вся концепция Юнга сводится к развитию мыслей, изложенных Фрейдом еще в «Толковании сновидений», — о том, что невротики в своих снах и фантазиях как бы опускаются «на старую, оставленную ступень мышления». Однако, продолжает он, эта базовая мысль Юнга и его школы ничего не дает для достижения той цели, ради которой и был, собственно говоря, создан психоанализ, — для лечения неврозов. «Швейцарцы назвали эту ступень мышления архаической; усердным трудом, в котором принимала участие вся школа, они выяснили, что психически больные и невротики до деталей повторяют мифы, космогонии и примитивные научные представления древних и древнейших народов. Они все ловят пациентов на таких архаических фантазиях и останавливаются на этом. Правда, я не могу понять, как можно помочь больному указанием: „Видите, сейчас вы повторяете миф о божестве ацтеков Вицли-Пуцли“. Пациент, вероятно, будет очень поражен аналогией, будет немного смущен, что его мысль протекает по таким заброшенным путям, но какой для него толк, если — как правильно замечает Ференци — одно неизвестное, а именно его собственное свихнувшееся „я“ разъясняется ему при помощи другого неизвестного, которое называется Вицли-Пуцли?»[213]

Далее Виттельс не называет вещи прямо, но явно намекает на то, что противостояние Фрейда и Юнга в итоге свелось к противостоянию между иудаизмом и христианством, исповедующими две противоположные точки зрения на сексуальность. Если иудаизм видит в сексуальности одно из проявлений божественного начала, то для Юнга божественное, духовное в человеке противостоит сексуальному. Более того, будучи представителем кальвинизма, самого асексуального течения в протестантизме, Юнг изначально, на уровне бессознательного находился в оппозиции к Фрейду. Сам Фрейд, как уже говорилось, использовал некоторые идеи еврейской мистики в своем учении, но при этом искренне стремился переплавить их в некое атеистическое, вполне материалистическое учение. Однако в той же степени, в какой Юнг оставался христианином, на бессознательном уровне Фрейд продолжал оставаться евреем и с точки зрения религиозности.

В заключение Виттельс подводит под конфликт Фрейда и Юнга психоаналитическую основу. «Существуют аналитики,

которые, подобно Штекелю, не считают комплекс Эдипа как раз центральным пунктом невроза, но не может быть психоаналитика, который сомневался бы в реальности этого комплекса. Чтобы найти объяснение, как могли усомниться в нем швейцарцы (священник Пфистер, оставшийся верным учению Фрейда, составляет исключение), придется в данном случае прибегнуть к психоаналитическому методу. Даже самая очевидная истина вытесняется, если она неприятна. Швейцарскому филистеру Эдиповский комплекс казался драконом. Ввиду того, что Кальвин и Фрейд не могут одновременно уместиться в сердце, швейцарцы, естественно, остановились на своем национальном герое»[214].

Это объяснение очень похоже на правду.

* * *

Для современников Фрейда и Юнга их идеологическая схватка была прежде всего в значительной мере схваткой между рационалистом и иррационалистом. Это свое значение она сохраняет и в наши дни, в эпоху постсекуляризма, когда наблюдается массовое возрождение интереса к религии как одного из путей нравственного и духовного возрождения общества.

«В противоположность Фрейду, видевшему в религии невроз навязчивости, — объясняет в своей монографии М. И. Попова, — Юнг рассматривал невроз как следствие утраты религиозного взгляда на мир. Религии, указывал он, принадлежит ряд важных функций, без которых невозможна продуктивная жизнедеятельность ни отдельного индивидуума, ни общества в целом; она выполняет компенсаторскую функцию, примеряя человека с тяготами жизни и в то же время не давая им полностью поработить его, выступая в качестве мощной интегрирующей силы…

Считая религию необходимым условием здоровья личности, Юнг связывал наблюдающийся в современном буржуазном обществе рост психических заболеваний с прогрессирующим упадком религиозной жизни. Предотвратить надвигающуюся катастрофу, по его мнению, могла бы опять же только религия. Однако тщетно было ожидать помощи от такой религии, которая сама нуждается в незамедлительном спасении. Иудео-христианская традиция, констатирует Юнг, переживает глубокий кризис…

Собственную миссию Юнг видел в том, чтобы вдохнуть новую

жизнь в обветшавшие религиозные догмы, чтобы создать миф, соответствующий современной ситуации…

В отличие от Фрейда, видевшего спасение человечества в обуздании бессознательного, Юнг связывал надежды на духовное обновление человека и общества с возвратом к иррациональным, коллективно-бессознательным переживаниям…»[215]

Фриц Виттельс отмечает, что во время их дружбы Фрейд так щедро осыпал Юнга своими идеями, что последний разрабатывал их и выдавал за свои еще в течение многих десятилетий. Однако и Фрейд признавал, что в работах Адлера и Юнга он находил интересные мысли и идеи, которые затем использовал в своих трудах — разумеется, переработав их в духе «чистоты» своей теории психоанализа.

Сам Юнг в своей написанной в 1929 году статье «Противоречия Фрейда и Юнга» настаивал, что главный недостаток теории Фрейда заключается в его склонности «рассматривать человека под углом своих собственных дефектов и патологии», и отмечал, что Фрейд никогда не решался критиковать свои исходные психиологические предпосылки, поскольку такая критика мгновенно выявила бы несостоятельность многих из них. Перефразируя знаменитые слова Ленина, можно сказать, что Юнг пришел к выводу, что учение Фрейда не всесильно, поскольку не совсем верно, хотя, безусловно, содержало в себе немалую долю истины и представляло мощный рывок вперед в развитии психологии и психиатрии.

Сегодня личные дрязги Фрейда с двумя первыми отколовшимися от него учениками представляют собой историю, интересную разве что очень узкому кругу специалистов. Но вот работы, написанные Фрейдом в этот период, с интересом читаются и в наши дни, а потому на них стоит остановиться более подробно.

Глава тринадцатая
ОТЕЦ ПЕРВОБЫТНОЙ ОРДЫ

К написанию книги «Тотем и табу» Фрейд приступил еще в 1911 году, но непрестанно жаловался, что она продвигается крайне медленно из-за того, что он вынужден отвлекаться на дрязги с Адлером и Юнгом. Правда, видимо, заключается в том, что и ключевые мысли книги, и ее содержание непрестанно менялись по мере развития самих этих дрязг, вбирая в себя новый душевный опыт ее автора.

Первые главы «Тотема и табу» были опубликованы в начавшем выходить в январе 1912 года психоаналитическом журнале «Имаго»[216], редакторами которого стали ближайшие и самые верные на тот момент ученики Фрейда Ганс Закс и Отто Ранк.

Открывающая книгу глава — «Боязнь инцеста» — написана явно в пику своим оппонентам. Как и Адлер, а затем и Юнг, Фрейд обращается к «детству человечества», к повседневной жизни первобытного племени или современных племен, оставшихся на первобытной стадии развития. При этом он ставил целью выявить, с одной стороны, истоки неврозов современного человека как естественное следствие подавления сексуальности и вытеснения ее в бессознательное, начавшееся на самой ранней стадии развития человеческого общества, а с другой — доказать, что именно это и привело к рождению морали и обусловило дальнейшие пути развития общества. При этом Фрейд опирался в своих изысканиях на модные в то время научно-популярные работы «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрэзера и «Первобытная культура» Эдуарда Тэйлора.

Не секрет, что многие страницы «Тотема и табу» вызывают у профессиональных антропологов и этнографов, мягко говоря, недоумение, причем буквально с первых страниц книги.

Пересказав вычитанные им в популярной литературе сведения об аборигенах Австралии, у которых якобы действует категорический запрет на брак и любые сексуальные отношения между представителями каждого племени, поклоняющимися одному тотему, Фрейд делает странный и совершенно неверный вывод, что такой запрет характерен для всех народов, задержавшихся на первобытной стадии развития. Следовательно, идет он дальше, запрет на эксогамные браки был характерен и для всего человеческого общества на том этапе. То есть мужчина, принадлежащий к племени с одним тотемом, должен был

непременно жениться на женщине из другого племени, с другим тотемом, и при этом его дети считаются принадлежащими к тотему отца и уже не могут вступить в интимные отношения с женщинами этого тотема. Причину такого запрета Фрейд видит в возникшем уже на самом раннем этапе развития боязни инцеста и стремлении путем запрета брака внутри тотема запретить возможные сексуальные контакты между отцом и дочерьми, а также между матерью и сыном и братьями и сестрами.

Подобранные Фрейдом примеры впечатляют и убеждают в его правоте, но только в случае, если забыть, насколько тенденциозно эти примеры подобраны — как, впрочем, тенденциозны и следующие из них выводы.

Во-первых, при желании можно найти не меньше, а то и больше широко известных примеров из жизни древних народов, в которых такие близкородственные сексуальные контакты были разрешены, а подчас считались и обязательными (например, среди представителей некоторых династий египетских фараонов).

Во-вторых, в истории многих народов мы не только не встречаем эксогамный брак, принятый у австралийских аборигенов, но и наоборот — категорический запрет на подобные браки с требованием жениться исключительно на женщинах из своего народа или клана (касты). При этом Фрейду не было нужды обращаться за подобными примерами к брачным законам японцев или индусов: он не мог не знать, что иудаизм категорически запрещает браки с неевреями, не мог не помнить как рассказа Библии об Ездре, велевшем евреям изгнать жен-неевреек, так и того, что именно Пятикнижие является первым древнейшим документом, четко определяющим, какие сексуальные отношения следует считать инцестом, и запрещающим их на том основании, что этими отношениями грешили народы Ханаана. При этом иудаизм разрешает браки между кузенами, и в период Фрейда они были широко распространены в еврейской среде. Но Фрейд почему-то все эти факты в «Тотеме и табу» упорно игнорирует — как, впрочем, и любые другие факты и доводы, имеющие отношение к Библии.

Эта тенденциозность базовых постулатов в итоге определила тенденциозность и весьма спорную научную ценность всей книги, которая, тем не менее, благодаря писательскому таланту Фрейда с интересом читается любителями подобной литературы и в наши дни.

Кроме того, несмотря на вышеуказанные недостатки, по всей книге разбросано, как это часто бывает у Фрейда, немало любопытных и достойных обсуждения идей. К примеру, если в попытке объяснить страх некоторых древних народов перед

инцестом Фрейд явно потерпел неудачу, то его объяснение сути взаимоотношений между зятем и тещей, а также того, почему некоторые народы (в том числе, скажем, и современные адыги) ограничивают взаимоотношения этих родственников, и в самом деле звучит интересно и правдоподобно:

«Известно, что отношение между зятем и тещей составляет и у цивилизованных народов слабую сторону организации семьи… Иному европейцу может показаться актом глубокой мудрости, что дикие народы, благодаря закону об избегании, сделали наперед невозможным возникновение несогласия между этими лицами, ставшими близкими родственниками. Не подлежит никакому сомнению, что в психологической ситуации тещи и зятя существует что-то, что способствует вражде между ними и затрудняет совместную жизнь. То обстоятельство, что остроты цивилизованных народов так нередко избирают своим объектом тему о теще, как мне кажется, указывает на то, что чувственные реакции между зятем и тещей содержат еще компоненты, резко противоречащие друг другу…

…Говорят, что родители молодеют со своими детьми; это в самом деле одно из ценных психических преимуществ, которое родители получают от своих детей… Это вживание в чувство дочери заходит у матери так далеко, что и она влюбляется в любимого мужа дочери, что в ярких случаях, вследствие сильного душевного сопротивления против этих чувств, ведет к тяжелым формам невротического заболевания. Тенденция к такому влюблению, у тещи во всяком случае, бывает очень часто, и или это самое чувство, или противодействующее ему душевное движение присоединяется к урагану борющихся между собой сил в душе тещи. Очень часто на зятя обращаются неприязненные садистические компоненты любовного движения, чтобы тем вернее подавить запретные нежные.

У мужчины отношение к теще осложняется подобными же душевными движениями, но исходящими из других источников. Путь к выбору объекта, возможно, вел его через образ матери, может быть, еще и сестер к объекту любви; вследствие ограничения инцеста его любовь отошла от обоих дорогих ему лиц детства с тем, чтобы остановиться на чужом объекте, выбранном по образу и подобию. Место его родной матери и матери его родной сестры теперь занимает теща. Развивается тенденция вернуться к выбору первых времен; но всё в нем противится этому. Его страх перед инцестом требует, чтобы ничто не напоминало ему о генеалогии его любовного выбора; то обстоятельство, что теща принадлежит к актуальной действительности, что он не знал ее уже с давних пор и не мог

сохранить в бессознательном ее образ неизменным, облегчает ему отрицательное отношение к ней. Особенная примесь раздражительности и озлобленности в этой амальгаме чувств заставляет нас предполагать, что теща действительно представляет собой инцестуозное искушение для зятя, подобно тому, как нередко бывает, что мужчина сперва открыто влюбляется в свою будущую тещу прежде, чем его склонность переходит на дочь»[217].

Безусловно, последний пассаж основан на знакомстве Фрейда с историей любовных похождений Ференци. Несомненно, этот отрывок учитывает его личный анализ того, почему он остановил свой выбор на Марте, и опыт собственных неприязненных отношений с тещей. И тем не менее, думается, читатель согласится, что эти размышления Фрейда приложимы в той или иной степени ко многим вполне нормативным семьям.

Во второй главе — «Табу и амбивалентность чувств» — Фрейд явно отталкивается от известной мысли Фейербаха о том, что моральные установки человечества возникли из первоначальных запретов (табу) на те или иные действия. Он пытается доказать на примере одной из своих пациенток, что табу нередко приводят к возникновению у общества симптомов, схожих с симптомами навязчивого невроза, и в итоге «становятся причиной церемониальных действий и заповедей». Здесь он вновь утверждает уже высказанную им мысль, что любая религия — это форма невроза, формирующегося в результате запретов (причем запретов в первую очередь сексуального характера), вытесненных в итоге в бессознательное. Таким образом, Фрейд вновь становится в оппозицию Юнгу, считавшему, что к неврозам как раз приводит отказ от религиозности.

«Табу, — утверждал Фрейд, — является очень древним запретом, наложенным извне (или каким-нибудь авторитетом) и направленным против сильнейших вожделений людей. Сильное желание нарушить его остается в их бессознательном. Люди, выполняющие табу, имеют амбивалентную направленность к тому, что подлежит табу…»[218] Как справедливо указывает Валерий Лейбин, даже если принять на веру все высказываемые Фрейдом в «Тотеме и табу» идеи, его попытка построить свою теорию возникновения этики оказалась явно неубедительной.

Не менее спорной является и высказываемая далее Фрейдом идея о том, что само возникновение тотема и развитие первоначальной религии берет начало из всё тех же расстройств — эдипова комплекса и комплекса кастрации. На примере девятилетнего пациента одесского психотерапевта М. Вульфа, уже знакомого нам «маленького Ганса» и его ровесника Арпада,

которым занимался Ференци, Фрейд выстраивает теорию, согласно которой страх кастрации и сексуальное соперничество с отцом, свойственные мальчикам, обычно переносятся на то или иное животное, перерастая в детскую фобию. У пациента Вульфа эти страхи трансформировались в боязнь собаки, у Ганса — в испуг перед лошадью, у Арпада — перед петухом. Но если учесть, что мышление человека на первобытной стадии его развития было подобно мышлению ребенка, продолжает Фрейд, то «всё становится на свои места»: «На основании этих наблюдений мы считаем себя вправе вставить в формулу тотемизма на место животного-тотема мужчину-отца. Тогда мы замечаем, что этим мы не сделали нового или особо смелого шага. Ведь примитивные народы сами это утверждают и, поскольку и теперь еще имеет силу тотемистическая система, называют тотема своим предком и праотцем. Мы взяли только дословно заявления этих народов, с которыми этнологи мало что могли сделать и которые они поэтому охотно отодвинули на задний план. Психоанализ учит нас, что, наоборот, этот пункт нужно выискать и связать с ним попытку объяснения тотемизма.

Первый результат нашей замены очень замечателен. Если животное-тотем представляет собой отца, то оба главных запрета тотемизма, оба предписания табу, составляющие его ядро — не убивать тотема и не пользоваться в сексуальном отношении женщиной, принадлежащей тотему, по содержанию совпадают с обоими преступлениями Эдипа, убившего своего отца и взявшего в жену свою мать, и с обоими первичными желаниями ребенка, недостаточное вытеснение которых составляет, может быть, ядро всех неврозов. Если это сходство больше, чем вводящая в заблуждение игра случая, то оно должно дать возможность пролить свет на происхождение тотема в незапамятные времена»[219].

Предвидя последующие возражения критиков, что на основе всего нескольких индивидуальных случаев детских фобий он делает алогичный вывод о том, что те же закономерности присущи и человеческому коллективу, то есть лежат в основе развития общества, Фрейд берет в себе союзники такого бесспорного авторитета своего времени, как Чарлз Дарвин. Он напоминает, что, согласно Дарвину, произойдя от высших приматов, первобытные люди на ранней стадии своего развития жили по тем же законам, что и обезьянье стадо, были «первобытной ордой». В этой орде самый сильный самец фактически присваивает себе всех самок, подавляя сексуальные притязания других, более слабых самцов, включая собственных сыновей, а то и изгоняя их из «орды», чтобы устранить

подрастающих и набирающих силу соперников. Однако на определенном этапе снедаемые сексуальным голодом сыновья восстают против отца и совместными усилиями убивают его, чтобы завладеть самками, и даже поедают его. Но после такого отцеубийства в силу амбивалентности их чувств к отцу в них вновь вспыхивает любовь к нему и просыпается чувство вины, приводящее к его обожествлению и теперь уже добровольному запрещению для себя самок отца, то есть своих матерей:

«Ссылка на торжество тотемистической трапезы позволяет нам дать ответ: в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием дал им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей.

Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы. Тотемистическая трапеза, может быть, первое празднество человечества, была повторением и воспоминанием этого замечательного преступного деяния, от которого многое взяло свое начало: социальные организации, нравственные ограничения и религия.

Для того чтобы, не считаясь с разными предположениями, признать вероятными эти выводы, достаточно допустить, что объединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем доказать у каждого из наших детей и у наших невротиков, как содержание амбивалентного отцовского комплекса. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремлений к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее с испытанным всеми раскаянием. Мертвый теперь стал сильнее, чем он был при жизни… То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа „позднего послушания“. Они отменили поступок, объявив недопустимым убийство отца тотема, и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин. Таким образом, из сознания вины сына

они создали два основных табу тотемизма, которые должны были поэтому совпасть с обоими вытесненными желаниями Эдиповского комплекса»[220].

Отсюда, по Фрейду, развивается идея бога-отца, все более отдаляющегося и возвышающегося над людьми, перенос такого отношения на обожествляемых царей и вождей одновременно с возникновением мифов, призванных еще больше уменьшить чувство вины за давнее убийство прародителя — мифов, в которых сам бог убивает олицетворяющее его животное. По мере роста роли сыновей в семье рождаются мифы, в которых молодые божества осуществляют инцест с матерью назло отцу, убиваются им и затем воскресают. Вершины своего развития эти мифы достигают в основной идее христианства.

«В христианском мифе первородный грех человека представляет собой несомненно прегрешение против бога-отца. Если Христос освобождает людей от тяжести первородного греха, жертвуя собственной жизнью, то это заставляет нас прийти к заключению, что этим грехом было убийство. Согласно коренящемуся глубоко в человеческом чувстве закону Талиона, убийство можно искупить только ценой другой жизни; самопожертвование указывает на кровавую вину. И если это приношение в жертву собственной жизни ведет к примирению с богом-отцом, то преступление, которое нужно искупить, может быть только убийством отца.

Таким образом, в христианском учении человечество самым откровенным образом признаётся в преступном деянии доисторического времени, потому что самое полное искупление его оно нашло в смерти сына. Примирение с отцом тем более полное, что одновременно с этой жертвой последовал полный отказ от женщины, из-за которой произошло возмущение против отца. Но тут-то психологический рок амбивалентности требует своих прав. Вместе с деянием, дающим отцу самое позднее искупление, сын также достигает цели своих желаний по отношению к отцу. Он сам становится богом наряду с отцом, собственно, вместо него. Религия сына сменяет религию отца»[221].

В заключении книги Фрейд, по сути дела, признает плодотворность разработанной Юнгом его идеи коллективного бессознательного, однако при этом настаивает на вполне рациональном, материалистическом толковании этого понятия без всякого юнговского налета метафизики. «Без допущения массовой психики, непрерывности в жизни чувств людей, дающей возможность не обращать внимания на прерываемость душевных актов вследствие гибели индивидов, психология народов вообще

не может существовать. Если бы психические процессы одного поколения не находили бы своего продолжения в другом, если бы каждое поколение должно было бы заново приобретать свою направленность к жизни, то в этой области не было бы никакого прогресса и почти никакого развития»[222], — провозглашал Фрейд.

«Тотем и табу» вышли в свет отдельной книгой в 1913 году в издании Гуго Геллера. Серьезные ученые отнеслись к книге так же, как в свое время профессор фон Крафт-Эбинг отнесся к лекции Фрейда о совращении — как к «антропологической сказке». Они были недалеки от истины. Это и в самом деле была своего рода «сказка», рассказанная неисправимым романтиком Фрейдом, переплавившим историю своего конфликта с Адлером и Юнгом во всеобщую историю человеческой культуры и цивилизации, начавшуюся с восстания сыновей против безграничной власти отца. «Убив» своего духовного отца Фрейда, чтобы занять его место, Адлер и Юнг теперь до конца жизни были обречены на чувство вины, и какие бы идеи они ни развивали, эти идеи всё равно брали свои истоки в его учении.

Конечно, многие построения Фрейда в «Тотеме и табу» выглядят натянутыми и спекулятивными. Подобранные им для обоснования этих построений факты, как уже было сказано, весьма тенденциозны. Особенно это бросается в глаза, когда обнаруживаешь, что, аргументируя свои выводы примерами из мифологии и религии разных народов, Фрейд, как уже опять-таки отмечалось, игнорирует Священную историю собственного народа. Он словно не желает замечать, что центральным событием своей истории евреи считают жертвоприношение не отца, а сына — именно готовность Авраама принести в жертву Исаака по воле Бога, согласно иудаизму, и лежит в основе обетования Господа вечности еврейского народа и его особого пути в истории. Сам этот рассказ открывает огромные возможности для психоанализа, но Фрейд словно забывает об этом, вытесняя историю жертвоприношения Авраама в самые глубины своего бессознательного.

«Наворачивать» версии о том, почему он решил об этом «забыть», можно до бесконечности. Скажем, предположить, что таким образом Фрейд хотел стереть из памяти, что он, подобно Аврааму, в жертву целостности и верности своего учения принес дружбу с Юнгом, которого называл «любимым сыном». Фрейд еще сделает идею отцеубийства центральной в своей последней работе «Моисей и единобожие», в которой он попытался дать свое объяснение происхождению иудаизма и окончательно свести счет с религией предков.

М. И. Попова, безусловно, права, когда пишет, что «историко-религиоведческая концепция Фрейда при всей ее завораживающей неожиданности грешит множеством серьезных недостатков. К их числу относятся: 1) несоблюдение простейших норм научного исследования; 2) сознательное игнорирование достижений соответствующих отраслей знания; 3) произвол в отборе фактов и научных теорий; 4) односторонность и догматизм их интерпретации; 5) необоснованное стирание различий между нормой и патологией, психологическим и социальным; 6) подмена исторической правды художественным вымыслом. Но, по-видимому, самым убедительным показателем научной несостоятельности психоаналитических новаций в области истории религии является тот факт, что ни „Тотем и табу“, ни „Моисей и единобожие“ почти не цитируются в серьезных академических изданиях. Если они и упоминаются в обзорах литературы, то исключительно как исторический курьез, как пример несостоявшегося открытия»[223].

В то же время не следует забывать, что книга «Тотем и табу» оказала немалое влияние на развитие мировоззрения европейской интеллигенции, всё дальше и дальше отходившей от религии. Многие современники Фрейда попросту не замечали всех недостатков и несуразностей этой книги, ведь она помогала им выстроить некую мировоззренческую систему, в которой достижения современной физики, дарвинизм и социальные учения укладывались в единую схему. Физика, биология, история, философия, психология, социология в этой схеме одна другой не противоречили и многое взаимообъясняли, что и обеспечивало среднестатистическому светскому культурному европейцу необходимый психологический комфорт и избавляло его от «онтологического невроза». Эти идеи Фрейда (пусть и без упоминания его имени) активно использовались авторами учебников и «монографий» по научному атеизму и потому хорошо знакомы многим бывшим советским и современным российским интеллигентам, продолжая составлять часть их мировоззрения. Зачастую именно на этих идеях они и выстраивают «критику религии» в дискуссиях со своими верующими оппонентами.

* * *

Тем временем психоанализ стремительно набирал популярность, несмотря на все сотрясающие его изнутри скандалы. Состоятельные люди со всей Европы, включая Россию, направляли к модному венскому доктору своих детей (подобно

Сержу Панкееву), едва им казалось, что у их отпрысков появились признаки невроза. А так как за подобные признаки они порой принимали обычное непослушание и капризы, то и у Фрейда, и у его ближайших учеников пациентов было более чем достаточно. Причем пациентов, готовых платить поистине астрономические гонорары. Состояние Фрейда непрерывно росло, и материальное благополучие позволяло ему частично финансировать издание различных психоаналитических трудов. Другую часть этого финансирования обеспечивали щедрые пожертвования всё тех же поклонников и пациентов.

В октябре 1913 года перед «паладинами Фрейда» пал один из последних бастионов Европы — чопорная, поджимающая губы при каждом упоминании о сексуальности Англия. Эрнест Джонс и его молодой коллега Дэвид Эдри создали Лондонское психоаналитическое общество, назначив друг друга президентом и секретарем. Оба очень скоро стали популярны в британской столице (и это — несмотря на подмоченную репутацию Джонса!), и оба вели безбедную жизнь, не испытывая недостатка в пациентах. Незадолго до этого Ференци создал в Будапеште Венгерскую психоаналитическую ассоциацию.

В этот же период вокруг Фрейда складывается довольно большой круг ближайших учеников и поклонников обоего пола. Можно сравнивать этот круг с «двором» хасидского цадика или — с королевским двором, но по самой своей сути они были той самой «первобытной ордой», которую Фрейд описал в «Тотеме и табу».

Одной из первых в этот круг вошла та самая Сабина Шпильрейн, у которой в 1909 году был роман с Юнгом. Сабина попыталась тогда искать утешения у Фрейда, но он занял двойственную позицию, предпочитая верить Юнгу, что речь идет о девушке, страдающей тяжелым неврозом навязчивости и одержимой идеей родить нового мессию, в крови которого смешались бы еврейская и арийская расы. В ответ на жалобы Шпильрейн Фрейд отвечал, что он убежден, что «Юнг не способен на такие легкомысленные и неделикатные поступки». Однако по мере нарастания конфликта с Юнгом Фрейд начал доверять ее рассказам о «низком поведении» Юнга.

С осени 1911-го по весну 1912 года Шпильрейн находилась в Австрии и за это время окончательно сблизилась с Фрейдом. Узнав, что она вышла замуж за врача-еврея Пауля Шефтеля и ждет от него ребенка, Фрейд поспешил написать ей, как он рад этому событию: «Теперь я могу вам признаться, что мне совсем не нравилась ваша навязчивая идея родить Спасителя от смешанного брака. Во время своей антисемитской фазы Бог уже

сотворил его, выбрав для этого самую лучшую расу — еврейскую. И пусть это всего лишь предрассудки!.. Что касается меня, то я уже излечился от всех последствий преклонения перед арийцами, и мне бы хотелось надеяться, что ваш ребенок — если, конечно, родится мальчик — станет сионистом. Нужно, чтобы он был брюнетом, или, во всяком случае, стал им. И — никаких блондинов!»

Лидия Флем, цитируя это письмо, считает, что слово «сионист» было совершенно несвойственно лексикону Фрейда. Однако это, безусловно, не так. Будучи членом «Бней-Брит», Фрейд следил за развитием родившегося в Вене сионистского движения и, по мнению Виттельса, с годами всё больше и больше склонялся к поддержке идеи создания еврейского национального очага. Другое дело, что внешне он этого никак не выказывал. Во всяком случае, когда его сын Эрнст вступил в сионистский кружок и не без опасения сообщил об этом отцу, скупой на нежности Фрейд обнял и поцеловал сына, благословляя его выбор. В 1917 году Фрейд горячо приветствовал декларацию Бальфура, обещавшую евреям возродить их национальное государство в Палестине.

Но вернемся к Сабине Шпильрейн. 20 апреля 1913 года, когда отношения с Юнгом уже были разорваны, Фрейд писал молодой женщине: «Мои отношения с вашим швейцарским героем окончательно прерваны. Его поведение было слишком отвратительным. Со времени вашего первого письма мое мнение о нем очень сильно изменилось».

В 1913 году с Фрейдом сближается другая бывшая ученица Юнга — так же, как и Шпильрейн, в будущем очень известный психоаналитик Евгения Сокольницкая. Выпускница медицинского факультета Сорбонны, она прибыла в Вену, чтобы пройти здесь психоанализ, а затем и сама стала практиковать. Еще до этого, в ноябре 1912 года, в доме Фрейда появилась легендарная Лу Андреас-Саломе. Ровесница Марты, она не была обременена детьми и к своим пятидесяти годам сумела сохранить женскую красоту и привлекательность…

Потом, в разные годы, к «орде» присоединились Абрам Кардинер, Джозеф Уэртис, Смайли Блантон, Хильда Дулитл, Мари Бонапарт и др. Но костяк долгое время оставался тем же: Ференци, Ранк, Закс, Джонс, Абрахам. Фрейд подавлял как их самих, так и их женщин своей харизмой, был для них отцом и богом одновременно. Все любовницы и жены его учеников проходили у Фрейда психоанализ, и потому он знал все тайны своих верных рыцарей.

Вопрос вопросов заключается в том, вступал ли Фрейд в

интимные отношения со своими пациентками, включая жен и любовниц учеников (скажем, с той же Лоу Канн и юной Эльмой Палос, подругой Шандора Ференци), или нет. Фрейдофобы убеждены, что именно так всё и было, так как в свои пятьдесят с лишним лет Фрейд, вероятнее всего, еще сохранял вполне приличную сексуальную активность. Сторонники идеализации образа Фрейда, напротив, уверены, что их кумир никогда не позволял себе такого нарушения врачебной этики, хотя и имел для этого возможность — ведь согласно его же теории все пациентки влюбляются в своих психоаналитиков, так как переносят на них вытесненные сексуальные влечения.

Сам Фрейд в 1912–1913 годах явно обихаживал и Лу Андреас-Саломе, и Лоу Канн, даря обеим цветы и выказывая другие знаки внимания. Но при этом Фрейд утверждал, что у него с этими женщинами был исключительно «интеллектуальный роман» и он испытывал к ним новое, незнакомое ему прежде чувство, в котором, возможно из-за возраста, не было былой примеси сексуальности (то есть раньше эта примесь точно была!).

Андреас-Саломе, удивительная женщина, пленявшая многих выдающихся мужчин Европы, ставшая роковой любовью Фридриха Ницше и первой любовницей Райнера Марии Рильке, всерьез увлеклась психоанализом, с 1914 года стала практиковать, а ее книга «Эротика» стала в Европе бестселлером. Она же и познакомила Фрейда с Рильке.

Как бы то ни было, даже если Фрейд и в самом деле физически не посягал на женщин своей «орды», он в любом случае отобрал их у своих «сыновей» в духовном смысле этого слова. Для всех вышеназванных женщин на первом месте был великий Фрейд, любым указаниям которого они были готовы слепо следовать, а уже затем мужчина, числящийся их мужем или любовником.

Вместе с тем нельзя не признать, что Фрейд извлек определенные уроки из истории с Адлером и Юнгом — перестал рубить сплеча и стал намного деликатнее обращаться с учениками. Когда Ференци и Закс увлеклись необычайно модными в тот период паранормальными явлениями вроде телепатии, телепортации, спиритизма и пр., Фрейд, будучи рационалистом, не стал на этот раз спешить с отповедями и обвинениями, а даже немного «подыграл» ученикам. Он сделал вид, что поверил в реальность подобных явлений, но заявил, что им следует найти естественно-научное объяснение — возможно, что речь идет еще об одном способе проявления бессознательного в человеке. Результатом сдвига учеников в это направление стала вышедшая в конце 1913 года книга Отто Ранка и Ганса Закса

«Значение психоанализа в науках о духе».

* * *

Из других работ этого периода следует отметить статьи «Мотив выбора ларца» и «„Моисей“ Микеланджело», в которых Фрейд продолжает начатые в «Бреде и снах в „Градиве“ В. Йенсена» попытки приложить психоанализ к произведениям литературы и искусства.

В «Мотиве выбора ларца» он обращается сразу к двум произведениям Шекспира — к «Венецианскому купцу», где Порция, следуя завещанию отца, заставляет трех претендентов на ее руку выбрать один, «правильный» из трех ларцов (золотого, серебряного и свинцового), и к «Королю Лиру», решившему поделить королевство между тремя своими дочерьми. Фрейд напоминает читателю, что в этом сюжете нет ничего нового: во многих сказках и мифах юный герой выбирает одну возлюбленную из трех, да и старый Лир должен, в сущности, выбрать одну из трех женщин, являющихся его дочерьми, а три ларца Порции подобны трем женщинам. Далее Фрейд выдвигает весьма спорную версию о том, что герой чаще всего останавливает свой выбор на той, которая хранит молчание (как и Корделия в «Короле Лире») и эта немота означает стремление к смерти. Далее, чтобы подтвердить, что в сновидениях немота является «изображением смерти», Фрейд приводит историю «высокоинтеллигентного человека» (на самом деле это личная история Ференци, видевшего в ней доказательство существования телепатии и загробной жизни) о том, как «ему приснился друг, от которого очень долгое время не было никаких вестей и которого он не переставал упрекать за молчание. В ответ на его упреки друг хранил молчание. Позднее обнаружилось, что примерно в это самое время он покончил жизнь самоубийством»[224].

В итоге Фрейд приходит к выводу, что в «Короле Лире» Шекспир изображает «три неизбежных для любого мужчины отношения к женщине: женщина-роженица, друг и губительница. Или три формы, в которых предстает перед нами образ матери в разные периоды ее жизни — собственно мать, возлюбленная, которую мужчина выбирает по образу и подобию матери, и, наконец, мать-земля, берущая его в свое лоно. Однако напрасно старик добивается любви женщины в том виде, в каком он получил ее от матери; лишь третья из олицетворяющих судьбу женщин, молчаливая богиня смерти, примет его в свои объятия»[225].

Вне сомнения, поводом для написания этой довольно путаной статьи послужили, как обычно, какие-то личные переживания самого Фрейда, но какие именно, мы можем только догадываться. Возможно, она родилась от беспокойства за болезнь матери (хотя, напомним, до смерти Амалии Фрейд-Натансон оставалось еще 17 лет и она была весьма крепкой женщиной). Не исключено, что Фрейда в это время начали вновь посещать мысли о приближающейся смерти, особенно в связи с его недавним обмороком. А может, он вдруг с грустью обнаружил, что на фоне угасающей сексуальности утратил прежнюю мужскую привлекательность для своих пациенток и теперь ему остается довольствоваться любовью лишь «молчаливой богини смерти».

Однако для истории важны не эти переживания Фрейда, а то, что именно в этой работе впервые мелькнула идея, которая позже будет развита в других его статьях — о диалектическом единстве Любви и Смерти, Эроса и Танатоса.

Анализ статуи Микеланджело «Моисей», которой Фрейд в течение долгого времени любовался во время пребывания в Риме в 1901 году, отразил его восхищение этой работой гения. В своем анализе Фрейд исходил из того, что Микеланджело был блестящим знатоком не только анатомии человека, но и его психологии и знал, что каждое движение человека отражает его психологическое состояние в данный момент. Поэтому в статуе не могло быть ни одной случайной детали: и поворот головы Моисея, и его поза, и то, как он придерживает бороду, и то, как держит скрижали, должно быть исполнено глубочайшего смысла.

В письме Эрнсту Вайсу, датированном апрелем 1933 года, Фрейд утверждает, что потратил на изучение статуи три недели, в течение которых «ежедневно стоял в церкви перед статуей, изучал ее, измерял, зарисовывал, пока не достиг того понимания, которое отважился выразить в статье…».

В «„Моисее“ Микеланджело» Фрейд отвергает как ту точку зрения, согласно которой великий скульптор изобразил в Моисее некий обобщенный образ пророка, так и то, что он показал Моисея в состоянии аффекта, незадолго до того, как тот, возмутившись создавшими золотого тельца евреями, разобьет о землю скрижали Завета.

«В его фигуре, — писал Фрейд, — угадывается не начало действия, а последняя фаза завершенного движения. Вначале, в пароксизме бешенства, он действительно хотел вскочить с места, осуществить акт мести, забыв при этом свои скрижали. Однако он преодолел искушение: так он и останется сидеть теперь, преодолев свой гнев, с выражением боли и презрения на лице…

Вертикальный план фигуры как бы делится на три части. В

выражении лица отражаются аффекты, средняя часть фигуры выдает следы подавленного движения, в постановке ноги угадывается неосуществленное намерение — можно предположить, что процесс самоукрощения идет как бы сверху вниз…

Нам могут, однако, возразить: ведь это же не тот Моисей, которого мы знаем по Библии, который в действительности воспламенился гневом и разбил скрижали, бросив их наземь.

Этот Моисей вызван к жизни ощущением художника, позволившего себе изменить текст Священного Писания и исказить характер Божьего человека…»[226]

И далее:

«Более существенным, чем нарушение священного текста, представляется нам то превращение, которое, согласно нашей трактовке, претерпел характер Моисея. В библейской традиции Моисей предстает перед нами человеком вспыльчивым, склонным к бурному проявлению страстей… Микеланджело установил, однако, на гробнице папы совсем другого Моисея, который во многом превосходит как Моисея Библии, так и Моисея — реальное историческое лицо. Он переработал мотив разбитых скрижалей, разгневанный Моисей не разбивает скрижалей, наоборот, видя, что скрижали могут разбиться, он обуздывает свой гнев. Этим Микеланджело вложил в фигуру Моисея нечто новое, возвышающее его над людьми: мощное тело, наделенная исполинской силой фигура становятся воплощением высокого духовного подвига, на который способен человек — подвига подавления своих страстей, повинуясь голосу высокого предназначения»[227].

Остается заметить, что на самом деле в такой трактовке образа Моисея нет ничего нового: многие еврейские комментаторы Пятикнижия за сотни лет до Фрейда, анализируя текст, приходили к выводу, что в момент, когда Моисей разбивал скрижали, он вовсе не находился в состоянии аффекта. Нет, это был глубоко продуманный, исполненный огромного смысла шаг, так как за 80 прожитых лет Моисей многое понял и научился справляться со своими страстями. Но Фрейд то ли не знал этих комментариев, то ли «забыл» о них — как «забывал» о Бёрне, Шопенгауэре, Вейнингере…

В любом случае, и эта статья была в определенном смысле слова заявкой на будущее: она высветила интерес Фрейда к образу «Моисея», который в итоге выльется в написание одной из самых спорных его работ.

Фрейд явно стоял на пороге обновления своей жизни, новых идей, нового, куда более зрелого, приходящего с возрастом

видения реальности. Но до начала этого нового этапа должно было произойти немало важных событий.

* * *

Одной из знаковых работ Фрейда 1914 года стала статья «К введению в нарциссизм», где он разрабатывает идеи, уже высказанные им в «Трех очерках по теории сексуальности». И эта статья опять-таки в значительной степени посвящена полемике с Юнгом и в первую очередь его утверждению, что «теория либидо оказалась несостоятельной при шизофрении», и введенному им понятию «интроверзия либидо». Для Фрейда важно было доказать, что в основе многих психических нарушений лежит нарциссический невроз, при котором либидо перенагружает «Я», юнговская интроверсия (то есть обращение либидо на внутренний мир человека, а не на внешние объекты), как следствие того же нарциссического невроза, в котором либидо переносится на фантазмы.

В этой статье Фрейд вновь повторяет уже высказывавшуюся им ранее мысль о нарциссическом выборе сексуального объекта и «выборе по примыканию», когда любовь переносится на объект, сходный по образу с родителями человека; а также идею о том, что «зависть к пенису» и его отсутствие ведут к образованию «кастрационного комплекса» у девочек, что в значительной степени затем определяет природу женской сексуальности.

Однако важной новацией этой работы стало введение в психоанализ термина «идеал-Я», под которым Фрейд понимал образование в психике каждого человека некого образца, которому он хотел бы следовать, — и связь этого «идеал-Я» с нарциссическим влечением.

«То, что человек ставит перед собой в качестве идеала, есть лишь замена утраченного нарцизма его детства, когда он видел идеал в себе самом», — утверждал Фрейд.

Как уже понял читатель из этого беглого обзора двух работ Фрейда начала 1914 года, конфронтация с Юнгом в течение всего этого времени нарастала, и 20 апреля Юнг сложил с себя полномочия президента Международного психоаналитического общества.

В июне в шестом томе «Ежегодника психоаналитических и психопатологических исследований» появился уже пространно цитировавшийся на страницах этой книги очерк «К истории психоаналитического движения». В нем Фрейд подробно излагал суть своих разногласий с Адлером и Юнгом, и если читатель

вспомнит, что именно там было написано о Юнге, то поймет, что после такого швейцарец попросту не мог оставаться в рядах Международного психоаналитического общества. Спустя месяц последовал вполне ожидаемый шаг: к торжеству Фрейда, Юнг и его сторонники наконец заявили о своем выходе из рядов общества. «Итак, мы избавились от них — от этой святой скотины Юнга и его ханжеских попугаев», — писал Фрейд Абрахаму 26 июля 1914 года.

Помимо новых идей и изгнания «любимого сына», покусившегося на авторитет и права «отца», Фрейда занимали в это время и другие заботы. В мае 1914 года проблемы с желудком навели Фрейда на подозрение, что у него рак прямой кишки. Когда обследование показали несостоятельность этих опасений, Фрейд написал, что он «заново вернулся к жизни» — то есть в предшествующие месяцы он в очередной раз был озабочен приближением смерти.

В это же время младшая дочь Фрейда Анна успешно сдала экзамены на должность школьной учительницы. Анна была последним ребенком, оставшимся дома, — остальные дети к тому времени уже вылетели из родительского гнезда. Сыновья вели самостоятельный образ жизни, две старшие дочери вышли замуж: Матильда — в 1909-м, а Софи — в 2013 году. В качестве подарка за успешно сданные экзамены родители решили сделать Анне подарок — девушка впервые в жизни одна отправилась в путешествие по Англии. Сначала ей предстояло жить в специальном пансионате для девушек, затем у родственников в Манчестере, а в экскурсии по Лондону ее должен был сопровождать верный ученик отца Эрнест Джонс.

Любопытно, что такой вроде бы большой знаток человеческих душ и сексуальности, как Фрейд, совершенно не понял, какому коту он доверяет сметану. Понадобилось срочное письмо от бывшей любовницы Джонса Лоу Канн, ставшей «миссис Герберт Джонс», чтобы у него открылись глаза: старый холостяк Джонс решил, что пришло время создать семью и что Анна Фрейд будет вполне подходящей для него партией. Озабоченный Фрейд тут же засел за письма дочери и Джонсу.

В письме Анне он писал, что если ее сестрам была предоставлена полная свобода в выборе будущего мужа, то ей — в силу неопытности и инфантильности — «покажется гораздо сложнее принять такое жизненно важное решение без нашего — в данном случае моего согласия». Он предупредил дочь, что «знает из самых надежных источников, что у доктора Джонса есть намерения ухаживать» за ней и что она должна самым категорическим образом пресечь эти попытки.

В письме Джонсу он предостерегал ученика и соратника, чтобы тот оставил его дочь в покое, и утверждал, что Анна в свои 18 лет «не претендует на то, чтобы к ней относились как к женщине, потому что всё еще далека от сексуальных желаний и довольно-таки холодна к мужчинам».

К Джонсу это письмо попало в руки почти сразу после того, как он встретил Анну на вокзале с огромным букетом в руке. В ответном письме он довольно холодно дал понять, что его неправильно поняли, и добавил, что Анна, «несомненно, позже станет замечательной женщиной, если сексуальное подавление не причинит ей вреда», — более прозрачного намека на то, что Фрейд может своей отцовской любовью помешать обычному женскому счастью дочери, сделать было невозможно.

Самое грустное заключается в том, что Джонс оказался прав. Безусловно, такой зять не устраивал Фрейда не только из-за своего, мягко говоря, очень фривольного прошлого, но и потому, что он не был евреем. Последнее, несмотря на весь его атеизм и «автоантисемитизм», для Фрейда было немаловажно. Но истина заключается в том, что Анна Фрейд, прожив долгую и творчески насыщенную жизнь, так никогда и не вышла замуж. Она стала пациенткой, нянькой, ближайшей сподвижницей, душеприказчицей, страстным пропагандистом и продолжательницей учения отца, но вот семью создать так и не смогла. И ответственность за то, что ее судьба сложилась так, а не иначе, видимо, и в самом деле несет Зигмунд Фрейд.

28 июня 1914 года Анна Фрейд прогуливалась с Джонсом по Лондону, а в венском парке Баден для чинно прогуливающихся пар духовой оркестр играл «Дунайские волны» Штрауса. Неожиданно дирижер прервал мелодию посередине — по телеграфу поступило сообщение об убийстве в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда…

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
РАЗВИТИЕ БОЛЕЗНИ

В третьем разделе регистрируются данные, отражающие динамику болезни: изменения в ощущениях больного и изменения, выявленные при объективном исследовании органов и систем, показатели отдельных констант (температура тела, свойства пульса, вес тела и др.), физиологические отправления (стул, количество мочи и др.), а также результаты всех дополнительных исследований, заключения консультантов и консилиумов. В этот раздел также обязательно записывают сведения о всех проведенных лечебных мероприятиях…

Малая медицинская энциклопедия. Т. 4. С. 91

Глава первая
ВОЙНА — СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК

Известие о начале Первой мировой войны застало Фрейда в Карлсбаде, горячими водами которого он пытался лечить свои многолетние анально-кишечные проблемы. Как и большинство европейцев, он далеко не сразу осознал всей глобальности обрушившейся на мир катастрофы и продолжал жить в своем мире, вынашивая новые идеи и продолжая борьбу с посягателями на чистоту созданного им учения.

«Одновременно с объявлением войны, нарушившим мир в нашем городке, я получил ваше письмо, которое принесло мне, наконец, утешение», — пишет он 26 августа 1914 года Абрахаму, имея в виду изгнание из психоанализа Юнга и его сторонников.

Но самое удивительное заключалось в том, что истерия ура-патриотизма, охватившая в тот год все воюющие страны, заразила в числе прочих и Фрейда. На какое-то время он снова превратился в того восторженного гимназиста, который объяснял сестрам ход франко-германской войны и передвигал флажки на карте. «Возможно, впервые за тридцать лет я снова чувствую себя австрийцем», — с пафосом пишет он Абрахаму, а в разговоре с Ференци то ли в шутку, то ли всерьез говорит, что отныне «посвятил свое либидо Австро-Венгрии». Дальше в том же патриотическом угаре он сообщает, что «полон радости в связи с заключением Тройственного союза», и предвидит «наши славные победы».

Приехав в гости к дочери Софи в Гамбург, Фрейд продолжает нести всё ту же ура-патриотическую ахинею, с гордостью сообщая зятю, что он впервые не чувствует себя чужим в этом немецком городе, заявляет, что, «разбив русских в Галиции, Германия спасла нас». Он вновь и вновь употребляет слово «наши»: «наши победы», «наш займ», «наши славные солдаты»…

У многих биографов Фрейда в связи с таким поведением возникал вопрос о том, как один из самых смелых и независимых умов Европы того времени мог с такой легкостью превратиться в заурядного обывателя, человека толпы, одобряющего начавшуюся массовую бойню и не способного трезво оценить ситуацию?

Что тут сказать?

Во-первых, не следует забывать, что, увы, точно так же повели себя в те годы многие представители интеллектуальной элиты не только в Австрии, но и в Германии, России, Франции, Англии — словом, по обе стороны фронта. Во-вторых, Фрейд и в самом деле

был нонконформистом и независимо мыслящим человеком, но… только в той области, которая стала делом его жизни. Во всех остальных вопросах он был и оставался обычным недалеким обывателем, предпочитающим следовать за большинством. Его быт был воплощением мещанского уюта; его привычки были привычками добропорядочного буржуа; его художественные вкусы были крайне консервативны, в них не было места модернизму. В-третьих, сам факт того, что лучшие умы Европы поддались массовому патриотическому психозу, свидетельствует о том, что речь идет о некоем психическом и психологическом феномене, достойном изучения, — и Фрейду просто требовалось время, чтобы осознать это и приступить к умозаключениям.

Этот патриотический угар проходил по мере того, как все тяготы войны начинали затрагивать самих ура-патриотов. Так случилось и с Фрейдом. Все три его сына вскоре оказались в армии: Эрнст был отправлен в Италию, Оливье, призванный в инженерно-саперные части, строил и разрушал в разных местах туннели и мосты, а Мартин спустя несколько месяцев отправился добровольцем на Восточный фронт — чтобы, как он шутил, попасть в Россию хотя бы как военнопленный. Вскоре в качестве врачей оказались в армии и многие ученики Фрейда, включая самых ближайших — Абрахама, Ранка, Ференци и Закса. Количество пациентов заметно поубавилось, а начавшаяся инфляция сказывалась на реальной величине гонораров. Мир, до того казавшийся огромным, позволявший интенсивно общаться с учениками и последователями, живущими более чем в десяти странах, вдруг сузился до размеров членов Тройственного союза. Письма из Англии, Франции, России, США шли теперь через третьи страны, что занимало недели, а иногда и месяцы.

В большой квартире на Берггассе, не считая прислуги, оставалось только четверо: сам Фрейд, Марта, Минна и Анна, вернувшаяся в Вену из Англии через Гибралтар. В этот период близость Фрейда с дочерью укрепляется еще больше. Анна становится его ближайшей ученицей, и Фрейд начинает видеть в ней главную продолжательницу своего дела.

О том, что патриотическая эйфория длилась у Фрейда относительно недолго и очень скоро он начал трезветь, свидетельствует опубликованная в «Имаго» осенью 1914 года статья «Современный взгляд на войну и смерть». В разговорах с учениками, тогда еще не успевшими уйти в армию, Фрейд называл эту статью «болтовней на актуальную тему, чтобы удовлетворить патриотические чувства издателя», однако, несомненно, она значила для него куда больше.

Придя в себя и проанализировав свое состояние в течение

последних недель, Фрейд пишет, что «логическое ослепление, в которое эта война повергла лучших наших сограждан… лишь вторичное явление, следствие аффективного возбуждения». Он с горечью констатирует, что война еще раз выявила то, каким тонким всё еще является налет цивилизации и морали — так что «достаточно большому числу, миллионам людей соединиться, чтобы все моральные устои личностей, его составляющих, тут же исчезли, и на их месте остались лишь физические влечения, наиболее примитивные, древние и жестокие».

Фрейд начинает размышлять о том, почему, собственно говоря, многие приветствуют войну, несущую не только разрушения, но и смерть — в том числе, возможно, и им самим. По версии Фрейда, дело в том, что «в глубине никто не верит в собственную смерть», «что в подсознании каждого живет вера в собственное бессмертие». Во многом, продолжает Фрейд, это связано с тем, что в современном ему «культурном обществе» принято набрасывать на смерть «покров молчания», отворачиваться от нее. И далее следует поистине судьбоносный для человечества вопрос: «Не лучше ли нам придавать смерти в жизни и наших мыслях место, которое ей соответствует, и уделять больше внимания нашему бессознательному отношению к смерти, которое мы обычно старательно подавляем?»

Впоследствии эта мысль — о живущем в бессознательном каждого человека влечении к смерти и его подавлении — будет развита Фрейдом в других работах, но впервые она прозвучала именно тогда — в самом начале Первой мировой войны. В целом гуманистическая направленность этой статьи не вызывает сомнений. Фрейд призывает человечество стать лучше, вывести отношения между людьми и народами на новый, более толерантный уровень; одержать победу над вырвавшимися из бессознательного и облеченными в тогу идеологии «примитивными, древними и жестокими» влечениями.

* * *

Уменьшение числа пациентов привело к тому, что у Фрейда появилось больше свободного времени для раздумий и написания трудов. Пару месяцев он словно не знал, чем себя занять, стал наводить порядок в своей коллекции археологических артефактов, составлять вместе с Ранком каталог своей библиотеки, но в октябре начал писать работу «Из истории одного инфантильного невроза» — одну из самых прекрасных своих «психоаналитических сказок».

В основу статьи была положена история богатого молодого русского помещика Сержа Панкеева, навсегда вошедшего в историю как «волчий человек» — из-за сновидения, которое Фрейд сделал центральным в жизни своего героя. Статья начинается, как и положено, с «истории болезни», но главным в этом словосочетании является именно слово «история». Фрейд изначально отказывается от публикации протокола психоанализа, то есть пускать читателя в свою лабораторию ученого, а предлагает чисто беллетристический зачин: «Начну с того, что опишу мир, окружающий ребенка…»[228]

Далее и в самом деле следует захватывающая и вдобавок весьма увлекательно написанная история мальчика, родители которого, видимо, поженились по любви, но у матери рано обнаружилась некая «женская болезнь», а отец страдал припадками депрессии, так что врачи в итоге диагностировали у него маниакально-депрессивный синдром.

На следующем этапе жизни «волчьего человека» воспитывает няня, «необразованная старая женщина из народа», а сестра, которая была старше его на два года, время от времени ради забавы пугает младшего братишку картинкой из книги, на которой изображен волк, идущий на задних лапах (судя по всему, речь шла об иллюстрации к сказке «Волк и семеро козлят»). Уже на этом этапе проявляются противоречия в характере мальчика: он не может удержаться от крика сострадания и возмущения, когда при нем бьют лошадь, но иногда сам любит бить лошадей и проявляет садистские наклонности; его принуждают молиться перед сном — и в ответ у него появляются всякие богохульные мысли («бог — свинья или бог-кал»[229]). Затем в жизни героя «Из истории…» появляется английская гувернантка-алкоголичка, а старшая сестра начинает заниматься его «сексуальным воспитанием», рассказывая о том, чем занимается няня с садовником, и играя с его «органом». Позже, став подростком, он попытался вступить в связь с сестрой, но та, будучи уже взрослой девушкой, разумеется, пресекла эти поползновения. Тогда «он немедленно обратился к молоденькой крестьянской девушке, прислуживавшей в доме и носившей то же имя, что и сестра. Этим он совершил шаг, предопределивший гетеросексуальный выбор объекта, потому что все девушки, в которых он впоследствии при явных признаках навязчивости влюблялся, были также прислугой, в отношении образования и интеллигентности уступавшими ему. Если все эти лица были заместительницами запретной для него сестры, то… решающим моментом при выборе объектов была его тенденция унизить сестру, уничтожить ее интеллектуальное превосходство, которое в

былое время так подавляло его»[230].

Дальше Фрейд переходит к описанию того, как у его пациента развился кастрационный комплекс. Он формируется, как и в предыдущих трудах Фрейда, на основе двух составляющих: наблюдения за девочками (сестрой и ее подругой) во время мочеиспускания и открытия, что у девочек нет пениса, а также от страха после угроз няни, что его могут лишить этого «органа» в наказание за онанизм или какую-либо другую провинность. На мысль о кастрации будущего пациента Фрейда наводило буквально всё: продолговатые конфеты, убийство змеи отцом во время прогулки, сказка о Лисе и Волке, в которой Волк примерзает хвостом ко льду, и тот в результате отрывается…

Затем Фрейд — опять-таки на основе рассказа пациента — приходит к выводу о появлении у него мазохистского влечения по отношению к отцу и, наконец, переходит к кульминации — к рассказу о сне, который вошел в анналы (именно так, с двумя «нн», без описки и опечатки!) психоанализа:

«Мне снилось, что ночь, и я лежу в своей кровати… Вдруг окно само собой распахнулось, и в большом испуге я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь штук. Волки были совершенно белы и скорее похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши торчали, как у собак, когда они насторожатся. С большим страхом, очевидно, боясь быть съеденным волками, я вскрикнул и проснулся…»[231]

Фрейд обращает внимание на то, что Панкеев не помнил точно, в каком именно возрасте приснился ему этот сон — в три, четыре или пять лет. Сам пациент пытался объяснить этот сон своими ассоциациями со слышанными от разных людей сказками о волках, но Фрейда это объяснение не удовлетворило. Он упорно стал искать «первичную сцену», ставшую прообразом этого сна. И в итоге он приходит к выводу, что в возрасте полутора лет мальчик, проснувшись примерно в пять часов, стал свидетелем полового акта между родителями «a-tergo», то есть в коленно-локтевой позе. Ребенок видел их гениталии, с испугом следил за родителями. Но в конце концов он обкакался и привлек их внимание своим криком. Таким образом, по Фрейду, белые волки — это отец и мать, одетые в белое во время совершения коитуса. При этом «мать стала кастрированным волком, который позволил другим взбираться на себя. Отец превратился в волка, который взбирался»[232]. Сон этот был и отражением садистско-анальной сексуальности (желания, чтобы отец вступил с ним в половой акт), и страха кастрации. Одновременно затем он определил и фобии, и сексуальные предпочтения пациента, который

возбуждался при виде женских ягодиц и мог получать полноценное сексуальное удовлетворение, только когда женщина находилась в коленно-преклоненной позе. Наконец, уже в финале статьи Фрейд объясняет и то, откуда у его пациента страх перед бабочками с желтыми полосками. Оказывается, эта бабочка, во-первых, символизирует для него женщину, разводящую ноги (потому что бабочка открывает и закрывает крылья), во-вторых, желтые полоски напоминают Панкееву о груше, а его няню звали Грушей, а в-третьих, бабочка символизирует римскую цифру V, чрезвычайно значимую в этой истории, так как родители мальчика занимались любовью в пять часов утра.

Каким образом ребенок в возрасте полутора лет знал цифры, тем более римские, и умел определять время по часам, Фрейд не объясняет. Но всё это, как и многие другие несостыковки в этом рассказе его не смущают. Главное, что «пасьянс опять сошелся». Все фобии и склонности пациента, сам его параноидальный образ мышления получили объяснения, и объяснения эти полностью подтверждали теорию Фрейда о развитии детской сексуальности с ее генитальной, анальной и снова генитальной стадиями, роли бессознательного в этом развитии и т. д. Если же какие-то факты в эту концепцию не укладывались — что ж, тем хуже для фактов.

Точно так же обстояло дело, когда в дни войны Фрейду приснился сон о гибели его сыновей. Любой другой человек на его месте решил бы, что такой сон отражает вполне понятный страх за судьбу детей, оказавшихся на фронте. Но подумать так означало бы подвергнуть сомнению собственную идею о том, что любой сон воплощает в себе исполнение желаний. Этого Фрейд позволить себе не мог, а потому с ужасом пришел к выводу, что подсознательно он завидует молодости сыновей и тайно желает их смерти.

С этой точки зрения история «волчьего человека» — квинтэссенция образа мышления Фрейда и его учения, парадоксальным образом соединяющего в себе эпохальные открытия феноменов человеческой психики и субъективную, подчас откровенно противоречащую здравому смыслу их трактовку.

«Как Панкеев ко всему этому отнесся, согласно его собственным воспоминаниям, само по себе целая история, — пишет Пол Феррис. — Он не поверил в сцену в спальне („ужасно притянуто за уши“), он знал, что Фрейд не вылечил его — навязчивые желания и тревога не покинули его до конца жизни, — но в то же время Фрейд был для него „гением“ с „очень серьезными глазами, которые вглядываются в самое дно души“. Благодаря Фрейду, он, по его словам, смог жениться на Терезе,

няне из Мюнхена, в которую был влюблен. Фрейд стал для него отцом, которого ему не хватало, „новым отцом, с которым у меня были прекрасные отношения“. В терминах психоаналитики это называется „позитивным переносом“ — банальное, но, вероятно, вполне удовлетворительное объяснение, как Фрейд помог Панкееву и многим другим пациентам. Он стал для них другом и советчиком.

Даже среди психоаналитиков есть скептики, считающие эту историю слишком фантастической, но для большинства она остается прекрасным музейным экспонатом, который лучше не трогать. Некоторые говорят о несоответствиях и общей невероятности… Слышатся отголоски собственного детства Фрейда над кузницей. „Перед нами биография или автобиография?“ — спросит критик»[233].

Последний вопрос, безусловно, не имеет однозначного ответа. Вероятнее всего, Фрейд и в самом деле перенес на Панкеева свои собственные детские впечатления об увиденном им половом акте родителей и придал ему такое значение потому, что как мужчина прекрасно понимал пристрастие Панкеева к позе «a-tergo».

Психиатры же убеждены, что Фрейд не мог вылечить Панкеева, страдавшего психическим расстройством, отягощенным наследственностью (его дядя, отец и сестра покончили самоубийством на фоне явно развивавшегося у них психического заболевания). Сама статья «Из истории одного инфантильного невроза», будучи законченной в начале 1915 года, была опубликована только в 1918 году.

Финал истории «волчьего человека» известен. Серж Панкеев стал первым пациентом Фрейда, подлинное имя которого было предано огласке, и в этом качестве он стал знаменит. Революция разорила его, и последние годы он жил на щедрые пожертвования психоаналитиков, а затем и всего международного психоаналитического движения. Панкеев гордился своей славой и, подходя к телефону, говорил: «Волчий человек слушает…»

«Само поведение Фрейда, то, как он меня слушал, разительно отличало его от тех его знаменитых коллег, с которыми мне приходилось сталкиваться до сих пор и у которых я обнаружил почти полное отсутствие глубокого психологического понимания. При первой же встрече с Фрейдом у меня возникло ощущение того, что я познакомился с выдающейся личностью», — вспоминал Сергей Панкеев.

О том, что сеансы психоанализа всё же оказались для Панкеева действенными, свидетельствует и то, что его мать отслужила по возвращении сына литургию, в которой в знак

признательности за успешное лечение попросила священника упомянуть и доктора Фрейда. «Итак, православный священник торжественно молился за благополучие „Сигизмунда“, которого он, вероятно, считал одним из членов нашей семьи», — с улыбкой констатирует Сергей Панкеев в своих воспоминаниях[234].

* * *

Тем временем «наши славные победы» обернулись для многих австрийцев горькими личными потерями. В Вену стали приходить похоронки, и у Фрейда появились пациенты, впавшие в глубокую депрессию, утратившие всякий вкус к жизни из-за гибели сыновей и мужей. Самого Фрейда поздней осенью 1914 года настигло письмо о смерти любимого старшего брата Эммануила, то ли случайно выпавшего из поезда, то ли покончившего таким способом жизнь самоубийством. Из-за войны письмо добиралось из Англии до Австрии три недели.

Резко возросшее число скорбящих подтолкнуло Фрейда к работе над статьей «Скорбь и меланхолия», замысел которой он начал обдумывать еще до войны — в связи с большим количеством пациентов, страдающих от «меланхолической депрессии». Судя по всему, депрессивное состояние, которое в наши дни является самым распространенным видом психического расстройства, уже во времена Фрейда встречалось достаточно часто. Именно с жалобами на «меланхолию», длящуюся месяцами, а подчас и годами, обращались к Фрейду и другим психоаналитикам многие пациенты, и это требовало, во-первых, объяснения ее природы с психоаналитической точки зрения, а во-вторых, ответа на вопрос о том, насколько психоанализ способен справиться с данным видом «невроза». В трауре, состоянии скорби по умершему Фрейд увидел одно из проявлений депрессивного состояния, вместе с тем существенно отличающееся от депрессии как таковой.

В начале статьи Фрейд указывает на то общее, что сближает между собой два этих состояния психики: оба они обычно порождены утратой… сексуального объекта или некой абстракции, которая для человека могла играть роль такого объекта. То есть причиной скорби или депрессии может стать не только потеря любимого человека, но и, скажем, потеря любимой работы, крах идеологии, приверженцем которой был этот человек, и т. п. Но если скорбь — это лишь эмоция, которая на какое-то время стала определяющей в настроении и поведении человека, но рано или поздно она сменится иными, позитивными

эмоциями, то меланхолия — нечто другое. Во-первых, как уже было отмечено, меланхолия-депрессия имеет затяжной характер, а во-вторых, «на психическом уровне меланхолия отличается глубоко болезненным дурным настроением, потерей интереса к внешнему миру, утратой способности любить, заторможенностью всякой продуктивности и понижением чувства собственного достоинства, что выражается в упреках самому себе, поношениях в свой адрес и перерастает в бредовое ожидание наказания. Эта картина станет более понятной, если мы примем в расчет, что скорбь обнаруживает те же самые черты, кроме одной-единственной: расстройство чувства собственного достоинства в этом случае отсутствует…».

Так как в тот период Фрейд еще жил полемикой с Юнгом, то ему было крайне важно доказать, что и эти два чувства вполне объясняются с точки зрения его, фрейдовского, а не юнговского понятия либидо.

«Как же работает скорбь? — писал Фрейд. — Я считаю, что не будет никакой натяжки, если изобразить ее следующим образом: критерий реальности показал, что любимого объекта больше не существует, и теперь требуется отвлечь всё либидо от связи с этим объектом. Против этого возникает понятный протест — везде и всюду можно наблюдать, что человек неохотно покидает позицию либидо даже тогда, когда маячит замена. Протест может быть таким интенсивным, что происходит отрыв от реальности и сохранение объекта с помощью психоза галлюцинаторных видений. Нормой является ситуация, когда принцип реальности одерживает победу. Но всё же он не может сразу выполнить свою задачу. Его реализация проводится, в частности, с большими затратами времени и накопленной энергии; при этом в психике продолжает существовать утраченный объект. Любое отдельное воспоминание или ожидание, в котором „либидо“ прочно связано с объектом, прекращается, перезамещается, и в нем происходит ослабление либидо…»[235]

Далее Фрейд довольно подробно и точно воспроизводит такие хорошо известные современной медицине симптомы депрессии, как чувство вины, заниженная самооценка и т. д., очень осторожно добавляя к ним и снижение сексуального влечения. При этом он обращает внимание на то, что, по сути дела, самообвинения находящегося в состоянии депрессии человека носят обманчивый характер — на самом деле чаще всего они представляют собой замаскированные упреки в адрес близких людей. «Их жалобы на себя — это жалобы на кого-то… они не стыдятся и не скрываются, потому что всё уничижительное, сказанное ими, в общем-то, высказывается о другом человеке, и

они далеки от того, чтобы засвидетельствовать своему окружению собственные смирение и покорность, которые подобали бы столь недостойным личностям…»[236] — поясняет Фрейд и далее переходит к объяснению депрессивного состояния с позиции теории либидо.

«Выбор объекта, привязка либидо к определенной личности (на эту роль подходят и Сталин, и Мао Цзэдун, и звезды эстрады или экрана. — *П. Л.)* осуществились; под влиянием реальной обиды или разочарования в возлюбленном отношение к объекту терпит крах. Итогом был не нормальный отрыв либидо от этого объекта и его перенос на новый объект, а иной, требующий, видимо, больших усилий для своего осуществления. Занятие объекта оказалось неспособным к сопротивлению, оно прекратилось, но свободное либидо не было перенесено на другой объект, а отступило в „Я“. Но там оно не нашло никакого применения, а способствовало отождествлению „Я“ с покинутым объектом. Так тень объекта падает на „Я“, которое теперь может быть расценено особой инстанцией как объект, как покинутый объект. Таким образом, утрата объекта превратилась в утрату „Я“, а конфликт между „Я“ и любимым человеком — в раздор между критической способностью „Я“ и „Я“, изменившимся в результате отождествления»[237].

Это, пусть и не принятое в дальнейшем официальной психиатрией, но, согласитесь, довольно любопытное объяснение природы депрессии позволяет Фрейду дать столь же логически стройное объяснение, почему на фоне депрессии часто возникает мания самоубийства, а затем и вообще связать манию с депрессивным состоянием, то есть одним из первых подойти к описанию картины маниакально-депрессивного синдрома как отдельного заболевания.

«Меланхолия, таким образом, заимствует одну часть своих характерных свойств у скорби, а другую часть у процесса регрессии от нарциссического выбора объекта к нарциссизму… Если любовь к объекту, которая не может прекратиться, тогда как сам объект покинут, нашла спасение в нарциссическом отождествлении, то по отношению к этому эрзац-объекту обнаруживается ненависть, обнаруживается в том, что его бранят, унижают, заставляют страдать и находят в этом страдании садистское удовлетворение. Несомненно, доставляющее удовольствие самоистязание при меланхолии означает… удовлетворение садистских тенденций и тенденции ненависти, которые направлены на объект и на этом пути повернулись в сторону собственной личности…

Лишь этот садизм раскрывает нам загадку склонности к

самоубийству, которая делает меланхолию столь интересной и столь опасной»[238], — писал Фрейд.

Повторим, точка зрения Фрейда на депрессию и маниакально-депрессивный синдром не стала, да и не могла стать господствующей в конвенциональной медицине, но, безусловно, повлияла на понимание механизмов этих психических заболеваний, и с этой точки зрения данная работа Фрейда продолжает представлять как исторический, так и практический интерес.

30 декабря 1914 года Фрейд выступил с докладом «Скорбь и меланхолия» на заседании Венского психоаналитического общества, а в феврале 1915 года закончил первый вариант статьи с таким названием. Эта статья стала, в свою очередь, частью задуманного Фрейдом цикла эссе (сегодня бы сказали — «проекта») «Метапсихология», который, с одной стороны, должен был подытожить развитие психоанализа, а с другой — вывести его на новый научный уровень. «Действительно, — поясняет Роже Дадун, — в 1915 году, после двадцати лет фундаментальных открытий и развития основ психоанализа философские устремления Фрейда направились в новое русло: нужно было вырваться из более чем освоенной области описательной психологии, царства накопления фактов и концептуально, теоретически осмыслить их…»

В третьем эссе цикла — «Бессознательное» — Фрейд разъясняет, что́ именно он имел в виду под «метапсихологическим»: «Я предлагаю понимать под метапсихологическим такое описание, в котором удается достичь характеристики психического процесса в динамическом, топическом и экономическом аспектах». При этом под динамическим аспектом он понимает описание взаимодействия и противоборства различных базовых влечений; под топическим — схематическое изображение структуры психической жизни в виде различных инстанций бессознательного, предсознательного и сознательного, взаимоотношения между которыми регулируются цензурой; а под экономическим — рассмотрение психических процессов с точки зрения их обеспечения энергией либидо.

В первой статье цикла «Влечения и судьбы влечений» [239]Фрейд определяет понятие влечения как состояния, лежащего на зыбкой границе между психическим и соматическим, и предлагает различать «влечения своего „Я“, касающиеся самосохранения», и «сексуальные влечения», которые, однако, могут подкреплять друг друга. При этом по мере развития влечения могут прийти к одному из четырех исходов: превратиться в свою противоположность, обратиться на саму

личность, перейти в процесс торможения или сублимироваться, то есть направиться на несексуальные цели.

В четвертой статье — «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях» — Фрейд, как и в «Скорби и меланхолии», завершающей цикл, обращается к сравнению такого «нормального» психологического процесса, как сновидение с шизофренией и другими проявлениями патологии. При этом он дает следующее «топическое определение процесса торможения»: «В сновидении отмена побуждения (либидо, интереса) охватывает все системы; при неврозах переноса перестают действовать побуждения, касающиеся области предсознательного, при шизофрении — бессознательного, при слабоумии — сознательного».

По мнению историков психологии, в значительной своей части эти статьи представляли свое движение Фрейда не вперед, а назад — к принятым в XIX веке механистическим моделям мозга, который реагирует на стимулы, поступающие из внешнего мира подобно машине или некой химической системе: приток внешней энергии вызывает возбуждение, требующее разрядки, вызывающей, соответственно, выделение энергии, с тем чтобы вернуться к «нирване» — на нулевой энергетический уровень, в состояние покоя. Некоторые видят в этом проявление Фредом интереса к буддистской философии, но в итоге все сходятся к мнению, которое выразил в своей биографии Фрейда Пол Феррис: «Метапсихология Фрейда в действительности имеет мало общего с нервной системой и еще меньше — с психоаналитической практикой».

В итоге этими пятью статьями всё и ограничилось. Еще семь статей, по распространенной версии, были уничтожены, но, возможно, на самом деле они просто никогда не были написаны. Возможно, что Роже Дадун прав, что Фрейд в силу свойственного ему внутреннего мистицизма опасался, что написанием этих двенадцати статей подведет черту под собственной жизнью и в творческом, и в физическом плане — подобно тому как праотец Иаков после рождения двенадцати родоначальников еврейских колен мог считать свою жизненную миссию исполненной. Хотя не исключено и другое: Фрейд попросту понял тупиковость этого пути и опубликовал лишь ту часть статей, которая, по его мнению, несла в себе не только ошибочные, но и некие ценные идеи. Это тем более похоже на правду, что соответствует складу его личности: будучи нетерпим к критике со стороны, Фрейд был предельно самокритичен, предъявлял к себе очень высокие требования и время от времени сам отделял рациональные зерна своей теории от плевел.

Между тем, несмотря на войну и отсутствие пациентов, а может быть, и благодаря последнему, Фрейд вел в те дни необычайно активную и полноценную во всех отношениях жизнь. Высвободившееся от пациентов время, похоже, привело его к новому сближению с Мартой и неожиданной вспышке сексуальной активности. Во всяком случае, в датированном 8 июля 1915 года письме американскому психологу Дж. Дж. Патнему Фрейд упоминает, что накануне у него был удачный коитус с женой — это, пожалуй, самое или одно из самых интимных признаний Фрейда о своей личной жизни. Однако письмо Патнему стало знаменитым благодаря не этому признанию, а потому, что в нем Фрейд отвечает американцу на вопрос о совместимости психоанализа и моральных ценностей и понятии Бога. Если всё же Бог существует, утверждал Фрейд, то «это мне нужно будет упрекать Его, а не Ему — меня. Я бы спросил Его, почему он не дал мне лучшее интеллектуальное оборудование».

Что касается морали, то Фрейд заявил: «Я считаю себя высокоморальным человеческим существом, никогда не сделавшим ничего постыдного или злого». Правда, тут же оговаривается, что имеет в данном случае мораль общественную, а не сексуальную. «Сексуальная мораль в глазах общества — в наибольшей степени американского общества — кажется мне отвратительной. Я выступаю за гораздо более свободную сексуальную жизнь. Однако я мало пользовался этой свободой, если не считать того, что, как я считал, было позволительно в этой области».

Фрейдофобы, разумеется, тут же цепляются за последнюю фразу и задаются вопросом о том, что же Фрейд считал для себя «позволительным в этой области». Уж не связь ли с Минной Бёрнейс? Не мнил ли он себя патриархом Иаковом, которому было разрешено жить одновременно с двумя сестрами?!

В октябре 1915 года Фрейд приступает к чтению в Венском университете своего первого курса по психоанализу, официально предназначенного для студентов-медиков, но на самом деле собравшего самую разношерстную публику. На некоторые лекции собиралось более ста человек — столь большая аудитория, безусловно, льстила самолюбию Фрейда. Первые четыре лекции были посвящены психоанализу ошибочных действий, а следующие одиннадцать — сновидениям и их толкованию. Среди слушателей лекций были две дочери Фрейда, Матильда и Анна, и невеста его сына Оливера Элла Хайм — будущий знаменитый психоаналитик и «врагиня» Анны Фрейд.

Еще один цикл лекций Фрейд прочитал в Венском

университете в следующем зимнем семестре 1916/17 года, который включал в себя темы «психоанализ и психиатрия», «смысл симптомов», «фиксация на травме, бессознательное», «сопротивление и вытеснение», «сексуальная жизнь человека: развитие либидо и сексуальная организация», «пути образования симптомов», «страх», «теория либидо и нарциссизм» и др.

Одной из самых значительных работ Фрейда этого периода стала статья «Наблюдения над любовью переноса», в которой Фрейд объясняет свое возвращение к проблеме переноса тем, что она является одной из самых сложных в психоанализе. Как уже писалось, впервые с проблемой переноса Фрейд столкнулся еще в случаях с Анной О. и Эммой Экштейн и впоследствии не раз убеждался в справедливости вывода о том, что пациентка влюбляется в своего аналитика, перенося на него свои (зачастую инфантильные) сексуальные переживания.

При этом Фрейд подчеркивает, что «удовлетворить потребность больной в любви столь же губительно и безрассудно, как и загасить ее». Психоаналитик, соглашается Фрейд, оказывается при этом в непростой ситуации — и с профессиональной, и с этической точки зрения. С одной стороны, он прекрасно понимает, что речь идет не о подлинном чувстве, а лишь о его иллюзии, родившейся в ходе сеансов психоанализа, и потому он не должен поддаваться попыткам пациентки обольстить ее. «С другой стороны, когда женщина умоляет мужчину о любви, ему достаточно трудно отказать ей и оттолкнуть ее. К тому же, несмотря на невроз и сопротивление, он воспринимает исходящий от этого создания некий шарм, подтверждающий ее страсть. Соблазн вызывается не грубой плотской привлекательностью, которая может лишь шокировать или же вызвать чувство терпимости, поскольку представляет собой естественное явление. Возникающие чувства являются более утонченными, но они подавляются, поскольку, в конце концов, кто может заставить мужчину, хоть и соблазняемого возможностью приключения, забыть законы техники и врачебный долг?»

Увы, вся история психоанализа свидетельствует о том, что Фрейд заблуждался — далеко не всем психоаналитикам удавалось благополучно пройти между Сциллой и Харибдой «переноса», не забыв при этом законов техники и врачебного долга…

* * *

Два последующих года — 1916-й и 1917-й, — вне сомнения, были не самыми лучшими годами в жизни Фрейда. Сбережения стремительно таяли и девальвировались. Пациентов было катастрофически мало. Семья Фрейд начала голодать, и это вгоняло Фрейда, привыкшего видеть себя в роли кормильца и испытывавшего постоянную потребность чувствовать, что он справляется с этой ролью, в жесточайшую хандру.

В мае 1916-го в этом темном царстве мелькнул луч света — шестидесятилетие Фрейда было воспринято в Вене и далеко за ее пределами как весьма значимое событие. Юбиляра завалили поздравлениями, подарками и цветами. Фрейд почувствовал, что он все-таки добился желанной славы и он сможет остаться в памяти человечества. Но эйфория продолжалась недолго, и вскоре на фоне нехватки денег и продуктов питания Фрейда снова охватил пессимизм. Правда, ему всё же достало средств, чтобы выехать летом с Мартой (с Мартой, а не Минной!) на лечение в Карлсбад, но на этот раз прославленный курорт не доставил ему никакого удовольствия: вместо «дам в фантастических платьях» он всюду натыкался на «офицеров с железными крестами».

1917 год, казалось, не принес в этом смысле ничего нового. Фрейды голодали. Австро-Венгрия и Германия явно проигрывали войну, неся колоссальные не только экономические, но и людские потери. Теперь похоронки шли бесконечным потоком каждый день, и летом 1917 года одна из них добралась до семьи Фрейд — на итальянском фронте погиб Герман — единственный сын сестры Фрейда Розы Граф. Светлым пятном для Фрейда в 1917 году стало только заявление министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура, что его страна поддерживает идею создания Еврейского государства в Палестине — сам Фрейд никуда ехать не собирался, но идеи сионизма, как уже было сказано, поддерживал.

Ища выход из той унизительной финансовой ситуации, в которой он оказался, Фрейд стал мечтать о Нобелевской премии — не ради славы, а прежде всего ради денег. «Мое умственное состояние, — писал Фрейд Абрахаму, — требует срочного заработка для семьи в качестве удовлетворения своего хорошо известного отцовского комплекса. В таких обстоятельствах, совершенно против моей воли, я начинаю надеяться на Нобелевскую премию».

И всё же говорить о том, что Нобелевская премия нужна была Фрейду только для денег, было бы, безусловно, неправильно. В написанной в том же самом 1917 году статье «Трудность на пути психоанализа» Фрейд пишет о «трех серьезных ударах», которые

наука за свою историю нанесла по самолюбию человечества. Первый из них — космологический — был нанесен Коперником, доказавшим, что место обитания человечества отнюдь не является центром Вселенной. Авторство второго — биологического — удара принадлежит Дарвину, заявившему, что человек происходит от животных. Наконец, честь третьего, «самого болезненного», психологического удара Фрейд отдает Шопенгауэру, заявляя, что именно тот первым обратил внимание на роль бессознательного и показал, что «наше „Я“ не является хозяином в собственном доме». Однако понятно, что на самом деле Фрейд был убежден, что этот третий, решающий удар нанес именно он, и таким образом мысленно ставил себя в один ряд с Коперником и Дарвином. «Вы правы, — писал он Абрахаму, — когда отмечаете, что этот список не может не создать впечатления, что я претендую на место рядом с Коперником и Дарвином. Однако я не хотел пренебрегать интересной идеей из-за подобных ассоциаций и поэтому так или иначе вывел на передний план Шопенгауэра».

Летом 1917 года Ференци сделал учителю поистине царский для военных дней подарок: он пригласил Фрейдов в гости к своим родственникам, в словацкие Татры, и Фрейд на какое-то время получил возможность снова «купаться в обилии хлеба, масла, колбасы, яиц и сигар, словно вождь первобытного племени».

В этот же период Фрейд получает первое письмо от своего горячего поклонника, немецкого врача Георга Гроддека, «дикого аналитика», как тот себя называл. Гроддек был убежден, что разум и тело составляют единую систему и управляются некой силой, которую назвал «Оно». Согласно теории Гроддека, все, в том числе и самые серьезные соматические заболевания, имеют психическую природу или являются отражением проблем психики.

Фрейд быстро понял, что идеи Гроддека имеют столь же бредовый характер, как и давние идеи Флисса о связи носоглотки с половыми органами. Тем не менее гипотеза о существовании силы «Оно» ему показалась интересной, и он продолжил переписку. К тому же, подтрунивая над Гроддеком, Фрейд отмечал, что частично его идеи о связи психики и соматики созвучны его собственным. Рассказывая в письме Ференци о том, как дурно на него подействовал недолгий период отказа от курения, Фрейд писал: «Я был ворчливым и усталым, у меня были сердцебиения и увеличились болезненные опухоли десен… Потом один пациент принес мне пятьдесят сигар, я закурил, повеселел, и раздражение десен моментально спало! Я бы не поверил, если

бы это не было так заметно — совершенно по Гроддеку…»

Кто знает — может быть, это раздражение десен и было первым признаком будущего рака. Любопытно отметить, что в это время Фрейду вновь вернулись мысли о приближающейся смерти — он вспомнил, что еще в 1899 году в одном из писем Флиссу, вычисляя предполагаемую дату своей смерти на основе своего телефонного номера, назвал возраст в 62 года. И что еще более любопытно — в том самом письме в качестве наиболее вероятной причины своего ухода из жизни Фрейд назвал именно рак.

В это самое время в России уже бушевала Октябрьская революция. Россия вышла из войны, Австрия и Германия оккупировали Украину, но никому в Вене от этого не стало легче. Город по-прежнему голодал, трясся от холода и терпел все прочие лишения, которые вместе со всеми — пусть и в меньшей степени, чем бедняки, — терпела и семья Фрейд. И тут в жизни Фрейда и всего психоаналитического движения неожиданно появился новый меценат и благодетель.

* * *

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

Этими словами начинается роман Михаила Булгакова «Белая гвардия». Залитым солнцем летом 1918 года Фрейд снова оказался в словацких Татрах, где познакомился с «человеком, которого надо было выдумать, если бы его не существовало». Было опять-таки что-то мистическое в том, что человек этот был почти однофамильцем Фрейда — его звали Антон фон Фройнд.

Фройнд, вне сомнения, был неординарной личностью — преуспевающий пивовар, он одновременно увлекался философией и интересовался современной наукой. В свое время Фрейд лечил его жену, а в 1918 году фон Фройнд сам обратился к Фрейду в связи со столь понятным для мужчины неврозом, развившимся после операции, сделанной из-за рака яичек. Очень скоро врач и пациент стали близкими друзьями, и Фройнд сделал первое крупное пожертвование Международной психоаналитической ассоциации. На эти деньги и было создано Международное психоаналитическое издательство, начавшее работать в январе 1919 года. Обычно сам Фрейд и его ученики называли это издательство сокращенно — «Верлаг».

Фройнд стал первым официальным руководителем «Верлага», за годы существования которого было выпущено 150 книг по психоанализу, включая первое собрание сочинений Фрейда. Кроме того, при издательстве выходило пять психоаналитических журналов.

28–29 сентября 1918 года, разумеется, в основном на деньги Фройнда, в Будапеште, в Венгерской академии наук, прошел 5-й Международный психоаналитический конгресс, на котором только официально присутствовало 42 депутата. Среди его участников были один генерал австрийской армии и два чиновника военного министерства Германии. На конгрессе Фрейда в первый и последний раз сопровождали Марта и сын Эрнст. Само собой, среди делегатов была и верная последовательница отца Анна Фрейд.

Сам Фрейд сделал на конгрессе доклад «Пути психоаналитической терапии», в котором впервые публично подчеркнул социальный аспект психоанализа. Новым президентом Международного психоаналитического общества на конгрессе был избран Шандор Ференци.

Успех этого форума был грандиозным, и Фрейд заявил, что «свет надежды приходит из Будапешта», который явно отбирал у Вены звание столицы психоанализа.

Присутствие на будапештском конгрессе чиновников и военных означало если не официальное признание властями ценности психоанализа, то, безусловно, еще один важный шаг в утверждении статуса психоанализа в науке и к мировой славе Фрейда. Как отмечают все исследователи и биографы Фрейда, популярность его учения в годы Первой мировой войны необычайно возросла; сочинения Фрейда начали издаваться и переиздаваться во многих странах.

Это было связано сразу с двумя факторами.

Во-первых, с тем, что война заставила многих задуматься о том, насколько часто сама природа человека, сидящие в нем первичные влечения и потребности оказываются подчас сильнее всего, что было привнесено в его личность воспитанием и культурой. Многие во всем происходящем в тылу и на войне увидели однозначное подтверждение теории Фрейда.

Во-вторых, понятно, что во время войны в армии резко увеличилось число солдат и офицеров, страдавших от невроза или истерической симуляции болезней. В связи с этим в кругах военных врачей всё громче звучали разговоры о верности идеи Фрейда о «бегстве в болезнь» и возможности излечения от этого бегства с помощью приемов психоанализа. Оба фактора в итоге привели к стремительному увеличению числа сторонников

психоанализа во всем мире — как среди профессиональных врачей, так и среди философов, журналистов, писателей.

Еще одним тому свидетельством стало полученное Фрейдом 9 сентября 1918 года письмо от великого немецкого писателя Германа Гессе. Судя по всему, Гессе заинтересовался психоанализом в 1914 году, найдя в работах Юнга и Фрейда ответы на многие мучившие его вопросы о взаимоотношениях с отцом и перипетиях собственной судьбы. В 1916 году в связи с нервным срывом после распада брака Гессе начинает проходить сеансы психоанализа у доктора Ланге, а тот знакомит его со своим учителем Карлом Густавом Юнгом. Однако в итоге Гессе пришел к выводу, что в споре между Юнгом и Фрейдом прав все-таки последний и теория Юнга относится к психоанализу Фрейда как частное к общему. «Художники всегда были вашими союзниками, они это будут всё больше осознавать», — писал Гессе Фрейду в том первом письме.

В том же году Гессе написал эссе «Художник и психоанализ», в котором говорит об огромном значении учения Фрейда для понимания психологии творчества, так как «именно анализ настоятельно напоминает каждому художнику: то, что временами воспринимается только как вымысел, имеет высшую ценность; анализ громко напоминает ему о существовании главных требований души и об относительности всех авторитарных масштабов и оценок»[240].

В октябре 1918 года в жизни Фрейда произошло еще одно важное событие: он тайно начал психоанализ Анны. Даже у самых больших поклонников Фрейда эта страница его биографии вызывает содрогание, так как такой анализ, вне сомнения, был кровосмесительством — разумеется, не в физическом, а в ментальном смысле этого слова, но еще неизвестно, какой из этих видов страшнее. Фрейд не мог не понимать этого, потому и держал происходящее втайне ото всех и лишь спустя несколько поведал по большому секрету об этом Лу Андреас-Саломе, которая, по сути, тоже была «женщиной Орды», его «ментальной любовницей».

С каким чувством должна была поверять Анна отцу свои самые сокровенные тайны? Как она могла рассказывать об отношениях с отцом, если отец в это время сидел у ее изголовья? В связи с этим мнение о том, что эти сеансы нанесли Анне тяжелую психологическую травму и, по сути, окончательно предопределили ее будущие отношения с мужчинами и судьбу старой девы, представляется весьма обоснованным.

Между тем Первая мировая война подходила к концу. Немецкие и австрийские войска терпели одно поражение за

другим на всех фронтах. Лейтенант Мартин Фрейд оказался одним из сотен тысяч австрийцев, попавших в плен к итальянцам. Дезертирство в армии приняло ужасающие масштабы. Венгрия, Богемия, Хорватия и все остальные национальные окраины империи Габсбургов провозгласили независимость. В Вене тоже было неспокойно — процветала преступность, на улицах время от времени вспыхивали перестрелки между коммунистами и пытавшимися сохранить видимость порядка армией и полицией.

Наконец 11 ноября 1918 года Антанта продиктовала своим противникам условия перемирия. По сути, это означало конец войны.

А значит, пришло время осмыслить ее итоги с точки зрения психоанализа.

* * *

Отсутствие в годы войны пациентов, следовательно, и материала для наблюдений привело к тому, что Фрейд стал черпать материал для новых идей в анализе либо старых случаев, либо художественных произведений. В результате этого в 1916 году на свет появились такие работы, как «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики», «Сюжеты сказок в сновидениях» (по сути, отрывок из «случая „волчьего человека“»), а в 1917-м — «Табу девственности» и «Одно детское воспоминание из „Поэзии и правды“».

В «Некоторых типах характеров…», построенных на сочетании рассказа о нескольких бывших пациентах Фрейда и поистине увлекательном анализе произведений Шекспира и Ибсена, Фрейд впервые ввел термин «бегство в болезнь», то есть бессознательной попытки больного извлечь выгоду из своего положения.

Наиболее интересной в этом ряду, безусловно, является статья «Одно детское воспоминание из „Поэзии и правды“», в котором Фрейд развивает свои давние идеи о бессознательной ревности, которую испытывают дети по отношению к младшим братьям и сестрам и к одному из родителей. За основу он берет раннее воспоминание Гёте, как тот, будучи ребенком, подзадориваемый соседями, сначала с азартом выкинул на улицу всю свою игрушечную глиняную посуду, а затем и вообще все горшки, которые были недавно куплены для дома.

«До разработки метода психоанализа фрагмент этот не давал бы повода к раздумьям, однако позднее уже невозможно было оставить его без внимания»[241], — отмечает Фрейд.

Впрочем, признается Фрейд далее, он и сам бы не вспомнил об этом эпизоде из жизни Гёте, если бы к нему не попал один пациент, который в ходе психоанализа рассказал о том, как стал замышлять покушение на ненавистного ему младшего брата. В те дни своего детства он побросал на улицу всю попадавшуюся ему под руку посуду. Как и Гёте, он испытывал огромное удовольствие от этого процесса выбрасывания.

Схожесть поступков пациента и Гёте (у которого было два младших брата и две сестры), а также тот факт, что десятилетний Гёте не испытывал особой скорби о смерти своего шестилетнего брата Германа Якоба, приводят Фрейда к любопытным выводам. Главным в поступках детей, утверждает он, является получение удовольствия не от самого битья хрупких предметов (ведь в таком случае они могли бы разбивать их, просто кидая об пол), а именно в том, что они выбрасываются через окно. «Вновь родившегося ребенка надо устранить, избавиться от него, выбросив в окно, скорее всего, потому, что через окно он и пришел»[242], — поясняет Фрейд.

В следующей части статьи он допускает, что выбрасывание предметов на улицу через окно может быть и проявлением ревности мальчика по отношению к отцу — особенно если он однажды стал свидетелем того, как родители лежат рядом в постели. Такая сцена может потрясти ребенка настолько, что у него возникнут «чувство ожесточенности к женщине вообще» и «хроническое расстройство его эротической сферы».

«Если мы сейчас вновь вернемся к детским воспоминаниям Гёте и воспользуемся при анализе соответствующего эпизода из „Поэзии и правды“ теми данными, которые мы извлекли, то обнаруживается не отмеченная нами ранее зависимость, которую можно сформулировать следующим образом: „Я был счастливчиком, судьба даровала мне жизнь, хотя я родился почти мертвым. А моего брата она убрала с дороги, так что мне не пришлось делить с ним любовь матери“» [243].

Автобиографический характер этой статьи почти не вызывает сомнений: так же, как Гёте, Фрейд родился «в рубашке», то есть с риском для жизни, у него тоже был младший брат Юлиус, к которому он ревновал мать и который умер в младенчестве. Наконец, финальные слова статьи — «если ты неоспоримый любимец матери, на всю жизнь сохранишь то чувство победителя, ту уверенность, которым нередко сопутствует сам успех… сила моя заключена в моем отношении к матери»[244] — можно вполне отнести как к Гёте, так и к самому Фрейду.

В этот же период Фрейд готовит новое издание «Трех очерков по теории сексуальности», тщательно перерабатывая книгу и

значительно расширяя часть, посвященную оральной (каннибалистической) стадии как первому этапу развития сексуальности. Оральная зона выступает на этом этапе в качестве эрогенной, а сексуальным объектом становится, соответственно, пища, сексуальной целью — ее поглощение, «инкорпорирование».

В 1916 году в издательстве Гуго Геллера вышла первая часть «Лекций по введению в психоанализ» и в 1917-м — вторая и третья части этой книги.

1918 год был отмечен выходом сборника «Статьи по психологии любовной жизни» и работ «Из истории одного инфантильного невроза» (о «волчьем человеке») и «Пути психоаналитической терапии».

Таким образом, назвать этот период жизни Фрейда творчески бесплодным никак нельзя.

И все же, несмотря на то, что к этому времени Фрейд шагнул за седьмой десяток жизни, уже сделал важнейшие свои открытия, ему все еще было что сказать человечеству о нем самом.

Глава вторая
«СИЛЬНА, КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ»

Окончание войны отнюдь не означало возвращения к прошлой, сытой и обеспеченной жизни — первые послевоенные годы, как и следовало ожидать, оказались тяжелыми. Фрейд возобновил психоаналитическую практику еще в 1917 году, и с учетом того, что число людей, страдающих нервными и психическими расстройствами, за годы войны резко возросло, в желающих обратиться к Фрейду и его ученикам недостатка не было.

Вопрос заключался в их платежеспособности — сбережения среднего класса истощились. Платить установленные Фрейдом довоенные гонорары они не могли, а если и могли, то с учетом стремительной инфляции эти деньги быстро обесценивались. С этой точки зрения наибольший интерес для Фрейда представляли появившиеся в Вене американцы — они платили по 10 долларов за сеанс, а доллары были твердой валютой! Правда, сказать, что американцы и англичане валом валили к Фрейду, было нельзя. Многие относились к нему с понятным предубеждением, и потому на Берггассе являлись лишь самые смелые и эксцентричные. Да и то не столько за реальной помощью, сколько из интереса: им было любопытно узнать, что же это за штука такая — психоанализ.

Финансовое положение Фрейда было таковым, что он не брезговал никаким видом дохода, в том числе и «бартером». «Недавно ко мне пришел один американец из штаба Вильсона, — писал он Абрахаму 5 февраля 1919 года. — Он принес две корзины провизии и обменял их на экземпляры „Лекций“ и „Обыденной жизни“…»

Ситуация осложнялась тем, что Фрейд был главным кормильцем огромной семьи: на его деньги жили оказавшиеся безработными сыновья, жена, дочь Анна, теща, Минна, овдовевшие сестры Роза и Паула. Кроме того, в его финансовой поддержке нуждались ученики, и прежде всего Отто Ранк, отдававший все силы на работу в Международной психоаналитической ассоциации и подготовку различных психоаналитических изданий.

Сам Фрейд вряд ли в одиночку справился бы с этим финансовым бременем, и потому в его бюджете играли немалую роль деньги, которые время от времени присылал из Штатов шурин Эли Бёрнейс, которого Фрейд не любил еще со времен,

когда ухаживал за Мартой. Попытка Эли «украсть приданое Марты» дала Фрейду повод до конца жизни не любить шурина и не общаться с ним, а письма сестры, в которых та переживала из-за измен мужа, лишь усилили эту неприязнь. Фрейд не испытывал ни малейшей благодарности к Эли за присылаемые им деньги, считая, что тот таким образом лишь отдает старые долги. Как только ситуация несколько улучшилась, Фрейд был «рад сообщить, что никто из семьи больше не зависит от скудных и нерегулярных субсидий Эли»[245].

Однако холодной зимой 1919 года до этого было еще очень далеко. В какой-то момент Фрейд стал даже подумывать о переезде из Вены в Англию, для чего стал брать уроки английского, чтобы «освежить язык».

Ко всем неприятностям добавились болезнь и смерть от рака Антона фон Фройнда. Сделанные им пожертвования обесценились и подходили к концу, и надо было подумать о том, где изыскать новые средства на развитие психоаналитического движения.

Тем не менее, несмотря на все эти трудности, Фрейд продолжает оставаться «отцом» своей «первобытной орды» молодых психоаналитиков, круг которых продолжает расти.

Именно в это время в число его ближайших учеников входят Вильгельм Райх (1897–1957), считающийся в США едва ли не зачинщиком «сексуальной революции»; молодая галицийская еврейка Елена Дейч (урожденная Розенбах); странноватый Виктор Тауск; американец Джеймс Стречи, которого Эрнест Джонс, будучи недоволен переводами Абрахама Брилла, прочил в переводчики трудов Фрейда на английский, и т. д. С каждым из этих учеников у Фрейда были свои, по-своему интимные отношения.

Так, Елена Розенбах поначалу появилась в доме Фрейда как пациентка, в ходе психоанализа, в полном соответствии с принципом переноса, влюбилась в него, и Фрейд, по сути дела, устроил ее брак с врачом Феликсом Дейчем. В дальнейшем Феликс Дейч стал на какое-то время личным врачом Фрейда, а Фрейд задействовал свои связи, чтобы пристроить его на работу в английскую миссию, что обеспечивало вполне сносное существование.

Когда у Фрейда возникли проблемы с Тауском, он передал его в качестве пациента Елене, и в июле 1919 года, по следам самоубийства Тауска, Фрейд писал Лу Андреас-Саломе (бывшей одно время любовницей и Тауска): «Признаюсь, я не скучаю по нему. Я давно уже считал его бесполезным и даже потенциально опасным».

Одновременно Фрейд продолжал напряженно работать, понимая, что война бросила теории психоанализа жесткий вызов, на который было необходимо достойно и как можно быстрее ответить. Вызов этот заключался в том, что ужасы войны, с одной стороны, казалось, подтвердили мысли Фрейда о важности бессознательного в повседневном поведении и психике человека, а с другой — поставили под сомнение, что все виды «неврозов» имеют сексуальную, либидозную этиологию.

«Среди военных врачей имелись и знакомые с методами психоанализа, — писал М. Г. Ярошевский в своей статье о Фрейде. — Пациенты, которые у них теперь появились, страдали от неврозов, сопряженных не с сексуальными переживаниями, а травмировавшими их испытаниями военного времени. С этими пациентами сталкивается и Фрейд. Его прежняя концепция сновидений невротиков, возникшая под впечатлением лечения венских буржуа в конце XIX века, оказалась непригодной, чтобы истолковать психические травмы, возникшие в боевых условиях у вчерашних солдат и офицеров»[246].

В поисках ответов на возникшие вопросы Фрейд принимается за один из самых фундаментальных своих трудов — «По ту сторону принципа удовольствия». Первому об этой работе он сообщает Ференци в письме, датированном 17 марта 1919 года, однако понятно, что сама работа была начата им еще зимой.

В этом же году выходит несколько новых статей Фрейда, наиболее значимыми из которых стали «Жуткое» и скандально знаменитая статья «Ребенка бьют».

В первой из них Фрейд, отталкиваясь от романа Гофмана «Песочный человек», пытается выстроить свою теорию страха, согласно которой в основе страха лежит возвращение в том или ином виде вытесненных в детстве первичных комплексов и страхов (например, комплекса кастрации и страха перед смертью).

В статье «Ребенка бьют» Фрейд делает скандально-сенсационный вывод о том, что многие дети сознательно напрашиваются на побои со стороны родителей, так как испытывают от этого неосознанное мазохическое удовольствие. В свою очередь, когда при них бьют других детей, являющихся их соперниками за любовь к родителям, они могут использовать садистское удовольствие.

«Описание инфантильных фантазий битья оказалось бы совершенно необозримым, если бы я не ограничил его, за некоторыми исключениями, случаями лиц женского пола. Я вкратце повторяю результаты. Фантазия битья у девочки проходит три фазы, из которых первая и последняя приходят на

память как сознательные, а средняя остается бессознательной. Обе сознательные стадии представляются садистскими, средняя же, бессознательная — несомненно, мазохистской природы; ее содержание — быть избиваемой отцом, с ней связаны известный либидозный заряд и сознание вины. Избиваемый ребенок в обеих сознательных фантазиях — всегда кто-то другой, в фантазии средней фазы — лишь собственная личность фантазирующего; в третьей, сознательной, фазе со значительным перевесом избиваемыми оказываются исключительно мальчики.

Избивающее лицо сначала отец, позднее — какой-то его заместитель из отцовского ряда. Бессознательная фантазия средней фазы первоначально имела генитальное значение, она произошла из инцестуозного желания быть любимым отцом, желания, подвергнувшегося вытеснению и регрессии. С этим, с виду шатким соотношением связан тот факт, что девочки между второй и третьей фазами меняют свой пол, воображая себя в своих фантазиях мальчиками», — писал Фрейд в этой статье.

Таким образом, по Фрейду, нормативное сексуальное развитие мальчика может осуществляться лишь в случае, если он вытеснит свои инфантильные фантазии «о побежденном поле» в бессознательное или заменит в этих фантазиях отца матерью. В противном случае у него может развиться пассивная гомосексуальная направленность, коренящаяся во всё той же исходной бисексуальности человеческой природы.

* * *

В январе 1920 года Фрейда постиг первый в череде тех ударов, которые ему предстояло выдержать в ближайшие годы, — внезапно от гриппа скончалась его дочь София, оставив на руках мужа двух маленьких детей, самых любимых внуков Фрейда Эрнста и Хайнца.

Смерть дочери стала для Фрейда сильным ударом, и его тяжелые переживания по этому поводу, по мнению Ферриса и ряда других биографов, в итоге определили конечный настрой очерка «По ту сторону принципа удовольствия», который в определенном смысле можно назвать настоящей одой смерти[247].

Очерк «По ту сторону принципа удовольствия» в сознании современного человека ассоциируется прежде всего с символической парой Эрос и Танатос. Именно в этом очерке впервые прозвучала мысль о «великой противоположности между первичными позывами жизни и первичными позывами смерти». Именно в нем Фрейд впервые открыто связал между собой Эрос и

Танатос[248], и можно сколько угодно спорить о правомочности этой связи, но бессмысленно отрицать, что эта пара, само это словосочетание давно уже стало неотъемлемой частью массового сознания, оказав влияние на развитие психологии, философии, литературы и искусства.

Вместе с тем значение этой работы Фрейда гораздо шире подобного обывательского взгляда, а кроме того, стоит перечитать ее, чтобы понять, какими причудливыми путями двигалась порой мысль Зигмунда Фрейда.

В сущности, именно в этой работе больше, чем в какой-либо другой, чувствуется, что Фрейд был не просто знаком с каббалой, но и находился под сильным влиянием ее идей, пытаясь дать им — в силу своего мировоззрения — не религиозную, а атеистическую, материалистическую интерпретацию. Чтобы понять это, достаточно сравнить первую фразу очерка («В психоаналитической теории мы без сомнения принимаем положение, что ход психических процессов автоматически регулируется принципом наслаждения, т. е. мы считаем, что этот процесс каждый раз возбуждается связанным с неудовольствием напряжением и затем принимает такое направление, что его конечный результат совпадает с уменьшением этого напряжения — с избежанием неудовольствия или порождением удовольствия»[249]) с «Предисловием к книге „Зоар“» одного из выдающихся каббалистов XX века Бааль Сулама — раввина Иегуды Ашлага («Как сказано мудрецами, сотворил Творец мир, чтобы насладить творения… И вдумайся: если замысел творения был в наслаждении творений, это обязывает сотворить в душах огромное желание получить то, что задумал дать им…»[250]).

Каббалист Михаэль Лайтман, ученик рабби Иегуды Ашлага, комментирует эти слова следующим образом:

«Каббалисты утверждают, что цель творения — привести создания к высшему наслаждению. И потому создал Творец души — желание получать это наслаждение. Причем поскольку хотел насладить их до состояния насыщения, то и создал желание наслаждаться огромным, под стать желанию насладиться. Таким образом, душа — это желание наслаждаться. И согласно этому желанию она получает наслаждение от Создателя, причем количество получаемого наслаждения можно измерить величиной желания»[251].

Сходство идеи, как видим, налицо. Забегая вперед скажем, что и основная идея очерка «По ту сторону принципа удовольствия» — о неразрывной связи «первичного позыва жизни» и «первичного позыва смерти» — отчетливо перекликается со знаменитой фразой «Песни песней» «Сильна,

как Смерть, Любовь»[252] (8:6), а то, что Фрейд был знаком с этим произведением, сомнений не вызывает. Более того: стоит вспомнить, что авторство «Песни песней» традиция приписывает царю Соломону (Шломо), а «Шломо» — это второе имя, данное при рождении Зигмунду Фрейду. В еврейской традиции царь Соломон считается символом мудрости, одним из умнейших из всех живших на земле людей, которому дано было проникнуть в высшие тайны мироздания и читать в сердцах людей. Не исключено, что в глубине души Фрейд вслед за отцом если не приравнивал себя к легендарному царю, то, безусловно, усматривал между ним и собой некоторое сходство.

В первой главе очерка Фрейд подчеркивает, что принцип наслаждения является определяющим в формировании первичных сексуальных позывов, но так как внешние условия мешают его реализации и даже делают его порой опасным для организма, то «под влиянием инстинкта самосохранения „Я“ этот принцип сменяется принципом реальности, который, не отказываясь от конечного получения наслаждения, всё же требует и проводит отсрочку удовлетворения, отказ от многих возможностей последнего…» [253].

Затем Фрейд переходит к тому, что стало непосредственным поводом для написания очерка, — к пониманию природы «травматических неврозов» у вернувшихся с полей войны мужчин. При этом подчеркивается, что причиной такой травмы был не сам страх как таковой (напротив, страх, заключающийся в ожидании опасности, помогает человеку подготовиться к ней), а «испуг», то есть реакция человека на опасность, к встрече с которой он был не готов.

Фрейд не открывает ничего нового, когда говорит о том, что в состоянии бодрствования страдающие травматическим неврозом отнюдь не любят вспоминать о событии, которое его вызвало, но вот их сновидения полны кошмаров — «они возвращают больного к ситуации, при которой произошел несчастный случай, и он просыпается с новым испугом» [254]. Это поведение невротиков однозначно доказывает, что полученная ими травма «сидит» не в сознании, а в бессознательном, одним из проявлений которого и являются сновидения.

Однако, согласно теории самого Фрейда, любое сновидение является «исполнением желаний». Но тогда, справедливо замечает Фрейд, такому больному должны были бы являться «картины его здорового прошлого и желанного выздоровления»[255]. Значит ли тот факт, что вместо этого «травматическим невротикам» снятся кошмары, возвращающие их в обстоятельства получения травмы, что фрейдистская теория

сновидений не состоятельна?

Фрейд, разумеется, не спешит с ответом на этот вопрос, а предлагает свои наблюдения за полуторагодовалым ребенком (вероятнее всего, собственным внуком от Софии), который то и дело забрасывал под кровать игрушки, а затем полюбил играть с привязанной за веревочку катушкой. Эта катушка то исчезала из поля его зрения, когда он опускал ее за кровать, то появлялась вновь, причем эта игра явно доставляла ему наслаждение.

Фрейд связал эту игру с тем неудовольствием, которое ребенок испытывал, когда мать оставляла его одного: исчезающая из поля зрения катушка как раз и символизировала для него уходящую мать. Но если он никак не мог повлиять на уход матери, то есть играл в этом событии пассивную роль, то в случае с катушкой эта роль становилась активной: только от него зависело, «исчезнет» ли катушка или появится вновь.

«Мы видим, что дети повторяют в игре всё, что в жизни произвело на них большое впечатление, и делают себя, так сказать, господами положения».

Возвращение невротика в сновидениях на место получения травмы, по мнению Фрейда, сравнимо с детской игрой, в которой вновь и вновь повторяется одна и та же ситуация, но в которой ребенок отводит себе активную роль «хозяина положения». В принципе, отсюда — рукой подать до известного метода лечения травматических неврозов: необходимо вернуть человека в те обстоятельства, при которых он получил травму, но дать ему при этом возможность повести себя иначе, контролируя ситуацию. Именно так, к примеру, Иван Гирин, главный герой романа Ивана Ефремова «Лезвие бритвы», излечивает мать Анны.

Однако Фрейд, называя эту общую черту невротиков и детей «вынуждением повторения», видит в этом пути реализации принципа удовольствия и проявление «первичных влечений» («позывов» в переводе Л. Голлербаха) человека.

«Какова же связь, существующая между сферой первичных позывов и вынуждением повторения?» — вопрошает Фрейд.

И тут же предлагает свой вариант ответа: «Здесь нам невольно приходит мысль, что мы напали на след общего характера первичных позывов, а быть может, и всей органической жизни вообще — характер, который до сих пор не был опознан, или, по крайней мере, достаточно подчеркнут. Первичный позыв можно было бы таким образом определить как присущую органической жизни тягу к восстановлению какого-то прежнего состояния, от которого живая единица была вынуждена отказаться под влиянием внешних мешающих сил…»[256]

Дальше следует вполне логичный вывод: «Если, таким

образом, все органические позывы консервативны, приобретены исторически и направлены на регресс и восстановление прежнего, то успехи органического развития мы должны отнести за счет внешних нарушающих и отвлекающих влияний. Элементарное живое существо, начиная с самого своего возникновения, не захотело бы изменяться, при одинаковых условиях всегда захотело бы повторять тот же уклад жизни. Но в конечном итоге история земли и история ее отношений к солнцу должна была быть тем, что наложило отпечаток на развитие организмов. Консервативные органические первичные позывы восприняли каждое из этих насильственных изменений строя жизни и сохранили их для повторения; они должны производить ложное впечатление сил, стремящихся к изменению и прогрессу, в то время как они имеют в виду достижения старой цели старыми и новыми путями. Можно указать и на эту конкретную цель органического стремления… если мы признаем как не допускающий исключения факт, что всё живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть…»[257]

Итак, слово сказано.

Новая концепция «первичных влечений» потребовала расширения понятия «либидо», что невольно создавало ощущение, что, по сути дела, Фрейд признал правоту Юнга. Почувствовав это, он спешит заявить: «Наше понимание (либидо. — *П. Л.)* с самого начала было дуалистическим, и оно теперь острее, чем прежде, с тех пор, как мы эти противоположности обозначаем не как первичные позывы „Я“ и сексуальные первичные позывы, а как первичные позывы жизни и первичные позывы смерти. Теория либидо, принадлежащая Юнгу, является, напротив, монистической: то, что свою единственную движущую силу он назвал либидо, должно было вызвать смущение, но не должно, однако, влиять на ход наших мыслей…»[258]

И снова идея о «первичном влечении к смерти» перекликается с известным библейским текстом — на этот раз «Екклесиастом», авторство которого по странному совпадению также приписывается всё тому же царю Соломону.

Вспомним:

«Всё идет в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах» (Екк. 3:20);

«Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения» (Екк. 7:1);

«И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который и дал его» (Екк. 12:7).

Разумеется, это не означает, что Фрейд писал «По ту сторону принципа удовольствия» под прямым влиянием «Екклесиаста», но очень вероятно, что после смерти дочери он перечитал его и это чтение не прошло бесследно.

Впрочем, эти идеи могли иметь и иной источник. Скажем, тот же Шопенгауэр, в числе прочего писавший: «И кроме того, смерть — великий повод к тому, чтобы мы прекратили свое существование в качестве я: благо тем, кто этим поводом воспользуется. При жизни воля человека лишена свободы: все его поступки, влекомые цепью мотивов, неизбежно совершаются на основе его неизменного характера… Смерть — это миг освобождения от односторонности индивидуальной формы, которая не составляет сокровенного ядра нашего существа, а скорее является своего рода извращением его: истинная, изначальная свобода опять наступает в этот миг, и поэтому в указанном смысле можно смотреть на него как на общее восстановление порядка…»[259]

Сам очерк Фрейд строил на основе разработанных им терминов метапсихологии, то есть единстве «топического», «динамического» и «экономического» моментов, пытаясь соединить психологию и физиологию, однако сегодня многие из этих рассуждений звучат для специалистов наивно и представляют разве что исторический интерес.

Вместе с тем его идеи о «навязчивом повторении», сущности эстетического наслаждения, которое получают люди от чтения произведений с трагическим сюжетом, о «неврозе судьбы» продолжают оставаться актуальными.

Надо заметить, что идея «первичного влечения к смерти» вскоре после публикации очерка в конце 1920 года была встречена скептически даже самыми верными последователями Фрейда. Фрейд и сам называл многие мысли этого очерка «спекулятивными», то есть носящими умозрительный и недоказанный характер.

Однако если бы центральная его мысль и в самом деле была в корне ошибочной и бесплодной, она вряд ли так прижилась бы в сознании человечества, оказав, повторим, влияние на самые различные области жизни и знаний.

И сегодня на основе единства и противоположности первичных влечений к жизни и смерти выстраиваются различные, зачастую опять-таки спекулятивные философские и биологические концепции. Например, концепция о «коллективном сознании вида», по которой любой вид живых существ коррелирует свою численность с помощью определенных Фрейдом двух первичных влечений. Иллюстрацией к этой теории

обычно служит известный феномен массового самоубийства Флемингов, которое начинается внезапно и столь же внезапно, словно по некому невидимому сигналу, прекращается…

* * *

Необычайно важным событием 1920 года стал для Фрейда и для психоанализа в целом прошедший в Гааге с 8 по 10 сентября 6-й Международный психоаналитический конгресс, собравший 62 участника. Конгресс завершился грандиозным банкетом, который для изголодавшихся делегатов из участвовавших в Первой мировой войне стран показался фантастической сказкой.

К этому времени психоанализ уже совершал свое победное шествие по миру, включая и истерзанную Гражданской войной Россию. В 1921 году, согласно Валерию Лейбину, в Москве возродилось Русское психоаналитическое общество, активными участниками которого были М. В. Вульф, Н. Е. Осипов, И. Д. Ермаков, А. Р. Лурия и др.[260]

В Берлине в 1920 году открылся Психоаналитический институт — по сути дела, первое высшее учебное заведение, специализирующееся на подготовке психоаналитиков. Среди его выпускников был и один из крупнейших философов и провозвестников неофрейдизма XX века Эрих Фромм (1900–1980).

В июне 1920 года газета «Чикаго трибюн» предложила Фрейду 25 тысяч долларов за проведение психоанализа студентов Леопольда и Леба, убивших четырнадцатилетнего мальчика, чтобы доказать себе, что они являются «сверхлюдьми» по Ницше и найти ответ на вечный вопрос Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Сумма была огромной, но Фрейд, что показательно, отказался, сославшись на нездоровье, хотя в тот момент он еще вполне был в состоянии отправиться за океан.

Дело было именно в принципе — и это доказывает хотя бы то, что в октябре того же 1920 года Фрейд связался со своим племянником Эдвардом Бёрнейсом и предложил написать статьи для какого-нибудь популярного американского журнала. Бёрнейс обратился в «Космополитен», и журнал немедленно предложил по тысяче долларов за каждую статью, опять-таки немалую сумму, если статьи будут написаны на тему «Психическое место жены в доме». И Фрейд опять отказался потому, что не желал заниматься профанацией психоанализа.

В том же году голливудский продюсер предложил Фрейду свыше 100 тысяч долларов в обмен на его участие в фильмах о

«великих любовных историях мира» и чтобы имя Фрейда появилось в титрах — и снова последовал отказ.

Эти отказы, согласитесь, никак не совмещаются с тем образом Фрейда, который создали некоторые фрейдофобы, обвинявшие его в алчности, обирании пациентов и готовности пойти на что угодно ради денег.

Фрейд явно избегал дешевой популярности и бежал от контактов с желтой прессой. Ему нужна была слава, он не мог жить без нее, но он не желал славы с оттенком скандальности (возможно, лет двадцать назад он был согласен и на такую славу, но не в 1920-х годах — в его личности за это время произошли серьезные перемены).

Тем не менее в 1921 году он едва не оказался в центре громкого скандала.

Центральным героем (а точнее, антигероем) этой истории стал американский психиатр Гораций Фринк, увлекшийся психоанализом и в 1911 году ставший секретарем Нью-Йоркского психоаналитического общества. Фрейд благоволил Фринку и прочил его на пост президента этого отделения международного общества (возможно, именно потому, что Фринк не был евреем — в этом Фрейд со времен Юнга не изменился). Вместе с тем, как это часто бывает с психиатрами, у Фринка были свои психологические и психиатрические проблемы. В начале 1921 года он появился в Вене, чтобы пройти психоанализ у Фрейда. В ходе анализа Фринк рассказал о своей «платонической дружбе» с молодой замужней женщиной — Анжеликой Бижур, которая была его пациенткой.

Как нетрудно догадаться, причину невроза Фринка Фрейд приписал подавляемому сексуальному влечению к Бижур. Соответственно, он и порекомендовал своему коллеге и пациенту перевести отношения с Бижур на «новый уровень» и, возможно, даже развестись с женой и жениться на Анжелике.

Летом 1921 года Анжелика Бижур сама появилась в Вене, встретилась с Фрейдом… и после этой встречи решила, что и в самом деле ей не стоит хранить верность своему супругу Абрахаму Бижуру. Позже она утверждала, что Фрейд также рекомендовал ей развестись и выйти замуж за Фринка, так как якобы, если она его отвергнет, он никогда не сможет вернуться в нормальное состояние и, возможно, даже станет латентным гомосексуалистом.

В результате Анжелика сообщила мужу, что желает соединить свою судьбу с Фринком, что привело Абрахама Бижура в ярость — по его мнению, Фрейд не имел никакого права вмешиваться таким образом в жизнь их семьи и играть роль вершителя судеб.

«Великий доктор, вы ученый или шарлатан?!» — вопрошал Бижур в неотправленном письме к Фрейду.

Затем Бижур стал требовать исключения Фринка из психоаналитического общества, угрожая в противном случае поднять скандал в прессе. Скандал мог быть и в самом деле грандиозным, но до него не дошло — возможно, из-за внезапной смерти Абрахама Бижура. Более того, в январе 1923 года Гораций Фринк был избран президентом Нью-Йоркского психоаналитического общества.

Однако ни это назначение, ни брак, созданный по прямому или косвенному совету Фрейда, не стали счастливыми. Психиатрические проблемы Фринка (видимо, носившие органический характер) обострились, его отношения с Анжеликой стали невыносимыми. Уже к концу 1923 года он не мог исполнять обязанности президента, а в 1924-м супруги решили развестись. Вскоре после этого Гораций Фринк предпринял попытку самоубийства.

Таким образом, вмешательство Фрейда в личную жизнь своих пациентов и попытка «скорректировать» ее вновь оказались неудачными, что, впрочем, видимо, не очень мучило отца психоанализа. Для него, судя по всему, это был еще один неудачный эксперимент, и не более того. Жизнь продолжалась.

В мае 1921 года Фрейду исполнилось 65 лет. И если до этого, говоря о себе как «об обычном старом еврее», рассуждая о смерти, он лишь рисовался, то число «65» — вопреки всяким прежним мистическим расчетам — видимо, стало для Фрейда и в самом деле пороговым. В письме Шандору Ференци, написанном вскоре после дня рождения, Фрейд пишет, что «неожиданно шагнул в настоящую старость», — и это признание звучит искренне, без тени фальши.

«На самом деле в старости остается только одна потребность: отдохнуть, — констатирует он. — И здесь совершенно ясный расчет. Поскольку я не смогу собрать плоды этого дерева, к чему мне сажать его? Подло, но честно».

Он также исповедуется Ференци в том, что его «не оставляет мысль о смерти, а иногда появляется впечатление, что семьи из моих внутренних органов спорят друг с другом, кому из них достанется честь закончить мою жизнь».

Возможно, именно с этими мыслями и был связан новый всплеск интереса Фрейда к оккультизму и паранормальным явлениям. Эти темы он в числе прочих обсуждал в сентябре 1921 года, когда все члены «тайного комитета» собрались на склонах Гарца в Северной Германии.

Но если попытаться охарактеризовать одним словом

отношение Фрейда к такого рода явлениям, то это будет слово «осторожность». Видя грандиозные успехи науки, все новые и новые прорывы в неведомые прежде области знания, Фрейд не исключал, что «некоторая часть из оккультных феноменов подтвердится» — ведь то, что человечество на протяжении тысячелетий своей истории ничего не знало о существовании, скажем, электрического и магнитного полей, отнюдь не означает, что этих полей не существовало прежде. Но, подчеркивал Фрейд, «мое личное отношение к этому материалу остается лишенным энтузиазма и двойственным».

Пол Феррис, безусловно, прав, когда говорит, что из дошедших до нас нескольких статей Фрейда об оккультизме совершенно невозможно понять, каких же взглядов на него он придерживался и что вообще хотел сказать. Но в том-то и дело, что Фрейд сам не знал, что же он может и хочет сказать по этому поводу. Как убежденный атеист, он верил, что все эти паранормальные явления в конце концов найдут рациональное, естественно-научное объяснение. Но какая-то часть его души — возможно, то самое «бессознательное» — не просто хотела верить в реальность этих явлений, но и, похоже, истово верила в них.

Но больше всего в начале 1920-х годов Фрейда, безусловно, занимали вопросы иного порядка. Не случайно главной его работой 1921 года стала книга «Психология масс и анализ человеческого „Я“».

* * *

В то самое время, когда автор приступает к написанию этой части книги, перед ним лежит сделанное в советские годы самиздатовское издание «Психологии масс и анализа человеческого „Я“» в самодельном зеленом переплете. Установить год изготовления этой книги невозможно: ее страницы представляют собой фотокопии явно украденного из спецхрана библиотеки Украинского института марксизма-ленинизма экземпляра книги, изданной в Москве в 1925 году. И из сфотографированного вместе с другими титульного листа книги следует, что в 1925 году в Москве существовало издательство Н. А. Столляра «Современные проблемы», выпускавшее в числе прочего и серию книг «Научная библиотека современных проблем». В этой серии и была выпущена книга «проф. Зигмунда Фрейда».

Но для нас существенно иное: что могло заставить советского человека пойти на немалый риск и выкрасть эту брошюру из

закрытого библиотечного фонда вуза для представителей партийной элиты, где всегда присутствовала охрана? Что заставило затем других людей тратить немало личного времени на то, чтобы сделать фотокопии книги, да еще и так тщательно переплести ее, что даже сейчас, спустя десятилетия, она поражает качеством и сохранностью переплета?!

Ответ очевиден: эта книга несла в себе ответы на те вопросы, которые мучили русскую и — шире — советскую интеллигенцию относительно самой природы строя в бывшем СССР и на которые она не могла найти ответа ни на какой другой.

«Психология масс и анализ человеческого „Я“» — это, безусловно, «самая русская» книга Фрейда, даже куда более русская, чем «Достоевский и отцеубийство». Но одновременно и «самая немецкая». По той простой причине, что именно в России (точнее, все-таки, в СССР) и в Германии родились два самых страшных тоталитарных режима XX века с культом вождей, фанатизмом масс и всеми прочими атрибутами. Это, безусловно, «самая русская» книга Фрейда еще и потому, что она написана на основе размышлений отца психоанализа о том, что именно определяло поступки и настроения людей в ходе Октябрьского переворота 1917 года и последовавшей за ним Гражданской войны в России — события, за которыми Фрейд пристально следил.

В первых главах книги Фрейд не скрывает, что основой для его идей послужила замечательная книга Гюстава Лебона «Психология народов и масс» (кстати, впервые переведенная на русский язык еще в 1896 году).

Лебон одним из первых озвучил мысль о том, что, оказавшись в объединенной некой идеей толпе, «каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, понятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности».

Лебон же сделал акцент на том, что толпа во многом движима порывами, таящимися в бессознательном человека (пусть и понимал он это «бессознательное» иначе, чем Фрейд). Он обратил внимание, что, оказавшись частью толпы, человек теряет чувство индивидуальной ответственности, заражается настроением массы, ее идеями и действует так, словно находится под неким гипнозом. В такой «одухотворенной», движимой той или иной идеей толпе человек во имя реализации этой идеи готов отказаться от своих личных интересов, пойти на

самопожертвование, он утрачивает способность к критическому восприятию и с легкостью готов поверить во всё, что подтверждает идею, и отрицает любые факты, опровергающие ее истинность. Наконец, такая масса непременно испытывает необходимость во «властелине», авторитете, харизматическом вожде, который, в свою очередь, также должен фанатически верить в свою идею.

Итак, феномен изменения поведения человека, оказавшегося частью толпы, объединенной национальной, религиозной, социальной или какой-либо другой идеей, был довольно хорошо известен и описан до Фрейда. Загадочным оставался сам механизм этого поведения, его движущая сила. И в качестве такой движущей силы Фрейд называет всё то же либидо, первичное сексуальное влечение, или, если угодно, «любовь», которая, с его точки зрения, составляет сущность не только индивидуума, но и того, что Лебон называл «массовой душой».

Для доказательства этой мысли Фрейд предлагает рассмотреть две, как он их называет, «искусственные массы» — церковь и войско.

«В церкви (мы с успехом можем взять католическую церковь), как и в войске — как бы различны они ни были в остальном — культивируется одно и то же обманное представление (иллюзия), а именно, что имеется верховный властитель (в католической церкви Христос, в войске — полководец), каждого отдельного члена массы любящий равной любовью. На этой иллюзии держится всё; если ее отбросить, распадутся тотчас же, поскольку это допустило бы внешнее принуждение, как церковь, так и войско. Об этой равной любви Христос заявляет вполне определенно: „Что сотворите единому из малых сих, сотворите Мне“. К каждому члену этой верующей массы Он относится как добрый старший брат, является для них заменой отца. Все требования, предъявляемые отдельным людям, являются выводом из этой любви Христовой… Не без глубокого основания подчеркивается сходство церкви с семьей, и верующие называют себя братьями во Христе, т. е. братьями по любви, которую питает к ним Христос. Нет никакого сомнения, что связь каждого члена церкви с Христом является одновременно и причиной связи между членами массы»[261], — писал Фрейд.

Одним из характерных проявлений либидозной природы поведения человека в массе Фрейд называет идентификацию, подчас совершенно беспочвенное отождествление себя с лидером толпы и другими ее членами.

«Если, например, девушка в пансионе получает от тайного возлюбленного письмо, вызывающее ее ревность, и она реагирует

на него истерическим припадком, то с несколькими из ее подруг, которые знают о письме, тоже случится истерический припадок, как следствие, как мы говорим, психической инфекции. Это — механизм идентификации на почве желания или возможности переместить себя в данное положение. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и под влиянием сознания виновности соглашаются и на связанное с этим страдание. Было бы неправильно утверждать, что они усваивают симптом из сочувствия. Сочувствие, наоборот, возникает только из идентификации…»[262] — поясняет Фрейд свою мысль.

Отношение человека, оказавшегося в массе, к вождю и провозглашаемой им идее, по Фрейду, вполне сопоставимо с состоянием влюбленности с его переоценкой и некритического отношения к объекту любви. А «от влюбленности явно недалеко от гипноза»[263], констатирует Фрейд. И далее он снова возвращается к дарвиновскому представлению о первобытном человеческом обществе как об орде, стаде, в котором господствовал самый сильный самец. Эти же изначально присущие человеку психологические механизмы, по мысли Фрейда, лежат и в последующем объединении людей в ту или иную «массу».

Вождь становится объектом любви. Любовь к нему, а также провозглашаемым им идеалам (к партии, нации, Богу, родине и т. д.) объявляется высшей по отношению к индивидуальному сексуальному влечению формой любви, и последней надо поступиться, если она вступает в конфликт с первой. Вождь идеализируется и обожествляется, а вслед за тем идеализируется и его преемник. Сами идеалы вождя объявляются высшими идеалами нравственности и поведения.

«В больших искусственных массах, — писал Фрейд в заключительной части очерка, — для женщин как сексуального объекта места нет. Любовные отношения мужчины и женщины находятся за пределами этой организации. Даже там, где образуются массы смешанные, состоящие из мужчин и женщин, половое различие не играет роли. Едва ли имеет смысл задавать вопрос о гомосексуальной или гетеросексуальной природе либидо, соединяющего массы, так как оно не дифференцируется по полу и, что особенно важно, совершенно не предусматривает целей генитальной организации либидо»[264].

Отсюда, согласитесь, становится понятной психологическая подоплека ставшей крылатой фразы простой советской женщины: «В Советском Союзе секса нет!» Понятными становятся и те чувства и мысли, которые неминуемо должны были рождаться у среднестатистического советского интеллигента при чтении этого

очерка Фрейда. Разве его с детства не воспитывали в фанатической, если задуматься, почти сексуальной любви к Ленину, Сталину и прочим вождям? Разве их личности не идеализировались, освобождаясь от всякого критического отношения к ним в школьных учебниках, поэмах, романах, псевдонаучных исторических и философских трудах? Разве сама жизнь в СССР не была цепочкой определенных ритуалов (прием в пионеры, комсомол, ритуал принесения новобрачными цветов к памятнику Ленину и т. д.), непременно сопровождаемых клятвами верности и любви к вождям? Наконец, разве ему когда-либо в голову приходило хотя бы критически осмыслить их идеи?! И если состояние человека в толпе напоминает состояние невротика, одержимого навязчивой идеей и находящегося под своего рода гипнозом, то, может быть, стоит попробовать очнуться от этого морока, попробовать критически осмыслить собственное мировоззрение и пересмотреть систему жизненных ценностей?

Таким образом, книга «Психология масс и анализ человеческого „Я“», вне сомнения, будила живую мысль, вскрывала психологическую сущность любой тоталитарной идеи, нивелирующей человеческую личность и рассматривающую ее исключительно как «часть коллектива», и уже только поэтому несла в себе угрозу тоталитарным режимам.

«Не случайно, — писал А. И. Белкин, — что, начиная именно с конца 20-х годов, психоанализ начал со всё нарастающей интенсивностью подвергаться запрету в СССР. Задолго до появления лысенковщины в биологии, гонений на кибернетику, печальной памяти сессии ВАСХНИЛ и прочих „идеологических“ акций, издание трудов Зигмунда Фрейда и других серьезных психоаналитиков было фактически запрещено на долгие годы якобы во имя „гуманных“ мотивов — не пропустить в сознание советского человека чуждой идеологии.

Примерно в это же время (май 1933 г.) и в другой европейской стране, Германии, с не менее тоталитарным режимом на одной из церемоний сожжения книг, когда очередь дошла до трудов З. Фрейда, Геббельс торжественно произнес, что предает эти произведения пламени „во имя благородства человеческого духа“.

…Поскольку психоанализ направлен на превращение бессознательного в сознательное, он является самопознанием, которое ведет к внутренним изменениям и способствует развитию личности в направлении автономии и свободы. Самопознание в психоанализе позволяет индивиду понять, что представляет собой он в психологическом и социальном плане. Более того, индивид

перестает быть объектом манипуляций над его психической сферой, получая большую возможность контролировать свои бессознательные влечения, аффекты, приобретая больше внутренней свободы и независимости.

Это никак не вяжется со стремлением тоталитарного режима добиться единообразия мыслей и действий, чувств и эмоций всех граждан, вбить в них культ единопочитания и обожествления вождя»[265].

Безусловно, «Психология масс…», как и все остальные работы Фрейда, далеко не бесспорна и не свободна от недостатков, за что не раз подвергалась жесткой критике — подчас злопыхательской, но подчас и не безосновательной. Тем не менее она, вне сомнения, сыграла немалую роль в формировании современного мировоззрения, и ее уже невозможно вычеркнуть из истории.

Показательно, что в декабре 1921 года Фрейд был избран почетным членом Нидерландского общества психиатрии и неврологии — это и было то самое желанное признание солидности его заслуг, к которому он всю жизнь стремился.

* * *

Вскоре после написания «Психологии масс…» Фрейд приступает к другой своей фундаментальной работе — «„Я“ и „Оно“», в которой в значительной степени пересматривает свои прежние взгляды на структуру человеческой психики, а точнее, развивает и окончательно формулирует идеи о ее делении на сознательное, бессознательное и предсознательное.

Отталкиваясь от идей Георга Гроддека, Фрейд вводит в этом очерке понятие «Оно» (*Es, Id)*. Но если Гроддек вслед за Ницше употреблял это слово «для обозначения безличного и, так сказать, природно-необходимого в нашем существе»[266], то Фрейд обозначал им самую нижнюю, глубинную структуру психики, содержание которой абсолютно бессознательно. «Оно» содержит в себе безудержные сексуальные и агрессивные влечения, а также влечение к смерти и подчиняется «принципу удовольствия».

Одновременно вводится понятие «Я-идеал» (*Ichideal*), или «сверх-Я» (*Uber-Ich*), которое несет в себе моральные установки и идеалы человека, сформированные под влиянием родителей, которые являются для ребенка на раннем этапе его развития одновременно и вторым (после самого себя) сексуальным объектом и примером для подражания, своего рода высшими существами, едва ли не богами. По мере развития человека и вытеснения эдипова комплекса «сверх-Я» постоянно меняется, но

в основе его в любом случае лежит либидозное, сексуальное начало — и таким образом Фрейд сохраняет верность своей основной идее о том, что человек во всех, в том числе и самых высших его проявлениях — существо прежде всего сексуальное.

Наконец, между «сверх-Я» и «Оно» располагается «Я» (*Ich)* — сознательная часть личности, отвечающая за функцию восприятия внешнего мира и приспособления к нему и стремящаяся найти некий баланс между «Оно» и «сверх-Я», подчиняясь «принципу реальности».

«В своем отношении к „Оно“ оно („Я“. — *П. Л.)* похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня; разница в том, что всадник пытается это сделать собственными силами, а „Я“ — заимствованными, — пояснял Фрейд. — Если всадник не хочет расставаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда конь хочет; так и „Я“ превращает волю „Оно“ в действие, как будто это была его собственная воля»[267].

Продолжая эту аналогию, «сверх-Я» можно уподобить инструктору по конному спорту, который направляет всадника, указывает ему, как он должен обращаться с конем, и требует, чтобы тот не давал коню слишком большой воли.

Такая картина структуры психики позволяла объяснить противоречивую природу почти любой человеческой личности, в которой различные психические пласты находятся в вечном конфликте, и исход борьбы между ними и определяет в конечном итоге поведение человека и его психическое самочувствие. В случае если конфликты приобретают острый и непримиримый характер, это приводит к различным психиатрическим заболеваниям.

«Психоанализ постоянно упрекали в том, что он не озабочен высоким, моральным, сверхличным в человеке, — пишет Фрейд в заключительной части очерка. — Этот упрек был вдвойне несправедлив — и исторически, и методически: во-первых, потому что моральным и эстетическим тенденциям в „Я“ с самого начала был придан импульс к вытеснению; во-вторых, потому что никто не хотел понять, что психоаналитическое исследование не могло выступать в виде философской системы с законченным и готовым сводом научных положений, а должно было шаг за шагом пробивать себе дорогу к пониманию психических компликаций путем аналитического расчленения нормальных и анормальных феноменов… А теперь, когда мы осмеливаемся приступить к анализу „Я“, мы можем давать следующий ответ всем, кто был поколеблен в своем этическом сознании и жаловался, что ведь должно же быть в человеке высшее

существо! — мы отвечаем: конечно, и вот это и есть высшее существо — это „Идеал-Я“ или „Сверх-Я“ — репрезентация нашего отношения к родителям. Мы знали эти высшие существа, когда были маленькими детьми, мы ими восхищались и их боялись, а затем восприняли их в себя»[268].

«Таким образом, раздвоение и конфликтность между бессознательным и сознанием, „Оно“ и „Я“, дополняется в психоаналитической философии неоднозначностью самосознания, разноликостью „Сверх-Я“, в результате чего психоаналитически трактуемый человек действительно предстает в образе „несчастного“ существа, раздираемого множеством внутри-психических противоречий. Фрейд фиксирует двойственность бытия человека в мире, связанную с естественной и нравственной детерминацией его жизнедеятельности, и в этом плане делает шаг вперед по сравнению с крайностями антропологизма и социологизма, свойственными различным философским учениям аналитического толка. Однако в попытках объяснения этой двойственности он наталкивается на такие этические проблемы, психоаналитическая интерпретация которых приводит его к признанию своего рода изначальной греховности человеческого существа, мечущегося не столько между должным и сущим… сколько между желаниями и запретами, искушением их нарушить и страхом перед возможным наказанием»[269], — констатирует Валерий Лейбин.

Если вчитаться в эти слова, то становится понятно, что Фрейд опять пытается дать секулярную, материалистическую трактовку все той же библейской концепции первородного греха и еврейской мистики, согласно которой существуют три уровня души: «руах» (животная душа), «нефеш» (сознательная душа, отвечающая за разумные действия человека) и «нешама» (высшая форма души, формирующая духовную сферу личности).

Как видим, круг замыкается на всё тех же представлениях еврейского мировоззрения, верность которому Фрейд вольно или невольно (скорее, зачастую даже против своей воли) сохранял всю жизнь.

* * *

В целом 1922 год можно было назвать спокойным, рутинным и вместе с тем одним из самых счастливых в жизни Фрейда. Он по-прежнему сетовал в письмах на старость, но много работал, продолжая принимать пациентов шесть дней в неделю. В июне 1922 года он с легким оттенком кокетства писал Эрнесту Джонсу,

что «девять часов в день» скоро будет для него «слишком много», но при этом находил время (правда, и в самом деле всё меньше и меньше) не только для написания трудов, но и для занятия делами «комитета» и психоаналитического издательства «Верлаг».

Слава Фрейда росла. Его произведения издавались и переиздавались во всем мире — в Германии, Франции, Англии, США. В Москве вышел двухтомник «Лекций по введению в психоанализ». Дом на Берггассе превратился в место паломничества не только для жаждущих исцеления богатых невротиков, но и для выдающихся писателей, ученых, художников, актеров.

Когда в апреле 1922 года Лондонский университет вместе с Еврейским историческим обществом решил чествовать серией докладов «Пять самых великих еврейских философов», то имя Фрейда вошло в этот список вместе с именами Филона Александрийского, Маймонида, Баруха Спинозы и Альберта Эйнштейна.

И всё же в глубине души Фрейд и в самом деле чувствовал усталость и подумывал об уходе на покой. В нем вдруг с новой силой вспыхнуло постоянно подавляемое и вытесняемое желание жить еврейской жизнью, и не исключено, что в том году он впервые задумался о возможности стать сионистом и переехать в Палестину. Впрочем, он тут же отмел эту мысль, но сама тоска по такой возможности в нем осталась, о чем свидетельствует его полное грусти письмо Шандору Ференци, написанное в конце лета 1922 года:

«Что-то внутри меня восстает против стремления продолжать зарабатывать деньги, которых никогда не хватает, и работать теми же психологическими средствами, которые тридцать лет позволяли мне оставаться терпимым, несмотря на презрение к людям и этому отвратительному миру. Во мне возникают странные тайные желания — возможно, это наследие предков — жить на Востоке или Средиземноморье и вести совершенно другую жизнь: детские мечты, которые невозможны и не соответствуют реальности, как будто свидетельствуют о том, что моя связь с ней нарушена. Но вместо этого мы встретимся на земле здравомыслящего Берлина».

Состоявшийся с 25 по 27 сентября в «здравомыслящем Берлине» 7-й Международный психоаналитический конгресс стал, безусловно, главным событием года.

Как и ожидалось, Фрейду на нем воздавались почти королевские почести. К нему относились не просто как к классику и отцу-основателю, а как к небожителю, чей авторитет

непререкаем, а каждое слово, исходящее из его уст, гениально и подлежит лишь комментированию, но ни в коем случае не критике. А. Дёблин в своих воспоминаниях об этом форуме писал, что на конгрессе Фрейд с полным основанием мог бы сказать: «Психоанализ — это я!»

В сущности, все подобного рода конгрессы являются прежде всего дружеской тусовкой, на которой единомышленники стремятся не столько обменяться новыми идеями и обсудить их (для этого существуют книги, научные журналы и обычная почта), сколько просто поговорить «за жизнь» и наладить контакты. В этом смысле берлинский конгресс не был исключением, но он вошел в историю психоанализа как последний конгресс, на котором лично присутствовал Фрейд — на всех остальных отца-основателя первобытной орды психоаналитиков будет представлять его дочь Анна.

Конгресс собрал 258 делегатов из разных стран, но при этом среди них было меньше десятка американцев, включая Горация Фринка и Анжелику Бижур — и это при том, что в Штатах психоанализ по-настоящему процветал. Само отсутствие ведущих американских психоаналитиков на конгрессе было демонстрацией того, что они считают себя вполне самодостаточным движением и не нуждаются больше в ценных указаниях из Европы — даже если эти указания освящены авторитетом Фрейда.

Фрейд выступил на конгрессе с лекцией, содержащей наиболее важные фрагменты очерка «„Я“ и „Оно“», который был выпущен отдельной книгой в апреле 1923 года. К этому времени в личной жизни Фрейда уже произошло событие, означавшее новый крутой поворот его судьбы. Смерть, о которой он так любил рассуждать и которой, по сути, смертельно боялся, наконец лично постучала в дверь его квартиры на Берггассе. Правда, встать и открыть ей дверь Фрейд отнюдь не спешил.

Глава третья
ЧЕЛЮСТИ

В феврале 1923 года Фрейд заметил у себя на внутренней стороне челюсти справа от нёба новообразование — язвочку, которая при давлении вызывала боль. Уже тогда многие врачи отмечали высокую вероятность возникновения рака ротовой полости у заядлых курильщиков, а некоторые даже называли его «раком богачей», считая, что чаще всего он возникает у любителей сигар — удовольствия, которое мог позволить себе далеко не каждый. Фрейд, безусловно, относился к числу заядлых курильщиков.

«Я начал курить в двадцать четыре года, сначала сигареты, а вскоре — исключительно сигары; я курю еще и сегодня (в возрасте 72 лет) и с ужасом думаю об отказе от этого удовольствия… Я остаюсь верен этой привычке или этому пороку и полагаю, что обязан сигаре высокой трудоспособностью и лучшим самообладанием. Примером для меня в этом служит мой отец, который был великим курильщиком и оставался им до 81 года», — писал Фрейд в анкете, предназначенной для курильщиков.

В письмах Вильгельму Флиссу он не раз связывал пристрастие к курению с мастурбацией, а его личный врач Макс Шур писал, что курение помогало Фрейду поддерживать постоянную сублимацию — видимо, имея в виду, что творческая активность Фрейда и сигареты помогали ему сублимировать неудовлетворенность от сексуальной жизни с Мартой.

Как бы то ни было, Фрейд, повторим, безусловно, знал об опасности возникновения у него рака челюстно-ротовой полости. В 1916 году, когда у него опухли десны, в письме Ференци высказал предположение, что это может быть карцинома. Не исключено, что он заподозрил неладное и зимой 1923 года, но втайне надеялся, что и на этот раз всё обойдется. Когда же за несколько недель язва не только не пропала, но выросла и стала болезненнее, Фрейд решил для начала показаться дерматологу. Тот, осмотрев язву, выразил уверенность, что она доброкачественная, но посоветовал ее удалить.

Прошло еще несколько дней. Боль нарастала, подозрения Фрейда усилились, но он всё еще не спешил поделиться этой проблемой со своим личным врачом Феликсом Дейчем — возможно, потому, что боялся услышать смертельный приговор. Лишь когда Дейч вместе с другим врачом, Максимом Штайнером,

оказался на Берггассе в качестве гостя, Фрейд решился. Он отвел Дейча в сторону и сказал: «Вы сейчас увидите кое-что, что, возможно, вам не понравится…»

То, что Дейч увидел, ему и в самом деле не понравилось. У него не было сомнений, что перед ним — раковая опухоль, но говорить об этом пациенту, пусть даже и коллеге, он не решился. Напротив, сделав хорошую мину, Дейч заявил, что тоже не сомневается в доброкачественности опухоли, но тем не менее настаивает на срочной операции.

Поверил ли в это Фрейд? Единого мнения тут нет: одни биографы считают, что Фрейд с самого начала прекрасно знал правильный диагноз, но решил продолжить эту игру в кошки-мышки с коллегами. Другие утверждают, что Фрейд, конечно, догадывался о том, что у него рак, но сам до последнего не хотел в это верить.

Как бы то ни было, он договорился об операции с профессором государственной больницы Маркусом Гаеком — отнюдь не светилом, скорее, наоборот, считавшимся среди коллег весьма посредственным хирургом.

20 апреля 1923 года, ничего не сказав семье, Фрейд отправился в больницу на операцию, искренне веря, что вскоре после операции, проходившей под местным наркозом, ему разрешат вернуться домой. Возможно, в этом поступке был своеобразный вызов домочадцам: ему нравилось чувствовать себя несчастным, брошенным на старости лет на произвол судьбы — как в свое время нравилось ощущать враждебность «всех врачей Вены».

Однако после операции у него открылось сильное кровотечение, и Фрейду заявили, что ему придется остаться в больнице. Только после этого он попросил послать его родным телефонограмму с сообщением о том, что с ним произошло и просьбой привезти чистое белье. Вскоре Марта и Анна примчались в больницу и пришли в ужас, увидев Фрейда сидящим на стуле в забрызганной кровью одежде.

Вечером, следуя требованиям больничного режима, жене и дочери Фрейда пришлось уйти, а Фрейд остался в палате, где уже был один пациент — карлик-имбецил, которому суждено было войти в историю. Ночью у Фрейда снова началось обильное кровотечение. Он сумел дотянуться до звонка, но тот не работал, и тогда карлик опрометью бросился из палаты, чтобы позвать на помощь врача, и таким образом спас Фрейду жизнь.

Узнав о том, что произошло, Анна на следующий день наотрез отказалась уходить и провела ночь у постели отца. Ночь оказалась тяжелой — несмотря на большие дозы наркотиков,

Фрейд сильно страдал, его состояние ухудшилось, но когда Анна попыталась вызвать в палату врача, тот отказался прийти. А на следующее утро в палату ввалилась целая толпа студентов — профессор Гаек привел их, чтобы продемонстрировать «случай Фрейда». Отцу психоанализа оставалось лишь беспомощно наблюдать, как студенты перешептываются, обсуждая перенесенную им операцию.

Было ли это, как предполагает Макс Шур, своеобразной местью Гаека своему всемирно известному коллеге за то, что тот вот так же бесцеремонно копался в интимной жизни других людей? Или речь шла об обычной для многих медиков бестактности? Ответа на эти вопросы нет ни у кого.

Анализ опухоли подтвердил ее раковый характер, и Фрейду прописали радиотерапию. В сущности, этого было достаточно для того, чтобы он догадался о подлинном диагнозе, но игра в кошки-мышки продолжилась.

19 июня 1923 года, когда Фрейд еще не пришел окончательно в себя после операции, его ждал новый страшный удар: от туберкулеза скончался его любимый внук Гайнц. Во всех воспоминаниях говорится, что Фрейд не просто тяжело переживал смерть мальчика: впервые в жизни его видели плачущим и не способным так долго успокоиться.

Летом, как обычно, семья Фрейд уехала на отдых в Альпы. Когда Фрейды были в гостинице «Дю Лак» в Лавароне, на самой границе между Австрией и Италией, в этот же горный район неожиданно приехали и все члены «комитета», внутри которого уже вовсю кипели конфликты. Не исключено, что они надеялись собрать в Лавароне совещание с участием Фрейда, но тот дал понять, что он, увы, не в том состоянии, когда проводят заседания.

Тем временем в отеле «Дю Лак» неожиданно появился и доктор Дейч. Он не сказал всей правды об обнаруженных метастазах, но и того, что он сказал, было достаточно: первая операция оказалась неудачной, следует срочно провести вторую.

На этот раз было решено доверить проведение операции профессору Гансу Пихлеру — одному из лучших на тот момент европейских хирургов, специализировавшихся на операциях челюстно-ротовой полости.

В тот же день Дейч рассказал правду о диагнозе Фрейда членам «комитета», и те пообещали хранить тайну. При этом Дейч выразил надежду, что если вторая операция пройдет удачно, то рак будет развиваться медленно и Фрейд проживет еще долго. Так в общем-то всё и получилось.

Но, к примеру, Макс Шур убежден, что Фрейд тогда решил,

что жить ему остается всего несколько месяцев. Будучи втайне уверенным в мистике чисел, он вновь вспомнил, что в свое время в письме Флиссу заявил, что в книге «Толкование сновидений» имеется 2467 ошибок. Тогда, как помнит читатель, он объяснил с точки зрения психоанализа, что это вроде бы случайно названное им число было отнюдь не случайным, а отражало игру его бессознательного. Теперь же он решил, что с того момента, когда он назвал это число, прошло 24 года и оно означало, что спустя 24 года, когда ему исполнится 67 лет, ему суждено умереть.

Перед операцией, исход которой оставался неизвестен, он решил поехать с Анной в Рим — город, который так много для него значил и в котором Анна еще не была. Они провели в Риме несколько недель, в течение которых Фрейд старался продемонстрировать дочери, что он прекрасно себя чувствует и совершенно счастлив. Но еще до приезда в Рим, за завтраком в поезде, Фрейд надкусил горбушку хлеба и изо рта у него брызнула кровь.

Сразу по окончании отпуска Фрейда стали готовить к операции, и врачи, наконец, официально сказали ему ту правду, которую он и без того знал. Пихлер готовился к операции необычайно серьезно и незадолго до нее провел репетицию на трупе. При этом Фрейд потребовал, чтобы профессор Пихлер получил за операцию тот же гонорар, что и во всех прочих случаях, не делая Фрейду скидки как коллеге — он был убежден, что труд врача должен достойно оплачиваться.

Пихлер провел операцию Фрейду в два этапа, 4 и 12 октября 1923 года, удалив бóльшую часть правой челюстной кости, значительную часть нижней челюстной кости, слизистой оболочки щеки и языка. После этого Пихлер пересадил часть кожи на челюсти и установил временный протез.

Даже сегодня эта операция выглядит чрезвычайно сложной, а для 1923 года она, вне сомнения, была верхом хирургического искусства. Однако спустя несколько недель исследование показало, что метастазы остались, и 12 ноября Фрейду была сделана новая операция, во время которой было проведено еще более широкое удаление нижней челюстной кости и мягкого нёба.

Так началась битва Фрейда со смертью, которая длилась без малого 16 лет. Чтобы не пересказывать вновь уже многократно пересказанные в различных изданиях подробности этой битвы, автор позволит себе пространную цитату из книги Роже Дадуна, который, в свою очередь, цитирует других авторов:

«Встала проблема изготовления протеза, который закрывал бы удаленные в результате операции участки, но в то же время не

ранил ткани. Это стало для Фрейда бесконечной голгофой; дополнительные сложности возникали из-за появления и развития предраковых тканей, лейкоплакий, которые необходимо было лечить „путем хирургического вмешательства, одну за другой, либо путем вырезания, либо электрокоагуляцией, либо с применением обоих методов“. Фрейд перенес более тридцати (точнее, 33. — *П. Л.)* вмешательств такого рода.

Шур отмечает также, что Фрейд „перенес и операцию другого сорта“. Речь идет о так называемой „операции омоложения Стейнаха“. На основании работ эндокринолога Стейнаха полагали, что гипертрофия промежуточных клеток мужских яичек, вырабатывающих мужские гормоны, которая достигалась путем перевязки спермовыводящих каналов, может вызвать „омоложение“ субъекта и затормозить развитие рака, поскольку последний считали результатом процесса старения. По собственной инициативе, пишет Шур, Фрейд решил подвергнуться этой „незначительной операции“ 17 ноября 1923 года.

Приводимое Шуром количество перенесенных Фрейдом вмешательств разного рода — удаления предраковых или раковых тканей, электрокоагуляции, пересадки, подгонки протезов и т. п. — свидетельствует о железной воле больного в противостоянии болезни, в желании высоко держать голову, чего бы это ни стоило, перед лицом „агента смерти“, поселившегося в его плоти. Вот цифры, упоминаемые Шуром: 16 визитов к Пихлеру в 1923 году, 84 в 1924, 69 в 1925, 48 в 1926, 77 в 1927, а к 15 июня 1928 года Фрейд совершил уже 49 визитов и сменил пять протезов. Несколько месяцев спустя Шур был приглашен в качестве личного врача. В это время Фрейд отправляется в Берлин, чтобы попробовать новый протез, изготовленный Шредером, который, после различных улучшений, оказался наиболее удобен. Друг Шура дантист Йозеф Вейнманн лично занимался регулированием и содержанием протеза; он посоветовал для успокоения болей местное применение ортоформа, производного новокаина, — благодаря этому, как замечает Шур, Фрейд вновь встретился со своим старым „другом“ — кокаином! В ноябре 1929 года Шур обнаруживает подозрительную зону во рту, но Пихлеру удается установить, что это — разрастание слизистой оболочки носа, покрывающее иссеченную шрамами ткань. В октябре 1930 года быстро увеличивающаяся лейкоплакия вызвала необходимость операции; вновь Пихлер оперирует в апреле 1931 года, на этот раз удаление оказалось чрезвычайно болезненным. В 1932 году, как Шур устанавливает по записям Пихлера, было 92 консультации, из них

5 операций.

В 1933 году Фрейд страдает от жестоких головокружений; во время одного из осмотров Шур спешит к жене, ждущей ребенка, который должен был родиться уже несколько дней назад, и Фрейд замечает: „Вы оставляете человека, который пока что не хочет умирать, чтобы идти к ребенку, который никак не хочет родиться“. В течение лета развиваются симптомы ангины; рана во рту, покрытая корками, заставляет Фрейда сильно страдать; его лечат электрокоагуляциями и коротковолновым излучением.

В 1934 году приходится прибегнуть к лечению Х-лучами и радием, но год проходит без операций; Фрейду регулярно делают инъекции мужских гормонов.

В 1935 году состоялось несколько хирургических вмешательств; корки и кератостические образования до операции лечили прижиганиями трихлорацетатной кислотой.

В июле 1936 года, когда Фрейд только что отметил свой восьмидесятилетний юбилей, Шур замечает появление неприятного новообразования; Пихлер, вызванный для консультации, на месте проводит операцию, и анализ показывает, что это была новая раковая опухоль. Полагая, что резекция была недостаточной, Пихлер вновь осуществляет вмешательство четыре дня спустя под общим наркозом: „Необходимо было удалить другую часть расположенной ниже кости и полностью коагулировать окружающую ткань“. Новая операция проведена в декабре 1936 года, но анестезия оказалась слишком слабой. Фрейд в течение часа испытывал невыносимые страдания и лишь в конце этой пытки произнес единственную фразу: „Я больше не могу“.

После относительной передышки в 1937 году, начало 1938-го отмечено страшными болями; язва быстро превращалась в злокачественную опухоль. Пихлер оперирует в чрезвычайно сложных условиях, „вследствие того, что опухоль была заключена среди плотной зарубцевавшейся ткани“, к тому же „повреждения опасно приблизились к основанию глазной впадины“. После отъезда Фрейда в Лондон 4 июня Шур, вынужденный остаться в Вене для срочной операции („резкого флегмонозного аппендицита“), догоняет его несколько дней спустя. Поскольку за ним следило гестапо, малейшая задержка могла оказаться роковой. В сентябре в Лондоне Шур отмечает быстрое разрастание подозрительных тканей и просит Пихлера срочно приехать.

Прибыв в Лондон 7 сентября, Пихлер на следующий день проводит операцию в Лондонской клинике. Вмешательство оказалось очень важным, о чем свидетельствует приводимая

Шуром запись Пихлера: „Надрез губы и продолжение надреза вдоль носа, чтобы обеспечить хороший доступ. Затем удаление опухоли щеки (диатермия) и, наконец, всей патогенной ткани сзади и выше ramus ascendens. Удаление крупных участков очень плотной и упругой ткани…“

Несмотря на крайнюю усталость, Фрейд благополучно оправился от этой тяжелой операции, и Шур уточняет, что в октябре и ноябре у него „не было даже насморка, в отличие от обыкновения“. Вследствие некроза кости врачи выжидали отторжения омертвевшего участка, который освободил бы болезненную зону; по этому поводу Фрейд пошутил в письме Эйтингону от 19 декабря: „Я, как голодный пес, жду обещанной кости“. 28 декабря Шуру удается извлечь „достаточно крупный омертвевший участок кости“.

В середине января 1939 года появляется новая опухоль; Шур диагностирует эпителиому, расположенную вблизи глазной впадины, которой невозможно достигнуть. Проведены консультации со светилами медицины, в том числе знаменитым хирургом Вилфридом Троттером и профессором Лакассанем из Института Кюри; всякое хирургическое вмешательство исключается, и лечение проводится Х-лучами. В письме Арнольду Цвейгу от 5 марта Фрейд так описывает ситуацию: „Нет сомнения, что речь идет об атаке на мою плоть старой раковой опухоли, с которой я делю существование уже шестнадцать лет“.

Радиотерапия, прекратив боли, приносит некоторую надежду, но ненадолго; в августе, вернувшись из Соединенных Штатов, Шур констатирует „развитие раковых тканей, сопровождающееся изъязвлением. Кожа щеки всё больше обесцвечивалась, свидетельствуя о развитии кожного некроза. Зловонный запах становился всё более невыносимым, и никакая гигиена полости рта не могла его ослабить“. Затем „началась гангрена кожи щеки и образовалось отверстие, обнажившее рак“. Фрейд испытывает всё большие боли при приеме пищи, ужасно проводит ночи и даже не может больше читать.

Шур приводит волнующие детали; „Последней книгой, которую он прочел, была „Шагреневая кожа“ Бальзака. Когда он закончил чтение, то заявил мне в особом тоне: „Это именно та книга, которая была мне нужна; в ней говорится о сжимании и смерти от истощения“.

Шур отмечает, что тема сжимающейся кожи является отголоском письма Фрейда 1896 года, в котором он говорит о своем умирающем отце такими словами: „Он… постоянно ссыхался, до самой… роковой даты“. Как не вспомнить мысль, приводимую Вильгельмом Рейхом в книге „Биопатия рака“, где

болезнь представляется результатом процесса „сжимания“, „сморщивания“, зависящего от сексуальной экономии субъекта, главным образом, от явлений „оргастического бессилия“ и“ полового застоя».

21 сентября, когда Шур находится в изголовье больного, Фрейд берет его руку и говорит ему: «Мой дорогой Шур, вы помните нашу первую беседу? Вы обещали мне не оставить меня, когда придет мое время. Теперь всё это лишь пытка и больше не имеет смысла».

По просьбе Фрейда о его желании сообщают Анне. Шур делает первую подкожную инъекцию двух сантиграммов морфия и повторяет ее через двенадцать часов. «Он вошел в состояние комы и больше не проснулся».

Это произошло 23 сентября 1939 года.

Чтобы читатель окончательно понял, каким человеком был Фрейд, скажем, что 2 января 1924 года (меньше чем через два месяца после тяжелейшей операции) он снова приступил к работе, то есть начал принимать пациентов. Впрочем, нельзя сказать, что он вообще оставлял работу больше чем на неделю: даже в период операций он продолжал писать и закончил статью «Невроз и психоз», которая была опубликована в январе 1924 года в «Международном журнале психоанализа».

И, само собой, вскоре после операции Фрейд снова начал курить, разжимая губы прищепкой, чтобы вставить между ними сигару. Работа и сигары помогали ему отвлечься от боли и сосредоточиться на том, что он считал главным в жизни — развитии теории психоанализа.

Были в 1923 году и другие приятные события в жизни Фрейда. В феврале, как раз в те дни, когда он обнаружил у себя во рту опухоль, он неожиданно получил очень теплое письмо от великого писателя Ромена Роллана с благодарностью за его отклик на статью «Над схваткой».

«Словно дуновение весны, коснулось меня недавно очаровательное письмо Ромена Роллана, который, в частности, рассказывает, что уже 20 лет интересуется анализом», — писал Фрейд 4 марта 1923 года Карлу Абрахаму.

Разумеется, он поспешил ответить Роллану в тот же день.

«До конца жизни останется для меня радостным воспоминанием, что я смог обменяться с Вами приветствием. Ведь Ваше имя соединяется для нас с прекраснейшими из всех великолепных иллюзий о распространении любви на всё человечество.

Однако я принадлежу к расе, на которую в средние века возлагали ответственность за все страдания народов и которая

ныне должна нести вину за развал империи в Австрии и поражение в войне Германии. Подобный опыт действует отрезвляюще и лишает склонности верить в иллюзии. К тому же я и в самом деле большую часть своего жизненного труда (а я на десять лет Вас старше) обратил на то, чтобы уничтожить собственные иллюзии и иллюзии человечества. Но если эта единственная мечта хотя бы отчасти не сбудется, если мы в ходе прогресса не научимся отклонять свои разрушительные побуждения от себе подобных, если мы и впредь будем ненавидеть друг друга из-за небольших различий и истреблять ради ничтожной корысти, если огромные достижения в овладении природными силами мы вновь и вновь будем применять к взаимному уничтожению, какое будущее ожидает нас? Нам ведь и так уже нелегко дается продолжение своего рода в конфликте между нашей природой и требованиями, которые налагает культура.

Мои книги не могут быть тем, чем являются Ваши, — утешением и целительным елеем для читателей. Но если бы я мог поверить, что они пробудили Ваш интерес, я бы позволил себе отослать Вам небольшую книгу, которая, без сомнения, остается пока Вам незнакомой: опубликованную в 1921 году „Психологию масс и анализ Я“. Не то чтобы я считал это произведение особенно удачным, но оно прокладывает путь от анализа индивида к пониманию общества», — писал Фрейд в этом письме.

Так началась дружба двух гениев, которая не прекращалась до последнего дня жизни Фрейда.

* * *

В январе 1924 года Фрейд закончил начатую в предыдущем месяце статью «Экономическая проблема мазохизма» и почти тут же приступил к написанию полемического очерка «Угасание Эдипова комплекса».

Такая срочность объяснялась чрезвычайными обстоятельствами: незадолго до этого вышла книга Отто Ранка «Травма рождения», содержавшая ревизию ряда базовых принципов психоанализа и утверждавшая, что этиология большей части неврозов кроется в том шоке, который испытывает младенец при появлении на свет, и в его вечном стремлении возвратиться в «потерянный рай» — в матку матери. Нетрудно заметить, что в основе этой концепции опять-таки лежала давняя идея Фрейда, но крайне гипертрофированная. Исходя из этого, Ранк делал вывод, что для избавления человека от

первоначальной родовой травмы вполне достаточно двух месяцев психоанализа.

В работе «Угасание Эдипова комплекса» Фрейд подверг Ранка резкой критике, но решил не спешить с ее публикацией в надежде, что Ранк одумается или скорректирует свои взгляды, объяснив, что родовая травма отнюдь не посягает ни на концепцию либидо, ни на теорию развития детской сексуальности и т. д.

Однако Ранк явно не собирался в чем-либо каяться. Напротив, он отправился в Штаты, собрал психоаналитиков, с которыми во время их пребывания в Вене познакомил Фрейд, и стал проводить их психоанализ и читать лекции, пропагандирующие его точку зрения на шок рождения. По возвращении в Европу он заявил, что спас психоанализ в Америке, а возможно, и «жизнь всего международного движения».

Фрейд всё еще ждал покаяния от того, кто совсем недавно считался одним из самых верных и преданных его учеников, но наконец констатировал, что Ранк слишком увлекся зарабатыванием долларов; что у него развился психоневроз, и дал указание опубликовать статью «Угасание Эдипова комплекса» в июне 1924 года.

В мае 1924 года Стефан Цвейг сделал Фрейду на день рождения замечательный подарок: привел к нему в гости Ромена Роллана — дружба по переписке наконец переросла в личное знакомство.

Распространившиеся слухи о болезни Фрейда и его возможной близкой кончине вообще привели к тому, что многие стали спешить воздать ему «заслуженные почести».

В этом году же началось издание академического «Собрания сочинений Зигмунда Фрейда», каждый том которого он тщательно прорабатывал, снабжая дополнениями и примечаниями, в том числе и приоткрывая некие свои тайны — например, к очерку о Катарине он сделал примечание, что на самом деле ее пытался совратить не дядя, а отец.

Тогда же Венский городской совет присвоил Фрейду звание почетного гражданина Вены.

На фоне всех этих событий появляется и почти мгновенно становится бестселлером многократно цитировавшаяся здесь книга Фрица Виттельса «Фрейд: Его личность, учение и школа». Автору этой книги кажется, что и по сей день этот небольшой, но очень емкий очерк является одной из лучших работ о Фрейде. Фрейд предстает с ее страниц живой, противоречивой личностью — со своими недостатками, подчас отрицательными чертами характера, но, вне сомнения, одним из величайших гениев своего

времени, открывшим людям про них самих то, чего они сами до этого не знали, и таким образом совершившим переворот в их сознании и образе мышления. Кроме того, Виттельс лучше многих понимал идеи Фрейда и обладал мощным даром их популяризатора. В предисловии он подчеркивает главное достоинство своей книги: «Благодаря тому, что я нахожусь в отдалении, на меня не падает тень могучей личности. Я — не загипнотизированный, поддакивающий последователь, каких у Фрейда более чем достаточно, но критически мыслящий свидетель»[270].

Тем не менее, прочитав книгу Виттельса, Фрейд счел ее едва ли не карикатурой и пришел в неистовство. В связи с этим предложение написать автобиографию для серии «Биографии врачей» пришлось как нельзя кстати, и Фрейд засел за «Автобиографическое исследование».

Тогда же в Зальцбурге состоялся 8-й Международный психоаналитический конгресс, от участия в котором Фрейд решил воздержаться, так как не чувствовал себя в достаточно хорошей форме, чтобы появиться перед сколько-нибудь большой аудиторией. Анна тоже не смогла поехать на конгресс из-за гриппа и провела эти дни рядом с отцом.

Отношения Фрейда с дочерью в этот период стали особенно близкими: после операции Анна окончательно решила, что останется с отцом до конца, и выбрала судьбу… Нет, не старой девы, а верховной жрицы в Храме Фрейда. Она стала для отца всем — сиделкой, секретарем, чрезвычайной и полномочной его представительницей на всех собраниях психоаналитиков, хранительницей его наследия и самой верной и одной из самых талантливых его учениц, развивавших идеи отца в ортодоксальном русле в области детской психологии.

Видимо, не случайно в 1924 году Фрейд повторно проводит психоанализ Анны — процедуру, которую, повторим, иначе чем духовным инцестом не назовешь. Анна делилась с отцом своими «неприличными» фантазиями, рассказывала, как в детстве мечтала, чтобы он ее побил, — хотя, вероятнее всего, сами эти фантазии родились на основе чтения трудов отца о детской эротике и садомазохистских устремлениях ребенка.

Фрейд время от времени выражал обеспокоенность тем, что Анна «все еще дома», но, по сути дела, сам отвадил всех ее потенциальных женихов — сначала того же Эрнеста Джонса, потом смешного, неуклюжего, но талантливого молодого врача Ганса Лямпля; далее психоаналитика Зигфрида Бернфельда, затем внезапно увлекшегося Анной Макса Эйтингона и, наконец, ее кузена Эдварда Бёрнейса.

Каждый из этих мужчин был неординарной личностью, вполне способной завоевать такую тонкую, интеллектуальную девушку, какой была Анна, но в итоге она оставалась со всеми «хорошими друзьями». Возможно, дело было в том, что всё же ни один из них в ее глазах не мог сравниться с отцом. Само же поведение Фрейда объяснялось тем, что Анна из всех дочерей больше других напоминала ему Марту в те самые дни, когда он был пылко влюблен в жену, и рядом с дочерью он чувствовал, что время словно повернулось вспять, и это придавало ему силы.

А может, как бы невольно мешая Анне создать собственную семью, он бессознательно мстил младшей дочери за то, что она стала немалой помехой его сексуальной жизни с Мартой — самое ее зачатие было следствием нежелания Марты предохраняться или попробовать иные способы сексуальной близости, а после рождения Анны сексуальная жизнь супругов стала, по многим признакам, вообще скудной и нерегулярной.

В 1924 году Анне было около тридцати лет, и с учетом того, что она оставалась незамужней, ее выбор посвятить себя отцу уже не казался таким противоестественным. А сам Фрейд, между тем, стремительно приближался к своему семидесятилетию.

Глава четвертая
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

1925 год стал для Фрейда одновременно годом и потерь, и обретений.

В июне этого года умер Йозеф Брейер — сначала старший друг и наставник, затем соратник и соавтор, вместе с которым Фрейд работал над случаем Берты Паппенгейм, сделав первые шаги к своему открытию о роли сексуальности и бессознательного в психике. Но всё это было в далеком прошлом, а последние три десятилетия Брейер был для Фрейда не то чтобы врагом, а скорее, человеком, с которым не хотелось общаться — вплоть до чувства физического отвращения. Вне сомнения, это было связано с тем, что «сверх-Я» Фрейда постоянно пыталось напомнить ему, скольким он обязан Брейеру — и в материальном, и в духовном смысле. Фрейд вернул этот долг, обессмертив имя Брейера, назвав его в целом ряде работ в качестве если не основоположника, то предтечи психоанализа. И каким бы блестящим врачом и исследователем ни был Йозеф Брейер, мы помним о нем сегодня исключительно благодаря книгам Фрейда.

На смерть Брейера Фрейд откликнулся пространным и прочувствованным некрологом, в котором воздавал должное покойному и как бы просил прощения за свое «амбивалентное» отношение к нему. Впрочем, текст этот был слишком высокопарен для того, чтобы быть до конца искренним[271].

Второй по-настоящему горькой потерей для Фрейда стала внезапная и явно преждевременная смерть Карла Абрахама — верного и талантливого ученика. Абрахам скончался 25 декабря 1925 года в возрасте сорока восьми лет. Не уйди он так рано, возможно, именно он стал бы соперником Эрнеста Джонса в праве написания официальной биографии Фрейда. Но перед смертью Абрахам, может быть сам того не желая, нанес учителю мелкий, но болезненный укол — в поисках врача, который помог бы ему излечиться от болезни легких, Абрахам обратился к Вильгельму Флиссу, имя которого вызывало у Фрейда такую же гримасу отвращения, как и имя Брейера. И не просто обратился, а сообщил в письме Фрейду, что Флисс произвел на него большое впечатление, а течение его болезни «поразительным образом подтверждает» теорию Флисса о биоритмах.

Но вместе с тем в 1925 году в доме Фрейда появляется множество новых лиц. К их числу, к примеру, следует отнести

Дороти Берлингем, оставившую мужа и вместе с четырьмя детьми переехавшую из Нью-Йорка в Вену, чтобы пройти психоанализ у Фрейда. В итоге Дороти стала неразлучна с Фрейдами. Она сняла квартиру в том же доме и провела специальную телефонную линию, связывающую ее с Анной и Фрейдом. Позже возникли слухи о якобы имевшей место лесбийской любви Анны и Дороти, но вряд ли они имеют под собой какую-то реальную почву: Анна в конце концов стала такой, какой ее хотел видеть Фрейд в 1914 году, — «совершенно асексуальной».

Чуть позже такими же членами семьи Фрейд стали Ева Розенфельд и ее дети. Ева работала с трудными детьми и стала близкой подругой Анны.

Но самое главное: именно в 1925 году в доме Фрейдов появилась их будущий ангел-хранитель принцесса Мари Бонапарт — правнучка брата Наполеона Люсьена Бонапарта и жена принца Георга Корфского. История взаимоотношений Мари Бонапарт и Фрейда легла в основу вышедшего в 2004 году фильма Бенуа Жако «Принцесса Мария» с Катрин Денёв в главной роли, который, безусловно, рекомендуется для просмотра всем поклонникам Фрейда.

Правда, следует помнить, что речь идет не о документальном, а о художественном фильме, содержащем массу анахронизмов, неточностей и ошибок — иногда явно намеренных. Но в целом фильм Жако верно отражает характер их отношений. Богатая, успешная, имевшая множество любовников и вместе с тем страдавшая фригидностью и истерическим неврозом Мари Бонапарт появилась на Берггассе внезапно, и не столько попросила, сколько потребовала, чтобы Фрейд лечил ее. Уже после первых встреч она ощутила эффект переноса и попыталась признаться Фрейду в любви. Поверяя Фрейду свои тайны, она требовала порой от него ответной искренности и живо интересовалась его сексуальной жизнью.

— Наверняка у вас было сверхнормальное сексуальное развитие, — заметила она как-то в разговоре.

— Об этом, — ответил Фрейд, — вы ничего не узнаете. Возможно, не такое уж «сверх».

Когда принцесса позволила себе сравнить Фрейда с Эйнштейном и Луи Пастером, это, безусловно, польстило ему, но он отверг этот взгляд на себя как на академического ученого, предпочтя ему свой любимый образ конкистадора-авантюриста, прорывающегося в поисках славы и богатства в новые, неизведанные земли и покоряя их. Таким образом, и в 69 лет Фрейд оставался романтиком, искателем научных приключений и неутомимым сочинителем «научных сказок», которые тем не

менее содержали в себе достаточную долю истины, чтобы заставить каждого примерять их на себя.

Очень скоро Мари Бонапарт стала своим человеком в доме Фрейдов и имела возможность наблюдать за отношениями своего кумира с домочадцами. Поговорив с Мартой, принцесса была шокирована тем, что та, будучи супругой столь великого человека, не только никогда не чувствовала себя его соратницей, но и старалась как можно дальше держаться от его работы, казавшейся ей неприличной.

— Моя жена — самая обыкновенная мещанка! — констатировал Фрейд, когда принцесса пересказала ему этот разговор.

Но вскоре после этого он признался ей, что и сам является, по сути, мещанином и никогда не потерпел бы, если бы его дочери позволили себе ту сексуальную свободу, которую он сам проповедовал в ряде своих работ.

Это была чистая правда: конкистадор и мещанин на протяжении всей жизни мирно уживались в его душе, а если и ссорились, то крайне редко. Поэтому, возвращаясь к вопросу о сексуальной жизни Фрейда, можно сказать только одно: мы и в самом деле знаем о ней крайне мало, и все утверждения о том, что он якобы был любовником ряда своих пациенток и свояченицы Минны — не более чем никак не доказанные домыслы. Вероятнее всего, конкистадор в душе Фрейда и в самом деле мысленно завоевывал всех этих женщин, изменял с ними жене, причем заставляя их в этих мечтах выполнять свои самые изощренные сексуальные фантазии. Однако сидевший в нем мещанин останавливал его едва ли не на самом краю пропасти — и измена Марте так и оставалась только мысленной.

Именно поэтому все известные нам отношения Фрейда с женщинами носили характер интеллектуального романа — духовная близость в них не перерастала в физическую. Таким был «роман» с Лу Андреас-Саломе. Такими стали и взаимоотношения Фрейда с Мари Бонапарт.

Для истории существенно, что Мари Бонапарт стала не только пациенткой, но и ученицей Фрейда, одной из самых значительных фигур в истории психоанализа XX века.

В этом качестве она перевела на французский язык целый ряд трудов Фрейда, учредила в 1926 году Парижское психоаналитическое общество, а в 1927 году стала издавать первый во Франции психоаналитический журнал. Благодаря ее усилиям Париж в течение короткого времени превратился в один из центров психоаналитической мысли и остается таковым до сих пор. Да и сами работы Мари Бонапарт по психоанализу

представляют собой отнюдь не только исторический интерес — и прежде всего, разумеется, ее книга об Эдгаре По.

Наконец, Мари Бонапарт считается основателем традиции «прерванного психоанализа», при котором пациент живет в другой стране, но регулярно приезжает к своему аналитику на несколько недель.

В сентябре 1925 года в Гамбурге состоялся 9-й Международный психоаналитический конгресс. Фрейд на него не прибыл, но вольно или невольно конгресс прошел под знаком конфликта между Фрейдом и Отто Ранком.

В том же году Фрейд вместе с Альбертом Эйнштейном и Мартином Бубером оказывается в списке учредителей Еврейского университета в Иерусалиме. В своей речи по поводу основания университета лорд Артур Бальфур сказал, что хотел бы отдать дань трем людям, которые, по его мнению, наибольшим образом повлияли на современную мысль, при этом все трое — евреи: Бергсон, Эйнштейн и Фрейд.

Вместе с тем Фрейд вежливо, но твердо отклонил предложение попечительского совета Иерусалимского университета последовать примеру Эйнштейна и завещать университету свой архив: Фрейд считал, что если его рукописи и в самом деле имеют коммерческую ценность, то деньги за них должны достаться его семье. Конкистадор в этом вопросе попросту уступил мещанину.

Но при этом мещанин был явно доволен пришедшей наконец мировой славой. В письме кузену Сэму, датированном концом 1925 года, Фрейд с гордостью отмечает, что его «считают знаменитостью», «евреи во всем мире похваляются моим именем, упоминая меня наряду с Эйнштейном. В конце концов, мне не на что жаловаться».

В самом деле, жаловаться он мог разве что на неумолимо подступающую старость.

* * *

Об образе жизни и облике Фрейда в период второй половины 1920-х и начала 1930-х годов известно много — по той простой причине, что многие из его пациентов этого периода впоследствии решили поделиться своими воспоминаниями о том, как они проходили психоанализ у самого отца-основателя этого метода, и о своем общении с Фрейдом за пределами его кабинета. Некоторые журналисты проникали на Бергтассе из чистого любопытства, прикидывались страдающими неврозами

пациентами, чтобы затем, после нескольких сеансов психоанализа, написать очерк, в котором порой выставляли Фрейда в откровенно карикатурном свете. Это было тем более просто, что Фрейд уже был не тем, что год или два назад.

Блестящие операции доктора Пихлера привели к тому, что рак, кажется, отступил, хотя золотой протез и продолжал причинять ему крайние неудобства. И всё же Фрейд старел буквально на глазах, и никакие гормональные операции были не в состоянии остановить этот процесс. Это было заметно и по снижению его творческой активности, и по случавшимся всё чаще приступам стенокардии, и во всё больше проявлявшихся признаках старости. Его походка уже не была такой энергичной, он стал меньше уделять внимания своей внешности и одежде, хотя, конечно, благодаря постоянным усилиям Марты, Анны и Минны всегда выглядел весьма аккуратно.

В самом его поведении появилась свойственная старикам педантичность, повышенное внимание к незначительным мелочам вроде того, как лежат бумага и карандаши на его письменном столе, — короче, всё то, что он сам счел бы симптомами навязчивого невроза. Кроме того, по мнению некоторых, Фрейд в этот период стал излишне многословен.

Вместе с тем он по-прежнему оставался отцом своей «первобытной орды». Та же Мари Бонапарт была далеко не единственной яркой женщиной из входивших в ближайшее окружение Фрейда и боровшихся между собой за его внимание.

«Вне всякого сомнения, эта одаренная женщина, которую профессор называет „наша принцесса“, будит у меня живейший интерес и даже зависть… — писала в те дни о Мари Бонапарт другая известная пациентка Фрейда, поэтесса Хильда Дулитл. — Я не могу с ней соперничать, и сознательно у меня нет никакого желания делать это, но подсознательно мне очень хочется быть такой же значительной персоной и иметь те же возможности и ту же власть, чтобы оберегать профессора и делать ему добро».

Но Мари Бонапарт сама ревновала Фрейда к Лу Андреас-Саломе, а тот, судя по всему, умел делать всё, чтобы каждая из его обожательниц почувствовала себя наиболее близкой к нему персоной. Так, в разговоре с принцессой он обронил, что у Саломе «нет ни вашего мужества, ни вашего чистосердечия, ни ваших манер», хотя Саломе при этом продолжал расточать комплименты, да и в беседах с мужчинами подчеркивал, что «нельзя не признать» ее превосходства над другими женщинами и ее «врожденное благородство манер и поведения».

Лукавил ли Фрейд, выдавая все эти противоречивые высказывания, и если лукавил, то когда? Думается, во всех

случаях он говорил правду. Как истинный «духовный» донжуан он любил всех своих дам, а как «духовный» отец «первобытной орды» стремился опекать всех своих «самок».

Интерес к психоанализу в середине 1920-х годов во всем мире продолжал нарастать, однако, говоря языком самого Фрейда, он носил амбивалентный характер.

В советской России шли ожесточенные споры о том, насколько фрейдизм сочетается или вписывается в марксистскую философию, и по этому поводу с пеной у рта высказывались самые различные, порой прямо противоположные точки зрения. Одни исследователи настаивали на том, что фрейдизм, по сути дела, подтверждает основные положения диалектического материализма и дает его психологическое обоснование именно с позиций марксизма-ленинизма. Другие, наоборот, доказывали, что теория Фрейда не только не имеет ничего общего с основными положениями марксистской философии, но и противостоит ей, провозглашая в качестве движущей силы истории не развитие производительных сил и производственных отношений, а сексуальные инстинкты человека. Третьи, как, например, А. Б. Залкинд, писали, что с идеологической точки зрения труды Фрейда совершенно неприемлемы для марксиста, но при этом дают ценный психофизиологический материал и с этой позиции заслуживают самого внимательного изучения.

1925 год стал своего рода переломным для дальнейшей судьбы фрейдизма в СССР. С одной стороны, в этом году на русском языке вышли книги Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Психология масс и анализ человеческого „Я“» и «По ту сторону принципа удовольствия» с предисловием таких выдающихся психологов, как А. Р. Лурия и Л. С. Выготский, а также биографический очерк Фрица Виттельса. С другой стороны, именно летом 1925 года было издано официальное постановление о закрытии Государственного психоаналитического института, созданного в 1922 году. Об остроте идущих в тот период дискуссий вокруг фрейдизма говорит также тот факт, что в 1925 году в Ленинграде вышел сборник статей «Психоанализ и марксизм».

Вскоре после этого в Москве была выпущена брошюра Клары Цеткин «О Ленине», в которой она приводила мнение вождя мирового пролетариата о психоанализе. «Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда, — якобы говорил В. И. Ленин во время встречи с Цеткин в 1920 году. — Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. д., — короче, к той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной куче буржуазного общества.

Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом чисто произвольными, вытекают из личных потребностей, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как любовное желание в вопросах пола. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово сознательного, борющегося пролетариата для него нет места».

14 июля 1925 года «Правда» высоко оценивает брошюру Клары Цеткин, причем особенно выделяет в ней ленинскую оценку фрейдизма. «Над этими словами следует призадуматься тем, которые хотят соединить фрейдизм с марксизмом и использовать „достижения Фрейда“», — говорилось в статье. Слова Ленина, высказанные в частной беседе, были объявлены руководством к действию.

В последующие годы критика фрейдизма в СССР шла по нарастающей, его стали постоянно упоминать вместе с троцкизмом и разгром фрейдизма был объявлен актуальной партийной задачей. Понятно, что многие в этой ситуации поспешили отречься от какой-либо связи своих взглядов с учением Фрейда. Так, Б. Э. Быховский, заявлявший в 1923 году, что фрейдизм является едва ли не одним из направлений марксизма, уже в 1926 году писал: «Либо с Фрейдом, либо с Марксом. Третьего не дано»[272].

Вместе с тем читатель уже наверняка обратил внимание, что слова Ленина парадоксальным образом подтверждают фрейдистскую трактовку психологии толпы: вожди масс отвергали индивидуальные сексуальные влечения человека, так как интуитивно стремятся переключить либидо индивидуума на себя и проповедуемую ими идеологию.

Но критика Фрейда нарастала и на Западе, причем и здесь огонь по нему велся сразу с двух сторон.

Первый лагерь его противников составляли те, кто обвинял Фрейда в «клевете на человечество», в шарлатанстве, создании лженауки и т. д. Всё это было старо и привычно.

Но одновременно усиливалась и критика Фрейда, по сути дела, с его собственных позиций. Так, в США и Европе появились феминистки, которые признавали, что, возможно, в самой основе психоанализа есть рациональное зерно, но при этом он почти целиком построен на анализе мужской сексуальности. Женщин

же Фрейд либо игнорирует, либо относится к ним крайне пренебрежительно, а придуманный им «комплекс кастрации» и объявление женщин низшими в интеллектуальном и сексуальном смысле существами есть не что иное, как проявление мужского шовинизма, свойственного самому Фрейду. Одной из первых эти обвинения в лицо создателю психоанализа бросила молодая психоаналитик Карен Хорни (1881–1952), переехавшая в 1930-х годах в США, где отошла от традиционного фрейдизма и примкнула к последователям Адлера. Нашумевшая статья Хорни «Бегство от женственности», вышедшая в 1926 году — как раз когда мир отмечал семидесятилетие Фрейда, — стала еще одной (далеко не единственной) ложкой дегтя в большой юбилейной бочке меда.

Надо заметить, что критика эта была справедливой, и Фрейд, по его собственному признанию, так и не сумел проникнуть в тайну женской сексуальности; так и «не сумел понять, чего хочет женщина» — несмотря на то, что женщины составляли большинство его пациентов.

* * *

Постепенная подготовка к празднованию семидесятилетия Фрейда началась еще в 1925 году. Стартом к будущему чествованию юбиляра стал выход в свет автобиографической книги Фрейда «О себе», автор прямо говорит в ней, что открытие психоанализа напрямую связано с перипетиями его жизни, из них он и черпал многие свои идеи. «Автобиография показывает, как психоанализ стал содержанием моей жизни, а кроме того, исходит из вполне оправданного предположения, что, помимо моих научных занятий, ничто в моей личной жизни не заслуживает такого же интереса», — писал Фрейд в издании автобиографии, датированном 1935 годом.

В мае 1926 года начались официальные чествования Фрейда. Академическая Вена предпочла не заметить этого события, но пресса не могла этого сделать, даже если бы очень хотела.

Поздравительные телеграммы шли на Берггассе со всего мира — от Эйнштейна, Брандеса, Роллана, от других выдающихся ученых, писателей, политиков. Венский бургомистр Карл Зейнц направил Фрейду поздравительный адрес и диплом почетного гражданина города; в «Нойе фрайе прессе», в день юбилея, 6 мая, вышла большая прочувствованная статья Стефана Цвейга, впоследствии разросшаяся до большого биографического очерка. В Берлине прошло праздничное заседание Немецкого

психоаналитического общества. В том же году в Вене издается «Психоаналитический альманах за 1927 год» со статьями Альфреда Дёблина, Лу Андреас-Саломе, Эйгена Блейлера и Стефана Цвейга, в каждой из которых подчеркивается революционный характер идей Фрейда, оказавших огромное влияние на развитие представлений о природе человека, общественную мораль, философию, литературу и искусство и т. д. Но вот тайные надежды Фрейда на получение Нобелевской премии не оправдались ни в том году, ни в последующие.

Одно из центральных чествований Фрейда прошло в обществе «Бней-Брит», членом которого он к тому времени состоял почти 30 лет.

«Меня не связывали с еврейством (признаюсь в этом к своему стыду) ни вера, ни национальная гордость, потому что я всегда был неверующим и не получил религиозного воспитания, хотя уважение к тому, что называют „этическими нормами“ человеческой цивилизации, мне прививалось, — сказал Фрейд, выступая на этом заседании и словно исповедуясь перед своими соплеменниками. — Я всегда старался подавлять в себе склонность к национальной гордости, считая это вредным и неправильным; меня беспокоили подобные явления в народах, среди которых мы, евреи, живем. Но было много другого, что делало евреев и еврейство неотразимо притягательными, — много смутных эмоциональных сил, тем более сильных, что чем труднее поддавались они выражению словами, а также ясное осознание внутреннего тождества с ними, уютное сознание общности психологического устройства. Кроме того, было ощущение, что именно своему еврейскому происхождению я обязан появлению у меня двух черт, свойственных мне в течение всей моей трудной жизни. Будучи евреем, я чувствовал себя свободным от многих предрассудков, ограничивающих интеллект других людей; будучи евреем, я готов был примкнуть к оппозиции, не заручаясь согласием „сплоченного большинства“…»

Эти слова отражают все душевные метания и муки Фрейда, порой стеснявшегося своего еврейства, ненавидевшего его в себе, желающего от него избавиться, но в итоге чувствующего неразрывную связь со своим народом, с самой его ментальностью и духовным наследием — конфликт, который, как уже не раз указывалось на страницах этой книги, стал причиной его личного невроза. Но вместе с тем они необычайно емко отразили самоощущение и сотен тысяч, если не миллионов других евреев Европы того времени, и потому не раз цитировались в самых разных работах, посвященных проблеме еврейской

самоидентификации.

Конец 1926 года оказался для Фрейда не менее насыщенным, чем его середина. 25 октября он встретился с великим индийским художником, писателем и философом Рабиндранатом Тагором, а на рождественские каникулы уехал в Берлин — к сыновьям и внукам. В Берлине 2 января 1927 года состоялась его первая встреча с Альбертом Эйнштейном, положившая начало длительным сначала приятельским, а затем и дружеским отношениям между двумя гениями XX века.

Таким образом, оказалось, что после семидесяти тоже есть жизнь — причем жизнь увлекательная, насыщенная и интересным общением, и творческими идеями, протекающая подчас с не меньшей интенсивностью, чем в молодости.

Так что умирать Фрейд снова не спешил — несмотря на всё возрастающие проблемы со здоровьем.

Глава пятая
СДЕЛКА СО СМЕРТЬЮ

Еще в феврале 1926 года у Фрейда появились сильные боли в горле и в ротовой полости. Врачи диагностировали обычную ангину, но при этом категорически запретили Фрейду курить, и у него возникло подозрение, что речь идет о рецидиве рака. Одновременно всё чаще стало напоминать о себе сердце, и после исполнения ему семидесяти лет Фрейд вынужден был значительно сократить количество пациентов — до трех в день.

Однако еще весной он засел за новую большую работу — очерк «Будущее одной иллюзии», суммирующий идеи Фрейда о роли религии в обществе и необходимости перехода к построению цивилизации не на религиозной, а на научной, секулярной основе — что в итоге, по сути дела, и произошло.

В целом круг представлений Фрейда по этим вопросам не выходит за рамки позитивистской философии, и можно сказать, что в этом смысле он так и остался верным последователем прочитанного им в студенческие годы Фейербаха.

Однако следует признать, что в наши дни, на фоне явно возросшего интереса к религии как в России, так и на Западе, эта работа Фрейда звучит необычайно актуально. Порой даже кажется, что она написана в помощь нынешним воинствующим атеистам, ведущим на интернет-форумах бесконечную полемику со сторонниками религиозного мировоззрения. Фрейд в этом очерке то и дело выдвигает аргументы в защиту религии — но только для того, чтобы тут же их опровергнуть.

Религиозные представления, по Фрейду, «не являются конденсатом опыта или конечным результатом мышления; это — иллюзии, исполнение сильнейших, древнейших, настоятельнейших желаний человечества; тайна их силы в силе этих желаний»[273]. При этом Фрейд продолжает настаивать на том, что подчинение жизни каким-либо религиозным догмам и их конфликт с реальными желаниями человека, боязнь преступить запреты нередко становятся причинами неврозов, то есть, по сути дела, религиозное мировоззрение, по Фрейду, калечит психику.

Фрейд также отвергает в этой работе доводы и о положительной роли религии в формировании общественной морали и морального общества.

«Религия совершенно очевидно оказала культуре большие услуги: она очень содействовала укрощению асоциальных первичных позывов, но всё же недостаточно. Она в течение

многих тысячелетий господствовала над человеческим обществом; достаточно было времени, чтобы показать, чего она может достигнуть. Если бы ей удалось осчастливить бы большинство людей, утешить и примирить их с жизнью, то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующего положения. Но что мы вместо этого видим? Видим, что ужасающее количество людей недовольно культурой, несчастливо в ней и ощущает ее как ярмо, которое нужно сбросить; что эти люди либо употребляют все свои силы, чтобы изменить культуру, либо в своей вражде к культуре заходят так далеко, что вообще ничего не хотят знать ни о ней, ни об ограничении первичных позывов»[274], — настаивал Фрейд.

В итоге он приходит к выводу, что человечество в новейшее время стоит перед следующей альтернативой: «…либо строжайшее обуздание этих опасных масс, тщательная их изоляция от всех возможностей духовного пробуждения, либо основательный пересмотр отношений между культурой или религией»[275].

Разумеется, при таком выборе любой здравомыслящий человек отдаст предпочтение последнему варианту. Пришло время освободить человека от религиозных иллюзий и строить общество на новых, рациональных предпосылках — подобно тому как приходит время объяснять детям, что их не приносит аист, а птица эта является лишь понятным всем взрослым символом — такова основная мысль Фрейда. «Признание исторической ценности известных религиозных учений повышает наше к ним уважение, но не обесценивает нашего предложения изъять их из мотивировок культурных предписаний. Наоборот, при помощи этих остатков истории нам открылось понимание религиозных тезисов как невротических пережитков; теперь мы можем сказать, что, наверное, настало время (как в аналитическом лечении невротика) заменить последствия вытеснения результатами рациональной умственной работы. Можно предвидеть, что при этой переработке дело не ограничится отказом от торжественного преображения культурных предписаний и что всеобщий пересмотр кончится упразднением многих из них, но об этом едва ли стоит жалеть»[276], — пишет Фрейд во второй части очерка.

Завершается очерк многозначительной фразой: «Нет, наша наука — не иллюзия. Но иллюзией было бы поверить тому, что мы откуда-нибудь могли бы получить то, чего наука дать не может»[277].

«Будущее одной иллюзии» вышло отдельной книгой в Международном психоаналитическом издательстве в ноябре 1927 года, и работа сразу же вызвала широкий общественный резонанс.

Очерк, безусловно, произвел немалое впечатление и повлиял на умонастроения образованного европейского читателя, но одновременно Фрейд снова упал «меж двух стульев».

Для сторонников марксизма-ленинизма главным пороком очерка был «полный антиисторизм религиозной концепции Фрейда»[278], для защитников религиозных ценностей было ясно, что Фрейду, говоря словами Юнга, «никак не удается ухватить суть всего религиозного вообще».

«Будущее одной иллюзии» была главной, но далеко не единственной работой Фрейда 1927 года. В августе того же года Фрейд, пребывая в самом добром расположении духа, буквально в течение пяти дней пишет очерк «Юмор», который Анна зачитывает на открывшемся 1 сентября в Инсбруке 10-м Международном психоаналитическом конгрессе. В этом же году была написана и давно задуманная статья «Фетишизм».

* * *

Знаковой и, безусловно, самой интересной для русскоязычного читателя работой Фрейда 1928 года является статья «Достоевский и отцеубийство».

Федор Михайлович Достоевский был наряду с Томасом Манном и Дмитрием Мережковским одним из самых любимых писателей Фрейда. Интерес к творчеству Достоевского он испытывал на протяжении всей жизни. При этом он, видимо, был убежден, что понимает личность великого русского писателя лучше, чем кто-либо другой. В письме Стефану Цвейгу от 19 октября 1920 года, благодаря за присылку книги «Три мастера», Фрейд пеняет младшему другу на то, что очерк о Достоевском получился самым слабым в этой книге, так как Цвейг так и не смог проникнуть в суть личности Достоевского.

В 1923 году Фрейд выступил редактором книги немецкого исследователя Иолана Нейфельда «Достоевский: Психоаналитический очерк», которая, как ясно из самого ее названия, базировалась именно на идеях Фрейда. В основе работы Нейфельда лежала мысль о том, что ключом к личности Достоевского является эдипов комплекс, а образ Смердякова в определенном смысле слова является духовным двойником писателя.

Эта трактовка вызвала резкое неприятие у русских литературоведов и критиков. «Первая попытка применить психоанализ к Достоевскому показала, что крупица истины завалена грудой мусора необоснованных и вздорных

заключений», — писал Ф. Ф. Бережков в вышедшем в 1928 году сборнике статей о Достоевском.

Фрейд в самом начале своей статьи, определяя место Достоевского в мировой культуре, указывает, что «он занимает место рядом с Шекспиром. „Братья Карамазовы“ — самый грандиозный роман из когда-либо написанных, а „Легенда о Великом инквизиторе“ — одно из наивысших достижений мировой литературы, которое невозможно переоценить».

Вслед за этим Фрейд резко восстает против обывательского представления о Достоевском как о «грешнике или преступнике», напоминая о Достоевском «с его огромной потребностью в любви и с невероятной способностью любить и помогать даже там, где он имел право на ненависть и на месть, как, например, в отношении своей первой жены и ее возлюбленного».

Приступая к анализу личности писателя, Фрейд выдвигает чрезвычайно интересную и выглядящую довольно убедительно гипотезу, что его эпилепсия носила не физиологический, а психологический, истерический характер.

«Наиболее правдоподобно предположение, — писал Фрейд, — что припадки имеют свои истоки в раннем детстве Достоевского; что поначалу они характеризовались более слабыми симптомами, лишь после потрясшего его в восемнадцатилетнем возрасте переживания — убийства отца — приняли форму эпилепсии… Мы знаем содержание и устремление таких припадков смерти. Они означают отождествление с покойником — человеком, действительно умершим или еще живущим, но которому желают смерти. Последний случай более важен. В этом случае припадок равноценен наказанию. Пожелавший другому смерти теперь сам становится этим другим и сам умирает. При этом психоаналитическое учение утверждает, что для мальчика, как правило, этим другим является отец, а стало быть, припадок, называемый истерическим — это самонаказание за желание смерти ненавистного отца…»

И далее: «Формула личности Достоевского такова: человек с особо сильной бисексуальной предрасположенностью, способный с особой силой бороться с зависимостью от чрезвычайно сурового отца… Следовательно, ранний симптом „приступов смерти“ можно понимать как допущенное „Сверх-Я“ в качестве наказания отождествления „Я“ с отцом. Ты захотел убить отца, дабы самому стать отцом. Теперь ты — отец, но мертвый отец, обычный механизм истерических симптомов».

Таким образом, всё сводится снова к эдипову комплексу и идеям отцеубийства, изложенным еще в книге «Тотем и табу».

Безусловно, о такой трактовке можно долго спорить. Безусловно, многие замечания Фрейда вызывают раздражение, а его фраза о том, что «сделка с совестью — типично русская черта», не может не вызвать справедливого возмущения у любого русского (как, впрочем, антисемитские пассажи Достоевского вызывают возмущение у евреев). И тем не менее следует признать, что, читая биографию Достоевского, невозможно отделаться от мысли, что Фрейд опять «в чем-то прав». Сама судьба и книги этого великого художника служат косвенным подтверждением справедливости многих концепций фрейдизма.

* * *

Осенью 1928 года Фрейд снова оказывается в Берлине, где проводит несколько месяцев в связи с возникшими проблемами челюсти, гайморовой полости и глотки. Вслух это не произносится, но врачи понимают, что рак возвращается, и, чтобы продлить жизнь Фрейду, придется пойти на радикальные меры.

В это время в Вене как раз шел судебный процесс над лидером австрийских коммунистов Иоганном Копленигом, обвиненным в организации нападения на Дворец юстиции в июле 1927 года. Речь идет об одной из самых трагических страниц в истории Австрии, когда после оправдания активистов профашистского движения «Хеймвер», убивших женщину с ребенком, в городе вспыхнули демонстрации и массовые беспорядки. В ходе их подавления полицией 89 человек были убиты и сотни получили ранения.

Вена продолжала бурлить, политические схватки между коммунистами, социал-демократами, национал-социалистами, сторонниками христианско-социальной партии достигли крайнего напряжения. На фоне социальных, политических и экономических неурядиц в Австрии в целом и в Вене в особенности усилился антисемитизм. Австрийские фашисты избивали евреев на улицах, срывали лекции еврейских профессоров в университетах, сеяли в столице атмосферу террора и страха.

Фрейд, мягко говоря, слабо разбиравшийся в политике, был совершенно растерян происходящим и в своей полной политической слепоте возлагал надежды на воссоединение Австрии с Германией и торжество «немецкого духа», под которым он понимал исключительно «дух Гёте». «Вена катится в пропасть и может погибнуть, если мы не добьемся знаменитого аншлюса», — писал Фрейд в конце 1928 года племяннику Сэму.

Правда, Пол Феррис замечает, что дело было не в том, что он совсем не видел опасности прихода в Германии к власти нацистов. Просто, как большинство австрийских и немецких евреев, Фрейд верил, что немецкая духовность и немецкий здравый смысл не допустят такого развития событий.

Можно ли винить Фрейда за эту близорукость? Вряд ли, ибо так тогда рассуждали многие немецкие интеллигенты, а Фрейд, как мы уже говорили, за вычетом своей гениальности в области трактовки человеческой психики, был самым заурядным обывателем.

Летом 1929 года состояние здоровья Фрейда вроде бы стабилизировалось и он отправился вместе с семьей на отдых в Альпы, где снял просторный дом «Шнеевинкель» («Снежный угол»). В доме постоянно появлялись гости, за столом шли интересные разговоры, и если что-то и омрачило жизнь Фрейда в эти идиллические дни, то короткий отъезд Анны на конференцию в Оксфорд. Оказавшись без опеки дочери, Фрейд затосковал — как и оставленная Анной на попечение родителей немецкая овчарка по кличке Волк. «Как и Волк, я не могу дождаться, когда она вернется», — писал Фрейд Лу Андреас-Саломе.

Но уже осенью он снова оказывается в Берлине в связи с необходимостью пройти новый курс лечения.

За несколько месяцев до этого в личной жизни Фрейда произошло знаменательное событие: Мари Бонапарт познакомила его с Максом Шуром и настояла, чтобы тот стал постоянным лечащим врачом Фрейда.

«Выбор Шура домашним врачом оказался превосходным. Он установил великолепные отношения со своим пациентом, и его внимательность, неистощимое терпение и изобретательность были непревзойденными. Они с Анной составили идеальную пару ангелов-хранителей, охраняющих страдающего Фрейда и облегчающих его разнообразные неудобства», — писал Эрнест Джонс в биографии Фрейда.

Шур, тогда еще совсем молодой врач, явно робел при первой встрече с великим пациентом, но Фрейд, почувствовав это, мгновенно отпустил ему комплимент о том, что он знает, насколько успешно Шур лечил принцессу Мари, и вскоре между ними возникли необычайно теплые отношения, в которых было тесно завязано всё: Шур относился к Фрейду как к пациенту, коллеге, отцу, другу, учителю в области психоанализа и кумиру одновременно. Уже во время той первой встречи Фрейд потребовал от Шура, чтобы тот всегда говорил ему правду о его состоянии, каким бы тяжелым оно ни было. Затем он попросил Шура пообещать, что когда его мучения станут невыносимыми и

борьба за жизнь бессмысленной, то Шур не заставит его страдать напрасно и поможет ему уйти из жизни. Шур дал такое обещание и, как мы уже знаем, исполнил его.

Это была сделка Фрейда со смертью, некая попытка договориться с болезнью и роком; заявление о готовности уйти из жизни добровольно в обмен на отсрочку с сохранением возможности продолжать мыслить и работать, без чего Фрейд жизни не представлял.

«Вы, с обычной для Вас проницательностью, конечно, уже догадались, почему я так долго не отвечал на Ваше письмо. Анна уже сообщила Вам, что я пишу нечто, и сегодня я написал последнее предложение, которое — постольку-поскольку это находится в пределах возможного без библиотеки, — оканчивает эту работу. Она имеет отношение к цивилизации, сознанию вины, счастью и подобным высоким вещам и, несомненно, поражает меня как очень поверхностная, в противоположность моим более ранним работам, в которых всегда присутствовал творческий импульс. Но что еще остается мне делать? Я не могу проводить весь день, куря и играя в карты, я больше не могу совершать длительные прогулки, а большая часть того, что здесь есть для чтения, более меня не интересует. Поэтому я пишу, и, таким образом, время проходит вполне приятно. При написании этой работы я открыл заново самые банальные истины», — писал Фрейд Лу Андреас-Саломе в 1929 году.

В книге «Недовольство культурой», написанной в те дни, Фрейд и в самом деле ставит те самые вечные банальные вопросы, которые обычно волнуют вступающих в жизнь подростков и постепенно уходящих из нее стариков. Но суть заключалась в том, какие ответы он дает на эти вопросы.

Отметая вопрос о смысле существования как априори бессмысленный, Фрейд заменяет его другим, вполне конкретным вопросом: к чему, собственно говоря, стремится любой человек? Ответ для него очевиден: любой человек хочет быть счастливым, а само представление о счастье, в какую бы духовную оболочку оно ни облекалось, в итоге основано на первичных влечениях, на всё том же принципе удовольствия. Но это сугубо индивидуалистическое стремление человека неминуемо рано или поздно вступает в противоречие с интересами других индивидуумов и человеческого общества, коллектива. Общество, по Фрейду, заинтересовано в ограничении сексуальных потребностей человека не только потому, что заинтересовано в продолжении человеческого рода (таким аргументом можно объяснить неприятие гомосексуализма и ряда других перверсий, но далеко не весь спектр сексуальности), но и потому, что

нереализованная сексуальная энергия отдельных людей в итоге идет на его развитие, сублимируясь в другие виды деятельности.

Это противоречие, попытки общества помешать человеку действовать в соответствии с принципом удовольствия, реализовывать те же сексуальные влечения неминуемо индуцируют влечение к агрессивности. Последнее Фрейд также относит к «особому, самостоятельному, первичному позыву в человеке», изначально угрожающему формированию того же человеческого коллектива, цивилизованного общества.

«В силу этой изначальной враждебности людей друг к другу культурному обществу постоянно грозит развал… Культура должна мобилизовать все свои силы, чтобы поставить предел агрессивным первичным влечениям человека», — писал Фрейд. Таким внешним пределом становится, по Фрейду, заповедь Пятикнижия «возлюби ближнего, как самого себя» — на первый взгляд «не только непрактичная, но и во многих случаях явно неразумная».

Чтобы обуздать эту первичную агрессию, человек должен внедрить ее в свое «сверх-Я» и обратить против себя самого — так возникает чувство вины, но возникает не от страха осуждения, а от «страха потери любви» со стороны самых дорогих людей — прежде всего, разумеется, родителей. Это «чувство вины» побуждает человека постоянно сдерживать, подавлять свои (в первую очередь сексуальные) желания и потребности, но ведь это подавление, по теории психоанализа, как известно, и является причиной неврозов и всего круга связанных с ними отклонений, причиняющих порой немало страданий, а иногда и лишающих человека способности нормально функционировать.

Таким образом, по определению самого Фрейда, главной задачей книги было «намерение выделить чувство вины как важнейшую проблему развития культуры и показать, что вследствие усиления чувства вины прогресс культуры оплачивается ущербом счастья».

Таким образом, по Фрейду, подлинно гармоническим человеческим обществом является то, где достигнут оптимальный компромисс между требованиями культуры и естественными индивидуальными потребностями человека, но при этом он не исключал, что такой компромисс невозможен.

«Мы можем ожидать, что с течением времени в нашей цивилизации будут осуществлены изменения, так что она станет больше удовлетворять наши потребности и не будет вызывать те упреки, которые мы ранее высказывали в ее адрес. Но, возможно, мы также свыкнемся с мыслью о том, что в самой природе культуры наличествуют определенные присущие ей трудности,

которые не поддадутся любым усилиям реформы».

В «Недовольстве культурой» Фрейд дает и свою первую оценку происходящему в СССР, предсказывая, что уничтожение частной собственности не может уничтожить человеческую агрессивность, а потому рано или поздно затеянный коммунистами гигантский социальный эксперимент зайдет в тупик и закончится крахом. «Становится понятным, — пишет он, — что попытка создания новой, коммунистической культуры в России находит свое психологическое подкрепление в преследовании буржуазии. Можно лишь с тревогой задать себе вопрос, что будут делать Советы, когда они уничтожат буржуев?»

Ответ на этот вопрос был получен уже через восемь лет, когда в СССР начались массовые репрессии «врагов народа», многие из которых были верными апологетами тех же идей, что и их палачи.

* * *

1929 год для истории психоанализа был ознаменован завершением продолжавшейся несколько лет битвы Эрнеста Джонса в особом комитете Британской медицинской ассоциации, которая должна была высказать свое мнение о психоанализе. Постановление комитета, в свою очередь, должно было стать официальным мнением британской медицины. Большинство членов комитета не скрывали своей неприязни к психоанализу и желания объявить его вне закона как «аморального» и вредного учения, не имеющего никакой научной ценности и лишь развращающего общество. Против психоанализа была организована разнузданная кампания в британской прессе, в том числе в самых солидных изданиях, приводивших различные скандальные истории про психоаналитиков и их пациентов, а иногда и не гнушавшихся откровенной ложью и подтасовкой фактов.

Джонс стоически и весьма аргументированно отбивал эти удары. В итоге он добился того, что в окончательном отчете, во-первых, был закреплен приоритет Фрейда как основоположника психоанализа и первооткрывателя роли бессознательного в психике, а во-вторых, включен специальный параграф, зафиксировавший, что «бытующее мнение» о том, что «фрейдистский анализ побуждает пациента потакать порывам, запрещенным обществом… оказалось беспочвенным».

Джонс поспешил известить Фрейда о победе, но это известие, к его разочарованию, не вызвало у отца психоанализа ожидаемого восторга. Не исключено, что дело заключалось в некоторой

напряженности, которая возникла между Фрейдом и Джонсом в 1927 году — после того, как последний позволил себе в письме покритиковать Анну и высказать предположение, что она была «несовершенно проанализирована». «Кто был проанализирован недостаточно?! — ответил взбешенный такой наглостью Фрейд. — Я могу тебя заверить, что Анну анализировали дольше и тщательнее, чем, например, тебя самого».

Однако, вероятнее всего, Фрейд в то время был куда меньше озабочен происходящим на берегах Туманного Альбиона, чем финансовыми трудностями, переживаемыми «Верлагом», и всё более охлаждающимися отношениями с Ференци — одним из немногих первых учеников, кто, наряду с Джонсом и Эйтингоном еще сохранял ему верность.

В 1929 году Ференци, как в свое время Юнг, Адлер, Штекель, Ранк, начал вынашивать собственные идеи и, опасаясь враждебного отношения к ним Фрейда, стал всё реже писать учителю — посетив Фрейда в июне, он до Нового года отправил ему только одно письмо.

Возможно, именно конфликт с Ференци, а может, начавшая ухудшаться память побудили Фрейда в конце 1929 года начать вести дневник, или, какой его называл, «краткую хронику». Хотя Мартин Фрейд всегда утверждал, что отец в конце жизни вел что-то вроде дневника, эта уникальная реликвия была обнаружена лишь за месяц до открытия Лондонского музея Фрейда в 1986 году. В сущности, дневником найденные 20 листов можно назвать условно: обычно Фрейд ограничивался в нем одной фразой, отражающей суть того или иного события. Так, в октябре 1935 года он записывает: «Начало войны в Абиссинии»; «Великий канон» (новая статуэтка в его коллекции древностей); «Тонкости ошибочных действий»; «Операция Пихлера»; «Матильде 48 лет» и т. д. Этот дневник на самом деле мало что добавляет к изучению биографии Фрейда, но позволяет понять, какие именно из происходивших в 1923–1939 годах (а он вел дневник до августа 1939 года!) событий волновали его больше всего.

Шандор Ференци снова появился в доме Фрейда только 21 апреля 1930 года. У них, как пишет Джонс, «имела место длинная и удовлетворительная беседа», но оба чувствовали, что что-то в их отношениях разладилось и вместо былой искренности в них прослеживается отчужденность и даже легкий привкус скрытой враждебности. В том же апреле 1930 года Фрейд вынужден был отправиться на лечение в санаторий из-за давних проблем с сердцем и кишечником, а в начале мая снова оказался в Берлине — для изготовления нового протеза.

Здесь, в Берлине, и произошла его встреча с американским

дипломатом Уильямом Буллитом, уговорившим Фрейда стать его соавтором по книге, содержащей психоанализ личности президента США Вудро Вильсона. Книга была написана, но Джонс и другие лидеры психоаналитического движения задержали ее публикацию на десятилетия, опасаясь ненужного «политического резонанса». В итоге книга была издана лишь в 1966 году.

26 июля, когда Фрейд отдыхал в Зальцкаммергуте, ему принесли радостную весть: он удостоен премии Гёте города Франкфурта-на-Майне — одной из самых престижных литературных премий Германии, учрежденной в 1927 году и по традиции вручающейся в день рождения великого поэта — 28 августа.

В благодарственном письме Фрейд сообщил, что он «слишком слаб», чтобы приехать на церемонию вручения премии лично, но «собравшиеся ничего при этом не потеряют», ведь будет присутствовать Анна Фрейд: «…на мою дочь Анну, конечно же, приятнее смотреть и приятнее слушать ее, чем меня».

В своей приветственной речи, которую Анна зачитала на церемонии во Франкфурте, Фрейд, разумеется, отдал должное величию Гёте, но — самое главное — связал его творчество с психоанализом и отстоял право на проведение психоанализа личностей даже таких титанов, каким был Гёте.

«Думаю, Гёте не отверг бы, как многие наши современники, психоанализ за его неприемлемый образ мыслей, — говорится в тексте речи Фрейда. — Он сам в некоторых случаях приближался к психоанализу, а в его представлениях было много такого, что мы с той поры сумели подтвердить, а некоторые взгляды, из-за которых нас подвергли критике и насмешкам, казались ему само собой разумеющимся. Так, например, ему была хорошо известна безусловная сила первых эмоциональных связей человека. Он прославлял их в Посвящении к „Фаусту“…

…Гёте всегда высоко ценил Эрос, никогда не пытался приуменьшить его мощь, а к его примитивным и шаловливым проявлениям относился с не меньшим почтением, чем к возвышенным…»[279]

И далее:

«Когда психоанализ ставит себя на службу биографии, он, естественно, имеет право на то, чтобы с ним обращались не жестче, чем с биографами. Психоаналитик может привести некоторые объяснения, которые невозможно получить другими путями, и выявить новые взаимосвязи в переплетениях, нити от которых тянутся к влечениям, переживаниям и работам художника»[280].

Размер премии Гёте составлял в 1930 году 10 тысяч марок —

вполне приличную сумму, позволившую Фрейду оплатить и новый протез, и его пребывание в Берлине, что — с учетом того, что он не мог нормально работать, а значит, и зарабатывать — было немаловажно.

Спустя две недели после вручения ему премии Гёте, 12 сентября, Фрейду сообщили о кончине его матери. В последние дни жизни Амалия страдала от диабетической гангрены, но стоит вспомнить, что она прожила долгую и по большому счету счастливую жизнь: она умерла в возрасте девяноста пяти лет, оставив больше полутора десятка внуков, и, самое главное, в последние годы жизни купалась в лучах славы «своего золотого Зиги». В дни семидесятилетнего юбилея Фрейда фотографии 91-летней Амалии были помещены в газетах и возмутили ее тем, что она выглядела на них «как столетняя старуха».

Эрнест Джонс в своей биографии учителя приводит следующую реакцию Фрейда на смерть матери:

«Я не буду скрывать тот факт, что моя реакция на это событие из-за особых обстоятельств была довольно любопытной. Естественно, невозможно сказать, какое воздействие такое переживание может вызвать в более глубоких областях, но на поверхности я могу обнаружить лишь две вещи: возрастание личной свободы, так как меня всегда страшила мысль о том, что она может услышать о моей смерти, и, второе, удовлетворение при мысли о том, что наконец она достигла избавления, право на которое она заработала после такой длинной жизни. Никакой другой печали, подобной той, которую испытывает мой брат, который моложе меня на десять лет. Я не присутствовал на похоронах; Анна снова представляла меня на них, как и во Франкфурте. Ее значение для меня едва ли можно переоценить. Это большое событие повлияло на меня любопытным образом. Никакой боли, никакой печали, что, вероятно, может быть объяснено такими обстоятельствами, как преклонный возраст и конец жалости, которую мы ощущали при виде ее беспомощности. А с этим пришли чувства освобождения, облегчения, которые, как мне кажется, я могу понять. Я не мог умереть, пока она была жива, а теперь могу. Так или иначе, ценности жизни заметно изменяются в более глубоких областях».

Как видно из всего сказанного выше, состояние здоровья Фрейда было таково, что при желании он вполне мог бы присутствовать на похоронах матери. Почему он не захотел этого? Можно, используя любимое словечко Фрейда, придумать тысячи амбивалентных ответов на этот вопрос. Может быть, не желая видеть, как тело матери опускают в могилу, он как бы не желал признавать, что она и в самом деле мертва? Или в этом

проявилась его тайная враждебность к матери, нежелание простить ей множество вещей, которые в итоге наложили негативный отпечаток на всю его жизнь — начиная с наречения его ненавистным именем Сигизмунд? Кто знает… Но одно в этом высказывании, безусловно, чистая правда: он не хотел причинять матери боли известием о своей смерти.

Теперь он и в самом деле мог умереть спокойно…

Глава шестая
ВРЕМЯ СЮРПРИЗОВ

Эрнест Джонс пишет, что Фрейд не любил церемоний, и «его 75-летие уже заранее омрачало его настроение».

Думается, это мнение таит в себе глубочайшее заблуждение. Фрейд, безусловно, любил церемонии, особенно те, где ему воздавались в принципе вполне положенные почести. Но вот свои дни рождения, и особенно юбилеи, он, похоже, и в самом деле не жаловал. Круглые и «полукруглые» даты ввергали его в уныние, если не в депрессию, напоминая о том, что жизнь ссужается со скоростью шагреневой кожи, жить ему остается всё меньше, а еще так много хотелось сделать для вечности!

1931 год начался для Фрейда с приглашения от Лондонского университета прочесть ежегодную лекцию о Томасе Генри Гексли. Это была необычайная честь: ни один гражданин Германии, кроме Рудольфа Вирхова, не получал подобного предложения из Англии, а Вирхов прочел свою лекцию о Гексли в 1898 году. Тем не менее Фрейд по-прежнему не желал показываться на людях, да и его самочувствие оставляло желать много лучшего, и потому вынужден был отказаться.

Вслед за этим последовало избрание Фрейда почетным членом Венского общества врачей, но у Фрейда это не вызвало ничего, кроме озлобления — слишком долго члены этого общества подвергали его гонениям и насмешкам, чтобы он чувствовал себя за что-то им благодарным. «Это трусливый жест при виде моего успеха, очень отвратительный и отталкивающий», — сказал Фрейд, но не стал устраивать скандала и отказываться от членства в обществе, а просто направил его руководству холодное и очень короткое благодарственное письмо.

К этому времени «Верлаг» находился в очередном финансовом кризисе, и Джонс с Эйтингоном убедили Фрейда использовать его 75-летие в качестве повода для сбора пожертвований. Фрейд, до того категорически противившийся подобным акциям, согласился, а когда пожалел о своем согласии, было уже поздно. В итоге было собрано 50 тысяч марок, часть из которых Эйтингон намеревался пустить на покрытие долгов издательства, а часть передать Фрейду. Это было тем более справедливо, что с момента существования «Верлага» Фрейд отказывался получать гонорары за выходившие там книги, и к 1931 году общая сумма не выплаченных ему гонораров

составляла 76,5 тысячи марок. Но Фрейд снова отказался: «Верлаг» был частью дела его жизни, и ему было важно поддержать его существование.

Между тем ему, безусловно, были нужны деньги. В феврале врачи снова обнаружили у него на нёбе подозрительное пятно, затем еще одно. Фрейду пришлось пройти курс электрокоагуляции, но заживление шло медленно, и вплоть до апреля Фрейд почти не мог спать от боли. Пихлер начал настаивать на скорейшей новой операции, Фрейд упирался, и тогда Шур повез его в Париж — чтобы там Фрейда осмотрели самые видные специалисты в области радиотерапии того времени, включая выдающегося рентгенолога и радиолога Гвидо Хольцкнехта[281]. Последний рекомендовал немедленную операцию, и 24 апреля Пихлер удалил еще один, довольно большой участок нёба.

Однако после операции Фрейд был еще почти месяц в таком состоянии, что ни о каком праздновании дня его рождения у него дома, даже в узком кругу друзей и учеников, не могло быть и речи. Дома в день рождения Фрейда были только члены его семьи. Разумеется, в этот день на Берггассе пришло множество телеграмм и поздравительных писем и, само собой, целое море цветов. Мари Бонапарт прислала Фрейду в подарок великолепную греческую вазу, глядя на которую он заметил, что, к сожалению, ее нельзя взять с собой в могилу.

Официальное празднование 75-летия Зигмунда Фрейда состоялось на 6-м Международном медицинском конгрессе по психотерапии в Дрездене, большинство докладов на котором было посвящено природе сновидений. В Нью-Йорке в честь дня рождения Фрейда местными психоаналитиками был устроен банкет на 200 человек, в списке выступавших на котором значится и писатель Теодор Драйзер.

Один из самых трогательных подарков на день рождения преподнес Фрейду Стефан Цвейг, опубликовавший незадолго до того свой очерк о Фрейде. Мы уже не раз отмечали излишне патетический, комплиментарный характер этого очерка, но в любом случае Цвейг, во-первых, остался в нем выдающимся мастером этого жанра, а во-вторых, и в самом деле необычайно глубоко проник в сущность учения Фрейда и дал оценку значения его учения для изменения сознания человечества в XX веке.

«Полностью чуждый иллюзий и веры в прогресс, решительный и радикальный в своих суждениях, Фрейд устанавливает незыблемо, что игнорируемые моралью силы либидо составляют неотъемлемую часть человека, наново рождающуюся с каждым эмбрионом, что они являются стихией,

которую ни в коем случае нельзя устранить и, самое большое, можно переключить на безопасную для человека работу путем перенесения в сознание. Таким образом, Фрейд рассматривает как нечто благотворное как раз то, что этика старого общества объявила коренной опасностью, а именно процесс осознания; и то, что это общество признавало благотворным — подавление инстинктов — он именует опасным. Там, где старый метод практиковал прикрытие, он требует раскрытия. Вместо игнорирования — идентификации. Вместо обхода — прямого пути. Вместо отвода глаз — проникновения вглубь. Вместо вуалирования — обнаженности. Инстинкты может укротить лишь тот, кто познал их; взять верх над демонами — лишь тот, кто извлечет их из глубинного их обиталища и смело посмотрит им в глаза… Ничуть не стесняясь с тенденциями девятнадцатого века в набрасывании покровов, Фрейд в резкой форме ставит перед своими современниками проблему самопознания и осознания вытесненного и неосознанного. И тем самым он приступает к исцелению не только несчетного числа отдельных лиц, но и всей морально нездоровой эпохи путем выявления ее основного подавленного конфликта и перенесения его из области лицемерия в область науки»[282], — писал Цвейг.

В главе «Зарисовка» Цвейг указывает в качестве главной черты личности Фрейда его фантастическую, кажущуюся невозможной для его рода деятельности работоспособность: «Сорок лет подряд Фрейд проделывает восемь, девять, десять, иной раз одиннадцать анализов в день, иначе говоря, девять, десять, одиннадцать раз сосредотачивается он по целому часу, с крайним напряжением, можно сказать, с трепетом на чужой личности, подстерегает и взвешивает каждое слово; и в то же время его память, никогда ему не изменяющая, сопоставляет данные этого анализа с результатами всех предыдущих. Он таким образом полностью сживается с этой чужой личностью, в то же время наблюдая ее извне, как психодиагност. И в один миг он должен, по истечении часа, переселиться из этого своего пациента в другого, следующего, восемь, девять раз в день, и таким образом хранить в себе обособленно, без всяких записей и мнемонических приемов, сотни судеб, наблюдая каждую в тончайших ее ответвлениях. Такая рабочая установка, с постоянным переключением внимания, требует духовной настороженности, готовности душевной и нервного напряжения, которых не хватило бы у другого и на два-три часа. Но поразительная жизненность Фрейда, его духовная мощь не знают усталости и упадка. Как только кончена аналитическая работа, девяти-десятичасовое служение человеку, начинается творческое

оформление результатов, та работа, которую мир считает его единственной. И весь этот гигантский, безостановочный труд, практически касающийся тысяч людей и передающийся затем миллионам, осуществляется без помощников, без секретаря, без ассистентов; каждое письмо написано собственноручно, каждое исследование единолично доведено до конца, каждая работа единолично оформлена. Единственно эта грандиозная равномерность творческой мощи свидетельствует о наличии где-то за будничной гладью существования истинно демонического начала»[283].

Фрейд, прочитавший очерк еще до выхода в печать, был тронут и поспешил написать автору благодарственное письмо, не преминув всё же посетовать на некоторые его недостатки. «То, что кое-кому не нравится его собственный портрет, — писал Фрейд, — это общий и давно известный факт. Поэтому я спешу выразить свое удовлетворение тем, что в моем случае Вы правильно поняли самое главное. А именно, если рассматривают достижения, то последние являются не столько делом интеллекта, сколько делом характера. Кроме того, я хотел бы заметить, что Вы слишком избирательно подчеркнули во мне мелкобуржуазный педантизм — человек всё же нечто более сложное…»[284]

Среди тех, кто прислал Фрейду поздравительный адрес на день рождения, был и главный раввин Вены. В ответе на это поздравление все биографы Фрейда подчеркивают фразу, которая, с их точки зрения, позволяет лучше понять Фрейда, а точнее, показывает полную невозможность его понять. Фрейд в этом ответе признаётся, что, к собственному удивлению, обнаружил, что он «где-то в душе, потайном уголке… — еврей-фанатик».

Конечно, можно истолковать эту фразу в том смысле, что Фрейд говорит о своей «еврейской» абсолютной бескомпромиссности, когда речь идет о тех идеях и концепциях, в которые он безоговорочно верит с той же верой, с какой евреи верят в Богоданность Торы и неизбежность прихода Мессии. Такое толкование легко перекликается с замечанием Стефана Цвейга: «Следует отказаться от всяких льстивых попыток отрицать этот налет ветхозаветной суровости, эту жесткую непримиримость, которые светятся почти угрожающе во взгляде старого бойца. Ибо если бы не было у Фрейда этой остро отточенной, открыто и беспощадно выступающей решимости, то вместе с нею не стало бы и лучшего, самого решающего, что есть в его подвиге… Условности, церемонии, жалость и снисходительность были бы ни в какой мере несовместимы с

радикальными формами мышления, свойственными его творческой природе; ее смысл и назначение были исключительно в выявлении крайностей, а не в их смягчении. Воинственная решимость Фрейда признаёт только „за“ или „против“, только „да“ или „нет“, никаких „с одной стороны“, „с другой стороны“, „между тем“, „может быть“. Там, где речь идет об истине, Фрейд ни с чем не считается, ни перед чем не останавливается, не мирится и не прощает; как Иегова он отпустит скорее вину отступнику, чем наполовину усомнившемуся…»[285]

Однако из текста письма раввину Вены явно следует, что Фрейд имеет в виду именно приверженность к вере предков, ощущение близости к ней. А это уже вступает в резкое противоречие с его образом убежденного атеиста. И дело не в том (или не только в том), что, как предполагает Пол Феррис, «времена менялись, и Фрейд менялся вместе с ними». Судя по всему, некая религиозность, вера в основополагающие каноны иудаизма жила во Фрейде всегда, и он вынужден был постоянно ее отталкивать, давить в своей душе этого самого «еврея-фанатика», но тот упорно продолжал напоминать о себе. Обнаружив в себе эту ипостась вновь, в столь почтенном возрасте, Фрейд опять испугался и решил на сей раз сделать всё, чтобы убить в себе верующего иудея до конца. Видимо, именно в те дни у него и начал вызревать замысел последней его большой книги — «Моисей и монотеизм».

Наконец, в октябре 1931 года в рамках чествования Фрейда произошло еще одно знаменательное и тронувшее Фрейда событие. Городской совет Фрейберга (Пршибора) принял решение установить памятную бронзовую доску на тот дом, в котором он родился.

Церемония установления доски состоялась 25 октября. Фрейда на ней по уже заведенной традиции представляла Анна, зачитавшая написанную отцом речь, в которой признавался, что в глубине в нем «всё еще живет счастливый ребенок из Фрейберга, первенец молодой матери, получивший свои первые неизгладимые впечатления от земли и воздуха тех мест».

Летом того же года Фрейд на какое-то время почувствовал себя лучше, снова стал курить и выехал вместе с пятью пациентами в пригород Вены. Но протез продолжал мучить его, а Макс Шур с тревогой следил за всеми переменами в состоянии своего знаменитого пациента.

Вслед за облегчением очень скоро вернулись тяжелые времена. В 1932 году Фрейд перенес еще пять операций и вдобавок сильный грипп, осложненный причинявшим страшные боли воспалением среднего уха. Количество его пациентов

стремительно сокращалось, а вместе с ними — и его доходы.

В то же время творческая активность Фрейда — особенно с учетом его возраста и состояния здоровья — оставалась в этот период поразительной.

В феврале 1931 года он передал Максу Эйтингону для публикации статьи «О женской сексуальности» и «О типах либидо».

В том же году по просьбе профессора права Йозефа Хупки он дает свой отзыв на заключение Инсбрукского медицинского факультета по делу студента Филиппа Хальсмана, обвинявшегося в детоубийстве. В качестве одного из обоснований вины Хальсмана выдвигался эдипов комплекс. Фрейд отверг это «доказательство» обвинения как не имеющее права быть использованным в правовом контексте: само существование эдипова комплекса, пояснил Фрейд, отнюдь не означает, что каждый, кто не сумел его изжить, способен на убийство отца — и тем более не может быть использовано в суде. В качестве доказательства этой своей мысли Фрейд напомнил сюжет «Братьев Карамазовых»: Дмитрий, обвиненный в отцеубийстве, на самом деле невиновен.

Летом 1932 года Фрейд пишет «Продолжение лекций по введению в психоанализ», включающее очерки «Пересмотр теории сновидений», «Сновидение и оккультизм», «Разделение психической личности», «Страх и жизнь влечений», «Женственность», «Объяснения, приложения, ориентации» и «О мировоззрении».

Согласитесь, это чертовски завидная работоспособность для 75-летнего, крайне нездорового мужчины!

* * *

Помимо болезни, усугубляющихся финансовых трудностей издательства «Верлаг» и материальных проблем детей жизнь Фрейда в 1931–1933 годах была осложнена и всё более обостряющимися отношениями с Шандором Ференци — ближайшим учеником и другом.

Вероятно, дело заключалось в том, что, подобравшись к шестидесяти годам, Ференци вдруг осознал, что так и не создал ничего своего, выполняя лишь роль «Великого инквизитора» на службе у Фрейда. Осознал — и бросился создавать одну за другой собственные концепции психоанализа, основываясь на своем довольно богатом практическом опыте.

Трагедия Ференци заключалась в том, что большинство

предлагаемых им новаций были… старыми идеями Фрейда, давно отработанными или отвергнутыми последним.

Ференци написал о том, что функция сновидений — это не только исполнение желаний, но и обработка с целью изживания травмирующих переживаний, и Фрейд вынужден был напомнить, что эта функция им уже была открыта. Да и разве изживание травмирующих переживаний не входит в число естественных желаний человека?!

Ференци выдвинул идею, что первые сексуальные травмы детей нередко связаны с развращением и насилием со стороны взрослого близкого родственника — и Фрейд узнал в этом «откровении» собственную идею 1896 года, от которой он отказался. Причем, как Фрейд признался Анне, Ференци сформулировал ее почти в тех же словах, что и он сам несколько десятилетий назад.

И вот тогда Ференци решил пересмотреть одно из базовых положений психоанализа — вопрос о характере взаимоотношений между психоаналитиком и пациентом, то есть о самой технике анализа. По Ференци, сеансы психоанализа должны были стать чем-то вроде театра двух актеров, в котором в ходе игры, как в обычном театре, допустимо разыгрывание сцен из жизни пациента с поцелуями, прикосновениями и т. д. — но, разумеется, без перехода «определенной границы».

Фрейд справедливо увидел в этих поползновениях ученика отголосок его молодости, когда в качестве врача он нередко позволял себе затевать романы с пациентками. В ответ Фрейд направил Ференци письмо с «отцовской отповедью».

«Я вижу, что разногласия между нами достигли своего пика по поводу одной технической детали, которая очень заслуживает обсуждения, — писал Фрейд. — Вы не скрывали от меня тот факт, что целуете своих пациентов и позволяете им целовать себя; я уже слышал об этом ранее от одного своего пациента. Теперь, когда Вы решили дать полный отчет о своей технике и результатах ее применения. Вам придется выбирать между двумя путями: либо Вы рассказываете о ней, либо ее скрываете. Последнее, как Вы, вполне вероятно, считаете, является нечестным. То, что человек делает, применяя свою технику, он должен защищать открыто. Кроме того, оба эти пути вскоре накладываются один на другой. Даже если Вы не скажете об этом сами, об этом вскоре станет известно, так же как об этом узнал я до того, как Вы сказали мне.

Далее, я явно не отношусь к тем людям, кто из-за пуританства или из соображений буржуазной морали станет осуждать небольшие эротические удовлетворения подобного типа. И мне также известен тот факт, что во времена Нибелунгов

поцелуй являлся обычным приветствием, даруемым каждому гостю. Я, далее, придерживаюсь мнения, что анализ возможен даже в Советской России, где, поскольку дело касается государства, существует полная сексуальная свобода (тут Фрейд, безусловно, сильно заблуждался. — *П. Л.)*. Но это не изменяет тех фактов, что мы живем не в России и что для нас поцелуй означает определенную эротическую близость. Поэтому до настоящего времени мы придерживались в нашей технике решения о том, что пациентам следует отказывать в эротических удовлетворениях. Вам также известно, что там, где не позволяется иметь более обширные удовлетворения, их роль очень легко играют более умеренные ласки при любовных свиданиях, на сцене и т. д.

Теперь представьте себе, каким будет результат опубликования Вами своей техники. Любая революционная мысль может быть вытеснена еще более радикальной. Некоторые независимые мыслители по части техники подумают: а зачем останавливаться на поцелуе? Конечно же, можно пойти и дальше, включив сюда и „ласки“, в результате которых еще не получаются дети. Затем возникнет потребность в других, более смелых действиях типа подглядывания и показывания, и вскоре мы отнесем к психоаналитической технике весь спектр обращения с девицами легкого поведения, в результате чего неисчислимо возрастет интерес к психоанализу как среди аналитиков, так и среди пациентов. Такой новый приверженец, однако, легко потребует большую часть подобной заинтересованности для себя, наши более молодые коллеги найдут для себя трудным остановиться в том месте, где они первоначально намеревались это сделать, а бог отец Ференци, наблюдая живую сцену, вдохновителем которой он явился, возможно, скажет себе: не стоило ли мне остановиться в технике поощрения перед поцелуем?..

Мне не кажется, что в этом предупреждении я сказал Вам о чем-либо таком, чего Вы не знаете. Но так как Вам нравится играть с другими роль нежной матери, то, возможно, такая роль нравится Вам и по отношению к себе самому. Поэтому Вам следует услышать предупреждение со стороны жестокого отца. Именно поэтому я говорил в своем последнем письме о новой половой зрелости… а теперь Вы принудили меня быть откровенно грубым.

Я не ожидаю произвести на Вас какое-либо впечатление. Необходимый базис для этого отсутствует в наших отношениях. Потребность в явной независимости, как мне кажется, в Вас сильнее, нежели Вы это осознаёте. Но, по крайней мере, я сделал все, что мог, в своей отцовской роли. Теперь Вы можете

продолжать».

Суть письма ясна: нарастание интимности в отношениях между психоаналитиком и пациентом непременно приведет к тому, что интимные отношения между ними станут чем-то само собой разумеющимся, что превратит психоанализ в «лечение сексом». Это, возможно, прибавит ему скандальной популярности, но никак не будет отвечать достижению тех целей, которые видел в своем методе Фрейд.

Отношение Фрейда к новым идеям Ференци, разумеется, не было тайной для ближайших учеников. Вокруг Ференци начал образовываться вакуум, который он, разумеется, не мог не почувствовать. Тем не менее Ференци продолжал считаться одним из самых близких к Фрейду людей и наиболее реальным кандидатом на пост президента Международного психоаналитического общества — вместо Макса Эйтингона, у которого начались серьезные проблемы со здоровьем. Однако в августе 1932 года, незадолго до открытия очередного Международного конгресса, Ференци вдруг объявил, что из-за своих разногласий с Фрейдом считает нечестным баллотироваться на этот пост. Абрахам Брилл, вернувшийся из Будапешта, рассказал, что ему крайне не понравились ни настроение Ференци, ни его высказывания о том, что он разочаровался во Фрейде, который уже далеко не тот, что прежде, а что касается проницательности, то она у него всегда была не больше, чем у ребенка. Сообщил Брилл и о том, что Ференци собирается навестить Фрейда, прежде чем он примет решение об окончательной линии своего поведения на конгрессе.

Вот как рисует Эрнест Джонс их последнюю встречу:

«В день роковой встречи Ференци вошел в комнату Фрейда и, не сказав ни слова приветствия, произнес: „Я хочу, чтобы Вы прочитали мою работу, подготовленную для конгресса“. В то время как Фрейд всё еще читал эту работу, вошел Брилл, и, так как он с Ференци недавно в деталях обсуждал эту тему, Фрейд позволил ему остаться, хотя Брилл и не принимал участия в их разговоре. Фрейд явно пытался сделать всё возможное, чтобы пробудить у Ференци некоторое понимание, но напрасно. Месяц спустя Ференци написал Фрейду, обвиняя его в том, что тот нечестным образом ввел в их беседу Брилла, чтобы тот действовал в качестве судьи между ними, а также выражал свой гнев на то, что Фрейд в тот день попросил его не публиковать работу в течение года. В своем ответе Фрейд сказал, что последнее предложение было сделано исключительно в интересах Ференци, в той надежде, которую всё еще склонен был питать Фрейд, что позднейшие размышления могут показать Ференци

его некорректность в используемой им технике и заключениях. Он добавил: „В течение последних лет Вы систематически отходили от меня и, вероятно, развили по отношению ко мне личную вражду, которая идет дальше, чем Вы были в состоянии ее выразить. Каждый из тех людей, которые одно время были близки ко мне, а затем меня покинули, мог бы найти больше причин, чтобы укорять меня, чем Вы… Такое Ваше поведение не оказывает на меня никакого травматического эффекта; я готов к этому и привык к таким событиям. Объективно, как мне кажется, я мог бы указать Вам на технические ошибки в Ваших заключениях, но что от этого изменится? Я убежден, что Вы будете недоступны каким-либо сомнениям. Поэтому не остается ничего другого, как пожелать Вам всего наилучшего“».

Джонс также сообщает, что Ференци к тому времени был болен раком крови и знал об этом. Как известно, это заболевание нередко сопровождается и негативными изменениями психики, и именно ими Джонс пытался объяснить поведение и настроения Ференци в последние годы его жизни. 24 мая 1933 года Ференци скончался, и его смерть означала конец целой эпохи в истории психоанализа.

«Таким был трагический конец этой яркой, обаятельной и выдающейся личности, человека, который в течение четверти века был самым близким другом Фрейда. Скрытые демоны, таящиеся внутри его, против которых Ференци в течение многих лет боролся изо всех сил, и с большим успехом, победили его в конечном счете, и на его болезненном опыте мы еще раз убедились в том, сколь могущественна может быть их власть», — констатирует Джонс.

И для Фрейда, и для Джонса было однозначно, что в конце жизни у Ференци возникла «паранойя», но Феррис напоминает, что параноиками Фрейд считал всех отступившихся учеников. Психическим расстройством Джонс и Фрейд объяснили и предпоследнее, написанное незадолго до смерти, три недели спустя после поджога рейхстага «паническое письмо» Ференци, в котором он призывал Фрейда как можно скорее покинуть Вену и переехать с семьей в Англию, добавив, что сам намерен эмигрировать в Швейцарию.

«Что касается непосредственной причины для Вашего письма, мотива отлета, то я рад, что могу сообщить Вам, что не думаю покидать Вену. Я недостаточно мобилен, я слишком завишу от своего лечения, от различных улучшений и комфортов; далее, я не хочу оставлять здесь свое имущество. Возможно, однако, что я бы всё равно остался здесь, даже если бы я был молод и в полном здравии. За всем этим, естественно, скрыто эмоциональное

отношение, но также присутствуют различные рационализации. Гитлеровский режим не обязательно оккупирует также и Австрию. Конечно, это возможно, но все придерживаются мнения, что режим здесь не достигнет той степени жестокости, которая царит сейчас в Германии. Для меня не существует какой-либо личной угрозы, и, когда Вы изображаете жизнь при угнетении нас, евреев, чрезвычайно неприятной, не забывайте о том, какая тяжелая жизнь ожидает беженцев вдали от родины, будь то Швейцария или Англия. По моему мнению, полет был бы оправдан лишь в случае непосредственной угрозы жизни; кроме того, если они намереваются убить меня, то это будет просто один из видов смерти, подобно любому другому», — ответил Фрейд.

Оглядываясь назад, понимаешь, что Ференци в том письме выступал куда большим провидцем, чем Фрейд, что невольно вызывает сомнение в его предсмертной «паранойе». Не исключено, что, говоря Бриллу о том, что по своей проницательности Фрейд ничем не отличается от ребенка, Ференци имел в виду именно его политическую близорукость.

Глава седьмая
ГЁТЕ И СВАСТИКА

«Нация, которая родила Гёте, не может так испортиться», — сказал Фрейд Уильяму Буллиту в 1930 году.

К счастью, ему так и не довелось узнать, до какой именно степени может «испортиться» эта нация, но и того, чему он стал свидетелем в 1930-е годы, было более чем достаточно. В Германии нацизм набирал силу, и Гитлер выигрывал раунд за раундом битву за власть. Хотя практически всё, что он собирался сделать, одержав окончательную победу, было изложено в его книге «Моя борьба», но никто в мире не верил, что подобные бредовые идеи можно осуществить на практике в Европе XX века. Не верили в это и немецкая интеллигенция, и немецкие евреи, бывшие ее органической частью.

В Австрии фашизм развивался первоначально по итальянской модели, позаимствовав, однако, антисемитизм у немецких нацистов. Меньше всего автору хочется пересказывать здесь историю Европы первой половины 1930-х годов — для этого существуют учебники. Повторим: всем здравомыслящим людям было ясно, что мир движется к новой войне, но большинство из них «прятало», отталкивало от себя это знание. Упрятанные в бессознательное страхи порождали всё новые неврозы, и у психоаналитиков прибавилось работы.

Понимал, пусть и не до конца, всю нависшую над миром угрозу и Фрейд — иначе он не подписал бы 28 июля 1932 года призыв Анри Барбюса к делегатам Всемирного конгресса врачей выступить против нарастающей опасности Второй мировой войны.

Еще до этого созданная в 1931 году Международная комиссия за духовное сотрудничество предложила Фрейду выступить вместе с Альбертом Эйнштейном во втором выпуске издаваемой ею серии «Открытые письма». 30 июля 1932 года Эйнштейн направил Фрейду письмо, в котором писал, что будет счастлив вместе с ним представить свои мысли по поводу надвигающейся военной опасности.

Эйнштейн, прочитавший произведения Фрейда по настоянию своего увлеченного психоанализом сына (у которого затем была диагностирована шизофрения), обращался к Фрейду как «знатоку инстинктивной жизни человека». Он в целом был согласен с Фрейдом, что причиной войны является глубоко сидящее в человеческой природе стремление к агрессивности, «вожделение

к разрушению», но при этом он ставил вполне конкретный вопрос: что нужно сделать, чтобы помочь человеку преодолеть это «вожделение»?

Фрейд работал над открытым письмом Эйнштейну, которое он назвал «Почему война?», почти месяц. Этот ответ вновь продемонстрировал весь пессимизм Фрейда по поводу человеческой природы: поскольку агрессивность и стремление к смерти являются первичными влечениями, писал он, то войны неизбежны, ибо конфликт между цивилизацией и взаимоненавистью людей является такой же объективной реальностью, как законы физики.

Далее Фрейд честно попытался ответить на вопрос Эйнштейна, но у него ничего из этого не вышло. Ответ получился неубедительным и двусмысленным.

«Всё, что создает эмоциональные связи между людьми, должно противодействовать войне, — писал Фрейд. — Эти связи могут быть двоякого рода. Во-первых, отношение к людям как к объектам любви, но без сексуальных целей… Другой вид связей — связи посредством идентификации. Всё, что создает среди людей значительные общности, вызывает такие чувства идентификации».

Фрейд словно не видел, что именно на «чувстве идентификации» по большому счету создавались такие общности, как немецкий и австрийский нацизм и социализм сталинского образца.

30 января 1933 года произошло неизбежное: Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Веймарской республики. Дальше события в Германии развивались с поистине бешеной скоростью: почти каждый день приносил дурные новости для противников нацизма.

1 февраля был распущен рейхстаг, и уже 3 февраля Гитлер объявил в качестве основной цели своей политики «завоевание нового жизненного пространства на востоке и его беспощадную германизацию».

27 февраля был подожжен рейхстаг, и это событие дало толчок к преследованию всех политических противников национал-социализма. К марту — апрелю рейхсканцлер Адольф Гитлер был практически полновластным хозяином Германии. К этому времени в стране уже действовал концлагерь Дахау и начался бойкот еврейских магазинов.

10 мая в Берлине, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Ганновере, Мюнхене, Нюрнберге началось публичное сожжение книг неугодных нацистам авторов. Среди них были и книги Зигмунда Фрейда.

В Берлине, бросая в огонь книги Фрейда, Геббельс

провозгласил: «Против разрушающей душу переоценки жизненных инстинктов! За благородство человеческой души! Я предаю пламени писания Зигмунда Фрейда!»

В Мюнхене на церемонии сожжения книг «приговор огнем» звучал следующим образом: «Выступая против примата инстинктов, против декадентства и морального разрушения, во имя утверждения порядка и обычая в немецкой среде, я предаю огню писания Зигмунда Фрейда!»

Узнав об этом, Фрейд со свойственным ему мрачным юмором заметил: «Какой прогресс по сравнению со Средневековьем. Раньше они сжигали бы людей, а теперь сжигают только книги!» Между тем до начала сожжения людей в печах крематориев (в которых было суждено погибнуть и сестрам Фрейда) оставалось совсем немного — всего несколько лет.

Той же весной начались преследования психоаналитиков. Уже летом 1933 года фрейдистская трактовка психоанализа была фактически запрещена, а лидером немецких психоаналитиков стал Карл Густав Юнг, охотно пошедший на сотрудничество с нацистами.

Так теперь уже давнее противостояние Фрейда и Юнга предстало в совершенно новом свете.

Вена тоже бурлила, фашизм набирал силу в Австрии. В марте был распущен парламент, отменена свобода печати и собраний. В мае была запрещена компартия и провозглашена «авторитарная система управления». И всё же Фрейду, как и многим другим, очень хотелось верить, что всё обойдется.

«Вена, несмотря на все восстания, процессии и т. д., как сообщается в газетах, спокойна, и жизнь в ней не нарушена. Можно быть уверенным, что гитлеровское движение распространится на Австрию, — в действительности оно уже здесь — но в высшей степени невероятно, что оно будет означать такую же разновидность опасности, что и в Германии… Мы переживаем сейчас диктатуру правых, которая означает подавление общественной демократии. Ход событий будет не очень приятным, особенно для нас, евреев, но все мы считаем, что особые законы против евреев в Австрии невозможны из-за статей в нашем мирном договоре, которые ясно гарантируют права меньшинств… Преследования евреев законом немедленно приведут к действию со стороны Лиги Наций. А что касается присоединения Австрии к Германии, при котором евреи потеряют все свои права, то Франция и ее союзники никогда этого не позволят. Далее, Австрия не заражена германской жестокостью. Такими путями мы подбодряем себя, находясь в относительной безопасности. Я в любом случае полон решимости не уезжать

отсюда», — с потрясающей наивностью писал он в апреле 1933 года.

Несмотря на быстро менявшуюся ситуацию в стране, усиление и государственного, и бытового антисемитизма, Фрейд продолжал оставаться при этом своем мнении. «Только когда в самом деле гитлеровский штатгальтер станет управлять в Вене, я вынужден буду, вероятно, податься отсюда, безразлично куда», — писал он 26 февраля 1934 года Арнольду Цвейгу, узнав о его намерении эмигрировать в Палестину, на землю предков.

Обратим внимание: речь идет о том самом феврале 1934 года, когда правительство канцлера Э. Дольфуса упразднило парламент и расстреляло из пушек тысячу сторонников социал-демократов и коммунистов.

Арнольд Цвейг был не единственным психоаналитиком-евреем, выбравшим в качестве места жительства Палестину. Вскоре там оказался и Макс Эйтингон, никогда не скрывавший своих сионистских убеждений. Здесь он до своей смерти в 1943 году успел создать Палестинское психоаналитическое общество, институт и библиотеку. Однако большинство немецких психоаналитиков эмигрировали в этот период в США или в Англию.

Самое странное, пожалуй, заключается в том, что на фоне всех этих событий у Фрейда и начинает вызревать замысел книги, ставшей пощечиной еврейскому народу и впоследствии немалым подспорьем для антисемитов всех мастей — уже упоминавшейся работы «Моисей и монотеизм», называвшейся вначале «Моисей: Исторический роман». Первое сообщение о замысле этой книги встречается в письме Фрейда Арнольду Цвейгу, причем — что крайне интересно — он опасается в нем негативной реакции не соплеменников, а католической церкви. В январе 1935 года Фрейд делится основными идеями книги о Моисее с Лу Андреас-Саломе, и с тех пор те или иные упоминания об этой работе встречаются в его письмах различным адресатам постоянно.

Между тем приближалось восьмидесятилетие Фрейда, и Эрнест Джонс планировал выпустить к этой дате подарочное юбилейное издание избранных трудов учителя, однако Фрейд неожиданно воспротивился этому и предложил, если уж Джонсу так хочется, издать альбом, который отражал бы историю психоанализа в фотографиях. Однако затем Фрейд решил отказаться и от фотоальбома.

«Кто ощущает потребность в том, что он должен меня поздравить, пусть сделает это, а кто не ощущает такой потребности, не должен бояться моей мести», — написал он Джонсу. Свое нежелание отмечать юбилей «на широкую ногу»

Фрейд объяснил тем, что «такое празднование можно понять и согласиться с ним, но оно явно имеет смысл, лишь когда доживший до него может, несмотря на все свои раны и шрамы, присоединиться к пирующим как здоровый человек; празднование теряет этот смысл, когда юбиляр является инвалидом, у которого абсолютно нет праздничного настроения».

«Сам день его рождения прошел достаточно спокойно, комнаты Фрейда превратились в цветочный магазин, столь много было прислано букетов. Он прекрасно себя чувствовал, поправившись после операции в марте. И шесть недель спустя после этого дня Фрейд всё еще продолжал отвечать на поздравления, поступающие со всего мира… Приходило, конечно, много желающих повидать Фрейда. Один из них спросил Фрейда, как он себя чувствует, и услышал в ответ: „Как чувствует себя человек в возрасте 80 лет, не является темой для разговора“», — сообщает Джонс.

К большинству поздравлений Фрейд отнесся крайне холодно. Отверг он и предложения ряда массовых и медицинских изданий о юбилейных интервью, заявив, что он не приемлет подобных завуалированных извинений за прежние нападки — «…нет уж, лучше останемся врагами!». По словам Фрейда, куда большее удовлетворение ему доставили посвященные ему статьи, авторы которых «достаточно ясно выразили свое неприятие и ненависть» — они по меньшей мере свидетельствовали, что «честность еще не совершенно исчезла из этого мира».

По-настоящему в его последний юбилей Фрейда порадовали два события — письмо от Альберта Эйнштейна, отосланное ему еще 21 апреля, и визит к нему Томаса Манна.

«Я рад, что это поколение имеет счастливую возможность выразить Вам, одному из величайших учителей, свое уважение и свою благодарность. Для скептически настроенных непрофессионалов Вы, несомненно, не облегчили пути нахождения независимого суждения. До самого последнего времени я мог только чувствовать умозрительную мощь Вашего хода мыслей, с его огромным воздействием на мировоззрение нашей эры, но не был в состоянии составить определенное мнение о том, сколько он содержит истины. Недавно, однако, мне удалось узнать о нескольких случаях, не столь важных самих по себе, но исключающих, по-моему, всякую иную интерпретацию, кроме той, что дается теорией вытеснения. То, что я натолкнулся на них, чрезвычайно меня обрадовало; всегда радостно, когда большая и прекрасная концепция оказывается совпадающей с реальностью», — писал Эйнштейн, добавив постскриптумом, что ему не хотелось, чтобы Фрейд затруднял себя ответом на это

письмо.

Фрейд, разумеется, почувствовал в подтексте письма те сомнения, которые Эйнштейн продолжил испытывать по поводу психоанализа, и потому поспешил со следующим ответом:

«Уважаемый господин Эйнштейн! Напрасно Вы возражали против того, чтобы я ответил на Ваше доброе письмо. Я действительно должен Вам сказать, как я рад слышать об изменении в Вашем суждении — или, по крайней мере, о начале такого изменения. Конечно, я всегда знал, что Вы „восхищаетесь“ мною лишь из вежливости и почти совсем не верите в любую из моих доктрин, хотя я часто спрашивал себя, чем еще можно восхищаться в этих теориях, если они несправедливы, то есть если они не содержат большой доли истины. Между прочим, не кажется ли Вам, что ко мне относились бы лучше, если бы в моих доктринах содержался больший процент ошибок или безумия? Вы настолько меня моложе, что я могу надеяться считать Вас среди моих „последователей“ к тому времени, когда Вы достигнете моего возраста. Так как в то время я уже не смогу об этом узнать, я предвкушаю удовольствие от этого сейчас».

Как бы то ни было, хотел того Фрейд или нет, празднование восьмидесятилетия Фрейда отмечалось достаточно широко и стало своего рода «последним праздником европейской культуры», перед тем как «коричневая чума» распространилась на всю Европу.

8 мая 1936 года в переполненном зале венского «Концерт-хауса» проходило посвященное Фрейду собрание Академического общества психологической медицины, на котором специально прибывший в столицу Австрии Томас Манн впервые публично зачитал свою речь «Фрейд и будущее» (впоследствии ему пришлось зачитывать ее неоднократно). По окончании заседания в отеле «Империал» был дан юбилейный банкет.

Но еще до этого Манн, любимый писатель семьи Фрейд, появился на Берггассе, чтобы вручить юбиляру поздравительный адрес, под которым стояла 191 подпись видных писателей, деятелей науки и искусства всего мира. Помимо вполне ожидаемых подписей того же Манна, Стефана Цвейга, Ромена Роллана, там стояли и подписи Герберта Уэллса, Вирджинии Вулф, Жюля Ромена и др. Тогда же Манн специально зачитал свою речь перед Фрейдом, и тот растроганно заметил, что она оказалась куда великолепнее, чем он ожидал.

«Особое отношение чествуемого к миру поэзии, литературы вытекает из этого точно так же, как своеобразная причастность поэта, писателя к сфере познания, творцом и мастером которой предстает перед миром тот, чей юбилей мы сегодня отмечаем. И

опять-таки особенна и замечательна эта взаимосвязь, эта близость друг к другу тем, что обе стороны долгое время не знали о ней, что она оставалась в области „бессознательного“ — в той, стало быть, области души, разведка и раскрытие которой суть для гуманности истинное призвание как раз этого познающего ума. Близость литературы и психоанализа давно осознана обеими сторонами. А торжественность этого часа состоит, по крайней мере, на мой взгляд и по моему ощущению, в первой, пожалуй, публичной встрече обеих сфер, в манифестации этого сознания, в демонстративном признании его»[286], — говорит Манн во вступительной части своей речи, чтобы далее подчеркнуть ту роль, которую Фрейд наряду с Ницше и Шопенгауэром сыграл как в его мировоззрении и творчестве, так и во всей европейской культуре.

Заключительная часть речи звучит уже как настоящая ода Фрейду и одновременно как объяснение, в чем именно великий писатель видел позитивное значение его теории для будущего человечества:

«…Когда-нибудь в труде Фрейда увидят один из важнейших строительных камней, положенных в многообразно созидаемую ныне антропологию, а тем самым в фундамент будущего, в дом более умного и более свободного человечества. Этого врача-психолога будут, думаю, чтить как первопроходца будущего гуманизма, который мы предчувствуем и который пройдет через многое, о чем не знали прежние гуманисты, — гуманизма, чьи отношения с силами преисподней, бессознательного, „не-Я“ будут смелее, свободнее, веселее, искуснее, чем то дано нынешнему, изнуренному невротическим страхом и сопутствующей ему ненавистью человечеству. Фрейд, правда, полагал, что будущее, вероятно, признаёт значение психоанализа как науки о бессознательном в гораздо большей степени, чем его ценность как лечебного метода. Но и сама наука о бессознательном — это тоже лечебный метод, сверхиндивидуальный лечебный метод, лечебный метод большого размаха. Сочтите сказанное писательской утопией, но в общем-то совсем не нелепа мысль, что когда-нибудь уничтожение великого страха и великой ненависти, их преодоление через иронически-артистическое и при этом необязательно неблагочестивое отношение к бессознательному признают целебным воздействием этой науки на всё человечество.

Аналитическое знание изменяет мир; оно приносит в мир веселую недоверчивость, разоблачающую подозрительность по отношению к тайникам и махинациям души, подозрительность, которая, однажды пробудившись, уже никогда не исчезнет в мире.

Она пропитывает жизнь, подтачивает ее грубую наивность, лишает ее пафоса невежества, депатетизирует ее, воспитывая вкус к „under-statement“, как говорят англичане, к склонности скорее преуменьшить, чем преувеличить, к культуре серединного, ненапыщенного слова, ищущего силу в умеренном…

…Соединение в ней пионерства с врачевательством оправдывает такие надежды. Фрейд назвал как-то свое учение о снах „полосой научной целины, отхваченной у суеверия и мистики“. В этом словечке „отхваченной“ заключен колонизаторский дух и смысл его исследований. „Где было ‘не-Я’, да будет ‘Я’“, — сказал он однажды афористически, да и сам он называет психоаналитическую работу трудом на поприще культуры, сравнимым с осушением Зюйдерзее. Так сливаются у нас в конце черты досточтимого мужа, которого мы чествуем, с чертами старика Фауста, которого тянет „любой ценою у пучины кусок земли отвоевать“».

Еще одним поистине королевским подарком к юбилею стало присвоение Фрейду звания члена-корреспондента Королевского общества Великобритании — одна из высших научных почестей того времени, перед которым меркли присвоенные ему в те же дни звания почетного члена Американской психиатрической ассоциации, Нью-Йоркского неврологического общества и т. п.

Несмотря на запрет, фактически наложенный на психоанализ и на гонения на психоаналитиков в СССР и Германии, на арест, наложенный гестапо в марте 1936 года на имущество «Верлага» в Лейпциге, психоаналитическое движение продолжало развиваться. Взявший дела «Верлага» в свои руки сын Фрейда Мартин попытался наладить деятельность издательства в Вене. В августе того же года в Мариенбаде прошел очередной психоаналитический конгресс — место его проведения было специально выбрано таким образом, чтобы Анне не пришлось слишком далеко уезжать от отца.

Еще одним знаменательным событием 1936 года стало для Фрейда празднование в сентябре его золотой свадьбы с Мартой. На «свадьбу» собралась вся семья за исключением разве что эмигрировавшего в Штаты Оливера. Вслед за этим в жизни Фрейда началась череда новых, теперь уже последних потерь, на фоне всё более ухудшающегося здоровья и усугубляющейся политической ситуации в стране.

В эти самые дни Мари Бонапарт решилась сообщить Фрейду о том, что приобрела еще в 1934 году его письма Флиссу, проданные его вдовой Идой какому-то букинисту. Последний, видимо, рассчитывал выставить письма на аукцион, но после того, как Фрейд был объявлен нацистами вне закона, довольно

легко и относительно дешево уступил их принцессе.

«Эта история с перепиской с Флиссом потрясла меня. После смерти Флисса его вдова попросила у меня его письма ко мне. Я дал общее согласие, но не смог их найти. То ли я их уничтожил, то ли благоразумно спрятал в укромное место, я так и не знаю… Как Вы можете себе представить, наша переписка была сугубо интимной.

Для меня было бы крайне неприятно, если бы она попала в чужие руки. Так что с Вашей стороны было в высшей степени любезно приобрести их и охранять от возможной опасности. Мне неудобно лишь, что в связи с данной покупкой Вы понесли некоторые расходы. Удобно ли будет мне предложить заплатить Вам половину их стоимости? Я бы еще раньше купил их сам, если бы этот человек пришел непосредственно ко мне. Мне бы не хотелось, чтобы хоть одно из этих писем дошло до сведения так называемого потомства», — написал Фрейд.

Как уже знает читатель, все эти письма именно благодаря Мари Бонапарт дошли до сведения потомства. Она опубликовала их в 1950 году — разумеется, с ведения и разрешения Анны, также посчитавшей, что пришло время открыть эти письма миру.

В декабре 1936 года Фрейду пришлось пережить еще одно мучительное удаление ткани нёба, показавшейся ему подозрительной. В январе Фрейд пережил потерю своей собаки Джофи, к которой был очень привязан. В феврале пришло известие о смерти Лу Андреас-Саломе. Как ни странно, несмотря на возраст и операцию, Фрейд всё еще продолжал принимать пациентов и работать над очерком о Моисее. Но он сознавал, что находится на закате жизни, и готовился к нему.

«Моя работа лежит позади, как Вы сами говорите. Никто не может предсказать, какие грядущие времена оценят ее. Сам я в этом не столь уверен, ведь сомнение неотделимо от исследования, а больше, чем толику истины, достичь не удалось. Ближайшее будущее выглядит сумрачно и для моего психоанализа. Во всяком случае, в те недели или месяцы, которые мне осталось прожить, я не испытаю ничего радостного», — писал Фрейд Стефану Цвейгу в ноябре 1937 года.

В пятницу 11 марта 1938 года состоялся печально известный аншлюс — «воссоединение» Австрии с Германией, и на улицах Вены появились черные мундиры СС. Очень скоро Фрейдам, как и другим евреям Вены, предстояло встретиться с одетой в эти мундиры нелюдью лицом к лицу.

12 марта Фрейд записал в своем дневнике: «Конец Австрии».

Но этот конец означал лишь начало поистине страшных времен.

* * *

Всё, что происходило в последующие дни, было какой-то фантасмагорией, но сама эта фантасмагория подтверждала теорию Фрейда о том, как легко может человек сбросить с себя тонкое нижнее белье «цивилизованности», чтобы предстать в своей первобытной психической наготе и отдаться на волю сидящим в нем агрессивности и других первичных влечений. То, с каким воодушевлением молодежь выкрикивала на улицах «хайль Гитлер!», было более чем достаточным доказательством либидозного характера связей между толпой и вождем. Этот вождь уже освободил своей властью всех и каждого члена толпы от «сверх-Я», от «еврейской химеры по имени Совесть»; конь «Оно» сбросил наземь своего всадника «Я», и самые страшные кошмары сновидений стали явью, выполняя тайное желание будущих жертв: если всё это неизбежно, то пусть уж наступит как можно скорее.

История сохранила для нас свидетельства тех дней.

…По всей Вене рыскали штурмовики, устраивая погромы и конфискации имущества в еврейских домах.

…Еврейских стариков согнали на Пратер, заставили раздеться догола и ползать по тротуару на четвереньках — из чего ясно следовало, какие сексуальные фантазии мучили их палачей.

…Трех евреев заставили встать на колени и мыть тротуар под конвоем штурмовиков, один из которых при всех расстегнул брюки и помочился в лицо еврею — какой простор для психоаналитической трактовки!

…В первые же недели после аншлюса началась отправка евреев в концлагеря.

Но даже если Фрейд сознавал, что всё происходящее является подтверждением правоты его теории, то вряд ли испытывал от этого чувство удовлетворения. На второй день аншлюса нацисты появились в офисе издательства «Верлаг», конфисковали небольшую сумму наличных и арестовали Мартина Фрейда, а затем и прибывшего в Вену Эрнеста Джонса. Правда, последний, будучи англичанином, был вскоре освобожден, а затем по дипломатическим каналам добился освобождения и Мартина. Однако всё имущество «Верлага» было арестовано, а в последующие дни Мартина заставили написать письмо в Швейцарию с указанием перевезти в Вену все уже отпечатанные и хранящиеся на складе сочинения Фрейда — чтобы затем их торжественно сжечь.

Вскоре штурмовики появились и в доме Фрейда. Ввалившись

в гостиную, они потребовали от хозяйки отдать им имевшиеся дома деньги. С удивительным спокойствием Марта положила на стол деньги, приготовленные ею на ведение домашнего хозяйства. Затем Анна Фрейд проводила их к домашнему сейфу, где лежало шесть тысяч шиллингов — относительно крупная, но отнюдь не поражающая воображение сумма. Джонс пишет, что, вероятно, они намеревались продолжить грабеж, но тут, потревоженный шумом, в дверях появился Фрейд. Несмотря на то что он был изможден болезнью, казалось, что от него исходила некая магическая сила, а глаза сверкали такой яростью, что он напоминал в эти минуты еврейского пророка библейской эпохи. Странно, но после этого погромщики вдруг смешались и поспешили удалиться. Но через неделю в доме появились гестаповцы, проделавшие тщательный обыск и арестовавшие Анну. С тех пор это повторялось довольно часто: то Мартина, то Анну вызывали на допросы, и однажды последнюю задержали в гестапо на сутки. Это был один из самых черных дней в жизни Фрейда: он извелся в ожидании дочери и мучаясь тревогой за ее судьбу. К счастью, Фрейд не знал, что Макс Шур незадолго до того дал Мартину и Анне смертельную дозу веронала, чтобы они могли покончить с собой в случае, если их начнут пытать.

Разумеется, участь Фрейда и членов его семьи была бы куда более страшной, если бы нацисты не сознавали, что имеют дело с мировой величиной, о чем им постоянно напоминали занимавший тогда пост посла США во Франции Уильям Буллит и, само собой, принцесса Мари Бонапарт. Анна Фрейд была отпущена из гестапо лишь после прямого вмешательства американского дипломата Уайли.

Но еще до всех этих событий, на следующий день после визита на Берггассе штурмовиков, 13 марта, в квартире Фрейда собрались члены правления Венского психоаналитического общества. На собрании было решено, что каждый, кто сможет уехать, должен покинуть Австрию, а центром Венского общества будет объявлено любое место, которое назовет сам Фрейд. «После разрушения Титом Иерусалима раввин Йоханан бен Закай попросил Веспасиана разрешить ему открыть в Явне школу для изучения Торы — и так спас иудаизм. Мы собираемся сделать то же самое. В конце концов, мы знакомы с преследованиями по нашей истории и традиции, а некоторые и по личному опыту», — сказал Фрейд, подводя итоги собрания. Эта речь необычайно показательна тем, что и в этот период он продолжал мыслить еврейскими категориями и парадигмами. Правда, оглядев присутствующих, Фрейд вынужден был с улыбкой добавить, что всё сказанное верно, за одним исключением — и указал пальцем

на Рихарда Штербу, единственного немца среди собравшихся. Правда, Штерба себя явно исключением не считал и спустя два дня эмигрировал в Швейцарию, разделив судьбу своих еврейских коллег.

Всем друзьям и ученикам Фрейда было ясно и то, что ему и его семье никак нельзя оставаться в Вене, но, как пишет тот же Эрнест Джонс, для этого надо было преодолеть три трудности. Во-первых, убедить в необходимости такого шага самого Фрейда, который еще некоторое время продолжал упираться и говорить, что предпочитает умереть в родном городе. Во-вторых, убедить нацистов выпустить Фрейдов из страны. В-третьих, добиться для них въездных виз с правом на работу, что тоже было крайне нелегко, так как одна страна за другой захлопывала свои двери перед немецкими и австрийскими евреями.

Справившись с первым из этих дел (он убедил старика Фрейда, что тот, подобно капитану «Титаника», не имеет права покинуть мостик психоаналитического корабля до последнего дыхания), Джонс принялся за второе, добиваясь, чтобы Фрейд был принят именно Англией — эмиграция в Штаты была бы для него слишком тяжелым испытанием. Мари Бонапарт и другие тем временем улаживали проблемы с новыми властями Австрии, готовя переезд Фрейда так, чтобы он оказался как можно менее болезненным со всех точек зрения. Разумеется, ко всем этим усилиям были подключены ученые, дипломаты и чиновники как в Англии, так и в других странах.

Мари Бонапарт вместе с Анной пересмотрели весь архив Фрейда, отобрав рукописи и письма, достойные внимания, и предав огню всё остальное. Кроме того, принцесса позаботилась о том, чтобы переправить по дипломатическим каналам отложенные Фрейдом золотые монеты — наученный горьким опытом инфляции Первой мировой, он с тех пор предпочитал держать сбережения в золоте. По этим же каналам Мари Бонапарт передала и письма Фрейда Флиссу, сохранив их таким образом для потомства и, как уже говорилось, опубликовав в 1950 году.

Любопытно, что скрывать тот факт, что у Фрейда были сбережения и в зарубежных банках, ему помогал немецкий комиссар доктор Зауэрвальд. Как почти у любого патологического антисемита, у Зауэрвальда был свой «хороший еврей» — его любимый университетский преподаватель профессор Герциг. Фрейд внешне напоминал ему любимого учителя, и потому Зауэрвальд начал ему симпатизировать и даже, по мере возможностей, помогал. В результате часть банковских сбережений Фрейда была конфискована, но часть всё же удалось сохранить.

Сам Фрейд коротал это время, отделяя из библиотеки те книги, которые он намеревался взять с собой в Англию, от тех, которые, по его мнению, больше ему никогда не понадобятся, а также переводя вместе с Анной книгу Мари Бонапарт «Топси». Кроме того, не меньше чем час в день он работал над «Моисеем», который, как он признавался в письмах Джонсу, мучил его «как злой дух» — слова, которые стоит запомнить читателю.

К началу мая все необходимые для эмиграции бумаги были наконец получены. Всего вместе с Фрейдом в качестве членов его семьи разрешение на переезд в Англию получили 17 человек: Марта, Минна, Анна, Мартин с женой и двумя детьми, внук Фрейда Эрнст Хальберштадт, дочь Матильда с мужем, Макс Шур с женой и двумя детьми и две верные горничные Фрейдов. Фрейд при этом продолжал мыслить всё теми же библейскими ассоциациями и писал сыну Эрнсту в Лондон, что чувствует себя библейским Иаковом перед переездом из Ханаана в Египет.

К концу мая почти вся семья Фрейд уже перебралась в Англию, но тут возникли непредвиденные обстоятельства. Дело в том, что Анна с Мари Бонапарт решили сделать всё, чтобы воссоздать в Лондоне ту самую обстановку, в которой жил Фрейд на протяжении десятилетий, — то есть вывезти не только его коллекцию археологических артефактов и антиквариата, но и всю обстановку. Нацисты в ответ потребовали заплатить до 21 июня «налог на имущество», составлявший 25 процентов от суммы, в которую они его оценили. В случае неуплаты налога они угрожали конфисковать коллекцию Фрейда. Причем стоимость имущества Фрейда была оценена в поистине астрономическую сумму — 31 329 рейхсмарок. Безусловно, при желании Фрейд мог бы заплатить требуемый налог, но это означало бы раскрыть тайну тех зарубежных вкладов, которые ему удалось скрыть от нацистов. В результате требуемые 4824 доллара были уплачены за Фрейда Мари Бонапарт.

Теперь оставалась только одна формальность: в гестапо потребовали, чтобы Фрейд дал расписку следующего содержания: «Я, профессор Фрейд, настоящим подтверждаю, что со времени аншлюса Австрии германским рейхом германские власти, и особенно гестапо, относились ко мне со всем уважением и вниманием, как того требует моя научная репутация, что я мог жить и работать в абсолютной свободе, что я продолжал свою исследовательскую деятельность без каких-либо ограничений, что я получал всестороннюю поддержку в этом отношении от всех имеющих к этому отношение лиц и что у меня нет ни малейшего основания для какой-либо жалобы».

Согласно легенде, Фрейд позволил себе со свойственным ему

чувством мрачного юмора приписать: «Могу от всей души рекомендовать гестапо кому угодно». Однако это, повторим, не более чем легенда, основанная на рассказе самого Фрейда, что лишь он хотел сделать такую приписку и даже задал вопрос гестаповцу, может ли он это сделать…

В субботу, 4 июня, стоя на перроне Западного вокзала вместе с Анной, Мартой и своим псом чау-чау по кличке Лан, Фрейд попрощался с четырьмя остающимися в Вене сестрами — Розой, Паулой, Мици и Дольфи. Вместе с братом Александром Фрейд потом переслал сестрам 160 тысяч австрийских шиллингов — деньги, которых должно было хватить надолго. Фрейд понимал, что сестрам придется нелегко, но не верил, что немцы и в самом деле решатся на тотальное уничтожение евреев — ведь «нация, которая родила Гёте, не может так испортиться»!

Наконец поезд тронулся и за окном стали проплывать придорожные районы Вены — города, в котором Фрейд прожил 79 лет жизни, в котором прошел через травлю и обожание, познал любовь и ненависть, счастье великих открытий и горечь потерь и разочарований…

Потом и эти кварталы остались позади и потянулись аккуратные пейзажи Австрии и Германии, их сменила ночная мгла, укутавшая обе эти страны. На рассвете 5 июня поезд пересек французскую границу, а днем на парижском вокзале Фрейда, Анну и Марту уже встречали Мари Бонапарт и Уильям Буллит. Проведя день в резиденции принцессы, Фрейды отправились вечером в Кале, а оттуда — на пароме в Англию. Ночью ему снилось, что он, подобно Вильгельму Завоевателю, высаживается в бухте у города Певенси — несмотря на почтенный возраст и смертельную болезнь, он всё еще оставался конкистадором, и эта поездка была для него еще одним приключением, а Англия — страной, которую предстояло «завоевать» ему и его потомкам.

Так начиналась новая, последняя глава…

Не этой книги — всей долгой, мучительной, прекрасной, противоречивой и великой жизни Зигмунда Фрейда.

Глава восьмая
А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ…

Прибыв на пароме в Дувр, Фрейды отправились оттуда в Лондон, причем, учитывая важность его персоны, Фрейд получил дипломатический паспорт и освобождение от таможенного осмотра багажа. На лондонском вокзале поезд с Фрейдами был подан на особую платформу, чтобы избежать назойливого внимания фоторепортеров и просто любопытствующей публики, пришедшей посмотреть на отца психоанализа. Отсюда Джонс повез Фрейда на арендованную Эрнстом квартиру, с которой в сентябре 1938 года Фрейд с Мартой и Анной переселился в просторный дом с садом на Мерсфилд-гарденс. Эрнст расставил всю мебель так, чтобы новое, более просторное жилище напоминало отцу квартиру на Берггассе, а домработница Паула Фихтль расположила книги, античную коллекцию и все прочие предметы на рабочем столе хозяина в том же порядке, в каком они стояли в свое время в Вене. Таким образом, Фрейд и в самом деле должен был чувствовать себя в Лондоне как дома.

Судя по всему, первые месяцы пребывания Фрейда в Лондоне были в самом деле счастливыми. Пережитое в ходе поездки возбуждение, как это часто бывает, улучшило его самочувствие и придало новые силы.

«Здесь можно написать о многом, по большей части приятном, кое о чем очень приятном. Встреча на вокзале „Виктория“, а затем статьи в газетах за эти первые несколько дней были очень добрыми, даже восторженными. Мы утопаем в цветах. Приходят интересные письма: только три письма пришло от коллекционеров автографов, один художник хочет нарисовать мой портрет во время отдыха, и т. д.

…Затем поступают приветствия от большинства членов английской группы психоанализа, от некоторых ученых и еврейских обществ; piece de resistance была длинной телеграммой на четырех страницах из Кливленда, подписанной „жителями всех вероисповеданий и профессий“, в высшей степени почетное приглашение, со всевозможными данными нам обещаниями, чтобы мы поселились в их городе. (Нам придется им ответить, что мы уже распаковали свои вещи.) Наконец, и это нечто особенное для Англии, приходят многочисленные письма от незнакомых людей, которые просто желают сказать, как они счастливы, что мы приехали в Англию и находимся в безопасности и спокойствии», — писал Фрейд в эти дни.

Сохраняя верность данному Эрнесту Джонсу обещанию, Фрейд продолжал до последнего оставаться «на капитанском мостике» и внимательно следил за всем происходящим в мире психоанализа. В том числе — и за начавшейся на проходившем в августе 1938 года Международном психоаналитическом конгрессе в Париже дискуссией по вопросу о том, могут ли лица, не обладающие специальным медицинским образованием, заниматься психоанализом. Дискуссия шла в основном между европейскими и американскими психоаналитиками, и в итоге по этому вопросу был создан комитет из представителей обеих сторон для выработки компромиссного решения.

4 декабря 1938 года члены европейской группы комитета собрались в доме Фрейда, где он высказал свою точку зрения по данному вопросу. Следующее заседание комитета состоялось, опять-таки в доме Фрейда, 30 июля 1939 года, но к этому времени он был уже слишком слаб, чтобы принимать активное участие в обсуждении.

Само собой, в первые месяцы пребывания Фрейда в Лондоне его посетило немало именитых гостей — Герберт Уэллс и Стефан Цвейг, выдающийся антрополог профессор Бронислав Каспер Малиновский и принц Левенштейн. Необычайно тронула Фрейда встреча с тогдашним лидером сионистского движения, выдающимся химиком, будущим первым президентом государства Израиль Хаимом Вейцманом — что бы ни говорил Фрейд о том, что ему всё равно куда ехать из Вены, когда при нем заходила речь о сионизме или он встречался с кем-то из убежденных сторонников возрождения Еврейского государства на земле предков, — он тут же высказывал свою горячую поддержку этой идее. 19 июля 1938 года Цвейг привел в гости к Фрейду Сальвадора Дали, уже давно не скрывавшего своего преклонения перед Фрейдом. Пока Фрейд разговаривал с гостем, тот сделал его набросок, а впоследствии подробно описал этот визит в автобиографии. Судя по записи в дневнике, значительным событием посчитал Фрейд и приглашение выступить по радиостанции Би-би-си.

Было в те дни еще несколько знаменательных визитов, в том числе и визит секретарей Королевского общества, пришедших к Фрейду за тем, чтобы он оставил автограф в официальной книге записей. Был еще визит ряда видных еврейских историков и философов (Джонс упоминает только профессора Иегуду, но были и другие), а также лидеров еврейской общины Великобритании, пытавшихся уговорить Фрейда не публиковать книгу «Моисей и монотеизм», однако Фрейд категорически отказался. «Мы, евреи, всегда знали, как уважать духовные

ценности. Мы сохранили наше единство через идеи, и именно из-за них мы уцелели до наших дней», — написал Фрейд, объясняя, почему ему так важно опубликовать эту работу.

В ходе состоявшейся 7 ноября 1938 года встречи с членами комитета Научного института еврейского языка Фрейд напомнил гостям, что всегда с гордостью признавал свое еврейское происхождение, хотя его отношение к любой религии, включая иудаизм, всегда было негативным. По словам Фрейда, требование не публиковать книгу «Моисей и монотеизм» для него неприемлемо, так как он не может отказаться от своего права ученого высказывать истину. В результате осенью 1938 года в Голландии вышло первое издание этой книги на немецком (!!!), а за ним последовали переводы сначала на английский, а затем и на другие мировые языки.

Концепция книги «Моисей и монотеизм» широко известна: по версии Фрейда, Моисей был не евреем, а египтянином, последователем монотеистической религии, предложенной фараоном Эхнатоном. Не найдя поддержки у соплеменников, этот египтянин по имени Моисей обратился к евреям, вывел их из Египта, но затем был убит ими во время одного из бунтов в пустыне. Это убийство, в свою очередь, породило у нации чувство вины, обусловившее ее безоговорочную верность Моисеевой религии.

Но, во-первых, такое изложение крайне примитивно и не охватывает всех идей книги. Во-вторых, речь идет о работе, которая, несмотря на всё несерьезное отношение к ним историков, оставила глубокую травму в сознании еврейского народа. Оба эти фактора говорят о том, что эта, последняя серьезная работа Фрейда заслуживает более пространного и серьезного разговора.

* * *

То, что целый ряд видных еврейских историков, философов и общественных деятелей призывали Фрейда воздержаться от публикации «Моисея и монотеизма», было, безусловно, не случайно. И сегодня эта работа Фрейда вызывает чувство глубокого отторжения у значительной части евреев — причем не только религиозных, но и тех, кто, будучи вполне светскими людьми, сохранил национальное самосознание и связь с еврейской культурой.

Дело не только в том, что Фрейд в ней отрицает принадлежность к еврейскому народу самого выдающегося его

духовного и политического лидера.

Нет, Фрейд совершает в «Моисее и монотеизме» нечто куда большее: отнимает у евреев то, что традиционно считается их главным историческим приоритетом, — создание монотеизма и привнесение в мир его высоких моральных принципов и духовных истин, тем самым фактически перечеркивая и значимость еврейской истории и культуры для развития цивилизации. Но следует вспомнить и то, что книга эта была написана и выпущена в тот самый период, когда в мире и без того шла оголтелая антисемитская вакханалия, когда официальная идеология нацизма провозгласила евреев «низшей расой», принесшей человечеству только зло и подлежащей полному истреблению. В такие моменты истории для любой гонимой нации крайне важно выстоять не только физически, но и духовно, предъявить миру и самой себе весомые аргументы своей исторической значимости, почерпнуть в собственном прошлом силы, чтобы выстоять и победить в объявленной ей войне на уничтожение. В этом смысле написание «Моисея и монотеизма» было ударом в спину — и этот удар во многом определил крайне негативное отношение к Фрейду многих евреев, сохраняющееся и до сих пор.

Ведал ли Фрейд, что творит? Или, точнее, сознавал ли он это, что называется, до конца? На первый взгляд — да, и об этом однозначно свидетельствуют уже начальные фразы работы: «Лишить народ человека, которым он гордится как величайшим из своих сынов, не является делом, предпринимаемым с охотой или легкомыслием, и тем более, если сам являешься представителем этого невроза. Но мы не можем позволить, чтобы какие-либо подобные соображения побудили нас отказаться от истины в пользу того, что принято считать национальными интересами»[287].

Как видим, цель обозначена достаточно ясно: «…лишить народ человека, которым он гордится как величайшим из своих сынов». При этом «неврозом» объявляется не только сам иудаизм (каковым Фрейд вроде бы считал любую религию), но и сама принадлежность к еврейскому народу, а невроз для Фрейда — это болезнь или болезненное состояние, которое надо лечить. Таким образом, получается, что те, кто провозглашает евреев изначально «нездоровой расой», как минимум в чем-то правы.

Но вот тут и возникает вопрос о том, насколько всё же Фрейд сам был в здравом уме, когда писал этот очерк. С одной стороны, все свидетельства современников говорят о том, что едва ли не до последней минуты жизни он не проявлял никаких признаков старческой деменции или даже ослабления интеллекта. С другой стороны, он сам признаётся в очерке, что его творческие силы в

период его написания уже далеко не те, что прежде, — это во-первых. Во-вторых, возраст, в котором создавался «Моисей и монотеизм» (78–82 года), почти всегда сопровождается теми или иными психическими изменениями. В-третьих, мучившие Фрейда в этот период подчас совершенно адские боли не могли не способствовать этим изменениям (если они были), обостряя их. Наконец, в-четвертых, усилившаяся в немецкоязычном мире антисемитская пропаганда, постоянные публикации в прессе различных материалов, проповедующих превосходство «высшей» арийской расы и неполноценность еврейской, так или иначе не могли влиять на взгляды и самоощущение любого, кто их читал, включая евреев.

Поэтому да будет позволено предположить (и попробовать это затем хотя бы отчасти доказать), что все эти факторы и в самом деле обострили во Фрейде в последние годы жизни тот самый невроз самоненависти, который проявился еще в детстве, сильно мучил в период отрочества и юности и который, в сущности, никогда его и не покидал. Фрейд снова стал стыдиться своей принадлежности к евреям и ненавидеть в себе еврея. Он пытался избавиться от него, подчеркивая в речах и интервью свое еврейское происхождение, но это вызывало только обратный эффект. Повторим, этот «чисто еврейский невроз» хорошо и давно известен, он продолжает мучить многих евреев до сих пор, порождая вновь и вновь сочинения, подобные «Моисею и монотеизму». К одним из последних псевдонаучных книг можно отнести работу Шломо Занда «Кто и зачем придумал еврейский народ».

Вся история и сама структура книги «Моисей и монотеизм» уже сами по себе свидетельствуют о том, что она написана по меньшей мере психологически неуравновешенным, возможно, находящимся в состоянии нервного срыва человеком.

Начнем с того, что суммарно само написание трех составивших книгу очерков заняло долгих четыре года — в то время как все предыдущие работы подобного объема Фрейд обычно писал в течение нескольких месяцев (притом что для их написания у него было куда меньше свободного от пациентов, лекций и прочих дел времени). На одну только потерю работоспособности в связи с возрастом это не спишешь. Все три очерка сильно разнятся по объему и вдобавок имеют сразу три предисловия, причем два из них помешены в начале третьего очерка и посередине этого же очерка размешается третье — такое впечатление, что Фрейд, всегда стремившийся к стройному построению своих работ, вдруг забыл вообще, что означает понятие «предисловие». Ну и самое главное, неустойчивость

психики автора чувствуется и в стиле, и в содержании книги.

Первый очерк книги был назван Фрейдом «Моисей-египтянин». Сразу оговоримся, что версия о том, что пророк Моисей был по происхождению не евреем, а египтянином, была выдвинута еще в древности египетскими жрецами Манефоном и Херемоном, а затем была поднята на щит римлянами и убедительно разгромлена Иосифом Флавием в книге «О древности еврейского народа: Против Апиона». Однако затем эта гипотеза не раз поднималась на щит антисемитами всех мастей, и среди ее горячих сторонников был Эдуард Шюре — один из самых известных европейских проповедников теории превосходства «белой расы», которого с полным правом можно назвать предтечей немецкого нацизма. То, что Фрейд берет на вооружение и начинает активно доказывать справедливость этой антисемитской и ничем не подтверждаемой гипотезы, уже само по себе говорит о многом.

При этом первая часть очерка «Моисей-египтянин» посвящена изложению опять-таки хорошо известного факта, что имя «Моисей» — египетского происхождения. Фрейд настаивает на том, что до него этот факт «не был должным образом оценен», а между тем, по его мнению, это один из самых весомых аргументов в пользу того, что Моисей был именно египтянином. Словом, если исходить из этой логики, то имя «Зигмунд» свидетельствует о том, что его носитель является немцем, и никем иным. Нелепость такого довода очевидна: на протяжении тысячелетий многие евреи носили имена, принятые у тех народов, среди которых они жили, но имена Карл и Генрих еще не сделали из Карла Маркса и Генриха Гейне немцев (даже несмотря на их крещение), да и Альберт Эйнштейн, Густав Малер, Франц Кафка, Леонид и Борис Пастернаки и многие другие оставались евреями, несмотря на свои нееврейские имена.

Что касается рассказа Библии о рождении и чудесном спасении Моисея, то Фрейд признаёт, что этот рассказ коренным образом отличается от других мифов о рождении царей и героев, но объясняет это тем, что «Моисей был египтянином — вероятно, аристократом, которого легенда должна была превратить в еврея». И при этом он прекрасно сознаёт и признаёт, что эта версия может показаться читателю «неубедительной», и хотя из гипотезы о египетском происхождении Моисея вытекают важные и далеко идущие выводы, он «не готов публично выступить в их защиту, так как они основаны лишь на психологической достоверности и не имеют объективных доказательств».

Второй очерк книги носит многозначительное название «Если Моисей был египтянином». Здесь он опять-таки повторяет

высказанную задолго до него гипотезу о том, что подлинными родоначальниками монотеизма были не праотцы еврейского народа, как это представляет Библия, делая веру в Единственного Бога изначальной религией евреев, а фараон Эхнатон. Моисей же изображается одним из его последователей, который принес эту веру евреям вместе с египетским обычаем обрезания. Таким образом, повторим, Фрейд лишает евреев не только «права на Моисея», но и «авторского права» на монотеизм, передавая его тем же египтянам.

Дальше, по версии Фрейда, выйдя из Египта под предводительством Моисея, группа евреев встретилась в Синайской пустыне с близкородственными племенами, поклонявшимися кровавому мидиамскому богу вулканов по имени Яхве. Из объединения этих племен и родился еврейский народ, а культ египетского Атона слился с культом Яхве. Эти домыслы с легкостью разбивались уже современными Фрейду серьезными историками, обращавшими внимание и на значительные различия в культах Атона, и незримого еврейского Бога, и временным разрывом между Эхнатоном и Моисеем, и целым рядом других соображений, и, что самое интересное, Фрейд это прекрасно понимал. «И если мы имеем хоть какую-то веру в заключения современных историков, то придется согласиться, что нить, которую мы пытались сплести из предположения, что Моисей был египтянином, порвалась вторично. И на этот раз, по-видимому, без надежды на починку» — такими словами заканчивается четвертая главка второго очерка.

Казалось бы, после этого вывода так и просится что-то вроде «И нам не остается ничего другого, как согласиться с версией Библии о том, что Моисей все-таки был евреем».

Но нет — Фрейд продолжает отстаивать свою версию, привлекая для этого гипотезу немецкого историка Эрнста Селлина, что Моисей на самом деле умер не своей смертью, а был убит во время очередного бунта евреев в пустыне. «Это — убийство Моисея, великого вождя и освободителя, факт, который Селлин установил по намекам в писаниях пророков. Гипотезу Селлина нельзя назвать фантастической — она достаточно вероятна», — пишет Фрейд, не замечая, что путает «факт» с «гипотезой», пусть даже и «достаточно вероятной», то есть совершает непростительную для подлинного ученого ошибку. Сама гипотеза Селлина нужна Фрейду исключительно для того, чтобы «пасьянс сошелся». Дальше он уже оказывается в своей стихии и начинает трактовать еврейскую историю в русле идей «Тотема и табу», объясняя последующую канонизацию фигуры

Моисея и пронесенную через века верность данным им заповедям возникшим у еврейского народа чувством вины. Моисей, таким образом, оказывается «отцом первобытной орды» — диких и необузданных евреев, а затем и их жертвой, которая сначала обожествляется, а затем заменяется фигурой Единственного Бога. Остается после этого только удивляться, почему другие древние народы, прошедшие, по Фрейду, точно такой же исторический путь, в итоге не пришли к истине монотеизма.

Надо заметить, что несостоятельность гипотезы Селлина давно и однозначно доказана. Она строится (как и очерк Фрейда о Леонардо да Винчи) на неверном переводе в Вульгате строк 12-й главы книги пророка Осии — из этой фразы можно понять, что Бог, дескать, взыщет с колена Ефрема (Эфраима) кровь некого убитого им пророка. Но, во-первых, даже если это было и так, то с чего Селлин взял, что речь идет о Моисее? Да и как Осия, живший столетия спустя после «убийства Моисея», мог помнить об этом событии, которое вдобавок, по Фрейду и Селлину, держалось втайне. Любопытно, что синодальный перевод этой книги на русский хотя тоже не совсем точен, но гораздо ближе к оригиналу и звучит следующим образом: «Сильно раздражал Ефрем Господа, и за то кровь егно оставит на нем и поношение его обратит Господь на него» (Осин, 12:14). Смысл этого отрывка однозначен: кровь языческих жертвоприношений (а вовсе не кровь пророка!), которые совершали колена Ефрема, Господь обратит против него.

Что касается единобожия, то оно, по Фрейду, как уже говорилось, родилось из слияния двух богов — египетского Атона и мидиамского Яхве. Причем последний представляется им как «грубый, ограниченный местный бог, яростный и кровожадный», он пообещал своим приверженцам «землю, где текут молоко и мед», и побудил их уничтожить ее коренных обитателей «острием меча». Так, лишив евреев сначала их пророка, затем звания первооткрывателей монотеизма, Фрейд в конце концов лишает их и Бога, а точнее, отказывает этому Богу в статусе Творца и Владыки Вселенной. Но при этом говорит об этом Боге как о человеке, который что-то обещает, к чему-то побуждает и т. д.

И еще одно. Назвав очерк «Если Моисей был египтянином», Фрейд как бы заранее объявил, что у него должно быть естественное продолжение, которого и в самом деле требует объективное научное исследование: «Если бы Моисей был евреем». Более того, Фрейду ничего не стоило бы вспомнить в этой, так и не написанной главе, что история Моисея вновь и вновь повторялась затем в еврейской истории, и своеобразным доказательством существования «парадигмы Моисея» можно считать биографии двух его великих современников — Теодора

Герцля и Владимира (Зеева) Жаботинского. Оба они, как известно, выросли и воспитывались в нееврейской среде, до определенного возраста не считали себя евреями, но в итоге стали одними из крупнейших национальных еврейских лидеров Нового времени.

Но в нарушение логики повествования вместо главы «Если бы Моисей был евреем» идет третья, самая пространная глава очерка — «Моисей, его народ и монотеистическая религия», где Фрейд представляет свой взгляд на онтологические корни христианства и пытается дать свое объяснение природы антисемитизма.

Истоки христианства, по Фрейду, следует искать в стремлении преодолеть всё то же подавленное евреями чувство вины за убийство Моисея. «Похоже, что растущее чувство вины охватило весь еврейский народ или, может быть, и весь цивилизованный мир того времени в качестве предзнаменования возврата подавленного материала. Пока, наконец, один из представителей еврейского народа в качестве политико-религиозного агитатора не нашел удобного случая отделить от иудаизма новую — христианскую — религию. Павел, римский еврей из Тарсуса, ухватился за это чувство вины и точно проследил его обратно к первоначальному источнику. Он назвал его „первородным грехом“; это было преступление против Бога, которое можно было искупить только смертью. С первородным грехом в мир пришла смерть. Фактически этим преступлением, заслуживающим смерти, было убийство первоначального отца, который затем был обожествлен. Но убийство не запомнилось: его место заняла фантазия искупления, и поэтому эта фантазия могла быть провозглашена как откровение об искуплении (благая весть). Сын Господа согласился безвинно быть казненным и таким образом принял на себя вину всех людей. Это должен был быть сын, так как убит был отец… Иудаизм был религией отца. Христианство стало религией сына. Старый Бог Отец отступил за спину Христа; Христос, Сын, занял его место, именно так, как желал этого любой сын в первобытные времена. Павел, который был продолжателем иудаизма, также и разрушил его», — утверждает Фрейд.

И дальше он начинает свое логическое обоснование природы антисемитизма и, по сути, приходит к его оправданию:

«Бедный еврейский народ, который со своим обычным упорством продолжал отрицать убийство отца, в ходе времени тяжело искупил эту вину. Его постоянно попрекали: „Вы убили нашего Бога!“ И этот укор, если его правильно толковать, был справедливым. Если соотнести его с историей религии, то он будет звучать: „Вы не хотите согласиться с тем, что убили Господа

(первоначальный образ Бога, первоначального отца и его последующего воплощения)“. Здесь должно быть следующее дополнение: „Мы, конечно же, сделали то же самое, но мы согласились с этим, и с тех пор мы прощены“…»

Если это объяснение и кажется натянутым, то мысли Фрейда по поводу природы антисемитизма представляются и в самом деле интересными. Он отметает версии о том, что причиной дурного отношения к евреям в христианских странах было то, что они были чужаками и вдобавок расово отличались от европейцев; в конце концов, евреи — типичные представители народов Средиземноморья, являющихся частью Европы. Фрейд называет три основных фактора, продуцирующих европейский антисемитизм, помимо умения оставаться самими собой, занимая при этом видные позиции в экономике и культуре народов, среди которых они живут. Причем Фрейд предупреждает, что называемые им причины могут показаться неправдоподобными, но он уверен в их истинности.

Первый фактор — в том, что «зависть к народу, который провозгласил себя перворожденным, любимым дитятей Бога Отца, не преодолена другими людьми даже сегодня: как будто они думают, что эти претензии оправданы» (то есть по аналогии с семьей антисемитизм у Фрейда имеет ту же природу, что и ревность по поводу любви родителей между братьями и сестрами).

Второй — связан с обычаем обрезания, так как оно, дескать, «производит неприятное, жуткое впечатление, которое, несомненно, объясняется тем, что оно напоминает о наводящей ужас кастрации, а вместе с ней и о части первобытного прошлого, которая была охотно забыта».

Третий фактор, по Фрейду, заключается в том, что европейские народы «под тонким налетом христианства… остались тем же, чем были их предки, исповедовавшие варварский политеизм. Они не избавились от чувства недовольства навязанной им новой религии, но они перенесли это недовольство на источник, из которого пришло к ним христианство… Ненависть к евреям по своей сути является ненавистью к христианам».

Развивая идею первого из названных им факторов, Фрейд подчеркивает и «черты характера евреев», которые звучат как обвинения. «Без сомнения, — пишет он, — они (евреи. — *П. Л.)* имеют чрезвычайно высокое мнение о себе, они считают себя более выдающимися, занимающими более высокое положение и превосходящими других людей, от которых отличаются множеством своих обычаев. В то же время в жизни их вдохновляет

особая уверенность, такая, которая приобретается вследствие обладания чем-либо ценным, каким-то особым оптимизмом: набожные люди называют это верой в Господа. Мы знаем причину такого поведения, а также и то, в чем заключается их тайное сокровище. Они действительно считают себя народом, избранным Господом, и верят, что стоят особенно близко к Нему, что и делает их гордыми и уверенными.

Заслуживающие доверия источники сообщают нам, что в эллинистические времена они вели себя точно так же, как и сегодня, так что уже к тому времени становление евреев завершилось; и греки, среди которых и рядом с которыми они жили, реагировали на особенности евреев точно так же, как и народы, среди которых они живут сегодня. Можно подумать, что они реагировали так, будто и сами верили в превосходство, на которое претендовал народ Израиля. Если кто-либо объявляет себя любимцем наводящего ужас отца, то он не должен удивляться зависти своих братьев и сестер, и еврейская легенда о Иосифе и его братьях очень хорошо демонстрирует, к чему может привести такая зависть».

Словом, если бы евреи покаялись, отказались бы от своих обычаев, религии и самих себя, то не было бы и антисемитизма. По одной простой причине — тогда не было бы и евреев…

Как отмечают все исследователи, обращение Фрейда к образу Моисея было, безусловно, не случайным. Вспомним, что еще в середине жизни он посвятил довольно пространное эссе скульптуре Моисея работы Микеланджело. В непомерном тайном и явном тщеславии Фрейд сравнивал свою роль в истории человечества с ролью Моисея, давшего миру новое знание и новую мораль, и не раз использовал это сравнение в письмах к Юнгу и другим ученикам. В то же время та гложущая его бессознательная ненависть к собственным национальным корням, тайное презрение к евреям, особенно из Восточной Европы, представителем которых был по происхождению и он сам, пробуждала в нем то, что незабвенный Козьма Прутков называл «желанием стать испанцем». С той разницей, что сам Фрейд мечтал быть не испанцем, а немцем, носителем «истинного немецкого духа».

Это и побудило его стать горячим сторонником версии о том, что Моисей был не евреем, а египтянином. Это же и не дало ему написать главу «Если бы Моисей был евреем» — потому что в такой главе книги он бы сам с легкостью опроверг все свои предыдущие доводы и пришел бы к прямо противоположным выводам. Настаивая на том, что библейский Моисей был египтянином, Фрейд, по его же собственной теории, пытался

доказать, что «новый Моисей Зигмунд Фрейд» по сути евреем не является и все претензии к нему немецких нацистов беспочвенны. Наоборот, на самом деле он всегда был и оставался немцем, дитем еврейской культуры, и если бы не столь однозначное пресловутое происхождение от евреев, Фрейд вполне стал бы одним из самых верных последователей Гитлера — может быть, даже куда более верным, чем его некогда любимый ученик Карл Густав Юнг. Чрезвычайно показательно в связи с этим сделанное им Джонсу признание, что, когда он гуляет по Лондону среди англичан, его охватывает странное желание кричать «хайль Гитлер!». Думается, здесь дело отнюдь не в том, что воздух свободы сыграл с Фрейдом дурную шутку и он уподобился профессору Плейшнеру из «Семнадцати мгновений весны». Скорее наоборот: Фрейд говорит, что, оказавшись в Лондоне, он как никогда остро почувствовал себя немцем и ему захотелось поэпатировать англичан.

Словом, при всей своей патологической фрейдофобии О. Г. Виленский, похоже, был прав, когда, «в духе самого Фрейда», говорит, что Фрейд, «сознательно или подсознательно, хотел отделить Моисея от народа, из которого вышел сам „отец психоанализа“, постоянно при этом чувствуя свою национальную приниженность, и — соответственно — пытался сделать Моисея представителем высшей — египетской — расы»[288].

Надо заметить, что в главе, посвященной «Моисею и монотеизму», Виленский весьма убедительно разбивает все доводы Фрейда о египетском происхождении Моисея, но столь же основательная критика этой работы есть и в других сочинениях. Разумеется, в итоге Виленский, страдавший по отношению к Фрейду обсессивным синдромом, приходит к выводу, что «концепцию Фрейда о зарождении монотеизма невозможно рассматривать иначе, нежели типичный бред больного шизофренией»[289].

Безусловно, это явное передергивание. Но ведь и сам Фрейд утверждал, что образ Моисея мучил его подобно «злому духу», и то, что эта работа написана человеком с неустойчивой психикой, раздираемым на старости лет глубокими психическими и психологическими противоречиями, почти не вызывает сомнения. Это, повторим, проявилось в самой алогичности ее построения и в стиле автора.

Наконец, нельзя не обратить внимания на еще один момент. Джонс произносит в финале своей биографии Фрейда, что он «умер, как и жил», — реалистом. Скажем больше: для Фрейда было важно умереть реалистом. Как уже упоминалось выше, на старости лет Фрейд, по его собственному признанию, поймал

себя на том, что в нем пробуждаются некие религиозные чувства — и испугался этого пробуждения. Не исключено, что ему крайне важно было доказать самому себе, что смерть и в самом деле означает конец существования человеческой личности, что *там*, «за чертой», никого и ничего нет — и потому в «Моисее и монотеизме» он бросил вызов и самому Богу, Творцу Вселенной, низведя его до уровня мелкого племенного божка. Таким образом он как бы окончательно обрубил все связи и с иудаизмом, и со Всевышним, лишив себя, говоря словами Мандельштама, «и чаши на пире отцов, и надежды, чести своей» — ведь, согласно одному из догматов иудаизма, с которым Фрейд почти наверняка был знаком, тот, кто не верит в существование «жизни после смерти», не будет ее и удостоен.

«Моисей и монотеизм» стал своеобразным ответом Фрейда и тем, кто подозревал его в тайной религиозности. После этой книги это «подозрение» можно было с полным правом считать безосновательным. «Моисей не является недостойным прощанием», — написал Фрейд в одном из писем Гансу Заксу после выхода в марте 1939 года перевода книги на английский язык. Вопрос в том, можно ли было назвать такое прощание достойным…

* * *

Стремительное ухудшение состояния здоровья Фрейда началось еще в конце лета 1938 года, когда на его щеке Макс Шур снова обнаружил подозрительное пятно. Фрейда подвергли весьма болезненному лечению диатермией, но оно принесло лишь временное облегчение. В сентябре, после многочисленных консультаций у местных светил, в Лондон было решено вызвать Пихлера, сделавшего операцию, длившуюся два с половиной часа и ставшую самой тяжелой и болезненной со времени радикальной операции 1923 года.

Лишь к ноябрю Фрейд вроде бы почувствовал себя лучше, но в начале 1938 года Шур удалил омертвевшую часть челюстной кости. Это опять принесло недолгое облегчение, а в феврале 1939 года Шур заподозрил, что рак окончательно вернулся. Вскоре анализы подтвердили это его предположение, а после консультаций сначала с Пихлером, а затем с английскими и французскими врачами стало ясно, что речь идет о неоперабельном случае. Фрейд понимал, что ему осталось всего несколько месяцев жизни, и начался период написания прощальных писем и нанесения прощальных визитов.

«К этому времени, в марте 1939 года, опухоль Фрейда стала активной, метастазирующей и не поддающейся операции, — пишет Пол Феррис. — Кроме того, он страдал от сердечной недостаточности. Вдобавок к боли и общей слабости разлагающаяся кость издавала неприятный запах, отпугивавший его собаку. В щеке возникла гангрена, и его кровать пришлось защищать от мух противомоскитной сеткой. Но столь жуткий конец Фрейд встретил с хладнокровием стоика. Анна ухаживала за ним, вставая каждую ночь по нескольку раз, чтобы опрыскать его рот обезболивающим средством. Макс Шур, который удачно добрался до Англии (а также успел перевезти семью в Штаты и вернуться в Лондон. — *П. Л.),* проводил у Фрейда почти всё время…

…21 сентября, во вторник, Фрейд взял Шура за руку и сказал: „Мой дорогой Шур, вы, конечно же, помните нашу первую беседу. Тогда вы пообещали не оставить меня, когда придет мое время. Теперь это превратилось в сплошную пытку и больше не имеет смысла“. Шур сказал, что всё понимает. „Спасибо, — ответил Фрейд. — Поговорите с Анной, и если она не возражает, покончите с этим делом“.

…Поговорив с Анной, Шур сделал ему инъекцию большой дозы морфия и повторил ее, возможно, дважды в течение следующих тридцати шести часов. Фактически это была эвтаназия. Шур посоветовался с юристом до того, как написать отчет об этом эпизоде. Фрейд впал в кому и умер в три часа ночи в субботу, 23 сентября 1939 года…»[290]

26 сентября тело Фрейда было кремировано, и прах его был помещен в ту самую греческую урну, которую подарила ему Мари Бонапарт и о которой он заметил: «Жаль, что ее нельзя взять с собой в могилу».

Главным оратором на его похоронах, собравших множество людей из различных стран мира, стал Стефан Цвейг. Уже на похоронах многие обратили внимание на то, что в самой дате смерти Фрейда есть что-то мистическое — она пришлась одновременно и на субботу, и на Судный день, а еврейская традиция утверждает, что те, кто умирает в эти дни, автоматически получают прощение на Небесном суде. Как знать, может быть, Бог, в отличие от Фрейда, считал, что их разговор не закончен и его стоит продолжить ***там, за чертой…***

Но в любом случае, несмотря на то, что после смерти Фрейда прошло куда больше семидесяти лет, разговор о нем и его учении продолжается. И нет никакого сомнения, что будет продолжаться и через сто, а может быть, и более лет. В итоге Фрейд получил то, о чем мечтал подростком, — бессмертие в памяти человечества. И

потому, пожалуй, он относится к тому самому меньшинству представителей рода человеческого, которые, стоя перед лицом ангела смерти, с полным правом и с чувством глубокого удовлетворения могут написать: «Жизнь удалась!»

Послесловие
ЭПИКРИЗ

Эпикриз… — заключительная часть истории болезни, содержащая обоснование окончательного диагноза и проведенного лечения, а также мед. прогноз и лечебно-профилактические рекомендации.

Словарь иностранных слов. М.,1986. С. 589

В те самые дни, когда автор заканчивал эту книгу, в апреле 2013 года, все информационные агентства мира передали сообщение о том, что в чешском городе Пршиборе, в доме, где родился Зигмунд Фрейд, открылся его музей. То внимание, которое было уделено этому событию мировыми СМИ, уже само по себе свидетельствует, что личность Зигмунда Фрейда и сегодня продолжает притягивать к себе человечество, а его идеи по-прежнему вызывают споры и будоражат умы.

Впрочем, чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в прайс-листы различных издательств мира или просто набрать слова «Зигмунд Фрейд» в любом поисковике Интернета. Как ни странно, Фрейд остается одним из самых публикуемых авторов в жанре научной и научно-популярной литературы, а число статей, эссе, монографий и сайтов, посвященных его жизни и творчеству, просто огромно. Причем дискуссии, разворачивающиеся вокруг тех или иных его книг на многих интернет-форумах, ведутся так, что возникает ощущение, что многие их участники относятся к Фрейду как к нашему современнику.

Он и в самом деле является таковым, ибо, как уже не раз говорилось на страницах этой книги, Зигмунд Фрейд стал частью повседневной жизни человечества. Когда мы идем по улицам и натыкаемся на сексапильных красоток на рекламных плакатах, мы просто не задумываемся, что эта реклама создается с учетом фрейдистских идей о первичности сексуального влечения. Когда мы берем с полки бутылку с напитком, в контурах которой просматриваются очертания женской фигуры, нам и в голову не приходит, что дизайнер, создававший такую форму бутылки, основывался на теории Фрейда. Мы не замечаем, как мыслим категориями учения о психоанализе, оперируем ими в

рассуждениях о людях, о понравившихся фильмах или книгах и т. д., то есть, по сути дела, смотрим на мир глазами Зигмунда Фрейда. Таким образом, он не только не умер, не только не предан забвению, но и поселился в каждом из нас и, поселившись, тихо над всеми нами подсмеивается.

Фрейд, безусловно, жив и в психоанализе: сотни тысяч людей в разных странах продолжают пользоваться услугами психоаналитиков различных направлений и верят, что это им помогает. Любопытно, что даже те, кто признаёт, что современный психоанализ находится в кризисе, нередко ищут пути выхода из этого кризиса, апеллируя к авторитету Фрейда и пытаясь дать новое прочтение его работ.

Несомненно, фрейдизм, повлиявший на психологию и философию, развивался в многочисленных направлениях, которые, начни мы их рассматривать, увеличили бы объем этой книги как минимум вдвое. Кроме того, даже самые яростные противники Фрейда в самых различных областях нередко не замечают, как пользуются в своих трудах терминологией Фрейда — по той простой причине, что эти термины отражают объективные, давно научно доказанные реалии человеческой психики и идущих в ней процессов (пусть даже их механизм всё еще остается неизвестным).

Несомненно, десятилетия, прошедшие со времени смерти Фрейда, внесли свои коррективы в его теорию. Некоторые ее положения, да и многие работы Зигмунда Фрейда не могут вызвать сегодня у специалистов ничего, кроме улыбки — настолько наивными и «сказочными» они порой кажутся. Но если оценивать значение Фрейда в деле познания человеком самого себя, то следует прибегнуть к тому излюбленному образу, которым этот человек любил сам себя описывать — к образу конкистадора, а еще лучше — озорного любопытного мальчишки, который любит лезть туда, куда его не просят.

Фрейд не был первооткрывателем бессознательного — о существовании этого гигантского «подвала» в нашей психике было известно задолго до него. Но Фрейд был первым, кто рискнул спуститься в этот «подвал», осмотрел его и поведал человечеству о его содержимом. Безусловно, представленные им сведения об этом «подвале» были неточными — ведь он был вооружен даже не карманным фонариком, а свечой. Оглядываясь в полутьме подвала, он толковал увиденное исключительно на основе своего жизненного опыта и собственных фантазий. Уже потом, когда в этот подвал стали спускаться другие, вооруженные мощными электрическими прожекторами, они поняли, как много Фрейд напутал, да и вдобавок осмотрел-то он лишь один уголок

гигантского «помещения».

И всё же он был первым, и этот приоритет не отнимет у него никто.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой прав был все-таки именно Фрейд — нам просто еще предстоит оценить пророческую силу многих до сих пор не оцененных его идей.

А еще Фрейд, безусловно, живет в своих потомках, подавляющее большинство которых продолжает оставаться верным своему еврейскому происхождению и в той или иной степени соблюдает еврейские традиции. Двое его детей вошли в историю: Анна Фрейд в качестве его душеприказчицы, одного из лидеров Международного психоаналитического движения, крупнейшего специалиста и автора ряда книг по детскому психоанализу; Жан Мартин Фрейд — как автор книги «Зигмунд Фрейд: Человек и отец».

Старший сын Эрнста Фрейда Клемент Фрейд стал выдающимся английским политическим и общественным деятелем, первым некрещеным евреем — членом Английского парламента. Второй сын Эрнста Люсьен Фрейд вошел в историю как один из выдающихся художников XX — начала XXI века. Внуки Фрейда также добились немалых успехов на различных поприщах, хотя больше всех среди них известен сын Клемента Мэтью Фрейд, который был совладельцем крупнейшей английской компании по PR и консалтингу «Freud Communications».

Так что, думается, Фрейд был бы вполне доволен и своими внуками и правнуками, и своей посмертной судьбой. Хотя он и был всего лишь галицианец, не про нас будь сказано…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

1856, 6 мая — в городе Фрейберге, Австро-Венгрия (ныне Пршибор, Чехия), у Кальмана Якоба и Амалии Фрейд рождается мальчик, названный Шломо Сигизмундом.

1860 — семья Фрейд переезжает на постоянное жительство в Вену.

1865 — Шломо Сигизмунд приступает к учебе в Венской городской гимназии.

1871–1872 — период юношеского увлечения Фрейда Жизелой Флюс и активной переписки с друзьями по гимназии.

1873 — с отличием оканчивает гимназию и поступает на медицинский факультет Венского университета.

1875 — поездка в Англию, в Манчестер, к старшим единокровным братьям.

1876 — стажировка в области зоологии в Триесте.

1877 — начало работы в Институте физиологии под руководством Э. фон Брюкке. Публикация первой научной статьи о нервных окончаниях в позвоночнике миног.

1879 — переводит на немецкий 12-й том сочинений английского философа Дж. С. Милля.

1881 — присуждение ученой степени доктора медицины. Работа в качестве лаборанта-демонстратора в Физиологическом институте. Сотрудничество с Й. Брейером.

1882 — знакомство с Мартой Бёрнейс. Чтобы материально обеспечивать будущую семью, решает предпочесть врачебную карьеру академической и приступает к работе врачом-стажером в отделении внутренних болезней Венской городской больницы. Й. Брейер посвящает Фрейда в историю болезни Берты Паппенгейм и знакомит с катартическим методом лечения истерии.

1883 — Фрейд приступает к работе в психиатрической клинике Т. Мейнерта.

1884 — переход в отделение нервных болезней Венской городской больницы. Эксперименты с кокаином и публикация работы «О коке». Фрейд одним из первых обнаруживает болеутоляющее действие кокаина, но упускает возможность начала использования кокаина при местной анестезии.

1885 — успешная сдача экзаменов на звание приват-доцента Венского университета. Выезд на стажировку в Париж в клинику «Сальпетриер» знаменитого психиатра Ж. М. Шарко.

1886 — завершение стажировки у Шарко. Начало работы в качестве практикующего врача в Вене. Бракосочетание с Мартой Бёрнейс в Вандсбеке.

1887 — начинает специализироваться на лечении нервных заболеваний; вступает в переписку с В. Флиссом.

1889 — стажировка в Нанси у И. Бернгейма.

1890 — публикация статьи «Психическое лечение».

1891 — публикация работы «О понимании афазий». Фрейд с семьей переселяется в дом 19 на Берггассе, где прожил вплоть до своей вынужденной эмиграции в 1938 году.

1892 — наблюдение ряда пациентов, страдающих истерией, в ходе которых развивает катартический метод Брейера и приходит к выводу о неэффективности гипноза.

1893 — публикация статьи (совместно с Й. Брейером) «О психическом механизме истерических феноменов: Предварительное сообщение», в которой вводится понятие «вытеснение», ставшее одним из базисных в будущей теории психоанализа. В соавторстве с Брейером приступает к написанию «Этюдов об истерии». В посланном Флиссу развернутом плане статьи «Этиология неврозов» впервые предельно четко высказывается мысль об определяющей роли сексуальности в жизни человека.

1894 — начало работы над «методом свободных ассоциаций», заложившим основу практики психоанализа. Публикация статьи «Неврозы защиты».

1895 — выход в свет книги Й. Брейера и З. Фрейда «Этюды об истерии». В ночь с 23 на 24 июля на вилле «Бельвю» Фрейд видит «сон об инъекции Ирме», давший толчок к созданию метода анализа сновидений, важной части теории психоанализа. Пишет «Набросок научной психологии» и приступает к работе над «Тремя очерками по теории сексуальности».

1896 — разработка теории влечений. Публикация во Франции работы «Наследственность и этиология неврозов», в которой впервые употреблен термин «психоанализ». Лекция Фрейда о сексуальной этиологии истерии перед членами Венского психиатрического и неврологического общества встречает отрицательное отношение со стороны коллег. Смерть отца Кальмана Якоба Фрейда. Первые попытки сформулировать теорию эрогенных зон.

1897 — подача заявки на получение звания экстраординарного профессора. Вступление в еврейскую организацию «Бней-Брит». Фрейд переживает период интенсивного самоанализа, результаты которого легли в основу книги «Толкование сновидений».

1898 — публикация статьи «Сексуальность в этиологии неврозов», в которой впервые выдвигается концепция детской сексуальности. Разработка теории бисексуальности.

1899 — выход в свет (несмотря на датировку 1900 годом) книги «Толкование сновидений».

1900 — провел в Венском университете четырехмесячный обучающий курс по психологии сновидений.

1901 — первая публикация работы «Психопатология обыденной жизни».

1902 — создание психоаналитического кружка, который собирается в доме Фрейда по средам. Кружок заложил основу будущего Венского психоаналитического общества и дал импульс к созданию международного психоаналитического движения. Фрейд удостоен звания экстраординарного профессора неврологии Венского университета.

1904 — выход «Психопатологии обыденной жизни» отдельной книгой.

1905 — опубликованы работы «Мои представления о роли сексуальности в этиологии неврозов», «Три очерка по теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Фрагмент одного анализа истерии (История болезни Доры)».

1906 — начало переписки между Фрейдом и К. Г. Юнгом. Празднование пятидесятилетия. Начало изучения «случая маленького Ганса» (Герберта Графа).

1907— личное знакомство с К. Г. Юнгом и начало их сотрудничества. Выход в свет работ «Бред и сны в „Градиве“ В. Йенсена», «Навязчивые действия и религиозные обряды». Профессор Э. Блейлер, крупнейший психиатр того времени, официально признаёт научную ценность теории Фрейда.

1908 — кружок учеников Фрейда получает название Венского психоаналитического общества. 1-й Международный психоаналитический конгресс в Зальцбурге. Публикация работ «Художник и фантазирование», «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности», «„Культурная“ сексуальная мораль и современная невротика», «О детских сексуальных теориях», «Характер и анальная эротика». Первые переводы сочинений Фрейда на английский и их издание в США.

1909 — поездка в США в сопровождении К. Г. Юнга и Ш. Ференци, где в Университете Кларка Фрейд прочел пять лекций о психоанализе. Публикация работ «Замечания об одном случае навязчивых состояний», «Семейный роман невротика», «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Выход в свет под руководством Фрейда первого выпуска «Ежегодника

психоаналитических и психопатологических исследований».

1910 — 2-й Международный психоаналитический конгресс в Нюрнберге; создание Международного психоаналитического общества. Выход статей «Психогенное нарушение зрения в психоаналитическом восприятии», «Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи», книги «О психоанализе» и др.

1911 — конфликт с А. Адлером и его выход из Венского психоаналитического общества.

1912 — появление первого номера психоаналитического журнала «Имаго». Публикация работ «Тотем и табу», «Динамика трансфера», заметка «О бессознательном в психоанализе» (на английском языке). Конфликт с К. Г. Юнгом. Первые переводы произведений Фрейда на русский язык.

1913 — прекращение личных отношений с Юнгом. Четвертый Международный психоаналитический конгресс в Мюнхене. Публикация работ «Мотив выбора ларца», «Диспозиция неврозу агрессивности», «Сон как аргумент» и др. Начинает выходить «Международный журнал по психоанализу».

1914 — опубликованы работы «К истории психоаналитического движения», «„Моисей“ Микеланджело», «К психологии гимназистов» и др. Полный разрыв с Юнгом и выход последнего из Международного психоаналитического общества. Начало Первой мировой войны, парализующей работу Фрейда как практикующего психоаналитика.

1915 — курс лекций Фрейда по психоанализу в Венском университете для врачей и неспециалистов. Статьи «Влечения и судьбы влечений», «Сообщение об одном случае паранойи», «Замечания о трансферной любви», «Актуальные мысли о войне и мире» и др. Выходит существенно расширенное за счет новых идей издание «Трех очерков по теории сексуальности».

1916 — чтение в Венском университете курса по общей теории неврозов. Появление работ «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики», «Сюжеты сказок в сновидениях», «Мифологическая параллель пластического навязчивого представления» и др.

1917 — возобновление приема пациентов. Публикация работ «Одно детское воспоминание из „Поэзии и правды“», «Метапсихологическое добавление к учению о сне», «Одна из трудностей психоанализа», «О склонности к перемещению, особенно в связи с анальной эротикой», «Лекции по введению в психоанализ» и др.

1918 — доклад «Пути психоаналитической терапии» на 5-м Международном психоаналитическом конгрессе в Будапеште. Выход работ «Статьи по психологии любовной жизни», «Об одном

особом типе выбора объекта мужчиной», «О наиболее распространенном унижении любовной жизни», «Из истории одного инфантильного невроза», «Пути психоаналитической терапии» и др. Укрепление отношений с бизнесменом А. фон Фройндом, вложившим миллион крон в создание международного психоаналитического издательства «Верлаг».

1919 — учреждение издательства «Верлаг» и руководство им. Публикация статей «Жуткое», «Ребенка бьют» и др.

1920 — смерть дочери Софии. 6-й Международный психоаналитический конгресс в Гааге. Выход в свет книги «По ту сторону принципа удовольствия» и очерка «Психогенез одного случая женской гомосексуальности». Открытие в Берлине первого психоаналитического института.

1921 — появление работы «Психология масс и анализ человеческого „Я“». Избрание Фрейда почетным членом Нидерландского общества психиатрии и неврологии.

1922 — 7-й Международный психоаналитический конгресс в Берлине. Публикация работы «Сон и телепатия».

1923 — публикация работы «„Я“ и „Оно“». Обнаружение у Фрейда рака челюсти и нёба. Смерть внука. Первые операции по удалению раковой опухоли.

1924 — начало конфликта с О. Ранком. Появление работ «Угасание Эдипова комплекса», «Невроз и психоз», «Потеря реальности при неврозе и психозе», «Экономическая проблема мазохизма», «Заметки по поводу чудесного» и др. Начало издания академического «Собрания сочинений Зигмунда Фрейда».

1925 — знакомство с принцессой Мари (Марией) Бонапарт. Публикация очерка «Автобиографическое исследование» («О себе»). Разрыв с О. Ранком.

1926 — торжественное празднование семидесятилетия Фрейда.

1927 — личное знакомство с А. Эйнштейном. Публикация работы «Будущее одной иллюзии».

1928 — заметное ухудшение состояния здоровья Фрейда. Труды «Юмор», «Достоевский и отцеубийство».

1930 — удостоен литературной премии Гёте города Франкфурта-на-Майне. Статья «Недовольство культурой». Смерть матери Амалии Фрейд.

1931 — 75-летие Фрейда. Опубликована работа «О женской сексуальности» и «О типах либидо». Начало конфликта с Ш. Ференци.

1932 — письмо «Почему война?» — ответ на открытое письмо А. Эйнштейна.

1933 — приход нацистов к власти в Германии. Сожжение на

площадях немецких городов книг З. Фрейда наряду с произведениями других выдающихся писателей и философов. Издание книги «Новая серия лекций по введению в психоанализ». Смерть Ш. Ференци.

1934 — начало работы над книгой «Моисей и монотеизм». Мари Бонапарт тайно выкупает у вдовы В. Флисса письма Фрейда. Гонения на евреев-психоаналитиков и фрейдистскую версию психоанализа в Германии.

1936 — восьмидесятилетие Зигмунда Фрейда и золотая свадьба с Мартой. Присвоение звания члена-корреспондента Королевского общества Великобритании.

1937 — продолжающееся ухудшение общего состояния здоровья; четыре новые операции.

1938 — аншлюс Австрии; окончательный разгром издательства «Верлаг». 4 июня Фрейд с семьей эмигрировал в Англию. Выход в свет книги «Моисей и монотеизм». Еще одна тяжелая операция по удалению злокачественных новообразований челюстно-ротовой полости.

1939 — признание рака Фрейда более неоперабельным; резкое ухудшение его состояния; начало некроза.

23 сентября — смерть Зигмунда Фрейда в результате эвтаназии, совершенной его личным врачом Максом Шуром.

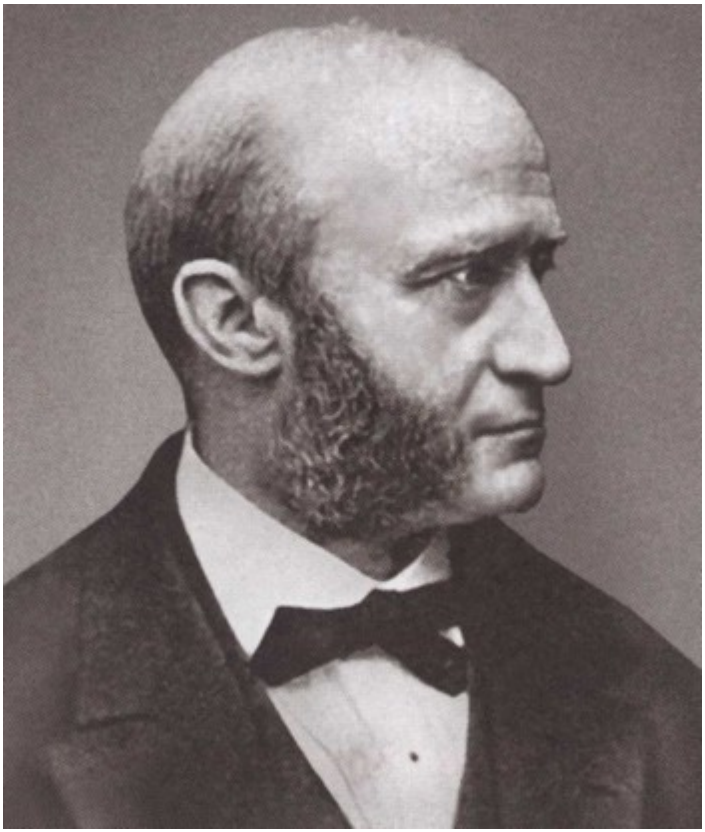
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Шломо Сигизмунд Фрейд с матерью и сестрами Розой и Адольфиной (Дольфи). 1864 г.

Шломо Сигизмунд с отцом Кальманом Якобом Фрейдом. 1864 г.

Семья Фрейд в 1876 году. Зигмунд Фрейд стоит третий слева

С матерью Амалией Фрейд. 1872 г.



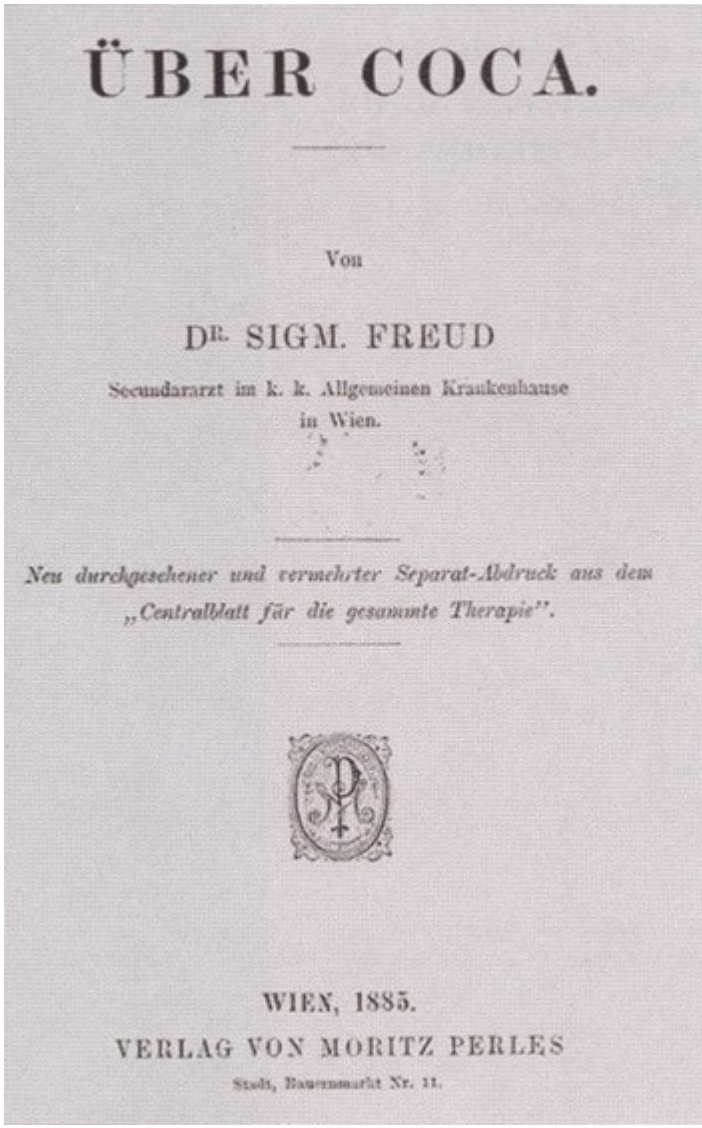
Профессор-физиолог Эрнст Вильгельм фон Брюкке

Врач Йозеф Брейер — друг и наставник Фрейда. 1877 г.

Талантливый врач и друг Фрейда Эрнст фон Флейшль. 1870-е гг.

Берта Паппенгейм — первая пациентка Фрейда (Анна О.). 1880-е гг.

Марта Бёрнейс. Именно это фото невесты 1880 года стояло до свадьбы на рабочем столе Фрейда



ÜBER COCA.

Von

DR. SIGM. FREUD

Secundararzt im k. k. Allgemeinen Krankenhause in Wien.

Neu durchgesehener und vermehrter Separat-Abdruck aus dem „Centralblatt für die gesammte Therapie".

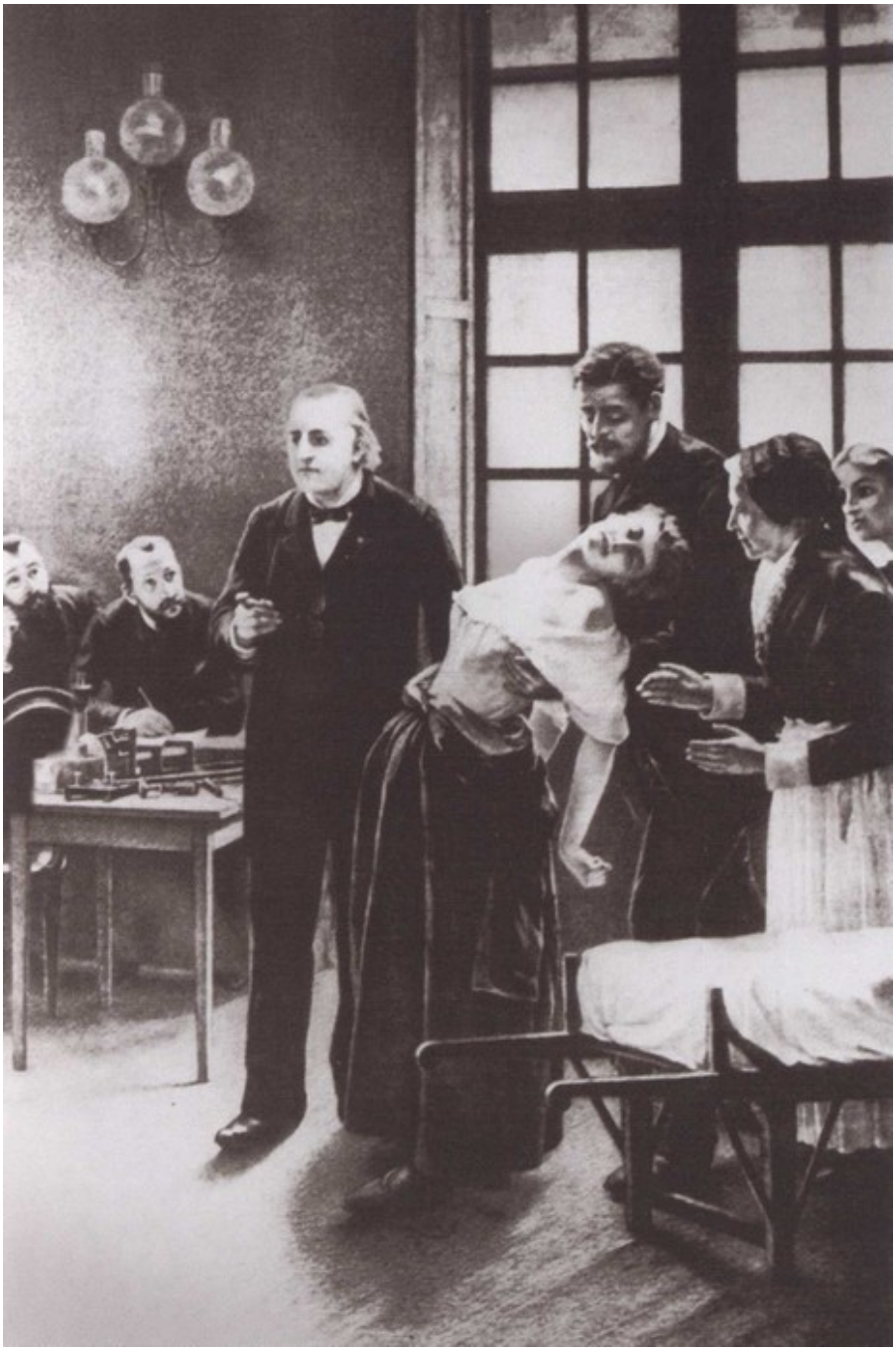
WIEN, 1885.

VERLAG VON MORITZ PERLES

Stadt, Bauernmarkt Nr. 11.

Титульный лист статьи З. Фрейда «О коке». 1885 г.

Зигмунд Фрейд и его «маленькая принцесса» Марта Бёрнейс. 1885 г.



Фрагмент картины П. А. Бруйе «Шарко демонстрирует коллегам больную истерией в момент припадка с дистонической позой левой руки» (1887). Репродукция картины висела в кабинете Фрейда

Молодой практикующий врач Зигмунд Фрейд. 1886 г.

Дом в Вене на Берггассе, 19, где с 20 сентября 1891-го по 5 июня 1938 года располагались квартира и клиника Фрейда

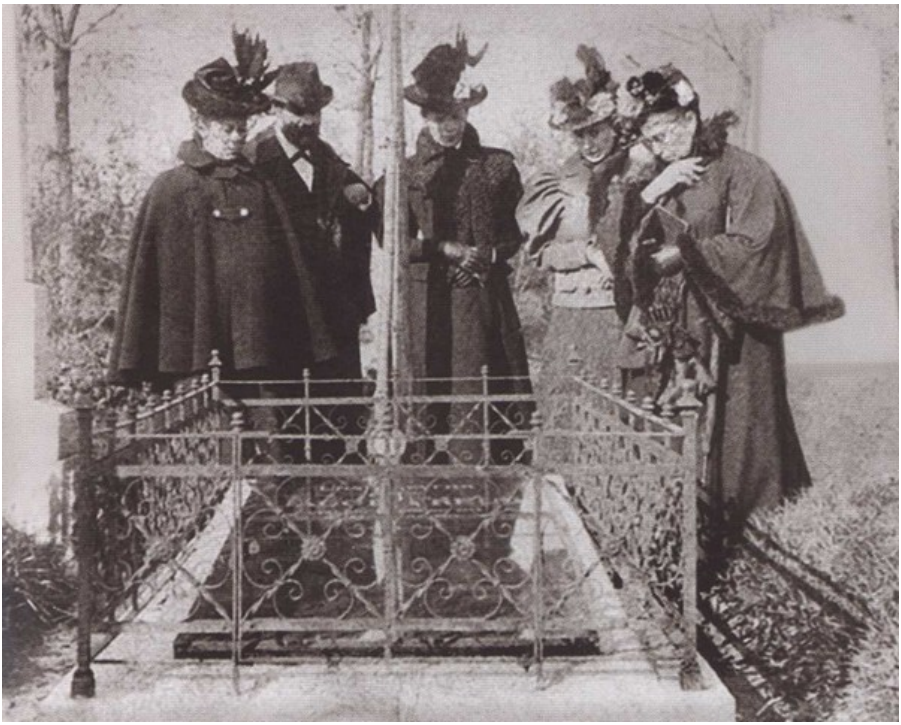
Зигмунд Фрейд и его друг немецкий отоларинголог Вильгельм Флисс

Рабочий кабинет Фрейда в Вене

Зигмунд Фрейд в 1891 году

Пансионат «Бельвю», где в ночь с 23 на 24 июля 1895 года Фрейду приснился «сон об Ирме», давший толчок к рождению метода толкования сновидений

Последняя фотография Кальмана Якоба Фрейда. 1896 г.



Фрейд с сестрами и матерью на могиле отца. 1897 г.

Марта Фрейд с дочерью Софией. Середина 1890-х гг.

Сыновья Фрейдов — Оливер, Мартин и Эрнст во время летнего отдыха. 1902 г.

Зигмунд Фрейд в 1906 году

Медальон с профилем Фрейда на одной стороне и Эдипом, разгадывающим загадку Сфинкса, — на другой, подаренный учениками на пятидесятилетие наставника

Верные единомышленники Фрейда — психоаналитики Шандор Ференци

и Макс Эйтингон

Пастор-психоаналитик Оскар Пфистер

Эрнест Джонс — автор трехтомной биографии Фрейда

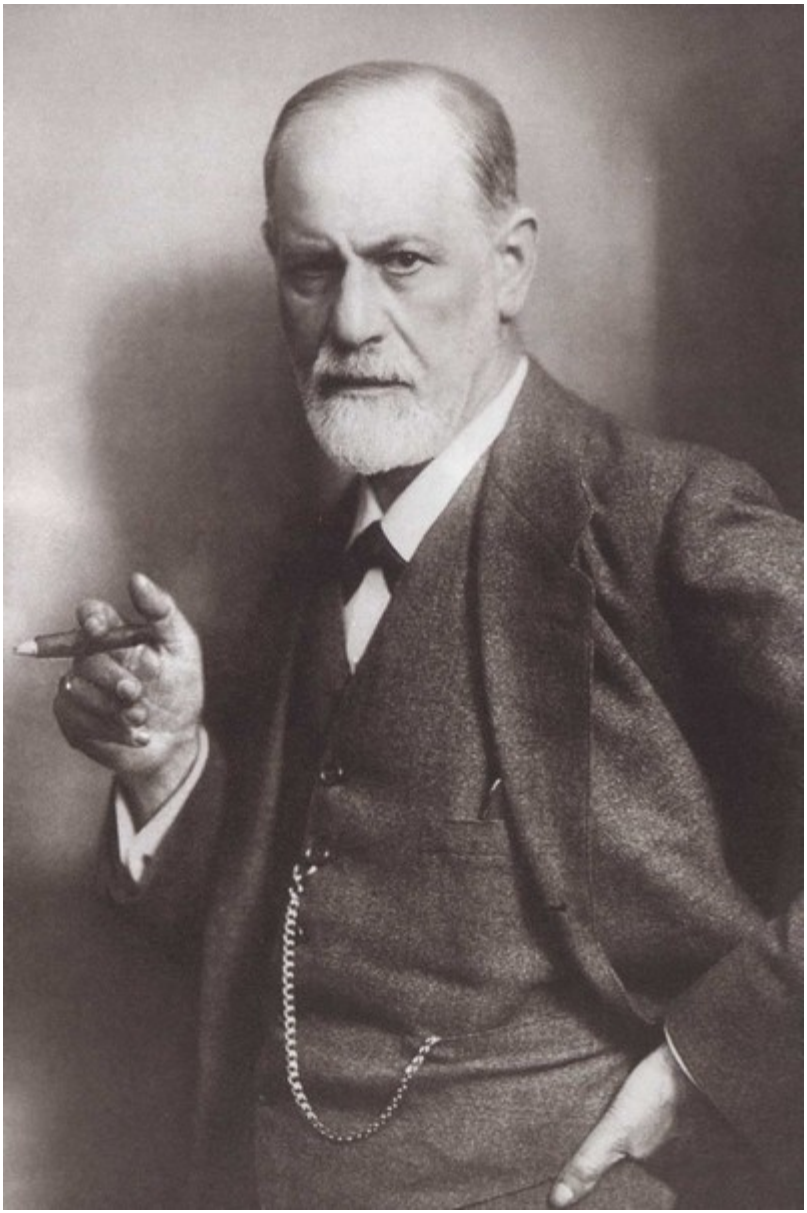
«Мятежные ученики» Фрейда — швейцарский психиатр Карл Густав Юнг

и австрийский психолог Альфред Адлер

З. Фрейд, Г. С. Холл, К. Г. Юнг (сидят) и А. Брилл, Э. Джонс, Ш. Ференци (стоят) в Университете Кларка. Вустер, США. 1909 г.

«Тайный комитет»: сидят — З. Фрейд, Ш. Ференци и Г. Закс;

стоят — О. Ранк, К. Абрахам, М. Эйтингон и Э. Джонс. Вена. 1910-е гг.



Прославленный психоаналитик Зигмунд Фрейд. 1922 г.

Фрейд на веранде дома на Берггассе. 1912 г.

Австрийский писатель Артур Шницлер, произведения которого отмечены влиянием Фрейда

Немецкая писательница Лу Андреас-Саломе, «ментальная любовница» Фрейда. 1910-е гг.

Зигмунд Фрейд с дочерью Анной на отдыхе. 1913 г.

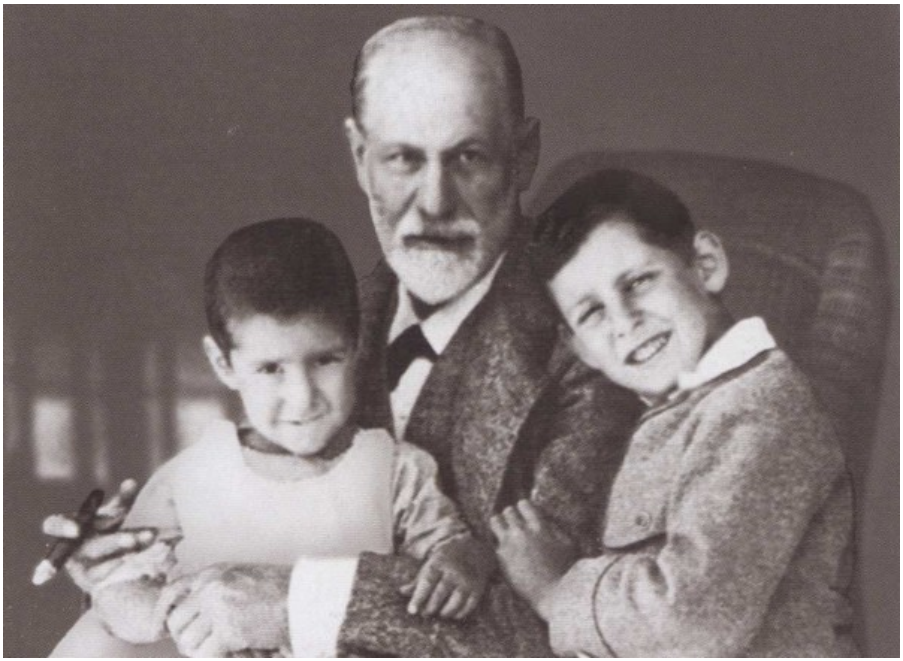
С сыновьями Эрнстом и Мартином. 1916 г.

С другом и учеником Шандором Ференци. 1917 г.

Зигмунд Фрейд с Эрнестом Джонсом вскоре после окончания Первой мировой войны. 1919 г.

Беседа с участниками 6-го Международного психоаналитического конгресса. 1920 г.

С дочерью Софией. 1920 г.



С внуками Хайнцем и Эрнстом — сыновьями умершей Софии. 1920-е гг.

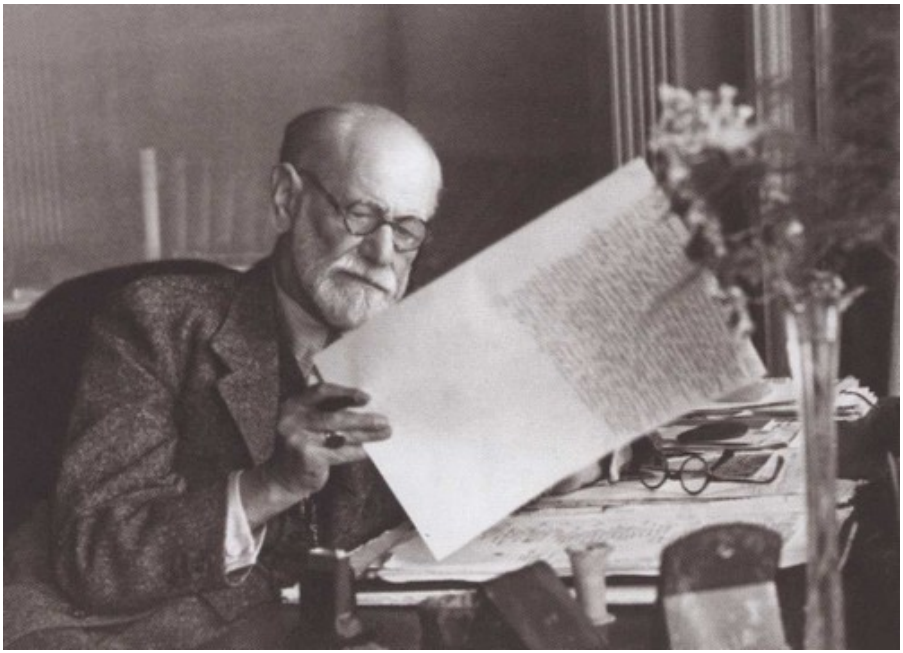
Торжественная церемония при водружении мемориальной доски на доме, где родился Зигмунд Фрейд. Фрейберг (Пршибор). 1931 г.

Фрейд позирует скульптору Оскару Немону. 1931 г.

Правнучка Наполеона принцесса Мари Бонапарт, последовательница Фрейда и популяризатор его учения. 1930-е гг.

Доктор Фрейд с чау-чау Джофи, помогавшей безошибочно определять настроение пациентов. 1930-е гг.

Часть знаменитой коллекции антиквариата Фрейда



В рабочем кабинете. 1936 г.

Анна Фрейд, разработавшая основные идеи эго-психологии и детского психоанализа. 1936 г.

Зигмунд и Анна Фрейд в окне вагона, увозящего их из Вены. 1938 г.

Зигмунд и Марта Фрейд в доме принцессы Мари Бонапарт. Париж. 1938 г.

Прибытие в Лондон. 1938 г.

Фрейд у лондонского отеля «Эспланада» в первые дни после переезда. 1938 г.

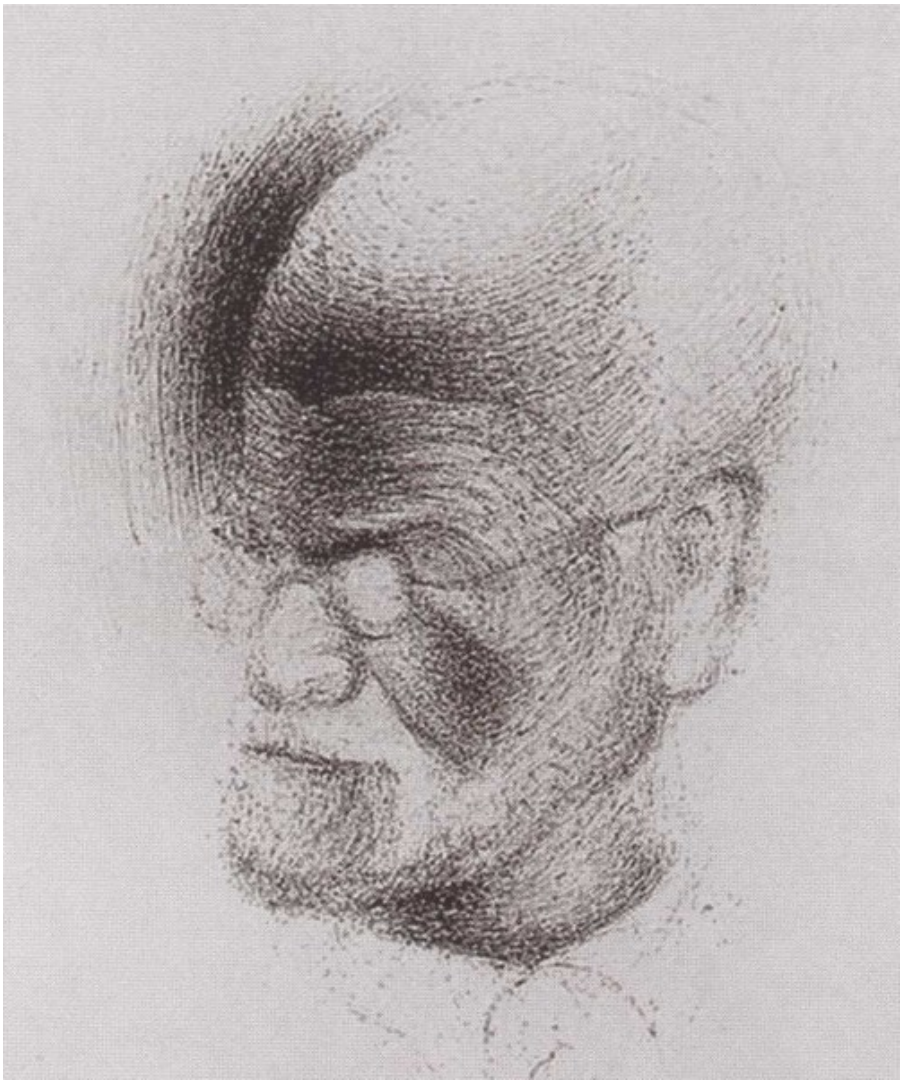
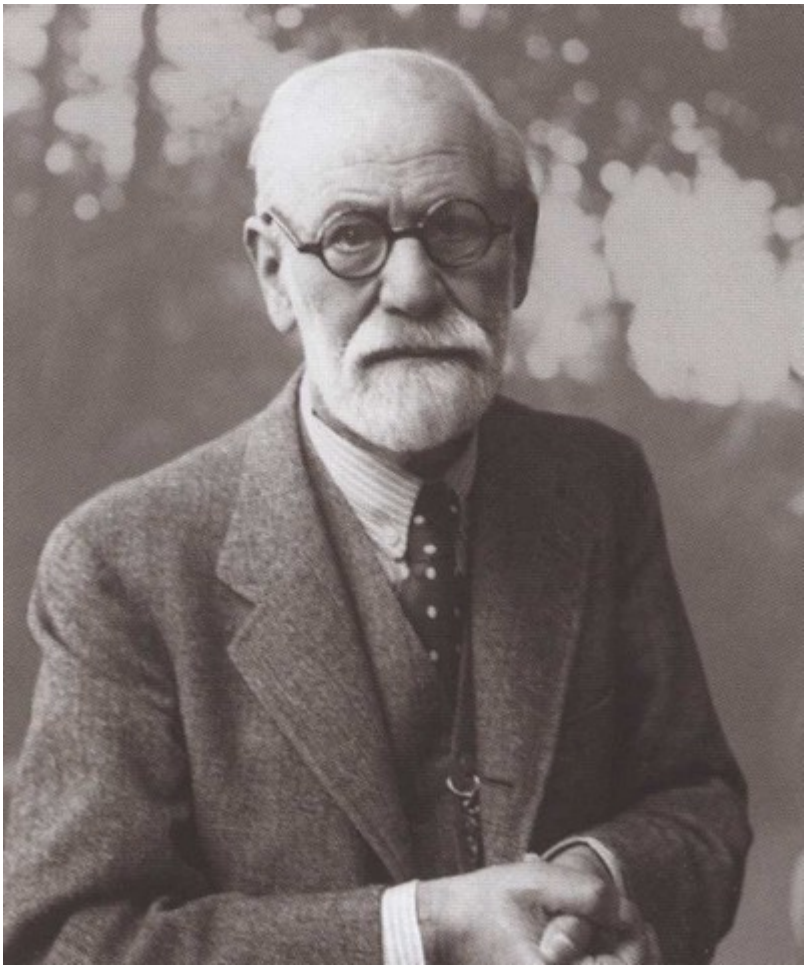
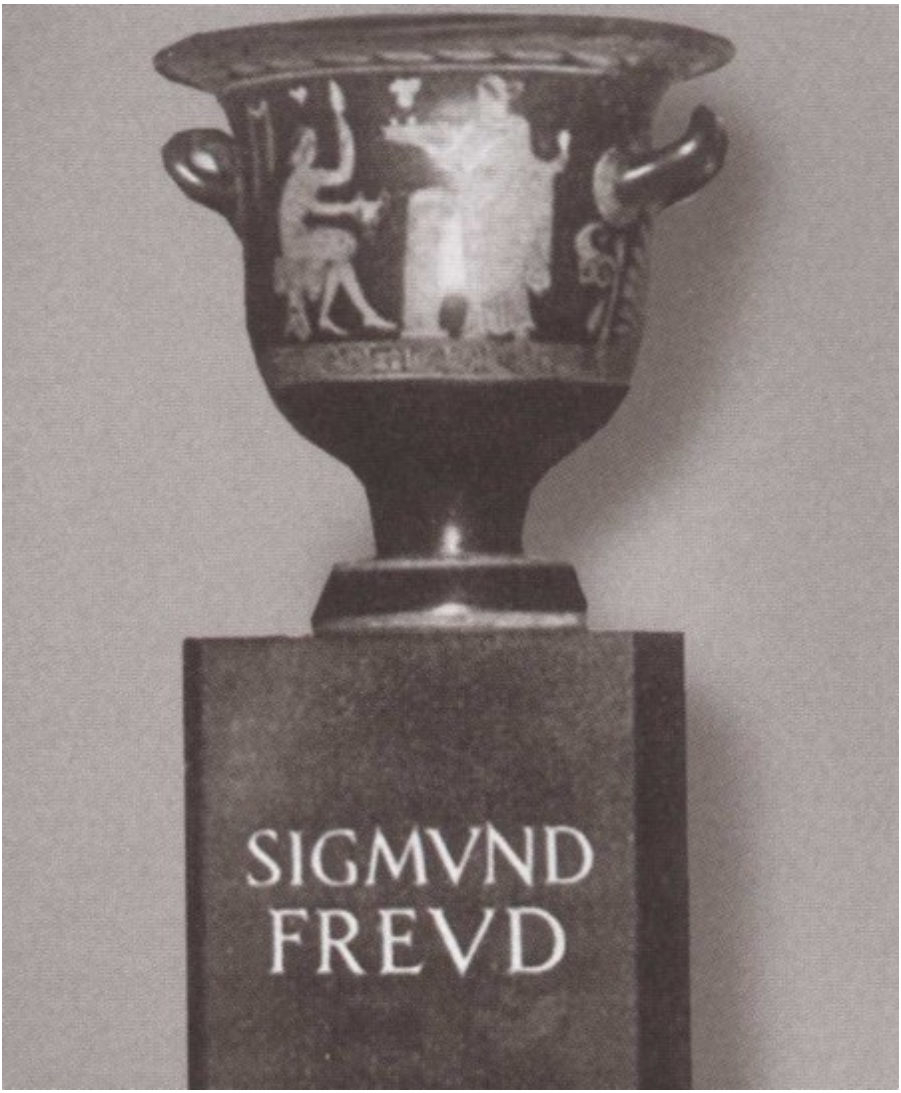


Рисунок Сальвадора Дали, сделанный после встречи с Фрейдом в июле 1938 года

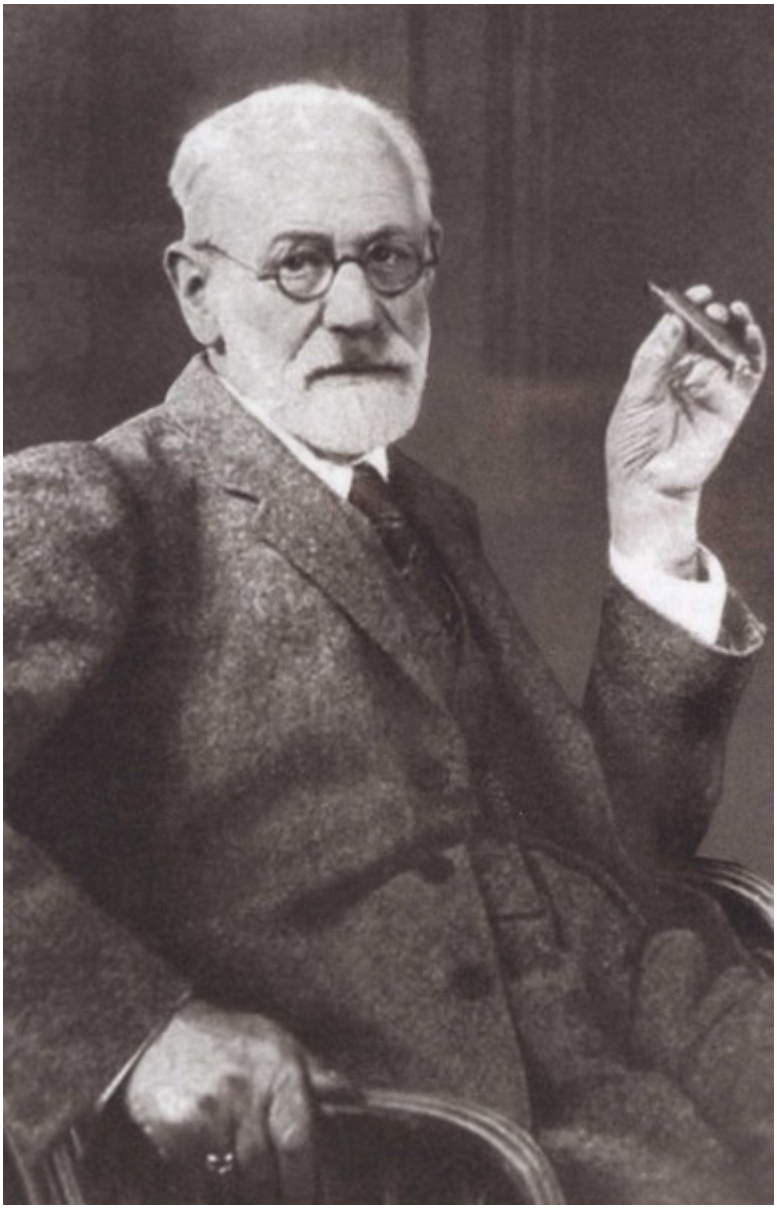


Одна из последних фотографий Зигмунда Фрейда. 1939 г.



Прах Фрейда в античной греческой вазе, подаренной Мари Бонапарт. Лондон

Знаменитая кушетка Фрейда, отлитая в бронзе. Пршибор, Чехия



Отец психоанализа Зигмунд Фрейд

ЛИТЕРАТУРА

Основные издания трудов Зигмунда Фрейда на русском языке

Избранное. М.: Внешторгиздат, 1990.

Моисей и монотеизм. — http://bookz.ru/authors/zigmund-freid/rnoisei-i_610/1-moisei-i_610.html.

Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М.: Наука, 1993.

Очерки по психологии сексуальности. Харьков, 1999.

Письма к невесте. М.: Московский рабочий, 1994. Психоаналитические этюды. Минск: Беларусь, 1991.

Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: Просвещение, 1989.

Толкование сновидений. Минск: Попурри, 1998.

Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.

«Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси: Мерани, 1991.

Избранная литература о Зигмунде Фрейде

Акимов О. Е. Правда о Фрейде и психоанализе. М.: Издатель Акимова, 2005.

Белкин А. И. Зигмунд Фрейд: возрождение в СССР? // *Фрейд З.* Избранное. М.: Внешторгиздат, 1990.

Бердяев Н. Смысл творчества. — http://philosophy.ru/library/berd/creation.html.

Виленский О. Г. Зигмунд Фрейд и психоанализ: Взгляд психиатра. М.: Вузовская книга, 2009.

Виттельс Ф. Фрейд: Его личность, учение и школа. Л.: Эго, 1991.

Дадун Р. Фрейд. М.: Издательство АО «Х. Г. С», 1994.

Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Гуманитарий, 1997.

Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2000.

Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа: В 3 т. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2002.

Жаботинский З. Что есть национальное воспитание? // Полет над гнездом кукушки: Сборник. Тхелет, 5771; Еврейское агентство для Израиля, 2011.

Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.:

Республика, 1994.

Лайтман М. Каббала: Введение в книгу «Зоар». [Без указания выходных данных.]

Лайтман М. Каббала: Тайное еврейское учение. Израиль, 1984.

Лейбин В. История психоанализа в России // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994.

Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Фрейд: Жизнь и труды год за годом: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006.

Малая медицинская энциклопедия. Т. 4, 6. М.: Советская энциклопедия. М., 1966.

Манн Т. Фрейд и будущее. — http://thelib.ru/books/mann_tomas/freyd_i_buduschee-read.html

Общая сексопатология. М., Медицина, 1977.

Осборн Р. Фрейд для начинающих. Минск: Попурри, 2004.

Павловские среды: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 1.

Попова М. И. Фрейдизм и религия. М.: Наука, 1985.

Ранк О. Миф о рождении героя. Киев: Рефлбук; Ваклер, 1997.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986.

Стоун И. Страсти ума, или Жизнь Фрейда // *Стоун И.* Собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография / Пер. с англ, на иврит Дафны Леви. Тель-Авив: Сифрей Алият Хагаг; Едиот ахронот; Сифрей Хемед, 2010. (Ивр.)

Феррис П. Зигмунд Фрейд. Минск: Попурри, 2001.

Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1986.

Флем Л. Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2003.

Цвейг С. Врачевание и психика: Месмер: Беккер-Эдди: Фрейд. М.: Политиздат, 1992.

Шерток Л. Непознанное в психике человека. М.: Прогресс, 1982.

Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Штереншис М. Зигмунд Фрейд. Тель-Авив: Исрадон, 2009.

Шур М. Зигмунд Фрейд: Жизнь и смерть. М.: Центрполиграф, 2005.

Ярошевский М. Г. Зигмунд Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни человека // *Фрейд З.*

Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: Просвещение, 1989.

Bakan D. Sigmund Freud and the jewish mystical tradition. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand Co., 1958.

Bernays Freud A. My Brother Sigmund Freud // American Mercury. 1940.

Eysenck H. J. Decline and fall of the Freudian empire. L.: Viking, 1985.

Swales P. Freud, Katharina and the First «Wilde Analysis» // Freud: Appraisals and Reappraisals. Analytic Press.Vol. 3. N. Y., 1988.

Swales P. Freud, Minna Bernays, and the conquest of Rome: new light on the origins of origins of psychoanalysis. New American Revue. Vol. 1. No. 2/3. Springfield Summer, 1982.

The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess: 1887–1904. Cambridge: Harvard University Press, 1985.

notes

Примечания

1

См.: *Лейбин В.* История психоанализа в России // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.

2

Ныне Психоаналитическая ассоциация Российской Федерации (ПАРФ).

3

Ныне Восточно-Европейский институт психоанализа (ВЕИП).

В то же время и называть их «душевнобольными», как это делают некоторые критики Фрейда, тоже не стоит. Вообще, понятие «душевная болезнь» в наши дни весьма неоднозначно.

В принципе, именно на этой идее во многом построен психоанализ, и прежде всего его понятия о переносе и контрпереносе. Сам терапевтический процесс по Фрейду возможен только в том случае, когда аналитик знает и работает над своими проблемами настолько, чтобы быть способным анализировать их взаимодействие с проблемами пациента. Иначе нет ни психоанализа, ни психотерапии.

6

См.: *Eysenck H. J.* Decline and fall of the Freudian empire. L., 1985.

7

См.: *Стоун И.* Страсти ума, или Жизнь Фрейда // *Стоун И.* Собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 2003.

См.: *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.

См.: *Осборн Р.* Фрейд для начинающих. Минск, 2004.

10

См.: *Дадун Р.* Фрейд. М., 1994.

11

См.: *Шур М.* Зигмунд Фрейд: Жизнь и смерть. М., 2005.

12

См.: *Виленский О. Г.* Зигмунд Фрейд и психоанализ: Взгляд психиатра. М., 2009.

13

См.: *Акимов О. Е.* Правда о Фрейде и психоанализе. М., 2005.

14

См.: *Виттельс Ф.* Фрейд: Его личность, учение и школа. Л., 1991.

15

См.: *Феррис П.* Зигмунд Фрейд. Минск, 2001.

16

В современном психоанализе утвердилось мнение, по которому крайне нежелательно, чтобы пациент был знаком с подробностями биографии и личной жизни своего психоаналитика; так, именно сокрытие фактов частной жизни делает психоаналитика «чистым листом» для пациента, на который он проецирует свое бессознательное. Сторонники такой точки зрения считают, что Фрейд, не вводя ее в ранг закона, пришел к данному выводу интуитивно. Однако такой взгляд никак не объясняет, что именно побудило Фрейда незадолго до свадьбы уничтожить личный архив.

17

Идиш — язык евреев Европы, сформировавшийся в Германии приблизительно в X веке на основе средненемецких диалектов (70–75 процентов) с обширными заимствованиями из иврита и арамейского (около 15–20 процентов), а также из романских и славянских языков (в диалектах достигает 15 процентов). В начале XX века на идиш говорило около 12 миллионов евреев в различных странах мира.

18

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография / Пер. с англ, на иврит Д. Леви. Тель-Авив, 2010. С. 508. — Далее книга Пола Ферриса цитируется по этому изданию в авторском переводе с иврита на русский.

19

Хедер — еврейская начальная школа для обучения мальчиков основам иудаизма.

20

Ешива — высшее еврейское религиозное учебное заведение. Обычно юноши учились в ешиве до женитьбы, но иногда такая учеба растягивалась на всю жизнь. При этом далеко не каждый ученик ешивы мог пройти необходимые экзамены на знание Библии, Талмуда и Галахи (еврейского религиозного законодательства) и удостоиться звания раввина.

21

Танах — аббревиатура слов «Тора», «Невиим» и «Ктувим», то есть Пятикнижие, Пророки и Писания, составляющие еврейскую Библию. В христианской традиции — Ветхий Завет.

22

Талмуд — изложение основ Устной Торы. Состоит из ранней части (Мишны) и более поздней (Гемары). Содержит как обсуждение еврейского законодательства (Галаху), так и предания, нравоучения и рассказы о еврейских мудрецах.

23

Каббала — мистическое еврейское учение, основанное на эзотерической трактовке библейских текстов.

24

Раввин — духовный лидер еврейской общины; часто глава местной ешивы и председатель еврейского суда. Должен быть глубоким знатоком Писания и Галахи.

25

Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа: В 3 т. М.; Иерусалим, 2002. Т. 2. С. 297–298.

26

Реформизм — движение за обновление иудаизма. Возник в Германии во втором десятилетии XIX века, оттуда распространился в другие страны Европы. Постепенно реформизм всё дальше и дальше отходил от классического иудаизма, и в настоящее время между этими течениями существуют непримиримые противоречия.

27

Шур М. Указ. соч. Здесь и далее цит. по — http://fictionbook.ru/author/maksshur/zigmundfreyidjizn_i_smert/read_online.html?page=1

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Харьков, 1999. С. 47. — Далее: *Фрейд З.* Очерки…

Фрейд З. Избранное. М., 1990. С. 149–150.

30

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 42.

31

Фрейд З. Избранное. С. 215.

Такие игры, как известно, очень распространены среди детей четырех-пяти лет, особенно в детских садах.

33

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 41.

Акимов О. Е. Указ. соч. С. 25.

35

Фрейд ошибся — на самом деле ему в это время было больше трех лет.

Дадун Р. Указ. соч. Здесь и далее цит. по — http://do.gendocs.ru/docs/index-96790.html.

37

См.: *Bernays Freud A.* My Brother Sigmund Freud // American Mercury. 1940.

38

Галицийские евреи были известны польским патриотизмом и поддерживали польское национально-освободительное движение. Возможно, это обстоятельство еще больше усиливало неприязнь юного Фрейда, бывшего страстным немецким патриотом, к дяде Иосифу.

39

Фрейд З. Толкование сновидений. Минск, 1998. С. 148.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 212.

41

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 337.

Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 265.

Фрейд З. Очерки… С. 172.

Жаботинский З. Что есть национальное воспитание? // Полет над гнездом кукушки: Сборник. Тхелет, 5771; Еврейское агентство для Израиля, 2011. С. 41.

45

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 204–205.

46

Талит — молитвенное покрывало с ритуальными кистями «цицит», один из главных атрибутов еврейского молитвенного ритуала.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 200–201.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 204.

49

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 50.

Кнейдлах, фиш-картошка, гефильте-фиш (фаршированная рыба) — традиционные блюда еврейской кухни.

Флем Л. Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М., 2003. Здесь и далее цит. по — http://fb2.booksgid.com/content/6B/lidiya-flem-povsednevnaya-zhizn-freyda-i-ego-pacientov/15.html

52

Хасидизм — мощное религиозно-мистическое течение в иудаизме, основанное рабби Исраэлем бен Элиэзером (1700–1760), он же Баал Шем-Тов («Обладатель доброго имени»). Внутри хасидизма образовалось множество течений, для большинства которых характерен культ ребе, или цадика («праведника») — духовного лидера и учителя последователей того или иного течения. Звание ребе обычно передается по наследству, и вокруг него образуется «двор» из наиболее преданных учеников и почитателей.

53

Фрейд З. Письма к невесте. М., Московский рабочий, 1994. С. 132. — Далее вся переписка З. Фрейда и М. Бёрнейс цитируется по этому изданию.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 194.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 39.

Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С. 24.

Следует отметить, что Фрейд был отнюдь не единственным евреем в этом обществе. В списке его членов значились также Виктор Адлер и Теодор Герцль. Адлер в итоге стал одним из лидеров европейской социал-демократии, страстным поборником «пролетарского интернационализма» как решения «еврейского вопроса». Герцль вошел в историю как основатель политического сионизма, поставившего целью «возрождение еврейского государства на еврейской земле».

Это столь внимательное отношение к своему кишечнику вновь наводит на мысль, что идеи об анальной эротике опять-таки строятся на личном жизненном опыте самого Фрейда.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 40–41.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 65.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 41.

Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 21. — Далее: *Фрейд З.* «Я» и «Оно»…

63

Еврейская традиция запрещает употреблять в пищу червей и насекомых. Чтобы не нарушить этот запрет, у евреев принято есть фрукты, отрезая ножом кусочек за кусочком, осматривая его и уже затем отправляя в рот. Судя по всему, Марта ела яблоко, пользуясь этим обычаем.

Джонс Э. Указ. соч. Здесь и далее цит. по — http://libes.ru/326189.read

Фрейд З. Очерки… С. 7.

Фрейд З. Очерки… С. 8.

Цвейг С. Врачевание и психика: Месмер: Беккер-Эдди: Фрейд. М., 1992. С. 250–251.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 53.

Цвейг С. Указ. соч. С. 253.

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 13–15.

Осборн Р. Указ. соч. С. 143.

Павловские среды: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 112.

Ярошевский М. Г. Зигмунд Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни человека // *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сборник произведений. М., 1989. С. 14.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 90.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 42.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 94.

Штереншис М. Зигмунд Фрейд. Тель-Авив, 2009. С. 21.

Цвейг С. Указ. соч. С. 248.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 21.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 49.

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 9.

82

Женщина, которая любит… (*фр.)*.

83

Малая медицинская энциклопедия. Т. 6. С. 408.

Цвейг С. Указ. соч. С. 249–250.

Психоаналитик Елена Шпигнер считает, что в данном случае речь идет не о вытеснении, а о рационализации. Фрейд объяснил себе свою «научную трусость» необходимостью кормить семью, но истинная причина заключалась в коренящейся в самой основе его натуры неуверенности в себе, в своих собственных открытиях, в действительной значимости его личности. Как ни странно, оборотной стороной этой неуверенности и стали его догматизм и нетерпимость к критике.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 22.

Общая сексопатология. М., 1977. С. 207.

Там же. С. 175.

89

Далее письма Флисса приводятся по изданию: The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess: 1887–1904. Cambridge, 1985.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 49.

Фрейд З. Очерки… С. 21.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1991. С. 50–51.

Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., 1982. С. 198–199.

Фрейд З. Очерки… С. 23–24.

Swales P. Freud, Katharine and the First «Wilde Analysis» // Freud: Appraisals and Reappraisals. Analytic Press. Vol. 3. N.Y., 1988.

Во многих своих сочинениях Фрейд резко восстает против такой оценки орального секса.

Штереншис М. Указ. соч. С. 34.

Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 16.

Шерток Л. Указ. соч. С. 36.

100

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 116.

101

Там же. С. 130.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 182–183.

103

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 200.

Фрейд З. Очерки… С. 44.

Повторим, что в современной западной психологии широко распространено мнение, что теория совращения — одно из самых гениальных прозрений Фрейда, подтвержденное затем в ходе различных психологических и социологических исследований. Согласно этой концепции, травма, полученная девочкой при совращении, порой даже может вызвать соматическое заболевание или усилить предрасположенность к нему. Однако мы оставим эту точку зрения на суд читателя.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 149.

107

«Бней-Брит» часто называют масонской ложей, но это неверно. Эта организация и в самом деле изначально была создана как «масонская ложа для евреев», но к концу XIX века, когда в нее вступил Фрейд, утратила свой масонский характер и связь с движением «свободных каменщиков».

108

Лайтман М. Каббала: Введение в книгу «Зоар». [Без указания выходных данных.] С. 62.

Bakan D. Sigmund Freud and the jewish mystical tradition. Princeton, N. J.,1958.

110

«Зоар» («Книга сияния») — базовый труд по каббале, представляющий собой мистический комментарий текста Пятикнижия. Авторство «Зоар» приписывается рабби Шимону бар Йохаю (Рашби), жившему во II веке н. э.

111

Пятикнижие с толкованием раби Шломо Ицхаки (Раши): Книга «В начале» (Берешит) / Пер. Ф. Гурфинкель. Иерусалим: Швут ами, 2006. С. 24–25.

Там же. С. 45.

113

Фрейд З. Избранное. С. 126.

Фрейд З. Избранное. С. 129.

Фрейд З. Избранное. С. 221–222.

Фрейд З. Избранное. С. 135.

117

Там же. С. 143.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 152.

119

Там же. С. 169.

120

Там же. С. 172.

121

Там же. С. 191.

Там же. С. 191–192.

123

Там же. С. 194.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 217.

125

Там же. С. 223.

Там же. С. 261–262.

127

Там же. С. 263.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 268–269.

129

Там же. С. 284.

130

Там же. С. 286.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 66–68.

Цвейг С. Указ. соч. С. 283.

Белкин А. И. Зигмунд Фрейд: возрождение в СССР? // *Фрейд З.* Избранное. С. 11.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 8.

Фрейд З. Избранное. С. 144.

Фрейд З. Избранное. С. 148.

137

Там же.

Swales P. Freud, Minna Bernays, and the conquest of Rome: new light on the origins of origins of psychoanalysis. New American Revue. Vol. 1. No. 2/3. Springfield Summer, 1982.

139

Фрейд З. Избранное. С. 135.

140

Там же. С. 143.

141

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 202.

Фрейд З. Толкование сновидений. С. 203–204.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 31.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 262.

145

Имеется в виду книга «Зоар».

Джонсон П. Популярная история евреев… М., 2000. С. 473–474.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 111–112.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 344.

149

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 346.

Фрейд З. Очерки… С. 134.

Фрейд З. Очерки… С. 149.

Там же. С. 159.

Фрейд З. Очерки… С. 203.

Это отнюдь не отменяет претензий к Фрейду по поводу того, что он в своих работах не уделял достаточно внимания природе женской сексуальности, да и сам Фрейд признавал, что крайне мало продвинулся в понимании этого вопроса, несмотря на то что большинство его пациентов составляли именно женщины.

Фрейд З. Очерки… С. 209.

Там же. С. 211.

157

Нарцизм — устаревшая форма написания термина «нарциссизм».

Фрейд З. Очерки… С. 243.

159

Там же. С. 250–251.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Фрейд: Жизнь и труды год за годом: Учебное пособие. М., 2006. Цит. по — http://www.rnosgu.ru/nauchnaya/publications/ textbooks/Freud/

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 58.

Фрейд З. Избранное. С. 250.

Фрейд З. Избранное. С. 251.

Фрейд З. Избранное. С. 266.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 81–85.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 109–111.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 38–39.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 43.

169

Там же. С. 44.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 51.

171

Там же.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 55–54.

173

Там же. С. 58.

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 62.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 119.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 129.

177

Там же. С. 133.

178

На самом деле этот сон можно истолковать в том смысле, что Бинсвангер считал, что теория Фрейда при всей ее гениальности нуждается в корректировке — «ремонте». Люстра — это либо сам Фрейд («светильник разума»), либо либидо — основополагающая сила его теории, которую тоже нужно заменить на что-то другое. Сны Юнга подтверждают эту гипотезу — видимо, друзья делились друг с другом своими мыслями о Фрейде и психоанализе.

Фрейд З. Психология бессознательного… С. 442.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 173.

181

Там же. С. 174.

Седьмой Любавичский ребе, Менахем Мендл Шнеерсон, отвечая позже на вопрос об отношении хасидизма к психоанализу, заметил, что «на практике психоанализ действительно многим помог, но поскольку Фрейд и его единомышленники рассматривают любую религию как своего рода заболевание, следует очень осторожно относиться к выбору психоаналитика».

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 68.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 113.

Фрейд З. Очерки… С. 166.

Там же.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 152.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 154–155.

Фрейд З. Очерки… С. 236.

Ранк О. Миф о рождении героя. Киев, 1997. С. 222.

Там же. С. 222–223.

Фрейд З. Очерки… С. 24–26.

193

Там же. С. 26.

Там же. С. 29.

195

Там же. С. 36.

Фрейд З. Очерки… С. 37.

Там же. С. 39.

Там же. С. 41.

Там же. С. 43.

Там же. С. 55.

Фрейд З. Избранное. С. 48.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 116.

Фрейд З. Очерки… С. 86.

Фрейд З. Очерки… С. 87–88.

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 74.

Бердяев Н. А. Смысл творчества. — http://philosophy.ru/library/berd/creation.html.

Философский словарь. М., 1986. С. 9.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 54.

Философский словарь. М., 1986. С. 55.

210

Гой — изначально народ, род, племя. Гоями на идише и современном иврите называют всех иноплеменников, неевреев. Сами евреи в молитве называют себя «гой Исраэль» — «народ Израиля». Отсюда, весьма вероятно, берет начало знаменитый вопрос русских народных сказок: «Ой, ты гой еси, добрый молодец, — из какого ты рода-племени?»

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 66–67.

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 143.

213

Виттельс Ф. Указ. соч. С. 143.

Там же. С. 147.

Попова М. И. Фрейдизм и религия. М., 1985. С. 159–161.

216

Напомним, что имаго (лат. *imago* — образ) означает взрослую (дефинитивную) стадию индивидуального развития насекомых и некоторых других членистоногих со сложным жизненным циклом. На этой стадии животные становятся способными к размножению.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 210–212.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 229.

219

Там же. С. 321–322.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 331–333.

221

Там же. С. 343.

Там же. С. 347.

Попова М. И. Указ. соч. С. 135.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 214.

225

Там же. С. 217.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 229.

227

Там же. С. 230.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 184.

229

Там же. С. 186.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 190.

Там же. С. 196.

Там же. С. 203.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 418.

234

Панкеев с женой Терезой до 1938 года жил в Вене, чтобы быть как можно ближе к «отцу» Фрейду, и работал в страховом агентстве. В первые дни после аншлюса Тереза Панкеева покончила с собой — будучи немкой, она не могла пережить торжества нацистов.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 253.

Там же. С. 255.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 255.

Там же. С. 256.

239

Некоторые переводят использованное Фрейдом слово «triebe» как «инстинкты» или «побуждения», и думается, это более верный перевод.

Гессе внимательно следил за развитием психоанализа вплоть до 1922 года, и фрейдизм, вне сомнения, оказал влияние на всё его творчество, чего он никогда не скрывал. Впоследствии Гессе сблизился и состоял в интенсивной переписке с дочерью Фрейда Анной, под прямым влиянием которой, по мнению критиков, был создан один из лучших романов писателя — «Степной волк».

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 260.

Там же. С. 263.

243

Там же. С. 264.

Там же.

В то же время Фрейд поддерживал тесные контакты с племянником — Эдуардом Бёрнейсом, считающимся одним из основоположников теории формирования «пиара», «паблик рилейшнз», многие положения которой он заимствовал у дяди. Эдвард Бёрнейс помогал Фрейду налаживать связи с американской прессой и издателями, и Фрейд говорил, что племянник — «единственный из родственников, кто сделал для него хоть что-то хорошее».

Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 22.

Сам Фрейд категорически отрицал, что смерть дочери повлияла на этот очерк, настаивая, что одно не имеет к другому никакого отношения и работа «По ту сторону принципа удовольствия» носит чисто научный характер.

248

Впервые термин «Танатос» в значении «влечение к смерти» был использован не Фрейдом, а его учеником Федерном.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 139.

Лайтман М. Каббала: Введение в книгу «Зоар». [Без указания выходных данных.] С. 26.

251

Лайтман М. Каббала: Тайное еврейское учение. Израиль, 1984. С. 62.

В более точном переводе фраза звучит как «Всевластна, как Смерть, Любовь», что еще больше сближает ее с основной идеей очерка.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 142.

Там же. С. 144.

Там же. С. 145.

Там же. С. 166.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 168.

Там же. С. 182.

Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб., 2008. С. 93.

Лейбин В. История психоанализа в России. С. 8.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 93–94.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 104.

263

Там же. С. 111.

Там же. С. 135–136.

Белкин А. И. Указ. соч. С. 24–25.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 361.

267

Там же. С. 363.

Фрейд З. «Я» и «Оно»… Кн. 1. С. 371.

269

Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. С. 170.

Виттелъс Ф. Указ. соч. С. 36.

В 1938 году вдова Брейера обратилась к Фрейду с просьбой помочь ей с семьей эмигрировать в США, и Фрейд с помощью Брилла осуществил ее желание. Думается, это — лучший ответ на утверждения фрейдофобов, что Фрейд был черствым и неблагодарным человеком.

См.: Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.

Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 503.

Там же. С. 509–510.

Там же. С. 511.

Там же. С. 515.

Там же. С. 525.

Попова М. И. Указ. соч. С. 127.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 296–297.

Там же. С. 298.

281

Гвидо Хольцкнехт — один из пионеров радиологии, скончался в 1931 году от рака. За несколько лет до этого он был пациентом Фрейда. Когда его посетили З. Фрейд и М. Шур, он был уже смертельно болен. По словам Э. Джонса, Фрейд выразил восхищение тем, как Хольцкнехт принимает свою судьбу. «Вы знаете, что за это я могу благодарить только вас», — ответил Хольцкнехт.

Цвейг С. Указ соч. С. 233–234.

Цвейг С. Указ. соч. С. 238–239.

Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 354.

Цвейг С. Указ. соч. С. 241.

Манн Т. Фрейд и будущее. Цит. по — http://thelib.nj/books/mann_tomas/freydibuduschee-read.html

Фрейд З. Моисей и монотеизм. Здесь и далее цит. по — http://bookz.m/authors/zigmund-freid/rnoisei-i_610/l-moisei-i_610.html

Виленский О. Г. Указ. соч. С. 96.

289

Там же. С. 111.

Феррис П. Доктор Фрейд: Биография. С. 530–531.